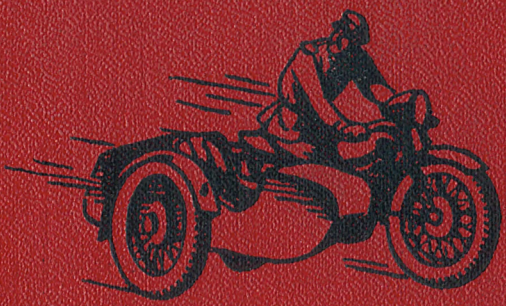
В. Ардаматский

ОТВЕТНАЯ ОПЕРАЦИЯ

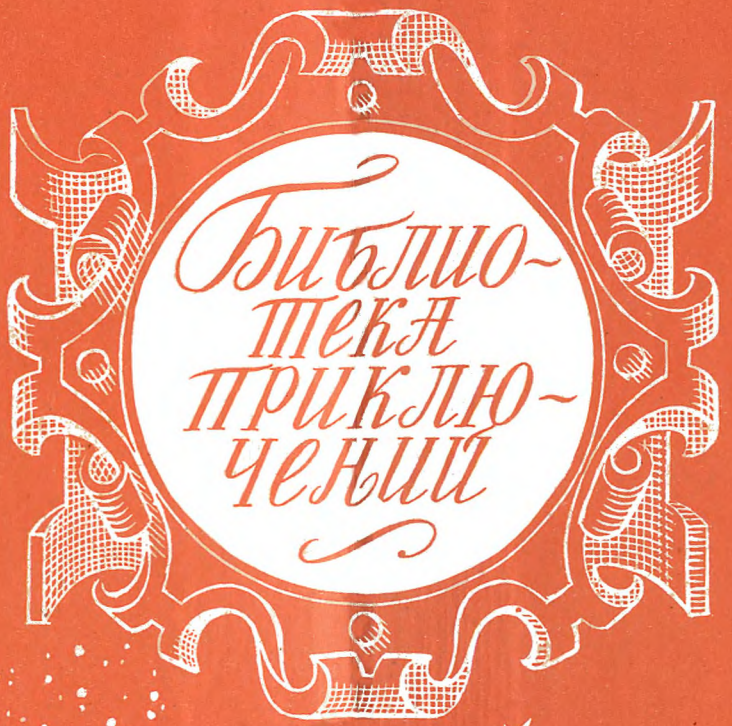
Библиотека приключений

Н. Томан

В ПОГОНЕ ЗА ПРИЗРАКОМ



Л


Библио-
тека
приклю-
чений

Библиотека приключений

11

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Детская литература»
МОСКВА
1968

В. Ардаматский

ОТВЕТНАЯ ОПЕРАЦИЯ

ПОВЕСТИ

Н. Томан

В ПОГОНЕ ЗА *ПРИЗРАКОМ*

ПОВЕСТИ

Р2
А 79

Рисунки
А. ЛУРЬЕ

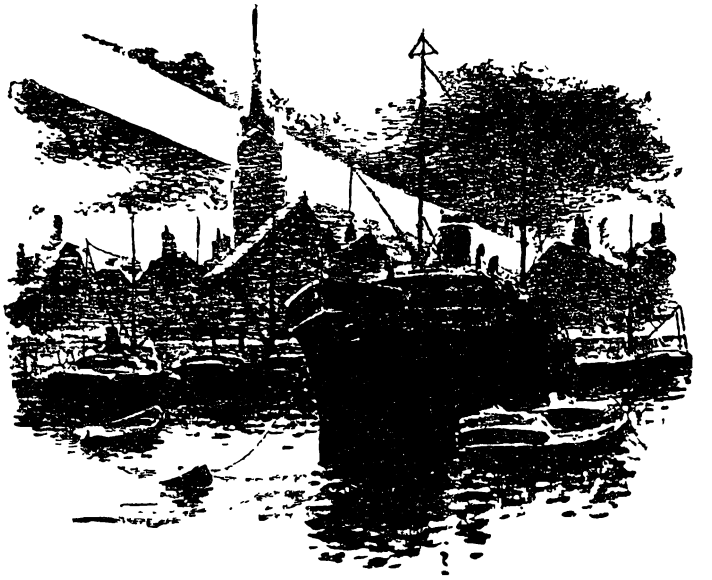
Оформление
Ю КИСЕЛЕВА

7—6—3

В. Ардаматский

«Я 11-17»

Ответная операция



«Я 11-17»

I

Шла к концу последняя военная зима. Наши войска уже пробивались к Берлину, а здесь, в глубоком тылу советских войск, оставался этот мешок, набитый гитлеровскими дивизиями, и не затихая шли упорные бои. Вполне боеспособные, хорошо вооруженные дивизии, не сумев предотвратить свое окружение, теперь проявляли большую стойкость и военное искусство. На первых порах им сильно помогало и то обстоятельство, что в их распоряжении были порт и открытая морская дорога в Германию, — они оттуда получали вооружение и боеприпасы.

И все же узел постепенно стягивался, и положение окруженных становилось все хуже и хуже. Перестали приходить транспорты из Германии — гитлеровской ставке было уже не до этих окруженных дивизий. О контрна-

ступлении из мешка немецкое командование больше не думало. У него появились совершенно иные заботы.

...Оттепельной мартовской ночью солдаты разведроты капитана Дементьева, вернувшись из ночного рейда, приволокли гитлеровского офицера. Он оказался штабным капитаном с красивой фамилией Эдельвейс.

Разбудили Дементьева. Спросонья покачиваясь, он шел в домик штаба и с досадой думал, что ему предстоит сейчас допрашивать еще одного истерика. Весь вопрос только в том, какая истерика у этого: «Хайль Гитлер» или «Гитлер капут»? Дементьева одинаково раздражали и те и другие, он не верил ни тем, ни другим

Немецкий офицер спокойно, но с любопытством рассматривал Дементьева, пока тот знакомился с отобранными у него документами. Просматривая их, Дементьев задал немцу несколько вопросов, и его уже в эти первые минуты допроса поразило, как спокойно отнесся гитлеровец к своему пленению. Держался он совершенно свободно, охотно отвечал на вопросы.

— При каких обстоятельствах вы взяты в плен?

Капитан Дементьев всегда любил задавать этот вопрос. Ответ пленного было интересно сопоставлять с тем, что уже было известно из рапорта разведчиков.

— При самых обыденных... — Немец грустно улыбнулся. — Я возвращался с передовых позиций, в моем мотоцикле заглох мотор. Я разобрал карбюратор, а собрать его мне помешали ваши солдаты. Вот и всё...

— Видно, война в том и состоит, — усмехнулся Дементьев, — что солдаты обеих сторон мешают друг другу жить. Но согласитесь, что мои солдаты для вас избрали помеху не самую тяжелую.

— О да! — Немец засмеялся, но тут же улыбка слетела с его лица. — Но, вероятно, эта самая тяжелая помеха ожидает меня теперь?

По напряженному взгляду немца Дементьев понял, что он спрашивает серьезно.

— У нас пленных не расстреливают.

— О да! Их вешают.

— Это зависит от размера вашего преступления перед нашим народом, — сурово и чуть повысив голос, сказал Дементьев.

— Но, говорят, самым страшным преступлением у вас считается принадлежность к партии Гитлера. Не так ли? А я как раз убежденный национал-социалист. С тысяча девятьсот тридцать седьмого года.

— Убежденный? — Дементьев с хитрецой смотрел в глаза немцу. — Убежденные выглядят не так и ведут себя иначе.

— Поминутно кричат: «Хайль фюрер!»?

— Или «Гитлер капут».

Немец засмеялся, откинувшись на спинку стула. Вместе с ним смеялся и Дементьев.

— Вы не лишены остроумия, — сказал немец. — Между прочим, вы говорите по-немецки, как истинный берлинец. Откуда это у вас?

— Мой отец много лет работал в советском торгпредстве в Германии. Я вырос в Берлине.

— Берлинский акцент, как след оспы, вытравить нельзя. — Немец помолчал, затем пытливо посмотрел на Дементьева: — Приятно, капитан, выигрывать войну? Такую войну!

— Очень! — искренне ответил Дементьев.

— Верю, верю... — грустно произнес немец. — Мы ведь это тоже переживали...

— Правда, несколько преждевременно, — заметил Дементьев.

В глазах у немца сверкнул и тотчас погас злой огонек. Он опустил голову, плечи его обмякли, и он тихо сказал:

— Да, сорок пятый год — это не сорок первый.

И, как только он это сказал, Дементьеву словно плеснуло в лицо огнем. Он быстро спросил:

— Где были в сорок первом?

От совершенно нового, сухого и злого голоса немец сразу подтянулся. Он, вероятно, понял ход мыслей советского офицера и ответил четко, по-военному:

— Брест — Минск — Смоленск — Вязьма. Здесь зимовал... — Немец помолчал и прибавил: — В ту зиму и произошло крушение победоносных иллюзий. Дальше была уже служба, чувство долга... словом, работа. Частный успех. Частное поражение. А история войны делалась уже помимо нас.

— Однако сейчас ваши дивизии сидят в мешке и не спешат сложить оружие. На что надеетесь?

— Я же сказал: служба. Когда лучше не размышлять и не спрашивать.

— Вы верили в возможность контрнаступления из мешка?

— Нет. Но такой приказ, насколько мне известно, в начале окружения готовился. А теперь делается нечто противоположное. Говорят, нас должны эвакуировать отсюда морем и перебросить на защиту Берлина.

Дементьев понимал всю важность этой новости, но спросил как только мог небрежно:

— Это слух или приказ?

— Скорей всего, приказ...

За окнами домика, где происходил допрос, прозвучал автомобильный гудок, послышались мужские голоса, смех. Хрипловатый басок весело спросил:

— Где тут ваша дичь?

Немецкого капитана увезли в штаб армии. Как только машина отъехала, Дементьев позвонил своему непосредственному начальнику полковнику Довгалеву и сообщил ему новость об эвакуации войск из мешка.

— Да, такие сведения у нас есть, — подтвердил полковник. — Спасибо.

Ни полковник Довгалев, ни Дементьев в это время не думали о том, что уже утром им придется встретиться специально для обсуждения именно этого вопроса и что их разговор станет началом новой страницы в военной биографии Дементьева.

2

Полковник Довгалев говорил, шагая по кабинету. У окна он останавливался, умолкал и несколько секунд смотрел, как мокрые хлопья снега падали и таяли на черной спине стоявшей под окнами автомашины. Потом он круто поворачивался и снова начинал говорить, шагая к противоположной стене. Не первый год Дементьев работал с полковником, прекрасно знал этого сурового человека и теперь видел, что Довгалев волнуется.

Дементьев неудобно сидел в низком, глубоком кресле. Он просто не привык пользоваться такой мебелью, не

знал, куда девать ноги, вдруг ставшие непомерно длинными. Это раздражало, хотя все, что он слышал, радовало его смелое солдатское сердце.

Дементьеву всегда по душе были наиболее сложные задания. Он был разведчиком, а заниматься этим делом без риска невозможно. Ну, а если еще беззаветно любить это свое дело, разве не естественно желать заданий посложней, поинтересней? Выполняя задание, Дементьев не искал пути к цели полегче. У него была даже своя теория, что в разведке самое тяжелое и опасное приносит наилучший результат. Он мог бы рассказать немало разных историй, подтверждающих эту его теорию. Но Дементьев совершенно не собирался погибать. Он почти фатально верил в свою счастливую судьбу. В самом деле, он прошел разведчиком всю войну и даже царапины не получил. Была у Дементьева любимая девушка. Ее звали Тамарой. Жила она в Подмосковье. Познакомились они в тяжелую зиму сорок первого года. Дементьев оказался на постое в домике, где жила Тамара... Всю войну получала она от Дементьева письма. Одно из последних его писем заканчивалось так: «...еще раз говорю тебе — не волнуйся. Гитлер не предусмотрел многого. И, в частности, он явно забыл изготовить пулю для моей персоны. Живу! И буду жить! Вместе будем жить!..» Нет, нет, Дементьев погибать не собирался.

Слушая сейчас полковника Довгалева, Дементьев прекрасно понимал всю сложность и опасность особого задания, которое ему предстояло выполнить, и испытывал знакомое чувство радостного возбуждения.

— Вы должны знать, — говорил полковник, — что задание это совершенно не похоже на все, что вы делали до сих пор. Не лес, не болото, а большой портовый город. И вам нужно будет действовать там не одну ночь, а, может быть, недели, если не месяцы. Город битком набит гитлеровским офицерьем.

— На этом как раз и можно сыграть, — быстро вставил Дементьев.

— «Сыграть, сыграть»... — поморщился полковник. — Осторожнее, Дементьев! Осторожнее! По нашим сведениям, в городе скопилось огромное количество гестаповцев, бежавших из Таллина, Риги и Каунаса. Из разгромленных воинских частей. Все они ожесточены,

стараются выслужиться перед начальством. Ежедневно в городе арестовывают и расстреливают десятки людей. Мы вот дадим вам несколько явочных адресов, но ни один из них не является полностью реальным.

— Ненадежные люди? — настороженно спросил Дементьев.

— Нет. Люди как раз надежные. Всю войну были связаны с нами. Выполняли большую работу. Но сейчас мы о них ничего не знаем. В большинстве это латыши, и связь с ними была через латышских партизан. Теперь связь утеряна. Словом, планируя операцию, мы должны трезво обдумать и тот вариант, что наши явки разгромлены. Но даже если они в порядке, ни одна из них вашей постоянной базой стать не может. Рисковать этими людьми нам не разрешено. Вы сможете одну из явок использовать только как первый приют на два-три дня. А потом должны сами устроить себе надежную базу. На одной из явок имеется законсервированная рация; вы ее возьмете. Дальше связь с подпольщиками — только по самой крайней необходимости.

— Вдруг та явка, где рация, разгромлена? Я к тому, что, может, лучше мне взять рацию с собой.

— Нет. Рация — это не спичечная коробка. А ваше появление в городе с чемоданом более чем рискованно. Если в течение пяти дней вы в эфире не появитесь, мы сбросим вам рацию в условленном месте...

— Ясно. Каким способом я попаду в Н.?

— Ночью мы устроим массированный налет на город, и под этот шумок вы спрыгнете со специального самолета.

— Когда?

— Завтра ночью.

— Завтра? — Дементьев, не веря, смотрел на полковника.

Довгалев подошел к нему вплотную. Капитан встал.

— Да, Дементьев, завтра ночью.

— Ну что ж, завтра так завтра. Разрешите идти к оперативникам?

— Идите, Дементьев.

Капитан вышел из кабинета своей быстрой и легкой походкой. Когда дверь за ним закрылась, полковник Довгалев вслух сказал:

— Он справится. И останется жив! — Полковник произнес это так, точно хотел убедить не только себя, но и саму судьбу.

3

Наши бомбардировщики, прилетая небольшими группами, бомбили Н. больше двух часов. Самолет, на котором находился Дементьев, сделав обманный маневр, приближался к городу со стороны моря. Он летел на небольшой высоте. Прильнув к окну, Дементьев видел пожары в разных местах города. В небе шастали лучи прожекторов, рвались зенитные снаряды.

Дементьев наблюдал за всем так спокойно, будто это не имело к нему никакого отношения.

А думал он в это время про самое неожиданное... Вот досада — забыл отчитать лейтенанта Козырькова за неопрятный вид. Просто удивительно, как не понимает парень, что внешний вид офицера — это его второе удостоверение личности... Жаль сержанта Малова — очень грустное письмо получил он из дому. Ни кола, ни двора. Половина большой семьи погибла. Как утешить человека в таком горе? И все же нужно было поговорить с сержантом по душам... Интересно, каким будет первый день мира? Вдруг пойдет дождь? Или разойдется гроза, и люди подумают, что бьет артиллерия?.. Дементьев задумчиво улыбался.

Второй пилот вышел из кабины и тронул Дементьева за плечо:

— Давай сюда. — Летчик подвел Дементьева к зияющей дыре открытой двери. Спокойно, точно речь шла о чем-то простом и обыденном, сказал: — Гляди на лампочку. Как загорится, прыгай! — Он улыбнулся Дементьеву, рядом с ним прислонился к стенке самолета и стал смотреть на лампочку.

Теперь через дверь Дементьев видел густую темноту ночи и больше ничего. Наверно, самолет удалился от города... Было страшновато, черт возьми, думать, что вот через эту черную дыру нужно будет шагнуть в неведомую, темную бездну.

Лампочка медленно, точно нехотя, загорелась тусклым багровым накалом. Дементьев кивнул летчику и

шагнул в пропасть. В уши ударил рев моторов. Упругий воздух отшвырнул его от самолета Рев моторов уже не слышен. Хлопок расправившегося парашюта. Резкий рывок. Тишина. Покой. Ночь...

В течение немногих секунд снижения с парашютом Дементьев подумал о двух вещах. С досадой о том, что в спешке подготовки к отлету у него не нашлось пяти минут написать письмо Тамаре. Неизвестно, сколько придется ему проторчать в городе Н, а она будет думать бог знает что... И с беспокойством о том, как произойдет приземление, — все-таки это был всего только третий его прыжок с парашютом...

Внезапно Дементьев увидел землю. Вернее, он увидел черные пятна кустарника на белом снегу. Приземлился он, как и было рассчитано, на заснеженном болоте, неподалеку от шоссейной дороги. Увязнув в снегу по пояс, подтянул парашют, отстегнул его и затоптал в снежную яму. Потом осторожно вышел на шоссе, выпростал из-под ремня подобранные полы немецкой офицерской шинели и неторопливо зашагал к городу.

По шоссе шел уже не Дементьев. Это был капитан немецкой армии Пауль Рюкерт, уроженец Берлина, возраст — 31 год, стаж воинской службы — восемь лет. Последняя должность... На этот вопрос Пауль Рюкерт мог дать несколько ответов. И, что самое удивительное, он мог из разных карманов извлечь ровно столько же документов, с абсолютной достоверностью подтверждающих любой из его ответов. Каждый из этих документов был изготовлен великолепными мастерами графики и литографии. Тот немецкий начальник, который в свое время подписал подобный документ, посмотрев на этот, сказал бы: «Да, это моя подпись». Больше того, если бы эти документы, среди других, были бы предъявлены специалисту по немецкой военной документации, он вряд ли обнаружил бы, что они поддельные. Дементьев мог свято верить в непогрешимость своих документов. И он верил. Но все же продумал миллион уловок, как избежать чересчур частого предъявления документов. В обычных его рейдах по вражеским тылам, если приводилось столкнуться с гитлеровцем накоротке, ситуация мгновенно разрешалась с помощью огнестрельного или хо-

лодного оружия. Здесь это исключалось, и к этому новому положению Дементьеву предстояло привыкать...

Внимание, Дементьев! Навстречу движется колонна машин.

Дементьев закинул руки за спину, сцепил их там и шел, уставясь в землю. Шел посередине шоссе. Что вы хотите? Шагающий в город офицер задумался. Слава богу, фронтовикам сейчас есть о чем подумать. Вот он и задумался так, что ничего не видит и не слышит.

Отрывистый сигнал сирены. Дементьев отскакивает в сторону и грозит кулаком. Машины с ревом проносятся мимо, вздымая мокрую снежную слякоть. Дементьев успел заметить, что машины нагружены снарядными ящиками. Значит, в городе у них какие-то запасы снарядов еще имеются. Ну что ж, спасибо и на этом.

Город был все ближе. Оттуда доносились глухие и тяжкие удары фугасок, в двух местах полыхали зарева огромных пожаров. Дементьев услышал ровный гул над головой и посмотрел на часы. Да, в атаку на город шла последняя волна наших самолетов. «Удачи вам, родные! И просьба — хоть одну фугаску положите поближе к их штабу. Мне очень важно, чтобы они нервничали...»

Дементьев вошел в город, когда налет прекратился. Зенитчики еще продолжали расстреливать черное небо. Но вот стрельба внезапно оборвалась и прожекторы погасли, будто город почуял, что Дементьев вошел в него, и затаился перед этой новой для него опасностью, еще не зная, как против нее действовать.

Улица, по которой шел Дементьев, была узкой-узкой, шага три в ширину. Старинные, основательные дома со скошенными лбами мансардных крыш вплотную жались друг к другу. Улица была похожа на каменную траншею. В самом ее конце виднелся тонкий и острый силуэт костела. Дементьев шел посередине улицы, цокая подковками сапог по присыпанному снежком булыжнику. Его шаги отдавались тупым эхом, которое слышалось откуда-то сверху.

То, что Дементьев попал в город во время воздушной тревоги, имело и свою неприятную сторону — его движение по совершенно безлюдным улицам было очень заметным. Не успел Дементьев подумать об этом, как

из темноты каменного туннеля ворот его окликнул осторожный голос:

— Господин офицер, укройтесь сюда.

Дементьев на мгновение замер, но тут же послушно шагнул в нишу ворот. У каменной стенки стояли два солдата. Один из них вытянулся перед Дементьевым и робко, точно извиняясь, сказал:

— Отмены воздушной тревоги еще не было.

Дементьев засмеялся:

— Я вижу, у вас тут все как по нотам. А у нас... там... — Дементьев повел плечом, и солдат понял, что офицер говорит о фронте, — такого образцового порядка нет. Прилетают и швыряют на нас бомбы без предупреждения. Днем и ночью.

— Трудно сейчас... там? — помолчав, спросил солдат.

— Все в полном порядке, мой солдат! — шутливо отрапортовал Дементьев. — Скажи-ка лучше, как пройти на Шестигранную площадь. Есть тут такая?

— Есть, есть! — с поспешной готовностью ответил солдат. — Это недалеко. Вот по этой улице до костела и направо. Вам, наверно, нужен объект номер три?

— Что мне нужно, я знаю. А вот тебе, мой солдат, не нужно болтать в подворотнях о секретных объектах! — сердито выговорил Дементьев.

Солдат стукнул каблуками и вытянулся. Дементьев, не оглядываясь, вышел из ворот.

Итак, первая встреча с немцами прошла без сучка и задоринки. «Да, господа фашисты, — думал Дементьев, — видать, вам тут лихо, если первый попавшийся солдат заговаривает о трудностях...» Дементьев помнил гитлеровцев первого года войны — те о трудностях войны и не думали.

У костела Дементьев повернул направо и пошел другой, такой же узенькой и темной улицей, которая вела на Шестигранную площадь. Солдат там, в воротах, мог не стараться: Дементьев и без него знал, что на Шестигранной площади, в здании банка, расположен главный штаб окруженных войск, именуемый объектом номер три. Но было на этой площади и нечто другое, весьма интересовавшее Дементьева: в маленьком двухэтажном домике, как раз напротив штаба, находилась та явочная

квартира, где хранилась законсервированная радиостанция. Полковнику Довгалеву очень не нравилось, что Дементьеву придется сразу идти на явку, расположенную в такой опасной близости к главному штабу, но полковник все же согласился с Дементьевым, что лучше сразу, в самом начале операции, выяснить положение с радиостанцией...

Дементьев шел по улице уверенно, как мог идти фронтовой офицер, для которого город со всеми его страхами и строгостями не больше как часть фронта, и притом наименее безопасная. В это время он в своей цепкой памяти разведчика перебирал данные явки. Двухэтажный дом с лошадиной головой и подковой на фронтоне, квартира номер семь. Хозяин квартиры — Павел Арвидович. Его дочь зовут Лидией. Кроме них, в квартире никого не должно быть. Пароль: «Скажите, не у вас ли живет военный врач Нельке?» Ответ: «Нет, у меня живет майор Фохт».

Дементьев вышел на площадь. Она действительно оказалась шестигранной. Одна ее грань — большой мрачный дом. Нетрудно было догадаться, что это и есть объект номер три. Там у подъезда чернели автомашины и маячил часовой... А вот и дом с лошадиной головой на фронтоне. Он был слева, вторым от угла. Дементьев уже сделал туда несколько шагов, как вдруг круто повернул и пошел через площадь к зданию штаба. Мысль зайти сначала в штаб родилась внезапно, как всегда это бывало с Дементьевым, когда он во время операции вдруг решал изменить первоначальный план действий. Всегда эти смелые экспромты приносили ему успех...

Часовой молча загородил Дементьеву дорогу.

— Я офицер штаба восьмой дивизии! — строго сказал Дементьев. — Мне срочно нужно к полковнику Гешке!

Такой полковник в штабе имелся, это Дементьев знал точно. Но он знал и то, что этот Гешке — немец, а это значит: в штабе его сейчас нет. Ночью немцы спят. Этот порядок они, по возможности, соблюдают даже на переднем крае.

Часовой молчал — видимо, думал, как поступить.

— Вызовите начальника караула, — подсказал ему Дементьев.

— Один момент! — Часовой метнулся к двери и нажал кнопку.

Прошло минут пять, прежде чем появился заспанный фельдфебель.

— Что тут случилось?

— Офицер восьмой дивизии — к полковнику Гешке! — четко доложил часовой.

Фельдфебель сошел с крыльца, приблизился к Дементьеву и вгляделся в его лицо.

— Откуда это вы свалились? — насмешливо спросил он.

— Я попросил бы разговаривать со мной, как положено разговаривать фельдфебелю с капитаном армии рейха! — повысив голос, сказал Дементьев.

Фельдфебель направился к дверям:

— Идемте со мной...

Они вошли в ярко освещенный вестибюль. После ночной темени свет ударил в глаза Дементьеву — он заслонился от лампы рукой. Фельдфебель прошел за столик, позади которого стояла разворошенная койка. Сесть фельдфебель решился только после того, как Дементьев устало опустился в кресло перед столиком.

— Сейчас пятый час. Вероятно, полковник Гешке вас не ожидал? — спросил фельдфебель.

— Война... война, — рассеянно вымолвил Дементьев. — Но я не спал вовсе. У вас есть отель для приезжающих с фронта офицеров?

— Есть, — мгновенно ответил фельдфебель.

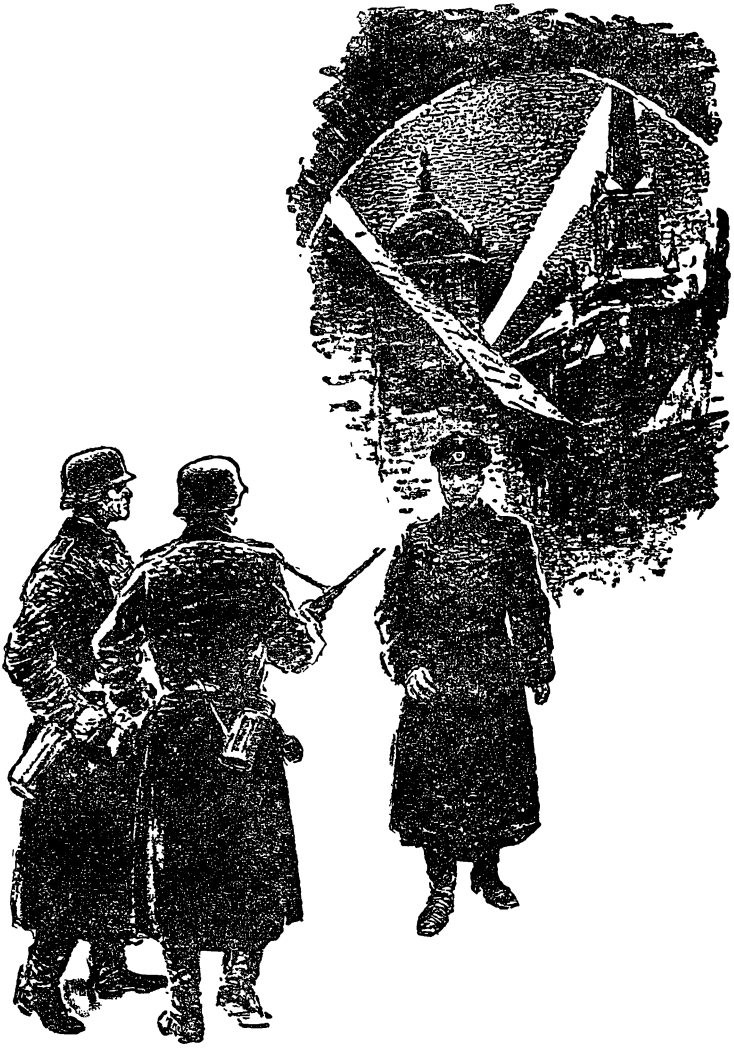
— Дайте мне туда направление или позвоните.

— Это можно... — Фельдфебель схватил телефонную трубку, но тут же ее положил. — Дайте ваш документ..

— Теперь я знаю, зачем нам выдают удостоверения. На фронте их почему-то не спрашивают... — Усмехаясь, Дементьев небрежно бросил на стол черную книжечку.

Внимание, Дементьев! Ведь это первый экзамен твоим документам.

Фельдфебель с серьезным лицом, не спеша смотрел удостоверение. Его, видно, задела насмешка Дементьева, и он, как это любят делать штабные вояки, решил показать полевику, что тут ему не бункер посреди поля, тут неумолимо для всех действуют свои законы и порядки.



— Господин офицер, укройтесь сюда.

— Сколько времени вы, капитан, пробудете в городе?

— Не знаю, — устало ответил Дементьев, а сам весь напрягся от ощущения подступившей опасности.

— Если более суток, то вам завтра надо зайти в комендатуру. На вашем удостоверении поставят специальный штамп о пребывании в городе. Таков порядок...

На душе у Дементьева отлегло, и он решил подыграть фельдфебелю в его штабной заносчивости:

— Откуда я могу знать, на какой срок меня вызвали? Кто я такой? Генерал? Фельдмаршал? Скажут в вашем штабе — назад, только меня и видел ваш город.

— Приказ есть приказ... — благосклонно согласился фельдфебель и снова взял телефонную трубку. — Говорит дежурный комендант объекта номер три. У вас есть место?.. Очень хорошо. Сейчас к вам придет... Запишите: капитан Пауль Рюкерт... Спасибо... — Фельдфебель положил трубку. — Вы город знаете?

— Я здесь всего второй раз.

— Отель минут десять отсюда.

— Может, у вас есть дежурная машина?

— Нет. Она дежурит только до трех ночи.

— За час не дойдешь до вашего отеля. Ведь на каждом углу — патрули. Объясняйся с каждым...

Фельдфебель вырвал листок из настольного календаря, торопливо что-то на нем написал и протянул Дементьеву. Дементьев хотел листок взять, но фельдфебель отдернул руку:

— Прочитайте и запомните.

— Спасибо, — запомнив пароль, сказал Дементьев, тяжело поднялся, пожелал фельдфебелю спокойной ночи и ушел.

4

Все в порядке. Теперь, если с явкой неблагополучно, есть где провести остаток ночи. Дементьев посмотрел на часы — скоро начнет светать. Надо торопиться...

Звонок в явочной квартире, видимо, не работал. Дементьев нажимал кнопку несколько раз; в ответ — глухая тишина спящего дома. Дементьев постучал — решительно и громко. За дверью послышались шаги и осторожный старческий голос:

— Кто там?

— Откройте! — властно приказал Дементьев.

Дверь приоткрылась, но кто там был в темноте, за дверью, Дементьев разглядеть не мог.

— Скажите, не у вас ли живет военный врач Нельке?

— Нет. У меня живет обер-лейтенант Гримм.

Дементьев замер. Начало ответного пароля было сказано правильно, а конец не сходился.

В приоткрытую дверь высунулась седая голова, и Дементьев услышал шепот: «Завтра в зале почтамта в четырнадцать часов...»

Дверь захлопнулась. Дементьев быстро пошел вниз по лестнице. Мысль его работала мгновенными толчками; точно острый лучик света, она вонзалась в тревожную темень опасности... Явка в руках гестапо. Но тогда зачем им было изменять пароль? Не лучше ли было назвать пароль правильно, чтобы он вошел в квартиру, и там схватить его? А может, они сначала хотят проследить его связи и специально для этого исказили пароль и теперь за ним будет установлено наблюдение?.. А может, явка просто в опасности и ее хозяин дает об этом знать изменением пароля? Но как расценивать назначение свидания в почтамте?.. Частное желание хозяина явки?.. Или это сделано под диктовку гестапо? Но зачем гестапо откладывать его арест на каких-то десять часов и потом делать это в людном месте, а не сейчас, здесь, без свидетелей?.. Остается одно: эти десять часов они все-таки хотят за ним наблюдать. И вот когда пригодится отель для офицеров...

Дементьев шел по улице то быстро, то медленно, создавая этим трудности для возможного наблюдателя. Нарочно прошел через два патруля, пользуясь паролем, полученным от фельдфебеля. Пройдя патруль, затаивался в нише ворот, ждал, когда к патрулю подойдет наблюдатель. Но никто не подходил. Нет, слежки за ним явно не было, и это в известной мере поддерживало версию, что завтрашнее свидание на почтамте с гестапо не связано. Так или иначе, скорей в отель. Нужно отдохнуть. Кроме того, еще тогда, когда он принял решение зайти в штаб и получить там направление в отель для офицеров, он рассчитывал, что этот отель может ему пригодиться не только для отдыха...

У подъезда отеля «Бристоль» тесно жались автомашины. Смешно выглядела втиснувшаяся среди них фронтовая танкетка. Из нее по площади разносился богатырский храп водителя. Он спал на переднем сиденье, высунув через борт длинные ноги в стоптанных сапогах.

Через вертящиеся двери Дементьев вошел в вестибюль. За стойкой портье никого не было.

— Кто-нибудь живой тут есть?

Из-за гардины вышел молодой человек. Скользнув по Дементьеву равнодушным взглядом, он развернул громадную книгу:

— Капитан Рюперт?

— Рюкерт! — сердито поправил Дементьев.

— Простите. Триста пятая комната. Третий этаж. Лифт, извините, не работает. И, пожалуйста, потише — там уже спит майор Зандель.

Дементьев медленно поднимался по лестнице, обдумывая, чем ему может грозить присутствие в номере майора Занделя.

Майор спал, укрывшись с головой. Не зажигая света, Дементьев разделся. Китель повесил на стул так, чтобы была видна вплетенная в петлицу ленточка «железного креста». Внимательно осмотрев комнату, Дементьев лег в постель и стал думать...

Главное, что нужно было обдумать: завтрашнее свидание в зале почтамта. Все решало — кто он, этот хозяин явки. Дементьев знал только, что он латыш, что зовут его Павел Арвидович, что у него есть дочь и что он почти два года был связан с латышскими партизанами. Разве этого недостаточно, чтобы поверить в человека?.. В конце концов, Дементьев и принял за исходное веру в хозяина явки, и стал обдумывать все доступные ему меры предосторожности на тот случай, если он окажется обманутым... Через час Дементьев заснул. Он попросту приказал себе спать — к утру он обязан быть со свежей головой.

Сосед Дементьева проснулся в восьмом часу утра. Дементьев повернулся лицом к стене и натянул одеяло на голову. Майор Зандель прошлепал босыми ногами в ванную и долго плескался там под душем. Потом вернулся в комнату и, покрякивая, стал делать гимнастику.

Одеваясь, он бормотал что-то себе под нос. И вдруг громко сказал:

— Коллега, так можно проспать всю войну!

Дементьев медленно повернулся на спину, неохотно стащил с головы одеяло и удивленно осмотрелся, как всегда осматриваются спросонья люди, проспавшие ночь в новом для них месте. Увидев майора, он улыбнулся:

— Доброе утро!

Майор засмеялся:

— Утро действительно как будто доброе! А вот ночь была свирепая. Наш отель не раз подпрыгивал... Как вы пришли, я уже не слышал.

— Я пришел под самое утро. — Дементьев сел на кровати и стал не спеша одеваться, рассчитывая, что майор уйдет.

Но майор уходить не собирался. Он сел в кресло, вытянув худые ноги в роскошных лаковых сапогах. «Штабной», — отметил про себя Дементьев. Умывшись, Дементьев надел китель и подошел к майору:

— Давайте знакомиться — капитан Рюкерт.

Майор встал:

— Майор Зандель.

Они пожали друг другу руки.

— Рюкерт, Рюкерт... — вспоминал майор, не выпуская руку Дементьева. — Откуда-то я эту фамилию знаю.

— Вы подзадориваете мое самолюбие! — рассмеялся Дементьев. — Я начинаю нахально думать о своей несуществующей славе и популярности.

Майор отпустил руку Дементьева, и его лицо вдруг приняло печальное и вместе с тем строгое выражение. Он помолчал и, посмотрев на часы, сказал:

— Идемте, капитан, завтракать.

Они спустились в ресторан и заняли столик возле огромного зеркального окна. Официант принял заказ и ушел.

— Вот вы, капитан, сказали о несуществующей славе... — Майор вздохнул и, смотря в просвет занавесок на еще безлюдную площадь, продолжал: — А ведь у всех нас была слава подлинная, большая. Была она и у вас. Я вижу у вас гордую ленточку — «железный крест» получали самые храбрые...

Майор замолчал. Дементьев напряженно обдумывал, как ему вести себя с Занделем. Направление мыслей майора он предугадывал.

— Известный вам, капитан, военный гений предупреждал, что длительность войны неизбежно вступает в противоречие со всеми ее расчетами, которые на первых этапах войны предрекали успех. Сейчас мы этот фактор длительности прежде всего и ощущаем. Не так ли, капитан?

В это время Дементьев уже принял решение, как себя вести, но ему нужно было получше узнать настроение майора. На его вопрос Дементьев не ответил, и за столом наступило неловкое молчание.

— Я не люблю поспешную откровенность. Потом военный гений Бисмарка для меня — всего лишь история. Моя вера сегодня — гений фюрера... — тихо и задумчиво сказал Дементьев. Заметив, как при его последних словах в глазах майора метнулась тревога, он, чтобы немного успокоить его, добавил: — Я только что пережил трагедию восьмой дивизии.

— Ах, вы из восьмой? Как же это вы уцелели? Ведь дивизия, я слышал, уничтожена.

— Это не совсем верно, — грустно сказал Дементьев. — Нас бросили в частное контрнаступление. Операция была спланирована правильно, но русские... — Дементьев пристукнул кулаком по столу. — Наши солдаты дрались, как львы, и гибли. После блуждания по лесам и болотам я вывел несколько своих парней и, как видите, вышел сам. И прибыл сюда, чтобы рассказать командованию, что произошло с нашей дивизией. — Помолчав, Дементьев добавил: — И просить назначения. Кстати, вы не в курсе дела: реально сейчас получить назначение? Я слышал, будто таких, как я, здесь больше чем достаточно.

— Я сам из таких, — задумчиво сказал майор. — Но я назначение уже получил. Дело это нелегкое. Кроме всего прочего, здесь уже действует фактор паники, он порождает беспорядок в штабных делах. У вас какие-нибудь связи в штабе есть?

— Никаких.

— Я попробую вам помочь, — помолчав, сказал майор и, улыбаясь, добавил: — Вы не удивляйтесь, что

я сразу с вами разоткровенничался. Я люблю людей с открытыми лицами и слепо им верю. Может быть, зря?

— Бывают лица, которые открыты умышленно, — усмехнулся Дементьев.

— Я знаю, знаю! — испуганно согласился майор.

— Если бы вы помогли мне устроиться, я был бы вам весьма благодарен, — сказал Дементьев. И это его «если» содержало в себе и некий особый смысл, в котором майор не мог не почувствовать чуть заметную угрозу. — Я офицер, имеющий погоны и фронтовой опыт, но, увы, не имеющий никаких связей. А болтаться в резерве без дела я не смогу, не выдержу. Уйду на фронт рядовым!

Последние слова Дементьев произнес так искренне, что майор посмотрел на него с жалостью и подумал, что

перед ним сидит честный, в честности своей ожесточенный фронтовой офицер, бояться которого не следует, а помочь — нужно.

— Как с вами связаться? — спросил майор.

— Если я не устроюсь жить подешевле, чем в отеле, мы будем вместе каждую ночь, — ответил Дементьев. — Если же я перейду на частную квартиру, я через два-три дня загляну к вам вечерком. Можно?

— Конечно.

— Спасибо.

После завтрака Дементьев расплатился за двоих.

— Сегодня — я. Пока я бродил по болотам, у меня не было расходов и появились сбережения.

Майор засмеялся:

— Предпочитаю сбережения без блуждания по болотам.

Они дружески простились, и Дементьев пошел в город.

Прежде всего нужно сходить в комендатуру — получить отметку на удостоверении, о которой говорил фельдфебель. Да, порядок есть порядок. Господа немцы больше всего не терпят, когда нарушается порядок... Идти в комендатуру Дементьев не боялся. Ведь он предъявит там абсолютно подлинное удостоверение офицера восьмой дивизии. Оно было отобрано из целой груды документов убитых и взятых в плен гитлеровцев после того самого боя, о котором Дементьев только что рассказывал майору Занделю. У офицера, которому оно принадлежало, оказались еще письма и другие документы, позволявшие знать о нем то, что крайне важно было для его двойника — Дементьева. На удостоверении теперь только фотокарточка была не подлинная, но, по случайности, у гитлеровца и Дементьева оказалось и некоторое внешнее сходство. Это тоже было немаловажным обстоятельством. О своем «предшественнике» Дементьев знал многое, он даже научился писать его почерком...

Словом, Дементьев вошел в комендатуру без тени опасения. Офицер комендатуры, ставивший отметки, взял у Дементьева удостоверение, заглянул в него, сделал запись в гроссбухе, поставил штамп в виде маленького треугольника и вернул удостоверение.

— Каким отделом штаба вызваны? — спросил он, снова пододвигая к себе гроссбух.

— Я приехал за назначением.

— А-а! Тогда предъявите карточку открепления с прежней должности.

— У меня ее нет! — подавляя тревогу, раздраженно произнес Дементьев.

— Как это — нет? — Глаза у офицера округлились: он столкнулся с самым недопустимым — с нарушением порядка.

— Вот так — нет, и все! Вы слышали, надеюсь, о трагедии восьмой дивизии? Или, может, вас какая-то карточка волнует больше гибели целой дивизии фюрера?

Офицера это не смутило.

— Мне известна эта трагедия... но порядок есть порядок...

— Скажите, кто должен был подписать эту карточку?

— Начальник штаба.

— Он убит.

— Тогда — его заместитель.

— Убит. Еще кто?

Офицер задумался и потом сказал:

— Хорошо. Я запишу так: карточка открепления не получена в связи с особыми причинами. И в скобках помечу — восьмая дивизия.

— Пишите как хотите, — насмешливо обронил Дементьев. — До свидания...

Дементьев вышел на улицу. Ф-фу! Ну и бюрократы же!.. Он рассмеялся от мысли, что возмущается бюрократизмом немцев.

5

В зале почтамта было многолюдно. «Молодец, — подумал Дементьев о хозяине явки. — Знает, где устраивать встречу».

Дементьев пришел сюда за час до назначенного времени: хотел посмотреть, как Павел Арвидович будет вести себя, ожидая встречи. А главное, Дементьев все-таки опасался провокации. На улице ничего подозрительного он не заметил. Всевидящим взглядом разведчика

он обшарил весь зал почтамта. Ничего похожего на то, что готовится засада, он не обнаружил и здесь. За столом, где писали телеграммы, Дементьев выбрал место, откуда ему открывался почти весь зал почтамта и выход на улицу. Купив бумагу и конверт, он, подолгу обдумывая каждую фразу, начал писать письмо в Берлин, дорогой и любимой своей жене Лизетте. Самое удивительное было то, что, если бы кто-нибудь решил выяснить, существует ли в Берлине, по адресу Александрплац, 4, квартира 15, такая Лизетта, он ее там обнаружил бы. Больше того, она сказала бы, что уже давно ждет письма от своего мужа, Пауля Рюкерта. Дементьев и весь аппарат оперативного отдела во главе с полковником Довгалевым, разрабатывая операцию, подумали о многом...

Павла Арвидовича Дементьев узнал сразу и немножко этому огорчился: уж очень было заметно, что старик явился сюда на свидание. Дементьев решил подождать. Пусть старик немного освоится и перестанет вертеть головой во все стороны.

Павел Арвидович сделал круг по залу и остановился около киоска, где все время толпились люди. «Вот это правильно!» — мысленно похвалил старика Дементьев.

Спрятав недописанное письмо в карман, Дементьев встал и подошел к киоску. Старик скользнул по нему настороженным взглядом, но, видимо, ночного гостя не узнал. Купив несколько газет и журнал «Сигнал», Дементьев пристально посмотрел на старика:

— Позвольте, вы, кажется, хозяин квартиры, где живет военный врач Нельке? Я не ошибаюсь?

— Да, это я, — дрогнувшим голосом ответил старик.

— Ну, как он там? Жив, здоров? Он сейчас дома? — Дементьев спрашивал громко, чтобы все слышали, о чем он говорит. — Вы идете домой? Идемте, я хочу повидать вашего жильца.

Не давая старику опомниться, Дементьев взял его под руку, и они вышли из почтамта.

— Налево, за углом, — кафе «Луна», — тихо сказал старик. — Заходите туда через десять минут.

— Хорошо, — так же тихо произнес Дементьев и пошел вперед.

Он проследовал мимо кафе, о котором сказал старик, дошел до перекрестка, постоял там и направился обратно.

В кафе было пусто. Дементьев снова огорчился неопытностью хозяина явки. Ну почему в пустом кафе немецкий офицер должен подсаживаться к столику, занятому старой штатской крысой? На это сразу могут обратить внимание. Но делать было нечего. Дементьев быстро подошел к столу, за которым сидел Павел Арвидович:

— Можно за ваш столик?

— Пожалуйста...

Когда Дементьев сел и взял меню, старик тихо сказал:

— Не беспокойтесь, это место надежное. Хозяин кафе — наш человек... Так вот. Моя квартира сейчас для вас не пригодна. Я вынужден был взять на постой офицера. В домах, которые поблизости от штаба, они живут почти в каждой квартире. Учтите.

— Кто ваш жилец?

— Гестапо. А кем он там, черт их знает... Весьма строгий господин. Уходит рано, приходит поздно. И больше я о нем ничего не знаю.

— Так, ясно. А что поделываете вы?

— Ничего. Связи нет уже третий месяц.

— Есть что-нибудь важное?

— Да. Они начинают эвакуировать войска морем.

— Это нам известно. Еще что?

— Усилились аресты.

— Знаем.

Павел Арвидович замолчал, рассматривая свои положенные на стол старческие, жилистые руки.

— Не огорчайтесь, Павел Арвидович. Я знаю, какую пользу вы принесли нашей армии. Спасибо вам. Мне вы не нужны. Я приду к вам только за тем, чтобы взять рацию. Она цела?

— Конечно!.. Появились бы вы месяцем раньше, — виновато заговорил старик, — как хорошо можно было все устроить! Я бы сдал вам комнату — и шито-крыто.

— Нет, все равно этого сделать было нельзя. У меня совсем другой план. Прошу вас об одном — приготовьте рацию. Я зайду к вам под предлогом поиска комнаты... До свидания, Павел Арвидович.

6

Город жил странной жизнью. С утра до вечера улицы были заполнены военными. В этой серо-зеленой толпе редко-редко мелькнет пятно штатского костюма. Военные всюду — в магазинах, кафе, ресторанах, гостиницах, в трамваях. Но что бы ни делали эти военные, в их поведении и даже в их облике чувствовалось напряжение и тревога. Ведь все эти люди в шинелях, плащах, кожаных регланах всегда помнили, что они окружены. А последнее время они уже знали, что война докатилась до стен их столицы и что отсюда у них только одна дорога жизни, дорога домой, на родину — через морские ворота города. И только воинская дисциплина, которой они подчинялись почти религиозно, удерживала их от того, чтобы не броситься в порт захватывать места на морских транспортах. Каждый вечер в ресторанах, а то и на улице среди военных вскипали истерические скандалы. То они возникали из-за того, что кто-то неуважительно выразился о фюрере, а то, наоборот, из-за того, что кто-то кому-то надоел ссылками и упованиями на божественный гений Гитлера... Именно на это состояние гитлеровцев при разработке операции Дементьева делалась большая ставка. Как выразился майор Зандель, паника порождает беспорядок.

На площади перед портом Дементьев подошел к группе немецких офицеров, стоявших около легковой машины. Их было пятеро. Дементьев спросил, не знают ли офицеры, где помещается комендант порта.

— Вот.

Один из офицеров показал на одноэтажный дом. Все офицеры смотрели на Дементьева настороженно и в то же время вопросительно.

Один из них не выдержал и спросил:

— Отъезд?

— Да нет, — безразлично ответил Дементьев. — Не могу найти груз, прибывший для моего полка.

— Неужели сюда еще прибывают грузы и они кому-нибудь еще нужны? — с недоброй улыбкой, обращаясь не к Дементьеву, а куда-то в сторону, спросил высокий офицер с багровым шрамом на лице. Шрам у него по-

дергивался; было похоже, будто офицер все время подмигивал кому-то.

— Ответить вам не могу, — сухо произнес Дементьев. — Мне приказано найти груз, и я должен выполнить приказ. Извините... — Дементьев чуть поклонился и ушел.

В коридоре комендантского дома кипела нервная толчея, в которой Дементьеву нетрудно было затеряться и, не обращая на себя внимания, пробыть там десять — пятнадцать минут. Дементьев внимательно прислушивался: все говорили об одном — об эвакуации из мешка.

Выйдя из дома коменданта порта, Дементьев увидел, что офицеры, к которым он подходил, продолжают стоять на том же месте. Поравнявшись с ними, Дементьев виновато улыбнулся тому, со шрамом, и сказал:

— Кажется, вы были правы. Надо мной и над моим грузом там довольно зло посмеялись.

— Весь вопрос сейчас в том... — снова не глядя на Дементьева и как бы продолжая разговор, который шел без него, сказал офицер со шрамом, — весь вопрос в том, когда наступит стадия «брутто — Берлин».

— Как... это понимать? — Дементьев изобразил на своем лице крайнюю растерянность, если не испуг.

Полненький, розовощекий майор сухим, скрипучим голосом выкрикнул:

— Это надо понимать так, что майор Рауд начинает впадать в истерию женского образца! — Он злобным взглядом вцепился в высокого со шрамом.

— В то время как майор Ауэрбах, — насмешливо отпарировал тот, — впал в детство со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Среди офицеров вспыхнула отчаянная перебранка. Они принялись поносить друг друга бранными словами.

— Извините, мне некогда... — Дементьев быстро зашагал прочь.

С другого края площади он оглянулся назад. Офицеры продолжали ругаться... «Очень хорошо, господа офицеры, очень хорошо, — произнес про себя Дементьев. — А вот когда наступит стадия «брутто — Берлин», меня интересует не меньше, чем вас».

...Дементьев приступил к поискам квартиры. На тихой узенькой улочке недалеко от порта он вошел в подъезд первого попавшегося дома, поднялся на второй этаж и остановился перед дверью в квартиру номер пять. Нажал кнопку звонка. Дверь тотчас же открылась, словно человек ждал звонка, притаившись за дверью. Перед Дементьевым стоял мужчина с холеным лицом, одетый в дорогой мохнатый халат.

— Кого вам угодно? — спросил он на плохом немецком языке.

— Не кого, а что, — усмехнулся Дементьев. — Мне нужна комната.

— Но...

— Не торопитесь говорить «но», сейчас не то время, когда офицеры рейха могут спокойно это выслушивать. — Отстранив мужчину, Дементьев прошел в дверь и закрыл ее.

— Выслушайте меня, господин оберст... — Человек в халате говорил уже просительно.

— Ну, ну... — Дементьев рассматривал роскошно обставленную прихожую.

— Моя квартира не подлежит заселению. Достаточно высокий чиновник гестапо, господин Мельх, в случае чего, разрешил мне ссылаться на него. Давайте позвоним ему по телефону.

— С этого и нужно было начинать! — Дементьев небрежно козырнул хозяину квартиры и вышел на лестницу.

«С комнатой не вышло, но зато мы знаем теперь о существовании некоего Мельха, который занимается квартирами. Может пригодиться...» С этой мыслью Дементьев шел по улице, присматривая себе другой дом.

Между тем день был уже на исходе — всего только первый день пребывания Дементьева в этом городе, а сколько событий он уже пережил, сколько раз подвергался смертельной опасности! О грозящей ему опасности Дементьев, конечно, помнил все время. Но мы знаем: совсем не чувство опасности определяло его поступки. Ведь он мог и не пойти ночью в штаб, а затем — в гостиницу. Мог переночевать где-нибудь в укромном местечке, найти которое в большом городе всегда можно. Увидя на портовой площади офицеров, он мог бы обойти

их стороной, а он не только подошел к ним, но и вступил с ними в разговор. Вот и сейчас он мог бы пойти отдыхать в уже освоенную им гостиницу. А он туда не торопился, упорно хотел уже сегодня иметь свое собственное жилье.

Дементьев стоял на площадке второго этажа другого дома. Перед ним — дверь, аккуратно обитая черной клеенкой, с тщательно надраенной табличкой: «Песис А.». Кто он, этот Песис, так любовно ухаживающий за своей дверью? Коммерсант? Врач? Чиновник? Дементьев нажал кнопку, которая была в виде глаза в медной головке льва. Дверь открыла миловидная девушка. Ее голубые заплаканные глаза при виде немецкого офицера испуганно расширились, она невольно сделала шаг назад и крикнула:

— Мама!

Дементьев, не раздумывая, вошел в квартиру и закрыл дверь.

В переднюю вышла высокая седая женщина. И она, увидев немецкого офицера, застыла на месте с испуганным выражением лица.

— Прошу извинить меня, мадам, — обратился к ней Дементьев. — Меня привела к вам необходимость. Нет ли у вас для меня свободной комнаты? Недели на две... Я, конечно, заплачу. Отели забиты, а жить где-то надо... И городу приходится как-то делить с нами тяжесть положения... — Дементьев сказал все это с мягкой, подкупающей улыбкой.

— Пройдите сюда, — растерянно произнесла женщина.

Они вошли в просторный, со вкусом обставленный кабинет. По стенам были развешаны картины; их было много. Женщина пригласила Дементьева сесть в кресло, а сама села на диван. Она в упор рассматривала Дементьева и молчала.

— Это квартира латышского художника Песиса, — заговорила она наконец, — но его нет... — Женщина поднесла ко рту платок. — Он недавно умер...

Дементьев встал:

— Я прошу извинить меня, мадам. Искренне сочувствую вашему горю. — Он стоял, скорбно склонив голову, думая, что именно в этой квартире ему и надо

поселиться. — Может, как никто другой, я понимаю ваше горе. У меня в Берлине погибли все мои близкие. Все... — Дементьев сделал движение, будто собирался уйти.

— Одну минуточку, господин офицер... Садитесь, пожалуйста... Я хочу объяснить вам... — Женщина подошла к столу, отыскала там какую-то бумагу и протянула ее Дементьеву. — Вот. Примерно полгода назад мой муж получил от ваших властей вот эту охранную бумагу...

Дементьев быстро пробежал документ глазами. В нем говорилось, что художник Песис А. является выдающимся живописцем и что находящаяся в его квартире коллекция картин пользуется защитой администрации. Подпись под документом — Герман Мельх. Дементьев с трудом подавил улыбку: этот Мельх попадается ему на каждом шагу, но в данном случае Мельх помог Дементьеву принять правильное решение. Он стал внимательнее всматриваться в картины.

— Какая прелесть!.. Огромный мастер!.. Ах, как хорошо!.. — тихо восклицал он, переводя взгляд от картины к картине. — Да, все это великая ценность. Я вот думаю: достаточно ли прочная защита — выданная вам бумажка? Объявится какой-нибудь хам, — а такие и в нашей армии, увы, имеются, — плюнет на эту бумажку и вывезет все эти картины. Ведь хамы, мадам, тоже разбираются иногда в ценностях...

— Боже, что вы говорите! — в ужасе прошептала женщина.

— Похожий инцидент был в Риге. Там один профессор пятьдесят лет коллекционировал фарфор. Он собрал вещи, которым нет цены. И вот однажды к нему на квартиру совершенно случайно забрели два солдата — они делали обычный обход. Им понравились красивые вещички профессора, и неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы в квартире профессора не жил наш офицер. Он услышал шум, вышел из своей комнаты и, узнав, в чем дело, выставил солдат. А представляете, что могло бы случиться? Итальянский фарфор семнадцатого века в солдатском мешке... — Подбросив жене художника этот трагический сюжет с благополучным концом, Дементьев старательно делал вид, что рассказ не имеет никакого отношения к его визиту в эту квартиру и что он сейчас распрощается и уйдет.

Приманка сработала — вдова художника предложила Дементьеву поселиться в ее квартире. Дементьев не упирался.

— Инга! — громко позвала она.

В кабинет вошла девушка, которая открыла Дементьеву дверь.

— Познакомься...

Дементьев щелкнул каблуками и склонил голову:

— Капитан Пауль Рюкерт.

— Инга Песис, — чуть слышно промолвила девушка.

— Господин Рюкерт будет у нас жить, — сказала ей мать. — Так нужно, Инга. Не бойся, все будет хорошо...

Так Дементьев обрел собственное жилье. Вскоре он уже улегся на диване спать. Все складывалось как нельзя лучше.

«Спокойной ночи, Пауль Рюкерт!» — Дементьев заснул мгновенно.

7

Три дня Дементьев провел в порту и досконально изучил всю его огромную территорию. Впрочем, нет, не всю. Несмотря на все свои ухищрения, он не смог попасть на так называемый «оперативный причал», который находился на узкой косе, далеко вонзавшейся в море. Корабли подходили только туда. Для прохода на оперативный причал еще две недели назад командование ввело специальные пропуска. Дементьев видел, как эти пропуска предъявлялись патрулю, но видел издали и, каковы эти пропуска, узнать не мог. Вдобавок он установил, что такие пропуска имеет весьма ограниченный круг людей и главным образом офицеры по званию не ниже майора. Между тем все в порту говорило о том, что эвакуация войск должна начаться в самое ближайшее время...

Охваченный тревогой, Дементьев вернулся на квартиру. Хозяйка позвала его ужинать; он отказался, сославшись на головную боль. Заперся в своей комнате, сел к столу и стал напряженно обдумывать создавшееся положение. Чтобы не вызвать любопытство хозяйки, он погасил свет.

В эту ночь Дементьев не поспал и двух часов. Ранним утром он вышел из дому и направился в отель «Бристоль». На улицах много военных. Нетрудно было заметить, что большинство из них только что прибыли с фронта — кучками они лениво бродили от витрины к витрине, как люди, у которых нет никакого дела. Дементьев непроизвольно ускорил шаг.

В отеле Дементьев подошел к портье:

— Я числюсь у вас в триста пятой комнате. Вычеркните меня, я снял квартиру. Майор Зандель еще живет там?

— По-моему, он только что прошел в ресторан.

Дементьев сдал шинель в гардероб и вошел в ресторан. Он сразу же увидел майора Занделя, сидевшего за тем же столиком у окна, но сделал вид, будто не замечает его, и, осматриваясь по сторонам, медленно пошел через зал.

— Рюкерт, идите сюда! — крикнул Зандель.

«Прекрасно, фамилию мою он запомнил. Значит, не забыл и всего остального». Дементьев направился к столику майора.

Они встретились как старые друзья. Зандель подозвал официанта и заказал завтрак для Дементьева:

— Сегодня моя очередь угощать...

Да, майор помнил все. И сегодня он был в гораздо лучшем настроении, чем тогда. «Интересно, что тому причиной?» — думал Дементьев.

— Насколько я понимаю, вы сняли квартиру. — Зандель погрозил Дементьеву пальцем. — И обо мне, конечно, забыли.

— Да, квартира есть. Живу в семье. Тошно... Впору пулю пустить в висок.

— Что так?

Дементьев грустно покачал головой:

— Оказывается, есть еще на земле семьи, квартиры, где по утрам пьют кофе, вечером ужинают, читают книги. Я считал, что это бывает только во сне.

— Рюкерт, что с вами? В несколько дней вы стали пессимистом.

— А вы, наверно, получили гарантию, что русские вас не убьют? — насмешливо спросил Дементьев.

— Плохая шутка, Рюкерт, — помолчав, серьезно сказал Зандель. — Просто я получил письмо от своих. Они переехали к моему брату, в горную местность Гарц. Там совершенно спокойно. Вот и вся моя радость.

— Остается только и вам благополучно выбраться отсюда, а затем — хоть потоп. Мой рейх — моя семья, — так когда-то говаривали у нас...

— Что с вами, Рюкерт? — В голосе Занделя прозвучала искренняя жалость к ожесточившемуся капитану.

— Что? Сейчас, когда, судя по всему, начинается эвакуация войск из этого проклятого места, я не могу не думать о моей родной дивизии. Она останется в этой чужой земле навеки. А ведь с этой дивизией я маршировал под Триумфальной аркой в Париже. Нас приветствовал фюрер... Скажите, майор: зачем я уцелел? Я теперь хожу по штабным канцеляриям, кабинетам с одним только делом — пытаюсь доказать чиновникам в мундирах, что я жив и хочу действовать. А они смотрят сквозь меня оловянными глазами, будто меня нет. Будто я убит, как убита моя дивизия. Послать меня на фронт они, очевидно, стесняются. Один так и сказал: «Не стоит вам испытывать терпение судьбы...» А ничего другого не предлагают. Живите, говорят, здесь, отдыхайте. Вы, говорят, достаточно пережили. А я не хочу отдыхать! Не хочу! — Дементьев так стукнул кулаком по столу, что подскочили тарелки.

— Тише, Рюкерт... — Майор Зандель осторожно оглянулся. — Пока вы, забыв обо мне, пропадали, я нашел вам дело. (Дементьев посмотрел на Занделя радостно и будто не веря.) Ну да, нашел. Правда, работа не очень сладкая, но все же работа. И вы раньше других получите возможность выбраться отсюда. Я служу в отделе по организации гражданского тыла. Мы занимаемся вывозом отсюда в рейх ценного имущества. Гражданского имущества. Понимаете?

— Конечно, понимаю. Но... разве Германии это имущество еще нужно?

— Мы об этом не думаем, — строго сказал Зандель, — и вам не рекомендую думать. Так вот, два дня назад гестапо изъяло из нашего отдела одного офицера.

— За что? — мгновенно спросил Дементьев.

— Он отказался выполнить приказ. В общем, он был истериком, наговорил что-то лишнее начальнику отдела... Да бог с ним! Я сказал начальнику отдела о вас. Сказал хорошо, как нужно, и он согласен с вами поговорить. Мы пойдем к нему теперь же... Его фамилия Мельх. Герман Мельх...

Дементьев чуть не рассмеялся: «Опять Мельх».

— Он очень сложный человек, — продолжал Зандель, — я знаю его давно, мы вместе учились в офицерской школе. Во время войны он быстро сделал карьеру,

хотя на фронте не был ни разу. Всю войну он занимается этими самыми гражданскими тылами. Злые языки болтают, будто он на этой работе сколотил богатство. Я этого не знаю, и, в конце концов, это его личное дело. У него громадные связи. Я видел у него фотографию, где он снят вдвоем с Борманом. Недавно он показал мне письмо, полученное им от Розенберга. Он немного хвастлив. Но голова у него могучая. Работать умеет. Организатор, каких поискать...

— А вдруг я ему не понравлюсь? — обеспокоенно спросил Дементьев.

Зандель сочувственно улыбнулся:

— Конечно, такой пессимист, каким я увидел вас сегодня, Мельху не нужен.

— Да мне бы только дело в руки! — воскликнул Дементьев.

— Вот, вот, капитан, так держать! Кроме того, Мельх, как многие тыловики, обожает проявлять заботу о фронтовиках. Словом, завтракайте скорее и идемте...

Через час Дементьев вместе с Занделем вошли в кабинет Германа Мельха.

В просторной комнате за громадным столом сидел маленький человек. Над полированной равниной стола, как серый бугорок, виднелась его голова. Когда Зандель и Дементьев вошли, бугорок шевельнулся, и тотчас же из-за стола выскочил Герман Мельх. Хотя в ежике его волос уже была седина, он походил на подростка. Мягкие, как у юноши, черты лица, румянец на гладких щеках, капризный рот. И только глаза у него были большие, глубокие и темные.

— Это тот офицер, о котором я говорил... — Зандель за локоть вывел вперед Дементьева.

Мельх поздоровался с Дементьевым. Рука у него оказалась жесткой, сильной. Мельх провел офицеров в угол кабинета, где стоял низкий столик, окруженный несколькими креслами. Все уселись в кресла. Мельх не сводил прямого взгляда с Дементьева. Они смотрели друг другу в глаза и молчали.

— Зандель сказал вам, в чем состоит работа отдела? — спросил наконец полковник.

— Да. Но не в деталях, — ответил Дементьев.

— У вас нет сомнений в необходимости нашей работы для Германии?

Дементьев невольно посмотрел на Занделя: неужели он успел сказать Мельху об их разговоре за завтраком? Но этот взгляд на Занделя полковник расценил по-своему.

— Вы, я вижу, не понимаете моего вопроса. Поясню. Вакансия, на которую вы претендуете, освободилась как раз потому, что занимавший ее офицер пришел, видите ли, к выводу, что единственная национальная ценность, которая здесь осталась и которую необходимо срочно вывезти в Германию, — это его собственная персона. — Полковник долго смеялся и подмигивал Занделю, а тот одобрительно улыбался. Внезапно оборвав смех, полковник повернулся к Дементьеву. — Кто вас знает, кто может рекомендовать?

Дементьев печально усмехнулся:

— Кто может знать солдата? Если командир моей восьмой дивизии выберется от русских, как выбрался я, он скажет вам обо мне, что я солдат как солдат. Эта характеристика была у генерала Фельдмайера самой высокой.

— Так вы из дивизии этого старомодного чудака?

Дементьев резко поднялся и сказал:

— Господин Мельх! Где бы я ни служил, кто бы ни был моим командиром, имя командира для меня свято, а его приказ — закон! И я никому не позволю третировать моего командира, за которого я шел на смерть!

Дементьев сделал этот смелый ход и впился преданными глазами в Мельха.

Расчет Дементьева был простой. Во-первых, разговор о связях и знакомствах лучше прекратить — здесь легко допустить промах; во-вторых, он решил, что Мельху больше всего по душе должен быть вот такой сверхисполнительный служака, готовый выполнить любой его приказ.

Дементьев в своем расчете не ошибся. Мельх вскочил с кресла и, показывая Занделю на Дементьева, воскликнул:

— Вот такие офицеры и спасут Германию! Попомни, Зандель, мои слова!

Дементьев, внутренне ликуя, решил продолжать игру.

— Я прошу вас, — сказал он с допустимой дозой строгости, — взять обратно ваши слова о генерале Фельдмайере.

— Беру, беру! — Мельх дружески похлопал Дементьева по плечу. — Беру, славный капитан рейха! Ваш командир — герой, раз он воспитал таких офицеров...

Оформление приказа не заняло и получаса. И вот Дементьев снова пришел в кабинет Мельха, но уже без Занделя. Начальник встретил его неожиданно сухо, даже не пригласил сесть. Больше того, огорошил Дементьева неожиданной просьбой:

— Расскажите мне о материальном положении вашей семьи.

Однако Дементьев мгновенно разгадал ход мыслей Мельха.

— У меня семьи, очевидно, нет, — просто сказал он. — Мать и жена оставались в Берлине. Уже семь месяцев писем от них нет. Мое личное состояние все при мне, — Дементьев улыбнулся, — и больше мне ничего не надо... кроме победы над врагом.

— Прекрасно! — сорвалось у Мельха, но он тут же смущенно засуетился и добавил: — Я, конечно, горю вашему сочувствую, но война, капитан, есть война. Где вы живете?

Дементьев улыбнулся:

— Я живу в квартире художника Песиса, в квартире, художественные ценности которой охраняются вашей бумагой. Как видите, я свои обязанности начал исполнять еще до поступления в ваш отдел.

— Вот как! Песис, вы говорите? — Полковник вынул из кармана миниатюрную записную книжечку и начал ее просматривать.

— Ага! Бастионная улица, дом четыре, квартира девять. Верно?

— Совершенно верно.

— Там все в порядке?

— В идеальном.

— Учтите, капитан, что имеющаяся там коллекция... — Мельх замялся. — Вы разбираетесь в живописи?

— Нет. Вообще все эти штуки для меня — пустое место. Я солдат. Что вы прикажете, то я и сделаю.

— Прекрасно! — снова сорвалось у полковника. —

Вот вам, капитан, первое задание. У меня есть сведения, что в городском музее какая-то сволочь снимает со стен ценные картины и заменяет их ерундой, а ценные прячет. Проверьте это тщательно и будьте беспощадны. Заодно подсчитайте, сколько понадобится ящиков для упаковки всех картин музея — без рам, конечно.

8

Дементьев шел в музей в прекрасном настроении. Утром, направляясь к Занделю, он рассчитывал только на то, что майор имеет пропуск на оперативный причал и ему удастся этот пропуск как следует рассмотреть, а в случае удачи и похитить. А все сложилось гораздо лучше: он получил именно такую работу, которая даст ему возможность проникнуть в святая святых эвакуации.

В музее Дементьев без особого труда обнаружил совершённую там подмену картин и огорчился неопытности, с какой это было проделано. В одном месте люди, заменявшие картины, умудрились оставить табличку, относившуюся к снятой картине. Дементьева сопровождал по музею его смотритель — чистенький старичок с розовой лысиной, обрамленной светлым венчиком вьющихся волос. Окна музея были заложены мешками с песком, а смотритель музея, входя в залы, зажигал далеко не весь свет. Некоторые картины просто нельзя было рассмотреть. Дементьев решил проверить смотрителя: вынул из кармана электрический фонарик и направил луч на табличку, оставшуюся от спрятанной картины и совершенно не соответствовавшую новой, повешенной здесь картине. Он внимательно прочитал табличку, посмотрел на картину и быстро обернулся к стоявшему позади смотрителю. Расширенные от ужаса глаза старичка сказали Дементьеву все.

— Хорошая картина, — спокойно произнес Дементьев и пошел дальше, услышав за спиной облегченный вздох смотрителя.

Дементьеву стало жалко этого честного, неопытного старичка. Осмотрев весь музей, они прошли в кабинет смотрителя.

— А где хранятся фонды? — равнодушно спросил Дементьев.

— В подвале, господин капитан, — подобострастно ответил старичок.

— Можно посмотреть? — Дементьев снова увидел округлившиеся от страха глаза старичка. — Впрочем, у меня сейчас нет времени. В другой раз. Ваш подвал глубокий?

— О да, там сотни полотен.

— Строго секретно должен предупредить вас, что в самое ближайшее время мы ожидаем интенсивную бомбардировку города русской авиацией. Все

богатства вашего музея могут превратиться в пепел за один час. Нужно снять с рам все картины и упаковать их в ящики, которые сложить в подвал. Упаковать нужно все, что хранится в фондах. Срок — два дня...

Смотритель молчал, опустив голову.

— Ну что, вам это непонятно?

— Почему? Все понятно.

— Вот и хорошо. Для ускорения дела опись картин делать не надо. На ящике ставить только цифру, обозначающую, сколько в нем картин, и все.

Глаза у смотрителя оживились. Дементьев еще раз убедился, что старичок положительно не умеет владеть собой.

— Да-да, мы всё так и сделаем. Послезавтра можете прийти проверить.

— Послезавтра утром я зайду непременно. До свидания...

Вскоре Дементьев докладывал Мельху о своей поездке в музей.

— Надо думать, — говорил он, — что замена нескольких картин действительно произведена. Снятые картины они, вероятно, спрятали в подвале, а там хранятся сотни полотен и царит дикий хаос. В течение двух дней мы все картины отделим от рам и упакуем в ящики. Фонды — тоже. Я поставил в музее часового — и оттуда они не вынесут и тряпки. Если я найду неупакованным хоть один кусочек, — Дементьев показал половину пальца, — я расстреляю всю их шайку!

— Прекрасно, Рюкерт! — воскликнул Мельх. — Спасибо. Ну, а я, пока вы там были, посетил вашу квартиру.

Дементьев нахмурился, хотя знал, что ничего опасного для него полковник на квартире обнаружить не мог.

— Извините, Рюкерт, но я решил сделать это сам. В моем отделе гестапо — это я, и лучше, что туда сходил я, а не кто-нибудь другой.

— Неужели неверие друг в друга стало в нашей среде обязательным? — огорченно спросил Дементьев.

— Люди гестапо никогда никому не верили. В этом их служба. В общем, они уже заинтересовались вами, но я сказал, что за вас отвечаю я сам. И больше ради проформы решил съездить на вашу квартиру... Почему,

вы так мрачно это воспринимаете? Ведь ничего страшного не произошло. Наоборот, мать и дочь отзываются о вас прекрасно. Это ваш «железный крест» лежит там на столе?

— Мой.

— Почему вы не сказали мне об этой вашей награде?

— Солдаты орденами не хвастают, они их хранят как воспоминание о битвах.

— Вы молодец, Рюкерт!.. Между прочим, я бы на вашем месте обратил внимание на дочку художника. Прелестный цветочек, а?

— Иметь на войне романы солдатским уставом не предусмотрено, — сурово произнес Дементьев.

— Но, если в данном случае вы устав нарушите, я не взыщу... — Мельх засмеялся. — Вы свободны, Рюкерт.

— Я хотел спросить у вас...

— Завтра, завтра, капитан. Мне очень некогда. Идите...

Дементьев вышел на улицу и в глубоком раздумье стоял у подъезда. В странное попал он положение: так удачно закрепился в одном из отделов временного штаба, попал, как ему казалось, в отдел, который ближе многих других находится к эвакуации, а получилось так, что он приблизился к музею, а совсем не к порту, который был главной его целью. Могут пройти дни, и он узнает лишь, когда будут отправлять фонды музея. А может, уже сегодня, сейчас из порта уходят транспорты с солдатами, с техникой...

Дементьев беспомощно оглянулся по сторонам.

— Весна, господин капитан... — грустно произнес часовой.

— Да, да... весна...

А весна торопилась. Хотя день был совсем не солнечный, вдоль тротуаров бежали ручьи, со звоном падали сосульки, в водосточных трубах грохотали ледяные обвалы. Дементьев как-то сразу все это увидел и услышал. Да, весна работала вовсю, а он?.. Дементьев торопливо пошел по улице. Но на первом же перекрестке остановился... «Куда я так спешу? Куда?.. Надо хоть пообедать...»

Кафе «Орион» было в числе рекомендованных немецким офицерам. Такая рекомендация — тоже часть прославленного немецкого порядка. Рядом другое кафе — пустое. А в «Орионе» свободного места не отыщешь. Табачный дым висит под потолком сизым пологом. Не умолкает гул от разговоров. Дементьев приметил свободное местечко за столиком в дальнем, темном углу — там сидели три офицера. Все они были из инженерных войск Тодта. Дементьев попросил разрешения сесть за их стол. Офицеры, как по команде, молча пожали плечами: мол, что поделаешь, запретить-то мы не можем. Дементьев сел и погрузился в изучение меню. Офицеры молчали. Сделав заказ официанту, Дементьев вынул из кармана газету и стал читать...

— Что интересного, капитан, нашли в газете? — насмешливо спросил один из офицеров.

— Молодцы ваши коллеги! — не отрываясь от газеты, сказал Дементьев. — За десять дней опоясали Берлин неприступным поясом из стали и бетона.

Офицеры молча переглянулись. Потом один из них задумчиво сказал:

— Нашим коллегам там хорошо, у них в руках вся техника. Попробовали бы они действовать голыми руками, когда вместо техники тебе дают приказ, полагая. очевидно, что эта бумажка всесильна...

Снова, как по команде, офицеры вздохнули и надолго замолчали. Дементьев настороженно, но терпеливо ждал продолжения их разговора.

Вдруг один из офицеров выхватил из кармана бумагу и карандаш.

— А что, если сделать так? — сказал он и начал что-то рисовать.

Остальные два офицера придвинулись к нему и стали внимательно рассматривать рисунок.

Дементьев слышал потом только отрывистые фразы, которые попачалу ничего ему не говорили.

— ...Скошенный помост большого запаса прочности... Придвигается вплотную к борту...

— ...А как он передвигается вдоль?

— ...Два тягача. Максимум — три...

— ...А если разная высота борта?

— ...Об этом надо подумать...

— ...Делать помост из убирающихся сегментов...

— ...Идея!.. Вот так...

— ...Но разве можно такой помост построить за одни сутки?

— ...Если дадут саперный батальон — можно.

— ...А дадут?

— Идемте сейчас же в штаб.

Офицеры расплатились и ушли. Тотчас же их места заняли два майора и капитан. Судя по всему, это были фронтовики — обветренные лица, огрубелые руки, усталость и злость в глазах. Весь их разговор вращался главным образом вокруг того, чем их здесь накормят...

Дементьев ушел. Конечно, ему хотелось посидеть еще — может быть, фронтовики тоже заговорили бы об эвакуации и он узнал бы что-нибудь новое. Но после того как он пообедал и расплатился, оставаться за столом, когда по кафе все время в поисках свободного места бродили офицеры, было нельзя: это могло вызвать подозрение...

Да, инженеры явно связаны с эвакуацией! И что-то относящееся к ней они должны сделать за одни сутки... Одни сутки... Что же делать? Что предпринять для приближения к главной цели?.. Дементьев, идя домой, думал только об этом. Только об этом.

Совершенно неожиданно вечером в гости к Дементьеву пришел майор Зандель. Пришел мрачный и точно за один этот день похудевший. Дементьев уже приметил, что майор — впечатлительная натура, с весьма неустойчивым настроением, и теперь очень заинтересовался, что сделало майора мрачным.

Зандель прикрыл дверь и подошел вплотную к Дементьеву:

— Вам полковник ничего не говорил?

— Советовал поволочиться за хозяйской дочкой! — Дементьев засмеялся.

Зандель даже не улыбнулся; задумался на секунду и сказал:

— Все равно секретом это остаться не может... Кажется, сегодня ночью начинается эвакуация войск. Их перебрасывают на защиту Берлина.

«Вот оно!» — радостно и в то же время тревожно подумал Дементьев, но равнодушно спросил:

— Всех войск?

— Очевидно.

— Ну что ж, верховному командованию видней! — беспечно заключил Дементьев. — Нас ведь это не касается?

— Нет, капитан, касается. Наш отдел заработает теперь с максимальной нагрузкой. Мельх сказал, что под наши грузы будет отводиться место на каждом транспорте.

— Наконец-то работа! — весело воскликнул Дементьев. — А то от первого задания я было загрустил. Воевать с музейными старичками не по мне.

— Эта война, Рюкерт, только начинается. И пока мы не вывезем отсюда все, что можно вывезти, мы сами отсюда не выберемся! — почти с надрывом сказал Зандель.

— Надо постараться сделать наше дело поскорее! — все так же весело сказал Дементьев, будто не замечая нервного состояния Занделя. — Может быть, нам еще удастся участвовать в драке за наш Берлин. У меня чешутся руки проучить русских. Они не понимают того, что Германия борется, пока жив хоть один немец, и что последнее слово войны еще не сказано.

Зандель смотрел на Дементьева почти с жалостью: он решил, что не найдет в Рюкерте собеседника для откровенного разговора о том, что сейчас угнетало его.

— Что-то у меня страшно разболелась голова, — сказал он. — Извините меня, капитан, я пойду: мне надо лечь в постель. Не дай бог заболеть в такие дни...

Зандель ушел. Дементьев сел за стол и сжал голову руками. Ну вот, началось то, ради чего он послан в этот город. Быстро и весьма успешно сумел легализоваться, даже заручиться доверием начальства. Волей случая он попал на работу, близкую к перевозкам. Но все это может оказаться бесполезным, если он не сможет получать совершенно точную и исчерпывающую информацию об отправке транспортов.

Так или иначе, первую — правда, неуточненную — информацию он уже имеет: эвакуация начинается сегодня

ночью. Об этом немедленно надо известить командование. Дементьев быстро оделся и отправился за рацией на явочную квартиру Павла Арвидовича.

Город, погруженный в темноту, казался мертвым. На улицах ни души. Промчится машина с пригашенными фарами — и снова темень и тишина. У выхода на Шестигранную площадь Дементьева остановил патруль. Он назвал пароль, солдаты козырнули, и он пошел дальше.

Павел Арвидович ждал Дементьева каждый вечер, давно приготовил рацию, но очень боялся, что его квартирант заметит приход Дементьева и заподозрит неладное.

В этот вечер квартирант задержался на работе позже обычного, и Дементьев столкнулся с ним у входа в дом. Они молча козырнули друг другу и стали вместе подниматься по лестнице. Вместе они остановились и перед дверью в квартиру Павла Арвидовича.

— Вы тоже сюда? — удивленно спросил гестаповец.

— А вы, вероятно, и есть мой соперник? — засмеялся Дементьев. — Сегодня я искал себе жилье и зашел в эту квартиру. Мне сказали, что тут уже живет офицер гестапо. Чтобы не болтаться по городу с чемоданом, я попросил у хозяина разрешения оставить чемодан у него. И только теперь вот иду за чемоданом. Иду и боюсь, что хозяин вместе с квартирантом за столь поздний приход спустят меня с лестницы...

Ничего не сказав, гестаповец нажал кнопку. В дверях смутно возникла фигура Павла Арвидовича. Увидев Дементьева вместе с квартирантом, он буквально окаменел.

— Здравствуйте еще раз и, ради бога, извините! — весело сказал Дементьев. — Но я только сейчас нашел себе комнату. Дайте мне, пожалуйста, мой чемодан.

— Ах, чемодан? Сию минуту, сию минуту...

Павел Арвидович побежал в свою комнату за чемоданом. Гестаповец вошел в переднюю, но остался стоять возле открытой двери.

— Где же устроились? — спросил Павел Арвидович, передавая Дементьеву чемодан с рацией.

— Бастионная, четыре, квартира девять...

— У кого ж это? Я тут всех знаю.

— Художник Песис.

— А! Это тот, что недавно скончался?

— Совершенно точно. Он-то и освободил комнату для меня! — Дементьев засмеялся. — Еще раз простите, что явился так поздно. Спокойной ночи!

Дверь закрылась, и Дементьев стал спускаться с лестницы.

Выйдя на площадь, он выругал себя последними словами: взволнованный сообщенной Занделем новостью, он отправился за рацией, совершенно не подумав, что здесь его могут подстерегать весьма опасные неожиданности. Просто чудо, что все сошло так гладко... Не успел Дементьев подумать это, как перед ним, точно из-под земли, выросли два патрульных солдата. Дементьев сказал пароль, но солдаты дороги ему не уступали и о чем-то перешептывались.

Командование окруженных войск, опасаясь самовольной погрузки офицеров на транспорты, отдало приказ комендатуре: обращать особое внимание на подозрительных в этом отношении военных. Дементьев, шедший в сторону порта, да еще с чемоданом, вызвал у патруля явное подозрение. Солдаты посовещались и предложили Дементьеву вместе с ними идти в комендатуру.

— Если это необходимо, идемте, — спокойно сказал Дементьев.

Комендатуры он не боялся — его легальное положение было достаточно ясным и прочным. Наконец, он правильно догадывался, почему вызвал подозрение патрульных. Их, конечно, смущал чемодан. Дежурному коменданту можно даже доставить удовольствие заглянуть в чемодан. Он увидит там смену белья, бритвенный прибор, полотенце, экземпляр «Майн кампф», иллюстрированные журналы, потрепанный роман... Рация-то искусно спрятана в узком пространстве меж стенок двойного дна чемодана. Словом, Дементьев шагал за патрулем, не испытывая особой тревоги.

В комендатуре оказалось уже несколько задержанных патрулями офицеров. Их по очереди приглашали в кабинет дежурного коменданта. Вызвали наконец и Дементьева. Он вошел в комнату с чемоданом. Дежурный комендант глянул на него насмешливо:

— Ваши документы...

Дементьев подал документы, и комендант долго их изучал.

— Так... А куда же это вы собрались?

— Перебираюсь с временного жилья на постоянное. Из отеля на частную квартиру, где подешевле.

— В каком отеле вы жили?

— «Бристоль», номер триста пятый.

Комендант позвонил в гостиницу и убедился, что задержанный говорит правду.

— По какому адресу вы шли?

— Бастионная, четыре, квартира девять.

Комендант вызвал патрульных, которые задержали Дементьева:

— Где вы задержали капитана?

— На углу Бастионной.

— Проводите капитана до его квартиры. Помогите донести чемодан... Извините, капитан, но служба есть служба.

— Я все понимаю. До свидания...

Патрульные шагали рядом с Дементьевым; один из них нес чемодан. Вдруг Дементьеву вспомнились слова Маяковского: «Моргнул многозначаще глаз носильщика, — хоть вещи снесет задаром вам». Дементьев не удержался и засмеялся.

Солдат, несший чемодан, смущенно сказал:

— Нам же приказано, господин капитан. Мы люди маленькие...

— Ничего, ничего, мой солдат. На военной службе всякое бывает, я понимаю...

И все-таки солдаты дошли с Дементьевым до самых дверей квартиры. Одно из двух: или они хотели выслужиться перед ним, или комендант все же приказал им проверить, пойдет ли капитан по названному им адресу. Когда Дементьев отпер дверь своим ключом, солдаты пожелали ему спокойной ночи и ушли, грохоча по лестнице тяжелыми сапогами.

Запершись в комнате, Дементьев быстро развернул радиостанцию и передал короткую радиограмму:

«Я 11-17. Эвакуация начинается, возможно, сегодня ночью. Точных данных пока не имею...»

Упаковав чемодан, Дементьев лег на диван и задумался...

Интересно, почему о начале эвакуации войск Мельх Занделю сказал, а ему — нет? Впрочем, к концу дня они просто не виделись. Может быть, поэтому? Да и неважно это. Самое главное: сможет ли он завтра попасть в порт? Гревога за это самое главное долго не давала Дементьеву заснуть...

Он представил себе, как полковник Довгалев читает сейчас его первую радиограмму. Правая бровь у полковника становится выше левой — это всегда, когда он злится. В самом деле, разве можно так сообщать? «Возможно, начинается...» Но разведчик должен сообщать только то, что он знает. Ни слова домысла! Дементьев беспощадно прогонял из своей разведроты каждого, кто, докладывая о разведке, позволял себе хоть немного пофантазировать. «Вы мне не нужны, — говорил Дементьев. — Вы не понимаете, что самая маленькая ваша неточность может стоить солдатской крови».

Сам Дементьев всегда был до болезненности точен. Однажды он, находясь во вражеском тылу, пристрелил гитлеровского полковника. Докладывая об этом начальству, он сказал так: «Думаю, что это был полковник. Но не уверен. Ведь шинель со знаками полковника мог случайно или по ошибке надеть кто-нибудь другой». — «Может, ее генерал надел?» — засмеялось начальство. «Может, и генерал», — совершенно серьезно согласился Дементьев. С тех пор в разведроте бытовала шутка. Притащит кто-нибудь «языка», у него спрашивают: «Кого словил?» Разведчик отвечает: «По шинели вроде рядовой, а может, и генерал...»

Нет, нет, точность прежде всего. Ведь майор Зандель о начале эвакуации сказал нетвердо. Он сказал: «Кажется, сегодня...» Больше никаких подтверждений нет. Если не вставить слова «возможно», то значит, что полковник Довгалев сейчас доложит командованию о начале эвакуации. Последует приказ авиации идти наперехват кораблей. Рискуя жизнью, самолетами, летчики будут прорываться через зенитный пояс линии фронта. Навстречу им вылетят вражеские истребители. Наконец, летчики прорвутся к морю, а там — пусто... Нет, нет, одно это слово «возможно» стоит слишком дорого, чтобы

отнестись к нему небрежно. Да, эвакуация начинается. И, возможно, уже сегодня ночью. Но точно он не знает. Не знает, и все...

9

Посыльный солдат от Мельха поднял Дементьева в шесть утра. Когда Дементьев явился в отдел, там были уже почти все офицеры. Мельх отдавал приказания, и офицеры чуть не бегом покидали его кабинет. Дементьев ждал своей очереди, но Мельх словно не замечал его. Закончив разговор с одним из офицеров, Мельх повернулся к Дементьеву:

— Погасите свет и поднимите шторы.

Большой кабинет заполнил синеватый свет раннего утра. За окном падал мокрый снег. Лица у всех стали серого цвета.

И вот в кабинете остались только Мельх и Дементьев.

— Капитан Рюкерт, с вами у меня разговор особый... — Мельх вышел из-за стола и сел в кресло напротив Дементьева. — Именно с вами, потому что из всей этой когорты, — Мельх презрительно кивнул на опустевшие стулья, — в одном вас я вижу человека, который знает, что такое приказ, и не любит задавать лишних вопросов. — Он говорил, не сводя глаз с Дементьева. — Гибель нашей империи — бред истериков. Это не произойдет, капитан, даже если русские сотрут в порошок Берлин, даже если они выиграют войну! Есть люди, которые ее поднимут так быстро, что те же русские не успеют опомниться. Но вы понимаете, капитан, что сделать это голыми руками нельзя. Эти люди должны иметь средства, чтобы начать свое великое дело сначала. Так вот, им, этим людям, мы и отправляем отсюда все самое ценное. За это отвечает наш отдел — я и вы.

— Я выполню любой ваш приказ! — торжественно произнес Дементьев, преданно смотря Мельху в глаза.

— В музее все готово?

— Кроме надписи адреса на ящиках.

— Возьмите сейчас с собой солдат, они сделают надписи. Адрес такой...

Мельх протянул Дементьеву сложенную бумагу.

Дементьев ее развернул и прочитал: «Гамбург, Елизаветштрассе, 7, Гринвальд».

— Это, как вы догадываетесь, адрес условный, но груз попадет в нужные руки.

— Кому сдать ящики в порту? — вставая, спросил Дементьев, напряженно ожидая ответа, от которого могло зависеть все.

— Пакгауз номер четырнадцать, Рихард Брандт. Получите расписку: «Принято столько-то ящиков». Потом расписку сдать мне. И все. Возможно, что Брандт сам приедет в музей.

— А не лучше будет, если я сам доставлю ящики прямо на корабль? Это надежнее.

— Вы просто не знаете, кто такой Рихард Брандт,— Мельх усмехнулся, — и неосторожно выражаете ему недоверие. Он — гестапо, и этим сказано все. Словом, делайте так, как я сказал.

Дементьев вышел из кабинета. Вот и случилось то, чего он больше всего боялся! Чтобы лучше засекретить свои дела, Мельх решил между ним и кораблем поставить Брандта, которого он, видимо, знает лучше и которому больше верит. А может, это придумал и не Мельх. Просто секретному делу придана классическая цепочка исполнителей, пройдя через которую дело как бы теряло след. И, может быть, в этой цепочке есть звено и после Брандта. Но черт с ней, с этой цепочкой! Главное в том, что он снова фактически отрезан от порта. Пакгауз номер четырнадцать находился в нескольких километрах от оперативного причала, где будут грузиться корабли.

Тревога Дементьева усилилась, когда он вышел из здания. Улица была заполнена войсками, и все это серо-зеленое месиво, нашпигованное техникой, двигалось в сторону порта. Пробиваясь навстречу движению, Дементьев испытывал чувство, будто он в минуту боя покидал передовую.

Надписывание адреса на ящиках заняло около часа. Да, Мельх был отличный организатор: только успели закончить надписывание, как уже прибыла автомашина с солдатами-грузчиками. Дементьев наблюдал за погрузкой и все думал, думал, что предпринять, как прорваться в порт.

Шагах в десяти от Дементьева стоял высокий, груз-

ный офицер в кожаном пальто без знаков различия. Только фуражка на нем была офицерская. Он поминутно делал вращательный жест головой, точно ему жал воротник. Когда погрузка была закончена, офицер в кожаном пальто подошел к Дементьеву:

— Вы капитан Рюкерт? — И, не ожидая ответа, добавил: — Я — Брандт. Пойдемте.

За углом он сел за руль малолитражного «оппеля», открыл дверцу и указал Дементьеву на сиденье рядом с собой. В машине пахло бензином и резким одеколоном.

— Сколько ящиков?

— Семьдесят девять.

Брандт вынул из-под сиденья блокнот, вырвал из него лист и размашисто написал: «Получено 79 ящиков специального груза».

— Вы забыли подписаться, — строго сказал Дементьев, прочитав записку.

Брандт посмотрел на него неподвижными глазами:

— Отдайте это Мельху, и все. Можете идти.

— В порт мне ехать не нужно?

— Нет. — Брандт открыл дверцу. — До свидания.

«Оппель» сорвался с места и исчез. За ним потянулись грузовики с ящиками...

Дементьев вернулся в отдел и в коридоре столкнулся с майором Занделем.

— Как дела, Рюкерт? — торопливо спросил Зандель и, оглянувшись по сторонам, тихо сказал: — По-дружески советую: позаботьтесь, чтобы однажды вместе с ящиками не забыли погрузить и вас.

— Не понимаю, — сухо произнес Дементьев.

— Я сказал достаточно ясно. — Зандель поклонился и пошел по коридору.

Дементьев прошел в кабинет Мельха. Минут пять ему пришлось стоять, ожидая, пока Мельх закончит разговор по телефону. Говорил он одними междометиями: «Да»... «Да»... «Нет»... «Да»... Положив трубку, Мельх взял из рук Дементьева расписку Брандта, внимательно ее прочитал, сделал какие-то пометки в своей записной книжке, а затем тщательно сжег расписку в пепельнице. Наконец он поднял взгляд на стоящего перед ним Дементьева:

— Вы хотите что-нибудь сказать?

— Нет... Разве только то, что ваш Брандт мог бы быть вежливее.

Мельх усмехнулся:

— Я же объяснял вам: он из гестапо. У них вежливость — недостаток! Между прочим, это он непременно хотел вас проверить, когда вы ко мне поступили.

— Значит, я отвечаю только за погрузку?

— Да.

— Но, мне кажется, эту работу может выполнить рядовой солдат.

— Вот как? — Мельх встал. — В военной машине рейха вы, капитан Рюкерт, и есть рядовой солдат! — повысив голос, сказал он.

— Вы не поняли меня. Я просто хочу быть вам полезным в большей степени! — Дементьев вытянулся. Он понял, что переиграл, и стремился исправить положение.

— Это дело другое, — примирительно произнес Мельх. — Сию же минуту поезжайте вот по этому адресу, возьмите мою машину. Там проводит операцию капитан Лемке. Он должен был доложить об окончании дела еще в полдень. Сейчас — четырнадцать двадцать. Выясните, почему он задержался, и, если увидите нераспорядительность с его стороны, от моего имени прикажите ему сдать операцию вам, а он пусть немедленно явится ко мне.

— Понятно. — Дементьев повернулся и быстро вышел из кабинета.

Капитану Лемке было поручено упаковать и отправить в порт ценные фонды центральной библиотеки, но он столкнулся с организованным сопротивлением работников библиотеки, которые ночью забаррикадировались в глубоком подвальном помещении и никого туда не впускали. Дементьев застал капитана Лемке растерянно стоявшим перед толстой бронированной дверью в подвал. Солдаты колотили в дверь прикладами автоматов.

Дементьев мгновенно оценил обстановку и принял решение:

— Вы капитан Лемке? Мельх приказал вам вернуться в отдел. Своих солдат заберите. Сюда идут мои люди, которые умеют работать... Что за ящики лежат во дворе?

— Это все, что мы успели вынести, — испуганно пробормотал Лемке.

— Хорошо, отправляйтесь в отдел. У ворот — машина Мельха, можете ее взять.

Лемке ушел, но тут же вернулся:

— Я забыл сказать вам — через полчаса за грузом приедет Брандт.

— Это уже не ваша забота, капитан! — злобно крикнул Дементьев.

Лемке уехал, ушли его солдаты. Дементьев остался один. За бронированной дверью было тихо. Дементьев присел на ступеньки и еще раз обдумал возникший у него план спасения библиотеки. «Не могу сделать главное, — думал он, — так сделаю хоть это... Моя задача — не дать Брандту возможности проверить подвалы библиотеки».

Дементьев вышел во двор и пересчитал ящики. Их было тридцать два. Адрес на них был написан тот же: «Гамбург, Елизаветштрассе, 7, Гринвальд».

Вскоре во двор библиотеки въехали грузовик и «оппель» Брандта. Солдаты молча принялись грузить ящики на машину. Брандт подошел к Дементьеву:

— Что здесь случилось? Почему Лемке так долго не звонил?

— Не надо поручать серьезное дело слюнтяю, — небрежно ответил Дементьев.

Брандт посмотрел на него одобрительно:

— Вы правы. Лемке — из интеллигентов. А где ваши солдаты?

— Это я должен у вас спросить. Является сюда какой-то деятель гестапо и забирает моих солдат, а когда я ссылаюсь на Мельха, он нецензурно ругается и уходит.

Брантд улыбнулся:

— Неизбежные издержки. Сколько тут ящиков?

— Тридцать два.

— Получите расписку... Мне сказали, что вы жаловались на меня Мельху. Должен заметить, что вы первый, кто на меня жаловался. Это мне нравится.

— Я просто привык, чтобы со мной обращались грубо, только когда я не выполняю приказа. — Дементьев преданно смотрел в неподвижные глаза Брандта.

— Прекрасно! — Брандт поднял руку к козырьку. — Будем выполнять приказ. До свидания.

«Оппель» Брандта умчался за грузовиками...

...Мельх встретил Дементьева почти весело:

— Вы молодчина, Рюкерт, а Лемке действительно слюнтяй. Это был великолепный урок для Брандта. Лемке имел прекрасные рекомендации, его проверял сам Брандт — и вот, пожалуйста... Поздравляю вас, Рюкерт! Понравиться Брандту — дело нелегкое. А Лемке я уже вернул в комендатуру — там ему будет лучше.

Мельх говорил оживленно, весело, но Дементьев заметил, что в это время он думает о чем-то другом, что его явно тревожит. Интересно, о чем он думает?

— Я жду ваших приказаний, — раболепно произнес Дементьев.

— Да, да, приказаний... приказаний, — задумчиво проговорил Мельх и посмотрел на часы. — Вот что, капитан: идите отдыхать, а завтра утром — за дело. Вы заслужили отдых, идите. До завтра. — Он вышел из-за стола и буквально вытолкал Дементьева из кабинета.

«Тут происходит что-то тревожное», — подумал Дементьев и направился к Занделю. Он застал его за странным занятием: в кабинете топился камин, и майор вытряхивал в огонь содержимое ящиков письменного стола.

— Вы теперь поняли то, что я сказал вам в коридоре? — усмехнулся Зандель.

— Прекрасно все понимал и тогда, — равнодушно ответил Дементьев.

— Вы уезжаете с сегодняшним кораблем или завтра? — торопливо спросил Зандель.

— Завтра...

— О, значит, мне оказана высокая честь — я отбываю вместе с Мельхом. И на первом же корабле!..

Дементьев старался казаться совершенно спокойным:

— Я вообще не понимаю, почему такая паника с отъездом? Фронт совершенно неподвижен.

— Здесь — да, но там — нет... — Зандель махнул рукой в сторону.

— Где это?

— Вы младенец, Рюкерт! Не сегодня-завтра англосаксы будут там, куда мы с вами отправляем грузы. Понятно?

— Понятно.

— Это, во-первых. Во-вторых, Мельх заботится и о себе. На кой черт ему сидеть в этом мешке? Он свое дело сделал.

— Счастливого пути, майор! — грустно сказал Дементьев. — Я пойду спать.

— До новой встречи, капитан! — Зандель пожал руку Дементьеву. — Вы все-таки славный парень...

— Когда отходит ваш транспорт?

— В полночь...

Дементьев вышел на улицу и медленно пошел в сторону своей квартиры.

Так... Ситуация более или менее ясна: шайка Мельха убегает. Но почему они не берут его с собой? Объяснение может быть только одно: Мельх опасается лишних свидетелей его деятельности в этом городе. Тем более, что Рюкерт не свой, так сказать, человек и только что взят со стороны. Но Мельх мог бы сказать прямо, что «отдел свою работу закончил, и вы, капитан Рюкерт, больше мне не нужны». Зачем ему понадобилась эта игра? «Идите отдыхать, а завтра — за дело». Не скрыта ли тут опасность? Ведь свидетель перестает быть опасным, только когда он мертв. Да, на квартиру, пожалуй, идти не стоит. Но куда же идти?..

Размышления Дементьева были удивительно точными. За полчаса до того, как Мельх отправил его отдыхать, он разговаривал с Брандтом. И действительно, Брандт похвалил Дементьева, а Мельх не отказал себе в удовольствии напомнить Брандту, что слюнтяя Лемке проверял он. С этого и начался разговор, во время которого буквально в течение минуты была решена судьба Дементьева.

Брандт насмешливо спросил:

«Берете капитана Рюкерта с собой?»

Мельх подумал и покачал головой:

«Нет, Брандт. Мы включаемся в слишком большую игру, чтобы допускать самый малейший риск. Рюкерт — человек не нашей среды. Там нам будут нужны люди отборные, каждый самый незначительный исполнитель должен быть рыцарем нашей идеи».

«Но он останется жив и однажды на досуге начнет вспоминать...»

Мельх перебил Брандта:

«Об этом должны позаботиться вы. Он ничего не должен вспоминать... — Мельх помолчал и деловито добавил: — Заодно нужно забрать картины в квартире, где он живет. В суматохе чуть не забыл об этой коллекции».

Вот и все. С капитаном Рюкертом было покончено, и они заговорили о другом...

10

Полковник Довгалев после ужина вернулся к себе в отдел и, как всегда, прежде всего зашел на пункт связи:

— Что-нибудь есть?

— Нет. — Радист прекрасно знал, о чем спрашивает полковник.

— Продолжайте слушать внимательно.

И эту фразу Довгалева радист уже слышал не раз.

Дверь за полковником закрылась. Радист поправил наушники и положил чуткие пальцы на ребристый верньер приемника. Эфир был забит сигналами множества раций: и наших и вражеских. Иногда сквозь хаос сигналов слышались голоса открытой радиосвязи. В этом месиве звуков, казалось, ничего невозможно разобрать. Но ухо радиста так уж устроено, что, появись в эфире позывные Дементьева, он услышит их так ясно, отчетливо, будто, кроме этих позывных, в эфире полная тишина.

Полковник Довгалев сел за стол и посмотрел на телефон. В это время всегда звонит командующий.

Вот и телефонный звонок.

— Довгалев у телефона... Не получено... Слушаем круглые сутки... Спасибо.

Положив трубку, полковник подвинул к себе папку с донесениями фронтовой разведки. В донесениях говорилось об одном и том же — началась эвакуация войск из мешка. Почему же молчит Дементьев? Неужели он попался? Передал одно неуточненное сообщение и больше ничего не успел сделать? Как полковник ни старался освободиться от этой мысли, она становилась все более назойливой...

Радист ворвался в кабинет Довгалева и, позабыв о всех необходимых воинских условностях обращения к полковнику, крикнул:

— Дементьев!..

Полковник взял бланк расшифрованной радиограммы; руки у него дрожали.

— Спасибо, идите, — сказал он радисту и впился глазами в текст радиограммы.

«Я 11-17. Сегодня с наступлением темноты выйдет первый транспорт. Это донесение случайное. Продолжайте следить за моими позывными».

В следующую минуту полковник Довгалев уже говорил с командующим. Еще спустя минуту командующий уже отдавал по телефону приказ командиру корпуса бомбардировщиков. Еще через несколько минут в штабе корпуса бомбардировщиков у военной карты стояли командир корпуса, начальник штаба, штурман и экипажи трех самолетов. Они производили подсчет, в каком месте может оказаться транспорт с наступлением рассвета.

...Отправленный Мельхом отдыхать, Дементьев оказался в очень сложном положении. Идти на квартиру было опасно: если Мельх отдал приказ ликвидировать его как опасного свидетеля, лучше всего они могли это сделать именно на квартире — без шума, без лишних глаз. Но Дементьев имел теперь точную информацию об отходе первого транспорта, и воинский долг обязывал его немедленно передать сведения полковнику Довгалеву. А рация находится на квартире... Около часа Дементьев бродил по городу и наконец принял решение. Собственно говоря, он принял его в первые же минуты раздумья, потом он только уточнял детали. Решение было такое: идти на квартиру, взять рацию, скрыться где-нибудь в городе и оттуда передать радиограмму, а затем чемодан с рацией сдать на хранение портье в гостинице «Бристоль». Утром же как ни в чем не бывало явиться в отдел. Ну, а если на квартире засада, смело принять бой и погибнуть с честью, как подобает солдату. При обдумывании этого плана страх перед гибелью ни на мгновение не обжег сердце Дементьева. О возможной гибели своей он думал только как о проклятом обстоя-

тельстве, которое может не позволить ему выполнить приказ.

Да, разведчики — люди особого склада характера и ума. Говорят, во Франции один художник предлагал на безымянной могиле разведчиков установить такой памятник: узкая тропа на гранитной скале, повисшей над пропастью, по тропе навстречу друг другу идут Человек и Смерть, пристально глядят друг на друга и... улыбаются.

Нет, в тот вечер, идя на квартиру, Дементьев не улыбался. Но к грозящей ему смерти он действительно относился без страха, он ее попросту презирал, как нелепую и досадную помеху в его трудном солдатском деле. Вот это и есть презрение к смерти...

На улице перед квартирой ничего подозрительного не было. Дементьев прошел во двор — здесь тоже все, как обычно. Войдя в подъезд, он сначала поднялся до самого верхнего этажа, а потом спустился на свой, — не было засады и на лестнице. Дверь в квартиру открыла дочь хозяйки. В ее глазах Дементьев не приметил никакого волнения, она, как всегда, небрежно ответила на его приветствие и прошла в комнату. Дементьев отпер ключом свою дверь, на мгновение задержался и потом быстро вошел в комнату. Не было ничего подозрительного и здесь. И все-таки Дементьев остро чувствовал грозящую ему опасность. Схватив чемодан, он почти бегом покинул квартиру.

Быстрым шагом он прошел Бастионную улицу, свернул на набережную и направился к городской окраине.

Здесь, у морского побережья, город обрывался внезапно и сразу же начинался район дач. Именно сюда и стремился Дементьев, рассчитывая, что в это время года он легко может найти пустующую дачу. Он не знал, что здесь почти все дачи были зимними и в них жили круглый год. Он узнал это только теперь, когда увидел, что к дачам ведут хорошо натоптанные тропки.

На углу улицы Дементьев остановился возле заколоченного досками магазина. У черного хода магазина высилась груда пустых ящиков. Дементьев осмотрелся, быстро прошел за магазин и протиснулся в узкую щель между стеной магазина и ящиками. Не теряя ни минуты, он раскрыл чемодан, сдвинул в нем фальшивое дно,

включил радиостанцию и торопливо простучал ключом ту радиограмму, которую так ждал полковник Довгалев...

Передав радиограмму, Дементьев ушел на побережье и посидел там на каменных валунах, раздумывая о своих делах. С горечью отметил он, что дел-то, собственно, еще и не было. Разве только одна сегодняшняя радиограмма... А что будет завтра? Послезавтра? С этой тревожной мыслью Дементьев и вернулся в город.

В это время наши бомбардировщики уже готовились к вылету наперехват первого транспорта с вражескими войсками.

Счастливо избежав встречи с патрулями, Дементьев вышел на площадь перед отелем «Бристоль». Несмотря на поздний час, возле отеля суетились люди, подъезжали и уезжали автомашины; в кузов грузовика, въехавшего на тротуар, солдаты забрасывали офицерские чемоданы. «Только меня здесь и не хватало», — усмехнулся про себя Дементьев и быстро прошел в отель.

Удача! Дежурил тот самый портье, который принимал Дементьева. Портье его узнал и охотно согласился сохранить чемодан до завтра. Дементьев пытался всунуть ему в руку деньги, но портье категорически отказался их взять и при этом непонятно рассмеялся. Только выйдя из отеля, Дементьев понял, почему засмеялся портье: конечно же, нелепо было давать человеку деньги, которые не сегодня-завтра превратятся в ничего не стоящую бумажную макулатуру.

В эту ночь Дементьев совершенно не спал. Стараясь держаться подальше от своей квартиры, он бродил по улицам, заходил в подъезды домов, присаживался там на ступени, но, как только начинал чувствовать сонливость, немедленно вставал, выбирался на улицу и шел дальше. Утром, прежде чем направиться в отдел, он решил зайти в порт.

11

Вся площадь перед портом была забита войсками. Дементьев с огромным трудом протискивался через густую, жаркую, раздраженную толпу. Конечно, один вид этой картины не мог не радовать Дементьева. Он

подумал, что при таком скоплении войск вряд ли гитлеровцы смогли сохранить строгий режим прохода на оперативный причал, и решил попробовать проникнуть туда. Но его ждало разочарование. Чем ближе он пробивался к оперативному причалу, тем явственнее чувствовал, что с каждым шагом бурливая толпа все заметнее подчинялась какому-то пока еще непонятному Дементьеву порядку. Но вскоре он понял: прославленная немецкая организованность нашла способ навести порядок и здесь. С приближением к оперативному причалу все солдаты и офицеры сами разбивались на группы по двенадцати человек. Тринадцатый — старший в группе. Группы подбирались из знающих друг друга однополчан. Если своих на группу не хватало, ее пополняли чужими, но требовалось, чтобы они тоже знали друг друга. Формирование групп производилось быстро, на ходу, и к контрольному пункту оперативного причала солдаты подходили уже организованно. С техникой проходили только обслуживающие ее солдаты и офицеры...

Первая мысль у Дементьева — примазаться к одной из групп. Нет, это было опасно. Кроме того, могла возникнуть угроза, что он не выберется потом из порта — ведь его могут погрузить на пароход или заставить ждать в строю. Понаблюдав за проходом войск на оперативный причал, Дементьев пошел обратно. Идти против движения было очень трудно.

Наконец Дементьев вырвался из порта и направился в отдел...

Часовой у входа стоял. Он вытянулся, из-под каски на Дементьева посмотрели тревожные глаза.

В помещении было тихо. Пахло паленой бумагой. В кабинете Мельха весь пол был усыпан черными хлопьями пепла. Пустые ящики его письменного стола валялись у печки. Дементьев прошел в другие комнаты. Везде та же картина. И только в комнате технического секретаря отдела на своем обычном месте, за пишущей машинкой, сидел тощий фельдфебель Ширер. Он встретил Дементьева радостным криком:

— Здравствуйте, капитан Рюкерт!

— Здравствуйте... — сдержанно ответил Дементьев. Он решил разыграть перед фельдфебелем осведомленно-

го во всем человека, который остался здесь не случайно. — В каком состоянии ваши дела?

— По приказу Мельха я уничтожил всю документацию. Очень хорошо, что вы пришли! Рихард Брандт приказал, если вы придете, задержать вас до его прихода.

— Я с ним уже виделся в порту... — спокойно сказал Дементьев. — Скажите-ка, чистые бланки у вас остались?

— Сто шестнадцать штук, — с чисто немецкой точностью ответил фельдфебель.

— Все, что осталось, принесите в кабинет Мельха и придите туда с машинкой. Скорее!

— Один момент!..

Дементьев сидел в кресле Мельха и диктовал Ширеру текст распоряжения:

— «Пункт первый. В связи с окончанием работ отдел по организации гражданского тыла ликвидируется. Пункт второй. Фельдфебелю Ширеру сдать мне чистые бланки и пишущую машинку. Пункт третий. Фельдфебель Ширер откомандировывается в распоряжение комендатуры города...»

Дементьев приказал фельдфебелю третий пункт скопировать на отдельном бланке: эту выписку фельдфебелю нужно будет предъявить в комендатуре. Все это время одна мысль, как пульс, билась в голове Дементьева: сейчас может войти Брандт... Предохранитель на пистолете спущен. Сначала — Брандта, затем — фельдфебеля...

Закончив печатать приказ, Ширер встал и вытянулся перед Дементьевым:

— Разрешите спросить? (Дементьев кивнул.) Мельх ночью сказал мне, что сегодня я буду эвакуирован вместе со второй группой офицеров отдела.

Дементьев вздохнул:

— Со второй группой, Ширер, ничего не вышло. Держаться за меня я вам не советую. Я уеду отсюда последним. Если вообще уеду. Не волнуйтесь, идите в комендатуру. Вы будете эвакуированы на общих основаниях. Здесь не останется ни один солдат рейха — таков приказ фюрера.

Ширер щелкнул каблуками, повернулся и ушел. Дементьев положил в карман чистые бланки, запер пишу-

щую машинку в футляр, взял ее и вышел на улицу. «Первый барьер взят», — думал он, еще боясь радоваться тому, что здесь все сошло так гладко.

Дементьев шел на квартиру. Опасность ждущей его там засады оставалась. Брандт — в городе. Дементьев и на этот раз шел, готовый ко всему. Но не идти он не мог. Как вчера он не мог обойтись без рации, так и сегодня для выполнения задуманного им плана действия ему был необходим надежный приют хотя бы на час. Но сначала надо зайти за чемоданом в отель...

Площадь перед отелем выглядела пустынной, ни одной машины у подъезда. Очевидно, в течение ночи все штабное офицерье перебралось в порт.

Дверь в отель была заперта. Только этого не хватало! Дементьев непрерывно нажимал кнопку звонка, стучал в дверь ногой — никто не появлялся. У Дементьева похолодело сердце... Ошибка! Совершена страшная, непростительная ошибка — он не имел права расставаться с чемоданом! Не имел... Никто, и в первую очередь он сам, не простит этой ошибки. Если чемодана он не получит, тогда... пуля, предназначавшаяся Брандту, совершит единственно справедливое возмездие за ошибку...

В двери щелкнул ключ, и она открылась.

— О капитан! Как хорошо, что вы пришли! Я прямо ума не мог приложить, что делать с вашим чемоданом. Просил ваших коллег, чтобы они его взяли, — никто не берет. А нам приказано отель запечатать...

Дементьев слушал портье и тихо смеялся:

— Спасибо, дорогой... Большое спасибо...

Хозяйка квартиры встретила Дементьева как-то странно: не поздоровалась, смотрела на него с презрительной усмешкой. Ее дочь приоткрыла дверь из своей комнаты, но, увидев Дементьева, с треском ее захлопнула. Только войдя в свою комнату, Дементьев начал догадываться, что произошло в квартире. Стены кабинета были голыми, на полу валялись пустые рамы от картин.

— А где картины? — строго спросил Дементьев у хозяйки, стоявшей в дверях.

— Где? — Хозяйка неестественно засмеялась. — Это я у вас должна спросить.

— Ничего не понимаю... — искренне произнес Дементьев, выжидательно смотря на хозяйку.

— Ночью явился ваш сослуживец и ограбил квартиру.

— В какое время это произошло?

— Около двенадцати...

— Как он выглядел? Смею вас заверить, мадам, это тяжкое недоразумение.

— Это был офицер в кожаном пальто, высокий, с мертвыми глазами.

«Брандт», — сразу догадался Дементьев, но продолжал разыгрывать полное недоумение:

— В кожаном пальто?

— Да.

— Какое у него звание?

— У него знаков различия не было.

— У нас таких нет.

— Странно, а он вас прекрасно знает и очень огорчился, когда узнал, что вас нет. Он даже не поверил мне и глупо искал вас за шкафом и под кроватью.

— Вы, мадам, стали жертвой авантюриста, — убежденно сказал Дементьев.

— Странно, но он называл вас этим же самым словом...

— Меня не интересует, что он говорил. Но я не успокоюсь, пока не найду эту сволочь! Простите, мадам, но нет ничего мерзостнее мародеров. Что же касается того, что мародер будто бы знал меня, согласитесь, что узнать мою фамилию было не так уж трудно.

Дементьев заметил, что хозяйка начинает ему верить.

— Какая мерзость, какая мерзость! — повторял он, оглядывая голые стены. — Я сегодня же пойду в штаб и, можете мне поверить, сделаю все, чтобы вернуть вам ваши вещи. Слово офицера!

Хозяйка пожала плечами и ушла к себе...

«Главное, что окончательно установлено, — думал Дементьев, — и что таит в себе огромную опасность — Брандт остается в городе. Он был здесь в полночь и потому никак не мог успеть запаковать и погрузить

на транспорт картины... Теперь об этом нужно помнить каждую минуту... Конечно, Брандту и в голову не может прийти, что я вернулся сюда, в свою квартиру. А это значит, что пока квартира — самое надежное место. Да, это так, и надо действовать...»

Дементьев запер дверь, включил рацию и передал короткую шифровку:

«Я 11-17. Порт днем и ночью забит войсками и техникой. Установить час отправления транспорта пока не могу. Наносите удары по порту».

Затем Дементьев вынул пишущую машинку и на чистом бланке напечатал себе заранее продуманное удостоверение. Впрочем, это было скорее не удостоверение, а несколько необычный приказ...

«Капитан Рюкерт П. отвечает за санитарное состояние транспортов, подающихся под погрузку. До сведения капитанов транспортов, администрации порта, командования воинских частей доводится приказ командования: в целях устранения возможности возникновения среди солдат эпидемических заболеваний и переноса их на территорию Германии необходимо беспрекословное подчинение правилам осмотра трюмов и других корабельных помещений, осуществляемых предъявителем сего капитаном Рюкертом П.

ПРИНЯТО ИЗ БЕРЛИНА ПО РАДИО ЗА ПОДПИСЬЮ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА ФОН РЕМЕРА — КОМАНДУЮЩЕГО ОСОБЫМ ЦЕНТРОМ ОРГАНИЗАЦИИ БЛИЖНЕГО ТЫЛА ОБОРОНЫ БЕРЛИНА. КОПИЯ ВЕРНА...»

Далее следует неразборчивая подпись. Документ венчает печать. Самая настоящая печать из отдела Мельха, которую Дементьев получил из рук фельдфебеля Ширера.

Что говорить, документ получился смелый, рискованный, но Дементьев учитывал психологию военного немца, который всегда цепенеет перед начальственной бумагой из ставки. Учтена была и общая ситуация войны: паника, появление новых должностей и новых генералов. Впрочем, фон Ремер был весьма реальной фигурой, и он как раз занимался в ставке делами штабной организации.

12

Перед тем как снова пойти в порт, Дементьев решил поесть и немного отдохнуть. Но только прилег на диван, как мгновенно заснул. С ним это бывало. Однажды он три дня бродил по вражеским тылам, выискивал «языка» из штабных офицеров. Выследив одного, он залег в канаву, чтобы дождаться темноты, и тут же заснул. Видно, так уж у него была устроена нервная система: перед серьезным делом она требовала отдыха.

Дементьев проснулся оттого, что кто-то подбрасывал его вместе с диваном. Вскочил, ничего не понимая. Тишина. Землетрясение, что ли, приснилось? И вдруг где-то близко-близко затявкали скорострельные зенитки, и тотчас дом задрожал от серии фугасных взрывов.

— Порядок! — весело вслух сказал Дементьев и посмотрел на часы. — Оперативно управились, товарищи летчики! Спасибо вам и за то, что разбудили...

Бомбардировка продолжалась около часа. Было ясно, что удар наносится по порту.

Когда все стихло, Дементьев вышел из дома и направился в порт, предвкушая увидеть там милую сердцу картину. Да, летчики поработали здорово. Еще издали Дементьев увидел горящие пакгаузы. Черный дым пожара гигантским грибом качался над городом. Прилегающие к порту улицы были забиты войсками и техникой, очевидно выведенными из порта. Среди перемешавшихся в панике солдат сновали офицеры. Они выкрикивали номера воинских частей. На эти крики сбегались солдаты. И эта перетасовка была похожа на игру. Но, так или иначе, немецкая организованность уже действовала.

На территории порта зияли огромные воронки от тяжелых бомб. Трупы убитых уже были уложены аккуратненькими рядками, чуть ли не по ранжиру. В санитарные машины навалом грузили раненых. Кисло пахло сгоревшей взрывчаткой. Дементьев решил, что сейчас самое удобное время, для того чтобы начать действовать в новой своей личине.

Три солдата тащили раненого к санитарной машине. Здоровенный рыжий детина, вращая бешеными глазами, ногами отбивался от солдат и истошно кричал что-то

бессвязное. Очевидно, ранен он был легко, но находился в состоянии безумия. А может быть, он просто боялся, что его свезут в госпиталь и он не сможет эвакуироваться. Солдатам никак не удавалось подтащить его к машине, на подножке которой стоял офицер — по-видимому, врач. Вот к нему-то и подошел Дементьев.

— Из-за одного легкораненого, — сердито сказал Дементьев врачу, — вы задерживаете машину! За счет этого времени вы могли бы сделать два рейса до госпиталя.

Врач пренебрежительно посмотрел на Дементьева:

— Это не ваше дело, капитан.

— Нет, мое. Я санитарный инспектор особого назначения.

Врач мгновенно вытянулся. Ведь он был немцем и, как все немцы, боготворил власть. Машина тотчас же уехала. Дементьев пошел дальше. Первая проба сошла отлично. Вдруг Дементьев возле наполовину уцелевшего пакгауза увидел знакомые ящики, те самые, которые он вывез из музея. Ящики лежали беспорядочной грудой, и возле них стоял часовой с автоматом. Дементьев протиснулся к часовому и строго спросил:

— Почему грузы без движения?

— Не знаю, — безразлично ответил часовой. — Офицер, чьи грузы, убежал в комендатуру.

Дементьев нырнул в толпу. От этих ящиков надо быть подальше. Наверняка убежавший в комендатуру офицер — это Брандт.

У входа на оперативный причал порядка теперь было значительно меньше. Солдаты уже не группировались своими чертовыми дюжинами, они стояли и сидели как попало, то и дело поглядывая на небо. Видимо, находясь ближе всех к счастливой возможности эвакуироваться, они решили и во время бомбежки порта не покидать. А может быть, был такой приказ. Но зато на территорию оперативного причала теперь никого не пропускали.

Дементьев пробрался поближе к контрольному пункту и начал пристально вглядываться в лица солдат.

— Дайте вашу руку, — сказал он одному из солдат, у которого лицо было багрового цвета и глаза воспалены.

Солдат послушно протянул руку. Дементьев нащупал пульс и про себя считал его удары.

— Кто ваш командир?

— В чем дело? — К Дементьеву подошел низкорослый лейтенант на кривых ногах. Его лицо, задубелое на морозных ветрах, пересекал глубокий шрам. Ясно, что это был видавший виды отчаянный вояка. — Что вы тут делаете с моими солдатами? — хриплым голосом спросил он.

— Пока ничего, — усмехнулся Дементьев. — Но ни один больной солдат на борт транспорта не попадет. За это отвечаю я, и таков приказ.

Вокруг Дементьева возник ропот недовольства. Солдата, которому Дементьев щупал пульс, кто-то попытался оттеснить в сторону и спрятать. Но Дементьев вовремя схватил его за руку и обратился к лейтенанту:

— Позовите сюда старшего офицера.

В толпу, окружившую Дементьева, протиснулся офицер с погонами майора:

— Что случилось?

— Посторонний капитан почему-то осматривает наших солдат, — поедая майора преданными глазами, доложил лейтенант.

Майор перевел взгляд на Дементьева.

— Кто вы такой?

— Я санитарный инспектор особого назначения. Есть приказ о том, чтобы на транспортах не было ни одного больного. В Берлине не хватает только эпидемии!

Майор начал снимать перчатки, готовясь принять от Дементьева документы.

Дементьев, изобразив на лице обиду, вынул свою бумагу и протянул ее майору.

Майор был дальнозоркий и читал документ, отстранив его в вытянутой руке. Дементьев пристально следил за выражением его лица, но сухое лицо майора абсолютно ничего не выражало. Прочитав бумагу, он аккуратно сложил ее и вернул Дементьеву:

— Что вы находите у этого солдата?

— Во всяком случае, у него повышенная температура. Остальное необходимо проверить.

— Можно вас на минуточку? — Майор взял Дементьева под руку.

Они выбрались из толпы и подошли к самому контрольному пункту, где их могли слышать только три

солдата и лейтенант, охранявшие вход на оперативный причал.

— Можете вы выполнить мою просьбу, просьбу старого солдата? — сказал майор. — Солдат, у которого температура, — один из ветеранов моего полка. Он был со мной еще под Москвой. Оставить его здесь, когда полк уедет. значит, предать его. Если вы хоть один день были на фронте, вы обязаны меня понять и сделать то, о чем я прошу: солдат должен уехать со своим полком.

— Нет, майор. Я такой же солдат, как и вы, и я выполняю приказ.

— Но, может быть, на транспорте есть санитарный изолятор? — не сдавался майор.

Дементьев задумался и сказал:

— Этот транспорт я еще не осматривал. Могу вам пообещать только одно: если на нем есть изолятор минимум на четыре места, я вашего солдата пропущу.

— Когда вы это узнаете?

— Сейчас.

Дементьев направился мимо контрольного поста, но на его пути встал лейтенант — розовощекий юнец с голубыми глазами. Дементьев заметил в его глазах нерешительность. Но тут совершенно неожиданно вмешался майор:

— Что вы делаете, лейтенант? Это санитарный инспектор, отвечающий за всю эвакуацию.

— Должен быть пропуск, — робко вымолвил лейтенант.

— Пожалуйста!

Дементьев протянул лейтенанту все ту же свою бумагу. Лейтенант даже не дочитал ее до конца, вернул Дементьеву и взял под козырек.

— Очень прошу вас, капитан, найдите там, на причале, полковника Кунгеля и представьтесь ему. Без его разрешения я не имею права...

— Мне незачем представляться полковнику Кунгелю, мы с ним давно знакомы... — небрежно сказал Дементьев и пошел к заветному причалу.

Под погрузку только что был поставлен огромный транспорт под названием «Аэлита». Матросы торопливо прилаживали широкие трапы. Это были те самые собирающиеся по сегментам трапы, о которых в кафе толко-

вали три офицера инженерных войск. «Все-таки успели...» — подумал Дементьев. Возле транспорта стояла группа офицеров и, по-видимому, капитан транспорта — полный мужчина в черной морской куртке.

— Простите, господа офицеры... — Дементьев учтиво козырнул всем, — мне нужен капитан «Аэлиты».

— Я капитан, — произнес человек в черной куртке.

— Вот вам мой мандат. — Дементьев дал ему свою бумагу.

Капитан прочитал и снисходительно улыбнулся:

— Что же вы от меня хотите?

— Я должен осмотреть все помещения корабля. И главным образом те, которые займут солдаты. Короче говоря, трюмы.

— Зачем это? — вмешался в разговор полковник с холодным, чуть одутловатым лицом.

— Вы полковник Кунгель? — Дементьев вытянулся.

— Да, я полковник Кунгель.

— Капитан Рюкерт, санитарный инспектор эвакуации. Вот мой мандат.

Полковник брезгливо отмахнулся от протянутой ему бумаги:

— Хорошо, хорошо... Делайте свое дело, но помните: солдаты простят нам, что мы вывезли их отсюда не в каюте первого класса.

— Но вы же понимаете, — с жаром возразил Дементьев, — какую опасность может представить эпидемическое заболевание в условиях...

— Делайте свое дело!.. — раздраженно прервал Дементьева полковник Кунгель и повернулся к капитану «Аэлиты»: — Пусть ему покажут трюмы...

Дементьев осматривал трюмы в сопровождении молчаливого помощника капитана, который шел позади него, хлюпая короткой трубкой-носогрейкой и распространяя едкий дым дешевого табака. Что бы ни говорил Дементьев, он молчал. Наконец они поднялись на палубу.

— Когда отходите? — строго спросил Дементьев.

— Должны были в девятнадцать тридцать, но помешали русские бомбардировщики, — медленно, не вынимая изо рта трубки, проговорил помощник капитана. —

Если не помешают, уйдем в двадцать три ноль-ноль. Говорят, есть приказ выходить только в темноте.

— Сколько человек примете на борт?

— Сколько влезет. — Трубка захлюпала, и Дементьеву показалось, что помощник капитана смеется.

— Сегодня уйдут еще и другие корабли?

— Вряд ли... — Помощник капитана вырвал изо рта трубку и вдруг заговорил быстро и возмущенно: — Хотел бы я видеть дурака, который придумал эту организацию! Десятки кораблей в страхе перед бомбежкой держат на открытом рейде, а сюда, под погрузку, ставят по одному. Пока мы уйдем, пока пришвартуется другой транспорт, пройдет часа три-четыре, а ведь к этому причалу можно сразу поставить пять кораблей. Дураки! — Он сердито воткнул трубку в рот и снова замолчал.

Дементьев расписался в судовом документе и спустился на причал. Кунгель встретил его насмешливым взглядом:

— Ну, капитан, вам удалось поймать там заразную блоху?

— Трюм в приличном состоянии, — сухо ответил Дементьев и обратился к капитану «Аэлиты»: — Сделайте все, что возможно, в отношении вентиляции.

— Хорошо, — буркнул капитан и посмотрел на часы: — Пора начинать...

Кунгель пошел к пропускному пункту, рядом с ним шагал Дементьев. Полковник, словно извиняясь перед ним, сказал:

— Каждый из нас делает свое дело. Нужно только не мешать друг другу.

— Но все-таки нужно предусматривать все, что можно предусмотреть в смысле заботы о жизни наших солдат.

— Тогда надо начать с того, чтобы запретить русским пользоваться авиацией!.. — Полковнику явно понравилась его шутка, и он долго смеялся, поглядывая на Дементьева. — Капитан, вы бывали на фронте?

— Начиная с Франции и все время, — четко, точно рапортуя, ответил Дементьев.

— Странно, что фронт не убил в вас педанта. Вы понимаете вообще, что происходит?

— Идет война. И мы обязаны сделать все для победы! — восторженно произнес Дементьев.

Полковник посмотрел на него, вздохнул и больше уже ничего не говорил...

Солдаты серо-зеленой лавиной ринулись на оперативный причал. Ревя моторами, ползли танки, тягачи катили орудия. Дементьев вместе с полковником Кунгелем стоял у пропускного пункта, и лейтенант мог убедиться, что они действительно знакомы.

— Когда будут грузить следующий транспорт? — спросил у Кунгеля Дементьев.

— Не знаю, — сухо обронил полковник. — Может быть, ночью.

— Помощник капитана «Аэлиты» сказал мне, что организация эвакуации плохая.

— Да? — Полковник потер ладонью пухлую, до блеска выбритую щеку.

— Он сказал, что одновременно можно грузить пять транспортов, — продолжал Дементьев.

— А генерал Троттер считает, что нужно грузить по одному, — с неясной интонацией сказал Кунгель.

— Надо сообщить ему мнение специалистов-моряков.

— Это сделать очень трудно, капитан: генерал Троттер еще вчера улетел в Берлин.

— Кто-то же остался вместо него?

Полковник промолчал.

— Когда же мне явиться для осмотра следующего транспорта? — почтительно спросил Дементьев.

— Что-нибудь около полуночи, — ответил полковник и отвернулся к лейтенанту пропускного пункта.

— До свидания, полковник Кунгель.

Полковник небрежно козырнул, не оборачиваясь к Дементьеву и не прерывая начатого разговора с лейтенантом.

13

Три дня и три ночи Дементьев осматривал каждый ставившийся под погрузку корабль, присутствовал при его отплытии и немедленно радировал об этой новой цели для нашей авиации. И эти корабли в порт назначения не прибывали. Советские бомбардировщики,

торпедоносцы быстро находили их в открытом море и появлялись на их курсе так точно, что гитлеровское командование не могло не подумать о том, что советская авиация получает точные сведения о выходе каждого корабля. Тотчас из Берлина последовал секретный приказ ставки — принять необходимые и самые строгие меры предосторожности.

Дементьев, конечно, ожидал, что гитлеровцев осенит такая догадка, но никаких контрмер против этого он предпринять не мог. Он мог только надеяться, как и прежде, что в панике эвакуации гитлеровцы пеленгацию радиостанций уже не производят.

Глубокой ночью под погрузку стал итальянский транспорт «Венеция». Черная его громада еле виднелась в густой ночной темноте. Ни огонька вокруг, запрещалось даже зажигать спички. Полковник Кунгель был в крайне нервном состоянии. Дементьев не знал, что́ произошло здесь, на причале, за полчаса до его появления.

А произошло вот что... Как только «Венеция» пришвартовалась, Кунгель поднялся на капитанский мостик. В это время к кораблю подъехали три грузовика с ящиками. Солдаты, прибывшие на грузовиках, немедленно начали таскать ящики на палубу. Помощник капитана пытался их остановить, но тут из темноты вынырнул офицер в кожаном реглане, назвавшийся уполномоченным гестапо Брандтом. Он отбросил помощника капитана от трапа и сказал:

— Я действую по приказу рейхсминистра Гиммлера. За сопротивление — расстрел на месте!

Помощник капитана побежал на мостик и застал там капитана вместе с полковником Кунгелем. Он рассказал им о своей стычке с гестаповцем.

— Кроме меня, здесь никто приказывать не может! — сказал Кунгель и спустился по трапу на причал.

Погрузка ящиков продолжалась. Кунгель подошел к солдатам.

— Остановить погрузку! — крикнул он, и тотчас перед ним возник Брандт. — С кем имею честь? — спросил Кунгель.

— Брандт! Гестапо! А кто вы?

— Полковник Кунгель. Я отвечаю за погрузку.

— Очень хорошо! — Голос Брандта звучал насмешливо. — Это значит, что вы ответственны за погрузку этих ящиков секретного груза. Отправитель и получатель — гестапо. Вам все понятно?

Полковник Кунгель молчал. Случись все это еще вчера, он, не задумываясь, вызвал бы солдат из охраны порта и вышвырнул бы и эти ящики, и этого не предъявившего никаких документов гестаповца. Приказ, которому подчинялся и который выполнял Кунгель, говорил только об эвакуации войск... Но сегодня вечером, находясь в штабе, Кунгель имел очень неприятный разговор со своим непосредственным начальником полковником Штраухом о потоплении кораблей русской авиацией.

— У вас никаких подозрений на этот счет нет? — настойчиво спрашивал Штраух.

— Нет, я гружу войска, и все.

— Напрасно. Тот, кто осведомляет русских, должен находиться на оперативном причале, рядом с вами, полковник. У него данные слишком точные. Берлин в бешенстве, и у нас с вами могут быть крупные неприятности.

Вот почему полковник Кунгель сейчас молчал, изо всех сил подавляя в себе раздражение против наглого гестаповца.

— Прошу вас приостановить погрузку, — сказал Кунгель. — Я снесусь со штабом.

— Делайте что хотите, но не мешайте мне выполнять приказ рейхсминистра!

Кунгель пошел к сторожке, где был телефон. Брандт приказал солдатам продолжать погрузку ящиков. Час был поздний — Кунгель с трудом дозвонился до квартиры полковника Штрауха. Выслушав донесение Кунгеля о самовольном действии офицера гестапо, Штраух долго молчал.

— Принимайте решение сами, исходя из обстановки, — наконец сказал он и повесил трубку, явно избегая продолжения разговора.

Кунгель вернулся на причал, и как раз в это время к нему подошел Дементьев. Брандт был на корабле.

На приветствие Дементьева Кунгель не ответил. Солдаты, тащившие ящики, толкнули их.

— Что это за погрузка? — спросил Дементьев у Кунгеля.

— Гестапо, — коротко обронил полковник и отошел в сторону.

В темноте Дементьев не мог рассмотреть надписи на ящиках, а как раз эти надписи были ему знакомы и могли предупредить его, что где-то поблизости находится Брандт.

Дементьев по трапу взбежал на «Венецию» и начал уже ставший ему привычным осмотр судна. Выбравшись из главного трюма, он шел по узкому коридору, вдоль матросских кают.

Коридор был чуть освещен единственной тусклой лампочкой, запрятанной в сетчатый колпак.

Впереди послышались шаги: кто-то шел навстречу Дементьеву. Необъяснимое чувство мгновенно предупредило Дементьева: впереди опасность! Он прижался в угол возле двери. По коридору шел Брандт. Еще десять — пятнадцать шагов — и он увидит Дементьева. Эти шаги измерялись секундами, в течение которых Дементьеву нужно было принять решение.

Брандт все ближе и ближе... Вот он уже занес ногу, чтобы перешагнуть через высокое ребро корабельной переборки. Он видит Дементьева... Но вряд ли он успевает понять, что происходит.

Дементьев с силой ткнул ему пистолет в грудь и выстрелил.

Звук выстрела прозвучал глухо и негромко. Брандт взмахнул руками и грузно повалился на Дементьева. Подхватив обмякшее тело гестаповца, он взвалил его на плечо, поднес к двери, которая вела в трюм, и бросил в черную пропасть. Потом вернулся в коридор, убедился, что никто случившегося не видел, и быстро спустился в трюм. Он запихнул тело Брандта под доски и завалил его бочками.

Через несколько минут Дементьев сошел на причал к полковнику Кунгелю.

— Что это за офицер в кожаном пальто сошел сейчас с корабля по носовому трапу? — спросил Дементьев.

— Хозяин интересовавших вас ящиков, — ответил Кунгель.

Солдаты спустились с корабля на причал, чтобы забрать новую партию ящиков.

Теперь Дементьев уже знал, что это за груз, и лихорадочно обдумывал, как помешать погрузке. С борта «Венеции» Кунгеля позвал капитан. Дементьев остался один...

Солдаты, переругиваясь, тащили ящики к причалу, и вдруг перед ними возникла рослая фигура незнакомого офицера. Это был Дементьев.

— Где здесь солдаты, работающие под командой уполномоченного гестапо Брандта? — строго спросил Дементьев.

— Мы эти солдаты, — недовольно ответил один из них.

— Брандт срочно вызван в штаб. Он прислал меня с приказанием прекратить погрузку. То, что погружено, снять обратно на причал и сложить вон там... Быстро! А потом сами можете погрузиться на этот транспорт.

Последние слова Дементьева мгновенно погасили

вспыхнувшее было озлобление солдат. Они бросили ящики и весело побежали по трапу на борт «Венеции».

Вернувшись на причал, Кунгель с удивлением смотрел на солдат, тащивших ящики обратно с корабля на причал.

— Что здесь случилось? — спросил он у Дементьева.

— Кто может знать? — безразлично ответил Дементьев. — Гестапо есть гестапо. Прибегал какой-то их офицер, приказал сгрузить все обратно, а солдатам погрузиться на пароход.

«Видимо, Штраух все-таки распорядился», — подумал Кунгель.

«Венеция» отчалила в пятом часу утра. Как только ее черный силуэт растаял в предрассветной мгле, Дементьев покинул порт. А через полчаса его радиограмма об отплытии «Венеции» уже лежала на столе Довгалева.

Передав радиограмму, Дементьев хотел тотчас лечь спать, но вдруг почувствовал страшную слабость. У него не было даже сил упаковать рацию. Лоб покрылся холодной испариной.

«Неужели я заболел?» — с ужасом подумал он.

Расстегнув китель, он приложил руку к сердцу. Оно билось резкими, замедленными толчками. Но температуры как будто не было. И Дементьев понял: это нервы с запозданием реагировали на пережитое им в эту ночь. И тогда все, что случилось, снова прошло перед глазами. Только теперь события развертывались неторопливо, а главное, впереди уже не было неожиданностей... Постепенно Дементьев успокоился, закрыл чемодан с рацией и прилег.

Всю ночь ему снился один и тот же страшный сон. Будто он подходит к железной двери, на которой прикреплена табличка «Вход воспрещен», и прекрасно знает, что к этой двери нельзя даже прикоснуться, и вдруг на двери, там, где только что была запретная табличка, появляется лицо Брандта, который, прищурясь, смотрит на него и спрашивает: «Боишься?»

Дементьев делал решительный шаг к двери и брался за медную кроваво-красную ручку. Его начинал бить электрический ток. Дементьев хотел оторвать руку, но не мог, терял сознание, падал и просыпался. Несколько

минут он сознавал, что все это было в глупом, почти детском сне, успокаивался, но потом снова засыпал и снова оказывался перед железной дверью с табличкой «Вход воспрещен».

14

В семь часов утра Дементьев решительно встал с постели. Боясь разбудить хозяйку, он осторожно прошел в ванную комнату, побрился и умылся холодной водой. Но когда он вышел из ванной, хозяйка уже ждала его в передней. Произошел еще один тягостный разговор. Дементьев упрямо заверял ее, что картины будут найдены. На этот разговор ушла уйма времени. Наконец Дементьев выбрался из дома.

Как и вчера, все улицы вблизи порта забиты войсками, но был уже наведен порядок. Технику расставили по дворам, и на улицах уже не было вчерашней толчеи. На воротах, на стенах домов нарисованы условные номера или символические обозначения частей. Дементьев улыбнулся, увидев нарисованную на облезлых воротах голову льва: царя зверей загнали на грязные задворки.

У входа в порт Дементьев увидел нечто новое. В воротах стояли четыре эсэсовца с автоматами на груди. К сожалению, Дементьев увидел их, уже пересекая площадь, когда свернуть в сторону было поздно — это могло вызвать подозрение. Дементьев только чуть замедлил шаг, чтобы успеть обдумать новую ситуацию. Очевидно, командование решило усилить охрану порта, и все. Смело вперед!

У него даже мелькнула гордая мысль: «Это из-за меня».

Дементьев хотел пройти между эсэсовцами, как бы не обращая на них внимания. Один из них выдвинул автомат, и проход оказался закрытым.

— В чем дело? — спросил Дементьев.

— Пропуск.

Дементьев вынул из кармана свою бумагу, но эсэсовец даже не взял ее:

— Нужен новый пропуск.

Другой эсэсовец добавил:

— С сегодняшнего дня введены новые пропуска. Пройдите вон в тот дом...

Это был уже знакомый Дементьеву дом коменданта порта. Он заходил туда, якобы разыскивая какие-то грузы для своего полка. Тогда в коридоре было полно людей, а теперь — ни души. И сразу Дементьев понял, что здесь обосновалось гестапо.

— Где здесь выдают новые пропуска в порт? — обратился Дементьев к проходившему гестаповцу.

— Комната номер девять, — не посмотрев на Дементьева, ответил гестаповец.

Когда Дементьев был уже в трех шагах от этой комнаты, дверь распахнулась и два гестаповца вытащили в коридор пожилого человека в форменной морской фуражке и кителе.

— Выслушайте меня! — кричал человек. — Я сотрудник портовой метеостанции... Моя обязанность...

Какова была обязанность у этого человека, Дементьев уже не расслышал — человека впихнули в другую комнату...

Заходить в девятую комнату или, пока не поздно, вообще уйти отсюда? Но уйти — это значит, что полковник Довгалев больше не получит от Дементьева сведений, транспорты беспрепятственно повезут гитлеровские войска в Германию, и они выступят против Советской Армии. В общем, уйти — значит не выполнить боевого приказа.

На эти размышления Дементьеву понадобилось не больше секунды. Презирая себя за то, что в мыслях могло хотя бы мелькнуть подлое «или», Дементьев решительно открыл дверь и вошел в девятую комнату. Комната была большая. Посередине ее перегораживал длинный стол, за которым сидели рядом два гестаповца. Против двери, в которую вошел Дементьев, по ту сторону стола, была другая дверь. Наверно, раньше в этой комнате производился таможенный досмотр морских пассажиров.

Дементьев закрыл за собой дверь и, как все боевые офицеры гитлеровской армии, не любящие тянуться перед гестаповцами любых чинов, медленно подошел к столу и без всякого обращения спросил:

— Здесь выдают новые пропуска в порт?

— Кто вы такой? — быстро спросил гестаповец.

— Капитан Рюкерт. Я отвечаю за санитарное состояние кораблей.

Гестаповцы переглянулись.

— Ваши документы, капитан?

Дементьев решил сначала предъявить свое офицерское удостоверение. Это был совершенно надежный документ, ибо на нем даже фамилия «Рюкерт» была подлинной.

— Здесь указана дивизия, которой уже нет.

— Совершенно верно, — спокойно согласился Дементьев. — Я из немногих, которым удалось прорваться обратно.

— А каким образом вы вдруг стали заниматься санитарными делами?

— Вернувшись сюда, я получил это назначение.

— Из чего это видно?

Наступает решающий момент — Дементьев вынимает из кармана свою самодельную бумагу и протягивает ее гестаповцам.

Вечностью показались ему минуты, пока гестаповцы порознь, а потом вместе рассматривали непривычный для них документ. Потом они о чем-то тихо переговорили. Один из гестаповцев положил бумагу в стол и сказал:

— Мы обязаны все проверить. Обижаться не следует, капитан. Таково время и положение. В порту действует враг, и это стоит жизни тысяч и тысяч наших солдат. Явитесь сюда в шестнадцать ноль-ноль... — Гестаповец замялся и добавил: — За пропуском.

Дементьев вышел на площадь. Еще не было двенадцати часов. Впереди четыре часа ожидания. То, что ровно в шестнадцать он войдет в девятую комнату, он знал так же твердо, как свое имя. Но раз уж даны ему эти четыре часа, нужно ими воспользоваться и проанализировать все возможные и невозможные варианты того, что произойдет в девятой комнате в шестнадцать ноль-ноль.

Дементьев вернулся на квартиру и передал короткую радиограмму полковнику Довгалеву:

«Возникли осложнения, слушайте меня вечером...»

15

За четыре часа человек ровной походкой может пройти десять километров. Вероятно, это расстояние Дементьев и вышагал по своей комнате. Заложив руки за спину, с окаменевшим лицом, он ходил из угла в угол, задавая себе самые сложные, самые каверзные вопросы и тут же на них отвечая. Иногда, если ему удавалось придумать такой сложный и опасный вопрос, что сразу ответить на него он не мог, он останавливался и напряженно думал. Ответ найден! На лице Дементьева чуть заметная тень довольной улыбки, и снова он ровным шагом ходит из угла в угол...

В половине четвертого он вышел из дому. Без трех минут четыре он был уже перед дверью в девятую комнату, но решил войти туда точно в назначенное ему время.

Мимо него в девятую комнату прошел один из тех двух гестаповцев. Через дверь Дементьев ясно услышал, как гестаповец, войдя в комнату, удивленно произнес: «Он пришел!» Будто холодным ветром пахнуло в лицо Дементьеву.

Дверь приоткрылась.

— Капитана Рюкерта просят зайти.

Дементьев вошел в комнату, посмотрел на часы, улыбнулся.

— Мне приказано явиться в шестнадцать ноль-ноль. Сейчас без одной минуты... — Говоря это, Дементьев успел заметить, что, кроме двух уже знакомых ему гестаповцев, в комнате находился третий. Все они с любопытством разглядывали Дементьева.

Третий, сидевший в кресле по эту сторону стола, молча показал Дементьеву на стул, стоявший у стены. Дементьев сел. Ясно: третий среди них — старший. Гестаповцы продолжали его разглядывать. Потом тот, третий, перестал на него смотреть и с совершенно безразличным лицом, подняв золотые очки на лоб, начал разглядывать ногти на своих руках. Дементьев уже безошибочно чувствовал, что главная опасность — именно этот флегматичный, бледнолицый гестаповец.

Наконец заговорил один из гестаповцев, которого Дементьев уже знал:

— Капитан Рюкерт, документ, который вы нам предъявили, вызывает подозрение. Кто вам его выдал?

— Начальник отдела по организации гражданского тыла Герман Мельх, — мгновенно ответил Дементьев. — Впрочем, все это указано в мандате.

— Какое отношение названный вами Мельх мог иметь к вопросам санитарного состояния транспорта?

— Этого я не могу знать.

Бледнолицый, продолжая разглядывать ногти, лениво спросил:

— Какова история вашего назначения на этот пост?

— Прошу прощения, господа офицеры, — Дементьев улыбнулся, — но я эту историю, пожалуй, изложить не смогу. Я войсковой офицер, впервые попал в атмосферу больших штабов и, признаться, не успел разобраться в тонкостях структуры даже своего отдела.

Бледнолицый оставил в покое свои ногти, опустил очки и впился в Дементьева острыми, увеличенными стеклами глазами.

— Когда вы попали в Н.?

Дементьев точно назвал число и продолжал:

— Я прибыл сюда ночью и явился в комендатуру штаба. Там мне дали направление в отель «Бристоль»...

— Минуточку, — прервал Дементьева бледнолицый. — На каком участке фронта вам удалось прорваться к своим?

— Линию фронта я перешел на участке дивизии «Гамбург». Сутки после этого я был гостем заместителя начальника штаба дивизии майора Борха.

— Прекрасно... — Бледнолицый встал, подошел к телефону и набрал номер. — Говорит Крамергоф. Мне срочно нужна справка по командному составу дивизии «Гамбург». Прежде всего — фамилию заместителя начальника дивизии... Я жду...

Все в комнате молчали. Дементьев обиженно улыбался. Он прекрасно знал, что́ сейчас услышит по телефону Крамергоф. Он услышит именно ту фамилию, которую назвал Дементьев. Если вся проверка сведется только к этому, гестаповцы — балбесы. Такими-то заранее подготовленными данными хороший разведчик должен располагать в обязательном порядке.

— Да, я слушаю... Так. Спасибо...

Крамергоф положил трубку и вернулся в свое кресло. Гестаповец, сидевший за столом, сказал:

— Вы остановились на том, что получили направление в гостиницу «Бристоль». Продолжайте.

— Я оказался там в одном номере с майором Занделем, номер комнаты триста пять. Мы, естественно, познакомились. Зандель, узнав мою грустную историю, видимо, проникся ко мне симпатией и помог устроиться при штабе. Он сам работал как раз в отделе Мельха. Но сначала я пошел просить назначения на фронт. К сожалению, я этого назначения не получил. В штабе всем было не до меня. Тогда мне пришлось воспользоваться любезной помощью майора Занделя. В отделе Мельха я занимался эвакуацией музея и библиотеки. Работал вместе с уполномоченным гестапо Брандтом.

— Брандт? — удивленно воскликнул Крамергоф и переглянулся с гестаповцами. — Это интересно! Когда вы последний раз видели Брандта?

— В день, когда я эвакуировал фонды библиотеки. Он принял от меня груз и повез его в порт. Больше я его не видел.

— Разве ваша работа у Мельха на том и закончилась? — спросил Крамергоф, теперь уже не сводя глаз с Дементьева.

— Совершенно правильно. Дальше моя судьба сложилась так. Вечером Мельх вызвал меня, вручил мне тот самый документ, который вызывает у вас подозрение, и сказал, что утром он мне объяснит мои новые обязанности. А когда я утром пришел, уже не было ни Мельха, ни его штаба. Он уехал, кажется, с первым же транспортом. Зачем ему понадобилось таить от меня отъезд, мне непонятно. Он, конечно, поставил меня в глупое положение. Тем не менее свои обязанности я как мог исполнял.

— Во время прорыва вашей дивизии вы в руки к русским не попадали? — быстро спросил Крамергоф.

— Если бы это случилось, — Дементьев пожал плечами, — я бы не сидел перед вами.

— Ответьте, пожалуйста, без «если»: были вы в плену хоть один час?

— Ни минуты. Мой батальон попал в окружение в районе торфяных болот. Здесь нас утюжила авиация. Потом я с группой уцелевших солдат выбрался из болота, и лесами, что юго-восточнее прежнего расположения моей дивизии, мы вышли в район позиции дивизии «Гамбург». Ночью с боем прорвались к своим. Уцелело нас трое.

— Кто эти уцелевшие? Их имена и где они сейчас? — мгновенно спросил Крамергоф.

— Иоганн Рихтер, капрал, — так же мгновенно ответил Дементьев. — Он остался в дивизии «Гамбург». Карл Ландхарт, лейтенант, ранен в плечо, положен в госпиталь при штабе дивизии «Гамбург». Третий — я.

Крамергоф злобно рассмеялся:

— Ах, какая точность! Вы же прекрасно знаете, что дивизия «Гамбург» уже эвакуирована отсюда, и потому не боитесь проверки.

Дементьев обиженно молчал, смотря мимо Крамергофа.

— Слушайте, как вас там... Рюкерт, что ли? Скажите прямо: кто вы на самом деле? — спросил Крамергоф.

Дементьев молчал, не меняя позы.

— Может быть, вы просто господин дезертир? — злобно выкрикнул Крамергоф.

Дементьев резко повернулся и, впившись в Крамергофа бешеным взглядом, заговорил громко, со злостью, чеканя каждое слово:

— Когда мой фюрер вручал мне в Париже «железный крест», я сказал ему: «С вами до конца!» Фюрер сказал: «Идти надо далеко...» И я пошел этим дальним путем, не обходя трудности и не прячась от войны в штабах. Я всегда уважал людей гестапо, считая их верной охраной моего фюрера. И я не верил россказням о гестапо, распространяемым плохими немцами. А вы, видимо, добиваетесь, чтобы я им поверил. Все равно не поверю, потому что вы всего лишь один из офицеров гестапо. Больше я на ваши вопросы не отвечаю. Можете поступать со мной как хотите. Хайль Гитлер!

В комнате стало тихо. Уголками глаз Дементьев следил за гестаповцами и видел, что его гневная тирада произвела на них впечатление.

Крамергоф привстал, взял со стола самодельный мандат Дементьева и, брезгливо держа его за уголок, уже спокойно сказал:

— Согласитесь, что этот документ странный и не может у нас не вызвать подозрения.

— Не знаю! — резко произнес Дементьев. — Я уже сказал, что я не специалист по штабным документам. На войне я привык выполнять приказ. И эта вызывающая ваше подозрение бумага была для меня приказом, который я свято выполнял. Если вы вправе отменить приказ, сделайте это и, ради всех святых, помогите мне оказаться там, где воюют солдаты, а не... — Дементьев не договорил, твердо смотря в глаза гестаповцу. Он внутренне торжествовал: он видел, что Крамергоф сбит с толку и не знает, как дальше вести разговор.

— Вернемся к вопросу о Брандте, — помолчав, заговорил Крамергоф. — Дело в том, что на имя Брандта в Н. продолжали поступать очень важные распоряжения из ставки. Не дальше как сегодня пришла радиодепеша за подписью Кальтенбруннера, в которой предписывалось во что бы то ни стало разыскать Брандта... Значит, когда вы видели Брандта последний раз?

— В день эвакуации фондов библиотеки, — усмехаясь, ответил Дементьев. — Он принял от меня ящики с грузом и повез в порт. Больше я его не видел. К этому ничего не смогу прибавить, отвечая вам даже в сотый раз.

— Вы полковника Кунгеля знаете? — быстро спросил один из гестаповцев.

Дементьев насторожился:

— Полковник Кунгель... полковник Кунгель... — Выигрывая секунды для обдумывания этой новой ситуации, Дементьев делал вид, что силится припомнить эту фамилию. — Очень знакомая фамилия... Ах, да... Ну конечно! Он был ответственным за погрузку войск на транспорты.

— Совершенно верно! — оживленно подхватил Крамергоф. — Что вы можете сказать о нем?

— Очень немного. Я видел его два или три раза.

— Вы разговаривали с ним?

— Да.

— Не припомните, какие мысли он высказывал, к примеру, о ходе войны?

— Столь общих разговоров у нас не было. Разве только... — По тому, как мгновенно насторожился Крамергоф, Дементьев понял, что он делает правильный ход. — В общем, у меня сложилось впечатление, что Кунгель в порученном ему деле был совершенно не заинтересован. Когда я получил назначение, я сам, учитывая военную ситуацию рейха, выразил Мельху свое недоумение: зачем этот санитарный бюрократизм? Но Мельх разъяснил мне, что речь идет об устранении опасности завезти в Берлин эпидемические болезни, и я понял, что моя работа серьезная, и взялся за нее со всей ответственностью. А полковник Кунгель к моей работе отнесся насмешливо: он утверждал, что солдатам фюрера неважно, в каких условиях их эвакуируют, лишь бы удрать отсюда. Далее... Моряки критиковали организацию эвакуации, давали совет, как ее ускорить. Я передал их советы Кунгелю, но он отказался к ним прислушаться...

— Что это были за советы?

— Ну, например, чтобы грузить войска сразу на пять кораблей...

— Так, так... — Крамергоф все записывал.

Дементьев видел, что его показания очень интересуют гестаповцев, и догадывался, чем этот интерес был вызван.

...Кунгель был арестован гестапо накануне, но на допросах он очень искусно разбивал все ухищрения гестаповцев сделать его виновным во всех семи смертных грехах. А Крамергофу, головой отвечающему за расследование обстоятельств потопления кораблей, нужно было показать рвение и отдать под расстрел кого угодно, хотя бы того же полковника Кунгеля. Час назад он думал проделать это с Дементьевым, но по ходу его допроса пока отказался от этой мысли. Дементьев давал ему в руки козыри против изворотливого Кунгеля.

Записав все, Крамергоф спросил:

— Вы подтвердите все это на очной ставке?

— Безусловно.

Крамергоф приказал привести Кунгеля. Ожидая его появления, Дементьев еще раз припомнил все свои разговоры с полковником на оперативном причале.

Кунгеля усадили напротив Дементьева. Полковник насмешливо посмотрел на него и спросил:

— Вы тоже зачислены в пятую колонну рейха?

Дементьев не ответил. Крамергоф, повысив голос, сказал:

— Не разговаривать! Вы будете отвечать на вопросы.

— И прекрасно. Разговаривать с вами у меня нет ни малейшего желания! — Лицо Кунгеля сделалось непроницаемым и надменным.

— Капитан Рюкерт, повторите, что говорил вам Кунгель по поводу эвакуации наших войск отсюда.

— Он утверждал, что солдатам фюрера совершенно неважно, в каких условиях их отсюда вывезут, важно — удрать.

— Вы говорили это, Кунгель?

— Нет. Санитарный инспектор из... гестапо сказал неправду... — Теперь Кунгель с ненавистью смотрел на Дементьева.

— Хорошо. Я припомню наш разговор поточнее... — Дементьев сморщил лоб. — Так. Вы разве не говорили мне, что наши солдаты простят нам, что мы вывезем их отсюда не в каютах первого класса?

— Это говорил. Но это же совсем другое. Я думал...

— Абсолютно ясно, что вы думали! — грубо оборвал его Крамергоф.

— Я передавал вам, — продолжал Дементьев, — что моряки критикуют порядок эвакуации и советуют, как лучше ее организовать. Помните, я просил вас довести это до сведения вашего начальства? Вы сделали это?

— Нет, — твердо ответил полковник Кунгель.

— А почему бы вам не прислушаться к советам специалистов и не улучшить организацию эвакуации? — быстро спросил Крамергоф.

— Я выполнял приказ. В армейских условиях рекомендуемая вами самостоятельность недопустима.

— Но вы же не так глупы, чтобы не понимать, что за лучшее проведение эвакуации вас ожидала только благодарность.

— Нет, я как раз настолько глуп, чтобы беспрекословно выполнять тот приказ, который я получил от высшего командования.

— Все ясно. Уведите его! — приказал Крамергоф.

Кунгеля увели. Несколько минут Крамергоф молчал, устремив задумчивый взгляд в пространство. Потом он обратился к Дементьеву:

— Сейчас мы дадим вам пропуск, и вы сможете продолжать исполнение своих обязанностей. А завтра в девять утра явитесь к нам, ибо на каждый день мы выдаем новые пропуска.

Дементьев улыбнулся:

— Это нетрудно... Если, конечно, каждый день у нас не будет столь подробных бесед...

— В дальнейшем разговоры наши будут короче, — сухо обронил Крамергоф.

Дементьев взял пропуск, направился к двери, но тут же вернулся.

— Вы, случайно, не знаете: днем погрузка будет?

— Нет. В полночь под погрузку поставят сразу два транспорта, а может, и больше. Нам надо торопиться.

Дементьев тревожно посмотрел на Крамергофа:

— Можно задать вам еще один вопрос?

— Пожалуйста.

— Как обстоят дела там, в Германии?

Крамергоф ответил не сразу. Дементьев заметил, что на мгновение лицо его стало мрачным, но тут же гестаповец изобразил улыбку и сказал:

— Все в порядке, капитан. Война продолжается, а наш фюрер сказал: «Пока есть один немецкий солдат...»

— «...есть и великая Германия!» — быстро подхватил Дементьев и выбросил вверх правую руку. — Хайль Гитлер!

— Хайль! — глухо отозвался Крамергоф.

Дементьев вышел. Когда дверь за ним закрылась, Крамергоф сказал:

— И все-таки с этим Рюкертом что-то нечисто. Чувствую, что нечисто.

— Может, лучше его, на всякий случай, арестовать? — предложил один из гестаповцев.

— Успеем. Давайте-ка установим за ним наблюдение. Сейчас же...

Дементьев прошел по коридору шагов десять, и в это время раздался оглушительный взрыв.

Тяжелая авиабомба, как потом выяснилось, угодила в соседний дом. Воздушная волна вырвала окна и

проломила стену в коридоре. Дементьева швырнуло на пол. Маленький осколок стекла вонзился ему в щеку. Оглушенный, он прижался к стене и вытащил стекло из сильно кровоточившей ранки.

Захлопали двери, из всех комнат в коридор выбегали гестаповцы. Не обращая внимания на Дементьева, они, грохоча сапогами, бежали к лестнице, которая вела в убежище. Из девятой комнаты вышел Крамергоф. Он помог Дементьеву встать и повел его в убежище.

В тесном подвале гестаповцы жались к стенам, напряженно прислушиваясь, но взрывов больше не было.

Крамергоф усадил Дементьева на пол, взял из аптечки санитарный пакет и протянул его Дементьеву:

— Перевяжите рану.

— Ерунда, — отмахнулся Дементьев. — Всего лишь кусочек стекла. Нет ли в аптечке йода?

Крамергоф подал йод.

Дементьев продезинфицировал ранку и закрыл ее пластырной заплаткой.

Постепенно в подвале возник разговор, из которого Дементьев выяснил, что и гестаповцев остро волнует все тот же вопрос: когда их эвакуируют? Разговор об эвакуации стал чересчур шумным. Полковник Крамергоф встал и властно крикнул:

— Прошу замолчать! Идите работать!

Гестаповцы, хмуро переговариваясь, начали выходить из подвала. Очевидно, Крамергоф был среди них начальником.

— Вы куда? — обратился он к Дементьеву.

— Пойду на квартиру. Может, смогу немного поспать.

— Скажите ваш адрес... на случай, если вы понадобитесь еще сегодня.

— Бастионная улица, четыре, квартира девять.

16

Когда Дементьев вышел на площадь, соседний дом, в который попала бомба, еще горел, и возле него суетились солдаты и пожарники. Дементьев быстро пересек площадь и свернул в узкую улочку. Надо бы ему хоть

раз оглянуться — тогда он заметил бы, что за ним неотступно следует человек в штатском. Но Дементьев шел не оглядываясь. Впрочем, посланный Крамергофом шпик на этот раз смог установить только то, что Дементьев полковника не обманул и вошел в дом четыре по Бастионной улице. Через минуту шпик доложил об этом по телефону Крамергофу и получил приказ продолжать наблюдение вплоть до следующего дня.

...Хозяйка квартиры встретила Дементьева с удивлением:

— Как? Вы еще не уехали?

— А почему я должен уезжать раньше всех? — зло спросил Дементьев.

— Мы с дочерью только что слушали радио... — Хозяйка злорадно улыбнулась. — Бои идут уже в Берлине.

— За слушание и распространение московской пропаганды мы расстреливаем! — Дементьев быстро прошел в свою комнату и захлопнул дверь.

По тому, как лицо хозяйки мгновенно залилось краской, он понял, что угадал, откуда у нее это радостное для него сведение...

Бои под Берлином!..

Дементьев вспомнил суровую декабрьскую ночь сорок первого года. Он возвращался из Москвы на фронт, торопился к ночи попасть в свою часть. Дело в том, что эта ночь была новогодняя. Днем, закончив дела в Москве, Дементьев ринулся на Можайское шоссе ловить попутную машину. Подсел в разбитую полуторку. В шоферской кабине ехала женщина-врач — ему пришлось забраться в кузов. А морозец был лихой, да метель еще так крутила, что, как ни сядешь, нельзя упрятать лицо от злых уколов сухого, секущего снега. Но все это не страшно, когда знаешь, что впереди — вечер и ночь среди фронтовых друзей, да еще ночь новогодняя...

Но судьба распорядилась иначе. Где-то за Голицыном мотор полуторки вдруг загрохотал, залязгал и тут же навеки умолк. Шофер неосмотрительно резко затормозил. Полуторку занесло на обочину, и она свалилась в снежную канаву. Дементьев вылетел из кузова и нырнул в сугроб. Шофер открыл капот, посмотрел мотор и радостно закричал:

«Красота! Шатуны полетели! Что я говорил? — Он обратился к врачихе. — Есть правда на свете! Получу теперь новую машину!»

Быстро темнело. Тылы, видимо, уже подтянулись за наступающим фронтом, и оттого здесь, недалеко от Москвы, машины по шоссе ходили редко. А в этот вечер их вовсе не было. Нужно было искать приют.

Недалеко от шоссе они по запаху дыма нашли засыпанную снегом землянку, в которой обитали два старослужащих солдата — оба усатые, оба с бородами и оба по-волжски окающие. Они стерегли сгруженные в лесу бочки с бензином. Собственно, бочки те можно было и не стеречь, потому что из-за глубокого снега к ним ни подойти, ни подъехать. Но приказ есть приказ, и старые солдаты его исполняли.

Откровенно сказать, они были даже довольны, что судьба отвела им на войне такое тихое и безопасное место. Дементьев сразу это почувствовал и начал подтрунивать над старыми солдатами. Тогда один из них сказал:

«Ты, товарищ лейтенант, у своего батьки и в проекте еще не был, когда в меня уже стреляли немцы. Стало быть, на той еще войне. А потом, на гражданской, в меня еще и разные другие стреляли. Не хватит ли головой в решку играть? А бочки-то с бензином, а на том бензине нам еще до Берлина ехать потребуется».

Солдат сказал это со спокойной деловитостью, какая свойственна пожилому крестьянину. О Берлине, до которого ехать придется, он сказал так просто, как, наверно, говаривал в деревне, что по весне придется сеять.

Всю войну потом Дементьев вспоминал слова бородатого солдата. Вспомнил и сейчас. Бои идут в Берлине! И кто знает, может быть, тот старослужащий бородач сейчас стережет какие-нибудь бочки уже под Берлином. И поскольку война явно на исходе, он, наверно, уже толкует о весенней пахоте.

Дементьев улыбнулся своим мыслям. В комнату робко вошла хозяйка.

— Извините меня, господин капитан... — Она испуганно смотрела на Дементьева. — Но, может быть, вы меня не совсем правильно поняли?

— Я понял вас прекрасно! — с угрозой произнес Дементьев. — И, пожалуйста, не мешайте мне отдыхать.

Хозяйка поспешно скрылась за дверью. Дементьев запер дверь. Включив передатчик, он задумался, а затем бесшумным ключом быстро простучал радиограмму полковнику Довгалеву:

«Я 11-17. Сегодня в полночь под погрузку станут два транспорта. Радирую на тот случай, если не буду иметь возможности сообщить об их отплытии».

Если бы кто-нибудь сейчас спросил у Дементьева, почему у него появилось сомнение, что он ночью, как всегда, не передаст очередное донесение, он не смог бы ответить. Появилось — и все. Если хотите, назовите это предчувствием.

Закрыв чемодан и задвинув его под диван, Дементьев прилег и тут же заснул крепким сном сильно уставшего человека.

17

В одиннадцать часов вечера Дементьев вышел на улицу. Его обдало нежным теплом весеннего вечера. В темно-синем небе скупо светились редкие звезды. Влажный ветерок с моря холодил лицо. Дементьев почти с удивлением обнаружил, что весна уже в разгаре. Он медленно шел по темной улочке. Наблюдатель гестапо шел за ним шагах в пятнадцати. И снова Дементьев его не заметил. Вспомнилась ему сейчас Тамара. Как-то она в далеком своем Подмосковье? В тревоге небось, что нет от него писем. «Не тревожься, родная, и жди. Терпеливо жди...»

...В ворота порта вливалась длинная воинская колонна. Она двигалась почти бесшумно. Изредка звякнет металл о металл или сорвется злое слово ругани...

Новый пропуск действовал безотказно — Дементьев вошел в порт сразу за колонной. Вот и причал. Один транспорт уже стоял пришвартованный, другой маневрировал, подходя к причалу. Там, в темноте, слышались отрывистые возгласы команды, лязг машинного телеграфа, плеск воды...

Дементьев поднялся на причаленный транспорт и, провожаемый помощником капитана, спустился в трюм.

Этот корабль был, очевидно, новым. В трюме — сухо, чисто, несколько ярких ламп освещали каждый его уголок. Придраться было не к чему. Дементьев поднялся к капитану. Неряшливо одетый, небритый капитан равнодушно выслушал Дементьева и положил перед ним судовые документы.

Дементьев расписался и сказал:

— Ваши трюмы в образцовом состоянии.

— Чего нельзя сказать о нашем рейхе, — сказал капитан и засмеялся.

Дементьев недоуменно пожал плечами и вышел из капитанской каюты. Прямо перед ним стоял Крамергоф.

— Работаете, капитан Рюкерт?

— Если это можно назвать работой, — невесело усмехнулся Дементьев.

— Что так мрачны?

— А чему радоваться? На каждом шагу тебе тычут в нос, что Германия погибла.

— Например?

Дементьев глазами указал на дверь капитанской каюты.

Крамергоф кивнул:

— Спасибо, капитан.

Дементьев сошел на причал. Второй транспорт уже пришвартовался, но трапы еще не были спущены. Дементьев прохаживался перед кораблем, обдумывая свой неожиданный экспромт с доносом на капитана транспорта. «Нет, нет, и теперь я поступил правильно. После этого Крамергоф будет верить мне еще больше...»

К Дементьеву подошел спустившийся с корабля Крамергоф.

— Эта грязная свинья не побоялся и мне заявить то же самое, — сказал он, доверительно взяв Дементьева за локоть. — Время, конечно, тяжелое, но не верить — значит предать? Не так ли?

— Конечно! — убежденно воскликнул Дементьев.

— К сожалению, с этой свиньей ничего сделать нельзя. Он поведет транспорт с солдатами. Но ничего, мы ему это припомним.

Дементьев смотрел на Крамергофа почти с открытым удивлением: неужели он не понимает, что дни гитлеровской Германии действительно сочтены?

На причале с грохотом придвигали трапы ко второму транспорту.

— Пойдемте со мной, — предложил Дементьев Крамергофу.

— С удовольствием. Заодно увижу, что у вас за работа.

Они поднялись на транспорт, и дежурный матрос провел их в трюм. Этот корабль был порядком потрепан. На дне трюма поблескивала вода, а воздух стоял такой затхлый, что трудно было дышать. Крамергоф закашлялся. Дементьев приказал матросу позвать в трюм капитана. Вскоре капитан пришел. Это был богатырь с русой курчавой головой. Его могучую грудь обтягивал черный свитер. Подойдя к Крамергофу и Дементьеву, он выбросил вперед правую руку:

— Хайль Гитлер!

— Хайль! — небрежно отозвался Дементьев.

Крамергоф не ответил.

— Вы что же, капитан, в этом вонючем хлеву думаете везти солдат фюрера? — спросил Дементьев.

— А что я могу сделать? Я действительно недавно возил из Дании коров.

— Даю вам, капитан, два часа. Организуйте откачку воды, откройте настежь все трюмные люки. Вот из тех ящиков сделайте настил по дну трюма. Перед погрузкой я зайду проверю.

— Будет сделано! — Капитан ушел.

Крамергоф хлопнул Дементьева по плечу:

— Молодец, Рюкерт! Свой хлеб едите не зря.

К трем часам ночи погрузка солдат была закончена, оба транспорта выбрали якоря и ушли.

Дементьев направился домой. И тогда обнаружил за спиной наблюдателя. Это произошло случайно.

...Дементьев вышел из ворот порта и пошел вдоль высокого забора. И вдруг звезда бесшумно покатилась наискось по черному небу, оставляя за собой бледный, быстро таявший след. Дементьев непроизвольно замедлил шаги. Наблюдатель, старавшийся идти с ним в ногу, прозевал это замедление, сделал лишний шаг, и Дементьев его услышал. В такую позднюю пору идти мог только наблюдатель. Дементьев решил убедиться в этом получше. Он сошел с тротуара, быстрым шагом

пересек площадь. Повернул за угол и выглянул оттуда — человек бежал через площадь. Дементьев пошел дальше. Да, сомнений быть не могло: слежка.

Что это могло означать? Прежде всего то, что Крамергоф ведет двойную игру. Но не проще ли ему было арестовать его, когда он явился в гестапо за пропуском?.. Проще-то проще, да это ничего ему не дало бы. Крамергоф убедился в этом на первом допросе. Ну конечно, они решили сначала узнать о нем все, что можно. «Ну что ж, пожалуйста! Мы будем вести себя как можно спокойнее и постараемся всячески облегчить работу наблюдателю».

Дементьев свернул на улицу, параллельную Портовой, и пошел по ней в направлении к своему дому. Он шел шумно, не торопясь, а перед своим домом замедлил шаг ровно настолько, чтобы наблюдатель мог точно установить, в какой подъезд он вошел.

Быстро поднявшись на один лестничный пролет, Дементьев остановился и замер. Войдет ли наблюдатель в подъезд? Нет. Вот он прошел мимо двери, остановился... пошел назад.

Дементьев взбежал на свой этаж и открыл дверь ключом. Не зажигая света, он быстро выдвинул чемодан, открыл и включил рацию. Нужно немедленно сообщить о выходе двух транспортов. Это самое главное. Вероятно, наблюдатель сейчас сообщит по телефону, что объект дома. Даже если они немедленно организуют налет на квартиру, у Дементьева есть те десять — пятнадцать минут, которых достаточно, чтобы передать радиограмму. И еще с двумя транспортами будет покончено. Ну, а после этого... Ключ привычно, быстро выстукивал точки и тире.

Радиограмма передана. Дементьев задвинул фальшивые днища чемодана, хотел его закрыть, но передумал: пусть стоит возле дивана раскрытым. Обыкновенный чемодан с обыкновенными вещами, в которых хозяин рылся, перед тем как лечь спать.

Дементьев снял шинель, не спеша разделся и лег в постель. Около часа он не засыпал, ожидая визита гестапо. Он был уверен, что такой визит последует, но почему-то не считал нужным спасаться от него бегством. Мне, рассказчику, знающему, что будет дальше, хочется

крикнуть Дементьеву: «Беги!» Но он меня не услышит. А заочно судить его за то, что он не спасается, я не собираюсь... Но, видимо, налет на его квартиру пока не входил в план Крамергофа. Дементьев заснул.

18

Потом ему показалось, что весь остаток ночи он видел один и тот же сон. Со всех сторон его обступали невидимые люди, они по очереди произносили его фальшивое имя: «Рюкерт, Рюкерт». Он старался по звуку голосов увидеть этих людей, но они были невидимы. И снова то за спиной, то откуда-то сверху раздавалось все то же слово:

«Рюкерт, Рюкерт, Рюкерт!»

— Рюкерт, откройте! — вдруг прозвучало ясно, громко и уже наяву.

Дементьев не успел сообразить, что происходит, как дверь с треском распахнулась. Выломанный дверной замок отлетел к стене. В комнату с пистолетами в руках ворвались четверо гестаповцев во главе с Крамергофом. Один из них зажег свет. Другой встал в ногах Дементьева, направив на него пистолет. Дементьев, не поднимаясь, с удивлением смотрел на ворвавшихся.

— Кончайте, Рюкерт, спектакль! Где ваша радиостанция? — весело, почти дружелюбно сказал Крамергоф и сел на стул в трех шагах от постели Дементьева, держа наведенный на него пистолет.

— Я ничего не понимаю, полковник... Что здесь происходит? Объясните... — Дементьев медленно, лениво спустил с постели ноги, сел и начал неторопливо одеваться. — Извините, что принимаю в таком виде. Я сейчас оденусь... — Дементьев посмотрел на часы. Было пять часов утра.

Крамергоф махнул рукой гестаповцам:

— Ищите!

Обыск был очень тщательным. Гестаповцы поднимали паркет, простукивали стены, сбросили с полок все книги, распороли мягкие кресла. В это время Крамергоф не сводил глаз и пистолета с Дементьева, который оделся и сидел на диване, с улыбкой наблюдая за геста-

повцами, производившими обыск. Его попросили пересесть на стул. Диван был распорот, как и кресла.

Гестаповцы прекратили обыск и выжидающе смотрели на Крамергофа.

— Обыскать всю квартиру! — приказал он.

Гестаповцы ушли в комнаты хозяйки.

— Где радиостанция? — тихо, почти доверительно спросил Крамергоф.

— Какая радиостанция? — Дементьев рассмеялся с обезоруживающей искренностью. — Честное слово, мне кажется, что все это происходит во сне.

— Та самая радиостанция, — все так же тихо продолжал Крамергоф, — появление которой в эфире было зафиксировано ровно через пять минут после того, как вы вошли в свою квартиру, и по сигналу которой наперехват транспортов, наверно, уже вылетели русские бомбардировщики.

— Самое дикое недоразумение из всех, что я пережил! — возмущенно произнес Дементьев.

Взгляд Крамергофа остановился на раскрытом чемодане. Дементьев замер.

— Возможно, конечно, что я подал сигнал при помощи грязного белья... — Дементьев кивнул на чемодан и засмеялся. — После того, что произошло, вам остается только убедить меня и в этом.

Крамергоф ногой придвинул к себе чемодан и выбросил из него все вещи, брезгливо беря их двумя пальцами. Дно чемодана оголилось, Крамергоф нагнулся и постучал по нему пальцами. Видимо, звук вызвал у него подозрение. Он громко крикнул:

— Прошу сюда!

Все остальное измерялось секундами. Дементьев вскочил со стула, наотмашь ударил Крамергофа по виску, и тот упал на пол. Двумя прыжками Дементьев достиг окна, вскочил на подоконник, спиной проломил раму и прыгнул во двор.

19

Вот уж верно, что у смелого солдата воинское счастье в кармане. Дементьев упал на ноги и, еле удержав равновесие, рипулся за выступ дома.

И тут же из окна загремели выстрелы.

Бежать на улицу нельзя: там наверняка засада.

Дементьев заблаговременно изучил двор своего дома. Он знал, что в левом его углу, в узком проходе между домами, где хранятся железные банки для мусора, есть забор, за которым начинается соседний двор с выходом на параллельную улицу.

Дементьев побежал туда, но в это время хлестнули два выстрела с противоположной стороны двора. Жгучая боль ударила Дементьева в спину.

В туннеле ворот послышались голоса, топот сапог. Дементьев продолжал бежать. Позади беспрерывно стреляли, но в предрассветном мраке гестаповцы плохо видели бегущего.

Вот и проход между домами. Дементьев вскочил на мусорные банки, с разбегу ухватился за верх забора, хотел подтянуться, но страшная боль в плече сбросила его с забора обратно на банки. Он присел и пружинным прыжком, помогая себе левой рукой, взвалился на забор и перекувырнулся на соседний двор. Через ворота он выбежал на параллельную улицу и побежал направо к центру города. Он знал, что неподалеку есть узенькая кривая улочка. Скорей туда!

Сутулясь от боли в плече, Дементьев бежал по извилистой улице, понемногу успокаиваясь: погони позади не слышно.

Почему он бежал к центру города? Где он там надеялся укрыться? Не лучше ли было бежать к окраине?

Но где-то там, в центре, была явочная квартира Павла Арвидовича. Не столько рассчитывая умом, сколько чувствуя сердцем, Дементьев бежал именно туда — ведь во всем большом городе только там были его друзья, на помощь которых он мог рассчитывать.

Может быть, в эту минуту он забыл приказ, запрещающий ему подвергать риску явочную квартиру... Или, может быть, ему вспомнились слова полковника Довгалева: «Только по самой крайней необходимости...» Нет, нет и нет!

Дементьев был из тех людей, для которых военный приказ — святое и непреложное дело чести.

Поэтому, хотя он и бежал по направлению к явочной квартире, он прекрасно знал, что туда не зайдет, и поэтому все время лихорадочно думал: куда бежать дальше? Где скрыться?

Довольно быстро светало. Любой случайный человек заподозрит неладное, увидев бегущего немецкого офицера без фуражки, в кителе, вся спина которого набрякла кровью. Кроме того, Дементьев знал, что сейчас на ноги будет поднята вся городская комендатура. Словом, в его распоряжении были минуты. И тут Дементьев вспомнил чистенького старичка — смотрителя музея, того самого, который так неумело пытался скрыть подмену ценных картин.

Решение принято. Дементьев бежит в музей.

К громадному зданию музея во дворе лепилась маленькая пристройка, в которой и жил смотритель.

Вбежав во двор, Дементьев несколько минут прислушивался: нет ли погони? На улице было тихо. Дементьев поднялся на высокое крыльцо пристройки и нажал кнопку на двери. Где-то в глубине домика еле слышно прозвучал звонок. Тишина. Но вот Дементьев заметил, как в угловом окне шевельнулась занавеска. Он позвонил еще раз.

Голос из-за двери:

— Кто там?

— Откройте, ваши друзья, — по-русски сказал Дементьев.

— Скажите, кто?

— Советский офицер. Откройте скорей, за мной гонятся...

Несколько минут за дверью было тихо. Потом разноголосо залязгало железо многочисленных запоров, и дверь открылась. Перед Дементьевым стоял смотритель музея, в халате, со свечой в руках. Он сразу узнал Дементьева и отпрянул от двери. Свеча погасла.

— Заприте дверь, — тихо, но властно приказал Дементьев.

Старичок послушно запер дверь.

— Зажгите свет!

Старичок долго искал по карманам спички и наконец зажег свечу.

— Извините меня, но я действительно советский офицер, и я попал в беду. Ранен. За мной — погоня.

Старичок молчал, не сводя с Дементьева округлившихся глаз. Он явно не верил Дементьеву.

— Я говорю правду. Должен сказать вам, что, вероятно, мне удалось спасти ваши картины. Ящики с ними остались в порту.

Но еще долго смотритель музея ничему не верил и молчал. Дементьеву пришлось рассказать о себе немного больше, чем он имел право сделать.

Постепенно старичок приходил в себя и, кажется, начинал верить тому, что слышал.

— Спрячьте меня! — попросил Дементьев. — Мне больше от вас ничего не надо. Только спрячьте и помогите мне сделать перевязку.

Смотритель музея помолчал, потом взял со стола свечу:

— Идемте.

Оказалось, что из пристройки был прямой ход в музей.

Смотритель провел Дементьева в подвал-хранилище и, указав ему укромное место за грудой ящиков, ушел. Вскоре он вернулся, принес бинт и целый сверток разных лекарств.

Рана оказалась не очень опасной. Пуля по касательной ударила в нижнюю часть правой лопатки, раздробила ее и, уже обессиленная, неглубоко ушла под кожу.

Смотритель при помощи ножниц сам извлек пулю, залил рану йодом и искусно забинтовал.

— Кушать хотите? — спросил он, закончив перевязку.

— Нет. Буду спать. Самое лучшее для меня сейчас — сон. Если можно, приготовьте мне какую-нибудь штатскую одежду.

— Хорошо.

— Сюда никто не придет?

— Нет. Музей закрыт... с вашей помощью... — Старичок чуть заметно улыбнулся.

— Ничего. Скоро откроете, — сказал Дементьев и тоже улыбнулся.

...Три дня пролежал Дементьев в подвале музея.

Смотритель часами просиживал возле него, и они беседовали обо всем на свете.

Рана заживала плохо. По ночам Дементьева изнуряла высокая температура. На четвертый день ему стало совсем плохо. Иногда он чувствовал, что теряет сознание.

Смотритель еще в первый раз предложил Дементьеву позвать своего друга, профессора-хирурга, уверяя, что этот человек надежный. Дементьев наотрез отказался, полагая, что, чем меньше людей будут знать о его существовании, тем лучше. Но теперь он решил согласиться.

К концу дня смотритель привел угрюмого, костлявого человека с наголо бритой головой. Не поздоровавшись, он сел возле Дементьева на ящик, поставил на пол маленький чемоданчик и взял руку раненого.

— Та-ак... — произнес он протяжно и начал разбинтовывать плечо. — Та-ак, — снова произнес он, осмотрев рану, и затем сказал что-то смотрителю по-латышски.

Тот поспешно ушел. Профессор достал из чемоданчика инструменты. Дементьев лежал ничком и только слышал отрывистое звяканье стали.

Вернулся смотритель, неся кастрюлю с кипятком. Продезинфицировав инструменты, хирург неожиданно добрым голосом попросил:

— Пожалуйста, потерпите немножко.

Но терпеть пришлось долго: обработка раны длилась больше часа. Наркоз не делался, и Дементьев от боли несколько раз терял сознание. Но вот боль начала заметно ослабевать. Дементьев почувствовал опустошающую усталость и незаметно для себя заснул.

20

Два дня полковник Довгалев не докладывал командованию о том, что рация Дементьева в эфире не появляется. Полковник сперва не хотел и думать, что с Дементьевым случилось что-нибудь плохое. Ведь уже был у него перерыв в связи — правда, меньше, но был. А потом, длительная работа с военными разведчиками на-

учила полковника терпеливо ждать даже тогда, когда кажется, что ждать уже нечего.

Пошел третий день молчания.

Довгалев утром зашел в аппаратный зал радиосвязи. Дежурный оператор встал и, не снимая наушников с головы, воспаленными от бессонницы глазами смотрел на полковника. Смотрел и молчал. Довгалев круто повернулся и, ничего не спрашивая, вышел из зала. Придя в свой кабинет, он решил: «Буду ждать до двенадцати часов. Если ничего не изменится, доложу командованию».

Довгалев не знал, что командующий еще вчера сам справлялся о Дементьеве, но не заговаривал об этом с Довгалевым. Командующий догадывался, как тяжело переживает полковник беду каждого своего разведчика.

Ровно в двенадцать Довгалев поднял телефонную трубку и попросил соединить его с командующим.

— Докладывает полковник Довгалев. Третьи сутки мы не имеем связи с Н.

— Ну и что же? — весело отозвался командующий. — Надо думать, что ваш человек находится там не в идеальных условиях. Ему, наверно, мешают работать. Но и то, что он уже сделал, прекрасно... Я это к тому: не собираетесь ли вы устроить своему человеку взбучку за перерыв в связи? Не надо этого делать.

— Я все это понимаю, — устало сказал Довгалев. — Беда в том, что вражеские транспорты уходят безнаказанно.

— Почему — безнаказанно? С помощью вашего человека наши летчики уже приноровились к перехвату. Да и ночи стали короче. Если будут новости, звоните.

Полковник Довгалев был, конечно, благодарен командующему за этот разговор, но тревога его меньше не стала. Полковник слишком хорошо знал Дементьева, чтобы теперь не быть почти уверенным, что только большая беда могла помешать разведчику продолжать работу. Мучительным было сознание бессилия помочь Дементьеву. Просто невыносимо было думать о потере Дементьева в эти последние дни войны.

Прошел еще один день. Радиостанция Дементьева молчала. А ночью Довгалев получил радиограмму от другого человека в Н., от человека, который больше двух месяцев не появлялся в эфире и вдруг объявился.

И в его радиограмме Довгалев обнаружил весть о Дементьеве.

«Здесь разоблачен капитан Рюкерт. Его считают русским шпионом. Бежал во время ареста. Полагают — ранен. Ведется тщательный поиск».

Первая мысль у Довгалева — приказать этому человеку помочь Дементьеву. Но нет, ничего из этого не выйдет. Человек этот работает техником на телефонном коммутаторе города. Вероятно, ему всего-навсего удалось подслушать разговор гестаповцев. Да и как он может в большом городе найти прячущегося, притом неизвестного ему человека?

Довгалев доложил об этой радиограмме командующему. Тот помолчал и сказал:

— Будем верить, что Дементьев спрятался надежно. Будем верить в лучшее. Поздравляю вас, полковник, с Первым мая! Между прочим, англичане сообщают по радио, что Берлин капитулировал...

21

Дементьев потерял счет дням и ночам. О том, что наступило Первое мая, ему сообщил смотритель музея. По случаю праздника он принес в подвал бутылку вина, и они распили ее.

— Да здравствует Первое мая! — торжественно произнес Дементьев, выпил и удивленно осмотрелся.

Подвал с низким сводчатым потолком. Кругом — груды ящиков. Скупой блеск пустых золоченых рам. В углу — фигура рыцаря в латах. Все это озарено блеклым, качающимся огнем свечи. Да, не думал, не гадал Дементьев, что в жизни его случится такой Первомай!

— Я слушал Лондон, — тихо сказал смотритель музея. — Они сказали, что Берлин пал.

Дементьев верил и не верил тому, что услышал, по лицу его текли слезы.

— Чего вам-то плакать? — осевшим голосом спросил смотритель. — Пусть плачут они.

Дементьев, конечно, понимал, что капитуляция фашистской столицы — огромное событие войны, но все-таки это еще не конец ее.

Все дни болезни Дементьев тяжко страдал от сознания, что он бездействует; почти каждую ночь ему виделось ночное море, в котором бесшумно двигались, быстро исчезая, черные силуэты транспортов.

А теперь Дементьев знал: Берлин капитулировал. В этом есть кроха и его воинского труда.

От сознания этого непроизвольно потекли из его глаз слезы, слезы радостного облегчения и утешения души солдата, для которого всегда самым святым была его ратная работа на войне...

8 мая 1945 года загнанные в мешок гитлеровские войска капитулировали.

В ночь на 10 мая советские войска вступили в город Н.

С первыми частями мотопехоты в город приехал полковник Довгалев. На площадях города уже формировались колонны пленных.

Часть подчиненных Довгалеву офицеров разбирала уцелевшие архивы гестапо. Другие офицеры наблюдали за регистрацией пленных.

Это было очень ответственным делом, так как многие гестаповцы, облачившись в солдатскую форму, стремились раствориться в одноликой массе пленных. Но они не пользовались любовью и у гитлеровских солдат.

То и дело к советским офицерам обращались пленные немецкие солдаты с просьбой проверить затесавшихся в их группы незнакомцев.

Так попался и Крамергоф.

Начиная допрос Крамергофа, Довгалев не знал, что перед ним гестаповец, наиболее полно осведомленный о судьбе Дементьева.

Это уже выяснилось в ходе допроса... Видимо, в панике капитуляции, а может быть, и с целью маскировки, Крамергоф потерял очки, и теперь, сидя перед Довгалевым, он близоруко щурил глаза и, нервничая, все время делал автоматический жест рукой, точно хотел поправить или снять очки.

Первые тридцать минут допроса Крамергоф отвечал кратко, явно не желая входить в подробности своей биографии и своей деятельности. Он сказал, что его

звание — капитан, что он работал здесь в качестве офицера по наблюдению за эвакуацией.

Довгалев делал вид, что всему этому верит, а на самом деле был убежден, что допрашиваемый врет, что он назвался не своим именем и вообще рассказывает басни.

Постепенно разговор расширялся, и Крамергоф начал вязнуть в сетях, разбрасываемых Довгалевым.

— Значит, вы отвечали за эвакуацию войск?

— Нет... Я был всего лишь одним из офицеров в довольно многочисленной группе.

— Кто возглавлял эту группу?

— Полковник Кунгель.

— Где он теперь?

— Не знаю. Он был арестован некоторое время назад.

— За что?

— Ваши самолеты каждый день топили уходившие транспорты. Кто-то должен был за это ответить.

— Почему пострадал именно Кунгель?

— Он отвечал за эвакуацию.

— И вам удалось доказать, что Кунгель был связан с нашей авиацией?

— Нет, не удалось... — Крамергоф никак не реагировал на слова «вам удалось». Он просто не заметил этого подвоха в вопросе русского полковника и продолжал: — Виноват, конечно, был кто-то другой. Когда Кунгель был арестован и предан суду, здесь был разоблачен некий капитан Рюкерт. Он был взят вместе с советской радиостанцией.

Довгалеву стоило огромных усилий не выдать своего волнения.

— Этот разоблаченный капитан Рюкерт во всем сознался? — небрежно спросил Довгалев.

Гестаповец помолчал и ответил:

— Он бежал.

— Бежал, будучи арестован? Невероятно! И совсем не похоже на гестапо.

— Он был ранен. Найдены следы крови. Можно полагать, что он забился куда-нибудь и умер от раны.

— Откуда вам известны все эти подробности? — Довгалев в упор смотрел Крамергофу в глаза.

— Я... — Крамергоф на мгновение замолчал.

— Да, вы.. Откуда вы все это узнали? Вы же занимались эвакуацией, а не ловлей диверсантов! Надеюсь, вы не будете утверждать, что о поимке Рюкерта сообщалось в печати?

— Видите ли... — начал выпутываться Крамергоф, — мой друг работал в гестапо, и он рассказал мне.

— Фамилия друга? — мгновенно спросил Довгалев.

Крамергоф сразу не ответил.

— Придумав друга, — заметил Довгалев, — надо было сразу придумать ему и фамилию. Для работника гестапо такая оплошность непростительна.

— Почему — гестапо?

— Потому... Мы с вами взрослые люди. Пора нам заговорить серьезно, — сказал Довгалев спокойно и уверенно. — Вы участвовали в операции против капитана Рюкерта?

— Нет.

Довгалев улыбнулся:

— Тогда вам ничего не остается, как сослаться на печать.

— Я же сказал вам о моем друге — майоре Фальберге.

— Поздно. Майору Фальбергу уже совсем не к чему появляться на белый свет, тем более из небытия.

В это время дверь открылась, и в комнату вошел мужчина в штатском, явно не по росту костюме.

Довгалев смотрел на вошедшего и верил и не верил тому, что видел. Да, это был Дементьев! Только он был с усиками и с нелепой шкиперской бородкой золотистого цвета.

— Очень хорошо, товарищ Дементьев, что вы зашли, — спокойно сказал Довгалев, так спокойно, будто Дементьев вышел из его комнаты полчаса назад. — А то вот моему собеседнику приходится выдумывать всякую всячину. Проходите, садитесь.

Дементьев сразу все понял, прошел к столу и сел напротив Крамергофа. Тот мельком посмотрел на Дементьева и невольно отшатнулся.

— Надеюсь, больше не будете заниматься сочинительством? — обратился к гестаповцу Довгалев и нажал кнопку звонка. (В комнату вошел конвойный.) — Идите

подумайте. Через час мы поговорим с вами начистоту. Согласны?

— Согласен... — Крамергоф не сводил глаз с Дементьева.

Гестаповца увели.

Довгалев напряженно ждал, пока закрылась дверь, а потом вскочил, опрокинув кресло, и бросился к Дементьеву:

— Жив!

Больше Довгалев не смог сказать ни слова. Он обнял Дементьева, прижал его к себе, как отец сына, вернувшегося домой после долгой и опасной разлуки. Вот так они и стояли молча, крепко обнявшись, два солдата, для которых высшее счастье — исполненный воинский долг.

ОТВЕТНАЯ ОПЕРАЦИЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Война — позади.

Берлин пережил три тяжелые послевоенные зимы и готовится к четвертой. Но выглядит он почти так же, как в мае сорок пятого года — сильно разбит и весь обуглен. Обрушившееся на него пламя гнева народов было яростным и беспощадным...

Кроме того, Берлин живет такой жизнью, какой не было ни у одного города нашей планеты за всю историю человечества. Он рассечен на четыре части, и в каждой — своя военно-оккупационная власть и свои порядки. Хотя считалось, что жизнь города объединяет Межсоюзническая комендатура из военных представителей СССР, Америки, Англии и Франции, на самом деле уже давно комендатура превратилась в место бесконечных и безрезультатных споров между представителями советского

командования и представителями Запада. И уже давно стало понятно, что Америка, Англия и Франция не хотят наладить объединенную жизнь Берлина. Здесь в точности повторялось то же, что происходило в Контрольном Совете, призванном управлять жизнью всей Германии, и где представители Запада, все меньше стараясь это скрыть, добивались окончательного раскола Германии на две части.

Разъединение страны уже проявлялось и в самой жизни немцев. В советской оккупационной зоне делалось все для того, чтобы немецкий народ прочно вступил на путь мирной демократической жизни. В то же время три западные оккупирующие державы делали все, чтобы превратить Западную Германию в свою военно-политическую базу для авантюр против миролюбивой политики Советского Союза и против демократической жизни Восточной Германии.

Осень сорок восьмого года, когда начинаются события нашего рассказа, была особенно напряженной. Западные державы уже перестали хоть как-нибудь маскировать свои цели. «Маски сорваны! — писала в это время одна западногерманская газета. — Запад открыто вступил в политическую войну с Востоком...»

2

Гром среди ясного неба вызвал бы меньшее удивление, чем это событие. Лейтенант Кованьков, Алеша Кованьков бежал из Восточного Берлина в Западный и попросил там политического убежища. Это было невероятно. В это невозможно было поверить. Ясно было одно — с лейтенантом что-то случилось.

В штабе расположенной в Берлине советской воинской части стол Кованькова стоял пустой. В полдень офицеры штаба, сгрудившись у приемника, слушали повторное сообщение западноберлинской радиостанции о побеге советского офицера Алексея Кованькова. Оттого что диктор говорил на плохом русском языке, еще труднее было поверить в то, что он сообщал.

Передача окончилась. Заиграл джаз. Все смотрели на пустой стол Кованькова.

— Не верю. Не верю, и все, — тихо произнес капитан Радчук. Он был не только непосредственным начальником, но и другом Кованькова. Жили в одной квартире.

— Он ночевал дома? — спросил майор Звягинцев.

— Часов до девяти мы играли с ним в шахматы... — Капитан Радчук сморщил лоб, припоминая, как все было. — Потом он сказал, что хочет снести прачке белье... Возился в передней с чемоданом. Кто-то позвонил ему по телефону... Вскоре я услышал, как хлопнула дверь.

— Он ушел с чемоданом? — быстро спросил Звягинцев.

— Не знаю. Я в это время уже лежал в постели. Болела голова, я принял пирамидон и вскоре уснул.

— А утром? Вы же всегда на работу ходили вместе.

— Обычно мне приходилось его будить. А тут он еще вечером предупредил меня, что встанет завтра очень рано. Сказал, что ему надо сходить за посылкой в гостиницу, где остановился приехавший из Москвы земляк.

Майор Звягинцев пожал плечами:

— Странно... очень странно.

— Не верю, не верю, и все, — упрямо повторял Радчук, — Кованьков убежал, попросил убежища! Чушь!

— И все же факт остается фактом: его нет. — Лейтенант Уханов кивнул на пустой стол Кованькова. — Ведь всего год, как он у нас в штабе. Разве мы его так уж хорошо знали? Как говорит майор Звягинцев, анкета — это еще не примета.

— Да бросьте вы, ей-богу! — возмутился Радчук. — «Анкета, анкета»... Вы же знаете, что он просто хороший парень, всей душой — советский. У него невеста в Москве.

— Вековать этой невесте в девках, — нехорошо усмехнулся Уханов.

Не до работы было в этот день. Все в штабе только делали вид, что работают. В два часа дня майор Звягинцев вызвал к себе всех офицеров отдела, в котором работал Кованьков.

Кроме майора, в кабинете были две стенографистки и незнакомый человек — коренастый, белобрысый, в хорошо сшитом штатском костюме.

— Поговорим, товарищи, о Кованькове. Скажем все, что мы о нем знаем и думаем. — Майор кивнул на стенографисток. — Под стенограмму. Так надо... Кто первый? Может, вы, Радчук, как его друг, так сказать?

— Почему «так сказать»? — Радчук встал. — Я действительно друг Кованькова, и мне нечего прибавить к тому, что вы уже слышали.

Стенографистки, держа наготове ручки, бесстрастно смотрели в свои тетради. Незнакомый штатский, сидевший в стороне на диване, сказал:

— Дайте, капитан, общую характеристику Кованькову.

— Лейтенант Алексей Гаврилович Кованьков, — заговорил Радчук скучным, рапортующим тоном, — двадцать пятого года рождения, комсомолец, верней — уже кандидат партии, является, на мой взгляд, политически развитым и хорошо подготовленным к службе офицером. Лейтенант Кованьков...

— Не то, не то! — Человек в штатском поморщился. — Вы, если можно, по-человечески.

Радчук уловил в его просьбе дружеское участие к судьбе лейтенанта и заговорил совсем по-другому. Из его слов вырастал знакомый всем облик Алеши Кованькова, которого в штабе успели полюбить и за его добросовестную работу, и за веселый нрав, и за то, что он всем был хорошим товарищем. Родился он в Москве, в семье учителя. Окончив десятилетку, пошел в военное училище. Затем получил назначение в оккупационные войска. Хорошо владел немецким языком и потому сразу был взят в штаб, в отдел, ведающий связями с временными демократическими органами управления одного из районов Восточного Берлина...

Радчук кончил говорить и попросил разрешения сесть.

— Одну минуточку, товарищ капитан, — снова обратился к нему человек в штатском. — Вы сказали, что Кованьков не так давно подружился с немецкой девушкой. Вы ее знаете?

— Знаю, — немного смутясь, ответил Радчук. — Ее зовут Рената.

— В каких отношениях был с ней Кованьков?

— В очень хороших, — быстро ответил Радчук.

— Это не ответ.

— Повторяю — в очень хороших, и это самый точный ответ на ваш вопрос.

— Не был ли Кованьков влюблен в эту Ренату?

Радчук подумал и ответил:

— По-моему, к этому шло.

— Но вы только что говорили, что у Кованькова в Москве невеста?

— Совершенно верно, но... — Капитан на секунду замялся. Разозлившись на свое замешательство, он энергично продолжал: — Это, товарищи, очень сложное дело. Согласитесь, что третий человек не может быть достаточно хорошо об этом осведомлен. Кованьков однажды поделился со мной... Я не знаю, имею ли я право...

— Имеете, — твердо произнес штатский. — Больше того, обязаны!

— Говорите, говорите, — попросил майор Звягинцев.

— Когда Кованькова назначили сюда, невеста потребовала, чтобы он подал рапорт об отмене приказа по семейным обстоятельствам, и предложила тут же оформить брак. А Кованьков решил иначе. Он подумал: не дело, чтобы семейная жизнь офицера начиналась с отмены воинского приказа. Он уехал в Берлин. Позже услужливые товарищи написали ему из Москвы, что его невеста там не скучает. Да и сама она тоже написала ему об этом, я это письмо читал. Кованьков показывал. Очень нехорошее, очень злое письмо... Ну вот... А полгода назад он познакомился с Ренатой. Она работает, кажется, в библиотеке. Меня он с ней познакомил тоже примерно полгода назад. Она показалась мне симпатичной и серьезной девушкой.

— От других он это свое знакомство скрывал?

— Очевидно. Меня он, например, просил никому об этом не говорить. Вы же знаете, такие дела у нас не поощряются...

— У меня вопросов больше нет.

Потом говорили другие. Все они отозвались о Кованькове хорошо.

Машинистка отдела Галочка, говоря, так разволновалась, что на глазах у нее выступили слезы:

— Алеша был чудесный, ну просто чудесный... Прямо безобразие думать о нем плохо... Мы... — Она

не договорила, выхватила из сумочки платок и прижала его к глазам.

— Если можно, без этого... без сырости, так сказать... — тихо произнес майор Звягинцев.

3

Офицеры вышли из кабинета. Майор Звягинцев и штатский остались вдвоем. Несколько минут они молчали.

— Ну, что вы скажете, товарищ Рычагов? — спросил наконец майор.

— Дело сложное... — задумчиво произнес Рычагов, вставая с дивана. — Запишите на всякий случай мой телефон. Добавочный 33-07.

— Дал вам что-нибудь этот разговор?

— Конечно. Известно, по крайней мере, что за человек этот ваш Кованьков.

Вскоре Рычагов уже докладывал о том, что произошло в кабинете майора Звягинцева, своему начальнику — полковнику Семину. Полковник, грузный мужчина с болезненно-отечным лицом, слушал внимательно, изредка утвердительно кивал крупной, до блеска выбритой головой. Когда Рычагов закончил доклад, полковник долго думал, потирая голову ладонью, потом сказал:

— История любопытная, Рычагов. Припомните прежние побеги. Шелыганов — морально разложившийся тип. Бунчук — просто вор, который, очистив полковую кассу, убежал туда, где нет нашей милиции. Крупников — долго и искусно скрывавшийся враг советского строя. А сейчас, судя по всему, мы имеем дело с парнем хорошим. Наверняка здесь похищение. При развертывании диверсионной деятельности в восточной зоне им очень ценно заполучить нашего, прилично осведомленного офицера...

— Настораживает то, что тут замешана женщина, — сказал Рычагов, — как и в случае Шелыганова...

— Я помню, помню... — Полковник Семин помолчал. — Но почему их радио так быстро оповестило мир об этом лейтенанте? Помните, даже на жулика и разложенца Шелыганова им пришлось потратить неделю, чтобы заставить его делать то, что им надо. А тут хоро-

ший парень, и вдруг так быстро с ним сладили... В общем, или товарищи Кованькова — шляпы и его не знают, или... похищение.

— Но в случаях похищений они, как правило, об этом не сообщали.

— И все же мне кажется, что этот лейтенант не бежал. Так или иначе, надо срочно произвести дальнейшее расследование этой истории и разработать план наших ответных действий. Помните, Кованькова могут увезти в глубь Западной Германии, и тогда все будет значительно труднее. Я надеюсь на вас, Рычагов. Слышите?

— Я постараюсь, товарищ полковник. Разрешите идти?

Остаток дня Павел Рычагов просидел за картотекой, изучая дела, связанные с явными и мнимыми побегами советских военнослужащих в западную зону Германии. Тогда, когда речь шла о явном побеге, все было ясно. Подлец, морально разложившийся человек, тяготился службой в армии, и он умом, а иногда и инстинктивно приходил к мысли, что там, на Западе, ему будет лучше. И первые три-четыре месяца ему действительно там нравилось. Его портреты печатались в газетах, он выступал по радио, его атаковали корреспонденты. Наконец, его обильно кормили и поили. Но затем обычно все кончалось одинаково — его выбрасывали на задворки жизни, как вышвыривают на помойку выжатый лимон. А иногда и уничтожали...

Рычагов вынул из кармана фотографию лейтенанта Кованькова. На него смотрел веселый паренек с черными густыми бровями, под которыми лукаво блестели немного монгольские, светлые глаза. Лейтенант, снимаясь для личного дела, наверно, старался быть серьезным, а все же характера спрятать не смог. В некотором несоответствии с веселыми, лукавыми глазами была нижняя часть лица лейтенанта — грубо и резко высеченная, особенно рот, с двух сторон точно отчеркнутый волевыми складками. «Где-то ты сейчас, парень?» — Рычагов вздохнул и пододвинул к себе папку с делами о побегах мнимых. Здесь слова «побег» не было. Оно заменялось другими: «Вероятное похищение». В этих делах точно установленным бывал только самый факт

исчезновения человека. Узнать же, что с этим человеком случилось, было очень трудно.

Просматривая дела, Рычагов запомнил, что в нескольких донесениях нашей разведки промелькнула фамилия майора Хауссона. Вообще-то фамилия эта была известна Рычагову. Хауссон был один из опытных работников американской разведки в Германии.

В Западном Берлине он появился сразу после окончания войны. Наша контрразведка обратила тогда внимание на майора, называвшего себя уполномоченным Красного Креста. Под предлогом розыска находившихся в немецком тылу американских военнослужащих майор рыскал главным образом в районах расположения советских войск.

Когда майору намекнули, что он ищет своих соотечественников не там, где они могут находиться, уполномоченный Красного Креста мгновенно исчез. Но фотографии майора нашли свое место в аккуратной картотеке.

Вскоре было установлено, что майор перестал интересоваться судьбой своих соотечественников и, сидя в Западном Берлине, занимается организацией шпионажа в советских оккупационных войсках. Одной из его постоянных обязанностей стала обработка перебежчиков из восточной зоны.

Рычагов всматривался в фотографию Хауссона. Сухое энергичное лицо с ямами глазниц, такими глубокими, что глаз нельзя рассмотреть. Реденькие, тщательно приглаженные волосы. Майор снят за столиком — очевидно, в кафе или ресторане. Рычагов перевернул фотографию и прочел: «Кафе «Орион». Напротив майора Хауссона сидит лицо неизвестное». Рычагов улыбнулся: на фотографии вообще никакого «лица» не было, только силуэт ушастой головы, одно покатое плечо — и все.

В десятом часу вечера Рычагов встал из-за стола, потянулся, потер кулаками уставшие глаза и собрался домой.

Он шел по темным пустынным улицам. Берлин спал. На стенах домов белели плакаты, звавшие немцев строить свое миролюбивое, демократическое государство. Холодный ветер гнал по асфальту сухие листья

Вдруг над западной частью Берлина заметались лучи прожекторов, из черного неба на город обрушился рев самолетов. Рычагов усмехнулся: знакомая картина — заработал «воздушный мост»...

Вот и этот так называемый «воздушный мост» тоже был частью политической войны Запада против Востока. С целью дезорганизации экономики восточной зоны западные оккупирующие державы ввели у себя собственную валюту. В Берлине начали одновременно действовать два вида денег. Это породило страшную путаницу в ценах, выгодную спекулянтам. В Восточный Берлин хлынули банды спекулянтов. А когда советские оккупационные власти, чтобы приостановить эту экономическую диверсию, ввели некоторые ограничения на дорогах, ведущих в западные зоны, немедленно был поднят провокационный вой о красной блокаде Берлина. И якобы для спасения жителей западного сектора от голода американцы организуют доставку туда продовольствия и угля на самолетах. «Воздушный мост» — так они назвали эту свою авантюру. Именно авантюру, ибо берлинцы продолжали как ни в чем не бывало кормиться за счет советской зоны. А несколько позже стало известно и другое: «мост» действовал в обе стороны — на этих же самолетах из Германии вывозились ее национальные ценности...

Рычагов несколько минут наблюдал карнавальную свистопляску прожекторов. Она предназначалась для жителей Берлина: смотрите, господа немцы, как мы стараемся ради вас!..

Рычагов плюнул и пошел дальше. И снова стал думать о майоре Хауссоне. Ведь он сейчас где-то совсем неподалеку. Может быть, он в эту минуту напряженно смотрит в лукавые глаза лейтенанта Кованькова и ждет его ответа на заданный вопрос.

Рычагов непроизвольно зашагал быстрее.

4

Лейтенант Кованьков в это время спал. Да, он спал и даже видел какой-то приятный сон. На губах у него смутно вздрагивала улыбка. Но вот улыбка погасла,

густые брови сдвинулись, и на лице застыло недовольное выражение. Веки вздрогнули и открылись, сперва чуть-чуть, потом широко. Кованьков приподнял голову, осмотрелся и медленно опустился на подушку... Главное, не забыть все, что случилось, ничего не забыть, ни малейшей детали...

Итак, в девять часов вечера он собрался снести прачке белье.

В последнюю минуту, когда он уже надел шинель, позвонила Рената и предложила побродить часок по городу. Сказала: очень хороший вечер... Вечер, впрочем, был не таким уж хорошим. Улицы продувал пронзительный холодный ветер, он колко хлестал в лицо, хлопал сорванными афишами...

Кованьков отнес чемодан с бельем к прачке и встретился с Ренатой. Они бродили по быстро пустеющим улицам. В их разговоре не было ничего такого, что стоило бы вспомнить в связи с дальнейшими событиями этого вечера. Говорили о книгах, о звездах, о спорте, о кинофильмах. Молчали о том, что заставляло их вдвоем бродить по городу в этот поздний неуютный вечер.

Они пересекли Шлоспарк, а затем по улицам Шарлоттен и Массовер вышли к станции метро. Через минуту они уже стояли на гулкой платформе подземной станции. Подошел поезд. Они сели в совершенно пустой вагон и помчались под Берлином. На станции Александерплац вышли из поезда и поднялись на поверхность.

Площадь была залита светом. Здесь поздний час еще не чувствовался. Они постояли, наблюдая суетливую жизнь площади.

— Пойдем к реке, — предложила Рената.

— К реке так к реке! — засмеялся Кованьков.

И снова они разговаривали о книгах, звездах и о всяком другом. Всего, о чем говорили, и не вспомнишь. У поворота на Варшавский мост Рената остановилась.

— Вот куда я вас затащила!

— Это же не край света.

— Почти край, — вдруг серьезно сказала Рената и стала смотреть через реку. — На той стороне уже аме-

рикаиский сектор. — Она тряхнула головой и спросила: — Знаете, почему я люблю это место?

Кованьков оглянулся — вокруг не было ничего примечательного.

— Здесь в конце апреля сорок пятого года я увидела первый советский танк и первых советских солдат...

У Кованькова защемило сердце. Не успев попасть на войну, он часто с завистью думал о своих старших товарищах по армии, которым выпало счастье прийти сюда с победой и свободой.

— Увы, меня в том танке не было, — грустно произнес Кованьков.

Рената посмотрела на часы. Кованьков заметил, что она очень взволнована. Он знал, что под развалинами дома, в который угодила американская фугаска, погибли мать и брат Ренаты, и подумал, что ее растревожило воспоминание... Но сейчас он не мог не подозревать, что Рената волновалась совсем по другой причине.

Вот что произошло дальше. Возле них остановилось такси.

— Рената, здравствуй! — крикнул мужчина, сидевший рядом с шофером.

— Алло! — Рената помахала ему рукой.

Из машины вылезли двое мужчин. Рослые, хорошо одетые. Они поздоровались с Ренатой и чуть удивленно посмотрели на Кованькова.

Рената сказала:

— Познакомьтесь, это мой советский друг. А это — друзья по спорту.

Мужчины пожали руку Кованькову и назвали свои имена. Он даже не попытался их запомнить. Да и ясно теперь, что имена он услышал, конечно, не настоящие.

— Долго еще собираетесь стеречь мост? — смеясь, спросил у Ренаты один из мужчин.

— Пожалуй, уже пора домой, — ответила Рената.

— Садитесь, подвезем. Мы после тренировки решили покататься по городу.

— Поедем? — обратилась Рената к Кованькову.

— Можно... — нетвердо ответил он, понимая, что поступает неосторожно.

Кованьков и оба спортсмена сели на заднем сиденье, Рената — рядом с шофером. Машина тронулась. Все молчали. Вдруг сидевший слева от Кованькова спортсмен спросил:

— Вы обращали когда-нибудь внимание на эту церковь?

Кованьков пригнулся, чтобы увидеть церковь, и в это мгновение ему в лицо шмякнулось что-то влажное, остро пахнущее...

Больше он ничего не помнил вплоть до того момента, когда очнулся вот в этой комнате. Сколько он пробыл

без сознания, он не знал — часы с руки были сняты. Окон в комнате не было. На столе стояла большая кружка с черным кофе, на тарелке лежал кусок холодного мяса, на деревянном подносе белела разрезанная на тоненькие ломтики булка. Все это недавно внес и поставил на стол высокий костлявый солдат в американской форме.

— Позовите сюда ваше начальство! — крикнул ему по-немецки Кованьков.

Солдат даже не оглянулся и вышел из комнаты. Щелкнул замок. Глухая, непроницаемая тишина. Кованьков подбежал к двери и принялся колотить в нее кулаками и ногами. Дверь была массивной, точно вылитой из чугуна. Удары вызывали жалкий тихий звук. Кованьков снова лег и незаметно забылся в странном полусне. Наверно, еще действовало снотворное. Болела голова, к горлу подступала тошнота...

Очнувшись сейчас, Кованьков чувствовал себя лучше.

— Бандиты! — произнес он громко. — Хотите, чтобы я стал предателем? Не выйдет!

Когда солдат принес еду, Кованьков решил было объявить голодовку, но теперь передумал. Наоборот, надо быть в полной форме. Он встал, подсел к столу, съел немного мяса, выпил кофе, сделал гимнастику и начал ходить по комнате. Ходил и думал, думал, думал... Неужели Рената участвовала в его похищении? Снова и снова вспоминал он подробности их последней встречи. Да, подозрительного было немало. И все же Кованькову не хотелось в это верить.

5

Разрабоганный Рычаговым план действия обсуждали уже третий час. В синем от табачного дыма кабинете полковника Семина за длинным столом сидело человек десять. Впрочем, то, что происходило здесь, меньше всего было похоже на обсуждение. Скорее это был коллективный экзамен Рычагову. Он изложил свой план, и теперь со всех сторон сыпались вопросы. На одни вопросы Рычагов отвечал мгновенно, уверенно. После других долго думал. Все терпеливо ждали. Были и такие во-

просы, на которые Рычагов ответить не мог. Тогда он, сердито уставясь в свои бумажки, говорил:

— Об этом я не подумал...

Завершая обсуждение, полковник Семин сказал:

— План хороший, смелый и умный. То, что в нем неясно, нужно доработать. Кого вы, Рычагов, просите в свою оперативную группу?

— Субботина и Посельскую, — не задумываясь, ответил Рычагов.

— Ну что же... Утвердим, товарищи, такой состав?

Кто-то сказал:

— Учти, Рычагов, что Посельскую надо сдерживать.

— Хорошо. — Рычагов улыбнулся. Он прекрасно знал, чем вызвано это предостережение.

— Меня очень тревожит, — сказал Семин, — последнее сообщение западного радио. Будто Кованьков, боясь расправы над ним с нашей стороны, просит не устраивать пресс-конференции и не допускать к нему журналистов. Не увезли ли они его из Германии? А может, тут скрыто и нечто худшее...

— Ожидать можно всего, — согласился Рычагов, — но, так или иначе, мы должны найти Кованькова...

Через час оперативная группа уже приступила к работе.

6

Сразу после совещания в кабинет полковника Семина пришли четверо немцев. Все они были в летах и удивительно походили друг на друга. Все — рослые, неторопливые в движениях, с суровыми, резко прочерченными лицами, с узловатыми, натруженными руками.

Полковник поздоровался с каждым за руку и пригласил всех присесть к столу.

Семин всмотрелся в угрюмые лица немцев и рассмеялся:

— Что это вы все такие мрачные?

Все четверо скупо улыбнулись. Сидевший ближе к Семину седой как лунь немец сказал глуховатым голосом:

— Волнуемся, товарищ полковник. Боимся не справиться с этим заданием партии.

— Справитесь, друзья! Наверняка справитесь. Да и никто, кроме вас, не сможет обеспечить безопасность будущей демократической республики. В отличие от западных держав, мы не собираемся долго оставаться здесь в роли оккупантов и навязывать вам свою волю. Вы уже обсуждаете свою конституцию свободной жизни без капиталистов и помещиков. Скоро она станет законом. Ох и не понравится же это тем, кто орудует на западе Германии!

Седой пригладил ладонью сукно на столе и сказал:

— Им поперек горла и то, что у нас уже есть... — Он помолчал. — Да, поистине святое дело — безопасность всей нашей новой жизни. Но опыта у нас нет. А у них, — он кивнул через плечо, — и опыт, и вышколенные при Гитлере кадры...

— Опыт — дело наживное. Помнится мне, ваш боевой вожак Тельман сказал, что самый лучший опыт обретается в борьбе... — Семин задумчиво улыбнулся. — Насчет опыта могу вам кое-что рассказать. В двадцатом году меня, двадцатилетнего рабочего парня из железнодорожного депо, ввели в кабинет Феликса Дзержинского. Сказали ему: «Вот еще один мобилизованный партией товарищ». Дзержинский поздоровался со мной и говорит: «Садитесь. Сейчас мы поговорим с вами о вашей новой работе». И потом он раз пять начинал этот разговор. Только начнет, или кто-нибудь войдет, или зазвонит телефон. А я все сижу и жду разговора. Вдруг вбегает сотрудник и сообщает, что сейчас по такому-то адресу собрались эсеры-террористы, а послать туда некого. «Как это — некого? — удивился Дзержинский и показывает на меня: — Вот вам прекрасный, смелый и расторопный товарищ. Дайте ему оружие и поезжайте вместе с ним». И мы поехали и накрыли, как цыплят, пятерых террористов. А дня через три я уже ходил на операции старшим в группе. Потом Дзержинский каждый раз, как увидит меня, смеется: «Ах, товарищ Семин, виноват я перед вами — до сих пор мы не поговорили о вашей новой работе...»

Немцы смеялись, поглядывая друг на друга и на Семина. Седой сказал:

— Мне довелось двадцать пять лет назад быть возле Тельмана. Это было сразу после разгрома гамбургского

восстания. Сидим однажды. На душе тяжело. Вдруг Тельман как засмеется! Один он мог так смеяться. И говорит: «Вся эта черная свора не понимает, какой великий урок она нам преподала. Теперь-то в свой час мы будем действовать наверняка, развернутым фронтом, по всей Германии! Будем ломать им хребты и приговаривать: «Спасибо, господа, за академию двадцать третьего года!» — Немец тяжело вздохнул: — Вот если бы Тельман был сейчас с нами...

— Партия с вами, а это значит — и Тельман с вами! — жестко произнес полковник Семин. — И мне хочется напомнить вам еще одно его высказывание: революционер—профессия массовая, а иначе нет и революции. К этому можно добавить: защитник революции — профессия массовая, а иначе защита ненадежна. Вам партия поручила обеспечить безопасность строительства социализма. И я уверен, с этим действительно святым делом вы справитесь с честью.

— Наше волнение, товарищ полковник, не от трусости, а от понимания ответственности... — Седой сказал это, сурово смотря Семину в глаза. — Мы вот, — он показал на своих товарищей, — еще вчера были рядовыми функционерами партии у себя на заводе. Мы знаем, как обрабатывать металл и как говорить с теми, кто его обрабатывает. Образование мы получали еще при кайзере. Все образование — грамота да таблица умножения.

Семин улыбнулся:

— А у меня данные о вашем образовании почему-то совсем другие. Например, каждый из вас пробыл от десяти до пятнадцати лет в тюрьмах и концлагерях. Это что, неверно? (Немцы засмеялись.) — Семин покачал головой: — Нехорошо, нехорошо, товарищи, скрывать академическое образование!

— Люди, которых мы уже набрали, — улыбаясь, сказал седой, — смотрят на нас, ждут, что мы им скажем, с чего начинать. А мы смотрим друг на друга: с чего начинать?

— Ну, поскольку наша русская пословица тоже утверждает, что «лиха беда — начало», мы вам на первых порах поможем. Мы вот сейчас развертываем одну сложную операцию, которая в конечном счете направ-

лена на защиту вашей жизни. И ваша помощь нам очень пригодится. Пришлите ко мне сегодня вечером человек пять энергичных сотрудников. Мы включим их в нашу операцию. Это для них будет и началом и учебой. Затем мы сделаем так: каждый из вас...

Разговор продолжался.

7

Библиотека помещалась в каменном домике, стоявшем в глубине большого двора. На первом этаже выдавались книги, а весь второй этаж занимал читальный зал.

Наташа Посельская деловой походкой пересекла двор и вошла в библиотеку. В коридоре девушка в синей форменной блузе Союза молодежи, забравшись на стул, прикалывала к стене объявление. Оно оповещало читателей, что с первого по пятое число библиотека будет закрыта по случаю инвентаризации книжного фонда. Кнопки были плохие, гнулись; вдобавок девушке было неудобно действовать одной рукой.

— Можно вам помочь?

Наташа положила на пол свой маленький портфельчик и подхватила сползавшее со стены объявление. Вдвоем справились с ним быстро. Девушка соскочила со стула.

— Спасибо за помощь.

— Не стоит. Но теперь помогите вы мне: мне нужно увидеть вашу сотрудницу Ренату Целлер.

— О, вам не повезло! Она уже третий день не выходит на работу. Мы думаем, что она заболела.

— А вы не знаете ее домашний адрес?

— Пройдите к директрисе, третья дверь направо.

Посельская постучала в дверь и услышала басовитое «пожалуйста».

Директриса, пожилая женщина со смешными усиками кисточкой возле уголков рта, внимательно смотрела на вошедшую.

— Прошу извинить меня, — Наташа виновато улыбнулась, — тем более что я беспокою вас совсем не по служебному делу. Вы не можете мне дать новый

домашний адрес Ренаты Целлер? Я ее школьная подруга, а сейчас приехала из Лейпцига. Она писала мне, чтобы я пришла сюда, а оказывается, она заболела.

Директриса молча вынула из стола клеенчатую тетрадь и отыскала в ней нужную страницу:

— Запишите. Улица Мюритц, дом три, квартира семь.

— Большое спасибо! — Наташа спрятала адрес в портфель.

— Передайте, пожалуйста, Ренате Целлер, что мы обеспокоены ее отсутствием, — сказала директриса. — Это так некстати. Мы — накануне инвентаризации. Попросите ее сообщить мне, сможет ли она выйти на работу к первому числу.

— Обязательно все передам. Если она больна, я сама вам позвоню.

Наташа записала номер телефона директрисы и, еще раз поблагодарив ее, ушла.

Улица Мюритц начиналась возле парка. Наташа, запоминая все, что попадалось ей на пути, медленно прошла мимо дома номер три и направилась в парк. Присев на скамейку, откуда был виден дом, она задумалась... Да, заходить туда, пожалуй, нельзя. Сама Рената Целлер, судя по всему, скрылась, но в квартире могут остаться ее соучастники. И даже умело мотивированное появление Наташи у настороженных людей может вызвать подозрение. Первичные данные об этой квартире лучше получить с помощью активистов из уличного комитета.

Наташа из автомата позвонила к себе в отдел, вернулась в парк на ту же скамейку и продолжала наблюдать за улицей Мюритц и домом номер три. Конечно, досадно, что возникла эта затяжка. Проще было бы сейчас зайти в квартиру, где жила Рената Целлер, и тут же выяснить все, что нужно. Но Наташа помнила, как полковник Семин, отчитывая ее за один опрометчивый шаг, сказал: «В нашем деле почти как правило: проще — не значит лучше».

По-разному приходят люди в разведку. Наташа пришла так.

По окончании Института иностранных языков она получила назначение в Германию, в советские войска,

Здесь ее направили переводчицей в разведывательное управление. В отделе, к которому ее прикомандировали, вскоре заметили, что переводчица обладает живым и острым умом. Она быстро освоилась с новой работой и, в отличие от других переводчиков, выполняла свои обязанности, не оставаясь пассивной к сути дела. Как-то само собой вышло, что работавшие с ее помощью сотрудники стали с ней советоваться, а потом и давать ей несложные поручения, которые она быстро и хорошо выполняла. Через год Наташа стала оперативным работником и уже не представляла себе, что у нее могла быть какая-нибудь другая профессия.

Во время того же неприятного разговора полковник Семин сказал ей: «Холодный чиновник в нашем деле нетерпим. Каждый должен быть страстно влюблен в свое дело, должен любить его больше всего на свете, больше собственной жизни. Но при этом ум у нас должен оставаться предельно холодным. Первое качество у вас, насколько мне известно, есть, а второго — нет. Будем надеяться, что это придет с опытом. А если не придет, — полковник сделал движение рукой, будто смахнул со стола пыль, — уйдете от нас вы...» Наташа, наверно, на всю жизнь запомнила и эти слова, и это небрежное движение руки полковника.

8

Торговля на черном рынке Западного Берлина была в разгаре. Пестрая толпа заполняла небольшую площадь, со всех сторон окруженную руинами. Сквозняки, метавшиеся среди развалин, вздымали холодную белую пыль, над рынком висело бледно-серое марево. Толпа выглядела странно. Можно было подумать, что взрослые люди затеяли какую-то игру, по правилам которой никто не имел права больше минуты стоять на одном месте. Толпа не растекалась, но внутри нее происходило безостановочное движение. Во всех направлениях сновали спекулянты, вполголоса называя свой товар:

— Имею кофе. На восточные марки.

— Продаю сигареты. Беру восточные марки.

— Покупаю восточные марки.

— Швейцарские часы. Предпочтение деньгам восточным.

Эта внезапно вспыхнувшая массовая любовь спекулянтов к восточной марке никого не удивляла. Все уже знали, как выгодно сбывать эти марки в американские менялыные конторы. Правда, не все спекулянты знали, что они являются участниками широко задуманной диверсии против восточногерманской валюты.

Полицейский стоял на вершине каменной груды и спокойно взирал оттуда на рынок. Он был похож на памятник самому себе. Впрочем, время от времени памятник покидал пьедестал, подходил к толпе и забирал первого попавшегося спекулянта. Он отводил его за развалины, и там из кармана спекулянта в карман полицейского переходила некоторая часть барыша. Спекулянт возвращался на рынок, и единственным результатом вмешательства стража порядка было повышение пострадавшим цены на свой товар.

На рынке можно было купить все — от плитки жевательной резинки до американского военного пистолета новейшего образца. Американцы активно пользовались рынком и в целях личной наживы. Они даже не очень пытались скрывать свои спекулятивные операции. Они просто не понимали, почему нужно таиться, ведь они следовали основному закону своей страны, по которому частная инициатива и бизнес — это мать и отец жизненного успеха. А в данном случае само начальство приказывает насыщать черные рынки особо дефицитными товарами и продавать их на восточную валюту. Этот бизнес весьма и весьма выгоден...

Владимир Субботин среди людей, заполнивших рынок, производил впечатление преуспевающего коммерсанта. Хорошо сшитое черное осеннее пальто, такая же шляпа, кожаные перчатки, во рту — дорогая английская трубка «Бриош», в руке — массивная трость с ручкой из слоновой кости. Он стоял на одном месте, словно давая всем понять, что он свой товар искать не собирается, он придет к нему сам. И действительно, возле Субботина то и дело останавливались спекулянты.

— Имею отрез английского сукна.

— Предлагаю французское белье.

Субботин не удостаивал спекулянтов даже взглядом,

только чуть заметно отрицательно поводил головой. Он терпеливо ждал то, что ему было нужно...

Владимир Субботин пришел в разведку несколько необычным путем. В начале сорок второго года он добровольцем ушел на фронт. Тогда ему не было и семнадцати лет, но все думали, что ему больше. Он был рослый и крепкий паренек. Через три дня после прибытия на фронт зимним метельным утром он участвовал в своем первом бою. Он ничего еще не понимал, просто с тяжелой винтовкой в руках бежал вместе со всеми по рыхлому снегу, бежал, ничего не видя, не слыша... и вдруг все пропало. Очнулся в немецком госпитале.

Как только рана чуть зажила, Субботина перевели в лагерь для военнопленных. Это был лагерь этапный — подолгу здесь не задерживались. Не дожидаясь отправки, Субботин ночью задушил часового и, прихватив его автомат, бежал.

Неделю он плутал по лесам и болотам белорусского Полесья, пока не попал в расположение партизанского отряда. Когда командир отряда узнал, что Субботин прилично владеет немецким языком, было решено поручить ему очень рискованное специальное задание.

Субботин явился в гитлеровскую комендатуру города Орши под видом дезертира, разуверившегося в советской власти и желающего служить немцам и их новому порядку. Вскоре он стал переводчиком при комендатуре. Эта доверчивость гитлеровцев стоила им дорого: партизаны были осведомлены обо всем, что делается в стане врага, и соответственно этому строили свои боевые операции.

Между тем Субботин вел себя так хитро и умно, что доверие к нему со стороны немецкого начальства ни разу не поколебалось. Больше того, в конце сорок третьего года ему дали весьма ответственное поручение. Субботин был послан в Польшу и Германию по лагерям, где содержались белорусы. Он должен был помогать гитлеровским вербовщикам создавать из пленных воинские подразделения для борьбы против Советской Армии. И тут Субботин в глазах гитлеровцев проявил себя с наилучшей стороны. В каждом лагере, в результате его работы, среди пленных всегда находился десяток-другой «добровольцев». Но все эти «добровольцы»,

очутившись на фронте, немедленно переходили к своим. Так Субботин спас и вернул Советской Армии сотни солдат...

И только в середине сорок четвертого года гитлеровцы почуяли неладное. Субботин обнаружил, что за ним следят. Видимо, гитлеровцы хотели сначала установить его связи, а потом уже схватить его. Это и спасло Субботину жизнь. Он бежал...

Три недели Субботин по ночам пробирался на восток, пока на территории Польши его не спрятал учитель. Прожив почти три месяца в подвале учительского дома, Субботин установил связь с местными патриотами и ушел в польский партизанский отряд, где и воевал до прихода советских войск. С этого времени Субботин и связан с разведывательной работой.

...В проезде между развалинами остановился «виллис». С машины соскочил американский офицер. Он оставил шоферу свою фуражку, поднял воротник плаща (на этом его маскировка под штатского окончилась) и направился к рынку.

Вот только когда Субботин покинул свое место и встал так, что американец непременно должен был пройти мимо него. Как только офицер поравнялся с ним, Субботин тихо произнес по-немецки:

— Интересуюсь оптовыми сделками.

Американец вздрогнул, как боевой конь при звуке трубы, и остановился рядом с Субботиным.

— Что именно? — спросил он на плохом немецком языке.

— Отойдемте в сторону, — по-английски произнес Субботин и медленно пошел к развалинам.

Американец послушно шел за ним. Они присели на обломок кирпичной стены и начали деловой разговор.

— Я интересуюсь только оптовой сделкой.

— Что, что именно? — нетерпеливо спросил американец.

— Дешевые часы, чулки и многое другое, но обязательно крупной партией.

— Часы могу предложить сейчас, полдюжины...

— Это не мой масштаб. Сотня — вот это да! И именно дешевые, но цену за них вы получите приличную.

— Не понимаю.

— Все очень просто. Я веду дела в Восточном Берлине. Имею дело с советскими офицерами. Платят огромные деньги за дрянь.

— Восточными марками?

— С вами я могу рассчитаться западными.

— Желательно восточными.

— Можно и так...

Разговор завершился тем, что Субботин все-таки купил те часы, которые имел американец. Мало того, он заплатил такую цену, какая американцу и не снилась в ночь перед тем, как он отправился делать свой бизнес.

9

Клуб прессы в Западном Берлине помещался на верхних этажах довольно высокого дома. Надземная железная дорога проходила вровень с окнами клубного

бара. В разноязыкий гомон, подкрашенный вкрадчивыми звуками пианино, то и дело врывался грохот проносившихся по эстакаде поездов. У журналистов была такая игра: если сидящие за столом не хотели слушать какого-нибудь своего коллегу — когда он рассказывал старые новости или плел неинтересное, — они хором кричали: «Где поезд?»

И почти всегда тут же, заглушая все, грохотал пролетающий поезд. А о болтающем чепуху говорили: «Типичная надземка».

Павел Рычагов присел за столик, за которым сидели два молодых журналиста.

— Если не ошибаюсь, французы? — спросил Рычагов на хорошем французском языке.

— Они, — холодно ответил один из французов.

— Помогите своей младшей сестренке — Бельгии, — словно не замечая его недовольства, сказал Рычагов. — Я только что из Брюсселя. Приехал на три дня. Нужна хоть маленькая, но сенсация. Моя газета горит.

— За этим дело не станет. Берлин — город сенсаций.

— Коллеги дорогие, одну маленькую, в кредит! — Рычагов по-нищенски протянул руку.

Французы есть французы. Они любят веселых, открытых людей. Рычагов им сразу понравился, и вот за столом уже идет непринужденный разговор.

— Нет, сестричка, у нас ты сенсации не получишь. И запомни: Берлин — город надоевших сенсаций. Сами вот сидим и обсуждаем, чем бы удивить старушку Францию.

— Хоть что-нибудь... Горит газета.

— Тоже, сестричка, не новость. Мы от своих шефов получаем по две истерические телеграммы в день. Требуют ежедневно двести строк на первую полосу об ужасах жизни в Восточном Берлине. Наимоднейшая тема! А народ, читая это, плюется.

— Может, вы передаете неинтересно? — спросил Рычагов.

Французы переглянулись и расхохотались.

— Сестричка, — погрозил один из них пальцем, — ты или наивна, или хитришь...

— Не понимаю... — Рычагов пожал плечами. — Ведь

— Я слышал по радио, что от красных бежал какой-то офицер.

там, на Востоке, действительно жестокая диктатура русских.

Журналисты снова переглянулись, но уже не рассмеялись. Один из них спросил:

— Ты, сестричка, случайно, не ведешь в своей газете свадебную хронику?.. Но-но, только не надо сердиться! Ты же не знаешь, что такое политика. А она, сестричка, путаное и, в общем, нечистое дело. Ты говоришь — там диктатура русских. А тут что, по-твоему? Райские кущи, населенные поющими ангелами?

— Во всяком случае, — угрюмо сказал Рычагов, — здесь я вижу жизнь, к какой привык дома. А там — порядки, привезенные из красной Москвы.

— А ты, сестричка, спроси на досуге у самих немцев: какие порядки им больше нравятся... Не понимаешь? А знаешь про наш верный корреспондентский барометр? Чем настойчивей твой шеф требует от тебя поносить какую-нибудь страну, тем, значит, в той стране жизнь лучше, чем в той, где печатается твоя газета. Ну, а про русских... — Француз махнул рукой. — Тут пиши только плохо — никогда не ошибешься. Особенно сейчас, когда наш милый западный мир делает здесь в Германии глупость за глупостью.

— А не попал ли я за стол коммунистов? — с улыбкой, но не без тревоги спросил Рычагов.

— Не бойся. Коммунисты сюда не ходят.

— Но о чем же мне все-таки написать в газету? — помолчав, спросил Рычагов.

Оба француза, как по команде, пожали плечами.

— Я слышал по радио, что от красных бежал какой-то офицер. Из него нельзя сделать сто пятьдесят строк плюс фото?

Оба журналиста снова, как по команде, махнули руками. Один из них вздохнул:

— Не выйдет. Тут мистеры что-то темнят. Даже наши американские коллеги ничего о нем не могут получить. Делают умное лицо, говорят — это перебежчик особого рода. Чепуха! Вообще эти перебежчики — мясо с душком. Бегут-то как на подбор удивительно неинтересные типы. Иногда кажется, будто красные сами отбирают всякую шваль и гонят ее сюда. Напишите это — вот вам и будет сенсация.

Французы хохотали. Вместе с ними смеялся и Рычагов. Потом он спросил:

— А может быть, как раз потому, что они его прячут, тут и кроется сенсация?

— Оставь, сестричка, надежду. Одно из двух: или этот перебежчик полный идиот и его нельзя тащить на пресс-конференцию, или он, наверное, знает чуть больше других и сейчас янки доят его в четыре соска. А уж потом, выдоенный, он начнет поносить советские порядки и будет уверять, что русские генералы едят на завтрак немецких детей. Если хочешь, я могу сейчас же продиктовать тебе все, что он скажет. Моя газета красных не обожает, но даже она перестала печатать этот мусор... Вероятно, сестричка только что приехала?

— Сегодня утром, — ответил Рычагов.

— Значит, сестричка еще не успела обнищать. А ее братцы не возражают, если она поставит на стол бутылочку вина. Смотришь, и взбредет в голову идея, и мы все вместе будем охотиться за сенсацией. А?

— Сестричка идет на все... Обер! Две бутылки вина, — распорядился Рычагов.

10

Наташе Посельской передали полученные от уличного комитета сведения о квартире, в которой жила Рената Целлер. Да, жила. Но третий день ее дома нет. Уехала во Франкфурт-на-Одере, где у нее тяжело заболела сестра.

Наташа попросила проверить, действительно ли Рената Целлер находится во Франкфурте, и вскоре получила ответ: «Да, находится, живет в квартире сестры и почти все время проводит возле нее в больнице». Посельская растерялась: она была больше чем уверена, что Ренаты там не окажется. Но, с другой стороны, ведь не было ничего уличающего ее как участницу похищения Кованькова, и ей как будто вообще нечего было скрываться. Подозрительно только то, что она уехала во Франкфурт наутро после происшествия... А может быть, именно в этом и есть хитрость? Раз Рената Целлер уверена, что улик против нее нет, зачем

ей скрываться или бежать на Запад? Достаточно, на всякий случай, уехать из Берлина...

Немецкие товарищи, помогавшие оперативной группе Рычагова, узнали, что в Берлине Рената Целлер жила в семье своей дальней родственницы Августы Мильх, работавшей научным сотрудником в Музее народного искусства.

Августа Мильх — член Коммунистической партии, вдова. Ее муж, по национальности еврей, погиб в концентрационном лагере Бухенвальд.

Августа Мильх жила вместе со своей старшей сестрой, которая вела домашнее хозяйство. Получены были также сведения о том, что Августа Мильх почему-то была недовольна поведением живущей у нее Ренаты Целлер. Привратник сообщил, что квартирантка Августы Мильх почти всегда возвращалась домой за полночь. Эти данные находились в полном противоречии со всеми отзывами, собранными о Ренате Целлер, и с тем, что говорил о ней своему другу Кованьков. Какова же она на самом деле? Серьезная, симпатичная девушка, как сказал о ней Кованьков, или такая, что даже родственники недовольны ее поведением?

...В этот дневной час в музее не было ни одного посетителя. Кассирша куда-то вышла, и Посельской пришлось ее ждать. Над ней сжалилась контролерша. Она пригласила девушку сперва осмотреть музей, а потом купить билет. Наташа спросила у нее об Августе Мильх. Да, Мильх работает в музее, в реставрационной студии. Это на втором этаже.

Посельская добросовестно обошла все залы, а потом поднялась на второй этаж и вошла в реставрационную студию.

В большой светлой комнате работало человек пять.

— Можно мне видеть товарища Мильх?

— Я — Мильх.

Навстречу Посельской из глубины комнаты вышла женщина в белом халате. Ей было лет пятьдесят. Из-под белой докторской шапочки выбивались седые волосы.

— Слушаю вас.

— Я сейчас осмотрела музей. Я немного увлекаюсь глиной, и у меня возникло несколько вопросов.

— Пожалуйста, проходите.

Августа Мильх провела Наташу к своему столу.

— А почему вы обращаетесь именно ко мне?

— В этом повинна Рената Целлер. Узнав, что я коллекционирую глину, она, во-первых, подбила меня посетить ваш музей, а во-вторых, сказала мне, что вы поэт глины.

Августа Мильх выслушала это с хмурым, непроницаемым лицом.

— Сама Рената, — вздохнув, сказала она, — не нашла времени зайти сюда. Хорошо, что хоть вас подбила. Какие же у вас ко мне вопросы?

Посельская заметила, что с момента упоминания имени Ренаты Августа Мильх стала менее приветливой.

— Установлено ли точно, когда человек впервые воспользовался глиняной посудой?

— Точно нет, — сухо ответила Августа Мильх. — Поход археологов в глубь веков еще продолжается. Пока в тех пластах истории, которые археологами разработаны, глина всюду сопровождает человека.

— Посуда?

— Не только. Оружие, скульптура, игрушки.

— Существует ли классификация искусства древних мастеров глины?

— Весьма грубая, а иногда и спорная. Между прочим, наиболее ценная коллекция древней глины находилась в Западной Германии, но, увы, недавно ее вывезли... — Августа Мильх усмехнулась. — Очевидно, любители глины есть и в западных странах, а воздушный мост, как всякий мост, должен действовать в обоих направлениях. — Вдруг Августа Мильх неожиданно спросила: — Вы подруга Ренаты?

Посельская засмеялась:

— Мы когда-то вместе учились в школе. А потом виделись всего два раза.

— Вы спортсменка?

— Почему спортсменка? — удивилась Наташа.

— Я подумала, что вы познакомились с Ренатой на почве спорта.

— А разве Рената спортсменка? Она мне об этом не говорила.

Августа Мильх усмехнулась:

— Мне она говорила, что хочет стать чемпионкой

по плаванию. Но я думаю, что спорт был для нее всего лишь поводом, чтобы пропадать по вечерам.

— Вот как! — засмеялась Наташа. — Интересно, где же она тренируется? Обязательно схожу посмотреть.

— Как будто в бассейне профсоюза строителей. Но сейчас ее в Берлине нет.

— А где она?

— У сестры во Франкфурте.

— Надолго?

— Не знаю. Ее сестра тяжело заболела.

— Будем надеяться, что все кончится благополучно. — Посельская встала со стула. — Извините меня, товарищ Мильх, что я оторвала вас от работы.

— Ничего. Вы зайдите к нам через неделю — мы выставим чудесные вещицы семнадцатого века.

— Спасибо, обязательно зайду. До свиданья. Передайте привет Ренате.

Августа Мильх, ничего не ответив, вернулась к прерванной работе.

11

На совещании у полковника Семина обсуждали первые сведения, добытые оперативной группой Рычагова. Посельская, Субботин и сам Рычагов рассказали о том, что ими сделано, и теперь ждали вопросов и советов полковника. А он вот уже несколько минут сидел неподвижно, и глаза его были закрыты тяжелыми веками.

— Рано оценивать то, что вы сделали, и рано говорить о чем-нибудь уверенно... — наконец заговорил полковник. — Пока вы всего лишь нащупываете пути к цели. Совершенно очевидно, что не все пути окажутся правильными. Мне думается, что товарищ Посельская находится сейчас ближе других к существу интересующего нас факта. Но это еще ничего не значит — завтра, послезавтра ближе могут оказаться другие... — Полковник взглянул на Посельскую. — Проявите максимум осмотрительности. Сходить в бассейн надо, согласен. Весьма возможно, ваша версия верна, и действительно спорт был второй жизнью Ренаты Целлер. Там и могло родиться ее соучастие в преступлении. Весьма возмож-

но, что где-то поблизости могут оказаться и другие участники похищения Кованькова. Этот бассейн — неплохое прикрытие для бандитов в восточной зоне. Но что будет, если какая-нибудь ваша ошибка даст им понять, что по их следам идет поиск? Они немедленно скроются, дадут сигнал тревоги на Запад, и тогда осложнится работа всей группы. Вы понимаете это, товарищ Посельская?

— Да, понимаю, — тихо ответила Наташа.

— В музее вы как будто ошибки не сделали, но риск все же был допущен.

— Какой же риск? — удивилась Наташа.

— А что, если Августа Мильх тоже соучастница?

— Но все, что мы знаем о ней, против этого! — горячо возразила Посельская.

— И все же: а вдруг?

— Вдруг — это не логика! — запальчиво сказала девушка.

Полковник засмеялся:

— Видите, вы даже здесь горячитесь. Спокойней, товарищ Посельская, осторожней, тоньше, умней...

— Совет принимаю, — тихо произнесла Наташа.

— Только это от вас и требуется. — Полковник заглянул в свои записи и посмотрел на Рычагова. — Теперь о делах ваших, товарищ Рычагов. Значит, эти французские журналисты знают майора Хауссона?

— Безусловно. И все, что они говорили о нем, сходится с нашими данными. Между прочим, они сказали, что журналисты дали Хауссону ироническое прозвище «Отец русских перебежчиков».

— Неплохо, — усмехнулся Семин.

— На пресс-конференциях перебежчиков он неизменно присутствует. Но делает вид, что только присутствует...

— Так... А где находится контора Хауссона, они знают?

— Они говорили про какую-то зону «Игрек». Там размещено все, что американцы хотят спрятать.

— Это мы знаем и без французов. Имеются данные, что у Хауссона есть еще одна контора, где-то в центре Западного Берлина. Нужно побольше узнать о самом майоре. Где он живет? Куда ездит? С кем дружит?

— Попробуем... — тихо обронил Рычагов.

— Вы думаете остаться бельгийским журналистом?

— Да, еще дня три.

— Точно установлено, что подлинного журналиста из этой бельгийской газеты нет?

— Абсолютно точно. Он отозван полгода назад. И действительно, эта газета испытывает материальные затруднения. Ей уже не до корреспондентов в Берлине. И потом, ничего плохого для газеты я не сделаю. Более того, я еще ни разу не произнес ее названия. И постараюсь не произносить впредь.

— Хорошо. — Полковник Семин помолчал. — Неплохо бы познакомиться с каким-нибудь американским корреспондентом, причем с таким, который погрязнее.

— Я уже думал об этом, — сказал Рычагов. — Французы назвали мне фотокорреспондента Отто Стиссена, обещали познакомить с ним. Его прозвище среди газетной братии Дырявая Копилка. Это за то, что он всеми способами пытается сделать бизнес, но все пропивает.

Полковник засмеялся:

— Вот злоязыкое племя!.. Да, познакомьтесь-ка с этой Дырявой Копилкой. — Полковник посмотрел на Субботина: — Ну, коммерсант, теперь о ваших делах. Пока что вы ввели нас в расход и грозитесь ввести в расход еще больший.

— Этого следовало ожидать, — мрачно произнес Субботин.

— Весь вопрос в том, кто он, ваш американец, по чину и званию? Стоит ли он таких затрат?

— Я уже сказал: судя по всему, он из среднего звена. Может быть, майор...

— Но где он служит? Администрация? Пропаганда? Просто воинская часть? В последнем случае он может забросать нас часами, но оказаться бесполезным в главном. — Полковник помолчал и спросил: — Так вы говорите, ваше предложение провести комбинацию с советскими деньгами его не удивило?

— Нисколько. Сперва я ему предложил западные марки. Он отказался. Его устраивают только восточные. И, когда обо всем было договорено, я спросил: может, он хочет получить за часы советские деньги? Он ответил, что ему они не нужны, но он знает одного полков-

ника, который очень интересуется советскими деньгами. Обещал связать с ним послезавтра.

— Вы встретитесь там же?

— Да.

— Сразу уводите его с рынка. Это место опасное. Жулье — народ наблюдательный. Встречайтесь с ним в каком-нибудь кафе, которое посещают солидные спекулянты. И все время помните, что полковник, охочий до советской валюты, для нас очень интересен. Тут вы можете столкнуться с нашим непосредственным противником. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Понимаю. Но как же мне все-таки поступить, если тот мой знакомый добудет большую партию товаров?

— Посмотрим... подумаем... Все будет зависеть от того, насколько эта ваша спекуляция будет приближать нас к главному. Все время надо помнить о нашей цели и о том, что время не ждет. Пора уже смыкать фронт. К примеру, если Рычагову удастся сблизиться с Дырявой Копилкой, там может пригодиться и Субботин. Рычагов может познакомить Копилку с коммерсантом, который умеет делать большие и выгодные дела.

— Здорово! — воскликнул Рычагов. — А я-то сижу и думаю: в какой бизнес мне лезть с этим пьяницей?

12

В помещении плавательного бассейна было тепло и душно. Хлорированной водой пахло даже в вестибюле.

Посельская внимательно изучала объявления и расписание, которыми были облеплены стены вестибюля. Вокруг не умолкал веселый гомон молодежи. Из бара доносилась танцевальная музыка. И вот наконец Наташа нашла то, что искала: расписание тренировочных занятий, в которых упоминалась Рената Целлер. Она входила в группу, которой руководила Альма Гуц. И как раз сегодня вечером Рената Целлер должна была заниматься.

Возле Посельской остановились две девушки, которые тоже интересовались расписанием тренировок.

— А! — воскликнула одна из них. — Мы с тобой опять попали к Альме. Ужасно!

Другая пожала плечами и сказала:

— Черт с ней! Главное — плавать.

— Извините, можно мне у вас кое-что спросить? — Наташа почти умоляюще смотрела на девушек.

— Пожалуйста.

— Посоветуйте мне, к какому тренеру записаться.

— О! Тут же идиотская система — постоянного тренера получить нельзя. Они все работают в нескольких бассейнах и постоянно подменяют друг друга.

— Вы меня простите, — Посельская скромно потупила взгляд, — но я слышала, что вы недовольны этой... как ее... — она заглянула в расписание, — Альмой Гуц?

— Тут мы скажем тебе просто... — Одна из девушек доверчиво взяла Посельскую под руку. — Этой Альме лучше всего пристало бы работать тренером по танцам в Западном Берлине. Экземплярчик!

— Возле нее всегда целая стая таких же, как она, — добавила другая девушка. — Между прочим, ты будешь иметь у нее колоссальный успех.

— Это почему же? — удивилась Наташа.

— Бог не обидел тебя красотой.

Девушки засмеялись и убежали.

Посельская подошла к столику, над которым висело объявление: «Здесь производится запись в тренировочные группы». За столиком, уткнувшись в книгу, сидела огненно-рыжая дама с ярко накрашенными бровями невероятной длины — почти до ушей. Окинув Наташу мгновенным взглядом, она отодвинула книгу и вынула из стола толстый журнал.

— Хотите записаться?

— Да. Можно?

— Вы член профсоюза строителей?

— Я студентка инженерно-строительного института...

Посельская действительно уже несколько дней как была по всем правилам зачислена в институт.

— Можете записаться.

— Я хотела бы попасть в группу Альмы Гуц.

Рыжая дама окинула Посельскую оценивающим взглядом.

— Все понятно.

— Что вам понятно? — раздраженно спросила Наташа.

— Еще не мочили ног в бассейне, а уже все знаете... Вы записаны. Идите в раздевалку и затем в бассейн номер два. Вот этот талончик отдадите Альме. Счастливого плавания! — Рыжая дама мелко затряслась в беззвучном смехе.

Посельская недоуменно пожала плечами и пошла в раздевалку.

Если бы Наташа Посельская действительно надумала заняться водным спортом, она ни за что не позволила бы себе появиться в таком купальном костюме, в каком она сейчас вышла из раздевалки. Не один час она ходила по комиссионным магазинам, прежде чем нашла себе это порождение людской безвкусицы. В другое время она испытала бы неловкость и стеснение в таком костюме. Но сейчас надо быть смелой и даже развязной.

Она проталкивалась через толпу спортсменов, привлекая своим ярким костюмом всеобщее внимание.

— Кого ищешь, птичка? — крикнул ей рослый, красивый парень.

— Не тебя! — ответила Посельская.

Вокруг одобрительно засмеялись.

Возле стартовой тумбочки Альма Гуц объясняла что-то окружившим ее девушкам. Посельская сразу догадалась, что это именно она. Это была излишне располневшая, чтобы быть спортсменкой, женщина лет тридцати. Ее можно было бы назвать красивой, если бы не тонкие губы, придававшие лицу злое выражение.

Получив указания тренера, девушки попрыгали в бассейн. Альма, присев на стартовую тумбочку, смотрела, как они плавали.

— Скажите, пожалуйста, вы Альма Гуц? — Посельская стояла за ее спиной.

— Да, именно так и есть, — не оглянувшись, ответила женщина.

— Я зачислена в вашу группу.

Альма Гуц повернулась к Посельской и обвела ее медленным взглядом, начиная с ног. По мере того как она поднимала глаза, в них все явственней обозначались интерес и любопытство.

— О! Откуда ты, прелестный ребенок? — низким голосом проворковала Альма и протянула Наташе руку.

— Меня зовут Анна. Анна Лорх, студентка инженерно-строительного института, — почти с книксеном представилась Посельская.

— Садись! — Альма Гуц показала на стартовую тумбочку рядом. — Какой у тебя чудесный костюмчик!.. Сколько?

— Что — сколько? — удивилась Наташа.

— Сколько стоит эта прелесть?

— А! Я не знаю, это покупал мой папа. Кажется, в американском секторе.

— О! Я вижу, тебе повезло и на папу! — Альма пощупала рукой костюм. — Достоверно: Мэйд ин Ю-Эс-Эй. Прелестно!.. Ну, а что мы умеем делать в воде?

— Ничего.

— Не умеем даже плавать?

— Просто плавать могу. И долго.

Наташа могла бы добавить, как она, будучи десятиклассницей, на пари переплыла у себя в Горьком Волгу. Но об этом она, конечно, умолчала.

— Покажи руками, каким стилем ты любишь плавать.

Посельская показала.

— О! Это так называемый русский стиль. Начнем тогда с того, что этот стиль нужно начисто забыть.

— Почему он русский? — обиделась Посельская. — Меня так учил плавать мой отец. А он морской офицер рейха.

— Вот как? — Альма Гуц буквально впилась своими острыми глазками в лицо Наташи. — Хорошо, что ты обиделась. Но, увы, это факт. Так плавают русские солдаты, я сама видела. Но черт с ними, с русскими, верно?

Посельская согласно кивнула головой.

— Раз ты можешь плавать долго, я буду тренировать тебя на большие дистанции. Хочешь?

— Согласна.

— Ну, за дело! Занимай первую дорожку и плыви. Поплавай, пока не устанешь, а я засеку время и посмотрю, как ты выглядишь в воде. — Альма хлопнула Наташу ладонью по спине: — Вперед, Анна Лорх!

Посельская прыгнула в воду и, чтобы не показывать свой русский стиль, поплыла на боку, выбрасывая над водой только одну руку. Она не считала, сколько раз пересекла бассейн, но увидела, что многие наблюдают за ней. Это подстегивало. Но вот Альма Гуц сделала ей знак, чтобы она вылезала из бассейна.

— Прелестно, Ани! — сказала она, оглядывая литую фигуру Наташи. — Клянусь аллахом, через год ты увидишь свой портрет в газетах! А может, и раньше. Или я отрекусь от специальности тренера. Иди одевайся и пройди в бар. Нам надо поговорить.

В баре они сидели за маленьким столиком возле оркестра. Альму здесь знали все.

— Если можно, потише! — крикнула она музыкантам.

Руководивший оркестром трубач подошел к краю эстрады и протянул ей руку:

— Ваша просьба для нас — приказ!

Альма Гуц заказала кофе и пирожные.

— Я бы не прочь, — сказала она Наташе, — разбавить кофе коньяком, но днем здесь крепкое не подают: охраняют здоровье рабочего класса! — Она засмеялась. — А ты в каких отношениях с крепкими напитками?

— Я ведь хочу стать спортсменкой...

— А если тренер скажет, что в маленькой дозе можно?

— Раз можно — значит, можно, — улыбнулась Наташа.

— Учти: я ненавижу спортсменов-аскетов. Моя теория: спортсмен должен жить нормальной, полнокровной жизнью. Что толку, если один аскет, забыв, что такое жизнь, выжмет мировой рекорд!

— Это, пожалуй, верно, — немного озадаченно произнесла Наташа.

— Ну, я вижу, мы найдем общий язык. Теперь вот что. Я работаю сразу в трех бассейнах. — Альма подмигнула и сделала жест пальцами, показывающий, что ей нужны деньги. — Тренирую целые стада безнадежных телок. Увы, такова участь всех хороших тренеров. Ну, что поделаешь, когда жизнь так дорога! Но если вдруг в наши руки попадает экземплярчик с перспективой вроде тебя, мы делаем ставку на него. Мне тоже важно, чтобы однажды в газете рядом с фамилией

рекордсмена стояло: «Тренер Альма Гуц». Слава — чепуха! Речь идет о марке фирмы. Это сказывается на оплате работы. Я говорю тебе все откровенно. Знаю — ты меня поймешь правильно.

— Я понимаю, — тихо промолвила Наташа.

— Так вот: я делаю ставку на тебя, а это значит, что тебе придется стать моей тенью и тренироваться сразу в трех бассейнах. Официальное расписание будет висеть здесь, а приходить ты будешь туда, куда скажу я. Согласна?

— Конечно! — радостно воскликнула Наташа.

— В других бассейнах придется подбрасывать немного денег для того, чтобы не замечали появления чужой. Тебе это по силам?

— А много надо? — спросила Наташа.

Альма назвала сумму — не большую, но и не малую.

— Ну, столько, конечно, могу... — неуверенно сказала Наташа.

— Давать будешь мне, а я рассую кому надо. А сегодня вечером нам с тобой придется потанцевать с двумя тренерами из других бассейнов. Думаю, что это нам ничего не будет стоить — они все-таки джентльмены. Но таков обычай. Это у нас называется «вечер перед стартом». Ты можешь?

— С удовольствием.

— Тогда в десять вечера приезжай в ресторан «Палас». Знаешь?

— Конечно, знаю.

13

Встретясь с Владимиром Субботиным второй раз, американец вел себя совсем иначе. Даже о сделке с часами говорил так, будто их встречи два дня назад не было.

Вот уже битый час Субботин толковал с ним в кафе возле Олимпийского стадиона. Американец туманно говорил о каких-то возникших перед ним трудностях, а об операции с советской валютой и не заикался. Владимир насторожился: ему показалось, что его собеседник просто тянет время. Для чего он это делает?..

— Ну, вот что, — решительно сказал Субботин, —

вам ваша армия платит жалованье, а для меня деньги — время. Я хочу знать: сделка состоялась или нет?

— Мне нужны гарантии, — как-то неуверенно, точно повторяя чужие слова, сказал американец.

— Какие еще вам, к черту, гарантии? — искусно разозлился Субботин. — Я рискую головой, а не вы! Я должен требовать гарантии, а не вы!

— Согласитесь, господин Герцман (такое имя присвоил себе на этот раз Субботин), что сотня или две сотни часов — это уже очень большие деньги. Вы не должны обижаться. Мы с вами деловые люди, и я не могу вручить вам столь крупную ценность без гарантий с вашей стороны.

— Боже мой! — возмутился Субботин. — Я же беру эти часы ровно на три дня, за которые они будут реализованы. Всего три дня! Если бы коммерсанты в своих делах не доверяли друг другу, половина сделок не могла бы состояться!

Субботин сделал вид, что собирается уйти. И в это время заметил, что его собеседник глазами подает знаки кому-то, находящемуся за спиной Владимира. Что означал этот знак?

Подошел кельнер. Американец полез в карман за деньгами, но Субботин взял его за руку:

— Плачу я. Ведь я виноват, что вы зря потратили время. Мы же деловые люди, — насмешливо сказал он и отдал деньги кельнеру. — Между прочим, я не требовал гарантии, когда брал у вас те полдюжины часов, а зря! Можете убедиться... — Субботин вынул из кармана и отдал американцу часы, которые он сегодня утром нарочно стукнул, чтобы они остановились.

Американец осмотрел часы, завел их, приложил к уху.

— Невероятно! — произнес он. — Товар был получен из надежных рук.

— Ничего, бывает... — засмеялся Субботин и встал. — Отдайте эти часы в те надежные руки. А в следующий раз требуйте гарантию.

— Но вы потерпели убыток?

— Нисколько. Я просто остальные пять продал дороже. Коммерция есть коммерция... До свиданья. Очень сожалею.

— Одну минуту! — поспешно произнес американец и теперь сделал кому-то уже откровенный знак подойти.

К столу приблизился и, не здороваясь, опустился на стул мужчина лет сорока пяти, в дорогом, свободно сидящем костюме.

— Познакомьтесь, господин Герцман. Этот человек интересуется русской валютой.

— Господин полковник! — Субботин подобострастно смотрел на подсевшего к столу мужчину, а тот бросал гневные взгляды на американца. Субботин понял: он не ошибся — это и есть тот полковник, который интересуется советскими деньгами.

— Моя фамилия Купер, — раздраженно сказал мужчина. — Купер, и все. Понятно?

— Понятно, мистер Купер, — улыбнулся Субботин.

— И не мистер, а господин.

— Понятно, господин Купер.

— Откуда вы достаете советскую валюту?

— Я веду коммерческие дела среди советских офицеров.

Купер усмехнулся:

— Странно... Жалованье им платят марками. Откуда у них валюта?

— Ну, это уж не моя забота. Я сам веду дела в марках. Это теперь самое выгодное. Но они почти каждый раз предлагают мне советскую валюту. И вашего коллегу я спросил об этом всего лишь на всякий случай: а вдруг нужна и эта валюта?

Помолчав, Купер спросил:

— Как вы установили деловой контакт с русскими офицерами?

— Очень просто. У них есть клуб, а в клубе работает свой человек.

— Кто он там? — быстро спросил Купер.

Субботин засмеялся:

— О, это уже секрет фирмы!

За столом воцарилось молчание. Купер в упор рассматривал Субботина, а тот тоже в упор смотрел на полковника. Первым отвел взгляд Купер...

— Все это пахнет авантюрой! — злобно сказал он. — Ищите-ка себе других дураков!

Он встал и, не оглядываясь, ушел из кафе. Другой американец ушел вслед за ним.

Субботин озадаченно смотрел им вслед. Щука сорвалась... Но Субботин не знал, что эта безрезультатная его встреча с Купером однажды пригодится ему. И еще как пригодится!

14

Отто Стиссен, он же Дырявая Копилка, оказался совсем не таким простачком, каким его обрисовали французские журналисты. Рычагов почувствовал это в первую же минуту, когда французы, выполняя обещание, представили его Рычагову.

Это произошло в том же клубе прессы, даже за тем же столом. Французы подозвали вошедшего в кафе Отто Стиссена:

— Знакомьтесь, Стиссен. Это наш бельгийский коллега Пауль Рене. А это — самый объективный мастер фотообъектива Отто Стиссен.

— Король фоторепортажа.

— Самый остроумный посетитель этого бара.

— Любимец женщин.

— Стоп! — подняв руку, крикнул Стиссен. — Сразу две типичные надземки! Для одного человека этого много. И, наконец, где поезд?

И тотчас по эстакаде с душераздирающим грохотом пронесся поезд.

Все засмеялись. Рычагов церемонно сказал:

— Я очень рад.

— А я еще не знаю, радоваться или плакать, — сказал Стиссен, крепко пожимая руку Рычагову. — Я не люблю объявлять сумму, не зная слагаемых. Хо-хо-хо!

Стиссен рассмеялся, как умеют смеяться в обществе только американцы, — в полный голос, никого не стесняясь. Затем он сел и, не обращая никакого внимания на присутствующих французов, принялся бесцеремонно рассматривать Рычагова.

— Что вы так смотрите на меня? — засмеялся Рычагов. — Я ведь не продаюсь.

— Хо-хо-хо! Неплохо сказано! Смотрю из чистого

любопытства. Человек как человек, а приехал из страны, в существование которой я, честное слово, не верю. Хо-хо-хо! Я дважды пролетал над вашей Бельгией и каждый раз просил летчиков показать мне, где эта таинственная держава. И каждый раз летчики говорили: «Рассмотреть Бельгию с воздуха невозможно — она проскакивает под крылом, как площадка для бейсбола». Хо-хо-хо! Неплохо сказано, а, французы?

— Да, мы — маленькая страна, мы — маленький народ, — грустно произнес Рычагов.

— А ты не вешай нос! — вдруг перешел на «ты» Стиссен. — Вон Британия такой же шиллинг, как твоя Бельгия, а посмотри, как они нос задирают! Учись, бельгиец! Хо-хо-хо!

— Стиссен, бельгийцу нужна хоть маленькая сенсация, — сказал один из французов. — Может быть, имеете что-нибудь лишнее?

— Бельгиец ставит коньяк, — добавил другой журналист.

— Что же, может быть разговор, — сказал Отто Стиссен, и тотчас глаза его влажно заблестели, выдавая главную страстишку Дырявой Копилки.

Французы выпили по рюмке коньяка, попрощались и, сославшись на неотложные дела, ушли.

— Ну, так что же тебя интересует? — спросил Стиссен.

— Все. Моя газета горит. Шеф сказал: «Поезжай в Берлин, пришли хоть что-нибудь остренькое».

— Это не так просто делается. — Стиссен опрокинул подряд две рюмки коньяка. — А ты сработай, как наши. Сочини что-нибудь сам. Ну, там... Ганс Шнейдер, перебежавший от коммунистов в западный мир демократии, рассказал вашему корреспонденту, и... пошло, пошло! Валяй что хочешь... (Опрокинута еще одна рюмка коньяка.) Хо-хо-хо! Здорово можно накрутить! Или — про красный террор. Как это называется?.. Да! Колыма! Да, именно Колыма! Словечко-то какое! Хо-хо-хо! Чудом бежавший из Колымы немецкий военнопленный икс, игрек, зет рассказал вашему корреспонденту... хо-хо! Такого можно навертеть, что читательницы старше сорока лет будут валяться в обмороке. Хо-хо-хо! (Опрокинута еще одна рюмка.) А в общем, это ерунда. Уже

надоело. Сенсация должна быть как острый нож, с разбегу вбитый читателю под ребро. Хо-хо-хо!

Рычагов не без удивления наблюдал, как на его глазах менялся Стиссен. Весь он как-то сразу осунулся и оплыл. Только глазки, бойкие, маленькие, вдруг зажглись, оживились, стали жадными, ищущими. Стиссену было лет сорок пять, но он уже изрядно облысел. Когда-то его лицо, наверно, было красивым, а теперь, став дряблым, все в бесчисленных склеротических жилках, увенчанное крупным багровым носом, оно было неприятным, отталкивающим.

— Бельгия, закажи еще бутылочку! Я, может быть, все-таки выгребу для тебя что-нибудь из своих карманов.

Отто Стиссен выпил еще полбутылки коньяку, и Рычагов с интересом наблюдал за дальнейшими изменениями в своем собеседнике.

Речь Стиссена вдруг стала быстрее, в ней появилась бессвязность, но в то же время он, оказывается, прекрасно понимал все, о чем говорилось за столом.

— Бельгия, ты мне нравишься! Оказывается, на вашей бейсбольной площадке произрастают хорошие парни.

— Спасибо, — улыбнулся Рычагов.

— Тебя зовут Пауль?.. Прекрасно! Так вот, запомни: сенсация — это прежде всего то, что не каждый день случается. Мы вот вчера не знали друг друга, а сегодня — друзья, и это самое интересное. Жизнь! Но, увы, это не щекочет нервы, в этом нет сенсации. Дай мне по морде и уйди, захватив мою зеркалку, — это уже кое-что...

— Мне бы хотелось без драки, — улыбнулся Рычагов. — Может, вы...

— Говори «ты». Мы, американцы, не любим... Мы простые парни... Что же для тебя придумать? Фотокамера у тебя есть?

— Нет. И не умею.

— Жаль. Но, может, твоя газета обойдется и без фото?

— Вполне.

— Тогда так: завтра утром будь на любой станции городской дороги. Увидишь маленький спектакль.

— Что именно?

— Наши люди руками немецкой полиции будут трясти газетные киоски.

— Зачем?

— Чтобы не торговали восточными газетами.

— Почему? Разве не должен каждый читать то, что он хочет читать?

Стиссен расхохотался, и его смех слился с грохотом поезда.

— Слушай, парень, ты же типичная надземка! Да на кой черт нашим, чтобы западные немцы знали, как живут восточные? Пирог разрезан, и каждый лопает свое.

Рычагов покачал головой:

— Нет, с киосками — это не товар. Мне нужно такое... с изюминкой... Может, есть что-нибудь новенькое у Хауссона? — осторожно спросил Рычагов. — Французские коллеги говорили мне...

Стиссен поднял ладонь и наклонился к Рычагову:

— Ерунда! То, что Хауссон говорит вслух, никому не надо. Сенсация — то, о чем он молчит. Понял, парень?

— Я думал, хоть что-нибудь... Французы рассказывали мне про последнего русского офицера-перебежчика...

Стиссен махнул рукой:

— С этим русским туман и полная ерунда. Кто-то дал о нем информацию по радио, а Хауссон взбесился, дал отбой и ружья в козлы... — Стиссен вынул из кармана фотографию и бросил ее Рычагову. — Вот он, наш таинственный Хауссон. Таскаю с собой на случай сенсации. У него есть еще прозвище: «Отец русских перебежчиков»...

Такой фотографии Хауссона Рычагов в архивах не видел. На фотографии во весь рост был снят высокий, спортивного вида мужчина, держащий на поводке разлапистого бульдога.

— Я снял Хауссона возле его квартиры. Чудную можно дать подпись: «Мокрица и Мориц». Мокрицей мы зовем Хауссона за его вечно потные руки. А Мориц — имя бульдога. Два холостяка на прогулке.

— А нельзя все же получить у него интервью? — робко спросил Рычагов.

Стиссен помолчал и вдруг захохотал:

— Хо-хо-хо! Ты же совершенно не знаешь Мокрицу. У нас здесь есть Гарри Дамп, король репортажа из газеты «Балтимор сан». Он говорит: «Легче взять интервью у мыши, которую уже съел кот, чем у Хауссона». Хо-хо-хо! Неплохо сказано?

— Он вовсе не принимает журналистов?

— Почему? Обязательно примет! Но не скажет ни слова, годного для твоей газеты! Хо-хо-хо! — Стиссен вдруг оборвал смех и уставил на Рычагова веселые глаза. — Слушай, парень, идея! Только ты соглашайся. Идем сейчас к Мокрице — он теперь как раз обедает дома. Это близко. Я гарантирую, что он нас примет. Ты будешь его атаковать, а я вас сниму и фото дам в свой журнал с подписью: «Бесполезный штурм крепости Хауссон бельгийским журналистом». Это будет выглядеть смешно и понравится американцам: какой-то бельгиец пытается обойти железного майора! Ну, сработаем?

Рычагов молниеносно обдумывал так внезапно возникшее предложение, о котором мог только мечтать. Было одно «но» — фотография, которая останется у Стиссена. «Рискну, — решил он. — Можно будет потом попробовать эту фотографию из Дырявой Копилки вынуть».

— Согласен! — весело сказал Рычагов. — Поехали!

15

На вечернее свидание в ресторан «Палас» Посельская умышленно пришла раньше назначенного времени. Пусть Альма Гуц думает, что она так жаждала этой встречи, что не могла утерпеть до условленного времени. Кроме того, Наташа увидит, как они будут собираться, и лишит их возможности разговаривать без нее.

Посельская села в кресло в глубине холла, откуда был виден и вход с улицы, и часть ресторанного зала. Раскрытый иллюстрированный журнал помогал ей вести наблюдение незаметно.

С улицы вошел высокий парень в модном пальто ярко-желтого цвета. Сорвав с головы берет, он стряхнул с него мокрый снег и направился к гардеробу. Потом долго прихорашивался перед зеркалом. Наташа с трудом подавила улыбку, смотря, как он почти женскими движениями поправлял прическу, галстук, приглаживал брови, одергивал пиджак. Кончив прихорашиваться, парень заглянул в ресторанный зал, посмотрел на часы и прошел в глубь холла. Приблизившись к Наташе, он присгально посмотрел на нее:

— О! Здравствуй, птичка!

Это был тот парень, который заговаривал с ней еще в бассейне.

Наташа, не закрывая журнала, смотрела на него отчужденными глазами.

— Боже! К чему такие строгости? Ты же новая птичка из гнездышка Альмы Гуц. Верно?

— Я вас не знаю.

— С этого и надо было начинать. — Парень подошел к креслу. — Арнольд Шокман, рекордсмен, тренер, танцор, человек вне политики. А ты, если не шалит моя память, Анна Лорх... Ну, видишь, я все знаю! Будем знакомы.

Парень придвинул кресло и сел возле Наташи.

— Альма со своим Зигмундом опоздают на двенадцать минут. Это просто потрясающе! Всегда они опаздывают и всегда на двенадцать минут.

Посельская рассмеялась вместе с Арнольдом. Действительно, опаздывая ровно на двенадцать минут, в холл вошли Альма Гуц и незнакомый Наташе рослый мужчина.

— Посмотрите за моей машиной, — излишне громко сказал мужчина швейцару.

— Кому нужна твоя старая ветряная мельница! — крикнул ему Арнольд.

Мужчина помахал Арнольду рукой и пошел вслед за Альмой к гардеробу.

— Они уже познакомились. Ну, что я говорила? — смеялась Альма Гуц, здороваясь с Наташей и Арнольдом. — Знакомься, Анна, — сказала она, подталкивая к Наташе своего спутника. — Это король тренеров, поэт баттерфляя Зигмунд Лисовский.

Поэт баттерфляя больше был похож на боксера. Плечистый, крупный мужчина, на плоском лице—небольшой приплюснутый нос. Массивный угловатый подбородок наискось рассечен синеватым шрамом. От этого казалось, что лицо его немного скошено на сторону.

Компания заняла столик в уютной, глубокой нише. Распоряжался Арнольд. Он долго вполголоса разговаривал с изогнувшимся дугой официантом. В это время Зигмунд Лисовский, разговаривая с Альмой, исподволь присматривался к Наташе.

— Как себя чувствует новенькая? — неожиданно обратился он к ней.

— Прекрасно. Я очень люблю этот ресторан.

— О! Значит, вы здесь бывали?

— Естественно. За то время, что я здесь, я полюбить его еще не могла.

— Молодец, Анна! — Альма захлопала в ладоши. — Учи его светскому разговору. Зигмунд славится умением задавать глупые вопросы. Счет: один ноль в пользу Анны. Матч продолжается.

— Что тут произошло? — включился в разговор Арнольд. — Наверно, Зигмунд уже успел задать какой-нибудь вопрос?

— Да, и получил от Анны по носу! — смеялась Альма. — Но ты, Ани, все же учти: если Зигмунд возьмется делать тебе баттерфляй, это — счастье. Так что не бей его очень больно.

Заиграл оркестр. Пошли танцевать: Альма с Зигмундом, Наташа с Арнольдом.

— Чудесно устроена жизнь! — говорил в ухо Наташе ее кавалер. — Еще сегодня утром я не знал, как буду убивать вечер. Все опостылело, как осень! И вдруг из бассейна выплываешь ты, прелестная Афродита, и уже хочется, чтобы вечер был бесконечным!

Болтая, Арнольд упорно приближал свое лицо к Наташиному.

— Предупреждаю вас, — сказала она насмешливо, — я не терплю вольностей в первый вечер знакомства.

— О! — Арнольд отстранился. — А какой же вечер ты предпочитаешь?

— Тот, когда мне захочется этого самой.

— Птичка, я вижу, у тебя острые коготки!

— И еще: «ты» будет тогда, когда я этого захочу.

После танца разговор как-то не клеился. Наташа этому была рада. Она могла обдумать, как ей действовать дальше. Выпили за Анну Лорх, за то, чтобы ее портрет появился в газетах.

— Альма сказала мне, что вы дьявольски выносливы, — обратился к Наташе Зигмунд. — Для баттерфляя это первое дело. Первое! — Он пристукнул по столу своим громадным чугунным кулаком.

— Не бойся, Анна, он добрый, — засмеялась Альма Гуц, заметив, что Наташа с испугом смотрит на кулак Зигмунда.

— Мы с тобой поступим так, — продолжал Лисовский, исподлобья смотря на Посельскую, — сперва тебя погоняет Альма, отшлифует технику плавания, а потом займусь тобой я.

Альма Гуц захлопала в ладоши:

— Анна, кричи «ура»! За последний год он первый раз сам предлагает свои услуги.

За это нельзя было не выпить.

— Ну, а как же будет со мной? — с притворной обидой спросил Арнольд. — Я требую справедливости. Анну надо делить на троих.

— Умолкни! — грубо бросил ему Зигмунд.

Арнольд поднял руки:

— Капитулирую, капитулирую, и никаких претензий! Но как бы не появились претензии у Альмы?

— Умолкни! — уже с угрозой повторил Зигмунд.

Некоторое время все молчали, деловито поглощая

еду. Снова заиграл оркестр. Альма пригласила Арнольда, и они ушли танцевать. Посельская ждала, что ее пригласит Зигмунд, но он этого не сделал. Как только Альма с Арнольдом отошли от стола, Зигмунд вытер салфеткой рот и наклонился к Посельской:

— Твой отец — человек Деница? Это правда?

— Я врать не умею. Да, мой отец морской офицер рейха.

— Как его фамилия?

— Надо думать, Лорх, раз он мой отец. Счет становится два — ноль! — Наташа засмеялась, а у самой в это время сжалось сердце от нетерпеливого и настороженного ожидания. Впрочем, проверки она не боялась — отец уже давно был «приготовлен» и жил вместе с Наташей по абсолютно достоверному адресу.

— Ну да, Лорх... конечно... — усмехнулся Зигмунд. — Учишься?

— Да. В инженерно-строительном.

— Будешь строить дома для русских колонизаторов?

— Почему? Для немцев. Только для немцев.

— По-немецки ты говоришь не очень чисто, как и я. Но я по рождению поляк.

— Это вам показалось... — С этой минуты Посельская с утроенным вниманием начала следить за своей немецкой речью.

— Что делает отец сейчас?

— Служит. На суше, конечно.

— Где?

— Как раз у русских колонизаторов. — Сделав этот смелый ход, Наташа ждала, что он даст. Ждать пришлось недолго.

— Вот как! Кем же?

— Честное слово, не знаю.

— Почему вы оказались в советском Берлине?

— Трудно перекатить на запад наш дом, построенный еще дедом. Отец говорит: «Запад сам придет к нам».

— Вот как! Русские у вас бывают?

— Редко. Отец эти визиты не любит.

— Но все-таки бывают?.. Кто?

— Инженеры какие-то... Один даже в меня влюблен.

— Очень хорошо! — Зигмунд, отстраняясь, смотрел на Наташу.

— Что — хорошо?

— Все хорошо, — неопределенно ответил Зигмунд.

К столу вернулись Альма с Арнольдом, и разговор оборвался.

— А, кажется, Арнольд прав. Претензии у меня появятся! — с притворным гневом сказала Альма. — О чем это вы тут так интимно беседовали? Я все видела.

— Зигмунд задал мне миллион вопросов.

— И все глупые? — воскликнул Арнольд. — Значит, какой же теперь счет? Миллион — ноль?

— У нас был серьезный разговор, — задумчиво сказала Наташа. — Очень серьезный.

— Зигмунд — и серьезный разговор? Не верю! — кричала Альма.

«Кривляйтесь, господа, кривляйтесь! — думала в это время Посельская. — Вы прекрасно знаете, о чем должен был говорить со мной Зигмунд. Вы же специально для этого ушли танцевать...»

Больше в течение всего ужина Зигмунд не сказал Наташе ни слова. Она тоже не заговаривала с ним, понимая, что ей нужно быть предельно осторожной и терпеливой.

Ровно в час ночи Посельская встала:

— Друзья, извините меня, но мне пора.

Все начали уговаривать ее остаться.

— Я этого не допущу! — кричал Арнольд.

— Почему вы решили, будто вы единственный мужчина, с которым я знакома? — Наташа, подняв брови, насмешливо смотрела на Арнольда.

— Анна, вы портите нам весь вечер! — сердито сказала Альма.

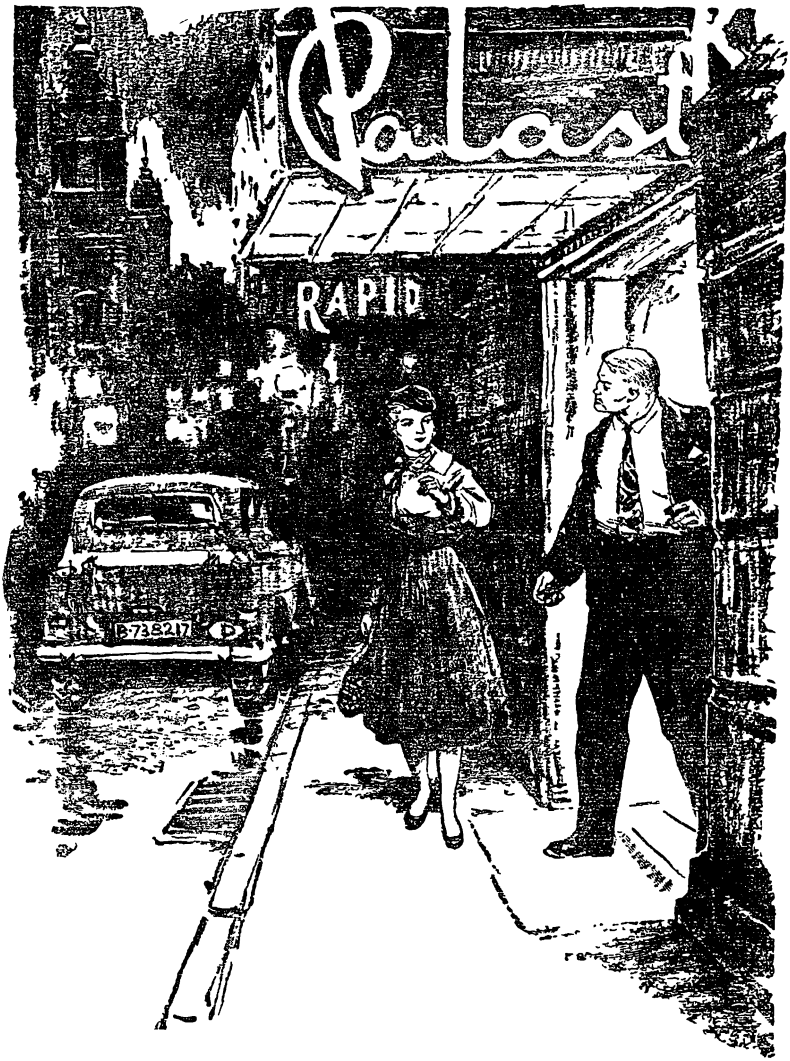
Наташа, наклоняясь к ней, тихо сказала:

— Я ничего не могу сделать. У меня есть друг, и он ревнив, как все. Он сказал, что заедет за мной в час ночи. Можете быть спокойны: в течение недели я дам ему отставку — он уже порядком мне надоел и своими вздохами и своей ревностью.

— Позовите его сюда, — предложила Альма.

— Тогда будет драка... — Наташа засмеялась и серьезно добавила: — Этого делать не надо... понимаете, не надо... — И Альме шепотом: — Он — русский.

Посельская быстро распрощалась со всеми и ушла.



Наташа остановила Зигмунда: — Я дойду до машины одна...

Через минуту из-за стола поднялся Зигмунд. Он догнал ее около гардероба. Подавая пальто, тихо сказал:

— О нашем разговоре никому ни слова.

— Разговора не было, — в тон ему отозвалась Наташа.

Зигмунд вместе с ней вышел на улицу. Автомашина мнимого друга Посельской стояла шагах в десяти от подъезда. Наташа остановила Зигмунда:

— Я дойду до машины одна, иначе мой поклонник устроит мне скандал. До свиданья.

Наташа подбежала к машине, быстро села в нее, и тотчас машина скрылась в темноте. Сидевший за рулем молодой человек в шляпе, по-американски сбитой на затылок, спросил:

— Как ты думаешь, он номер машины видел?

— Наверняка. Он был ярко освещен.

— Прекрасно. Все-таки я малость струсил, ожидая, что все они выйдут вместе с тобой.

— Ничего страшного не случилось бы. Ты бы сыграл роль молчащего от ревности поклонника — и все.

— А с другой стороны, неплохо было бы всех их развести по домам и узнать адреса.

— У одного из них есть своя машина, — сказала Наташа.

— А! Это, наверно, тот старичок «Вандерер», что стоял у подъезда.

— Наверно.

— Я его на всякий случай сфотографировал... Посмотри, они за нами не едут?

Наташа оглянулась:

— Нет.

— Тогда домой!

Машина круто свернула в переулок.

Машину вел Владимир Субботин, которого после неудачи на коммерческом поприще полковник Семин подключил к Наташе Посельской. С сегодняшнего дня он уже был русским инженером, обладателем холостяцкой квартиры, автомашины и поклонником Анны Лорх.

Наташа засмеялась:

— Воображаю, какой эффект вызвало у них мое

сообщение, что у ресторана меня ждет русский! Впрочем, тот, кто провожал меня, был уже подготовлен. Я ему сказала раньше...

16

Рычагов забеспокоился, что Дырявая Копилка, опьянев, сорвет интервью с майором Хауссоном. Адрес, названный американцем шоферу такси, Рычагов не расслышал и теперь пытался запомнить улицы, по которым они проезжали. Это было нелегко. Такси мчалось очень быстро, а город уже окутывали ранние осенние сумерки. Путь оказался совсем не таким коротким, как говорил Стиссен: ехали двадцать семь минут. Дом, у которого остановилась машина, был обычным жилым домом, тесно зажатым с обеих сторон такими же зданиями. Отто Стиссен, который в дороге успел вздремнуть, встрепенулся, удивленно оглянулся по сторонам, потом, видимо вспомнив, почему он здесь, молча вылез из такси и пошел к подъезду.

Рычагов, расплачиваясь, спросил шофера:

— Как называется эта улица?

— Ромбергштрассе.

— Метро далеко отсюда?

— Рядом.

— Бельгия, где ты? — крикнул Стиссен. — Скорей!

Когда они поднимались в лифте, Стиссен сказал:

— Действуй смелее. Хауссон не любит тряпок.

Дверь им открыла пожилая немка в кружевной наколочке на пышных волосах. Стиссен бесцеремонно отстранил ее, и они вошли в переднюю. Из-под столика послышалось грозное рычание и высунулась безобразная морда бульдога.

— Мориц, тубо! — весело крикнул Стиссен.

Собака замолчала.

Тотчас быстро открылась одна из дверей, и Рычагов увидел Хауссона. Он был в стеганом халате, в руке держал открытую книгу.

— А, Дырявая Копилка! Тебе что понадобилось? — Говоря это, Хауссон пристально смотрел на Рычагова. — Не спутал ли ты адрес? Ведь здесь живу я, а не мисс виски.

— Я ничего не спутал, Хауссон, — спокойно и трезво ответил Стиссен. — Поскольку после обеда спать вредно, я привез бельгийского коллегу, который хочет задать тебе парочку вопросов. Познакомьтесь: это журналист Пауль Рене.

Рычагов, видя, что Хауссон не собирается протягивать руки, поклонился, удивляясь меж тем памяти Стиссена, который не забыл его бельгийского имени.

Хауссон обратился к Рычагову:

— Я не знаю, сколько Стиссен взял с вас за эту протекцию, но он должен был предупредить вас, что, в общем, это неблагоразумная трата времени.

Это было похоже на предложение убираться восвояси. Рычагов робко и просительно сказал:

— Мистер Хауссон, я прошу вас подарить мне пятнадцать минут.

— Проходите! — Хауссон посторонился, пропуская мимо себя Стиссена и Рычагова.

Кабинет Хауссона, куда они вошли, оказался очень просторным, но вся его обстановка состояла из одного стола, перед которым беспорядочно стояли пять жестких кресел. Полированная поверхность стола сияла, освещенная настольной лампой дневного света. Из пепельницы под абажур струилась голубая ленточка дыма. Больше на столе ничего не было. Все стены были оклеены однотонными светлыми обоями. От камина распространялось тепло — там багрово тлела горка каменного угля.

Хауссон сел за стол, сцепил тонкие пальцы рук и посмотрел на Рычагова:

— Спрашивайте.

Рычагов улыбнулся:

— Я предупрежден мистером Стиссеном, что о самом интересном вы молчите. Было бы удивительно, если бы у вас была слава иная.

— Тогда просто не было бы меня, — небрежно обронил Хауссон.

— И поэтому вы авансом простите мне мои глупые вопросы. Но я буду стараться спрашивать вас о том, о чем можно сказать.

— Спрашивайте.

— Чем вызвано ваше прозвище «Отец русских перебежчиков»?

На сухом желтоватом лице Хауссона мелькнула тень улыбки. Показав на Стиссена, возившегося в это время со своим фотоаппаратом, он сказал:

— Из всех кличек, щедро изготовляемых журналистами, только Стиссену досталась точная, а потому и всем понятная — Дырявая Копилка... Верно, Стиссен?

Тот кивнул и стал целиться объективом на Хауссона и Рычагова.

— Зачем ты снимаешь?

— Я напечатаю этот снимок с подписью: «Бесполезный штурм Бельгией американской крепости Хауссон». Неплохо?

Хауссон благосклонно улыбнулся, и Рычагов понял, что майор лести не отвергает.

— Вы мне не ответили, мистер Хауссон, — сказал Рычагов.

— Разве? — притворно удивился Хауссон. — Ах, да! Прозвище глупое. Если я отец русских перебежчиков, должна быть и мать. Но кто она?

Да... Штурмовать крепость Хауссон нелегко, Рычагов это уже видел. Майор был скользкий, как мокрый камень.

— Бывают ли случаи побега американцев туда, на восток?

— Бывают, — мгновенно ответил Хауссон.

— Много таких случаев?

— Не считал.

— А почему бегут американцы?

— Это лучше всего узнать у них самих.

Отто Стиссен, тихо посмеиваясь, продолжал щелкать фотоаппаратом.

— Кто прибежал с востока последний? — спросил Рычагов, впившись взглядом в Хауссона.

— Тот, после которого больше пока никого не было.

Конечно, Рычагову хотелось назвать фамилию Кованькова и посмотреть хотя бы, как прореагирует на это Хауссон, но такое уточнение могло показаться майору подозрительным.

— Русские уверяют, что их людей еще и похищают. У них есть хоть какое-нибудь основание для этого?

— У них? — переспросил Хауссон.

— Да.

— Так почему же вы спрашиваете об этом у меня? Я лично в подобных голливудских сюжетах не участвую.

— Вы лично нет, но, может быть, это делают ваши люди?

Хауссон удивленно посмотрел на Рычагова и громко крикнул:

— Фрау Эльза!

В комнату вошла та пожилая женщина, которая открывала дверь.

— Фрау Эльза, вы когда-нибудь участвовали в похищении русских?

У женщины глаза стали круглыми.

— Что вы говорите, мистер? Никогда.

— Спасибо. Извините. Можете идти.

Женщина вышла. Хауссон сказал:

— А больше у меня никаких людей нет.

— Хо-хо-хо! — Стиссен, держась за живот, ходил по кругу. — Нет, Бельгия, куда тебе с твоей бейсбольной площадкой! Хо-хо-хо!

Майор Хауссон сидел с бесстрастным лицом, на котором ни один мускул не дрогнул.

— Да, мистер Хауссон, у меня только один способ порадовать своих читателей: это точно изложить нашу беседу, не думая о том, что я буду выглядеть полным идиотом.

— Это уж ваше дело, — отрывисто произнес Хауссон и посмотрел на часы. — Мой послеобеденный отдых окончен. Извините. — Он встал.

...Рычагов со Стиссеном вернулись в бар.

— Ну, бейсбол, укусил себя за ухо? Хо-хо-хо!

Рычагова удивляло, что Стиссен был совершенно трезв.

— Ой, парень, и вид же у тебя был! Котенок беседует с бульдогом. Хо-хо-хо!

Рычагов махнул рукой:

— Выпьем с горя.

— Вот это разговор мужской! Я уж думал, ты не догадаешься.

Стиссен опьянел очень быстро, но теперь с ним произошла совершенно иная метаморфоза: он стал мрачным и злым.

— Знаешь, что такое Америка? — вдруг заговорил он. — Все делают бизнес?.. Чепуха! Все только думают, что делают бизнес.

— Все же мы знаем, — возразил Рычагов, — что у вас частной инициативе дан полный простор.

— Идиот! Насмотрелся нашего кино! Мой дед, пионер заселения, умер нищим. Отец лбом бился о стену — тоже делал бизнес. Умер, не выплатив кучу кредитов. Из дома нас вышвырнули, мебель отобрали. Тьфу! Теперь вот я кувыркаюсь. Но я человек благородный — я не пложу детей, поколение нищих на мне заканчивается. Хватит!.. Чего ты улыбаешься? Вернешься на свою бейсбольную площадку — твой шеф даст тебе коленом знаешь куда!

— Не исключено, — грустно улыбнулся Рычагов.

— А я на тебе все-таки заработаю.

— Сколько?

— Если у моего шефа печень будет в порядке, долларов пятьдесят.

— Даю сто.

— За что?

— За пленку с моим портретом. Сами понимаете, если это фото будет у вас напечатано, мой шеф уже наверняка воспользуется своим коленом.

— Серьезно, бейсбол, сто?

— Серьезно. Только марками.

— Один черт. Давай.

Стиссен начал быстро, профессиональным движением перематывать пленку.

— Засветить?

— Не надо. За сто долларов дайте без засвечивания, сам дома проявлю на память.

— Тогда еще пять долларов за кассету.

— Ладно.

Рычагов получил пленку, передал деньги Стиссену и расплатился по счету. Вскоре они расстались.

— Ты все же деловой парень, — говорил Стиссен прощаясь. — Если тебе еще понадобится моя помощь, я здесь каждый день в обеденное время. Приходи,

сделаем еще какой-нибудь бизнес. — Он махнул рукой и грузно зашагал в ночную темень, расплавленную цветным кипением неоновых реклам.

17

Полковник Семин любил говорить: «Для нас терпение — часть умения». Но все сотрудники давно знали: если он вспомнил это присловье — значит, дело идет плохо.

Пока Субботин, Рычагов и Посельская докладывали о проделанной ими работе, полковник Семин, которому врачи запретили курить, то и дело брал из коробки папиросу, разминал ее пальцами до тех пор, пока из нее не начинал сыпаться табак, который он потом аккуратно с ладони пересыпал в пепельницу, а пустую гильзу кидал в мусорную корзину. Через минуту он брал из коробки новую папиросу... Когда коробка опустела, он ее бросил в корзину и вынул из стола новую. Так он «выкурил» две коробки «Казбека», и ни разу тяжелые его веки не приподнялись, чтобы посмотреть на сидящих перед ним сотрудников.

Последней рассказывала Посельская. Она очень волновалась, потому что, выслушав сообщения своих товарищей по оперативной группе, считала, что она находится ближе всех к существу дела, особенно после сегодняшней утренней встречи с Арнольдом Шокманом.

— Я еще во время тренировки, — рассказывала она, — заметила, что он меня ждет и явно нервничает. Когда я вылезла из бассейна, Альма Гуц сделала мне несколько торопливых замечаний и, оглянувшись по сторонам, сказала, что сегодня вечером мне нужно встретиться с Зигмундом Лисовским. Она назвала час и место встречи. Я сказала, что в это время буду занята. Она заметно растерялась, а потом очень строго и многозначительно сказала: «Анна, ты должна с ним встретиться. Это свидание не любовное, но для тебя может значить очень много. Понимаешь?» Я сделала вид, что обдумываю, как мне быть, а потом сказала, что постараюсь. В вестибюле я увидела Арнольда. Он явно ждал меня. На улице он спросил, куда я иду. Я сказала —

в институт. Он взялся меня проводить. Целый квартал мы шли молча, потом он спрашивает, не можем ли мы встретиться вечером... Я отвечаю, что не могу. Он как-то странно засмеялся и говорит: «Понимаю... Встреча с королем баттерфляя Лисовским!» — «Хотя бы», — ответила я. Он помолчал и вдруг говорит: «Анна, вы мне чертовски нравитесь, и потому я скажу вам: осторожней с Лисовским. Кроме баттерфляя, он может вам дать старт на такие дела, где можно в два счета сломать шею». Я попросила его говорить яснее и поддразнила замечанием, что не люблю мужчин, которые из ревности поносят своих даже мнимых соперников. Он долго молчал, а у подъезда института, когда я стала с ним прощаться, сказал: «Анна, я сообщил вам то, что считал нужным сообщить, и больше не скажу ни слова». У меня все... — Окончив сообщение, Посельская не сводила глаз с полковника. Но тщетной была ее надежда угадать, что он думает о ее делах...

В комнате несколько минут царило молчание. Слышно было только, что Семин разминал очередную папиросу.

— Начнем с материала Рычагова, — нарушил наконец молчание Семин. — Хорошо, что он встретился с Хауссоном. Ценно то, что установлены маршруты движения майора по городу, поскольку мы имеем основания думать, что Хауссон занимается лейтенантом Кованьковым. Выяснилось, например, что Хауссон ежедневно ездит не только в зону «Игрек», но и еще по одному адресу, которого мы раньше не знали. Это очень важно. Продумайте, Рычагов, как поглубже «разведать» этот адрес. Со Стиссеном больше встречаться не нужно, и в клуб прессы не ходите. Стиссен сделал для нас все, что мог, и пусть дальше занимается своим бизнесом без нашего участия...

Полковник стряхнул в пепельницу выкрошенный табак и взял новую папиросу.

— Главное сейчас — как можно быстрее нащупать путь, ведущий нас к цели, и отказаться от всего, что от цели уводит. В этом смысле поучительна неудача коммерческих предприятий Субботина. Теоретически мы могли, конечно, рассчитывать на то, что среди американских офицеров, занимающихся спекуляцией, может

оказаться и экземпляр для нас полезный. Но не так-то просто такого найти. Первый рыночный знакомый Субботина был явно маленькой сошкой, и, наверно, мелкую торговлю с ним мы наладили бы, но без пользы для нашего дела. А вот Купер — это птица совсем другого полета. Советскими деньгами там интересуются уже не коммерсанты. Вы, Субботин, сработали хорошо. Купер, видимо, поверил, что вы спекулянт и не больше, но он все же решил почему-то, что вы фигура ненадежная. И дело тут было в гарантии не столько материальной, сколько политической.

— Может быть, мне нужно было подпустить политики? — спросил Субботин.

— Подпустить? — Веки полковника дрогнули, и он недовольно посмотрел на Субботина. — Считать их дураками — самая трагическая для нас ошибка.

— Гениев среди них я тоже не видел, — буркнул Субботин.

— Но и вы ведь не гений! — зло сказал полковник. — Конечно, они ошибки делали и делают, — помолчав, продолжал полковник, — но замечу: чем дальше, тем меньше. Опыт ошибок учит и их. Нельзя об этом забывать. Еще год назад Купер пошел бы на сделку очертя голову, а теперь — извините. Попробовал бы, например, Рычагов предложить Хауссону сделку с часами — в следующую секунду он вылетел бы на лестницу. Мы имеем дело с противником неглупым, опытным и отлично понимающим недостатки своих кадров. Вот почему легкое для нас всегда должно быть подозрительным. А послушать Посельскую, так можно подумать, что она завтра принесет нам ключ от дома, в котором спрятан Коваьков. Не торопитесь, товарищ Посельская! Еще раз — не торопитесь! Может оказаться, что вы случайно наткнулись на людей, которые объективно могут нас интересовать, но которые не имеют никакого отношения к похищению Ковапькова. И может статься, что вы с каждым днем будете все дальше уходить от цели, стоящей перед оперативной группой. Ведь кроме того, что Рената Целлер тренировалась в группе Альмы Гуц, у нас нет никаких других нитей. Факт соучастия в похищении самой Ренаты все еще висит в воздухе. Значит, главное для вас, товарищи Посельская и Субботин, — приблн-

жаться к цели. Один из вас должен немедленно выехать во Франкфурт-на-Одере. Свяжитесь там с немецкими товарищами. Нужно организовать наблюдение за Ренатой Целлер и выяснить достоверность версии о причинах ее отъезда из Берлина.

18

Во Франкфурт Субботин поехал не один. В вагоне напротив него сидел заметно нервничавший капитан Радчук. Его попросили съездить как единственного сослуживца Кованькова, знающего Ренату Целлер. Во Франкфурте он должен был, если в этом появится необходимость, помочь Субботину познакомиться с Ренатой.

Неуютным осенним утром под гулкие своды франкфуртского вокзала с поезда сошло не больше десяти пассажиров. Вместе с ними, стараясь не привлекать к себе внимания, вышли и Радчук с Субботиным.

Больницу, в которой лежала сестра Ренаты, они нашли быстро. Субботин пошел в местное управление госбезопасности, а Радчук ждал его в маленьком кафе напротив больницы. Кроме Радчука, в кафе посетителей не было. Две девушки-официантки в углу за прилавком щебетали о чем-то своем. Они настороженно посматривали на хмурого молодого человека, сидевшего над нетронутой чашкой кофе.

Радчук через окно рассеянно наблюдал утреннюю жизнь города. И небо и улица были заштрихованы серой сеткой мелкого дождя. Когда проходил трамвай, чуткий колокольчик на двери кафе отзывался легким дребезжащим звоном.

«Неужели Рената Целлер враг?» — думал Радчук. Верить в это не хотелось. Между тем все, что рассказал ему Субботин, было более чем подозрительно.

Колокольчик звякнул решительно и громко. В кафе вошла девушка в дождевике. Она откинула на спину капюшон... Радчук замер. Это была Рената Целлер. Навстречу ей из-за прилавка выбежала официантка.

— Здравствуйте! А мы думали, что вы сегодня уже не придете. Решили, что ваша сестра выздоровела, —

веселой скороговоркой прощебетала официантка. — Вы же всегда заходите ровно-ровно в девять... Как здоровье сестры? Вы возьмете, как обычно?

— Да-да, — нетерпеливо ответила Рената. — Термос кофе и три свежие булочки. Сестра очень полюбила ваши булочки.

— Можете подождать пять минут?.. Будет готов свежий кофе. Присядьте.

Рената положила сумку на прилавок и села за столик.

Радчук совершенно не знал, как ему поступить. Субботин, как назло, словно сквозь землю провалился.

Рената посмотрела в зеркальце, попудрила нос, потом взглянула на свои ручные часики и перевела взгляд на висевшие у входа большие электрические часы. (Радчук видел все это уголком глаза.) Затем она обвела кафе отсутствующим взглядом. Глаза у нее вдруг расширились, и она сделала непроизвольное движение, будто хотела убежать. Она увидела и узнала Радчука. Суетливо застегнув пуговицы дождевика, девушка встала и медленно подошла к Радчуку:

— Здравствуйте. Я не ошиблась?

— Нет, вы не ошиблись, — неприязненно ответил Радчук. Он не умел скрывать свои чувства.

— Здравствуйте, капитан.

Радчук молчал и, продолжая сидеть, в упор, зло смотрел на Ренату.

Лицо ее медленно заливала меловая бледность; неловко, боком она опустилась на стул.

— Я знаю, что вы думаете, — тихо сказала она и после долгой паузы добавила: — Но вы не знаете... ничего не знаете.

Радчук молчал.

В это время прозвонил звоночек, и в кафе вошел Субботин. Он быстро подошел к столу.

— Это Рената Целлер, — громко сказал Радчук.

На лице Субботина не дрогнул ни один мускул.

— Твоя знакомая? — весело спросил он и протянул руку Ренате. — Сережа. Разрешите присесть?

Субботин сел и уставился на Ренату. Она сидела все в той же позе и смотрела вниз.

— У вас что, ссора? — быстро спросил Субботин.

Радчук и Рената молчали. Девушки-официантки с любопытством наблюдали за тем, что происходило у столика.

— Товарищи, я не виновата, — тихо произнесла Рената. — Почти не виновата...

Веселость мгновенно слетела с лица Субботина. Он понял, что игра не нужна.

— Я все расскажу вам, все...

Рената впервые посмотрела на Субботина. Их взгляды встретились.

— Вы идете к сестре? — деловито спросил Субботин.

— Да.

— Идите. А когда освободитесь, зайдите в местное управление госбезопасности и расскажите там все, что вы знаете по интересующему нас вопросу. Зайдете?

— Зайду, — твердо ответила Рената.

Она встала, расплатилась с официанткой и ушла.

Субботин и Радчук через окно смотрели, как она медленно перешла улицу и скрылась в больничных воротах.

— Она зайдет, — точно про себя сказал Субботин. — Должна зайти. Ну и номер получился! Влетит мне от Семина, ох как влетит!

19

Вот что рассказала Рената Целлер.

— Когда окончилась война, мне было шестнадцать лет, а старшей моей сестре, Алисе, которая сейчас лежит здесь в городской больнице, было двадцать три года. Всю войну мы прожили в Берлине. Наша мама и младший брат погибли во время бомбежек в сорок четвертом году. Отец был нацистом и занимал ответственный пост в рейхсканцелярии Гитлера. Последний раз я его видела в начале марта сорок пятого года. Немного позже к нам зашел его сослуживец, который сообщил, что отец погиб как герой, и вручил нам его ордена и большую сумму денег. Конец войны мы встретили вдвоем с сестрой. Ее муж, военный летчик, пропал без вести на Восточном фронте...

Рената замолчала, обвела всех находящихся в комнате затуманенным взглядом, выпила глоток воды и продолжала рассказ:

— Сестра была для меня всем: и матерью и другом. Естественно, я ее любила и верила ей во всем, хотя совершенно не знала, что у нее на душе. Она вообще очень скрытный человек. Я часто видела ее неподвижно сидящей в глубокой задумчивости. Она могла сидеть так часами. Я подходила к ней, обнимала ее, заглядывала ей в глаза: мне хотелось, чтобы она улыбнулась. Но это удавалось редко. Чаще она грубо отстраняла меня, говоря: «Не мешай мне, Рената, твое дело поскорей расти». До прошлого года она жила в Берлине. Работала продавщицей газет на аэродроме Шонефельд, а потом переехала сюда, во Франкфурт. Здесь тогда еще была жива мать ее мужа, у которой она и поселилась.

Почему она переехала? После гибели матери и брата мы жили у наших дальних родственников. Сестра с ними очень не ладила. Там вся семья трудовая, демократически настроенная, имеющая все основания ненавидеть нацистское прошлое Германии. А сестра, наоборот, вся в этом прошлом. Сидеть в газетном киоске после того, как она была женой блистательного офицера авиации, сына богатых и знатных родителей, было для нее форменной мукой. Ее тоже надо понять. Вообще я почти всегда была на стороне сестры. Окончив школу, я поступила на курсы библиотекарей. Затем стала работать в библиотеке. Сестра уехала. Родственники пытались меня перевоспитать, и это их заслуга, что я сейчас сижу здесь и все честно рассказываю. Но, если вы спросите обо мне у них, они скажут вам только плохое. Это потому, что все их разговоры и советы я встречала в штыки, грубила и назло им делала что хотела. Возьму уйду из дома и не возвращаюсь до поздней ночи. Они хотели, чтобы я поступила в вечерний институт, а я нарочно по вечерам стала заниматься водным спортом.

Месяца четыре назад я познакомилась с Кованьковым. Познакомились мы случайно — просто оказались рядом в кино. Это знакомство сыграло в моей жизни огромную роль. Интересно, что Кованьков говорил мне то же самое, что говорили родные, но он говорил это без крика, без угроз, а просто, весело, по-дружески. В его слова я верила больше, и мне очень хотелось, чтобы он во мне не ошибся.

Теперь я перехожу к самому страшному событию в моей жизни. Однажды утром я вышла из дому, и у дверей меня остановил хорошо одетый мужчина лет пятидесяти. «Вы, — спрашивает, — Рената Целлер? Вот вам письмо от сестры. Я хочу с вами поговорить». Я сказала, что опаздываю на работу. Тогда он говорит: «Прочтите письмо в библиотеке, а я буду ждать вас вечером. Придете — хорошо. Не придете — ваше дело». Сказал, где он будет меня ждать, и ушел.

Письмо сестры было очень кратким. Она писала, что человек, который его передаст, большой друг нашей семьи и что он должен сказать мне какую-то очень важную правду. Только правду. Эти два слова были подчеркнуты. Свое письмо она просила уничтожить...

Все это меня заинтриговало, и после работы я встретилась с этим человеком. Сердце говорило: не ходи, но я все-таки пошла. Первое же, что он сказал, поразило меня до глубины души, у меня буквально потемнело в глазах. Он сказал, что наш отец жив, что он находится неподалеку, в Западной Германии. Тут же он передал мне подарок от отца. Это был конверт с деньгами. Затем он сказал, что отец живет одной мечтой — повидать своих девочек, что ему хочется приехать в восточную зону, хотя это трудно и опасно. Потом он попросил меня написать отцу несколько строчек, дал бумагу и ручку. Я долго думала, а потом написала, что счастлива от полученного известия, что я люблю его и очень хочу видеть. Человек сказал: «Поблагодарите его за подарок, — и прибавил: — Ваша благодарность будет и доказательством, что деньги вам переданы». Я написала: «Спасибо, папочка, за деньги, они мне, конечно, пригодятся». После этого мы расстались...

С этой минуты вся моя жизнь точно перевернулась. Я все время думала об отце, мечтала, что мы будем жить вместе: я, сестра и он. Эти мысли не давали мне покоя ни днем, ни ночью. А вскоре ко мне пришел еще один человек от отца. Он принес мне его фотографию и снова деньги. Теперь я написала отцу уже длинное письмо. Вскоре третий человек принес мне ответ от отца. Я узнала его почерк. Таким же почерком были написаны все его давние письма к маме. Эти письма я хранила и

знала наизусть. Отец писал, что мы в самом скором времени увидимся...

И вот однажды возле библиотеки меня встречает тот мужчина, который приходил первый раз, и рассказывает мне следующее: отец окончательно решил порвать с Западом и поселиться в восточной зоне. Но он боится, что здесь его упрячут в тюрьму, поэтому он собирается предварительно доказать здешним властям свою лояльность... Он думает сделать это с помощью советского офицера, с которым я дружу. Да-да, отец об этой дружбе знал... Откуда? Это мне неизвестно.

В письме отца говорилось, что пока он может довериться только этому офицеру. Он надеялся, что во имя дружбы со мной офицер окажет ему помощь или прямо скажет, что помощь невозможна. Словом, отец просил сделать все, чтобы он мог встретиться с русским офицером в моем присутствии. Я во все это поверила.

Они меня торопили, но все время так получалось, что я оказывалась занята, а чаще — Кованьков... Нет-нет! О том, что готовится такая встреча, Кованьков не знал, не знал он этого и в тот вечер, когда я позвала его погулять по городу, хотя, когда я звонила ему, рядом со мной находился очередной посланец от отца.

Кованьков согласился погулять. Посланец сказал: «Приходите к Варшавскому мосту, там вы сядете в машину, которая отвезет вас на свидание с отцом». Меня и удивило и обрадовало, что в машине, которая к нам подъехала, когда мы с Кованьковым стояли у моста, из двух пассажиров один оказался моим знакомым по тренировкам в бассейне. Это был Арнольд Шокман. Я вспомнила, что в последние дни Арнольд и особенно мой тренер Альма Гуц все время делали мне какие-то таинственные намеки, будто им предстоит участвовать в устройстве моего счастья... Нет, второго находившегося в машине мужчину я не знала. Я заметила только, что по-немецки он говорит не чисто...

Мы поехали вдоль набережной. Когда мы удалились от моста метров на пятьсот, я вдруг увидела, что Кованьков падает на пол машины. Тотчас незнакомый мужчина накрыл его попоной и приказал шоферу остановиться. «Вылезайте!» — крикнул он мне и Арнольду. Мы вылезли из машины. Незнакомец тоже вылез, отвел нас

в сторонку и, обращаясь ко мне, сказал: «Русский офицер готовил арест твоего отца. Мы вовремя это разнюхали. Мы — и твой отец в особенности — рекомендуем тебе молчать. У нас достаточно твоих писем с благодарностями за деньги, которые ты получала. Лучше всего сегодня же уезжай во Франкфурт к сестре. Она, кстати, очень тяжело больна». Потом он сказал Арнольду несколько слов, которых я не расслышала, вернулся в машину, которая помчалась обратно к Варшавскому мосту. Вот и все, что я знаю...

Да, конечно, я с Арнольдом говорила — вернее, он говорил со мной. Я вообще была так потрясена, что слова произнести не могла. Арнольд остановил такси и отвез меня домой. Пока мы ехали, он без конца твердил мне на ухо, что наше спасение только в одном: молчать, что бы ни случилось. Мы, мол, ничего не знаем, и все. Я должна сказать, что Арнольд тоже был испуган и очень взволнован...

Да, я уехала во Франкфурт в ту же ночь на первом попавшемся поезде...

Сестра лежит в больнице, и главный врач говорит, что ее дела очень плохи... Нет, кроме главного врача, я ни с кем не говорила. Он всегда бывает, когда я прихожу в больницу, сам проводит меня к сестре и потом провожает до ворот... Нет, сестра выглядит вполне прилично.

20

Зигмунд Лисовский назначил Посельской свидание в букинистической лавчонке, разместившейся в подъезде разбитого во время войны дома. Посельская даже не сразу нашла ее. Вывеска на узенькой двери была размером в тетрадочный лист.

В лавке пахло мышами и столярным клеем. Всю ее левую, скошенную лестничным пролетом стену занимали стеллажи с книгами. В задней стене находилась низенькая дверь, завешенная суконной гардиной. Оттуда вынырнул, точно специально подобранный по размеру двери, кругленький коротышка в грязном синем комбинезоне.

— Что вам угодно, мадам? — Коротышка выпуклыми,

слезящимися глазами с раболепным выражением уставился на девушку.

— Покажите мне какие-нибудь французские романы.

— Сию минуточку! — Коротышка вспрыгнул на стремянку, выхватил с полки несколько потрепанных книг и рассыпал их на прилавке.

— Французов, извините, у нас маловато. Последствия чисто исторического порядка. — Склонив шарообразную голову, букинист смотрел, как Посельская перелистывала книги.

Наташа недоумевала. Она пришла сюда с десятиминутным опозданием, а Зигмунда Лисовского нет.

— Пожалуй, возьму вот эту... — нерешительно сказала Посельская. — Сколько стоит?

— Мадам, а может, не стоит зря тратить деньги?

Встретив удивленный взгляд Наташи, букинист тихо произнес:

— Господин Лисовский ждет вас там, — и показал на заднюю дверь.

За дверью была маленькая комнатушка, в которой стояли кровать, стол и один стул. На кровати сидел Зигмунд Лисовский. Когда Наташа входила в комнату, он посмотрел на часы.

— Любишь опаздывать? — спросил он без тени улыбки.

— Пришлось пропустить два поезда метро — люди едут с работы.

— Садись. — Лисовский кивнул на стул. — Свидание у нас не любовное, не будем тратить время. Я хочу поговорить о твоем отце.

— Это еще зачем? — спросила Посельская, думая в это время, как вести себя в связи с таким неожиданным желанием Лисовского.

— Видишь ли...

Наташа заметила, что король тренеров немного смутился и не знает сам, как начать разговор. Он тряхнул головой и точно сбросил смущение.

— Я не умею финтить, будем говорить прямо. Я из тех, кому не нравится, что Германия разодрана на куски, и которые не собираются с этим мириться. Германии не нужны ни русские, ни англичане, ни тем более французы. А русских мне просто трудно видеть на улицах Берлина!

Наташа заметила, что американцев он не назвал.

— Мы те, кто не капитулировал вместе с Кейтелем и готов пойти на все ради Германии. Твой отец офицер морских сил рейха? Так?

— Был, — уточнила Наташа.

— Что значит «был»? Немецкий офицер всегда офицер, пока он жив, — быстро произнес Лисовский. В глазах у него вспыхнул и тотчас погас злобный огонь.

— Мой отец увлечен своей гражданской профессией.

— Ерунда! Откуда ты знаешь, что у него в душе?

Некоторое время они оба молчали.

— Ну, и что же вы от меня хотите? — спросила Наташа.

Лисовский посмотрел на Посельскую раздраженно и вместе с тем настороженно.

— Прежде всего не забывай, что ты немка, — усмехнулся он.

— Я это всегда помню.

— Тогда отец твой помнит это вдвойне. Он кровь проливал за Германию. Наверно, с ним мне говорить было бы легче.

— Смотря о чем! — Посельская с вызовом смотрела на Лисовского.

— Все о том же — о Германии. Он же ведь не стал красным?

— Он был и остался немцем...

— Красные тоже кричат, что они немцы.

— Знаете, что я вам скажу... — Посельская смело смотрела в холодные глаза Лисовского. — Я категорически не желаю заниматься политикой. Это все знают в моем институте, это знает мой отец, мои друзья и должны знать вы. Я делаю то, что мне нравится. Учусь. Мне нравится спорт — я занимаюсь спортом. Мне нравится парень — я провожу с ним время.

— Русский? — усмехнулся Лисовский.

— Сегодня — русский, завтра — египтянин. Важно, чтобы нравился. И больше я ничего не хочу знать. Грош цена вам, занимающимся политикой, если вы не можете обойтись без того, чтобы не тянуть в политику таких, как я!

— Но твой-то отец мужчина? — после долгой паузы устало произнес Лисовский.

В его глазах Наташа прочла разочарование. Возможно, что он уже злился на себя, что организовал это бесполезное свидание. И тогда Посельская решила подбодрить его немного.

— Я поговорю с отцом, — сказала она.

— О чем? — насторожился Лисовский.

— Вообще. Я с ним как-то ни разу не говорила о политике. Мне даже самой вдруг стало интересно, что он думает обо всех этих вещах.

— О каких?

— Ну, Германия, Германия и еще раз Германия.

— А кто, между прочим, тот русский, который сегодня тебе нравится? — вдруг спросил Лисовский.

— Мужчина. Молодой, интересный, острый.

— Чем занимается?

Наташа засмеялась:

— Мне не приходило в голову задать ему этот вопрос и заодно уже поинтересоваться и его зарплатой. До замужества еще не дошло. Сам он говорил, что он военный инженер, что-то тут у нас консультирует...

— Что именно?

— Да не знаю я! — искренне возмутилась Посельская. Помолчала и робко спросила: — Наверно, вы больше уже не будете заниматься со мной баттерфляем? Мне очень жаль.

— Да? — Лисовский почти улыбнулся. — Нет, почему же, позанимаемся. Ведь ты обещала поговорить с отцом... — Он тяжело поднялся с постели. — Ты уйдешь отсюда одна. Извини, что не провожаю.

— Этим занимается мой русский, — засмеялась Наташа.

— Он что, опять ждет тебя? — не сумев скрыть испуг, спросил Лисовский.

— О нет! Не хватало, чтобы он провожал меня на свидание с другим мужчиной!

Наташа вышла на улицу, довольная собой. Кажется, она не сделала ничего такого, за что полковник Семин пробирал бы ее на очередном совещании.

21

Рычагов установил, что Хауссон каждое утро ездил на улицу Хенель. Оставив машину на площади Майбах, он пересекал бульвар, по улице Хенель доходил до пятиэтажного дома очень старой постройки и скрывался за обшарпанной массивной дверью.

На улице, по обеим сторонам двери, висело множество табличек, по которым можно было узнать, кто живет в этом доме. Зубной врач, протезист, адвокат, учитель музыки и много еще всяких других полезных людей. Не

было только таблички, пояснявшей, что в этом доме на втором этаже находится один из филиалов ведомства майора Хауссона.

«Он человек скромный — не хочет афишировать свою фирму», — угрюмо усмехнулся полковник Семин, когда Рычагов показал ему фотографию подъезда дома на улице Хенель.

...Войдя в парадную дверь, майор Хауссон поднялся на первый пролет лестницы, отпер своим ключом дверь и вошел в переднюю, ярко освещенную лампой дневного света. В самом конце коридора, возле маленького столика, вытянув ноги, сидели два солдата. У одного на шее висел автомат, у другого на поясе — кобура с пистолетом. На майора Хауссона солдаты не обратили никакого внимания; можно было подумать, что они спят.

Хауссон прошел в одну из комнат, где молодой человек, присев на угол стола, диктовал что-то стенографистке. Не прерывая диктовки, он помахал майору рукой и показал на стол, посреди которого лежала папка ярко-желтого цвета. Майор Хауссон сел на стол и, открыв папку, начал читать бумаги. Молодой человек подошел к Хауссону и раздраженно сказал:

— Я был у него уже два раза — все по-прежнему!

— Терпение, Жерард, — не отрываясь от бумаг, сказал Хауссон. — А это вы читали?

Майор протянул молодому человеку узенькую полоску шифровки.

— Конечно, читал. Всего этого следовало ожидать.

Майор Хауссон ударил кулаком по столу:

— Зачем они держали его в Мюнхене? Мы же им говорили, что этот русский попросту мелкий вор и бежал к нам от неминуемой тюрьмы. Предупреждали идиотов, что его нужно как можно скорее отправить подальше. Была же очередная отправка перемещенных в Австралию. Там бы он спокойно околел от тропической лихорадки. А они держали его в Мюнхене, пока газетчики не узнали, что́ он за птица. Теперь скандал на всю Европу.

Молодой человек усмехнулся:

— Хоть теперь его нужно обезвредить. Автомобильная катастрофа, или сердечный припадок, или еще что-нибудь...

— Да-да, конечно... — рассеянно пробормотал Хауссон. — Сегодня же, Жерард, сами поезжайте в Мюнхен и сделайте все, что нужно... А этот продолжает молчать?

— Как попугай, твердит одно и то же — требует немедленного освобождения.

— Ну что же, пойду поработаю с ним я.

Хауссон вышел из комнаты и направился в конец коридора, где сидели солдаты. Те лениво подтянули ноги и медленно встали. Один из них повернул ключ в обитой железом двери. Хауссон вошел в комнату, в которой несколько дней назад очнулся лейтенант Кованьков...

В это время Рычагов, очередной раз пропутешествовав за Хауссоном от его квартиры до дома номер три по улице Хенель, занялся тщательным исследованием дома. Он уже давно обнаружил, что во двор с улицы Хенель въезда нет. Во всех соседних домах ворота во двор были.

Рычагов вошел во двор соседнего дома с правой стороны. Этот двор был обрезан глухим брандмауэром дома номер три — абсолютно глухая стена, только под самой крышей круглое вентиляционное окошко. По всей вероятности, оно служило для освещения чердака. Внимательно ощупав взглядом стену, Рычагов с трудом заметил, что раньше в ней на уровне второго этажа было окно. Теперь оно заделано старым кирпичом, который по цвету сливался со стеной.

Рычагов прошел во двор дома, стоящего слева. И сюда дом номер три выставлял такую же глухую стену. Разница была только в том, что здесь окно на втором этаже не было замуровано и, судя по всему, за ним была жилая квартира. На подоконнике стояли цветы.

Дом номер три был сильно вытянут в глубину, его брандмауэры были гораздо длиннее фронтона. Соседние дворы не были проходными. Но где же тогда двор дома номер три? Рычагов вышел на улицу Хенель, затем перекрестком прошел на параллельную улицу Беннкен. Он предположил, что дом номер три вторым фасадом выходит на параллельную улицу и что там и может оказаться въезд в его двор. Но еще издали он увидел, что интересующий его дом на параллельную улицу не выходит. Здесь на улицу пустыми глазницами окон смотрел разбитый четырехэтажный дом. Разрушена была и половина следующего здания. Все двери и нижние окна

разрушенных домов были замурованы кирпичной кладкой, и пробраться внутрь развалин было невозможно.

Рычагов медленно шел вдоль мертвых зданий. Последнее выходило на площадь Майбах. Здесь, в трех шагах от угла, Рычагов остановился и задумался. Ведь не может же быть, чтобы у дома номер три не было подъезда со двора... Во всяком случае, майору Хауссону такой подъезд был нужен.

Чтобы вернуться на улицу Хенель, Рычагов завернул за угол и замер на месте. В глубине боковой стены разбитого дома он увидел плотные высокие ворота, окованные железными полосами. Он и раньше видел эти ворота, но ему не приходило в голову, что они, так далеко отстоящие от дома номер три, могли вести именно туда. Ворота были заперты изнутри, и в них не было ни одной щели.

Рычагов прошел на бульвар, сел на скамеечку, откуда хорошо были видны ворота, и стал ждать. Часа через два с улицы Беникен вылетела машина — автобус без окон. Машина круто развернулась и уперлась фарами в ворота. Тотчас ворота распахнулись, пропустили машину и так же быстро закрылись. Но в эти две-три секунды Рычагов увидел все, что ему было нужно: среди развалин тянулся узкий проезд к дому номер три.

Уже больше часа майор Хауссон обрабатывал Кованькова, но, как и в предыдущие дни, безрезультатно. Майор обладал железным характером. С его лица не сходила доброжелательная улыбка, и он без устали атаковал лейтенанта. Внутренне Хауссон бесился, что ему не удается сломить этого мальчишку, у которого по всем внешним признакам должен быть неустойчивый, мягкий характер.

— Я призываю вас, Кованьков, посмотреть трезвыми глазами офицера на все, что произошло с вами. Два наших мира стоят друг против друга... — Майор Хауссон стукнул кулаком о кулак. — И вы и мы, в общем, мало верим в рай на земле. И мы и вы не хотели бы оказаться застигнутыми врасплох, и поэтому и у вас и у нас действуют институты, задачи которых узнать: а что же втайне думает другая сторона? И, даже когда наши дипломаты расточают друг другу улыбки и комплименты, эти инсти-

туты продолжают свою, по возможности невидимую, деятельность. И то, что сейчас происходит с вами, — абсолютно рядовой эпизод этой вечной беззвучной войны. Месяц назад от нас к вам бежал капитан американской армии Реджер. Он знал не очень много, но все же вам он, наверно, пригодился. Теперь вам придется оказаться полезным нам.

— Я уже сказал: вы от меня ничего не дождетесь. Я требую немедленного освобождения!

Кованьков отлично понимал: Хауссон хочет, чтобы у него притупилось ощущение чрезвычайности происходящего. Не выйдет! Война так война! Стиснув зубы, Кованьков с гневной насмешкой смотрел на Хауссона, а тот продолжал доброжелательно улыбаться.

— Ну-ну, лейтенант, ни к чему столь сильные эмоции! Здесь, как вы видите, нет советских кинокамер, а для меня и моих коллег ваш бессмысленный героизм попросту смешон. Давайте-ка начинать работать. Вы служите в отделе, осуществляющем связь с немецкой администрацией северного района. Но мы прекрасно знаем, что ваша осведомленность так же узка, как полоски на ваших погонах. Родину продавать вам не придется — такая сделка вам и не по силам. Мы зададим вам весьма элементарные вопросы. Где печатаются восточные марки? В Берлине? В Лейпциге?.. Или, может быть, в Москве?

Кованьков молчал, смотря мимо Хауссона.

— Хорошо. Еще вопрос. Сколько продовольствия ежедневно поступает в Берлин из Советского Союза? Хотя бы примерно...

— Я отвечать не буду. Зря тратите время, — спокойно произнес Кованьков.

— Ну что ж, прекрасно, — беспечно произнес Хауссон. — Объявляется перерыв до завтра. Подумайте заодно вот о чем: если вы не будете отвечать, мы выдадим восточным властям вашу подругу Ренату Целлер, как соучастницу вашего похищения. Хотя, могу вас заверить, она к этому абсолютно не причастна. До свидания, лейтенант, до завтра!

Выходя из комнаты, Хауссон зацепился за протянутые ноги часового, и солдату пришлось принять на себя весь заряд его злобы.

Хауссон вернулся в кабинет и сел за стол. Бессильное бешенство клокотало в нем, мешало дышать; он сжимал мокрые от пота руки в кулаки. Не с первым русским имеет дело Хауссон, и он уже понимает, что от этого парня добром ничего не добьешься. По всему видно, что лейтенанта пора свезти в зону «Игрек» и подвергнуть «горячей обработке». Но Хауссон сделать этого не мог. Вчера вечером он был у генерала: разговор был неприятным. Генерал спросил:

— Как дела с русским?

— Пока молчит, — ответил Хауссон.

— Можно выяснить, на какой срок рассчитано ваше «пока»? (Хауссон промолчал.) — Генерал начал подергивать плечом, что ничего хорошего не сулило. — Это плохая работа, майор. Вы недопустимо долго готовили операцию, она стоила нам немало денег, а теперь, когда дело сделано, вы повторяете свое «пока молчит»!

— Вы же не знаете, генерал, что раньше... — начал было защищаться Хауссон, но его перебил генерал.

— Что — раньше? — закричал он. — Перебежчик? Да мой адъютант лучше информирован в восточных делах, чем все ваши перебежчики, вместе взятые! Может, и этот будет полгода молчать, а потом сообщит нам сенсационные данные о ценах на хлеб в восточной зоне?

— Но вы же знаете, генерал, что этот офицер из штаба и из отдела, который нас очень интересует. И именно потому, что он попал к нам не добровольно, нужно время, чтобы он пришел в себя и начал давать показания.

— Ерунда! — Генерал дернул плечом и швырнул карандаш на стол. — В свое время я спрашивал вас: почему остановлен выбор именно на этом офицере? Вы сказали: во-первых, потому что он молод; во-вторых, нарушая инструкцию, завел знакомство с немкой. Вы говорили это? Прекрасно! Значит, я еще не страдаю склерозом и память у меня работает. А на поверку выходит, что вы схватили русского, для которого умереть за красные идеалы — удовольствие! Тогда я поздравляю вас, майор, — вы изготовите для русских очередного героя ..

— Постараюсь не сделать этого, — угрюмо произнес Хауссон.

— Может, вы, майор, неясно представляете себе здешнюю обстановку? Мы делаем в Западной Германии то, что нужно Америке. А русские все больше развязывают руки немцам и требуют объединения страны. Это требование встречает поддержку народа. А если немцы начнут заниматься этим объединением, они сорвут и наши планы. Это же ясно, как дважды два — четыре! Нам нужно, срочно нужно взрывать русские позиции в Германии. Этот лейтенант только тогда будет стоить затраченных на него усилий, если он, штабной советский офицер, спокойно и ясно скажет немцам то, что нужно нам. А иначе... — Генерал дернул плечом, помолчал и добавил: — В общем, долго ждать я не намерен...

На том разговор с генералом и кончился. Нет-нет, не мог Хауссон торопиться отправлять Ковалькова в «горячую обработку». Русский должен заговорить здесь. Должен!

22

Очередное совещание оперативной группы у полковника Семина проходило бурно. Столкнулись два направления операции: одно, более активное, с уже реальными результатами, другое — внешне пока пассивное. Его представлял Рычагов.

И Субботин и особенно Посельская считали теперь, что они напали на верный след. Они требовали, чтобы и сам Рычагов меньше занимался бесплодным наблюдением за Хауссоном и помогал им. Ведь очень многое открылось после признания Ренаты Целлер.

— Так или иначе мы вернемся к Хауссону! — горячо и взволнованно говорила Посельская, обращаясь к Рычагову и косясь на полковника Семина. — Но вернемся, зная абсолютно все, что связано непосредственно с похищением лейтенанта. Это же облегчит и нашу атаку непосредственно на Хауссона... Товарищ полковник, разве я неправа?

Семин приподнял веки и ничего не ответил, неторопливо записал что-то в своем огромном блокноте.

Рычагов не отозвался на слова Посельской. Он сидел, откинувшись на спинку стула, и смотрел на люстру.

— Послушаем Рычагова, — тихо произнес полковник.

Рычагов встал, пригладил ладонью свои белые волосы и сказал:

— Известен ход моей работы. Известно то, что сделали Посельская и Субботин. По-моему, сейчас по-прежнему еще опасно торопиться с радикальными выводами. Необходимо еще и еще раз проанализировать ход операции. — Рычагов говорил спокойно, убежденно, переводя взгляд с одного участника совещания на другого. Вот его взгляд остановился на Посельской. — Я думаю так. По-прежнему всю свою работу мы должны оценивать только с одной точки зрения — приближаемся ли мы к цели? А наша цель — лейтенант Кованьков. В этом смысле вряд ли Посельская, даже изучив у Лисовского баттерфляй, доплывет до лейтенанта Кованькова.

— Демагогия! — тихо, но внятно произнесла Наташа.

Вот только когда полковник Семин поднял тяжелые веки и укоризненно посмотрел на Посельскую.

— Продолжайте, Рычагов.

Рычагов признавал, что Субботин и Посельская обнаружили очень интересных людей. Несомненно, эти люди объединены в нелегальную враждебную организацию, и разоблачение ее — большое и важное дело. Но, признав все это, Рычагов снова спросил:

— Скажите мне: разоблачив эту организацию, окажемся мы хоть на шаг ближе к лейтенанту Кованькову?.. Нет. Мы только более точно установим обстоятельства похищения и сможем наказать его участников. А Кованькову-то легче от этого не станет! Неужели такую простую вещь вы не можете понять?

Посельская и Субботин молчали. Полковник Семин, выждав немного, спросил, что же предлагает Рычагов.

— Мы должны проникнуть в хозяйство майора Хаусона, — твердо произнес Рычагов. — Мой план на этот счет таков...

Все, что затем говорил Рычагов, было настолько захватывающим, что даже Посельская и Субботин, забыв о своих обидах, слушали его с огромным интересом.

Полковник Семин всем своим грузным телом навалился на стол, его оживившиеся глаза все время были устремлены на Рычагова, лицо точно помолодело.

Рычагов все это видел и отлично понимал, что его план нравится и полковнику и всем сотрудникам группы.

Да, это был план интересный, смелый, во многом рискованный. В нем было столько больших и малых сложностей, столько опасных подводных камней, что не следует удивляться тому длительному молчанию, которое установилось после выступления Рычагова.

Посыпались вопросы. Им, казалось, не будет конца. Рычагов отвечал быстро, уверенно. Было видно, что свой план он подготовил тщательно. Особенно много вопросов задавал полковник. После одного Рычагов не выдержал и, смотря в стол, устало сказал:

— Если вы, товарищ полковник, против моего плана, то так прямо и скажите.

Последовало неожиданное. Семин грузно поднялся с кресла, посмотрел на часы и сердито сказал:

— Совещание закончено. Завтра в девять ноль-ноль всем быть здесь. До свидания.

Недоуменно переглядываясь, Рычагов, Посельская и Субботин вышли в приемную. Они еще не успели и словом перемолвиться, как из кабинета вышел полковник.

— Я к генералу, — на ходу сказал он секретарю.

...Генерал Соколов был значительно моложе полковника Семина. Он это всегда помнил, как помнил и то, что за спиной полковника стоит многолетний опыт разведчика, отличное знание Германии и то, что полковник теперь болен, что ему пора на покой или, по крайней мере, взяться за серьезное лечение.

Увидев входящего в кабинет Семина, генерал встал и пошел ему навстречу:

— Как чувствуете себя?

— Отлично, — рассеянно ответил Семин и без паузы сказал: — Хочу доложить вам очень интересный план, возникший в оперативной группе Рычагова.

Генерал мгновенно уловил смысл плана и сразу же про себя одобрил его. Слушая полковника, он всматривался в его оживленное лицо и думал: «Как же должен он любить свое нелегкое дело, если может вдруг словно стряхнуть с себя годы и стать таким, каким он, наверно, был лет десять назад, когда сумел пробраться в святая святых самого Гитлера и работать там почти до самой войны...»

Полковник Семин закончил доклад и настороженно посмотрел на генерала. Его взгляд спрашивал: «Ну, что скажете, генерал? Есть еще порох в пороховницах?»

— План одобряю! — весело сказал генерал. — Хороших ребят вы, полковник, вырастили! Интересно, что в плане вашем?

— Только уточнение отдельных мест.

— Молодец Рычагов! — Генерал задумался, потом быстро спросил: — Какие новости из Франкфурта?

— Завтра наши немецкие коллеги проведут разоблачение мнимой больной. Сама Рената Целлер по-прежнему находится там.

— А как ведут себя спортсмены?

— Пока все без изменений. Зигмунд Лисовский все более настойчиво требует у Посельской устроить ему свидание с ее отцом.

— Продумайте это. Может, дать ему это свидание? А может, пора Посельской оттуда уходить?.. Как наши немецкие товарищи?

— До трогательности старательные. И работают очень аккуратно.

— Помогайте им крепче, Владимир Иванович. Ведь пройдет год-другой, и мы с вами уедем отсюда домой...— Генерал засмеялся. — «Еще есть у нас дома дела!» Так, кажется, в песне поется?.. Вот... А тогда немецким товарищам посоветоваться будет не с кем.

— Понимаю, понимаю... — задумчиво произнес Семин. — Они это тоже понимают.

— Вот и хорошо... Ну что ж, Владимир Иванович, план группы Рычагова мне нравится. Смело, хотя и рискованно. Замечательно, Владимир Иванович, что свой трудный и опасный план Рычагов придумал не для кого-нибудь, а для себя.

— Вся опергруппа загорелась, — улыбнулся Семин.

— Вот она, наша главная сила: во имя спасения товарища себя не пожалеть! Ну, а если мы и Кованькова вырвем и выполним вторую часть плана, этой операцией мы сможем гордиться...

Семин повертел головой:

— Не будем забегать вперед.

Генерал довольно потер руки и сказал:

— Да, рискованный, черт возьми, делаем ход! Предупредите всех: действовать спокойно, обдуманно. Малейшая ошибка или неразумная поспешность может провалить все дело.

23

У Посельской в ее отношениях со спортсменами возникло неожиданное осложнение. Арнольд Шокман, судя по всему, всерьез влюбился в нее. Именно сейчас, когда Наташа начала готовить свое исчезновение из спортивной среды, он, точно предчувствуя это, буквально не отходил от нее: подстерегал на улице, возле бассейна, навязывался проводить и уже не раз заводил непонятный разговор, состоявший главным образом из туманных намеков.

В этот вечер Наташа шла на тренировку. Сильный порывистый ветер крутил по улице смерчи из дождя и мокрого снега. Фонари были окутаны беснующейся метелью, сумрачный туннель улицы еле угадывался.

Собираясь в бассейн, Наташа с отвращением думала, что ей предстоит раздеваться и лезть в воду, а сейчас ей уже хотелось поскорей оказаться в гулком и теплом зале.

На следующем перекрестке нужно повернуть за угол, и там уже будет улица, на которой находится спортивный клуб. Наташа ускорила шаг.

За углом ее поджидал Арнольд Шокман. Он возник так внезапно, что Наташа отшатнулась.

— Извините, Ани... это я, — пробормотал он, беря Наташу под руку. — Не ходите туда, там никого нет. Тренировку отменили. Там только Зигмунд со своей Альмой... ждут вас.

— Лисовский хотел со мной заниматься! — сердито сказала Наташа, с любопытством вглядываясь в Арнольда и видя, что он очень взволнован.

— Если не хотите, Ани, покалечить себе жизнь, не ходите! — вдруг решительно произнес Арнольд.

— Боже, как это таинственно, как страшно! — Наташа рассмеялась. — Последнее время, Арнольд, вы буквально засыпали меня таинственными предупреждениями. Не пора ли заговорить прямо и ясно?

— Да, Ани, нам надо поговорить. Идемте куда хотите, только не к ним...

Они шли против ветра, разговаривать было невозможно. Когда они поравнялись с кафе, Наташа сама предложила зайти туда. Совершенно неожиданно Арнольд идти в кафе отказался и тут же бросился через улицу, чтобы перехватить проезжавшее такси.

Посельская насторожилась. А вдруг вся эта спортивная братия раскусила обман и теперь они хотят сделать с ней то же, что сделали с Кованьковым?

Садясь в такси, Наташа опустила руку в карман пальто и отвела на пистолете предохранитель.

— Фридрихштрассе, двадцать семь, — приказал Арнольд шоферу.

— Куда мы едем? — небрежно спросила Посельская.

— Там есть маленькое, уютное кафе. — Арнольд взял Наташу за руку и тихо сказал: — Не бойтесь, я вам плохого не сделаю... не могу сделать.

Кафе оказалось действительно очень уютным. И, видимо, публика его любила, раз в такую погоду здесь не оказалось ни одного свободного столика. Но Арнольда здесь знали. Тотчас вынесли и накрыли запасной столик.

— Что пожелает ваша дама? — спросил официант.

— Черный кофе, — строго сказала Наташа.

— Мне тоже, — немного смущаясь, произнес Арнольд.

— Вам только кофе? — Официант сделал испуганное лицо и нагло подмигнул Наташе.

— Два раза черный кофе, — сердито распорядился Арнольд.

— Слушаюсь. — Официант исчез.

Наташа засмеялась:

— Не стесняйтесь меня, Арнольд, заказывайте то, что всегда.

— А я и кофе не хочу... вообще ничего не хочу. Мне нужно сказать вам... очень важное.

Официант подал кофе, и, как только он отошел от стола, Арнольд наклонился к Наташе и заговорил быстро, поначалу сбивчиво и все время опасливо косясь по сторонам:

— Ани, вы можете думать обо мне все, что угодно. Я скажу вам так... Я лучше, чем обо мне думают ваш Зигмунд и его прекрасная ведьма Альма. Честное слово, лучше... Им только раз удалось втянуть меня в свое грязное дело. Хватит! — Арнольд пристукнул ребром ладони по столу, в глазах его зажглась решимость. — Ани, вы можете, конечно, смеяться... но я люблю вас! Да-да, улыбайтесь!.. Я знал многих девушек... но вы — это совсем другое.

— Вы неплохо, Арнольд, придумали, — тихо засмеялась Наташа, — запугать меня Лисовским и затащить сюда для объяснения в любви.

— Говорите и думайте что хотите! — Арнольд упрямо тряхнул головой. — Но я вам сегодня скажу все. Запомните: Зигмунд Лисовский и Альма Гуц — опасные люди. Спорт для них не больше, как ширма для черных дел. Они, попросту сказать, бандиты...

Наташа положила руку на руку Арнольда и, смотря ему в глаза, тихо сказала:

— Послушайте, Арнольд, вы, наверно, думаете, что Зигмунд...

— Нет, — решительно произнес Арнольд. — Я все знаю. У Зигмунда есть Альма, а у вас какой-то русский. Конечно, я был бы рад, если бы этого русского не было, но, раз он есть, я могу надеяться только на судьбу... на то, что вы уже сегодня поймете, на что я готов ради вас.

— Ну хорошо! — Наташа усмехнулась. — Итак, Зигмунд и Альма — бандиты. Дальше что?

— Да, они бандиты. Больше того, они возглавляют целую шайку бандитов.

— По-моему, вам это надо сообщить не мне, а тому, кто интересуется бандитами.

— Нет, никогда! Я доносчиком не был и не буду. Я вам говорю это только затем, чтобы вы, лично вы, знали, с кем имеете дело. Тем более, я знаю: вам и вашему отцу и даже вашему русскому грозит большая опасность.

— Да ну! — насмешливо воскликнула Наташа.

— Да, именно так. Я это точно знаю... — Арнольд замолчал и, откинувшись на спинку стула, обвел кафе медленным взглядом.

Наташа испугалась, что она повела себя неправильно, что Арнольд больше ничего не скажет. Она сделала ему знак глазами, чтобы он приблизился к ней.

— Скажите мне, Арнольд, правду: зачем вы все это говорите о ваших же друзьях?

— Друзьях?! Какие они мне друзья! — Он махнул рукой. — Вы же не знаете, кто такой я и кто такие они! — Глаза Арнольда затуманились, и он долго молчал.—Мой отец пóгиб во Франции, мать умерла после окончания войны. Я остался один в этом страшном Берлине... квартира сгорела... мне двадцать лет. Разве удивительно, что моей ареной стал черный рынок! Продавал сигареты, выпрошенные у янки. Не было сигарет — воровал. Было, Ани, и это. Потом меня взяли рассыльным в профсоюз. Затем стал сторожем на стадионе. Я очень люблю спорт, и мне хотелось стать чемпионом. Но только хотеть мало, тем более что я пристрастился к вину, к развлечениям.

Но меня заметила Альма Гуц, сказала: «Ты будешь чемпионом». Вместе с Зигмундом они стали меня тренировать, и год назад я поставил берлинский рекорд. Мою фотографию напечатали в газете. Это были самые счастливые дни в моей жизни!.. А недавно Зигмунд и Альма сказали, что мой рекорд сделали они. Зигмунд купил двух судей — и все. Сволочи!

— И вы думаете, этого достаточно, чтобы считать их бандитами? — серьезно спросила Наташа.

— Нет, Ани, история моего рекорда — чепуха. Было кое-что и другое.

— Что именно?

Арнольд молчал.

В его глазах Наташа видела смятение и понимала, что вот сейчас его признание подошло к самому главному, что он может и не сказать...

— Расскажите мне, Арнольд, все. Может быть, я смогу вам помочь? — тихо сказала Наташа.

— Нет, я еще хочу жить... — Арнольд криво усмехнулся.

— Вы похожи на Альму. Она тоже всегда безжалостно чернит людей и не желает при этом объяснить, за что она их ненавидит.

Лицо Арнольда мгновенно побагровело, и Наташа поняла, что сделала правильный ход.

— А что бы вы сказали, узнав, что Альма и Зигмунд работают на Запад? — Арнольд впился в Наташу злым решительным взглядом. — Да, на Запад! Они спекулируют валютой. Распространяют провокационные листовки. Шпионят. Они способны на любые бандитские дела... лишь бы хорошо заплатили.

— Например? — быстро спросила Наташа.

— Например, участвовать в похищении русского.

— Какого русского?

— Скажем, вашего друга. А если хотите, и вашего отца заодно. Даже скорей — вашего отца. Он Зигмунда очень интересует.

— Вы говорите, Арнольд, слишком серьезные вещи, чтобы я могла поверить вам на слово.

— Вы хотите бежать в полицию?

— Нет, хочу бежать от Альмы и Зигмунда.

— Они могут догнать.

— А вот тогда можно и в полицию.

— Берегитесь, Ани, у них очень длинные руки! Если вы действительно решите бежать от них, сделайте это осторожно, не вызвав у них ни малейшего подозрения. А то у них есть один букинист, который в два счета отправит вас на тот свет.

— Гельмутштрассе, четыре? — быстро спросила Наташа.

Арнольд отшатнулся. В его глазах кричал страх:

— Вы знаете?

— Однажды Зигмунд назначил мне встречу у этого букиниста, — небрежно пояснила Наташа. — Такой маленький человечек и совсем не страшный — скорее смешной.

— Профессиональный убийца — вот кто этот букинист! — Арнольд, помолчав, продолжал: — Недавно был украден один русский офицер. Это дело организовал букинист.

— Откуда вы знаете?

— Если хотите знать все, — Арнольд хлебнул воздух, точно перед прыжком в воду, — они и меня сделали участником этого грязного дела. Да-да, Ани! Только, поверьте, я ничего не знал. Ничего до тех пор, пока все это не произошло на моих глазах. Они привлекли меня, чтобы сбить с толку одну немецкую девушку, с которой я был знаком.

— Ну и что же? — небрежно спросила Наташа.

— Вам этого мало? — разозлился Арнольд.— Я вам... ради вас... потому что люблю вас... я рассказываю все... А вы... — Арнольд вдруг уставился на Наташу округлившимися глазами. — Кажется, я большой идиот, — торопливо проговорил он. — Вы, очевидно, с ними? Да? Ну что же...

— Не говорите глупостей, Арнольд! Большое вам спасибо за все. Я сбегу от этих бандитов, даю вам слово!

— Но я вас умоляю об одном... — На лбу Арнольда выступила испарина. — Не предпринимайте ничего, не посоветовавшись со мной. Помните, я ваш самый верный друг, я для вас сделал то, чего не сделал бы ни для кого на свете. Неужели вы этого не видите?

— Я вижу.

Арнольд порывисто схватил Наташину руку и поцеловал ее.

Наташа встала:

— А теперь мне надо домой. Отец, наверно, уже беспокоится.

24

Рената не знала, что произошло с ее сестрой на самом деле. Ей сказали только, что в состоянии сестры наступило резкое ухудшение и поэтому допуск к ней в палату временно запрещен.

Рената каждое утро приходила в больницу и слышала одно и то же:

«Никаких изменений нет, вашей сестре по-прежнему очень плохо».

А на самом деле произошло вот что.

Немецким товарищам из местного управления госбезопасности не стоило большого труда установить, что сестра Ренаты Целлер совершенно здорова. Разоблачение мнимой больной было произведено хитро и прежде всего так, чтобы связанные с ней люди никак не заподозрили, что кто-то догадывается об истинной причине странного заболевания Алисы Целлер.

Просто в местный отдел здравоохранения поступило малограмотное письмо от медсестры, в котором она обращала внимание на бесхозяйственное использование больничных помещений. Среди других фактов она приводила и такой, что в отдельной палате содержится, видимо, хорошая знакомая главного врача, хотя по своему состоянию эта больная отлично могла бы находиться в общей палате.

Для расследования заявления отдел здравоохранения создал специальную комиссию. Однажды утром комиссия внезапно появилась в больнице и начала осмотр палат и опрос больных. Комиссия приступила к работе около десяти часов утра, а к половине двенадцатого исчез главный врач. Он сумел уйти из больницы, не замеченный работниками немецкой госбезопасности.

В течение получаса консилиум врачей установил симуляцию больной Алисы Целлер, и она прямо из больницы была перевезена в местное управление госбез-

опасности. Поняв, что ее игра окончена, но, видимо, надеясь еще на что-то, Алиса Целлер отказывалась отвечать на вопросы. Уже три дня продолжались бесплодные попытки добиться у нее признания, но она упрямо молчала. Работники госбезопасности понимали, что, кроме всего прочего, она, очевидно, хочет выиграть время, для того чтобы ее сообщники успели или ей помочь, или хотя бы скрыться. Поэтому квартира Алисы Целлер находилась под неусыпным наблюдением.

А Рената, ничего этого не зная, каждое утро приходила в больницу и затем возвращалась домой, на квартиру сестры.

Погода в это утро была отвратительная. Низко над самыми крышами летели, клубясь, грязные рваные тучи. На несколько секунд вдруг проглядывало солнце, а потом снова надолго город окутывали угрюмые сумерки и сыпал, сыпал мелкий мокрый снег.

Подняв воротник пальто, Рената шла из больницы домой. «Что же это с сестрой?» — тревожно думала она. В последнее время Рената все чаще вспоминала странный вопрос следователя, за которым явно стояло сомнение в том, что Алиса действительно больна. В самом деле, странно. Болезнь у сестры тяжелая, а выглядит она хорошо. И почему, наконец, главный врач оказывал ей и Ренате такое предпочтительное внимание, такую заботливость? Однажды, когда Рената навещала сестру и разговаривала с ней с глазу на глаз, Алиса высказала предположение, что главный врач неравнодушен к ней, но Рената почему-то в это не поверила. Просто не поверила — и все.

Размышления Ренаты о сестре тотчас связывались с тревожными воспоминаниями о пережитом ею за последнее время, о самом главном и самом страшном, что случилось в тот вечер в Берлине возле Варшавского моста. А все началось с того, что к ней явился человек с запиской от Алисы. Значит, она тоже знала, что их отец жив. Но тогда почему, когда Рената однажды уже здесь, в больнице, спросила у нее об этом, Алиса вдруг занервничала и, сославшись на сердцебиение, уклонилась от прямого ответа. Наконец, почему она потом ни разу не вспомнила об этом?..

Рената подошла к перекрестку, где она обычно

Из дверцы опрокинувшегося автомобиля выкарабкался высокий плечистый мужчина...

переходила улицу, чтобы зайти в бакалейную лавку. Она уже так привыкла к этому однообразному маршруту, что чисто механически шагнула с тротуара на асфальт. Все, что произошло в следующее мгновение, было непонятно, как дурной сон.

Рената слышит слева нарастающий гул мотора. Она оглядывается. Прямо на нее с огромной скоростью мчится низенькая машина черного цвета, а другая, большая темно-зеленая, догоняет эту черную... Чья-то сильная рука хватает Ренату за плечо и швыряет ее назад, к стене дома. Она падает... Обе машины пролетают у самой кромки тротуара. Большая зеленая начинает обгонять черную и прижимает ее к краю улицы... Черная машина правыми колесами задевает кромку тротуара и врезается в чугунную тумбу. Машину забрасывает на тротуар, и она опрокидывается на бок. Зеленая машина с душераздирающим визгом тормозов останавливается, проскочив чуть дальше...

Из дверцы опрокинувшегося автомобиля, как из люка, выкарабкался высокий, плечистый мужчина в короткой черной куртке. Он встал на ноги, пошатнулся и вдруг с неожиданной проворностью прыгнул на тротуар и скрылся в воротах... Выскочившие из зеленой машины люди — их было четверо — с пистолетами в руках подбежали к лежащей на боку машине. Один из них погнался за человеком, скрывшимся в воротах...

Все это произошло в течение нескольких секунд. Рената Целлер даже не успела еще подняться. Возле нее стоял молодой человек, который, как и она, наблюдал все происходящее. Но вот он наклонился к Ренате:

— Вас не задело?

— Нет.

— Значит, вовремя я вас схватил. Давайте руку, вставайте.

25

Покупатель оказался на редкость нудным и въедливым. Букинист никак не мог понять, что, в конце концов, нужно было этому господину с постным, как у священника, лицом.

— Покажите мне что-нибудь из области истории.

— Пожалуйста, вот вам история, целая куча истории. Добрых полчаса покупатель роется в этой куче, мусолит каждую книжку, а потом выясняется, что ему нужна всего-навсего история музыки.

— Прекрасно! Вот вам книги по истории музыки. Оказывается, ему нужны еще исторические романы, в которых описана жизнь великих музыкантов — скажем, Бетховена или Моцарта. А лучше всего Вагнера.

— Этого, извините, нет. — Коротышка начинал терять терпение.

Он стоял облокотившись на стеллажи, сцепив пухлые руки на кругленьком животике, и с ненавистью смотрел на покупателя, близоруко нюхавшего книги. Но, когда покупатель отнимал от лица книгу, на круглом розовом лице букиниста мгновенно появлялась любезная улыбка.

— А вы не можете принять заказ на такие книги? — скрипучим голосом спросил покупатель.

Букинист нервно повел плечом:

— Принять заказ нетрудно, а выполнить его невозможно. После этой страшной войны весь прославленный немецкий букинизм отдан во власть случая. Вы только подумайте: для того чтобы я мог выполнить ваш заказ, нужно, чтобы у какого-то немца «икс» сгорело все, кроме романа о Вагнере, и еще надо, чтобы этому немцу самому нужна была не данная книга, а те десять марок, которые я ему за эту книгу дам. Видите, какая цепь случайностей!

— А вдруг этот немец все-таки притащит вам нужную мне книгу? — невозмутимо спросил покупатель.

— Дай бог, — сквозь зубы проговорил букинист.

— И на этот случай запишите, пожалуйста, мой адрес и, если мне повезет, пошлите мне открытку.

— С удовольствием! — Букинист понял, что покупатель наконец уйдет, шариком подкатился к конторке и достал оттуда грязную потрепанную тетрадь.

— Слушаю вас.

Покупатель сказал адрес и снова начал рыться в книгах. Словно нарочно он выбрал самую тоненькую и протянул ее букинисту:

— Заверните, пожалуйста. Не зря же я вас беспокоил. — Первый раз на лице покупателя мелькнуло что-то похожее на улыбку. — Сколько это стоит?

— Пять марок, — прорычал букинист.

— Пожалуйста. Спасибо. Я все-таки буду ждать вашу открытку, я очень верю в волшебство случая. — Покупатель педантично замотал шею шарфом, застегнул пальто на все пуговицы, поднял воротник и вышел из лавки.

Букинист остервенело стукнул кулаком по прилавку и нырнул за гардину.

В комнате, где в свое время Зигмунд Лисовский принимал Посельскую, теперь сидел худощавый молодой человек лет тридцати. Одет он был в поношенную кожанку, а на столе перед ним лежала фуражка-тельманка. Букинист швырнул на стол полученные от покупателя пять марок:

— Вот цена моей выдержки! Еще минута, и я бы его застрелил.

Молодой человек взял смятые деньги и аккуратно разгладил их ладонью.

— Не узнаю вас, Курт. Неужели ваши нервы так подешевели? И мы, выходит, переплачиваем вам? — Молодой человек говорил по-немецки довольно хорошо, но с той старательностью, которая выдавала в нем иностранца.

— Нервы не из железа, мистер Райт, — проворчал, садясь, букинист.

— А не может быть, что этот покупатель заходил специально проверить, из чего сделаны ваши нервы?

— Ерунда! Я знаю этих сумасшедших. Гитлер истреблял евреев, а надо было душить и всю интеллигенцию. Они-то нас и спихнули в пропасть. — Толстяк всплеснул руками. — И этим идиотам хоть бы что: вынь и подай роман о Вагнере!

Молодой человек пододвинул деньги букинисту:

— Хорошо сказано! Получите.

Букинист смахнул деньги на пол.

Глаза у молодого человека злобно блеснули.

— Господин Крамер, покупатель явно переплатил за ваши нервы. Я вас просто не узнаю.

— А я вас не понимаю! — вспылил букинист. — Что вы изображаете из себя сверхчеловека? «Нервы, нервы»... Вы же просто не знаете, что случилось во Франкфурте. Зигмунд Лисовский буквально выпрыгнул из пе-

тли, и, наконец, просто счастье, что Карл разбился насмерть. Он слишком любил себя и продал бы нас, как баранов, поштучно.

— Вы уверены, что он действительно мертв?

— Так сообщено в газетной хронике.

— А если это сообщение напечатано нарочно, чтобы сберечь остатки ваших нервов?

— Да? — Букинист испуганно посмотрел на собеседника.

В это время где-то под кроватью послышался звук, похожий на приглушенный звонок. Хозяин и его гость вздрогнули, посмотрели друг на друга.

— Кто это? — тихо спросил молодой человек.

— Не знаю... Все были предупреждены: входить через лавку открыто.— Букинист задумался и вдруг облегченно произнес: — Это может быть только Зигмунд. Он один не знает условия сегодняшней явки.

Под кроватью с ровными паузами послышались четыре глухих удара. Букинист и молодой человек отодвинули кровать, отогнули угол покрывавшего пол линолеума и открыли искусно закамуфлированный люк. Из черноты подземного хода показалась голова Зигмунда Лисовского. Молча он выбрался из люка, подсел к столу и мрачным взглядом уставился на букиниста.

— Твой Карл, — заговорил он наконец сиплым шепотом, — трус и дрянь!

— Ладно, ладно... — Букинист махнул рукой. — Он мертв, и ему уже нельзя стать другим...

— Как все это произошло? — сухо спросил молодой человек.

— Во-первых, была собачья погода... — начал рассказывать Лисовский.

Но молодой человек нетерпеливо поднял руку:

— Без лирики, если можно.

— До этого дня мы дважды могли покончить с ней, но Карлу, видите ли, казалось, что на улице было много прохожих.

— А почему вы сами не сели за руль? — быстро спросил молодой человек.

— Я привык делать то, что мне приказано! — злобно огрызнулся Лисовский.

— Понимаю. Это уже мое упущение. — Молодой человек, прищурясь, смотрел на Зигмунда. — Я забыл, что у немцев дисциплина — вторая религия. Но так ли уж всегда вы следуете этой религии?

— Всегда.

— А мое задание в отношении отца Анны Лорх?

— Излишней настойчивостью можно было бы спугнуть... — Лисовский пожал плечами.

— Ладно, допустим. Так что же все-таки случилось?

Лисовский продолжал рассказывать:

— Вторая ошибка была в том, что мы послушались вас и на нашей машине поставили франкфуртский номер. Там не так уж много машин, чтобы полиция не заметила появления новой. Вдобавок мы несколько дней или стояли, или вертелись у того места, где ходила Рената Целлер. Наконец, в этот день, буквально в решающий момент, зашалило зажигание, мы отстали, а затем на дикой скорости стали наверстывать упущенное и обратили на себя внимание полиции. Так или иначе, когда мы были в десятках метров от Целлер, мы обнаружили погоню. Карл стал нервничать и еще прибавил скорость. В результате мы приблизились к Целлер, когда она сделала от тротуара первый шаг, а в метре от нее была куча снега. Карл стал эту кучу объезжать, и в результате мы пролетели мимо Целлер и стукнулись боками с машиной полиции. От удара нас вынесло на тротуар, и мы врезались в тумбу.

— Карл действительно убит?

— Да. Он ударился грудью о руль. Был такой звук, будто сломали сухую доску. Изо рта у него сразу хлынула кровь. От этого обычно умирают, — тяжело усмехнулся Зигмунд.

Молодой человек насмешливо посмотрел на него:

— Можно сказать только одно: для суда над вами вы сохранили великолепного свидетеля обвинения. Я имею в виду Ренату Целлер. Она вас в два счета запрячет в тюрьму лет на двадцать.

Зигмунд молчал.

Вскоре через лавку в комнату за гардиной пришли еще два человека, после чего букинист запер входную дверь и вывесил на ней табличку: «Обед».

Уже несколько дней немецкие товарищи вели пристальное и, надо сказать, по-немецки тщательно организованное наблюдение за лавкой букиниста. Делать это было нелегко. Дом, в котором она находилась, со всех сторон был окружен руинами. Дверь лавки выходила на мертвую улицу. Если на ней появлялся человек и если он не заходил в лавку, он сразу мог вызвать подозрение букиниста.

Один из постов наблюдения находился метрах в двухстах от лавки; там для маскировки поста была имитирована разборка руин и вывозка кирпича. При помощи мощной оптической аппаратуры оттуда хорошо просматривался вход в лавку. Фотографировался каждый ее посетитель. Этот пост назывался «Каменщик». Второй пост наблюдения располагался в глубине разрушенного квартала, позади лавки букиниста, на вершине громадного каменного кургана. Он назывался «Пирамида». На этой горе битого кирпича однажды ночью был открыт и оборудован блиндаж с круговым наблюдением. Здесь непрерывно дежурили два человека. Оба поста наблюдения по радиотелефону были связаны с двумя оперативными пунктами, находившимися в значительном отдалении. Там дежурили автомашины.

Пост «Каменщик». Дежурный, прильнув к оптическому прибору, поднял руку:

— Внимание! Открывается дверь лавки.

Другой сотрудник положил руку на пусковой рычаг киноаппарата, но его остановил товарищ:

— Не надо, это вышел Иоганн Ремке.

Иоган Ремке, он же докучливый покупатель, мечтающий достать роман о Вагнере, медленно направился в сторону оперативного пункта номер два...

Оперативный пункт № 2.

— Ну, как дела, Ремке?

— Ничего. Нервы у него не в порядке, он готов был съесть меня живьем.

— Гостя его не видел?

— Нет. Он, конечно, в комнате за гардиной. Купил вот книжечку с символическим названием «Начало конца».

— Опасные вольности, Ремке! Он же мог почуять в этом недоброе.

— Он даже не посмотрел, что я беру.

Пост «Пирамида».

— Смотри, человек! Куда это он идет по развалинам? Идет уверенно, точно по улице.

— Верно. А озирается, как загнанный волк.

— Смотри, смотри!

Человек этот был Зигмунд Лисовский. Он остановился возле цоколя разбитого дома и долго смотрел по сторонам. Убедившись, что никто его не видит, согнулся и нырнул в дыру полуподвального окна.

— Вызываю оперативный пункт номер один. Говорит «Пирамида». Только что...

Оперативный пункт № 1.

— Сообщение принято, продолжайте наблюдение. Посылаем на место сотрудников с собаками.

Пост «Каменщик».

— Вниманию оперативных пунктов! С восточной стороны показались двое. Идут в сторону букинистической лавки. Начинаем киносъемку. Один из двоих — тот самый, что был здесь третьего дня. Другой, судя по всему, появляется тут впервые.

Оперативный пункт № 1.

— Внимание! Слушайте все, все! Говорит пункт номер один. Ровно через пятнадцать минут после того, как эти двое войдут в лавку, начнем операцию. Предупреждаю: оружие применять только в исключительном случае. Не выключайте радио, слушайте меня непрерывно...

— Мне поручено передать вам, что начальник «Милитариинтеллидженс департамент» мистер Форстер считает вашу работу очень плохой... — С этого начал худощавый мужчина в потрепанной кожанке, когда собрались все, кто был вызван к букинисту. — По-видимому, вы повторяете главную ошибку своего незадачливого фюрера: самоуверенность за счет ума. Эта история во Франкфурте просто позорная: два опытных человека не сумели справиться с девчонкой! А один еще и погибает

впустую. Теперь красные нападут на ваш след. Какие были документы у погибшего?

— Не подлинные, — мрачно ответил Лисовский.

— Это я понимаю. Но какие? Не сделанные ли у нас?

— Нет. У меня и у Карла были документы его производства... — Зигмунд кивнул на букиниста.

— Хоть это предусмотрели, и то хорошо, — облегченно вздохнул худощавый. — Те, кто гнались за вами, не могли догадаться, что вы хотели сбить эту Целлер?

— Не думаю. Наш человек, наблюдавший всю эту историю, сказал, что она упала со страху. Ей помог встать какой-то прохожий, и она пошла домой...

— В ее старшей сестре вы уверены?

— Абсолютно, — ответил букинист. — Главный врач больницы дал ей яд. Как только она увидит, что мы для нее ничего сделать не можем, она умолкнет навеки.

— Давно надо было это сделать. Что касается главного врача, то он уже у нас. Вот сорван с хорошей стратегической точки еще один человек. Франкфурт стал для нас белым пятном. И все из-за того, что вы никак не можете отказаться от провинциальной театральщины, которую так обожало ваше гестапо! Зачем нужно было младшую Целлер посылать во Франкфурт, инсценировать болезнь старшей? Не могли вы, что ли, покончить с младшей здесь?

— Здесь это было трудней, — сказал букинист.

— Но оказалось, что трудней там? Везде, господа, трудно, если мало умения, вот в чем дело. А в результате мы сорвали с важных для нас точек и главного врача и Алису Целлер. Самое досадное, что этот провал происходит как раз тогда, когда ваши действия должны быть наиболее активными и эффективными.

— Главное мы сделали, мистер Райт: русский офицер у вас! — резко сказал букинист.

Человек в кожанке ничего не сказал, даже бровью не повел.

— С этим морским офицером, отцом спортсменки, вы связались наконец? — обратился он к Лисовскому.

— Да. Состоялся первый разговор.

— Ну и что?

— Не понравился он мне. Молчит. А когда говорит — изворачивается, как уж.

— Когда вы с ним встретитесь еще?

— Договорились в воскресенье. Он придет сюда в два часа дня.

— Хорошо.

— Теперь всем вам предстоит начать совершенно новое и не очень сложное дело. — Худощавый тщательно затушил сигарету и продолжал: — Война выбросила в жизнь множество подростков, у которых нет родителей. Эти подростки нас очень интересуют. Нужно набрать их как можно больше. Ребята болтаются возле театров и ресторанов, им хочется красивой жизни, а денег нет. Говорите им: «Идите в Западный Берлин, улица Беллермана, девятнадцать, четвертый этаж, квартира пятнадцать». Пусть спросят там Вольфганга Клоза, и он даст каждому легкий и хороший заработок. Таких подростков нам нужны сотни. Они смогут натворить кучу неприятностей красным. А подойдет срок — они с оружием в руках выйдут на улицы Восточного Берлина и...

Раздался стук в дверь лавки.

Худощавый замолчал и требовательно посмотрел на букиниста:

— Кто это может быть?

— Не знаю... — растерянно произнес толстяк.

Настойчивый стук повторился.

— Возможно, какой-нибудь идиот-книголюб.

Букинист встал и направился в лавку.

— Стойте! — крикнул худощавый. — Быстро откройте подземный ход! Мало ли что...

Кровать опрокинута, поднят линолеум и открыт люк.

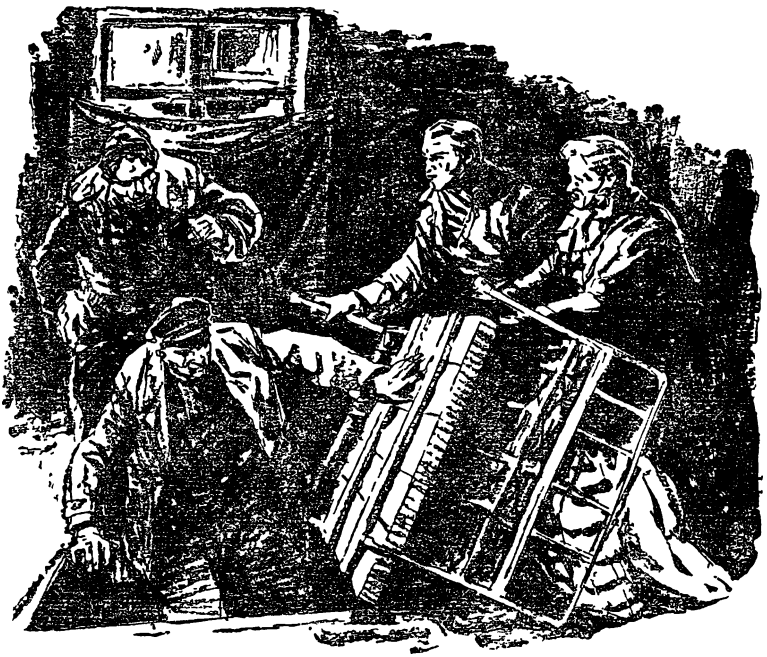
— Теперь идите. — Худощавый занял место у самого отверстия. — В случае опасности громко произнесите слово «да». Идите!

Снова стук в дверь, сильный, нетерпеливый.

— Идите же, черт бы вас взял! — крикнул худощавый.

Букинист вынул из стола пистолет, отвел предохранитель, положил пистолет в карман пиджака и вышел.

Опасность возникла одновременно с двух сторон. Из лавки прозвучало громкое «да». С грохотом открылась входная дверь, и сейчас же в лавке возникла возня, послышались удары и глухой стук упавшего тела.



Худощавый бросился в люк, но замер на первой ступеньке лестницы: в темноте подвала метались блики яркого света и доносился быстро приближающийся лай собак.

— Выбросить оружие!— тихо приказал худощавый и первый швырнул в форточку свой пистолет. — Закрыть люк!

Когда люк был закрыт и уложен линолеум, в комнату ворвались сотрудники немецкой госбезопасности:

— Руки вверх!

Четверо послушно подняли руки.

— В чем дело? — спросил худощавый, стараясь в это время ногой подвинуть кровать на место. — Мы всего-навсего комиссионеры букиниста. Что вам от нас нужно? Или в Берлине уже нельзя торговать старыми книгами?

— Отойдите от кровати! — последовал приказ. — Встаньте в тот угол!.. Вот так.

Из-под пола уже ясно слышались голоса и остервенелый собачий лай.

— Выходите, господа комиссионеры! Через лавку! Быстро!

27

Майор Хауссон еле сдерживал себя. В который раз он пытался сломить волю лейтенанта Кованькова, но все его усилия оказывались тщетными. Многолетний опыт давал Хауссону основание считать молодость человека его слабостью. Сколько раз он добивался успеха, строя расчет прежде всего на неопытности или на неустойчивости, свойственных еще не закаленному жизнью человеку!

Этот русский был молод, возмутительно молод, а Хауссон не мог с ним справиться. Он уже не требовал у Кованькова никаких сведений.

— Неужели вы, мистер Кованьков, не понимаете, какую упускаете возможность? Трехминутное заявление у микрофона — и все. А дальше — если вы захотите, карьера, которой позавидуют многие. А хотите — обеспеченная жизнь в любой стране. Может, вы боитесь расправы со стороны своих? Такое опасение просто глупо. Днем вы сделаете заявление, а вечером уже можете быть в Америке или где захотите. Вам ничьи угрозы не будут страшны. А сказать-то вам у микрофона нужно сущую чепуху: что Советы только с целью пропаганды сообщают о поставке в Восточную Германию русского хлеба и продовольствия, что на самом деле происходит процесс обратный.

— Напрасно стараетесь. Я советский офицер, мы брехней не занимаемся. Весь Берлин ест советский хлеб.

— Вы уедете в Америку или в любую другую страну вместе с Ренатой Целлер. Она ждет вашего решения.

— Не дождется и она.

Хауссон смотрел в голубые, чистые глаза Кованькова и раздраженно думал: что же может сломить наконец упорство этого по-девичьи розовощекого парня? Где было майору понять, что перед ним сидел не просто парень, а комсомолец, который к тому же всего месяц назад в политотделе армии получил карточку кандидата

в члены партии коммунистов! Если бы Хауссон понимал, что́ это означает, он перестал бы соблазнять лейтенанта сказочной карьерой.

Просто удивительно, что люди из мира Хауссона до сих пор не усвоили простой истины, подтвержденной уже многими примерами: в безвыходном положении коммунист самой блестящей для себя карьерой считает возможность умереть за честь и торжество своих идей. Да, многое еще не понимают господа хауссоны, и оттого делают они так много ошибок, дискредитирующих их перед всем миром.

— Наши разговоры не могут длиться бесконечно. Мы можем заставить вас сказать то, что нам надо.— Хауссон впился жестоким взглядом в Кованькова. Но он не увидел в голубых глазах лейтенанта ни страха, ни смятения.

— Давно готов и к этому.— Кованьков смотрел на майора с насмешкой.

Хауссон встал:

— Подумайте до завтра...

...В кабинете на своем столе Хауссон обнаружил шифровку: «Арестована группа букиниста, в том числе наш связной Грант. Из группы, по предварительным сведениям, на свободе остался один Арнольд Шокман».

Работа разведки всегда сопряжена с риском. Провалы неизбежны. Нужно только добиваться, чтобы успехов было больше, а неудач меньше. Хауссон, как никто, знал это и поэтому, как ни был он раздражен упорством русского лейтенанта, прочитал шифровку спокойно и запер ее в сейф. Судьба потерянных людей его нисколько не волновала. Да и что он мог предпринять для их спасения? Ровным счетом ничего. Он уже давно привык таких людей именовать сброшенной картой. Единственно, о чем он с огорчением подумал,— это о ликвидации букинистической лавки. Очень уж хорошим прикрытием была она для этой группы!

Хауссон вызвал стенографистку и продиктовал донесение начальству о провале группы букиниста. Оно еще не было зашифровано, как в углу за столом майора зазвонил телефон прямой связи с берлинской комендатурой.

Хауссон поднял трубку:

— Слушаю... Когда?.. Я сейчас приеду.

Положив трубку, Хауссон приказал стенографистке пока не отдавать донесения в шифровальный отдел.

— Будет важное дополнение, — сказал он, торопливо одеваясь.

Сам того, конечно, не понимая, Хауссон отправился в расставленную ему ловушку...

В хорошем хозяйстве ничего зря не пропадает. В конце концов, и то, что сделал Рычагов, и то, чего добились Посельская с Субботиным, совершенно разными путями, постепенно привели к главному. Если поездка Субботина во Франкфурт дала, кроме всего прочего, ценные признания Ренаты Целлер, то знакомство Посельской с тренерами по плаванию и спортсменом Шокманом помогло установить исполнителей похищения. Ценнейший материал дал разгром бандитской шайки в лавке букиниста. Ведь тут, кроме всего, в руки следствия попал связной американской разведки Райт, который на первом же допросе достаточно ясно показал, куда тянутся нити от шайки букиниста. Работа Рычагова в Западном Берлине оказалась весьма важной для разведки личности Хауссона и его засекреченного хозяйства на улице Хенель.

И когда все это оказалось собранным воедино, тогда и родился оперативный план действия. Все в нем пригодилось. Каждая деталь была тщательно взвешена, выверена и получила свое отражение в плане. Такой план в окончательном виде чем-то похож на сложнейший кроссворд, в котором различные действия людей, пересекаясь, идя параллельно или друг за другом, образуют совершенно точно обусловленный ход событий. И вот как раз сейчас начиналось действие — первое из того раздела плана, который носил название: «Переключение внимания Хауссона на ложные объекты».

28

В комендатуре, как всегда, царила шумная толчея. В сумрачном коридоре к окошкам, где выдавались разные справки, тянулись очереди штатских немцев. Немецкая речь смешивалась с английской. Офицеры и со-

трудники комендатуры то и дело с папками в руках пробегали по коридору. Каждый считал своим долгом потребовать тишины. Гул голосов стихал, чтобы возобновиться в ту же секунду, как только офицер скрывался за дверью.

Хауссон, не поднимая глаз, быстро прошел в конец коридора и на лифте поднялся на четвертый этаж. При выходе из лифта его встретил коренастый офицер с непропорционально маленькой головкой, с мелкими и острыми чертами лица. Пока они шли по коридору, офицер, шагая бочком, не сводил глаз с Хауссона и говорил:

— Она явилась час назад. Красивая, неглупая. С нами говорить отказалась. Потребовала представителя из вашего ведомства. Мы попробовали говорить с ней строго. Она снова потребовала вызвать вашего представителя и прибавила: «Сообщите, что я пришла по делу букиниста».

— Так и сказала: «по делу букиниста»? — на ходу быстро спросил Хауссон.

— Да, точно так.

— Как она называла наше ведомство?

— Политическая полиция... Прошу сюда! — Офицер распахнул перед Хауссоном дверь.

Девушка, сидевшая на диване, при появлении Хауссона встала.

Майор окинул ее небрежным взглядом и, не снимая пальто, сел за стол.

— Прошу вас сюда, — сухо сказал он и показал девушке на стул. — Что там у вас? Только короче. Мне некогда.

— Вы из политической полиции? — недоверчиво спросила девушка.

— Если хотите, да... Но говорите короче! Мне некогда...

Такое поведение Хауссона несколько смутило Посельскую. Предполагалось, что ее приход вызовет здесь большой интерес и ей будет предоставлена возможность подробно изложить всю тщательно разработанную версию своего побега в западную зону. Теперь же нужно было срочно выбрать самое для них заманчивое.

— Мое имя Анна Лорх. Мой отец, бывший офицер морского флота, Вильгельм Лорх, вчера вечером

арестован в связи с провалом группы людей, имевших связь с букинистом на Гельмутштрассе.

— А откуда вы знаете и об этих людях, и о каком-то букинисте? — насмешливо спросил Хауссон.

— Я же сама была связана и с этими людьми, и с букинистом! — будто удивляясь недогадливости Хауссона, ответила Посельская.

— Любопытно, что это за люди и, наконец, почему все это должно нас интересовать?

— Эти люди: Зигмунд Лисовский, Альма Гуц, сам букинист, Арнольд Шокман и другие. Я была хорошо с ними знакома.

— Мне эти люди неизвестны! — раздраженно произнес Хауссон и посмотрел на часы. — Что вы хотите от меня?

— Прошу политического убежища, — устало проговорила Посельская.

Она была в страшном смятении. Неужели в разработке операции допущен такой промах и группа букиниста не связана с ведомством Хауссона?

— Что может быть проще! — рассмеялся майор вставая. — Считайте, что вы это убежище уже получили. — Хауссон кивнул на стоявшего у стены офицера. — Они это оформят в пять минут. Больше у вас ко мне ничего нет? — Не дожидаясь ответа Посельской, Хауссон ушел.

Наташа, сопровождаемая офицером, спустилась на первый этаж в комендатуру. Там ей дали регистрационную карточку, и она села к столу заполнить ее.

— Сдадите карточку вот сюда. — Офицер показал на чиновника, сидевшего за высокой стойкой. — Тут же вы получите необходимые документы. Прошу извинить, у меня тоже дела. — Острая физиономия офицера чуть смягчилась вежливой улыбкой: — Желаю успеха.

Офицер снова поднялся на четвертый этаж, где в одной из комнат его нетерпеливо ожидал Хауссон:

— Ну, что она?

— Заполняет регистрационную карточку. Извините меня, что я побеспокоил вас, но мне показалось, что она представляет некоторый интерес. Я подумал...

— Не некоторый, а значительный, — прервал офицера Хауссон.

— Но вы же...

— Так надо. За ней нужно дня три наблюдать. На случай провокации. Дайте ей немного денег, поселите в отеле, где легче вести за ней наблюдение, предложите ей какую-нибудь работу. Все это делайте так, чтобы у нее и мысли не возникло, что ей делают какое-то исключение. Просто такой у нас порядок — и все. А главное — наблюдение. Мы должны знать каждый шаг этой девицы... Сегодня у нас среда? В субботу утром привезете ее ко мне на улицу Хенель.

— Все будет сделано, майор.

Наташе Посельской любезно посоветовали снять номер в отеле «Дрезден». Чиновник комендатуры был настолько заботлив, что сам позвонил в отель и договорился о номере, а затем и отвез ее туда.

29

Это была старая третьеразрядная гостиница. Посельская получила маленькую узкую комнату с единственным окном, выходившим в тесный, захламленный двор. Прежде всего она самым тщательным образом исследовала комнату, но ничего подозрительного не нашла. Наташа опустилась в кресло и задумалась...

Неужели вся так тщательно продуманная операция летит прахом? Примириться с этим было невозможно. Но тут Наташа вспомнила совет полковника Семина — не торопиться. Хорошо, не будем торопиться. Не будем. И все же попробуем сделать первую проверку.

Посельская положила чемодан в шкаф, оделась и вышла из отеля, предупредив портье, что вернется не раньше чем через час. Она шла по оживленной торговой улице, подолгу останавливаясь у витрин и рекламных щитов. Это позволило ей безошибочно установить, что за ней идет наблюдатель. Сперва он шел шагах в пятнадцати позади; когда она останавливалась, останавливался и он. Потом он решил изменить тактику. Он обогнал Посельскую и теперь шел впереди нее, иногда останавливался у той же витрины, что и она. Посельская прекрасно изучила его лицо и была обеспокоена только одним: не дать ему понять, что она заметила наблюдение. На душе у нее просветлело. Раз за ней

пущен шпик, значит, она им не так уж безразлична, как это пытался изобразить майор Хауссон.

В отеле Посельскую ожидала новая радость. Она без особого труда установила, что, пока она гуляла, ее чемодан был открыт и просмотрен. Очень хорошо. Теперь Наташа была почти уверена, что Хауссон искусно разыграл равнодушие и сделал это потому, что хочет предварительно произвести проверку. Ну что ж, проверяйте, майор!

Вечером Наташа Посельская спустилась в ресторан отеля. Тесный, с низким потолком, он был набит людьми. В зале плавал табачный дым, визжала музыка. Ни одного свободного столика не было. Наташа встала в дверях, выглядывая свободное местечко за чьим-нибудь столом. Откуда-то из дыма перед ней возник лощеный молодой человек с желтым лицом. В этом третьесортном ресторане нелепо выглядел его смокинг с цветком на лацкане.

— Вам нужно место под ночным солнцем? — спросил он на хорошем русском языке.

Посельская уставилась на него с недоумением.

— Я не понимаю, что вы говорите? — произнесла она по-немецки.

— Ах, вы немка? — удивился щеголь, переходя на довольно скверный немецкий язык. — А нашей компании почему-то показалось, что вы русская. Но это не имеет никакого значения. Если вам нужно место, идемте. — Он бесцеремонно взял Посельскую под руку и повел к столику в темном углу за оркестровой эстрадой.

В компании щеголя оказались две девушки и парень. Все они говорили по-немецки не чисто. Щеголь, знакомя с ними Наташу, сказал, что все они русские и работают в Западном Берлине.

Около часа за столом шел ничего не значащий разговор. Щеголь помогал Посельской заказать ужин. Никто у нее ничего не спрашивал. Потом девушки и парень, сославшись на то, что они живут очень далеко, ушли. А еще через несколько минут Посельская уже была убеждена, что щеголь — агент майора Хауссона. Однако действовал он весьма грубо. Как видно, ему было поручено выяснить, не знает ли перебежчица русский язык. Разговаривая, он то и дело вставлял русские

слова, а то и целые фразы. Словно забывшись, он вдруг задавал по-русски вопрос и, смотря в глаза Посельской, ждал ответа. А не дождавшись, хлопал себя по лбу:

— Черт возьми, все забываю, что вы не знаете русский язык!

Эта игра для Наташи была не такой уж легкой: опасно было переиграть. Ей приходилось напряженно следить за каждой фразой собеседника. Если вставленное русское слово не делало фразу непонятной, она на такую фразу реагировала. Но если вставленное слово несло в себе главный смысл фразы, она недоуменно поднимала брови:

— Как вы сказали? Я не поняла.

Некоторые русские слова она «понимала» — это соответствовало одному из обстоятельств версии ее бегства на Запад: там, на Востоке, ее близким другом был русский... Посельская поужинала и ушла к себе в номер. Щеголь проводил ее до лестницы.

— Очень рад был с вами познакомиться, — сказал он прощаясь. — Спасибо за приятную беседу. Между прочим, я живу напротив отеля и ужинаю здесь каждый вечер.

На другой день Посельская, как советовали ей в комендатуре, сходила в бюро найма рабочей силы и встала там на учет. Регистратор записал ее адрес и сказал:

— Работу вы получите довольно скоро. Во всяком случае, в течение недели.

Вечером третьего дня, когда Наташа уже собиралась ложиться спать, в номер без стука вошел офицер, с которым она имела дело в комендатуре.

— Оденьтесь, пожалуйста, — не здороваясь, сказал он. — Нужно поехать в одно место. С вами хотят поговорить.

Офицер сам вел машину и всю дорогу молчал. Ехали очень быстро, и проследить путь Посельской не удалось. На несколько секунд машина остановилась, чуть не упершись фарами в глухие высокие ворота, которые тут же распахнулись. Затем несколько сот метров ехали каким-то узким туннелем и наконец остановились перед скупо освещенным подъездом в глубине двора. Посельская вспомнила описанный Рычаговым дом Хауссона на улице Хенель. Судя по всему, ее привезли именно сюда...

Теперь майор был изысканно вежлив и внимателен. Он усадил Посельскую в кресло, предложил кофе, сигареты. Заметив ее удивление, он рассмеялся:

— Прошу прощенья, госпожа Лорх, но так было нужно. Согласитесь, что сразу в таких делах верить на слово непростительно. Как минимум мы должны были убедиться, что Анна Лорх — это действительно Анна Лорх. А теперь мы можем разговаривать откровенно. У меня к вам несколько вопросов: кого из группы букиниста вы хорошо знали?

— Зигмунда Лисовского, Альму Гуц, Арнольда Шокмана.

— Простите, но Арнольд Шокман как будто не арестован?

— Во всяком случае, в течение двух дней после провала группы букиниста он был еще на свободе.

— Вы не допускаете... — Хауссон замялся, — не допускаете, что предательство было с его стороны?

Посельская задумалась.

— Не думаю, не думаю. Он, на мой взгляд, наименее серьезный человек в группе.

Хауссон закурил, подумал и быстро спросил:

— Вы работали с Лисовским?

— Дело в том, что работы еще не было. Лисовский интересовался моим отцом. А я, по правде сказать, не была особенно уверена в отце. Когда я поняла, чего хочет Лисовский, я с отцом поговорила. Он согласился встретиться с Зигмундом. Эта встреча состоялась за несколько дней до провала группы.

— Как вы узнали о провале?

— Мне сказал Арнольд Шокман.

— Как он сам отнесся к провалу?

— Очень напуган. А когда был арестован мой отец, он потребовал, чтобы я немедленно уходила на Запад.

— Извините за нескромность, но, видимо, у вас с Шокманом были какие-то отношения...

— Он за мной ухаживал.

— А вы?

— Я любила другого человека. Советского офицера.

— Вот как! — Хауссон пристально всмотрелся в Посельскую. — А Шокман знал об этом?

— Все знали. Я не скрывала. А от этого посыпались беды и на моего друга русского офицера.

— А именно?

— Утром того дня, когда я ушла на Запад, ко мне в институт прибежал сослуживец моего друга, тоже советский офицер. Он сказал, что у моего друга крупные неприятности на службе. Арестованы какие-то люди, с которыми он будто бы был связан. Офицер больше ничего рассказать мне не мог и только передал вот эту записку...

Наташа вынула из-за обшлага кофточки аккуратно сложенную бумажку и протянула ее Хауссону. На листке из блокнота торопливо по-немецки было написано следующее:

«Дорогая Ани, у меня очень серьезные неприятности. Настолько серьезные, что я умоляю тебя, во имя нашего счастья, сегодня же уйти на Запад. Обо мне узнавай там же, в комендатуре. Если эта записка дошла до тебя, того, кто ее принес, поблагодари за то, что он верный друг — мой и твой. Скоро увидимся. Целую крепко. Твой Михаил».

— О-о! Это очень интересно! — прочитав записку, сказал Хауссон. — Видимо, нужно понимать так, что он тоже перейдет на Запад?

— Я тоже так поняла.

— Хорошо. Какое звание у вашего друга?

— Капитан. Капитан Скворцов.

— Где он служит?

— Этого я не знаю. Мне известно только, что он работает в штабе.

Посельская прекрасно видела, что Хауссон все хуже владеет собой и уже почти не старается скрывать, насколько интересно и важно для него все, что он слышит.

— Как вы думаете, когда он может прийти? — нетерпеливо спросил майор.

— Принесший записку офицер сказал, что в субботу у них будет какое-то партийное собрание, на котором решится судьба моего друга.

Хауссон беспокойно отодвинул и снова придвинул к себе стоявшую на столе пепельницу, вынул сигарету, подержал ее и, не закуривая, бросил в пепельницу.

— Разрешите последний и опять нескромный вопрос. У вас с этим офицером отношения... достаточно серьезные?

Посельская покраснела:

— Да.

— Простите, — поспешно произнес Хауссон, — но мы должны знать и это.

30

Субботин явился в комендатуру за полночь. Разговаривая с дежурным офицером, он заметно нервничал, но это не помешало ему увидеть, что его здесь ждали. Не успел он заполнить регистрационную карточку, как в комендатуру прибыл майор Хауссон.

Он зашел в комнату дежурного офицера, спросил, не звонили ли ему по телефону, и, бросив мимолетный взгляд на Субботина, вышел.

Да, это был Хауссон. Субботин сразу его узнал.

Вскоре Субботина провели в другую комнату. Здесь Хауссон встретил его у двери.

— Вы поступили правильно, капитан Скворцов. — Майор обнял Субботина за плечи и повел его к креслам. — Садитесь. Я рад первым приветствовать вас под сенью законов, утверждающих истинную свободу человека.

— С кем имею честь разговаривать? — настороженно спросил Субботин.

Хауссон засмеялся:

— Не нужно так официально, капитан! Скажем так: я тот человек, которому Анна Лорх нашла возможным доверить некоторые ваши тайны — не все, конечно.

— Где она? — быстро спросил Субботин.

Хауссон посмотрел на часы и подмигнул:

— Сейчас она, наверно, крепко спит в своей гостинице, где будете жить и вы. Но мы мужчины и к тому же люди военные. Нам придется еще пободрствовать. Готовы ли вы ответить на несколько вопросов?

— Пожалуйста, — устало произнес Субботин.

— Чем для вас окончилось партийное собрание?

— Меня исключили из партии. Впереди — отправка на родину.

— Какие обвинения вам были предъявлены?.. Только, пожалуйста, поточнее.

— Несколько обвинений: дружба с немкой Анной Лорх, будто бы связанной с какими-то арестованными заговорщиками. Это — главное. Потом спекуляция в западной зоне.

— В действительности это тоже было? — быстро спросил Хауссон.

— В какой-то степени да. — Субботин усмехнулся. — У меня, например, намечалось солидное дело с вашим полковником, по фамилии Купер.

— Купер? — переспросил майор.

— Да...

Хауссон записал фамилию.

— Ну, и наконец, как всегда у нас в таких случаях бывает, повытащили на свет божий все, что было и не было. И какое-то пьянство с дракой, и грубое обращение с подчиненными, и недобросовестная работа. Но все это ерунда.

— Что значит «ерунда»? Это были обвинения необоснованные?

Субботин пожал плечами:

— В такой ситуации превращение мухи в слона — наипростейшее дело.

Хауссон подумал и сказал:

— Пока у меня все. Сейчас вас отвезут в отель. Отдыхайте. А завтра вернемся к делам.

На другой день утром Субботин в ресторане отеля встретился с Посельской. Они знали, что за ними наблюдают, и держались так, как могли вести себя влюбленные, нашедшие друг друга после тревожного испытания их любви. За завтраком Субботин не сводил глаз с Посельской.

— Что у тебя? — поглаживая руку Наташи, тихо спросил он.

— Сперва Хауссон разыграл полное равнодушие к моему появлению, а потом все пошло по нашему плану.

— Со мной он уже говорил. Задал несколько вопросов. Думаю, что сейчас он пытается проверить то, что ему по силам проверить.

Субботин не ошибался. Хауссон в это время действительно занимался именно этим. Прежде всего — полков-

ник Купер. Нетрудно догадаться, как обрадовался Хауссон, установив, что среди американских военнослужащих, занимающихся в Берлине экономической разведкой и валютной войной, действительно имеется капитан Джойс, носящий условную кличку «полковник Купер». Одновременно к Хауссону, уже помимо его усилий, поступило письмо из советской комендатуры Берлина о побеге офицера Скворцова. В нем требовали вернуть перебежчика, так как он совершил служебные преступления и подлежит суду. Впрочем, этому документу Хауссон верил меньше всего — он понимал, что письмо комендатуры может быть специально изготовлено для прикрытия и утверждения агента советской разведки. Больше того, получи Хауссон только одно это подтверждение, он был бы почти уверен, что Скворцов подослан. Большую надежду Хауссон возлагал на проверку с помощью «полковника Купера».

Очная ставка Скворцова и Купера была обставлена с большой хитростью, исключавшей всякую случайность во взаимном опознании ими друг друга.

Субботина привели в комнату, в которой были три двери: одна — в коридор, а две — в соседние комнаты. Его посадили на диван. Хауссон сидел за столом. Извинившись, что ему нужно закончить какие-то срочные дела, майор что-то писал. Из соседних комнат через ту, где находился Субботин, то и дело проходили люди.

И вот в дверях появился «полковник Купер». Он медленно прошел через комнату и в упор посмотрел на Субботина. Через минуту на столе у Хауссона зазвонил телефон. Он послушал, сказал: «Хорошо, зайдите». «Полковник Купер» вернулся, прошел мимо Субботина к столу Хауссона. Они перебросились несколькими фразами, после чего майор пригласил к столу Субботина.

— Скажите, капитан, вы лично не знакомы с этим человеком? — спросил Хауссон, показывая на «Купера».

Субботин улыбнулся.

— Я не знаю, помнит ли полковник Купер, но я отлично помню встречу с ним.

— Где она произошла? — спросил Хауссон.

— В кафе возле Олимпийского стадиона. Вы помните это? — обратился Субботин к Куперу.

— Помню.

— Вы были чересчур осторожны, — засмеялся Субботин. — А вот мне за сделку с вами, хотя она и не состоялась, крепко попало.

— Но вы же были штатский? И были немцем? — сказал Купер.

— Я был бы полным идиотом, если бы занимался спекуляцией в форме русского офицера.

Оба американца засмеялись.

— Вы свободны, — сказал Хауссон Куперу, и тот ушел. — Ну, капитан, продолжим наш разговор и постараемся вести его как можно более откровенно. У меня к вам такой вопрос: знаете ли вы некоего лейтенанта Кованькова?

— Слышал что-то... — равнодушно ответил Субботин. — Он из другого отдела штаба. Я ведь работал в отделе, ведавшем инженерными войсками, а тот лейтенант, если не ошибаюсь, — в отделе по связи с немецкой администрацией.

— Да, вы не ошибаетесь... — рассеянно произнес Хауссон. — Скажите, капитан, вы, случайно, не осведомлены в таком вопросе: везут ли в Восточную Германию из России хлеб и продовольствие?

— Это известно всем. Везут — и много.

— А не может быть, что это пропаганда?

— Нет. Об этом кстати в газетах вообще не пишут.

— Ах, так? Значит, немцы могут этого и не знать?

— Да. Но хлеб, масло, сахар есть. А это точнее и вкуснее газетных сообщений.

— Ну, а если населению сказать, что хлеб и масло стоят Германии вывоза всех ее национальных ценностей?

— Это, конечно, сказать можно, — усмехнулся Субботин, — только это надо очень ловко сказать.

Хауссон задумался, пытливо смотря на Субботина. В этого офицера он верил все больше. Жаль только, что он — не Кованьков, который наверняка знает много, но молчит. И вдруг возникла мысль: а не поручить ли этому офицеру обработку Кованькова? Ведь русский к русскому найдет дорогу скорее.

— Так вот насчет того Кованькова, о котором я вас спрашивал... Он занял у нас глупую позицию упорного молчания. Не могли бы вы подействовать на него? Он нас интересует как человек, вероятно более вас информированный в том, что для нас важно. Его упорство глупо.

— Он бежал сюда сам? — быстро спросил Субботин.

Хауссон улыбнулся:

— Бежал с нашей помощью.

— А точнее? Это же для меня очень важно знать, прежде чем с ним разговаривать.

— Да, мы его взяли.

— Это хуже. — Субботин задумался, потом заговорил, точно размышляя вслух: — Тут ведь совсем иная, чем у меня, психология, другое состояние. Для меня вопрос перехода на Запад был, так сказать, подготовлен всем ходом последних событий моей жизни, а для него это полная внезапность. А ведь в нашей среде немало фанатиков советской идеи, этого нельзя забывать. Но все же попробую...

Можно понять, как трудно было Субботину изображать полное спокойствие — ведь ему в руки шло то, ради чего проводилась вся эта рискованная часть плана.

31

Субботин потребовал, чтобы разговор происходил без свидетелей. Хауссон не возражал, но сказал:

— Будет один невидимый свидетель — микрофон.

— Это можно, — подумав, согласился Субботин. — Когда состоится разговор?

— Сначала я хотел бы просить вас самого сделать краткое заявление для печати и радио.

Субботин усмехнулся:

— Вы что же, думаете, что у меня есть еще путь назад? Не беспокойтесь, нет. — Субботин помолчал. — Заявление, конечно, я сделаю.

— Сегодня вечером можете?

— Надо же подготовиться.

— Я просил бы вас просто зачитать текст, который подготовим мы. Вопросов к вам не будет.

— Можно ознакомиться с текстом?

— Конечно, вот он... — Хауссон протянул лист бумаги с довольно коротким машинописным текстом.

Субботин стал читать. О нем самом было всего несколько строчек в начале и в конце. «Я бежал из Советской Армии по сугубо личным мотивам, которые излагать нет надобности: они касаются только меня». Далее в заявлении шло неожиданное. Субботину предлагалось перед лицом немецкой общественности засвидетельствовать, что в Восточном Берлине проводятся массовые аресты немецких патриотов — сторонников объединения Германии. Особому гонению подвергается старая немецкая интеллигенция. Заканчивалось заявление так: «Моей невестой является немецкая девушка-студентка. Только среди ее близких знакомых репрессиям подверглись сразу несколько человек. Так что нет ничего удивительного, что в Западном Берлине я оказался вместе со своей невестой».

При продумывании операции, конечно, учитывалось, что его могут заставить сделать публичное заявление. Условились, что Субботин будет податлив, но все же он обязан думать и о том вреде, который может принести его выступление и стараться свести его к минимуму.

Субботин задумался над текстом. Ничего нового в нем не было: о мнимых репрессиях в восточной зоне западная пропаганда визжала каждый день. Так что наверняка далеко не все журналисты об этом заявлении напишут. Плохо только, что текст был так ловко составлен, что мог прозвучать весьма достоверно.

— Что вас смущает? — осторожно спросил Хауссон.

— Я совершенно не информирован по затронутому здесь вопросу. Вдруг кто-нибудь спросит меня о конкретных фактах?

— Никаких вопросов к вам, повторяю, не будет.

— Ну что ж, тогда все в порядке, — облегченно произнес Субботин. — Только лучше, по-моему, если я буду выступать не по бумажке.

Хауссон насторожился:

— Но скажете именно это?

— Можете не беспокоиться...

Эта пресс-конференция состоялась через час в помещении комендатуры Западного Берлина.

Журналистов было меньше десяти человек. Проводивший конференцию якобы немецкий чиновник на не очень чистом немецком языке извинился перед журналистами, что он не смог вовремя информировать о конференции весь корпус журналистов. Он попросил присутствующих поделиться материалом со своими коллегами. После этого в зал вошел Субботин. Первая, кого он увидел, была Наташа. У нее было бледное лицо, она тревожно смотрела на Субботина. Он улыбнулся ей и прошел к столу. Хауссон сидел в самом конце зала.

Два журналиста, видимо представлявшие радио, говорили что-то в свои микрофоны, а теперь протянули микрофоны к Субботину, с любопытством разглядывая его. Субботин спокойно, неторопливо подбирая слова, пересказал текст заявления. Когда он сказал о невесте, сидевший за столом чиновник сделал галантный жест в сторону Посельской. Журналисты оживленно зашумели, вспыхнули мигалки фоторепортеров.

Субботин кончил говорить. Сидевший за столом чиновник быстро встал и объявил пресс-конференцию закрытой.

— Вопросы! — заорали журналисты.

Субботин сделал такой жест, будто он готов ответить, но чиновник застучал карандашом по столу:

— Тише, господа, тише! Нельзя быть такими эгоистами. Русский офицер будет отвечать на вопросы, когда мы соберем весь ваш корпус. Это произойдет в ближайшие два-три дня. До свидания, господа, спасибо!

Субботин подошел к Посельской и тихо сказал ей:

— Мне поручают обработку Кованькова. Сообщи.

К ним подбежали фоторепортеры. Замигали вспышки блицламп. Субботин и Посельская улыбались в нацеленные на них объективы.

— Хватит, хватит! — Майор Хауссон оттеснил фоторепортеров. — Все прекрасно, капитан, спасибо! Но, увы, должен разлучить вас с Анной Лорх. Работа есть работа, нас с вами ждут, нужно ехать сейчас же.

— Ехать так ехать! До свидания, Ани! — Субботин поцеловал Посельской руку и обратился к Хауссону: — Мы с ней сегодня увидимся?

— Вряд ли, — холодно ответил Хауссон.

И вот Субботин и Кованьков вдвоем в маленькой комнатке без окон. Их разделяет голый стол. Кроме двух стульев, на которых они сидят, в комнате другой мебели нет. Где скрыт микрофон, не видно.

Первый разговор с Кованьковым был для Субботина необычайно трудным. Трудным и в то же время необыкновенно радостным, потому что каждая минута этого разговора вызывала в душе Субботина гордость за все то, что составляло для него понятие «советский человек».

Кованьков с презрительной усмешкой смотрел на Субботина, у которого этот взгляд вызывал двойственное чувство — и неловкость и удовлетворение тем, как держится пленный.

— Ну, лейтенант, давайте знакомиться. Капитан Скворцов.

— Не имею желания знакомиться с предателем родины! — быстро проговорил Кованьков.

— Глупо, лейтенант. Нелепое донкихотство.

— Лучше быть нелепым Дон-Кихотом, чем гнусным предателем!

— Это все фразы, лейтенант. А действительность выглядит так: для вас, как и для меня, возврата туда, где мы служили, нет. Даже если бы такая возможность представилась, воспользоваться ею было бы безумием. Неужели вы не понимаете, что после всего случившегося в армии вам места не будет?

— Меня похитили бандиты, и моя армия это знает! — убежденно воскликнул Кованьков.

— Хорош советский офицер, которого можно украсть, как зазевавшуюся курицу! Да, лейтенант, то, что с вами произошло и происходит, — это не подвиг. Это ваш позор, позор офицера!

Кованьков, помолчав, брезгливо спросил:

— Неужели вы тоже были советским офицером?

— Да, и неплохим. Но обстоятельства сложились так, что я оказался здесь и нисколько об этом не жалею. Кажется, Бисмарк сказал, что солдатская профессия интернациональна.

— Со ссылкой на Бисмарка или без нее, — твердо

сказал Кованьков, — вы для меня — изменник родины. Если бы было оружие, я, не раздумывая, застрелил бы вас, как собаку!

— Значит, хорошо, что у вас нет оружия, — усмехнулся Субботин. — Я еще хочу пожить.

— Рано или поздно вас к стенке поставят.

— Тогда уж лучше поздно. Перед тем как закончить эту нашу задушевную беседу, — Субботин улыбнулся,— я хочу сказать, лейтенант, что́ с вами может случиться. Вас увезут из Германии, а может, и вообще из Европы. И тогда за вашу судьбу уже никто поручиться не сможет. Наконец, можно обойтись и без услуг транспорта. Для них, — Субботин кивнул через плечо, — самым лучшим вариантом будет ваше полное и надежное исчезновение. Вы просто исчезнете навсегда, будто вас и не было на свете. Они умеют это делать ловко, поверьте мне.

— Лучше смерть, чем предательство! Передайте это тем, кому вы продались в холуи. Так и передайте: лейтенант Кованьков готов умереть в любую минуту, но присяге не изменит! И убирайтесь! Я не желаю дышать с вами одним воздухом! Убирайтесь! — Кованьков вскочил, лицо его побагровело.

— Прекрасно, лейтенант... — Субботин встал, чуть наклонился через стол к Кованькову и шепнул: — Так держать! — Весело подмигнув ему, Субботин быстро вышел из комнаты.

Слова, сказанные Субботиным шепотом, и его подмигивание не сразу дошли до сознания Кованькова. Но позже, вспомнив последнюю минуту разговора, он все чаще возвращался к невероятной мысли — вернее, не столько к мысли, сколько к ощущению, что капитан — симпатизирующий ему человек. Но поверить в это было невозможно...

Субботин застал Хауссона сидящим в глубокой задумчивости перед радиодинамиком. Он, очевидно, слушал по радио разговор, только что происходивший там, в маленькой комнатке.

— Вы говорили хорошо... — не оборачиваясь к Субботину, сказал Хауссон. — И пригрозили ему правильно. Действительно, есть предел нашему терпению. Еще два-три дня, и мы... перестанем тратить на него время.

Субботин улыбнулся:

— Все-таки нужно еще немного терпения. Я убежден: после сегодняшнего разговора он заново обдумает все, и завтра я сделаю новую попытку. А сейчас мне хотелось бы поехать к Анне Лорх.

Хауссон встал:

— Нет, капитан. Разрешите не объяснять — почему, но несколько дней вам придется безвыездно жить в этом доме. Сейчас вам покажут вашу комнату.

Хауссон нажал кнопку звонка, и тотчас вошел солдат.

— Покажите господину его комнату и объясните, как пользоваться сигнализацией на случай, если ему понадобится выйти из комнаты... Спокойной ночи, капитан!

Субботин, не ответив, с обиженным лицом вышел из кабинета вслед за солдатом.

33

На первое время связь Посельской со своими была устроена, казалось, довольно просто. Связной каждый день должен был пройти в определенном месте Западного Берлина, имея обусловленную примету. В одном случае — в руках он должен держать свернутую в трубку синюю бумагу, перевязанную красной тесемкой; в другом — на пуговице его пальто должен висеть сверточек в форме груши, и так далее. В назначенном месте — каждый раз в новом — связной появлялся первого числа в час дня, второго — в два, третьего — в три и так — до пяти. Затем счет времени повторялся. Наташа должна идти навстречу связному, а тот — незаметно сделать с нее микроснимок. «Разгадывался» этот снимок при помощи сложнейшего шифра: учитывалась и одежда Наташи, и положение ее рук, сумочки, шарфа, шляпки, и выражение лица, и краска губной помады, и еще многое, многое другое...

Посельская высчитала время сегодняшней встречи и начала к ней готовиться. Больше часа ушло на то, чтобы ее внешний вид стал соответствовать краткому шифрованному сообщению: Субботину поручена обработка Кованькова.

В половине второго она вышла из отеля и сразу же заметила, что по ее пятам следует молодой человек в сером пальто. «Ну что ж, иди, — сказала про себя Наташа. — Авось попадешь на снимок, и твоя физиономия займет свое место в нашей картотеке».

Ровно в два часа Наташа вышла на угол площади перед зданием Национального музея. Она медленно шла по тротуару, всматриваясь в прохожих. И вот из-за угла показался человек с синей, свернутой в трубку бумагой. На вид беспечный, любопытный ко всему, он шел медленной, расслабленной походкой. Наташа пошла ему навстречу. Шагов за десять они встретились взглядами. И вот уже разминулись. Наблюдатель, ничего не заметив, продолжал идти за Посельской.

Первая связь прошла хорошо...

. . . . . .

В шесть часов утра Субботина разбудил дежурный солдат. Майор Хауссон был уже в кабинете.

— Как выспались, капитан?

В его вопросе Субботин уловил нотки раздражения и насторожился.

— Не хватило часов двух, — беспечно ответил он.

— Нужно кончать канитель с Кованьковым. Установлено, что он всю ночь не спал. Очевидно, действительно обдумывал ваш разговор. Человек всегда уязвим после бессонной ночи. Или, как говорит ваша пословица, утро всегда умнее вечера. Сегодня надо дать ему понять, что мы не постесняемся в выборе средств, чтобы достойно вознаградить его упорство... Да, сообщите ему, между прочим, что советское командование по поводу его исчезновения не сделало никаких заявлений. Пусть знает, что он не представляет никакой ценности. Вызовите у него страх за свою судьбу. Ведь он остался один, один против нас всех. Страх за судьбу — это главное. Потом он разговорится.

— Он может спросить, чего от него хотят.

— Совсем немного. Мы устроим широкую пресс-конференцию, и он как офицер штаба, осуществлявший связь с немецкой администрацией, сделает сообщение о том, что завоз Советами продовольствия в Берлин —

пропагандистская ложь, цель которой прикрыть вывоз в Россию промышленного оборудования и ценного сырья Германии. Такова программа-минимум. А если он сдастся окончательно, его заявление можно будет значительно расширить. Но сейчас говорите с ним только о минимуме!..

...Сразу было видно, что Кованьков провел бессонную ночь. Его лицо было серым, помятым. Когда Субботин вошел, лейтенант равнодушно посмотрел на него погасшими глазами.

Субботин не на шутку встревожился: неужели Кованьков и впрямь сломился?

— Как чувствуем себя? — весело спросил Субботин.

— Отлично! — Кованьков подобрался, подтянулся, и в глазах у него вспыхнул уже знакомый Субботину огонек упрямства.

Они снова сидели друг против друга. Субботин начал хитрую и сложную игру. Он говорил Кованькову именно то, что требовал Хауссон, а в это время глазами утверждал другое: «Держись и знай: я твой друг». То невероятное, о чем всю ночь думал Кованьков, снова подтверждалось, но он продолжал держаться настороженно. Не прерывая разговора, Субботин вынул из кармана бумажку и написал на ней: «В конце сегодняшнего разговора скажи: «Дайте мне три-четыре дня, чтобы все обдумать».

Субботин показал записку Кованькову, тот прочел ее. Субботин тщательно спрятал записку.

Разговор продолжался. Субботин грозил Кованькову расправой, уничтожением. Тот молчал.

Субботин встал:

— Ну, лейтенант, за вами последнее слово. От него зависит ваша жизнь.

Кованьков посмотрел на Субботина и увидел в его глазах все то же подтверждение невероятного. И он решил довериться этому невероятному. В конце концов, пока он ничего не терял.

— Прошу дать мне три-четыре дня, чтобы все продумать.

— Вот это дело, лейтенант! — весело воскликнул Субботин. — Я сейчас же доложу о вашей просьбе начальству. До свидания.

Теперь Хауссон встретил Субботина гораздо приветливее.

— Ну что же, капитан, на трубе страха вы сыграли хорошо. Что ни говори, страх — великая сила. Какое у вас впечатление? Он сломлен?

— Думаю, да.

— Прекрасно. Мы устроим лейтенанту пышную пресс-конференцию. И, когда после его заявления ударим во все колокола, в это поверят даже глухие.

Субботин помолчал и спросил:

— А не помогла бы нам та немецкая девушка, у которой с Кованьковым была дружба?

— Нет. Он ей уже не верит. Кроме того, сама она для нас опасна. В свое время девушка поверила нам, что ее отец жив и находится здесь. На этом мы ее провели и использовали для похищения Кованькова. А отца ее, разумеется, в живых нет. Потом, она наверняка находится под наблюдением советской разведки. А главное, эта история с отцом... Немцы с их сентиментальностью — опасный материал для подобных экспериментов.

— Жаль, — тихо произнес Субботин, думая в это время о том, что Рената Целлер, значит, рассказала правду.

34

Субботин ежедневно продолжал душеспасительные беседы с Кованьковым, во время которых, незаметно для Хауссона, они разработали смелый план действий.

Кованьков поломался еще неделю, а затем разыграл полное разочарование в своем упорстве и согласился сделать все, что предлагал майор Хауссон.

Да, он зачитает на пресс-конференции заявление, которое ему приготовят. Да, он ответит на вопросы, инспирированные тем же Хауссоном, и ответит именно так, как хочет майор.

Пресс-конференция была назначена на пятницу. В четверг майор Хауссон провел репетицию, собрав для этого всех своих сотрудников. На репетиции Кованьков держался прекрасно. Субботин с восторгом смотрел, как искусно играл он роль советского офицера, который разочаровался в коммунизме, но никак не в своей родине.

Именно эту формулу раскаяния, а никакую иную Кованьков потребовал занести в заявление. И это его неумолимое требование усиливало впечатление достоверности поведения лейтенанта.

После репетиции Хауссон устроил ужин для Кованькова и Субботина. И первый сказал такой тост:

— В отличие от некоторых своих коллег, я придерживаюсь мнения, что русские — деловые и умные люди. За них! — сказал он, показав бокалом на Кованькова и Субботина.

Для пресс-конференции был снят большой зал Делового клуба. Его заполнило около двухсот корреспондентов, представлявших печать и радио всего мира. Добрый десяток кинооператоров, вскинув к плечу камеры, ждали появления героя пресс-конференции. Радиорепортеры бубнили в свои микрофоны. Видно было, что Хауссон постарался разжечь любопытство газетчиков.

На сцене появились Кованьков и Субботин. В зале установилась мертвая тишина, только трещали кинокамеры да затворы фотоаппаратов. Главный режиссер пресс-конференции майор Хауссон, как всегда, уселся в самом последнем ряду. Нельзя и подумать, что сегодня — его праздник.

Корреспонденты быстро записывали в свои блокноты:

«Русский лейтенант взволнован...»

«Бледное симпатичное лицо...»

«Весь его облик, особенно широко открытые серые глаза, вызывает доверие...»

«В руках у лейтенанта нет никакого текста — это тоже вызывает доверие...»

«Мы не знаем, кто с ним за столом второй, но он тоже очень волнуется...»

В тишине зазвучал ясный и твердый голос Кованькова. Он говорил на немецком языке:

— Господа, я обращаюсь к вашей совести, к совести общественного мнения всего мира. Если есть еще на свете справедливость и честность, вы должны поверить тому, что я сейчас расскажу, и стать на защиту справедливости...

Между прочим, это вступление к приготовленному Хауссоном заявлению было включено также по требованию Кованькова. Субботин сначала против этого

притворно возражал, а потом согласился: пожалуй, действительно такое вступление повысит напряжение в зале. В конце концов уступил и Хауссон. Эти фразы Кованьков произносил и на репетиции. Но почему-то сейчас начало речи лейтенанта необъяснимо встревожило Хауссона.

— Господа, — продолжал Кованьков, — я должен был здесь пересказать заявление, которое подготовили для меня сотрудники американской разведки во главе с майором Хауссоном и еще вот этим предателем Советской страны, неким Скворцовым... — Кованьков показал на Субботина.

Тот, изобразив на лице ужас и полную растерянность, отшатнулся от лейтенанта, вскочил и начал глазами искать кого-то в зале — Хауссона, конечно.

А Кованьков в это время продолжал:

— Я был предательски выкраден той же американской разведкой из Восточного Берлина. Угрозой расправы, вплоть до уничтожения, они хотели заставить меня

сделать здесь заявление по шпаргалке. Я этого не сделаю. Я вообще о политике здесь говорить не буду...

В зале возник гул. Корреспондентские ручки резво прыгали по бумаге. Сенсация! Наконец-то настоящая сенсация!

Хауссон вскочил. Чуть не потеряв контроль над собой, он хотел крикнуть: «Пресс-конференцию закрываю», но вовремя удержался. Все равно было уже поздно, никакая сила не могла теперь остановить этот скандал. Недаром же печать именуют шестой державой. Держава есть держава, тут шутки плохи.

— Я не буду говорить о политике, — продолжал лейтенант Кованьков, — так как я знаю, что мои убеждения для вас чужды. Тем не менее я надеюсь на вашу помощь. Вот все, что я хотел сказать. Да, еще несколько слов...

В это время Субботин бросился на Кованькова, оттолкнул его от микрофона и крикнул:

— Объявляется перерыв!

Зал ответил хохотом и свистом.

Кованьков показал на Субботина и, перекрывая шум, крикнул:

— Наверно, для этого грязного типа уже устраивали или еще устроят пресс-конференцию. Знайте: это профессиональный уголовник, спекулянт, предатель!..

35

Майор Хауссон, видавший всякие виды, умевший хладнокровно держаться в очень опасных ситуациях, теперь растерялся и струсил. У него достаточно было врагов и завистников в собственном ведомстве, и он знал, что скандала ему не простят. Он шел по коридору к генеральскому кабинету и, сам того не замечая, замедлял шаги. Перед дверью он остановился, произнес про себя свое заветное: «Это еще не смерть» — и взялся за ручку двери...

Генерал брезгливо посмотрел на остановившегося перед его столом Хауссона и отшвырнул карандаш:

— Поздравляю вас, майор! Отличная работа! На месте русских я бы дал вам орден! Что же касается

Америки, она вам аплодирует! Браво, майор! На вас прекрасно заработают газетные издатели. Можете гордиться: ваша популярность в Америке затмила сейчас славу всех кинозвезд. Браво, майор!

Хауссон стоял не шевелясь и смотрел мимо генерала. Он понимал, что вся эта язвительная тирада — всего лишь вступление, и ждал главного — того, что определит всю его дальнейшую судьбу.

— Что вы молчите? — крикнул генерал. — Или вы разучились не только работать, но и говорить?

— Что я могу сказать...— Хауссон пожал плечами.— Этот русский лейтенант сумел всех нас провести за нос.

— Что значит «всех нас»?

— В первую очередь меня, — твердо произнес Хауссон.

— Так... А еще кого?

— Ну и еще раз — меня. Но вы, как никто другой, знаете, что ошибки в нашей работе случаются... — Хауссон сказал это не без намека: он напоминал генералу о его скандальном провале в Касабланке во время войны.

— Ошибки ошибкам рознь, майор! — Лицо генерала побагровело. — Одни после ошибок становятся генералами, а другие превращаются в ничто! Вы поняли меня?

— Прекрасно.

— Так, если вы кое-что еще понимаете, как вы не можете понять, что свой подарок вы сделали нам в такой трудный момент, когда подобные дела не могут быть прощены!

— Должен ли я, генерал, это ваше замечание понимать как обвинение меня в том, что я создал и эти трудности?

Это был выстрел с дальним прицелом. Недавно на президентских выборах победили демократы. Трумэн остался президентом. Однако во время избирательной кампании политические конкуренты — республиканцы — доставили демократам большие неприятности.

Особенно резко они нападали на все, что делалось в Германии. Отводя удар от себя, лидеры демократов придумали хитрый маневр: во всем-де виноваты устаревшие люди войны, люди Рузвельта. И было обещано, что люди эти будут заменены другими. Генерал, распекавший Хауссона, был типичным «человеком войны», и

он должен был понимать, что Хауссон знает о нем больше, чем кто-либо другой. Хауссон рассчитывал именно на это. И он попал в цель...

Генерал на вопрос майора не ответил. Еще вчера он продумал все: он устраивает беспощадную расправу над Хауссоном, объявляет его чуть ли не главным виновником всех просчетов, допущенных в германском вопросе из-за неправильной ориентации разведки, а себя выставляет в роли того начальника, который первый начинает устранение из Германии устаревших людей.

Хауссон, конечно, все это предугадывал, потому-то он и сделал выстрел с дальним прицелом. Молчание генерала сообщило ему о точном попадании в цель. Теперь нужно действовать решительно, без оглядки.

— Никогда не следует, генерал, — говорит он спокойно и почти сочувственно, — переоценивать значение политической предвыборной игры. Недавно я получил письмо от Большого Джона. О результатах выборов он с юмором пишет, что, если не считать потерянных денег, которые пришлось дать на проведение предвыборной кампании, все осталось по-старому. Кстати, он по-прежнему очень интересуется Руром. Он вам об этом не писал?.. Нет? Я ему как раз советовал связаться именно с вами.

Генерал молчал. Хауссон мог считать бой выигранным... Все дальнейшее было уже не больше, как взаимные маневры противников по выводу своих сил из боя.

— Не ожидаете ли вы, майор, — усмехнулся генерал, — что эта скандальная история будет поставлена вам в заслугу?

— Ни в коем случае, — быстро произнес Хауссон. — В меру моей личной вины я готов понести наказание. Но, кстати, зачем вы так поспешили с сообщением в печать об этом русском?

— Нужно было, — глухо произнес генерал.

«Повышал свои акции», — внутренне усмехнулся Хауссон.

В кабинете долго царило молчание. Потом генерал сухо сказал:

— В Берлине вам оставаться нельзя. Думаю, что вам придется принять нашу новую школу в Мюнхене.

Я сегодня поговорю с центром. Необходимо, майор, чтобы прошло время и забылась эта ужасная история.

— Ну что ж, я согласен, — почти весело сказал Хауссон. — Тем более, что в нынешней бурной жизни все забывается довольно быстро.

— Не обольщайтесь, майор. Мы получили с Востока целую серию контрударов. Для всех нас создалось положение весьма напряженное.

Хауссон улыбнулся:

— Людей устаревших, вроде нас с вами, сменят новые, и дело поправится... Как вы предлагаете поступить со вторым русским и его немкой?

— Я смотрел его досье... — Генерал пожал плечами. — Этот как будто подвести не может. В каком состоянии он сейчас?

— Удручен. Подавлен. Того лейтенанта брался застрелить собственноручно.

— Вот-вот! Боюсь, что он только на такие дела и годен.

— Не думаю, генерал. Это человек очень неглупый. А главное, у него теперь никаких путей назад нет.

— Сегодня русские повторили требование о его выдаче.

— Что им ответили?

— Снова — ничего. Но я дал интервью западноберлинской газете. Заявил, что этот русский офицер сам избрал Запад и напрасно советское командование, продолжая не понимать принципов западной демократии, добивается, чтобы мы распорядились судьбой человека и не давали бы ему жить так, как он хочет. В общем, мы на их требования просто не будем отвечать — и все.

— А не пригодится он нам в школе? — спросил Хауссон. — Ведь он знает Россию, ее порядки, обычаи..

Генерал покачал головой:

— Не знаю, майор, не знаю... Вот, если центр решит доверить вам школу, тогда вы сами этот вопрос и решите... Да, а немку, с которой спутался этот русский, убрать. Выгоните ее к чертовой матери!

— Это может повлиять на капитана Скворцова... — осторожно возразил Хауссон.

— Мы не брачная контора, майор! — ожесточенно произнес генерал. — Она не нужна. Выгнать — и все!

Субботина увезли из Берлина через час после скандальной пресс-конференции. Увезли в машине. Пока ехали, наступили сумерки, так что он совершенно не представлял себе, куда его везут. Машина остановилась перед глухими воротами. В обе стороны от них тянулся, пропадая в темноте, такой же глухой и высокий забор, по верху которого на кронштейнах тянулась колючая проволока. Сопровождавшие Субботина два рослых парня в штатском за всю дорогу не произнесли ни слова. Теперь они довольно долго объяснялись с вышедшим из калитки офицером.

Наконец ворота открылись. Машина промчалась по дороге, обрамленной густой полоской кустарника, и остановилась под аркой дома, похожего на старинный помещичий особняк. Тут же в стене была дверь с чугунным гербом в виде белки, сидящей на косматой сосновой ветке. Как только Субботин вышел из машины, дверь открылась.

— Сюда, пожалуйста, — сказал один из парней.

Видно, на этом миссия штатских заканчивалась, их больше не было видно. В полутемном коридоре Субботина встретил человек в офицерской форме, но без знаков различия.

— Прошу за мной, — отрывисто, тоном приказа произнес он и пошел впереди по длинному и мрачному коридору с низким, сводчатым потолком. — Здесь ваша комната. Входите...

Нетрудно представить себе, какой тревожной была эта ночь для Субботина.

Комната, в которой он находился, походила на тюремную камеру: длинная, узкая, с голыми стенами, окно-бойница изнутри закрыто массивной ставней. Тусклая лампочка под высоким потолком. Стол, стул, солдатская кровать — и больше ничего! Что все это означало? А главное: поверили они или не поверили в версию, которая была разыграна на пресс-конференции? Все решало именно это. И только это.

Субботин в который раз вспоминал все, что произошло, и придирчиво анализировал, не был ли где допущен им хоть маленький промах. Но нет, все прошло удиви-

тельно чисто и точно по расчету. «Молодец Кованьков!» — подумал Субботин. И тут же тревожная мысль: «Что с Наташей Посельской?» После пресс-конференции он ее больше не видел...

Утром, когда Субботин был еще в постели, в его комнату без стука зашел солдат.

— Вас просят вниз, — сказал он.

Субботин решил провести первую разведку.

— Это обязательно? — спросил он слабым голосом. — Я плохо себя чувствую...

Солдат ушел. Не прошло и десяти минут, как явился врач. Положив на стол кожаную сумку с красным крестом, он присел на кровать и взял руку Субботина. Врач был очень молодой, но держался уверенно, если не сказать — нахально. Проверив пульс, он нагнулся к Субботину, всматриваясь в его глаза.

— Что с вами? — спросил он наконец.

— Непонятная слабость, — тихо ответил Субботин.

— Почему — непонятная? Естественная разрядка после нервного напряжения.

— Наверно, — согласился Субботин. — Мне вставать обязательно?

Врач пожал плечами:

— Внизу подан завтрак. И я советовал бы вам не развинчиваться, встать и действовать. В таких случаях это самое верное лекарство.

Субботин улыбнулся:

— Тогда, не теряя времени, прибегнем к этому лекарству...

Солдат, поджидавший Субботина в коридоре, провел его не в столовую, а в кабинет, где его с явным нетерпением ждал пожилой американский полковник. Увидев входящего в кабинет Субботина, он сердито посмотрел на часы.

— Здравствуйте, капитан. Садитесь! — отрывисто произнес он. — Я хочу сказать несколько слов, чтобы вам впредь было все ясно. Я и мои люди к вашим делам не имеем никакого отношения. Вы... ну, что ли, мой гость. Но, увы, здесь — учреждение военное. Прогулок по парку разрешить не можем. Вам придется все время находиться в своей комнате. Поскольку я предупрежден, что цель вашего пребывания здесь — скрыться от

Машина остановилась под аркой дома, похожего на старинный помещичий особняк.

общественного любопытства, думаю, что такой режим жизни устроит и вас. Можете идти завтракать... — Полковник сказал это без пауз, на одном дыхании, и снова сердито посмотрел на часы.

— Я хотел бы иметь возможность читать газеты, — требовательно произнес Субботин.

— Хорошо. К завтраку вам будут подавать газету.

В дверях появился солдат.

— Проводите господина в столовую... (Субботин встал.) Да, чуть не забыл. Я имею распоряжение переодеть вас в штатский костюм. Приятного аппетита.

Кельнер в странной полувоенной форме подал Субботину завтрак и стал возле стены. Как только был выпит кофе, в дверях появился солдат:

— Прошу...

Субботин вернулся в свою комнату...

Так он прожил шесть дней. Теперь по утрам он читал газету и был в курсе событий. Прочитал он и насчет себя. Генерал в интервью утверждал, что ему ничего не известно о судьбе русского офицера Скворцова. Офицер сам сделал выбор и пришел в западный мир. Где и как он живет теперь? Генерал не может, естественно, знать, как живут миллионы людей, которые населяют Западную Германию... Субботин несколько раз прочитал это место из интервью. Нет-нет, все было в порядке: они ему верят и, судя по всему, собираются использовать. «Ну что же, именно это нам и надо...»

План, разработанный Рычаговым, состоял из двух частей. Первая включала в себя все, что было связано с вызволением лейтенанта Кованькова. Но в ходе этой операции уже начиналась и вторая часть плана, по которой Субботин должен был закрепиться на Западе и затем действовать в зависимости от обстановки.

На седьмой день во время обеда в столовую быстро вошел полковник, с которым Субботин разговаривал после приезда сюда.

— Прошу прощения, но вам нужно поторопиться. За вами приехали...

И снова Субботин ничего не увидел. По тому же коридору его вывели под арку дома, где уже стояла машина. Рядом с шофером сидел знакомый Субботину офицер из отдела Хауссона.

— Здравствуйте, мистер Жерард! — обрадовался Субботин.

Не отвечая на приветствие, офицер открыл заднюю дверцу. Машина сорвалась с места и помчалась по аллее. Промелькнули раскрытые ворота, за которыми к горизонту устремилось прямое, как стрела, шоссе. Субботин тронул за плечо офицера и тихо и гневно сказал:

— Мистер Жерард, неужели вы не уничтожили этого щенка лейтенанта?

Офицер пожал плечами:

— Скандал получил чересчур широкую огласку. И вообще я не хочу говорить об этом.

Субботин видел, что офицер в дурном настроении. Но кое-что уже известно. Кованьков жив! Прекрасно! Зададим вопрос другой:

— Куда мы едем, мистер Жерард?

— В Мюнхен.

— Зачем?

— Я думаю, вы там будете жить и работать.

— Надеюсь, с мистером Хауссоном?

Офицер снова пожал плечами и не ответил.

— Еще один вопрос, мистер Жерард: где Анна Лорх?

— Понятия не имею. Я занимаюсь только тем, что имеет отношение к делу...

Субботин понял, что с Наташей дело плохо. От тревоги за нее похолодело сердце.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

37

Как только окончилась война, сразу стало ясно, что западные державы создают искусственные препятствия возвращению на родину советских людей, угнанных фашистами в Германию. Кто был в дни окончания войны в Германии, никогда не забудет, как по ее дорогам с запада на восток и с востока на запад двигались бесконечные колонны изможденных людей. Вводя в Европе свой бандитский «новый порядок», гитлеровцы согнали в Германию рабов из многих стран мира. Французских шахтеров они заставляли работать на шахтах Силезии.

Украинские крестьяне батрачили на землях помещиков в Баварии. Вся Германия была покрыта сетью лагерей для рабов. Для тех, кто не покорялся новоявленным рабовладельцам, были созданы концентрационные лагеря смерти.

В первые дни мира на дорогах Германии мы видели немало людей в полосатых арестантских робах, с выжженными на руках лагерными номерами. Эти люди были похожи на вставших из гроба мертвецов. Они возвращались в родные места, одним своим видом свидетельствуя миру о пережитых ими му́ках.

В советской зоне сотни наших офицеров, недосыпая, валясь с ног от нечеловеческой усталости, помогали жертвам «нового порядка» поскорей вернуться к родному крову. На дорогах стояли солдатские кухни. В населенных пунктах днем и ночью работали специальные центры по снабжению освобожденных узников фашизма одеждой и продовольствием, обеспечивали их ночлегом и транспортом.

Совсем иначе было в Западной Германии. В первые же послевоенные дни советское командование располагало информацией о том, что в западных зонах тысячи и тысячи советских людей не выпускают из гитлеровских лагерей. Сначала был выдуман предлог такой: в лагерях-де свирепствовали различные инфекционные болезни, и поэтому теперь необходим карантин. Затем в западной пропаганде и в официальных документах появился термин «добровольная репатриация». Видите ли, оказывается, многие советские люди не выказывают желания возвратиться на родину. Эту заведомую ложь дружно разоблачали все, кто сумел вырваться из лагерей.

Распространяется гнусная клевета, будто все освобожденные из лагерей на родине объявляются изменниками и их судят. Одновременно рассыпаются щедрые и столь же лживые посулы о беспечной жизни в западном мире.

Так после войны развернулась форменная борьба за освобождение советских людей.

То, что Советская страна желала возвращения попавших на чужбину своих людей, естественно. Но почему западные державы решили помешать этому? Как

раз той осенью, когда развертывались события нашего рассказа, американский главнокомандующий в Германии генерал Клей на одной из своих бесчисленных пресс-конференций заявил, что западные оккупационные власти не собираются запрещать деятельность антисоветских организаций среди русских перемещенных. На просьбу французского корреспондента более подробно осветить этот вопрос генерал раздраженно ответил, что он не обязан вмешиваться в частные дела русских...

Все та же старая песня!.. Нечто похожее сказал для печати о Субботине и другой американский генерал. Он тоже, видите ли, не обязан знать, что делает перешедший на запад русский офицер.

38

Иностранные разведки, развертывая работу против Советского Союза, всегда сталкивались и сталкиваются с проблемой языка. Невозможно научить американца или англичанина так говорить по-русски, чтобы русские приняли его за соотечественника. Или научить его говорить по-украински так, чтобы украинцы приняли его за земляка. Во всяком случае, это требует многих лет учения и практики.

Американская разведка торопилась и решила сделать ставку на кадры, вербуемые из русских перемещенных лиц. По лагерям ездили высокопоставленные чины разведки, сопровождаемые целым штатом вербовщиков. Несколько позже перешедший к нам из Западной Германии офицер американской разведки рассказал, с каким упорством по лагерям перемещенных лиц выискивали людей с замаранной во время войны совестью или таких, кто по отсталости сознания мог соблазниться на денежные посулы и обещания райской жизни. Их увозили в школы, размещенные в разных укромных местах Западной Германии, и торопливо готовили из них шпионов и диверсантов.

Майор Хауссон стал начальником одной из таких школ. Конечно, для него это было понижение. С тем бо́льшим усердием он приступил к работе, надеясь

своим служебным рвением заслужить прощение грехов и как можно скорее вернуться к более заметным делам.

Школа помещалась в старинном замке, в пятидесяти километрах от Мюнхена. Со всех сторон замок окружал парк из столетних деревьев, в здании постоянно царил сумрак. Майор Хауссон занимал комнату в башне.

Курсанты размещались на первом этаже. Это были самые разные люди в возрасте от двадцати до тридцати лет. В школе работали два отделения: немецкое и русское. Все девять курсантов немецкого отделения являлись уроженцами Восточной Германии, по тем или иным причинам после войны оказавшимися в западной зоне. На русском отделении обучались около двадцати человек. Все они были из так называемых «перемещенных лиц».

Поклявшись себе быть более осмотрительным, Хауссон решил как следует проверить состав курсантов. Сперва он вызвал к себе немцев. К нему явились девять парней, одетых по последней американской моде. Все они держались нахально и самоуверенно.

Хауссон стал выяснять, кто они такие. Как на подбор, все курсанты были людьми случайными и не вызывающими особого доверия. Один работал официантом в Мюнхене, стал соучастником ограбления французского коммерсанта, чудом избежал суда, скрывался, потом попал в школу. Другой по профессии шофер. Сбил машиной человека, сидел в тюрьме. Оттуда был взят в школу. Третий работал наборщиком в типографии, участвовал в печатании нелегального порнографического журнала. По приговору суда должен был два года сидеть в тюрьме. Попал в школу... И так далее, в том же духе. Хауссон вообще к немцам относился презрительно, называл их «нацией исполнителей». «Ну что ж, — думал он, вглядываясь в лица сидевших перед ним курсантов, — эти тоже что-нибудь смогут исполнить. Весь вопрос в том, чтобы приказ был построже, а оплата повыше...»

Затем майор Хауссон познакомился с курсантами русского отделения. Эти произвели на него более благоприятное впечатление. Их биографии были весьма схожи. И что почти поразило его: биографии у них были

куда значительнее, чем у немцев. И в каждой было то, что обнадеживало: озлобленность человека с покалеченной судьбой...

Майору Хауссону показалось, что этих парней можно увлечь перспективой тайной авантюрной деятельности. Особенно ему понравился Герасим Барков, тридцатилетний мужчина удивительных внешних контрастов. Геркулес, а руки маленькие, женские, холеные. Девичье чистое, нежное лицо, а на нем — темно-серые, немигающие глаза с матовым свинцовым блеском, глаза убийцы. Во время войны работал в гестапо в Донбассе. Потом сам бежал в Германию.

— Почему вы стали работать в гестапо? — спросил Хауссон.

Барков задумчиво усмехнулся:

— Интересная была работа. Весь поселок меня, как чумы, боялся. Идешь, бывало, люди, как мыши, прячутся.

— А что вы думаете о России теперь?

— Только бы она обо мне не думала, — рассмеялся Барков. — Там на меня зуб имеют острый.

— Ну, а если по ходу дела вам предложат съездить туда, не побоитесь?

Барков пожал плечами:

— А чего бояться? Не придется же мне ехать в тот шахтерский поселок? Думаю еще усы отпустить. — Он махнул рукой. — И вообще, кто меня близко тогда видел, тех в живых нет.

— А родные у вас там остались?

— Фактически я безродный. Мать умерла. Отец беглый со дня моего рождения. Его с алиментами никак найти не могли.

Все это Барков говорил спокойно и с той неподдельной простотой и убежденностью, в которые нельзя было не верить.

Хауссону оставалось только пожалеть, что он не располагал такими кадрами в Берлине.

Познакомившись с курсантами, Хауссон стал вызывать к себе преподавателей. Все они оказались хорошо знающими свое дело, но абсолютно не представляющими особенности той страны (речь идет о России), куда должны были попасть их питомцы. В этом они целиком

полагались на самих курсантов, забывая, что те не были на родине уже весьма длительный срок.

Преподаватель, обучавший курсантов шифровальному делу, человек с внешностью старомодного художника, сказал Хауссону:

— Я готовил людей для Франции. Я знал: что бы там ни произошло, Франция есть Франция. Я сам бывал там, и все, что необходимо о ней знать, знаю. Но Россия... — Он прочесал пятерней свои длинные, сваливающиеся на уши волосы и добавил: — Сплошной сфинкс! Хуже, чем Китай. Впрочем, — добавил он, — относительно Восточной Германии мы тоже в большом неведении.

Хауссон понимал, что преподаватель прав. Именно в этом может оказаться главный порок в работе порученной ему школы. А раз уж он вынужден отбывать здесь наказание за берлинский промах, он должен сделать школу образцовой.

Но разве сам Хауссон знает Россию настолько, чтобы быть уверенным в том, что он сможет хорошо поставить изучение плацдарма, на котором предстоит действовать его питомцам? И Хауссон решил прежде всего сам изучить все, что можно, о сегодняшнем Советском Союзе. Он запросил всю имевшуюся в разведывательном центре литературу об этой стране. Ее оказалось не так уж много. Справочники были сильно устаревшими. Его удивило и даже рассмешило, что ему прислали сокращенные издания романов Достоевского «Идиот» и «Преступление и наказание». Наиболее полезным было досье вырезок из газет.

Целый день Хауссон штудировал вырезки. Досье было не маленькое — восемь пухлых томов. Вдобавок Хауссон владел русским языком не настолько, чтобы читать без словаря.

К вечеру Хауссон, страшно уставший, с разболевшейся головой, лег в постель, решив на сон грядущий почитать Достоевского. Лучше бы он этого не делал. По газетным вырезкам психология русского человека представлялась ему довольно простой и, во всяком случае, понятной. Он даже стал иронически думать о загадочности русской натуры, о которой так любили говорить среди его коллег. Нет, нет, советские люди пред-

ставлялись ему довольно примитивными: у них все интересы сосредоточены только вокруг работы, связанной с выполнением каких-то бесконечных планов и обязательств. А Достоевский, даже сокращенный, показывал ему русского человека, действительно непостижимого в своей сложности и неожиданности поступков. Как же это может быть? Не могли же коммунисты так переделать не только государственный строй, но и самого русского человека? Ну хотя бы вот этот, понравившийся ему курсант Барков — к чему он ближе? К Достоевскому или к тому, чем веяло от бесчисленных газетных вырезок? Пожалуй, к Достоевскому... Но это ощущение возвращало Хауссона к мысли о загадочности русской натуры.

Словом, нет ничего удивительного, что однажды Хауссон пришел к мысли, что ему нужно иметь при школе надежного консультанта по Советскому Союзу, жившего там совсем недавно. И он подумал о Скворцове. Хауссон решил, что его можно и нужно использовать в школе. Надо только некоторое время еще понаблюдать за ним: не изменил ли он свои взгляды, потрясенный тем, что произошло на пресс-конференции?

39

Журналисты, галдя, толкаясь, покинули зал. Субботина и Кованькова увели через дверь на сцене. И наконец наступила минута, когда Посельская осталась в зале одна. Что делать? Наташа прошла на сцену, но дверь там оказалась запертой. Наступившая после дикого гвалта тишина пугала. Наташа быстро вышла из зала. В фойе — ни души...

В гостинице портье, передавая Наташе ключ, сказал:

— За вами долг, фрейлейн.

— Разве номер не оплачен? — удивилась Наташа.

— Увы! — Портье развел руками и непонятно улыбнулся.

— Хорошо. Я сейчас схожу в меняльную контору, получу марки «Б» и заплачу...

Наташа вышла из гостиницы и чуть не столкнулась с уже знакомым ей молодым человеком, все эти дни

ходившим за ней. Он посторонился и, приподняв шляпу, пробормотал извинение. Но за Наташей не пошел.

Поменяв марки, Наташа вернулась в гостиницу. На пороге ее ослепила вспышка фоторепортерской лампы. Все, кто был в вестибюле, провожали ее любопытными взглядами. Наташа все поняла: очевидно, пока она ходила, радио уже раструбило о пресс-конференции. Портье, принимая от нее деньги, сказал, улыбаясь:

— Можно было не торопиться...

Молодой человек, который столкнулся у входа с Наташей, сидел в кресле в глубине вестибюля и посматривал на нее с непонятной усмешкой. К стойке портье подошел и стал рядом с Наташей пожилой и какой-то помятый мужчина.

— Прошу прощения. Несколько вопросов для газеты.

— Я устала... — Наташа хотела уйти, но корреспондент загородил ей дорогу.

— Всего два вопроса. На предыдущей пресс-конференции вы были представлены как невеста русского офицера. Где сейчас ваш жених?

— Не знаю.

— Прекрасно. И еще один вопрос: рассчитываете ли вы стать женой того офицера и когда это произойдет?

— Это наше личное дело... — Наташа бесцеремонно оттолкнула журналиста и быстро взбежала по лестнице.

В номере пожилая немка производила уборку. Она выключила пылесос и с откровенным презрением посмотрела на Наташу.

— Вы действительно немка? — вдруг со злостью спросила она.

— Да, немка, — устало ответила Наташа, вешая на распялку пальто.

— Как вам только не стыдно заниматься такими делами!

— Какими именно?

— Грязными — вот какими! — Уборщица сердито выдернула штепсель пылесоса. — Что плохого вам сделали русские?.. Убрали банду Гитлера? Да? — Женщина смотрела на Посельскую брезгливо и гневно.

Наташа в это время лихорадочно обдумывала, как себя вести в этой неожиданной ситуации.

— Я бы посоветовала вам, — жестко сказала она, — не совать нос, куда не следует. Убирайтесь отсюда!

Гремя пылесосом, уборщица вышла из номера. Наташа вздохнула: «Все же я поступила правильно. Мало ли что... Это могло быть и провокацией... Но что все-таки с Субботиным? Получил он возможность дать о себе знать? Как теперь поступать мне самой?.. Ясно пока одно: необходимо какое-то время выждать». Этого требовал и оперативный план.

Прошло еще три дня. От Субботина никаких известий. Не проявляли к ней никакого интереса и люди Хауссона. Уже трижды на встречах со связным Наташа условленным кодом передавала одно и то же: «Ничего нового. Положение Субботина неизвестно...»

На четвертый день утром Посельская пошла в комендатуру, рассчитывая найти там офицера, который ее принял после перехода зональной границы. Не поможет ли он ей связаться с Хауссоном?

Наташе повезло. Когда она подошла к комендатуре, у подъезда одновременно остановилась машина, из которой вышел именно тот офицер. Наташа бросилась к нему:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте, — замедленно ответил офицер, с недоумением смотря на Посельскую.

— Вы помните меня?

— Прошу прощения — нет. — Офицер козырнул и взялся за ручку двери.

— Я — Лорх. Анна Лорх. Невеста...

Офицер пожал плечами и быстро скрылся за дверью.

Наташа зашла в комендатуру и обратилась к чиновнику, который когда-то направлял ее в гостиницу. Этот ее помнил.

— Вы еще не устроились на работу?—спросил он.— Одну минуточку.

Чиновник ушел. Минут через пять он вернулся, но это был уже совсем другой человек. Не глядя на Наташу, он сказал:

— Комендатура устройством на работу не занимается. Для этого существует бюро найма. До свидания...

Все было ясно: от нее попросту отделывались, она им больше не была нужна.

Наташа вернулась в гостиницу. Только вошла в номер, зазвонил телефон. Портье сообщал, что ее хочет видеть корреспондент. Можно ли ему подняться к ней в номер?

— Можно... — Наташа положила трубку: «Посмотрим, что это за корреспондент».

Стук в дверь. Не успела Наташа отозваться, дверь открылась, и в номер вошел Рычагов.

— Здравствуйте, фрейлейн! Не откажите в любезности ответить на несколько вопросов.

— Пожалуйста. Садитесь...

Рычагов вынул блокнот и начал задавать вопросы. Наташа отвечала. Он записывал. Потом он встал, поблагодарил за интервью и ушел. На столе осталась записка:

«Сегодня же поезжайте в Мюнхен. Явитесь Гамбургерштрассе, 5, квартира 4. Там живет ваша двоюродная сестра Амалия Штерн. Она поможет вам устроиться на работу. Все идет хорошо. Записку немедленно уничтожьте».

40

Субботин сразу же обнаружил, что за ним ведется тщательная слежка. Началось с того, что в Мюнхене его поселили не в гостинице, а в заранее приготовленной квартире, в которой была даже экономка. Он прекрасно видел, что здесь регистрируется каждый его шаг. «Ну что ж, следите, господа!» Субботин избрал довольно беспечный образ жизни: вставал поздно, гулял по городу, посещал музеи, почти все вечера проводил или в кино, или в театре. Куда бы он ни пошел, за ним как тень тащился наблюдатель...

Прошло две недели. И вот утром его будит экономка. Этого никогда раньше не бывало. Женщина сказала, что приходил посыльный и принес письмо, которое просил вручить немедленно.

«Уважаемый господин Скворцов, прошу вас сегодня в двенадцать часов дня зайти по адресу Гартенштрассе, 31, квартира 7, по вопросу предоставления вам работы». Подпись неразборчивая.

Ровно в двенадцать Субботин стоял перед дверью седьмой квартиры. Его здесь ждали: только он протянул руку к звонку, как дверь открылась и он увидел майора Хауссона.

— Проходите, господин Скворцов...

Они вошли в большую, со вкусом обставленную квартиру. Через анфиладу комнат Хауссон провел его в маленький кабинет, единственное окно которого выходило в сад — голый, осенний, грустный. В кабинете было сыро, пахло плесенью. Вообще вся квартира, хотя и хорошо обставленная, производила впечатление нежилой.

Хауссон сел в кресло, Субботин — на диван.

— Как живете, господин Скворцов?

— Скучно. . Где Анна Лорх?

Хауссон усмехнулся:

— Не знаю. Я не агент брачной конторы. И я удивлен, что вам скучно. По-моему, вы живете здесь как американский турист.

— Оттого и скучно! — сердито произнес Субботин.— Я без работы жить не могу. Особенно после всего, что произошло в Берлине.

Хауссон поморщился:

— Но лучше уж быть без работы, чем такая работа, какую вы провели там...

— Это верно... — Субботин вздохнул. — Но он так же, как меня, обманул и вас.

— Черт возьми, он же русский! — вспылил Хауссон. — Вы-то должны были раньше меня заметить, куда он смотрит.

Субботин пожал плечами:

— Великий хитрец истории Талейран заявил однажды Наполеону: «Ваше величество, я никогда не смогу обмануть ваше доверие, кроме того случая, когда я захочу это сделать».

— Вы бы еще с Наполеоном сравнили этого мерзавца! — раздраженно обронил Хауссон.

— Я много думал о случившемся. — Субботин помолчал и продолжал: — Все дело в том, что разгадать хорошо задуманную хитрость, может быть, труднее, чем сложнейшую загадку ума. А между тем хитрость свойственна простейшим животным и даже эту хитрость

охотник разгадывает не сразу. Мы, господин Хауссон, поторопились. Если уж говорить сейчас начистоту, у меня была тревога с самого первого момента, когда этот щенок вдруг пошел нам навстречу.

— Что же вы, черт возьми, хранили эту тревогу про себя?

Субботин грустно улыбнулся:

— Еще большую тревогу я испытывал за собственную судьбу. Я видел, что вы нервничаете, понимал, что вас торопит высшее начальство, и в это время вдруг я, только свалившийся к вам, что называется, с неба, начну говорить вам об опасности спешки и тому подобное. Я же прекрасно понимал, какое это произведет впечатление. Словом, не вовремя я попал к вам, не вовремя.

— Конечно, нас торопили, — помолчав, проворчал Хауссон.

— А когда подобная работа, — подхватил Субботин, — идет с советским человеком, нужно быть предельно осторожным и предельно бдительным. Никакой самый богатый опыт такой работы с людьми других стран здесь неприменим. Может быть, только оказавшись на Западе и получив возможность издали оглянуться на то, что меня раньше окружало, я с особой глубиной понял, как там искусно обрабатывают сознание каждого человека, кем бы он ни был. Но это особая тема. Извините, просто всё это у меня наболело...

Хауссон помолчал и сказал:

— Вы снова будете работать со мной. Приготовьте ваши вещи, завтра к девяти часам утра за вами придет машина. Вас отвезут к месту новой работы.

— Можно узнать, что за работа и где? — деловито спросил Субботин.

— Все узнаете завтра. — Хауссон встал, давая понять, что разговор окончен.

Субботин тоже встал и, преданно смотря в глаза Хауссону, торжественно сказал:

— Я благодарю вас, майор, за то, что вы не потеряли ко мне доверия! Честное слово офицера — я оправдаю!..

Несколько часов Субботин бродил по городу, обдумывая встречу с Хауссоном. Он отлично понимал, что все сказанное майором принимать за чистую монету

— Сегодня встречался с Хауссоном. Завтра утром меня увозят...

рискованно. Может быть, его просто хотят изолировать. А может, и вывезти из Германии. Но было одно обстоятельство успокаивающее: почему-то сегодня не было за спиной наблюдателя. Его не было, когда Субботин утром вышел из дома, не было и сейчас. А может, он такой умелый, что Субботин не может его обнаружить?.. Вот это надо проверить.

Субботин направился к бульвару — он еще и раньше подумал, что это удобное место для выявления наблюдателя. Особенно теперь — глубокой холодной осенью, когда кругом ни души. Субботин пересекал бульвар по диагонали. Наблюдатель должен был или пойти за ним и явно себя обнаружить, или обежать всю площадь в расчете встретить Субботина у выхода... Нет, через бульвар за ним никто не пошел. Не было видно никого и на площади.

У самого выхода Субботин повернул назад, а в центре бульвара, где был фонтан, сел на скамейку. Наблюдения за ним не было. Очевидно, они убедились, что его мюнхенская жизнь безупречна. Но что с Наташей Посельской? Субботин подставил лицо сыпавшейся с серого неба колючей изморози и задумался... Скорей всего, ее просто выкинули из игры. В самом деле, зачем она им? При разработке плана такой вариант отношения к Посельской учитывался. И было условлено, что Наташа останется в Западной Германии, чтобы открыто и легально устроиться здесь жить на общих правах для немцев, бежавших с Востока, и быть как бы в резерве. Так что, если Хауссон действительно только выбросил Посельскую из игры, особенно беспокоиться за ее судьбу не стоит. Ведь Рычагов в Берлине, он не дремлет... Но что за работу придумал Хауссон для него? Куда его завтра увезут?

Здесь, в Мюнхене, был один заветный телефонный номер. Но к звонку по этому телефону Субботин может прибегнуть только в самом крайнем случае. Наступил ли такой случай теперь? Нет, нет и нет. Позвонив, он сможет сказать только одно: его увозят неизвестно куда и неизвестно зачем. В таком сообщении почти ничего, кроме тревоги за свою судьбу, не будет... В общем, это далеко не тот крайний случай, чтобы воспользоваться заветным телефоном... Значит, надо пока подчиниться

обстоятельствам и при этом нерушимо верить, что товарищи тоже действуют и всегда о нем помнят. Это относится, в частности, и к тому человеку, которому принадлежит заветный телефон и о котором Субботин знал только, что его пароль «Братья Райт»...

Да, Субботин не ошибался. Тот человек уже знал, что Субботин находится в Мюнхене, знал, где он живет, знал даже, как он проводит время. И всю неделю его люди пытались установить с Субботиным контакт, но это нельзя было сделать, потому что тот все время находился под наблюдением.

...Субботин уже собрался встать и идти домой, но в это время увидел женщину, которая медленно шла через бульвар. Решил подождать, пока она пройдет. А может, это и есть наблюдатель, которому надоело ждать, и он решил посмотреть, чем занимается его объект?...

Женщина приближалась, в упор смотря на Субботина.

Он смотрел на нее, недоуменно подняв брови.

Женщина проходит мимо, и Субботин слышит, как она, не останавливаясь, внятно произносит:

— Братья Райт. Немедленно купите газету в киоске возле отеля «Глория».

Субботин смотрел вслед удалявшейся женщине, и сердце его радостно колотилось...

Газетный киоск стоял чуть в стороне от входа в отель. Субботин подошел к нему, выбрав момент, когда не было покупателей. В киоске сидела Наташа Посельская. С игривым лицом она протянула ему газету, получила деньги и тихо сказала:

— Шифр номер три. Здесь буду ежедневно я или Амалия Штерн. Мы — двоюродные сестры. Живу у нее: Гамбургерштрассе, пять, квартира четыре.

— Сегодня встречался с Хауссоном. Завтра утром меня увозят. Куда и зачем — не знаю, — сказал Субботин, вороша журналы на прилавке.

— Желаю успеха... До свидания. — Наташа улыбнулась.

Придя домой, Субботин открыл третью страницу газеты и в третьей колонке, в третьем абзаце, применив шифр, прочитал: «С Коваиьковым все в порядке. Позд-

равляю. Хауссон назначен начальником диверсионной школы в пятидесяти километрах от Мюнхена. Очевидно, и вас не случайно доставили в Мюнхен. Возможна взаимосвязь этих фактов. Оперативная связь через Посельскую и через каналы, о которых она вам сообщит. В самом крайнем случае — известный вам телефон».

Субботин улыбнулся: молодчина Рычагов!

41

На исходе еще одна длинная осенняя ночь. Рычагов встал из-за стола и раздвинул шторы. За окном — серая мгла. Еле видны дома напротив. Из открытой форточки потянуло холодком. Рычагов зябко поежился и вернулся к столу.

Начиная с того дня, когда Субботин пошел на Запад, Рычагов ночевал в кабинете, да и спал-то он не более трех-четырех часов. Иногда и мог бы поспать дольше, но не спалось. Чуть брезжил рассвет, вскакивал с раскладушки и хватался за телефон:

— Узел связи?.. Рычагов. Доброе утро. Что-нибудь есть?.. Так... так... Срочно — ко мне.

И начинался новый день, исполненный громадного нервного напряжения.

...Наивно думать, что такая операция — дело одного Субботина. Нет-нет, планы подобных операций, как правило, выполняются довольно большим количеством людей. В центре операции действует главный исполнитель, но вокруг него постоянно находятся его незримые помощники, без которых он не смог бы работать.

Сейчас Рычагов нетерпеливо ждал донесений с узла связи. Он склонился над столом, на котором разостлана карта, больше всего схожая с метеорологической. В центре карты — Мюнхен. Здесь — Субботин. А от Мюнхена, углубляясь на восток, прочерчены концентрические полукруги, пересеченные изломанными радиальными линиями. Дорого бы дали за эту карту Хауссон и его начальники, ибо карта эта раскрывает всю схему обеспечения операции.

Но ведь Рычагов не знал заранее, что Субботин окажется в Мюнхене... Да, в те дни, сразу после перехода

Субботина в Западный Берлин, у Рычагова была самая напряженная пора. С волнением и тревогой он следил за ходом операции по освобождению лейтенанта Кованькова и одновременно тщательно разрабатывал схему обеспечения второй части операции. Причем он должен был, по мере возможности, быть готовым к любым неожиданностям, которые могут произойти с Субботиным. Ведь мог же тот, например, оказаться не в Мюнхене, а, скажем, в Гамбурге. Значит, в схеме был и Гамбург. Но надо отдать должное Рычагову: тщательнейшим образом изучив обстановку, он в перечне возможных вариантов под номером первым занес Мюнхен.

Масса всяких деталей, которые пришлось продумать, заранее подсказали Рычагову правильное решение. И, когда ход событий это решение подтвердил, оставалось только правильно распределить людей и построить цепочки связи. В подборе участников операции крепко помогали немецкие товарищи, знавшие в Мюнхене немало надежных людей. Рычагов понимал, какое решающее значение имеет связь с главным исполнителем. Поэтому каждая разработанная им цепочка, кроме того, что сама была надежной, еще хитро перестраховывала или дублировала другую. Полковник Семин особенно придирчиво рассматривал именно эту сторону плана.

«Сам Субботин, — говорил полковник, — достаточно надежный. А малейшая ошибка в построении связи может свести его усилия на нет...»

Возвращаясь к себе от полковника, Рычагов начинал все продумывать заново.

На скандальной пресс-конференции Рычагов присутствовал. Он пришел туда вместе с Дырявой Копилкой. Стиссен идти не хотел. Но Рычагову он был очень нужен: появиться на пресс-конференции в одиночку было в известной степени рискованно.

Но разразившийся скандал прекрасно вознаградил Стиссена за его уступку Рычагову. Он буквально метался по залу со своим фотоаппаратом.

— Спасибо тебе, бельгийская подружка! — говорил он потом Рычагову. — Сделаны три великолепные пленки. И, сверх того, парочка снимков, за которые мне

неплохо заплатит лично Мокрица. Хо-хо! Я снял Хауссона в момент взрыва бомбы. Видик у него был как у монашки, с которой на улице юбку сорвали. Хо-хо!..

Рычагов сумел заинтересовать Стиссена и дальнейшей судьбой русских офицеров и не без его помощи получил данные, подтверждающие, что капитана Скворцова увозят в сторону Мюнхена...

Да, первая часть плана была реализована с блеском. Истосковавшиеся по сенсациям журналисты скандальное происшествие на пресс-конференции разнесли по всему свету. Сыграл тут свою роль и извечный волчий характер дружбы западных держав: англичане, например, описывали этот скандал с особым злорадством.

Советское командование немедленно заявило энергичный протест и потребовало освобождения похищенного лейтенанта Кованькова. И уже на другой день он был освобожден. В отношении же Скворцова в протесте было сказано, что такой капитан известен, что он действительно бежал на Запад, боясь понести наказание за совершенные им преступления. Советское командование требовало выдачи капитана Скворцова, как подлежащего суду. Американское военное командование на это не пошло. Они в Скворцова поверили. А Рычагову только это и было нужно...

В те дни Рычагов больше беспокоился о Посельской: он опасался, что ее попросту «устранят», как нежелательного свидетеля. И тогда Рычагов сам, в последний раз сыграв роль журналиста, встретился с Наташей и направил ее в Мюнхен к надежному человеку...

В кабинет Рычагова вошел высокий, сутулый человек. Он устало улыбнулся Рычагову:

— Не спится?

— От кого донесение? — быстро спросил Рычагов.

— От Посельской.

Рычагов чуть не вырвал у него из рук бумажку.

Наташа сообщала о своей первой встрече с Субботиным, о том, что завтра его увозят, но куда и зачем — неизвестно.

— Как это — неизвестно? — рассмеялся Рычагов. — Хауссон потащил его за собой в школу! Порядок! Полный порядок!

Ровно в девять часов утра за Субботиным пришла машина. Шофер, парень атлетического сложения, назвался Жаном. Говорил он по-немецки очень плохо.

В пути шофер молчал. Сидевший рядом с ним Субботин спросил, долго ли ехать. Шофер сделал вид, что вопроса не слышал.

За городом машина развила огромную скорость — около ста пятидесяти километров. Субботин определил, что они едут на юго-запад от Мюнхена. Посматривая на спидометр и часы, он высчитывал остающееся позади расстояние. Отметил в памяти несколько характерных примет местности, по которой пролегало шоссе. Когда проехали около пятидесяти километров, шофер сбавил скорость и через несколько минут свернул влево, на совершенно неезженную грейдерную дорогу. Открылся вид на просторную равнину, в конце которой был не то лес, не то большой парк. Над деревьями возвышалась готическая башня. Дорога вела туда.

У подъезда замка Субботина встретил щупленький подвижной человечек в штатском, говоривший на хорошем немецком языке. Он назвался комендантом объекта. Приказав шоферу отнести вещи, комендант провел Субботина на второй этаж и показал его комнату. Скаля желтые мелкие зубы, сказал:

— Чувствуйте себя здесь как дома.

— Я хочу видеть майора Хауссона, — строго сказал Субботин.

— Увы! — Лицо коменданта сразу стало постным.— Я ничего этого не знаю, мое дело — комнаты, питание, транспорт... Да! Если вам понадобится выйти из комнаты, нажмите вот эту кнопку. Вас проведут куда надо.— Он подмигнул Субботину и взялся за ручку двери: — Всего хорошего, отдыхайте с дороги, — и мгновенно исчез.

Шли часы, но ни Хауссон, ни кто другой к Субботину не приходил. Замок казался вымершим. Глухая тишина. Изредка где-то хлопнет дверь — и опять тишина. Часа в три появилась пожилая женщина в сопровождении молодой девушки. Они молча, с непроницаемыми

лицами, внесли поднос с обедом и вышли. Спустя час так же молча унесли посуду. Спрашивать что-нибудь у них было бессмысленно.

Субботин решил поспать, но заснуть не смог. Наступили быстрые осенние сумерки. Субботин встал и начал ходить по комнате из угла в угол. Он не умел долго радоваться успешно завершенному делу. «Сделанного никто не отнимет», — любил он говорить. И всегда всем своим существом был устремлен в завтрашний день. Что же его ждет завтра?..

Без стука в комнату вошел Хауссон.

— Здравствуйте, господин Скворцов! Прошу извинить, но я был очень занят. Как чувствуете себя на новом месте? Нравится ли вам ваша комната? Летом здесь будет прекрасно. Вы уже отдохнули после дороги? — Хауссон не ожидал ответов на свои вопросы. — Прошу вас к столу.

Он сел первый и, пока Субботин усаживался, пристально наблюдал за ним.

— Тут размещена специальная важная школа. Мы готовим людей для работы в советской зоне Германии и непосредственно в России. Здесь вы будете жить и работать. Вы назначаетесь вести дисциплину, которую мы условно назовем «Детализация обстановки». Для курсантов вы — преподаватель, которого зовут Иван Иванович. Больше они ничего о вас знать не должны. Ясно?

Субботин кивнул головой.

...Уже второй час Хауссон излагал Субботину свои мысли о том, как он должен вести преподавание дисциплины «Детализация обстановки». Это были совсем не глупые мысли. Хауссон тщательно проанализировал обстоятельства провалов в России и пришел к выводу, что главной их причиной является недостаточная профессиональная подготовка агентов и пренебрежение к фактору непрерывного изменения обстановки в стране, куда их отправляли.

— Россия — место особой сложности... — Хауссон говорил задумчиво, точно для себя, смотря при этом на свои положенные на стол руки. — Послать туда прекрасно подготовленного агента из американцев можно только под какой-либо официальной маркой дипломатического или коммерческого характера. Без этого он про-

валится в первый же день. Говорить по-русски, как русский, американец, по-моему, не научится и после десяти лет обучения. Значит, пока мы можем рассчитывать только на перемещенных лиц. Но ведь они живут своими довоенными представлениями о России. А там, как нигде, обстановка меняется очень быстро. Ошибиться можно в пустяке. Я как-то беседовал с одним перемещенным, он все время упоминал слово «ударник». Спрашиваю, что это значит. Он говорит: «Лучший рабочий». Я наугад запросил справку. Получаю ответ: «Термин «ударник» в России больше не существует». А ведь в спешке можно было приготовить документ, что такой-то является ударником на заводе. Вот вам и провал...

Субботин слушал Хауссона внимательно и, когда тот изредка поднимал на него взгляд, согласно кивал головой. «Да, Хауссон ухватился за правильное звено», — думал Субботин и уже понимал, как будет ему трудно увильнуть от выполнения требований Хауссона; пытаться вводить курсантов в заблуждение будет весьма опасно: сказанное им на уроках Хауссон всегда сможет взять на проверку.

— Согласны ли вы с этой моей преамбулой по поводу вашей работы? — спросил наконец Хауссон и облегченно откинулся на спинку стула, смотря в глаза Субботину.

— Абсолютно! — воскликнул Субботин.

— Хотите что-нибудь дополнить?

Субботин беспомощно развел руками и засмеялся:

— Не в силах.

— Есть, конечно, еще один фактор — психология... — Хауссон помолчал. На строгом его лице дрогнула улыбка. — В Вашингтоне кое-кто эту психологию объявил наукой. Я же придерживаюсь формулы: разведчик и психология — нонсенс. Разведчик — человек без нервов и без психологии. Как вы думаете?

— Как вам сказать... — Субботин замялся. — Настоящий разведчик — да. Но разведчик-то будет действовать среди людей обыкновенных. И вот их психологию учитывать надо.

В это время Субботин подумал о том, что в Вашингтоне, видимо, работают люди поумней Хауссона, который не понимает, что психология перемещенного, забро-

шенного в качестве разведчика на родину, — серьезнейший, а иной раз и решающий фактор...

На составление плана уроков Хауссон дал неделю. Работать пришлось с утра до вечера: Субботин решил представить Хауссону не только план, но и подробные конспекты лекций.

План и конспекты были одобрены. После этого Хауссон познакомил Субботина с остальными преподавателями школы. Для них Субботин тоже был человеком без фамилии, все тем же Иваном Ивановичем. Наконец Хауссон представил Субботина курсантам русского отделения. В этот день начались занятия.

43

Эта зима казалась Субботину невероятно длинной. Главное, абсолютно не было известно, когда же наступит срок заброски агентов...

В плане операции учитывались самые разные ситуации, в которые мог попасть Субботин. Предусматривалось и то, что с ним теперь случилось. Более того, по плану, Субботин сам должен был напроситься работать по подготовке русской агентуры. Так или иначе, теперь план требовал от него добросовестно, не вызывая ни малейшего подозрения, работать, а когда начнется заброска агентов, предупредить об этом своих.

Но было одно весьма серьезное обстоятельство, которое очень тревожило Субботина. Его жизнь и деятельность были строго ограничены стенами школы. Проникновение сюда связных от Рычагова исключалось. А вдруг заброску будет осуществлять не школа, а совсем другая организация? Тогда все пойдет прахом.

Как он мог предусмотреть и устранить эту опасность? Он решил: только при помощи еще более усердной работы в школе. Нужно накрепко связать себя с делом подготовки агентуры, чтобы начальство неизбежно пришло к выводу, что он должен оставаться со своими курсантами вплоть до момента заброски.

В школе Субботин имел возможность читать газеты. По всему было видно, что создание восточногерманско-

го демократического государства взбесило оккупантов Западной Германии.

Особую их тревогу вызывало настроение немцев, которые видели, что на востоке страны общенародным голосованием создано подлинно демократическое правительство. А искусственно созданное ими западное, боннское правительство не пользовалось у населения никакой популярностью. Вот почему все шире развертывается грязная война против демократической жизни в Восточной Германии. Диверсии на заводах. Засылка провокаторов, сеющих панические слухи. Террористические акты против демократических деятелей. Усиление валютной войны. Клеветнические измышления о советских планах порабощения Восточной Германии.

Узнавая обо всем этом, Субботин нервничал еще больше. Ему иногда казалось, что он позорно бездействует сейчас, а в перспективе может вообще оказаться лишенным возможности выполнить задание. Но пока он продолжал придерживаться намеченной ранее тактики: изо всех сил старался завоевать расположение начальства.

В конце ноября Хауссон первый раз похвалил Субботина за его работу и предложил ему — в порядке, так сказать, поощрения — съездить на три дня в Мюнхен, как он выразился: «развлечься с помощью цивилизации». В душе ликуя, Субботин равнодушно сказал, что ему не очень-то хочется отрываться от работы, которую он полюбил.

— Вы мужчина, — улыбнулся Хауссон, — и в Мюнхене найдете достаточно дублерш своей Анны Лорх...

Субботин безразлично махнул рукой:

— Ну их всех к черту!..

В Мюнхене Субботин жил, конечно, в отеле «Глория» и каждое утро покупал в киоске газеты и журналы. За эти дни он обменялся с Рычаговым целой серией шифрованных сообщений. Получил он и краткую шифровку от полковника Семина: «Ваши действия одобрены. Операция развертывается нормально».

Вернувшись из Мюнхена, Субботин работал с еще большим старанием, даже с вдохновением. Он словно забыл, кто он на самом деле. Курсанты его уважали, уроки его любили. Занятия он проводил интересно, весело, искусно внушая курсантам опасную для них уве-

ренность в том, что им предстоит не такое уж безумно трудное дело. Имея хорошую подготовку и совершенное оснащение, они прекрасно выполнят задания и вернутся со славой к обеспеченной жизни.

Хауссон был весьма доволен Субботиным. С первого января его сделали старшим инструктором школы. Как-то Субботин заговорил с Хауссоном о продолжительности срока обучения. Неожиданно майор рассердился:

— Надеюсь, вы не хотите спешить и повторить берлинский эксперимент? Это в Вашингтоне, сидя на теплом местечке, можно думать, что такое дело совершается быстро. Но мы-то с вами знаем...

— Я задал вопрос, — обиженно перебил его Субботин, — как раз потому, что в последнее время мне стало казаться, что именно вы всех преподавателей склоняете к спешке, а я считаю это неправильным.

— «Считаю, считаю»!.. — Хауссон злился все больше. — Работа должна вестись под простым девизом: «Все, что можно сделать сегодня, сделай сегодня». Нам пока не присвоено наименование академии. Все академии размещены в Вашингтоне, а не здесь...

Субботин все понял: очевидно, Хауссон испытывает нажим со стороны своего высшего начальства, которое его торопит. Он сопротивляется, но одновременно хочет, чтобы курсанты и педагоги работали с предельной нагрузкой. На случай ревизии это отведет от него обвинение в медлительности.

Хотя Хауссон так и не назвал точного срока выпуска курсантов, можно было понять, что он рассчитывает обучать их не меньше года. Неужели то главное, ради чего он здесь, придется ждать целый год? Оставалась только одна надежда, что высшее начальство все же одержит верх над Хауссоном.

А пока Субботин старался поближе сойтись со своими курсантами, чтобы лучше знать, какую опасность представляет каждый из них как будущий вражеский лазутчик. Он проводил время то с одним, то с другим, называл эти беседы индивидуальным инструктажем.

Самый опасный, конечно, Герасим Барков — геркулес с девичьим лицом и глазами убийцы. Он был страшен своей спокойной готовностью на все. Во время бе-

седы с Субботиным Барков рассказал о своей работе в гестапо в одном из шахтерских городов Донбасса.

— Лихая была работа! — сказал он, мрачно сверкнув своими свинцовыми глазами. — Мне довелось двух коммунистов спихивать в шахтный ствол. Так они... — Он замолчал, потом усмехнулся и добавил: — Следы всегда надо зарывать поглубже...

Каких невероятных усилий стоило Субботину быть в эту минуту не больше как внимательным слушателем!.. Самым страшным в Баркове была его полная, убежденная беспринципность. Служил фашистам, теперь служит американцам. Завтра он может начать служить кому угодно, только бы платили и не мешали ему жить в свое удовольствие.

Константин Ганецкий — бывший харьковский репортер. Он рассказал Субботину всю свою биографию. Прежде всего Субботин заметил, что он о детстве и юности говорил так, как обычно рассказывают о счастливой поре своей жизни. Рассказывая, он задумчиво улыбался своим воспоминаниям.

— Хотел стать писателем, — грустно заключил он и надолго замолчал. А потом, словно спохватившись, что он в разговоре со старшим инструктором совершает тактическую ошибку, стал холодно рассказывать о том, как началась война, а он не успел эвакуироваться, как немцы увезли его в Германию и как он здесь работал переводчиком в концентрационном лагере. И что было с ним дальше, вплоть до поступления в эту школу.

— Да, вы пошли на интересное дело... — исподлобья следя за Ганецким, сказал Субботин. — Захватывающе интересное дело! Вот и напишите книгу о своей жизни, завершающейся таким интересным эпизодом.

— Почему завершающейся? — насторожился Ганецкий. — Разве я старик? — Он натянуто улыбался, но глаза его с тревогой смотрели на Субботина.

— Я вижу, вы не очень понятливы, мистер, — засмеялся Субботин. — Сейчас ваша книга нужна только в Советском Союзе, в поучение, так сказать, потомству. Но я надеюсь, что вы не рассчитываете там обратиться в издательство со своей рукописью. А здесь такую книгу вам разрешат издать только тогда, когда вы уже

уйдете на пенсию. Пора бы знать, что действующие разведчики книг о себе не пишут.

— О-о, это я понимаю, — облегченно произнес Ганецкий.

Пожалуй, один Ганецкий произвел на Субботина впечатление человека, который, попав в Советский Союз, скорей всего, активно действовать там в качестве шпиона не сможет. Остальные курсанты были опасны в разной степени, но все же опасны. Их души уже были покалечены всей атмосферой жизни во вражеском мире.

44

В начале мая стало окончательно ясно, что в отношении продолжительности обучения верх одержал не Хауссон, а его далекое начальство. Оттуда в школу прибыл мистер Гарц. Кто он был по положению и званию, знал один Хауссон, но Субботин сразу заметил, что, хотя Гарц относится к Хауссону внешне почтительно, на самом деле он совершенно с ним не считается и постепенно руководство школой забирает в свои руки. Вскоре стало известно, что выпуск школы состоится не позже конца июля.

Гарц присутствовал на занятиях, вызывал потом к себе преподавателей и требовал сокращения программы. Однажды вечером дошла очередь и до Субботина. Все эти дни он жил в страшной тревоге: ведь именно теперь и решалось, сможет ли он выполнить свой план до конца. Все преподаватели рассказывали, что Гарц разговаривал с ними грубо, не желал выслушивать никаких возражений. Тем большей неожиданностью для Субботина было то, что Гарц встретил его весьма приветливо. Они сели возле низкого круглого стола.

— Я умышленно вас пригласил последним, — сказал Гарц. — С вами у меня разговор особый. Ваши уроки произвели на меня благоприятное впечатление. Скажу еще прямее: то, чему учите вы, я считаю самым главным. Видимо, вы отлично знаете, для чего готовите этих людей. Хауссон тоже хвалил вас. Скажу откровенно, это меня насторожило. Видите ли, Хауссон очень хороший работник, но, во-первых, он несколько устарел, во-

вторых, после скандального провала в Берлине он стал проявлять такую сверхосторожность, какая в нашем деле уже недопустима, ибо для нас отказаться от известного риска — значит, перестать действовать. Словом, Хауссону пора на отдых.

— Согласен, — быстро вставил Субботин, не уточняя с чем он согласен.

— Ну, а раз вы согласны, мне легче вести с вами весь дальнейший разговор. Понимаете, в чем дело, мистер Скворцов... Я надеюсь, что вам чужда тупая национальная обида. Я сейчас буду говорить о русских. Мы располагаем большим резервом перемещенных из России, достаточно большим, чтобы не обкладывать ватой каждого посылаемого туда в качестве агента. Мы ведем свою войну, и, как во всякой войне, у нас могут быть потери. Другими словами, мы должны опираться на фактор количества, а следовательно, и на ускоренную подготовку агентов.

— Понимаю, — с готовностью произнес Субботин.

— Очень хорошо. Я почему-то был уверен, что мы поймем друг друга. Но все это не значит, что мы не должны научить нашу агентуру всем средствам предосторожности. В этом отношении мне понравилось ваше последнее занятие, ваше, в частности, предупреждение, что нельзя слепо верить в непогрешимость документов, которые мы для них готовим. Абсолютно правильно. Я подумал: надо подсказать им мысль о необходимости по прибытии в Россию самим добывать там более надежные документы. Если можно — украсть, а то и убить человека, чьи документы могут представлять интерес. Верно?

— Конечно... — Субботин помолчал и смущенно добавил: — Вот вы похвалили меня, а я-то до этой мысли не додумался. Но уже на завтрашнем занятии я вашу мысль тщательно разработаю. — Субботин тут же заметил, что Гарцу его лесть понравилась.

Переварив ее, Гарц сказал:

— Теперь еще одно очень важное обстоятельство. Раньше мы агентуру отправляли, не очень уж маскируя того, что занимаемся этим именно мы. Но после каждого провала Москва поднимает страшный шум. Теперь разработана совершенно новая система. Вы знаете, что

здесь у русских перемещенных имеется множество всяких организаций. Так вот: подготовленную агентуру мы формально как бы передадим одной из этих организаций. Это должно устроить всех. Русские организации бешено рвутся к этому пирогу. Так пусть они сядут за стол. Но за это мы все московские громы и молнии переведем на них. Понятно?

Нетрудно догадаться, с каким напряженным вниманием слушал все это Субботин. Его мозг пронизывала одна и та же тревожная мысль: сможет ли он быть в курсе отправки агентов? И вдруг — о счастье! — Гарц говорит:

— Сюда скоро приедут руководители русской эмигрантской организации. Они-то и посвятят курсантов в тонкости нашей новой системы. После их приезда мы устраним отсюда всех лиц американского подданства. Последние недели школа будет, так сказать, чисто русской. Мы свое дело сделали и удалимся, как это сделал в свое время мистер Мавр. — Гарц посмеялся своей шутке и продолжал: — Но без своего глаза мы школу оставить не можем. И вы, мистер Скворцов, до самого конца останетесь здесь нашим глазом.

Субботин не выдержал и от охватившей его радости улыбнулся.

— Чему вы радуетесь? — удивленно спросил Гарц.

— Очень ловко вы все придумали, — ответил Субботин. — Давно надо было...

— А Хауссон этому долго сопротивлялся.

— Просто не верится... — Субботин пожал плечами.

— Факт... — Гарц вздохнул. — Нет ничего опасней консерватизма возраста: когда человек останавливается, а сам думает, что он еще продолжает идти.

45

В начале июня в школу приехали три деятеля из русской эмигрантской организации: господа Барышев, Павлов и Соколовский. Барышев среди них был главным. Остальные обращались к нему: «Господин председатель», хотя был он самым молодым — на вид лет со-

рока пяти. Пока в школе оставались Гарц и Хауссон, все они были тише воды, ниже травы. Первый раз господин Барышев решил показать зубы во время обсуждения у Гарца процедуры передачи им школы. Когда зашла речь о юридическом положении Субботина, Барышев сказал:

— Мы господина Скворцова не знаем, но, если он беспрекословно будет подчиняться моим распоряжениям, все будет в ажуре и...

— Стоп! — бесцеремонно прервал его Гарц, стукнув ладонью по столу. — Слушайте, мистер Барышев, что скажем вам мы. Слушайте и получше запоминайте. Мистер Скворцов найден для вас нами, а не наоборот. Мистер Скворцов остается в школе единственным нашим доверенным лицом. Единственным! Понятно?

Барышев послушно кивнул головой.

— Кем юридически будете считать его вы, нам не интересно, и это не имеет никакого значения. Но, например, связь с нами — только через мистера Скворцова. Любое мало-мальски важное решение вы принимаете, только посоветовавшись со Скворцовым. Все. Вопросы ко мне есть?

— Нет-нет, все абсолютно ясно, — погасшим голосом ответил Барышев.

Тем не менее, когда Гарц и Хауссон уехали в Мюнхен, Субботину нелегко было ладить с этими русскими господами. Барышев хотя и выполнял приказание Гарца, но держался с Субботиным заносчиво.

Однажды Субботин поспорил с ним по какому-то совсем не существенному поводу. Барышев уступил, но сказал:

— Я вынужден согласиться с вашей точкой зрения, но сделать мне это трудненько. Я ведь всегда помню, что вас могло бы не быть сейчас с нами, если бы вы не натворили делишек в Советской Армии. А мы ведь здесь уже не первый год, мы-то люди не случайные...

Субботину каждый понедельник приходилось ездить в Мюнхен докладывать Гарцу о делах в школе. Каждый раз Гарц спрашивал, как ведет себя Барышев.

— Нормально, — уклончиво отвечал Субботин. Он решил не жаловаться на Барышева: боялся, что это может осложнить положение. В конце концов, ради дела

можно перенести неприятности и бо́льшие, чем отношения с этим грязным типом.

В конце июня Гарц вызвал Субботина в Мюнхен в середине недели. Во время разговора по телефону Субботин попробовал сослаться на дела, но Гарц раздраженно перебил его:

— Я лучше знаю, что важнее! Выезжайте немедленно!

Субботин выехал дачным поездом. В вагоне было пусто. На следующей станции в вагон вошел пожилой седоусый немец в аккуратно залатанном пиджаке. На ногах у него были грубые солдатские ботинки. Он прошел через весь вагон и сел напротив Субботина.

— Не возражаете? — спросил он, уже усевшись.

Субботин рассмеялся:

— Весь вагон — ваш...

Пристально смотря на Субботина и поглаживая усы, старик мрачно сказал:

— Недавно весь мир был наш, а потом... — Он замолчал и подмигнул Субботину.

— А что же случилось потом? — улыбаясь, спросил Субботин.

— Вы служили в армии?

— Да.

— Офицер?

— Да. Обер-лейтенант. А что?

— И вы еще спрашиваете у меня, что случилось потом! Это вы мне должны сказать, а не я вам.

— Ну, что же тут непонятного? Мы потерпели поражение.

— Что вы говорите! — Старик, прищурясь, смотрел на Субботина. — А я думал, мы победили.

Субботин пожал плечами и с обиженным лицом стал смотреть в окно, за которым пролетал аккуратненький пейзаж.

— Вы, случайно, не из нового начальства? — со злостью в голосе спросил старик.

— Нет-нет. Я всего-навсего инженер.

— Вы говорите по-немецки, как американец.

— Ничего не поделаешь — знак времени. Ведь приходится с ними работать.

— Послушайте... — Старик доверительно наклонился

к Субботину. — Скажите мне, почему здесь у нас, в западной зоне, так ведут себя по отношению к русским, будто победили не они, а мы? Что, по-вашему, русские дураки и будут с этим мириться?

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Ах, не понимаете? — Старик проворно выхватил из кармана газету. Развернул ее. — Вот... Не хотите ли почитать?

— Нет. Я стараюсь газет не читать.

— Ага! А почему? Нет, вы обязаны читать, если вы действительно воевали! Вы же правду ногами узнали, пока до Германии добежали? Тут... — старик ткнул пальцем в газету, — тут про восточную зону пишут так, будто русские — папуасы. А у меня родной брат от русских землю там получил. Тут пишут, что русские только и знают, что расстреливают немцев. А брат пишет, что его дочка пошла учиться в институт в Берлине! Но даже не в этом дело. Брат пишет, что все было бы хорошо, да с Запада к ним все время засылают провокаторов, которые поджигают крестьянские дома, убивают активистов, лишают людей покоя. Кто это делает? Вы можете мне пояснить — кто?

Субботин пожал плечами:

— Не знаю...

— Ах, не знаете? Ну хорошо. Тогда, может, вы, герр обер-лейтенант, объясните мне другое? Я имел ферму и клочок земли. Это принадлежало моему деду, отцу и принадлежало мне. А месяц назад пришли американцы. Они выгнали меня из дома во флигель. Они привезли рабочих и стали на моей земле строить аэродром. Вот этими руками я засеял свою землю. Всё уничтожили. Сунули мне пачку оккупационных марок и приказали: сиди тихо, а то будет плохо. И вот я третий раз еду в Мюнхен. Езжу искать правду. А меня гонят в шею. Русские гонят? Нет! Гонят немцы. Новые наши правители и начальники. У кого же тогда просить защиты? Может быть, у русских? А? Ведь такого безобразия в нашей жизни никогда не было! Никогда! Почему русские не посылают сюда своих поджигателей? Я бы им сам показал, что жечь. Пожалуйста, ангар, построенный на моем лугу. — Старик махнул рукой. — Да мало ли что еще...

— Наверное, русские такими делами не занимаются, — задумчиво сказал Субботин.

— Ну да, они заняты другими делами. Брат пишет: «Продавай ферму и переезжай ко мне. Получишь землю, и будем вместе работать». Но, оказывается, что я уже не могу продать свою ферму!

Поезд подходил к Мюнхену. Субботин попрощался со стариком и направился к выходу. От этого случайного разговора ему стало легче: нет-нет, мистеры, никакие поджигатели не помогут вам создать дымовую завесу для прикрытия ваших грязных делишек в Германии! Простые люди прекрасно все видят и понимают...

Гарц ждал Субботина. Не ответив на его приветствие, он раздраженно спросил:

— Почему так долго?

— Я ехал поездом.

— А что с автомашиной?

— Господин Барышев уехал на ней еще вчера.

— Куда? — Гарц злился все больше.

— Он мне о своих делах не докладывает.

— Должен докладывать! — Гарц стукнул кулаком по столу. — Мне, кстати сказать, непонятно, господин Скворцов, почему вы не ставите меня в известность о том, что происходит в школе.

— Все, что касается дела, вы знаете.

— А я имею сведения, что Барышев вам все время мешает.

— Я просто не обращаю на это внимания. Главное для меня — дело.

Гарц сделал запись в блокноте.

— Хорошо. Я приведу в чувство этого господина.

— Когда начнем заброску агентов? — спросил Субботин.

— Что вас волнует? — насторожился Гарц.

— Меня волнует, что курсанты до сих пор не имеют практического представления о парашютных прыжках. Хотя бы за три-четыре дня до заброски их надо перевезти на аэродром и несколько раз сбросить с парашютом.

— Но их этому в школе учат?

— Мистер Гарц, не знаю, как вы, а я два раза прыгал с парашютом. Когда нужно было в первый раз шаг-

нуть в бездну, все, чему меня учили, вылетело из головы. Как прыгнул, сам не знаю.

Гарц задумался:

— Хорошо. Подумаем. А теперь — дело особое. Кто из ваших курсантов производит наиболее выгодное впечатление?

— Герасим Барков, — мгновенно ответил Субботин.

Гарц записал фамилию и сказал:

— Он пойдет в Россию особым путем — будет Колумбом этого пути. Человек он храбрый?

— Готов на все.

— Физически сильный?

— Атлет.

— Прекрасно. Специально им теперь и займитесь. Школу дней на десять придется оставить. Завтра привезите сюда вашего храбреца: будете готовить его к путешествию.

46

На другой день Субботин привез в Мюнхен Герасима Баркова.

Они прошли к Гарцу, и тот буквально вцепился в курсанта: вопрос следовал за вопросом. Барков выдержал этот натиск спокойно, отвечал коротко, точно и даже немного лениво. Субботин заметил, что Гарц не выдерживает ледяного взгляда курсанта.

Наконец Гарц прекратил расспросы и, помолчав, сказал:

— Предстоящая вам операция организационно и технически продумана идеально. Но риск есть риск. Можно и погибнуть. Готовы ли вы к этому?

Барков усмехнулся:

— Я уж давно готов... да что-то все не погибаю.

Гарцу ответ явно понравился, он посмотрел на курсанта с любопытством и уважением.

— Хорошо. Идите к себе. Ваш номер — рядом с моим.

Не успели они разложить вещи в своем двухкомнатном номере, как к ним явился Гарц в сопровождении высокого, небрежно одетого мужчины. Гарц показал своему спутнику на Баркова:

— Подходит?

Тот оглядел курсанта с ног до головы. К этому осмотру Барков отнесся совершенно спокойно: стоял в свободной позе, уставившись на незнакомца своими свинцовыми, немигающими глазами.

— Да, вполне, — произнес незнакомец.

Гарц подтолкнул Баркова к незнакомцу:

— Вот и прекрасно! Знакомьтесь, мистер Барков. Это — изобретатель. Так вы его и будете звать: «мистер изобретатель». Он построил удивительную машину, а вы первый эту машину используете в деле... — Затем Гарц представил изобретателю Субботина: — Это старший инструктор школы Иван Иванович. Он проследит за всем подготовительным периодом.

Никак на это не прореагировав, изобретатель продолжал рассматривать Баркова:

— Вы умеете плавать?

— Умею.

— Хорошо?

— Прилично.

— Ну что ж, тогда не будем терять времени.

Гарц ушел. Субботин, Барков и изобретатель прошли во вторую комнату, и здесь сразу же начались подготовительные занятия.

Изобретатель рассказал, что им создан аппарат, позволяющий одному человеку проплыть под водой довольно большое расстояние. Человек помещается внутри небольшой торпеды, которая выпускается с погруженной подводной лодки. Торпеда снабжена собственным электрическим двигателем, управляема и оборудована

необходимыми приборами, для того чтобы выдерживать заданное направление. Аппарат уже испытан, показал прекрасные качества, он обеспечивает полную безопасность для человека, который им пользуется.

Барков слушал все это абсолютно равнодушно. В конце концов это стало раздражать изобретателя, и он спросил:

— Вас интересует это хоть в какой-нибудь степени?

Барков усмехнулся:

— Что значит интересует или не интересует? Мне прикажут, и я выполню приказ.

— Но должна быть хоть маленькая доля личного интереса к делу! — удивленно проговорил изобретатель и, помолчав, продолжил свои объяснения.

Из всего, что он говорил, для Субботина важно было только одно: изобретатель несколько раз подчеркнул, что на подготовку операции дано всего пять дней и что заниматься придется очень напряженно.

Занимались ежедневно с девяти часов утра до двух часов дня. Затем — обед, и с пяти часов занятия продолжались до самого позднего вечера.

Герасим Барков оказался учеником способным. Он хорошо освоил технику управления торпедой и уже на третьем занятии быстро отвечал на все вопросы изобретателя.

Гарц в эти дни не появлялся.

На четвертый день вместе с изобретателем пришли два офицера морской службы. Они разглядывали Баркова так, будто покупали его. После осмотра все отправились в номер Гарца.

Это совещание было, конечно, самым важным. Здесь Субботин узнал весь смысл задуманной операции. Герасима Баркова собирались выбросить с подводной лодки в зоне побережья Латвии, близ порта Н. Он должен был подплыть к берегу и затопить торпеду. Задание у него было одно: совершить диверсию в порту. После выполнения задания Барков должен был через Литву пробираться в Восточную Германию и явиться по условленному адресу. Оттуда он будет доставлен в Западную Германию.

Высадка диверсанта должна была произойти между десятым и пятнадцатым числом. Уточнение срока

зависело от погоды. Дело в том, что во время шторма торпеду выпускать было нельзя. Субботин решил, что ему достаточно предупредить своих о районе заброски, и там будет установлено тщательное наблюдение за морем; что подводная лодка не проскочит, и охота пойдет уже не за торпедой, а за самой лодкой. Значит, его обязанность — немедленно передать сообщение о рейде подводной лодки.

После совещания Субботин пошел погулять по городу. Возвращаясь в отель, он выждал момент, когда у киоска не толпились покупатели, и подошел к нему.

В киоске была Амалия Штерн. Подавая Субботину газеты и журналы, принимая от него деньги, она с безразличным лицом прослушала несколько сказанных им фраз и чуть заметно кивнула головой. В ответ она тихо произнесла: «Анна Лорх уже дома».

В своем номере Субботин застал Гарца, изобретателя и морских офицеров. Барков торопливо укладывал вещи.

— Где вы болтались? — раздраженно спросил Гарц.

— Просто пошел прогуляться. Купил газеты. Ведь занятия кончились!

Гарц отвернулся и продолжал разговаривать с изобретателем. Офицеры нетерпеливо стояли у двери, посматривая на Баркова. Вскоре офицеры и Барков уехали.

Гарц все еще злился. Субботин настороженно присматривался к нему, пытаясь угадать, в чем дело. Вскоре все прояснилось. Гарц получил шифровку от высокого начальства, в которой сообщалось о провале двух агентов гамбургской школы, посланных на Украину. В шифровке высказывалось убеждение, что провалы являются следствием плохой подготовки агентуры, и лично на Гарца возлагалась ответственность за работу мюнхенской школы.

— Я и без этого отвечаю за школу! — раздраженно говорил Гарц. — Но я не могу отправляться в рейд вместо курсантов!..

Гарц был достаточно умен, он понимал: дело не только в том, что школа плохо готовит агентов. Он вообще всех перемещенных считал публикой малонадежной. Получив шифровку, он думал об этом с особой остротой; сейчас даже Субботин вызывал у него недоверие.

— Должен быть какой-то порядок! — сердито выговаривал Гарц. — Гулять вам, конечно, не запрещается, но я обязан знать, где находится мой сотрудник в любой час суток. Впредь прошу вас учесть это.

47

Во второй половине июля Субботин получил приказ подготовить шестерых курсантов к перевозке на аэродром. В эту группу он включил самых слабых по всем своим данным курсантов.

Когда за курсантами уже пришел автобус, «господин председатель» Барышев провел с ними прощальную отеческую беседу. Еле сдерживая улыбку, Субботин слушал его напыщенные разглагольствования о России, которую следует освободить от ига коммунистов.

— То, что днем и ночью мучает меня как святая мечта, — ходя по кабинету, говорил Барышев, — скоро сделаете вы. Завидую вам! Вы ступите на русскую землю. Вы появитесь там, как первые вестники грядущего избавления России от коммунистического кошмара. Как бы я хотел быть на вашем месте! Но ничего, то, что вы будете делать там, мы делаем здесь. У нас с вами одна борьба и одна великая цель!

Курсанты слушали речь Барышева рассеянно. Субботин заметил, что на лице у несостоявшегося писателя Константина Ганецкого то и дело возникало выражение растерянности, если не испуга.

— Пусть же перед вами дрожат от страха господа комиссары! — выкрикнул Барышев. — С вашей помощью мы узнаем, где находятся их аэродромы, важные заводы. И придет час, когда по этим объектам будет нанесен такой удар, что от них останется одно мокрое место! А вы вернетесь на Запад, где вас будут ожидать именные текущие счета в солидном банке. Солидные будут и суммы! Герои сделали свое дело и могут жить, не отказывая себе ни в чем...

Закончив речь, Барышев нажал кнопку звонка, и в кабинет вошла женщина с подносом, уставленным рюмками с коньяком.

— За ваши славные дела! За нашу общую победу! —

крикнул Барышев и наметанным броском осушил рюмку.

Когда все выпили, Барышев по очереди расцеловался с каждым курсантом, приговаривая:

— С богом, милый... С богом, милый...

Именно в этот момент в кабинет вошел Гарц. Он остановился у двери, обвел всех бешеным взглядом.

— Что здесь происходит? — спросил он сиплым от злости голосом.

— Отмечаем... выпуск первой группы курсантов, — неуверенно ответил Барышев. — Может, и вы, мистер Гарц, скажете им свое напутственное слово?

Гарц остановил взгляд на Субботине:

— Почему курсанты до сих пор не выехали?

Субботин встал:

— Господин председатель хотел поговорить с курсантами. Я думал...

— Мне не интересно, что вы думали! Банкеты устраивать рано! — Гарц оглянулся на Барышева. — Нет другого повода для пьянства?

«Господин председатель» молчал, переминаясь с ноги на ногу.

— Немедленно — на аэродром! — приказал Гарц.

— Мне ехать? — робко спросил Барышев.

— Там банкета не будет. Будьте любезны, оставьте меня со старшим инструктором.

Кабинет быстро опустел. Гарц нацелился в Субботина злобно прищуренным взглядом:

— Это форменное безобразие, господин Скворцов! Подозрительное безобразие, если хотите знать! Скандал за скандалом, а вы по этому поводу устраиваете банкеты?

— По-моему, люди, которых я готовлю, еще не дали вам основания для разговора со мной в таком тоне, — строго и с достоинством проговорил Субботин.

— Да? Вы в этом уверены? Может, вы хотите знать, что случилось с вашим готовым на все храбрецом Барковым?

Субботин молчал: зачем ему знать подробности? Важно, что с Барковым случилось то, что должно было случиться.

— Молчите? — выкрикнул Гарц. И вдруг, точно воздух из него выпустили, он опустился в кресло и надолго замолчал.

— Вы проверяли радиоподготовку людей? — устало спросил он.

— Да.

— Хорошо проверяли?

— Несколько дней занимался только этим. Все работают с рацией уверенно.

— Такой идиотизм! Такой идиотизм! — Гарц всплеснул руками. — Я твердил этим самоуверенным господам: Баркову нужна собственная рация! Нельзя — габариты не позволяют! Сунули человека вслепую, а теперь подняли визг и крик!

— А что, собственно, случилось? — осторожно спросил Субботин.

— Что? И ваш храбрец и подводная лодка канули в неизвестность! Вот что! Может, вам этого мало, господин Скворцов?

Субботин пожал плечами:

— Мало ли что могло случиться... Вы же сами учили меня спокойно относиться к потерям.

— Потеря потере рознь! Ваш Барков — ерунда! А вы понимаете, что такое потеря подводной лодки?

Субботин кивнул головой.

— Но может оказаться, что Барков на месте? И действует?

— А как это узнать? — крикнул Гарц. — Как? Сидеть и ждать, пока сами русские сообщат об успехах вашего храбреца?

Субботин промолчал.

Гарц встал:

— Сейчас же перебирайтесь на аэродром. Лично

проследите за парашютной тренировкой. Я тоже приеду туда.

Гарц быстро вышел из кабинета. Через минуту его автомобиль промчался по аллее парка.

48

Этот аэродром официально считался законсервированным, а действовал круглые сутки. Здесь не было сформированных воинских соединений, но в ангарах и на поле всегда находилось десятка два военных самолетов.

В баре штабного здания с утра до вечера галдели летчики. Они были и в военной и в штатской одежде. На втором этаже находилась командная группа, возглавляемая полковником, которого все летчики панибратски звали «толстый Бит». Это был флегматичный грузный человек и явно не авиационный офицер. Всеми летными делами руководил молоденький майор Лавенс.

Самолеты улетали отсюда в Берлин, в Афины, в Белград, в Стокгольм — словом, во все концы света. Днем и ночью здесь стоял рев турбин и моторов.

Субботина вместе с курсантами поселили в стандартном домике, стоявшем на краю аэродрома. Только он осмотрелся, явился разбитной американский сержант, доложивший Субботину, что он шофер машины, прикрепленной к его группе.

— Полковник Бит просит вас немедленно явиться, — сказал сержант. — А меня зовут Поль. Если хотите, зовите меня маршал Поль. Я ужасно люблю высокие звания...

— Ну что ж, вези меня, маршал Поль! — рассмеялся Субботин.

В кабинете полковника находился Гарц. Когда Субботин вошел, Гарц сказал:

— Это руководитель группы.

Полковник Бит кивком показал Субботину на стул и, провожая его сонным взглядом, сказал:

— Мне все ясно. Каждому вашему человеку мы дадим по два тренировочных прыжка. Один — днем,

один — ночью. Не больше. У меня здесь не школа парашютистов. Кормить ваших людей будем.

— Их нельзя кормить в общей столовой, — вставил Гарц.

Полковник раздраженно повел плечом:

— Да знаю я! Они будут получать еду в термосах прямо дома. Срок главных полетов прошу согласовать со штабом «Зет». Мы возим не только по вашим адресам и перегружены чертовски.

Полковник повернул свое оплывшее лицо к Субботину:

— Практически летными операциями занимается майор Лавенс и его люди. С ними и держите связь.

На другой день курсанты совершили по первому тренировочному прыжку с парашютами. Их поднимали в воздух по два человека. Субботин летал вместе с ними и наблюдал за прыжками. Все курсанты порядком трусили. Субботин видел это и радовался. Пожалуй, меньше других выказал трусость Константин Ганецкий. Он прыгал в первой паре. Когда они покинули самолет, инструктор по прыжкам прокричал Субботину:

— Лапша, а не парни! Второй чуть получше!

Это относилось к Ганецкому.

Во время ночной тренировки дело дошло до того, что один курсант не захотел прыгать. Упершись руками в края открытой в темень двери, он не трогался с места. Инструктор что-то кричал ему в ухо, но тот только мотал головой. Тогда инструктор согнутым локтем ударил курсанта в спину. Его тело обмякло, прогнулось. Точным движением инструктор сбил его руки с двери и пинком в спину сбросил с самолета. Просто непонятно, как после этого курсант сообразил открыть парашют. Но инструктор был уверен, что откроет.

— Такой трус непременно откроет — можете не сомневаться! — сказал он Субботину, брезгливо вытирая платком руки.

Одного курсанта пришлось довольно долго искать в окрестностях. Несмотря на то что аэродром подавал специальные световые сигналы, курсант, снижаясь, потерял ориентировку и пошел в сторону Мюнхена. Только выбравшись на шоссе, он сообразил, где находится, и на попутной машине приехал на аэродром.

Субботин в это время на машине продолжал поиски курсанта. Почему-то обычно оживленный и болтливый шофер угрюмо молчал.

— Что так мрачен сегодня маршал Поль? — весело спросил Субботин.

Поль ответил не сразу. Попетляв по проселочным дорогам, они снова выехали на шоссе и остановились. Поль выключил фары, и их окутала теплая летняя ночь во всей своей тихой красе. Поль вздохнул:

— Смотрю я, шеф, на вашу работу и ничего не понимаю.

— Что ж тут непонятного, маршал? Люди прыгают с парашютом и теряют ориентировку. Их надо искать. Вот и вся премудрость.

— Благодарю вас, шеф, за объяснение, — церемонно произнес Поль. — Но мне непонятно другое. Я на этом аэродроме скоро год. Кого только не возил на своем «виллисе»! Болгар, греков, албанцев, поляков, венгров — и не упомнишь. Насколько я понимаю, всех их мы зашвыриваем домой. И все они, как и ваши парни, почему-то прыгать домой боятся. Эх, если бы русские затеяли швырять домой американцев, да я бы первый с песней полетел к своей девочке, по имени Сесиль!

Субботин молчал — нужно быть предельно осторожным. Особенно сейчас.

— Ну что ж, видимо, маршал Поль далеко не все знает, потому и не понимает. Расскажи лучше про свою девчонку. Кто она? Ждет ли тебя?

— В письмах они все ждут, — тихо засмеялся Поль.

— Она работает?

— Когда уезжал, работала на швейной фабрике. Но последнее время в наших газетах что-то очень часто пишут о том, как необычайно высок уровень нашей жизни — наверняка пахнет безработицей.

— А кем ты был дома?

— Кем я мог быть? Шофером! Гонял по Бостону фургон торговой фирмы «Эйлис». — Он опять вздохнул: — Жить можно было.

— Служить еще долго? — участливо спросил Субботин.

— Долго... Когда в дивизии был, служилось легче. Товарищи... Понятное, ясное дело. А тут... — Он махнул

рукой. — Если бы не «Подснежник», удавиться можно. Может, поедем, шеф?

— Поехали, маршал.

«Подснежник»... Так назывался придорожный ресторанчик вблизи аэродрома. Посматривая сбоку на шофера, Субботин думал, случайно ли упомянул Поль о «Подснежнике». Дело в том, что со вчерашнего дня этот ресторанчик стал для Субботина местом явки для связи со своими. Все же, скорей всего, Поль болтал по простоте душевной. Но все равно нужно быть начеку...

Курсантов Субботин застал всех дома. Они не расходились после ужина. Настроение у всех было неважное. Заметив это, Субботин сделал вид, что вечерние прыжки прошли нормально, и, ничего о них не говоря, стал смешно рассказывать, как он сам прыгал в первый раз. Так как он действительно прыгал, его рассказ был полон деталей, только что пережитых курсантами. На их лицах затеплились улыбки...

Курсанты разошлись по комнатам и легли спать. Субботин зашел к дежурному по штабу и посмотрел сводку погоды на завтра. Из аэродромного бара доносился гомон голосов, музыка. Субботин через штабную проходную вышел с аэродрома и направился в «Подснежник».

Маршал Поль был там и уже успел выпить. Самое смешное (а может, тревожное?), что он сидел за одним столиком со связным Субботина. Это был пожилой, плохо побритый человек с оплывшим лицом пьяницы. Хозяин дремал, прислонившись к буфету. Кроме них, в ресторанчике никого не было. Посетители из местных жителей уже разошлись по домам. На столе стояла начатая бутылка виски. Наверно, ее принес с собой Поль.

— Шеф! Сюда! Сюда! — закричал Поль.

Хозяин ресторана встрепенулся. Субботин сделал жест, чтобы он не беспокоился.

— Садитесь, шеф. Знакомьтесь. Зовите его Фрицем... Хотя он говорит, что он Ганс... — Поль пьяно рассмеялся. — Хотите, шеф, послушать идиота? — Поль показал на своего собутыльника. — Он только что убеждал меня, что их Гитлер — гений, которого не поняли. От этого, он говорит, и пьяницей стал. С горя, так сказать... Господин Фриц, а ты, может, ненормальный?

Ганс обиженно отвернулся.

— Не надо смеяться над ним, — по-английски тихо сказал Субботин. — Лучше налей мне немного.

Поль встал, неуверенной походкой сходил к стойке за стаканом и вернулся. Пока он ходил, за столом прозвучали две фразы шепотом.

— Он не пытался что-нибудь узнать? — спросил Субботин.

— Успокойтесь. Тоскующий щенок, не больше... У вас что-нибудь есть?

Субботин отрицательно покачал головой.

Поль налил Субботину виски, чокнулся с его стаканом и выпил. Субботин сделал глоток и поставил стакан.

— Нельзя, — улыбнулся он шоферу. — Ты хочешь, чтобы твое начальство выгнало меня?

Последовало неожиданное. Поль ударил кулаком по столу и крикнул:

— Хочу! Да, хочу, чтоб вас выгнали! Вы, шеф, — хороший человек. Поля не обманешь, у меня на людей нос шоферский. Так слушайте, шеф... Вы хороший человек, а занимаетесь дерьмом.

— Что ты болтаешь? — обиделся Субботин. — Выпей сельтерской — промой мозги.

Но Поля остановить было уже нельзя. Он схватил Ганса за руку:

— Ты послушай, Фриц, я скажу тебе, чем он занимается...

— Молчать! — тихо, но властно приказал Субботин. — Забыл, что ты на военной службе? Забыл, что для болтунов есть военный суд?

Поль смотрел на Субботина глазами, полными ненависти, но тут же ненависть в его глазах погасла, руки безвольно упали, точно он хотел встать по стойке «смирно». И вдруг он заплакал, молча, с окаменевшим лицом, по которому стекали слезы.

Ганс наклонился к нему через стол:

— Слушай, друг, как тебе не стыдно? Ты же мужчина.

— Мне надоело... — по-детски всхлипнул Поль. — В аэродромный бар мне войти нельзя — там для офицеров. Здесь я тоже не человек... — Он резко повернулся к Субботину. — Идите, шеф! Сообщите все начальству! Пусть меня судят! — В глазах его снова появилась ненависть. — Но будет суд и вам за ваши дерьмовые дела! Будет!

Поль встал и, не оглядываясь, пошел к двери.

— Интересно? — тихо спросил Субботин.

— Весьма, — отозвался Ганс.

— Спокойной ночи. Я догоню его. Как бы он там не нарвался на скандал...

На шоссе Субботин нагнал Поля и взял его под руку. Тот не сопротивлялся. Не разговаривая, они дошли до аэродрома. Субботин подтолкнул Поля вперед, и он благополучно миновал задумавшегося часового.

Вылет курсантов был назначен в ночь под воскресенье. Субботин узнал об этом только в пятницу вечером и очень встревожился. Пока он знал только то, что агенты будут сброшены парами, одновременно с трех самолетов. Но он до сих пор не смог узнать места выброски. По некоторым данным он мог только догадываться, что районом действий всех шести агентов должна быть Белоруссия.

Субботин отправился к майору Лавенсу, но тот точного адреса выброски, по-видимому, тоже не знал.

— Да и зачем вам это? — насмешливо спросил он. — Насколько я понимаю, вы же сами не летите.

— Но мои-то люди должны знать?

— Когда будет нужно, им скажут, — ответил майор и, улыбаясь, добавил: — По мнению инструктора по парашютам, ваши парни храбрые, как львы. Им, наверно, наплевать, куда прыгать, хоть в ад.

— Храбрость, майор Лавенс, не учебный предмет. Она или есть в крови, или ее нет! — зло сказал Субботин.

— О-о, наука о храбрости не моя специальность, я — пасс! — Майор, смеясь, поднял руки.

В это время вошел приземистый офицер со знаками различия капитана. Увидев майора с поднятыми руками, он спросил:

— Разучиваете, майор, любимый жест немецких генералов?

— Мне предложена научная дискуссия о храбрости, но я — аллес капут.

Капитан удивленно посмотрел на Субботина, который сидел с непроницаемым лицом.

— Это руководитель группы русских храбрецов, — пояснил Лавенс.

— А-а! — Капитан засмеялся. — О ваших героях по аэродрому легенды ходят. Вы их кальсоны проверяли — в порядке?

— До этого не дошло! — Субботин тоже засмеялся. Он решил поддержать смешливое настроение американцев. Вдруг это что-нибудь даст? И он не ошибся.

— А помните, майор, того рыжего поляка? — Капитан еле сдерживал смех. — Этот поляк, — продолжал он,

обращаясь уже к Субботину, — во время ночного прыжка успел сделать все, что делают дети, сидя на горшке. На земле его ищут и не могут найти. Кричат, зовут — пропал поляк! Целый час искали, пока нашли. Сидит наш поляк голый у речки и белье стирает... — Капитан зашелся от смеха.

Вовсю смеялись и Лавенс с Субботиным.

Теперь Субботин решил сам посмешить американцев.

— Это что! — сказал он. — А вот я слышал про случай похлеще. Забросили одного на Украину. Он приземлился... возможно, тоже бельишко постирал и явился в назначенный город. Живет там день, другой. От страха чуть не умирает. И решил: самое лучшее — сдаться. И вот на улице останавливает он прохожего и говорит ему: «Слушайте, я шпион, сведите меня куда надо». Прохожий от него бегом. Он к другому: «Слушайте, я шпион...» Короче говоря, его забрали и посадили в сумасшедший дом.

Американцы хохотали до слез.

— Как же вы узнали об этой героической истории? — спросил Лавенс.

— Говорят, русские в своих газетах фельетон об этом напечатали.

— Да, что ни говори, тяжелая у вас работа! — смеясь, сказал Лавенс.

— Дорогой майор, я все-таки иду в бар. — Капитан встал. — Не составите ли вы мне компанию на часок?

— Увы! — Майор показал на телефон. — Должно звонить начальство.

Субботин вышел вместе с капитаном. У входа в бар они остановились.

— Может, зайдете? — спросил капитан.

— С удовольствием...

Они сели рядом у стойки и заказали коньяк.

Спустя час Субботин уже знал, кому на аэродроме раньше всех известен точный адрес выброски. Капитан рассказал, что летчики узнают этот адрес очень просто — в метеобюро. Синоптики получают адреса раньше всех.

Уже глубокой ночью Субботин зашел в метеобюро. Дежурный спал, положив голову на сцепленные руки. Субботин разбудил его и строго спросил:

— Как с погодой на моем завтрашнем ночном маршруте?

— Это на Кипр, что ли? — зевая, спросил дежурный.

— Какой там Кипр? В Советский Союз!

— Советский Союз... Советский Союз... — бормотал дежурный, отыскивая какую-то бумагу. — Вот. На ноль часов завтрашняя перспектива выглядит так: район Барановичи — облачность, дождь... в общем, то, что надо. Район Бреста тоже, а вот в районе Витебска хуже: там будет ясно. Но нам сказано: полеты не отменяются. Более свежие данные будут завтра на пятнадцать ноль-ноль.

— Спасибо, дежурный. Спокойной ночи.

50

В субботу утром на аэродром приехал Гарц. В это время курсанты под руководством парашютного инструктора занимались подгонкой снаряжения. Занятие происходило на лужайке возле домика, где жили курсанты. Субботин сам проверял точность подгонки и в это время незаметно делал микроснимки каждого курсанта. Заметив мчавшуюся к домику машину Гарца, Субботин приказал курсантам построиться в шеренгу. Сделан еще один снимок — групповой.

Получилось нечто вроде парадного смотра. К вылезшему из машины Гарцу подошел Субботин:

— Проводится последнее занятие. Подгонка снаряжения.

Гарц подошел к шеренге:

— Здравствуйте, господа...

— Здравствуйте, мистер! — вразнобой ответили курсанты.

Субботин сделал еще один снимок: Гарц перед строем курсантов. Этот снимок очень пригодится, когда Гарц и другие начнут уверять мир, будто посылка диверсантов в Советский Союз — чисто внутреннее дело русских...

— Я приехал, чтобы проводить вас в путь, — продолжал Гарц. — Вы должны знать, что с момента старта самолетов у меня будет только одна обязанность: дер-

жать связь с вами, а после выполнения вами задания обеспечить ваше возвращение сюда. Для нас незыблем простой принцип: каждое сделанное дело заслуживает благодарности. Я не могу сказать, что вам предстоит дело легкое. Но я не могу и сказать, что оно невыполнимое. Особенно когда я знаю, какая колоссальная техническая мощь мобилизована, чтобы помочь вам и в деле и чтобы благополучно вернуться на Запад. И все же... все мы понимаем, что лично ваша заслуга в выполнении заданий будет весьма значительна. Достойной будет и благодарность. Дело, на которое вы идете, может вам стоить жизни, если вы совершите промах, ошибку. Но оно и обеспечит вам всю вашу дальнейшую жизнь после возвращения. Я хочу, чтобы вы это знали и всегда помнили. Вот на днях возвращается ваш товарищ по школе мистер Барков, блестяще выполнивший очень трудное задание. В отношении его я получил очень простой приказ: предложить Баркову обеспеченную жизнь в любой стране по его выбору. Будут в свое время получены такие же приказы и о вас... Последнее. Всегда помните: вы не просто солдаты, вы солдаты политики. Великой освободительной политики, от грядущей победы которой зависит судьба и вашей великой родины. Желаю вам успеха...

Гарц спросил, нет ли к нему вопросов. Отозвался один Константин Ганецкий.

— Можно ли, — спросил он, — в случае крайней необходимости просить защиты у вашего посольства в России?

— Ни в коем случае! — мгновенно и со злостью ответил Гарц.

Курсанты продолжали заниматься подгонкой снаряжения, а Гарц, позвав Субботина, направился в домик. Субботин шел за ним, думая о двух вещах: неужели Гарц сказал о возвращении Баркова правду? Почему в его речи было так мало политики?

В комнате Субботина Гарц сел к столу и задумался. Лицо у него было рассерженное. Субботин стоял возле двери.

— Как вам понравился вопрос вашего курсанта? — спросил наконец Гарц.

— Вопрос глупый, — пожал плечами Субботин.

— Идиотский! — выкрикнул Гарц. — И он свидетельствует об отсутствии политического понимания своего дела.

— Вы правы... Я, между прочим, недоумеваю, почему вы почти ничего не сказали им о политической сущности операции.

Гарц метнул на Субботина бешеный взгляд:

— «Почему, почему»! Тупоголовые деятели в генеральских мундирах есть всюду! И у нас они есть! Видите ли, новое веяние объявлено! Политика-де для перемещенных — ненадежная гарантия. Главное — деньги, ожидание райской жизни!

— Между тем русские как раз очень склонны именно к политике, это уже в их советских привычках, — сказал Субботин.

— Я тоже так думаю. Ну вот, а в результате у них возникает мысль бежать в посольство. Это же от полного непонимания политической сути операции!

Так Гарц приоткрыл Субботину очень важное обстоятельство: они не верят в политическую преданность перемещенных. Ну что ж, узнать это очень приятно. Теперь о Баркове...

— Я думаю, — сказал Субботин, — что по этой же причине они равнодушно отнеслись и к сообщению о возвращении Баркова.

— А вы не проболтались им о его провале? — быстро спросил Гарц.

— Вы считаете меня дураком?

Гарц помолчал.

— Да, факт: ни на одном лице я не заметил радости по поводу возвращения товарища. У них, очевидно, эта новость может вызвать только одно чувство — зависть.

— Это тоже сильное чувство, — заметил Субботин.

— Возможно. Но не главное же? И мы сами даем основание Москве кричать, что мы засылаем к ним мелких уголовников.

— Хорошо было бы, если бы перед ними выступил сам Барков, — задумчиво сказал Субботин. — Жаль, что он не вернулся чуть раньше.

Гарц насмешливо посмотрел на него:

— Боюсь, что ждать его пришлось бы слишком долго...

— Я думал... — Субботин растерянно запнулся.

— Он думал! — усмехнулся Гарц. — А еще хотите, чтобы я считал вас умным!

Так, все ясно: сообщение Гарца о Баркове было ложью.

— Что будут делать курсанты до вечера? — спросил Гарц.

Субботин посмотрел на часы:

— Сейчас они закончат подгонку снаряжения. Больше не будет никаких занятий. В шестнадцать ноль-ноль прощальный обед. Потом — сон. Подъем — за час до старта. Инструктаж штурмана по карте и вылет.

— Обед нужно провести в непринужденной и даже веселой обстановке. Будет вино и виски. Я уже распорядился.

— Очень хорошо. Я тоже думал об этом. Вы на обеде будете?

— Скорей всего, нет. Пусть за столом будут только русские. Русская речь. Русские привычки. Я их могу стеснить.

— Пожалуй, вы правы.

До обеда Субботин не смог сходить в «Подснежник» — Гарц оставался на аэродроме. Перед самым обедом он вернулся из штаба в домик и застал Субботина сидящим в кругу курсантов на лужайке. Все хотели встать.

— Сидите, сидите! — Гарц жестом подозвал Субботина. — Что у вас происходит?

Субботин улыбнулся:

— Пытаюсь восполнить пробел насчет политики. И знаете, что я вам скажу? Они на удивление хорошо понимают суть своего дела.

Гарц кивнул головой:

— Я приеду к старту.

Субботин вернулся к курсантам, чтобы продолжить с ними весьма важный разговор.

— Да, так какой у вас вопрос, Ганецкий? — спросил он, садясь в кружок.

— Меня интересует, когда все же следует прибегать к яду?

Субботин видел устремленные на него напряженные взгляды.

— Вопрос очень важный... — Субботин помолчал. — Тут главное — не проявить в панике глупую поспешность. Ведь исправить такую ошибку нельзя... — Субботин улыбнулся. — Значит, надо стараться ее не совершить. Прибегнуть к этой мере следует только тогда... — Субботин подчеркивал каждое слово, — когда уже совершенно ясно, что другого выхода нет. Когда совершенно ясно. Понимаете?

Курсанты дружно закивали головой, и в их глазах Субботин увидел нечто похожее на радостное удовлетворение. А он только этого и добивался...

Обед получился невеселым. Даже виски не помогло. Опьяневший больше других Ганецкий вдруг предложил петь советские песни. Стали выяснять, какую песню все помнят.

— Отставить! — строго приказал Субботин. — Не хватало еще, чтобы на аэродроме услышали советские песни!

Курсанты угрюмо молчали или тихо переговаривались о чем-то своем.

— Иван Иванович, а вы давно оттуда? — вдруг спросил Ганецкий.

Субботин усмехнулся:

— Вовремя... Вот так я отвечу...

— Были там с заданием? — не отставал Ганецкий.

— Было и это.

— Как же вы вернулись... — Ганецкий покраснел. — Нет, я хотел спросить: трудно было вернуться?

— Не очень легко, но и не очень трудно.

Последовал вопрос неожиданный:

— А вам не предложили обеспеченную жизнь в любой стране мира?

— Моему текущему счету вы можете позавидовать, — улыбаясь, ответил Субботин. — Но я решил не прекращать работы, пока Россия не будет освобождена от коммунистов.

Курсанты переглянулись почти с откровенным недоверием.

Но вот все разошлись по комнатам. В домике стало

тихо. Субботин, запершись у себя, написал краткое шифрованное донесение. Завернул в него вынутую из микрофотокамеры похожую на бельевую пуговицу кассету.

В «Подснежнике» в этот час было еще не многолюдно. Но завзятый пьяница Ганс, конечно, был уже здесь; он сидел за столиком в темном углу ресторанчика. Субботин сел за свободный столик в другом углу, попросил пива и газету. Минут через пятнадцать Ганс покинул свой угол и, пошатываясь, начал обход столиков, прося угостить его пивом. От него отмахивались. Так он дошел до столика Субботина.

— Ладно, кружку пива получишь, — нарочито громко сказал Субботин.

Ганс подсел к столику. Кельнерша принесла ему кружку пива. Субботин продолжал читать газету. Ганс приставал к нему с пьяными вопросами.

Субботин сердито отодвинул газету:

— Ты просил пиво? Получил. Так хоть не мешай мне...

Субботин снова взял газету. Там, где она лежала, за солонкой, остался малюсенький бумажный сверточек.

— Извиняюсь... — покорно пробормотал Ганс. — Посолю пиво и удалюсь.

Ганс ушел...

Субботин облегченно вздохнул. После этого он почти целый час продолжал потягивать пиво и читать газету. А потом тоже ушел.

51

Гарц приехал перед самым стартом. Он пожал руку каждому курсанту и пожелал успеха. Началась посадка в самолеты. Солнце только что зашло. Медленно надвигался летний вечер. Его тишину взорвал рев запущенных моторов. Субботин вздрогнул.

— Я вижу, вы волнуетесь? — спросил Гарц.

— Еще бы! — Субботин помолчал.—Теперь начинается экзамен мне.

— Да, вы правы: очень серьезный экзамен. Плохо, что все они оказались, мягко говоря, не очень храбрыми. На аэродроме о них говорят с издевкой.

— Нельзя учить прыжкам накануне заброски! — раздраженно сказал Субботин.

— Вы правы, правы, — задумчиво проговорил Гарц. — Нужно это делать в школе.

— Конечно... Мне теперь возвращаться в школу?

— После вылета. Мы поедем с вами в радиоцентр и пробудем там, пока не придут сообщения от агентов. А потом, я думаю, вы сами займетесь подбором новых и более крепких людей. Ну, а затем, конечно, опять в школу.

— А как с группой немецкой?

— Сегодня они тоже уезжают в Берлин и оттуда перейдут в Восточную Германию. Эти парни, кажется, покрепче.

...Самолеты взлетели один за другим с паузами в несколько минут. Ночь встретит их вблизи советской границы. Ну, а там все готово к приему непрошеных гостей. В этом Субботин был уверен. Его охватило такое радостное чувство, что он тихо рассмеялся. Гарц, к счастью, этого не заметил.

Спустя час они уже подъезжали к радиоцентру на окраине Мюнхена.

Небольшое здание, не видимое с улицы, стояло в глубине большого сада. Все окна зашторены. Солдат проводил их по темной аллее к дому и показал на дверь:

— Сюда.

За дверью их встретил другой человек и провел в комнату, где вдоль стен стояла радиоаппаратура. Пятеро радистов с наушниками чуть пошевеливали верньеры настройки. За маленьким столиком сидел офицер. При появлении Гарца и Субботина он встал.

— Пока все идет нормально, — доложил он. — Самолеты точно соблюдают график. Выброска произойдет примерно через три часа.

Гарц молча сел в кресло. Он волновался. Субботин сел у двери. Гарц сделал знак пододвинуться поближе.

— Подлетая к границе, летчики прекращают радиосвязь. Нет ничего хуже томления в неизвестности, — тихо сказал Гарц. Потом он долго молчал, не сводя глаз с радистов.

Те, словно окаменев, неподвижно сидели с карандашами, готовые в любое мгновение записать радиограм-

мы, которые прилетят из далекой, неведомой им Белоруссии. Все три пары агентов после приземления, прежде чем запрятать свои рации, должны сообщить, что у них все в порядке.

— Все-таки ваша Россия, — сказал Гарц, — проклятая страна. Никогда не можешь быть уверен в успехе.

Субботин молчал. Нетрудно догадаться, что слышать это ему было весьма приятно и даже лестно.

— Вот, говорят, загадочная русская душа, — продолжал Гарц. — Вообще-то я ругаюсь, когда так говорят, запугивая самих себя. Но все же какая-то правда в этих словах есть. — Гарц посмотрел на Субботина и рассмеялся. — А с другой стороны, что загадочного, скажем, в вас?

Субботин пожал плечами...

Около полуночи один из радистов начал что-то быстро записывать.

Дремавший Гарц вскочил и, подбежав к радисту, смотрел через его плечо, что тот писал.

Субботин замер. Неужели его питомцы проскочили, никем не встреченные? Он не мог знать, что в операцию по поимке разведчиков входило и это: дать одной паре возможность — так сказать, для правдоподобия — осуществить немедленную связь с центром.

В принятой и немедленно расшифрованной радиограмме говорилось:

«Приземлились точно и благополучно. Прячем снаряжение и уходим согласно плану. Номер три».

Больше до утра никаких сообщений принято не было.

Субботин нервничал, хотя отсутствие сообщений от остальных агентов не могло не радовать его.

— Ничего, ничего! — утешал его Гарц. — Терпение, мистер Скворцов! Выброска — это не прогулка туристов.

Но сообщений не было и в течение следующих суток. Только в начале третьих суток пришла радиограмма от пары номер один, в которой находился несостоявшийся писатель Константин Ганецкий. Разведчики сообщали, что их выбросили неточно, что они сутки блуждали, пока добрались до леса. Теперь все в порядке — они уходят согласно плану.

— Видите, Скворцов, наше с вами терпение вознаграждено. Из трех брошенных нами зерен два уже дали

всходы. Если третье не взойдет, все равно мы с вами можем быть довольны. Я лично рассчитывал максимум на одно зерно. Поздравляю вас!

— Спасибо.

Субботин был не на шутку встревожен.

Неужели подвела цепочка связи?.. Он опять-таки не знал того, что пара номер один свое донесение передала уже из здания госбезопасности и что эта пара, как позже и третья, до поры до времени будет по указаниям чекистов мистифицировать американскую разведывательную службу своими боевыми радиодонесениями.

52

Утром Гарц выдал Субботину довольно крупную сумму денег и сообщил, что новая группа курсантов будет набираться в Гамбурге. А теперь ему предоставляются сутки полного отдыха. Субботин поблагодарил Гарца и сказал, что немедленно отправляется в поход по магазинам.

Выйдя из отеля, Субботин действительно побывал в нескольких магазинах. С ворохом покупок в руках он возвращался в отель. Подошел к газетному киоску. Амалия Штерн протянула ему несколько газет:

— Шифр девять...

В номере Субботин нетерпеливо раскрыл газету и отыскал нужный ему абзац:

«Все в полном порядке. Поздравляем. Немедленно возвращайтесь домой. В одиннадцать часов вечера возле кирхи Петра будет стоять такси № БТ 30555».

Первой мыслью Субботина было недоумение: зачем возвращаться домой, если есть возможность продолжать работу по провалу вражеской агентуры?

Однако Субботин понимал и другое: затягивать эту рискованную игру опасно. Наконец, Субботин был человек военный, и приказ для него был приказом. Начальство знает, что делает.

Субботин зашел в номер Гарца:

— Мистер Гарц, поскольку вы однажды высказали желание знать, где я в каждое время суток, ставлю вас в известность, что вечером я смотрю ревю, а потом по-

зволю себе выпить и всячески развлечься. Всячески, мистер Гарц...

— Сегодня ваш день, — засмеялся Гарц. (Субботин видел, что он в хорошем настроении.) — Но все же удержитесь от лишнего.

Субботин рассмеялся:

— До завтра, мистер Гарц!

Гарц помахал ему рукой.

* * *

На другой день Субботин уже находился в кабинете полковника Семина. Здесь была вся оперативная группа Рычагова. Полковник с доброй улыбкой оглядел всех и встал:

— Спасибо, товарищи, за отличную службу!

Все участники группы тоже встали, их глаза радостно блестели.

Как в это время чувствовал себя мистер Гарц, предположить нетрудно.

ВАСИЛИЙ АРДАМАТСКИЙ

Говорят, что писателем надо родиться Может быть, это и верно, но не менее верно и другое. Для того чтобы стать писателем, мало иметь литературные способности, нужны еще знания, а точнее, то, что называется опытом жизни. Вот почему в литературу чаще всего приходят люди не со школьной скамьи, а, как говорится, из жизни. Переберите имена большинства любимых своих писателей, и вы узнаете, что одни из них были рабочими, другие — журналистами, третьи — педагогами, четвертые — врачами, пятые — воинами .. Прежде чем стать писателем, каждый полюбившийся вам автор книги занимался в жизни чем-то другим, а часто и более того — сменил десятки профессий и прошел через десятки порой самых обыденных, но полезных и нужных стране и ее жителям дел .

Я не случайно начинаю именно с этого, говоря об авторе повестей, которые вы только что прочитали. Читателю всегда интересно узнать что-то о писателе, узнать то, о чем не узнаешь из самой книги

Василий Иванович Ардаматский — автор повестей «Я 11-17» и «Ответная операция», повестей увлекательно, интересно и талантливо рассказывающих о героических делах наших разведчиков (а кто из нас не любит читать о разведчиках!), — написал и другие отличные книги о советских бойцах «тайного фронта». Назову самые популярные и известные из них, которыми вот уже не первый год зачитываются не только мальчишки и девчонки, а вполне взрослые, солидные «дяди» и «тети»: это — роман «Сатурн» почти не виден» и повесть «Грант» вызывает Москву».

Так, может быть, автор всех этих книг сам был разведчиком? Откуда же он знает об этом так точно, во всех деталях и подробностях? Так точно, что ни один самый опытный разведчик не придерется?..

Но ведь задолго до появления этих книг Василий Ардаматский написал несколько книг о летчиках: «В полет!», «Они живут на земле», «Звезды в полдень». И читателю так же полюбились эти книги, потому что они были написаны с полным знанием дела.

И опять вопрос: не был ли автор летчиком, прежде чем написал эти книги?

А еще раньше, в трудном сорок третьем военном году, у Василия Ардаматского вышла книга рассказов «Уменье видеть ночью», книга, посвященная бессмертному подвигу славных защитников Ленинграда — воинов разных родов войск и самых что ни на есть штатских жителей города, выдержавших и победивших фашистскую блокаду. И если бы вы сегодня прочитали эту книгу, у вас наверняка возникло бы сразу несколько вопросов: наверно, автор ее был и пехотинцем, и артиллеристом, и сапером, и полковым разведчиком, и одновременно ленинградцем, который голодал и холодал в осажденном городе?..

Да, Василий Ардаматский был и воином всех родов войск в годы войны, и летчиком задолго до войны, и разведчиком. Был, не будучи зачислен формально ни на одну из этих должностей. Был, потому что писатель, о чем бы он ни писал, должен знать не только человека, о котором он пишет, а и его дело, то есть его профессию. Знать точно так же, как ее знает герой. Точно так же приходится перевоплощаться актеру театра и кино, художнику — в общем, каждому, кто занимается творчеством. В этом, пожалуй, и есть самое большое чудо и сложность работы писателя, художника, актера, композитора, музыканта ..

Тут мне хочется вспомнить мое детство и историю знакомства с Василием Ивановичем Ардаматским. Эти воспоминания, возможно, что-то добавят к рассказу.

В двадцатые годы я лишь появился на свет и потому, естественно, не мог читать книжки. В годы тридцатые, когда я, мальчишка, считал себя уже вполне зрелым и сознательным человеком, я не встречал на обложках прочитанных мною книг имени Василия Ардаматского. А вот голос будущего писателя Василия Ардаматского слушал очень часто. Слушал его рассказы о первых крупных стройках и переменах в деревне; о спасении челюскинцев и потрясающих по тому времени полетах наших летчиков: Чкалова, Гризодубовой, Осипенко, Байдукова, Громова, Юмашева, Белякова; о первой экспедиции на Северный полюс и о девушках, уезжавших осваивать малознакомый в то время Дальний Восток; о пограничниках и красноармейцах, сражавшихся у озера Хасан и на Халхин-Голе, и об установлении по воле народов Прибалтики Советской власти в Латвии, Литве и Эстонии. И еще о многом другом, чего не забыть советским людям — ни нам, старшим, ни вам, младшим...

Двадцать пять лет проработал Василий Ардаматский на радио, прежде чем предстать перед нами в качестве писателя Исколесил всю страну из конца в конец, объездил многие зарубежные страны, а главное, повстречался и подружился со многими интересными людьми. С летчиками, о которых стал потом писать книги. С разведчиками и их славными делами, о которых писал и пишет по сей день. С воинами в осажденном Ленинграде, о которых родилась его первая книга, открывшая нам Василия Ардаматского, как писателя, еще в годы войны .

Со времени выхода первой книги Василия Ардаматского «Уменье видеть ночью» прошло более двадцати лет. И все же он сохранил завидное качество молодости, неуемности, беспокойства,

И ныне ездит он так много и часто, что застать его дома почти невозможно; и ныне в эфире звучит его знакомый голос: сегодня — с Красной площади в день Октябрьского праздника, завтра — в день встречи очередного космонавта... И не только в праздники: в будни он говорит о литературе и о жизни страны, о новом фильме и любопытной выставке...

Каждый год выходят новые книги Василия Ардаматского. Вот уже многие годы писатель посвятил себя благородной теме — рассказу о подвигах наших разведчиков, о героических делах советских людей, попавших в тыл врага.

Обычно книги, посвященные этой теме, называют у нас приключенческими. Приключенческие книги вызывают большой интерес у читателей всех возрастов, и, конечно, прежде всего, у юных читателей. Но именно поэтому, наверное, у нас наряду с хорошими книгами появляется немало книг слабых, а подчас и просто плохих, написанных по принципу: приключенческое — значит, сойдет.

Мне думается, что и юный читатель сумеет отличить книгу настоящую, талантливую от книги бездарной, плохой. Он поймет, что такое хорошо, а что такое плохо. И что повести В. Ардаматского «Я 11-17» и «Ответная операция» — умные, тонкие, по-настоящему художнические книги.

К слову, возможно, стоит здесь вспомнить о том, что первую свою так называемую «приключенческую» книгу Василий Иванович Ардаматский написал после... прочтения одной бездарной книжки.

«Это была книжка, каких мы читали немало, — вспоминает он — Книжка про седовласых полковников, ни в чем не ошибающихся, имеющих гениальный ум и стального цвета глаза, и про вражеских шпионов-дураков. Было стыдно читать такое... Вот тогда я и попробовал написать повесть про разведчиков «Опасный маршрут». За ней «Я 11-17», «Ответную операцию». И то и другое написал, так сказать, со злости. И снес их именно в детское издательство, потому что считал «главными жертвами» бездарных приключенческих поделок нашу пытливую детвору. В своих книгах я пытался и пытаюсь рассказать ребятам, что советская разведка — это умный, тонкий, тяжкий и опасный труд, который по силам не каждому...»

Именно таким предстает перед нами труд советских разведчиков в повестях Василия Ардаматского «Я 11-17» и «Ответная операция», которые легли под одну обложку в этой книге.

Сергей БАРУЗДИН

Н. Томан

ЧТО ПРОИСХОДИТ В ТИШИНЕ

Взрыв произойдет сегодня

В погоне ЗА ПРИЗРАКОМ

« Made in... »

ЧТО ПРОИСХОДИТ В ТИШИНЕ

КОМАНДАРМ АНАЛИЗИРУЕТ ОБСТАНОВКУ

Шел дождь, обычный в Прибалтике: мелкий, надоедливый. Ветровое стекло машины покрылось мельчайшим бисером брызг. Беспрерывно двигавшиеся по стеклу щетки уже не в состоянии были сделать его прозрачным. Командарм поднял воротник кожаного пальто и надвинул на глаза фуражку. Казалось, он погрузился в дремоту, забыв о генерале Погодине, которого специально взял в свою машину. Погодин догадывался, что предстоит серьезный, скорее всего неприятный, разговор, и терпеливо ждал.

Командарм, пожилой, полный, даже, пожалуй, несколько тучный человек, всегда удивительно бодрый и не по годам подвижной, всей своей крупной,

ссутулившейся теперь фигурой выражал крайнюю степень усталости. Погодин знал до мельчайших подробностей распорядок его дня, из которого совершенно исключалось время на отдых. «Наверно, лишь в эти часы переездов из одной дивизии в другую, с одного фланга армии на другой ухитряется он отдыхать», — подумал Погодин.

Но едва мелькнула подобная мысль, как командарм, не поворачиваясь к Погодину, сказал густым, низким голосом:

— Считаешь, наверно, что заснул старик? Нет, я не сплю... Неважный выдался денек сегодня. Что ты на это скажешь?

И опять последовала пауза, длинная, томительная. Погодин знал характер командарма и не спешил с ответом.

Машина, подпрыгивая на стыках щитов, катилась лесной просекой по узкой колее дощатого настила. По бокам мелькали, будто отлитые из бронзы, мощные стволы сосен. Впереди двигалась автоколонна с реактивными снарядами. Сзади наседали три тяжело нагруженных «ЗИСа». Машина командующего была зажата между ними и не имела возможности выскочить вперед даже на разъездах.

Командарм, всегда требовавший от своего шофера непременного обгона попутных автомашин, сегодня, казалось, даже не замечал, что его водитель не может вырваться на свободную дорогу.

— Так вот, — после долгого молчания сказал наконец командарм, — любопытно мне, Михаил Алексеевич, твое мнение о причине неуспеха нашей сегодняшней операции.

Погодин по-прежнему молчал. Он знал, что командарм не станет выслушивать его мнение, прежде чем не выскажет своего. Погодин давно привык к такой манере командующего развивать свою мысль.

— Не кажется ли тебе странной быстрота, с которой противник успевает подтягивать свои резервы в направлении нашего главного удара? — снова спросил командарм.

Замолчав, будто ожидая ответа, он принялся старательно протирать потное ветровое стекло. Потом реши-

тельно повернулся к Погодину и продолжал, понизив голос:

— А теперь слушай меня внимательно. Если искать объяснение нашему сегодняшнему неуспеху, его нетрудно найти. Мы начали стремительную атаку, но не смогли выдержать ее темпа. В результате наметившийся у нас прорыв тактической глубины обороны противника так и не получил развития.

Машина дрогнула и остановилась, но командарм даже не обратил на это внимания. Все тем же негромким, спокойным голосом он продолжал развивать свою мысль:

— Тут, конечно, возникает вопрос: почему? А потому, что противник успел подтянуть имевшиеся у него резервы. Вот тебе и объяснение. Оно формально вполне приемлемо и достаточно убедительно. Однако если мы посмотрим глубже, если постараемся не только оправдаться перед начальством, но и самим себе объяснить создавшееся положение, то дело примет несколько иной оборот. Так ведь?

— Так, — отозвался Погодин, глядя через плечо шофера, как впереди трогаются с места застрявшие было машины.

— Да, дело примет иной оборот... — задумчиво повторил командарм. — Окажется, например, что противник чересчур уж ретиво ринулся на парирование нашего удара. Скажу более: он ринулся с такой поспешностью, будто заранее был осведомлен об этом ударе. И знаешь, что во всем этом самое удивительное?.. — Командарм опять повернулся в сторону Погодина. Прищурившись, испытующе посмотрел ему в глаза и добавил, снова понизив голос: — Самое удивительное заключается в том, что заслон противника был рассчитан на парирование удара по меньшей мере трех корпусов, тогда как мы действовали всего лишь одним корпусом. Странно это, генерал?

— Странно, — согласился Погодин.

— А почему странно? Да потому, что мы первоначально в самом деле намеревались действовать тремя корпусами и лишь в самый последний момент изменили это решение. Не кажется ли тебе, что противник каким-то образом узнал о наших первоначальных планах?

— Да, кажется.

Щитовая колея дороги кончилась, начался жердевой настил. Машина сразу же запрыгала, затряслась мелкой дрожью. Разговаривать стало трудно, но командарм продолжал:

— И это не может не казаться подозрительным, ибо все крупные действия на фронте подчинены строгой закономерности. Как бы ни хитрил противник, что бы ни предпринимал в масштабе армии, я всегда найду этому объяснение. Мелкая часть, до батальона включительно, может менять дислокацию, перегруппировываться, наступать, отступать или обороняться — этому не сразу найдешь причину. Тут может быть много случайного. Но когда шевелятся дивизии, когда противник перемещает корпуса, я не могу не догадаться о причинах, которые вызвали подобные действия.

Машина подошла к штабу гвардейской дивизии и остановилась. Пока начальник штаба, предупрежденный дежурным, шел встречать командарма, тот закончил свой разговор с Погодиным.

— Короче говоря, Михаил Алексеевич, — сказал он, — я подозреваю, что на сей раз противник располагал точной информацией о наших намерениях. Твоя задача — выяснить источник этой информации. Чем скорее будет это сделано, тем лучше.

В МАЛЕНЬКОМ ДОМИКЕ

Капитан Астахов подошел к окну. По узкой, протоптанной через запущенные огороды тропинке шла Наташа Кедрова. Она пересекла уже небольшую полянку перед окнами дома, из которого наблюдал за ней капитан, и остановилась возле доски, где вывешивались свежие сводки Совинформбюро.

— Похоже, капитан, что вы неравнодушны к Кедровой, — усмехнулся стоявший позади капитана майор Гришин, начальник Астахова.

— Неужели похоже? — удивился Астахов.

— Да, очень.

— Она и в самом деле меня интересует. В ней есть что-то такое... и в характере, и во внешности. Обратили вы внимание на ее лицо? Я не художник, но мне кажет-

ся, что в нем есть удивительная четкость и законченность линий.

— Ого, как вы ее разрисовываете! — засмеялся Гришин. — Уж не влюблены ли?

Астахов сдвинул брови, поморщился и заметил холодно:

— Положительно не понимаю, почему нужно быть обязательно влюбленным в женщину, которая вас чем-нибудь интересует. Может быть, вы объясните?

— Мне нравится, товарищ Астахов, ваше серьезное отношение ко всему, но то, что вы не понимаете шуток, право, досадно, — по-прежнему продолжая улыбаться, заметил Гришин.

— Таких шуток я действительно не понимаю, — упрямо повторил Астахов.

— Ну хорошо! — согнав с лица улыбку, сказал майор уже совершенно серьезно, почти официальным тоном. — Не будем больше говорить об этом. Однако любопытно, чем же заинтересовала вас Кедрова?

Астахов видел, как Наташа, прочитав сводку, быстрой, легкой походкой прошла мимо домика, в котором он жил и работал вместе с майором Гришиным. Когда она скрылась за углом соседнего сарая, капитан отошел от окна и сел за стол против Гришина.

— Вы хотите знать, чем заинтересовала меня Кедрова? — спросил он. — У меня к ней, видите ли, профессиональный интерес.

Майор удивленно поднял брови.

— В ее поведении, да, пожалуй, и в характере, много непонятного для меня, — продолжал Астахов. — И вот я хочу понять, разгадать, вернее, даже решить это непонятное, как решил бы математик неожиданно попавшуюся ему сложную алгебраическую задачу.

Майору стоило больших усилий сдержать улыбку, но он сдержал ее и сказал наставительно:

— Математика — слишком абстрактная наука, нам же приходится иметь дело с явлениями очень конкретными.

— Это так, — согласился Астахов, — но и в нашем труде, и в труде математика есть много общего. Как ему, так и нам приходится иметь дело с неизвестными величинами.

Гришин не любил теоретических споров. Он не имел такого образования, как Астахов, пришедший в армию с последнего курса физико-математического факультета, и ему нелегко было тягаться с ним. Майору казалось даже, что широкая образованность Астахова толкает его на поиски отвлеченных сравнений, отрывает от жизни. Математика же и физика, которые изучал Астахов в университете, представлялись Гришину неприменимыми в их практике. Во всяком случае, до сих пор он лично вполне без них обходился.

«Вот если бы Астахов работал шифровальщиком, тогда познания его в математике пригодились бы, конечно...» — уже не в первый раз подумал Гришин о своем помощнике, но раздавшийся телефонный звонок прервал его мысли. Майор снял трубку.

Офицеры штаба армии обычно избегали в телефонных разговорах называть фамилии и звания старших начальников, однако по тону голоса Гришина, по тому, как он невольно выпрямился, Астахов догадался, что майор разговаривает с генералом. Ответы Гришина были предельно лаконичны.

Разговор длился не более нескольких секунд.

Положив трубку на телефонный аппарат, майор набросил на плечи шинель.

— Собирайтесь, товарищ Астахов, — сказал он. — Генерал вызывает.

— Что взять с собой? — спросил капитан. — Какие сведения? Он ведь не любит, когда к нему являются с пустыми руками.

— Как мне кажется, — заметил майор, — на этот раз ему понадобятся такие сведения, которых у нас с вами нет и добыть которые будет нелегко.

ГЕНЕРАЛ СТАВИТ ЗАДАЧУ

Разговор с командармом долго не давал покоя генералу Погодину. Он и сам все эти дни был встревожен положением на фронте, теперь же обстановка казалась ему почти угрожающей.

Из опыта боев Погодину было известно, что пехотные дивизии неприятеля, снятые с других участков

обороны, появлялись в районе прорыва через один-два дня. Более быстрое появление не могло не вызвать подозрений. В этом командарм был прав.

Приходилось допускать, что противник получал откуда-то информацию о намерениях армейского командования.

Генерал Погодин долгие годы боролся с разведкой противника и в совершенстве изучил повадки ее агентуры. Он знал, что многое в приемах врага повторялось, но никогда не подходил к решению той или иной задачи с предвзятым мнением. Напротив, он твердо был уверен — и всякий раз убеждался в этом, — что даже самый шаблонный ход неприятельского агента неизбежно заключал в себе элементы нового, характерного для создавшейся обстановки.

Погруженный в размышления, задумчиво прохаживался генерал Погодин по небольшой комнате своего штаба, когда адъютант доложил ему:

— Майор Гришин и капитан Астахов.

— Пусть войдут.

Разрешив вошедшим офицерам сесть, генерал, очень дороживший временем, тотчас же приступил к существу дела.

— Вы знаете, — сказал он, — что система работы штаба армии построена так, что штабные офицеры разных отделов обмениваются информацией только по крайне необходимым вопросам. Когда же командованием ставится серьезная оперативная задача, в разработке ее участвует еще более ограниченный круг лиц. К числу их относятся лишь немногие старшие офицеры управления армии.

Погодин внимательно посмотрел на своих подчиненных. Они слушали его сосредоточенно, но генерал хорошо понимал, что на каждого из них слова его оказывают различное воздействие. Гришин, например, прямолинеен, его аналитические способности невелики, однако он незаменим в проведении операций. Вряд ли предложит он оригинальное решение, но уже готовый план выполнит безукоризненно. Капитан Астахов неуравновешен и слишком доверчив, не обладает он и выдержкой Гришина, но зато отличается большой самостоятельностью.

— И вот, — продолжал Погодин, — несмотря на все принятые меры секретности, противник каким-то образом получил информацию о разработке последней нашей операции. Как он это сделал, я не знаю, но мы обязаны узнать источник его осведомленности в самое кратчайшее время. За всю нашу работу это первый случай, и он должен стать последним.

Генерал достал из стола ящик с папиросами, предложил закурить.

— Достаточно ли хорошо знаете вы офицеров и вообще весь личный состав, имеющий доступ к оперативным документам штаба? — спросил он после непродолжительной паузы.

— Полагаю, достаточно, — ответил Гришин.

— А я бы не осмелился на вашем месте отвечать так уверенно, — строго заметил генерал, — ибо самые обстоятельные знания о любом предмете, а тем более о человеке никогда не бывают исчерпывающими. Короче говоря, нужно еще раз присмотреться к людям.

ЛОГИКА КАПИТАНА АСТАХОВА

Капитан Астахов долго не ложился спать в эту ночь. Он сидел за своим маленьким, шатким столиком и чертил на листе бумаги какие-то замысловатые геометрические фигуры. Он делал это совершенно бессознательно, по давнишней привычке чертить или рисовать что-нибудь в часы напряженных раздумий. Ему всегда казалось, что такое занятие способствует плавному ходу мыслей, но сегодня и это не помогало.

Генерал предлагал еще раз присмотреться к штабным офицерам, вместе с которыми Астахов воевал вот уже четвертый год. Капитан наблюдал их изо дня в день и знал достаточно хорошо. Он был глубоко уверен, что здесь, на фронте, все познается быстрее и глубже, чем в любых других условиях. Астахов знал не только служебные качества каждого из этих людей, но и черты их характера. Не все они были достаточно хорошо образованы, не все одинаково талантливы, но все были подлинно советскими людьми. В этом у капитана не было никаких сомнений.

Прикидывал он и так и этак, но вера его в людей оставалась непоколебимой, а задачу все-таки нужно было решить. От ее решения зависела не только судьба этих людей, но, может быть, и судьба армии.

Бесплодно просидев до двух часов ночи, Астахов в начале третьего решил лечь спать. Он потушил свет и долго лежал с открытыми глазами. Ночь была тихая. Лишь изредка рокотали ночные бомбардировщики «ПО-2», направляясь к переднему краю, да с нудным гудом рыскал где-то неподалеку фашистский ночной охотник, высматривая машины с зажженными фарами. Иногда в районе железнодорожной станции глухо ухали тяжелые зенитки.

А сон все не шел. Голова продолжала лихорадочно работать. Лишь несколько успокоившись, Астахов стал рассуждать хладнокровнее. Отбросив все случайное, мешающее сосредоточиться, он решил несколько сузить свою задачу. Для него все время было бесспорно, что никто из офицеров штаба армии не мог быть прямым источником информации врага. Исчезновение подлинников штабных документов было маловероятным. Оставалось предположить, что каким-то образом исчезали из штабов и попадали к противнику оперативные документы в виде черновиков или копий.

Прежде чем ломать голову над тем, как могли черновики или копии документов исчезать из штабов, Астахов решил установить, какой из оперативных документов был особенно важным, может быть, даже собирательным, заключающим в себе весь замысел командования.

Капитан хорошо знал характер штабной работы и имел ясное представление обо всех основных документах, изготовляющихся при разработке операции. Из всего многообразия этих документов он выделил два основных вида: письменный и графический. В первом противника могло интересовать далеко не все, ибо в нем было много зашифрованных сведений, разобраться в которых нелегко. Зато второй вид документации — карты и схемы — был более ценен, ибо в них перечислялись части, участвующие в операции, районы их сосредоточения и маршруты следования. Графический

язык карт был лаконичен, ясен и прост. Он мог дать врагу почти исчерпывающие сведения. К тому же карта большей частью являлась первым, а иногда и единственным документом, на котором запечатлевался замысел командования.

Остановившись на том, что именно оперативная карта представляла основной интерес для противника, капитан стал размышлять, каким же образом она могла попасть к нему. Он слишком хорошо знал, как строго учитывается каждый изготовленный экземпляр оперативного документа, как уничтожаются черновики секретных бумаг. Оперативные же карты, вообще не имеющие черновиков, немедленно нумеруются и регистрируются как совершенно секретные, так что незаметное исчезновение их просто немыслимо.

Капитан Астахов дошел в своих размышлениях до этого пункта, но дальше так и не смог продвинуться.

В пятом часу утра пришел откуда-то майор Гришин. Не зажигая света, он быстро разделся и лег спать. Капитан Астахов не имел обыкновения расспрашивать своего начальника о том, куда он ходил, но, зная круг его обязанностей, всегда догадывался об этом.

Взбив соломенную подушку, Астахов натянул на себя одеяло и, закрывшись с головой, попытался заснуть.

Грохнул где-то совсем недалеко разрыв снаряда дальнобойного орудия противника. И снова наступила тишина, а сон все еще не шел к капитану. Не мог он и думать ни о чем ином, кроме штабной оперативной карты. И чем больше думал о ней, тем очевиднее для него становилось, что именно за этой картой охотился противник, ибо она давала ему не только исчерпывающие, но и наглядные сведения о наших намерениях.

РОЖДЕНИЕ ЗАМЫСЛА

Утром капитан Астахов явился к генералу Погодину. Генерал принял его довольно холодно и всем своим необычно официальным видом, слегка приподнятыми бровями и вопросительным взглядом, казалось, гово-

рил: «Не поторопились ли вы с визитом, молодой человек?»

Он жестом разрешил капитану сесть и принялся записывать что-то в блокнот. На Астахова это молчание подействовало удручающе, и он невольно подумал: «Не поторопился ли я в самом деле, не слишком ли быстро принял решение?»

Окончив довольно длинную и, как показалось Астахову, не очень срочную запись, генерал сказал коротко:

— Ну-с, слушаю вас.

Несмотря на невольное волнение и некоторую неуверенность, вызванную холодным приемом, капитан все же довольно твердо и четко изложил свою мысль.

Генерал выслушал его внимательно, не перебивая и не отвлекаясь ничем. И хотя мысль Астахова, видимо, показалась генералу несколько наивной, он не позволил себе улыбнуться, а, напротив, отнесся к словам капитана с должным вниманием и серьезностью, что, впрочем, не помешало ему заметить:

— Все это так, товарищ капитан, но этим вы не открываете ничего нового. Ценность карты для противника совершенно очевидна, однако получить ее не очень просто, тогда как короткое устное или письменное сообщение о том, что мы тогда-то такими-то силами и в таком-то направлении собираемся наступать, противника вполне бы удовлетворило. Это ведь гораздо проще и естественнее.

— Да, конечно, проще, — согласился Астахов, — но это только общее положение, а я беру частный случай. Если бы дело шло о широкой разработке операции с привлечением к делу большого количества исполнителей, то, конечно, правильнее было бы сделать ваше допущение, но ведь тут речь идет об очень ограниченном круге лиц, честность которых вне подозрений. Иными словами, я хочу сказать, что люди в данном случае не могли явиться источником информации.

— Вы имеете в виду больших начальников?

— Да.

— Но ведь, кроме них, могли иметь некоторое отношение к этому и другие работники штабов, — возразил

генерал. — Насколько мне известно, в штабе инженерных войск чертежница не такой уж большой начальник. Если мне не изменяет память, она всего лишь старший сержант.

— Так точно, товарищ генерал, старший сержант, но на сей раз она не имела отношения к карте. Это мне известно совершенно достоверно. К тому же, товарищ генерал, чертежница Кедрова работает в штабе инженерных войск вот уже около двух лет, и мы не имеем оснований ей не доверять.

Генерал промолчал, хотя он и не был согласен с Астаховым. Капитан продолжал:

— Я все-таки уверен, товарищ генерал, что противник использует наши оперативные карты, каким-то образом проникающие за пределы штаба.

— Что же вы предлагаете?

— Я предлагаю эксперимент. Нужно срочно произвести разработку очень серьезной, но фиктивной операции. Нужно также, чтобы о фиктивности ее знали только два человека: вы и командарм. Все остальные должны принимать ее всерьез. И еще одно непременное условие: к разработке этой операции должно быть привлечено строго ограниченное количество лиц. Лучше всего, если вы сами составите список и предложите его командарму.

— Да, пожалуй, — согласился генерал после некоторого раздумья.

В тот же день генерал Погодин предложил идею Астахова командарму, и командарм, вопреки опасениям Погодина, одобрил ее.

— Это любопытно, — сказал он. — У нас сейчас оперативная пауза. Народ ничем особенным не занят, так что, пожалуй, можно попробовать.

Командарм перелистал настольный календарь, подумал и спросил:

— Когда лучше, по-твоему?

— Да хотя бы завтра, — ответил Погодин.

— Ну что ж, завтра так завтра.

И вот утром следующего дня командарм собрал у себя командующих и начальников родов войск армии и приказал им начать разработку плана крупной наступательной операции.

В ШТАБЕ ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК

Поздно ночью в просторной штабной землянке инженерных войск армии помощник начальника секретной части старший сержант Яценко укладывал в обитые железом ящики секретные дела и карты.

В штабе, кроме Яценко да чертежницы Кедровой, никого не было. Генерал Тихомиров и полковник Белов с утра засели в землянке полковника и никого туда не пускали. Старший помощник Белова, майор Рахманов, и два младших помощника ушли ужинать. Похоже было, что они еще не скоро лягут спать, ибо, по установившейся традиции, офицеры штаба раньше генерала и полковника спать не ложились.

Уставший, вечно недосыпающий старший сержант Яценко ворчал:

— Нет ничего тяжелее штабной работы! Сидишь, как проклятый, день и ночь — и никакой видимости!

— Что ты имеешь в виду под видимостью? — спросила Кедрова. — У тебя очень замысловатый слог, Остап.

— Никакой продуктивной работы не видно, вот что я имею в виду. Одна неосязаемая писанина.

— Неужели все эти ящики с «писаниной» неосязаемы? — засмеялась Кедрова.

— Ты все шутишь, Наташа, а я чертовски спать хочу!

Старший сержант Яценко, веселый, добродушный человек, действительно смертельно хотел спать. Вздремнуть хоть бы только три-четыре часа, но так, чтобы никто не потревожил, не разбудил и не спросил ключей от ящиков и шкафов или очередного исходящего номера, казалось ему верхом блаженства.

— Знаешь, Наташа, — сказал он, — я вот дождусь майора Рахманова и буду проситься на отдых, все равно я уже не работник. У меня один глаз только смотрит, а другой давным-давно спит. И тебе советую проситься. Чует мое сердце, будет у нас завтра работенка. Неспроста генерал с полковником заседают — похоже, что к новой операции будем готовиться.

— Что ж проситься, — вздохнула Кедрова, — начальство само знает, когда отпустить.

— Но ведь ты тоже вторые сутки не спишь и вообще все время недосыпаешь. Тебе ведь вредно...

— Э, брось ты это, Остап!

Яценко тяжело вздохнул и, помолчав немного, продолжал:

— Чертежная работа очень уж беспокойная. Ты бы на работу полегче попросилась...

Кедрова нахмурилась и сказала строго:

— Оставь, Остап, не люблю я этих соболезнований!

Яценко улегся на сдвинутые железные сундуки, подложив под голову пухлую папку, и, хотя имел обыкновение засыпать почти мгновенно, на этот раз долго ворочался — все не мог успокоиться.

— Мне, знаешь ли, Наташа, — продолжал он, — очень нравится, что ты такая серьезная, рассудительная и строгая.

— Что это ты сегодня слишком разоткровенничался, Остап? — удивилась Кедрова. — Никак, еще в любви начнешь объясняться?

— Я бы и объяснился, да ведь ты смеяться будешь.

— Конечно, буду. — Наташа улыбнулась, обнажив удивительно ровные, блестящие зубы. Махнув на Яценко рукой, она рассмеялась: — Ну, да ты спи лучше!

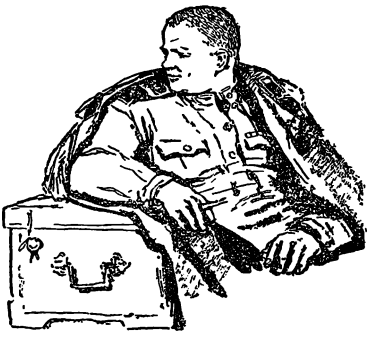
Яценко повернулся на другой бок, но в это время у входа в землянку раздались голоса, и он торопливо поднялся со своего железного ложа:

— Наши, кажись. Ох, чует мое сердце, не спать мне и эту ночь!

В землянку вошли полковник Белов и майор Рахманов.

— А ты чего не спишь, куме, — шутливо обратился Белов к старшему сержанту.

Полковник был постоянно весел. Кажется, еще не было такой неприятности, от которой бы он приуныл.



Расточая направо и налево свои иногда несколько грубоватые шутки, он всегда делал это добродушно, не думая никого оскорбить или обидеть.

Пока Яценко бормотал что-то о том, что рад бы поспать, да возможности нет, полковник, не слушая его, направился к Кедровой и, улыбаясь, протянул ей руку:

— Приветствую вас, красавица!

— Вы бы мне лучше доброй ночи пожелали! — засмеялась Кедрова.

— Именно доброй, а не спокойной. До спокойной еще далеко.

— Значит, будем работать?

— Да, работать. Но вы не пугайтесь: трудиться придется мне, вы же ступайте пока отдыхать. — Полковник снова протянул ей руку и сказал: — Доброй ночи!.. Ну, а тебе, куме, — обратился он к Яценко, — придется пободрствовать... Ого, как вытянулась твоя физиономия! И здоров же ты спать, куме! Ну, да что с тобой поделаешь... Достань-ка мне дело номер тридцать да устраивайся здесь на ящиках. Ты ведь, говорят, как факир, можешь спать хоть на гвоздях. Ложись, куме, отсыпайся на здоровье, а когда понадобишься, я тебя разбужу.

В землянку вошли остальные офицеры штаба.

— Ну-с, — повернулся к ним полковник, — вы тоже — марш все спать! Подъем в шесть ноль-ноль. Доброй ночи и приятных сновидений!

РАЗВЕДСВОДКА

К исходу дня офицеры общевойсковой разведки штаба армии составляют разведсводку. Короткий, отпечатанный на одной или двух страницах документ

впитывает в себя кропотливую и небезопасную работу многообразных разведывательных органов армии за целые сутки. Тут есть все: положение войск противника, действия его авиации и артиллерии, данные дневных наблюдений за передним краем и всеми просматриваемыми участками фронта неприятеля, результаты ночных поисков и опроса пленных, данные авиаразведки и наблюдения за работой вражеских войсковых раций.

Добывая эти сведения, десятки опытных разведчиков с различных пунктов, вооружившись стереотрубами, перископами и биноклями, зарывшись в землю или забравшись на деревья, в любую погоду просматривают каждую видимую пядь земли врага.

Пройдет ли группа солдат вдоль фронта, проследуют ли повозки с ящиками, донесется ли шум поезда со стороны вражеской станции, промелькнет ли где-нибудь между деревьями связной мотоциклист — все это тщательно занесут в свои журналы наблюдений разведчики-наблюдатели, указывая дату, время суток, квадрат или более точную координату топографической карты. Ничто не ускользнет от их внимания. Они все услышат и увидят. И даже тогда, когда пелена тумана закроет поле видимости, когда длительные дожди косым пунктиром заштрихуют просматриваемые участки, разведчики все равно будут вести наблюдения, занося в журнал плотность тумана, длительность дождя, его интенсивность и глубину видимости.

Когда же ночь черным своим маскхалатом скроет от глаз территорию врага, на смену зрению разведчиков придет их слух. Наблюдателей сменят тогда «слухачи». Они почти вплотную подберутся к переднему краю обороны врага и станут настороженно прислушиваться к малейшему шороху, едва слышным звукам, доносящимся издалека. По ровному глухому шуму опознают они движение пехоты, по прерывистому лязганью металла — артиллерию, а по беспрерывному металлическому грохоту гусениц и резкому шуму моторов — танки и самоходки.

Уйдут разведчики и в глубину вражеских позиций и там, за много километров от переднего края фронта, поведут скрытое наблюдение за огневыми точками, живой силой и оборонительными сооружениями врага.

А пока войсковая разведка будет прощупывать передний край и тактическую глубину обороны противника, авиация углубится в его тылы, а радиоразведка тщательно и непрерывно будет следить за работой его засеченных радиостанций, их перемещением, исчезновением или появлением новых раций.

К вечеру через пункты сбора донесений, через посыльных и нарочных стекутся в штаб армии письменные донесения, схемы, карты, аэрофотоснимки, шифровки. И тогда штабные офицеры-разведчики примутся наносить все это на карту, тщательно сопоставляя свежие сведения с уже имеющимися и определяя степень их достоверности.

Постепенно такая карта густо покроется графическими символами фортификационных сооружений, артиллерийских позиций, огневых точек и минных полей. Впишутся номера новых вражеских частей, переместятся старые. Беспрерывно меняющаяся обстановка на карте дополнится и уточнится с каждым телефонным звонком, с каждым вновь полученным донесением. Напряженным, лихорадочным пульсом войны забе́гают по карте цветные карандаши офицеров-разведчиков, нанося все новые и новые условные знаки.

Обычно разведсводка бывает готова к вечеру. Однако в этот день еще задолго до установленного срока начальник разведки штаба армии доложил командарму, что перед фронтом армии противник пришел в движение.

— Что же это — перегруппировка? — спросил его командарм.

— Части противника перемещаются почти без соблюдения обычных мер маскировки, — отвечал начальник разведки. — Похоже, что противник встревожен чем-то и спешит усилить свою оборону.

ФОТОПЛЕНКА КЕДРОВОЙ

В тот же день генерал Погодин срочно вызвал к себе Астахова. Аудиенция была предельно короткой, но капитан Астахов был не только удовлетворен ею — он был счастлив.

Генерал принял его, как обычно. Ни одним словом не высказал он своего одобрения, но по выражению его лица, по интонации голоса и по многим другим почти неуловимым признакам капитан понял, что генерал им доволен.

Командарм не только одобрил поданную им мысль, но и осуществил ее. И вот теперь официальные данные разведки со всей убедительностью объективных фактов подтверждали идею Астахова. Противник, оказывается, уже принимает контрмеры против вчера только разработанной штабом армии фиктивной наступательной операции.

Это была почти победа, но капитан воспринимал ее не как свое личное торжество, а как торжество логики, в которую он так верил и без которой не представлял себе разумной деятельности.

Выйдя от генерала и направляясь к себе, Астахов несколько поостыл и стал рассуждать спокойнее. И тут он понял, что повод к торжеству еще слишком незначителен. По сути дела, все осталось по-прежнему и до решения основного вопроса еще очень далеко. Но все-таки круг, в котором находилось порочное звено, сузился, и сузился не произвольно, не случайно, а вследствие специально проведенного разумного действия. Значит, если и дальше действовать в какой-то логической последовательности, то будет найдено и окончательное решение.

Рассуждая таким образом, капитан пробирался по узкому, скользкому от грязи дощатому настилу вдоль улицы поселка, в котором был расположен штаб армии. До домика контрразведчиков было уже недалеко, когда из соседнего переулка неожиданно вышел майор Гришин и направился навстречу капитану. Когда они поравнялись, Астахов хотел было доложить своему начальнику о посещении генерала, но майор перебил его.

— Все знаю, — сказал он. — Я только что от разведчиков. Похоже, что замысел ваш удался. Поздравляю! А теперь у меня к вам дело. Знаете ли вы, что у Кедровой имеется отличный фотоаппарат?

— Да, конечно. Она этого и не скрывает.

— Что́ у нее — наш «ФЭД» или какая-нибудь заграничная штука?

— Наш «ФЭД».

— Ну, а как Кедрова фотографирует?

— Имел удовольствие у нее фотографироваться. Могу доложить — фотограф она отличный.

Майор попросил у Астахова зажигалку. Прикуривая, сказал, понизив голос:

— Поинтересуйтесь-ка ее пленкой. Она проявляет ее в фотолаборатории армейской газеты. Найдите повод посмотреть ее негативы... Были вы сегодня в редакции?

— Нет, не был.

— Ну, так зайдите непременно.

Гришин кивнул капитану и завернул за угол. Астахов пересек грязную улицу и направился на окраину поселка. Однако он не прошел и трехсот метров, как увидел вдруг Кедрову. Она выходила из армейской столовой.

«В редакцию я еще успею, — решил капитан. — Нужно воспользоваться случаем и поговорить с Наташей».

— А, Наталья Михайловна! — весело воскликнул он. — Далеко путь держите?

— К себе в штаб.

— Ну так нам с вами по пути. Не возражаете, если я пройдусь с вами немножко?

— Ну что вы, товарищ капитан! Пожалуйста!

Они пошли рядом. Капитан стал придумывать, как бы естественнее завести разговор на интересующую его тему. А Наташа, не глядя на Астахова, сказала:

— Знаете, товарищ капитан, когда меня называют по имени и отчеству, мне почему-то всегда кажется, что надо мной подшучивают.

— Почему так? — удивился Астахов.

— Не знаю. Лучше уж, по-моему, назвать просто по имени или по фамилии. В армии так больше принято.

— Похоже, что вы сегодня не в духе, — заметил капитан, пристально вглядываясь в утомленное лицо Наташи.

— Нет, я просто устала. Эти дни много приходится работать... А вы, кажется, в отличном настроении?

— Я всегда бываю в хорошем настроении, когда

ясно понимаю, что происходит вокруг меня.

— Даже если плохое?

— Да, даже если плохое. Только я непременно должен разобраться во всем.

— Это удивительно!— С любопытством посмотрев на Астахова, Наташа улыбнулась и добавила: — Извините, но у вас очень самодовольный вид.

— Вы вообще, кажется, не очень-то лестного мнения о моей внешности, — усмехнулся Астахов, чувствуя, что ему приятно идти с Наташей и разговаривать с ней. — Хотелось бы взглянуть,— продолжал он, — каким я получился на вашей фотографии. Помните, вы щелкнули меня своим «ФЭДом» дней пять назад?

— Помнить-то помню, — ответила Наташа, — но пленку до сих пор не удалось проявить. Последние дни абсолютно нет свободного времени.

— А может быть, вы мне доверите эту операцию?

— Какую операцию? — не поняла Наташа.

— Да проявление пленки. Я в этом деле смыслю кое-что, так что можете не беспокоиться — не испорчу.

Наташа молчала.

— Пленка-то с вами, наверно? — спросил Астахов.

— Да, пленка со мной, но стоит ли утруждать вас?.. Я и сама скоро освобожусь.

Ей, видимо, не хотелось давать пленку Астахову, но он сумел настоять на своем, и она уступила.

— Дня через два, — весело заявил Астахов, — а то

и раньше я верну вам все это в проявленном и отпечатанном виде. Можете быть спокойны.

— Да я и не беспокоюсь, — ответила Наташа.

Они были теперь возле дома Астахова, и он остановился в нерешительности — провожать девушку до ее штаба или попрощаться здесь.

— Ну, до свиданья, Наташа. Я работаю вот в том доме, — сказал он наконец, решив не провожать ее, так как она все равно стала бы возражать.

— До свиданья, — ответила Наташа и неторопливо пошла через огород мимо окон дома Астахова.

Капитан смотрел ей вслед, пока она не скрылась за углом соседнего сарая. Он вспомнил недавний разговор с Гришиным, и ему стало смешно, что он назвал тогда интерес свой к Наташе профессиональным. Просто она ему нравилась. Было в ней что-то привлекательное, хотя он и не мог пока определить, что именно. Не внешность только. Ведь вот машинистка Валя гораздо красивее ее, однако к ней он совершенно равнодушен. Нет, в Наташе было что-то другое...

Астахов оставался у себя недолго. Он просмотрел несколько бумаг, принесенных из оперативного отдела его помощником, лейтенантом Ершовым, и собрался уже уходить, когда кто-то робко постучал в его окно. Капитан вышел из-за стола и выглянул на улицу. Там, под окном, стояла Наташа.

— Заходите, пожалуйста! — крикнул он и, поспешив к дверям, распахнул их. — Прошу вас, Наташа.

Наташа вошла, смущенно улыбаясь.

— Извините, что беспокою вас, — сказала она. — Я отдала вам пленку, а потом вспомнила, что у меня там есть снимки, которые нужно срочно отпечатать. Я, пожалуй, сейчас же отпрошусь у своего начальства в фотолабораторию. Могу я получить у вас пленку?

Наташа заметно волновалась, и это не ускользнуло от внимания Астахова.

«Почему она волнуется так?» — подумал он и тут же принял неожиданное решение.

— Вот беда! — воскликнул он. — Вам определенно не повезло, Наташа. Я только что отослал пленку в нашу лабораторию для проявления. А что у вас за срочность такая?

— Да ничего особенного. — Наташа, казалось, взяла себя в руки и говорила теперь спокойно. — Раз уж вы ее отослали, ничего не поделаешь. Простите, что оторвала вас от работы...

Когда Наташа ушла, капитан вызвал лейтенанта Ершова, приказал ему отнести пленку в лабораторию и срочно проявить ее.

Отправив пленку, Астахов направился было к выходу, но в это время раздался телефонный звонок. Капитан подошел к телефону и снял трубку.

— Зайдите ко мне, — прозвучал строгий голос.

Это был голос генерала Погодина.

ХОД ГЕНЕРАЛА ПОГОДИНА

— Садитесь, — сказал генерал. — Мне пришлось вторично вызвать вас, так как я получил новые, весьма важные сведения. Вам необходимо знать их.

У генерала Погодина почти всегда было строгое, озабоченное лицо. Астахов даже не смог бы, пожалуй, припомнить, видел ли он его когда-нибудь смеющимся. Но сегодня генерал был совершенно другим. Тяжелые складки на лбу разгладились, улыбка округлила губы, холодные серые глаза потеплели. Сейчас этот пожилой, очень требовательный и строгий человек казался необычайно добрым. Он достал из своей рабочей папки внеочередную разведсводку, что-то энергично подчеркнул в ней и протянул Астахову.

Пока капитан читал, генерал принялся перелистывать книгу, лежавшую у него на столе. Книга была нерусская и называлась «За стенами Федерального бюро расследования». Автором ее был Джон Дж. Флоэрти. При всей своей загруженности служебными делами генерал Погодин умудрялся не пропускать ни одной литературной новинки о разведке и контрразведке. Задолго до того, как появились русские переводы, он уже прочел на английском языке все нашумевшие книги Майкла Сейерса и Альберта Кана, Фредерика Коллинза и Алана Хинда.

Астахов прочел сводку и вернул генералу. Погодин положил ее в папку и спросил:

— Понимаете вы, в чем тут дело?

— Не совсем, товарищ генерал.

— Действительно, вы и не можете этого знать...

Генерал вышел из-за стола и, неслышно ступая, стал прохаживаться по комнате, заложив руки за спину.

— А дело тут вот в чем. Подсказанная вами идея была безусловно удачной, но вы продумали ее только наполовину. Повторяю, идея была хороша, и вторую половину ее нетрудно было додумать и без вас. И я это сделал. Я решил, что нужно разработать фиктивную операцию не только ограниченному кругу офицеров и генералов, но дать также каждому отделу штаба разную обстановку и группировку войск.

Генерал замолчал, продолжая прохаживаться по комнате, а Астахов невольно подумал: «Как же я-то этого не сообразил? Ведь это так просто и к тому же почти решает основной вопрос!..»

— И вот теперь мы имеем плоды этой идеи, — продолжал генерал после короткой паузы. — Днем нам было известно только то, что противник принимает какие-то контрмеры. А сейчас мы уже точно знаем, что он принимает контрмеры соответственно плану, разработанному штабом инженерных войск. Понимаете теперь, в чем дело?

— Да, товарищ генерал. Если это так, то несомненно, что в штабе инженерных войск что-то неблагополучно, — ответил Астахов.

— В этом теперь не может быть сомнений. Были вы сегодня в штабе Тихомирова?

— Нет, товарищ генерал.

— Не теряйте времени и зайдите сегодня же. Мы должны принять срочные меры. Постарайтесь узнать, точно ли только генерал Тихомиров и полковник Белов занимались разработкой операции или в этом участвовал еще кто-нибудь из работников штаба.

ПРОЯВЛЕННЫЕ НЕГАТИВЫ

Когда капитан Астахов вошел в землянку штаба инженерных войск, там царило необычное оживление. Присмотревшись, он заметил, что в штабе были все три

помощника, начальник секретной части и старший сержант Яценко.

— Что это у вас такое веселье? — спросил Астахов.

— У нас сегодня первый в этом месяце мало-мальски свободный вечер, — ответил майор Рахманов. — Вот мы и посвятили его обмену боевыми воспоминаниями. Ваша очередь рассказывать, капитан Астахов. У вас-то, наверно, найдутся интересные истории.

— Найтись-то найдутся, — усмехнулся Астахов, — но, к сожалению, они не подлежат оглашению.

— Вроде как бы с грифом «совершенно секретно», — с уважением заметил старший сержант Яценко.

— Вот именно! — рассмеялся Астахов. — Расскажу вам поэтому то, что, так сказать, «для служебного пользования».

И он рассказал случайно пришедшую на память историю о немецком шпионе, которого разоблачил в самом начале войны.

Отделавшись таким образом, капитан присел возле стола старшего сержанта Яценко, заметив:

— У вас всегда все так заняты, а сегодня просто праздник какой-то.

— А это потому, товарищ капитан, — отозвался Яценко, — что работы мало, да к тому же и начальство отдыхает.

— Какое начальство?

— Генерал и полковник. Они больше суток работали без отдыха.

— А что, Кедрова тоже разве отдыхает? — спросил Астахов. — Не видно ее что-то.

— Да, и она отдыхает. Ей тоже в эти дни досталось. В два часа ночи легла, а в пять утра полковник уже велел ее разбудить — надпись на карте делать.

— На какой карте?

— На карте инженерного обеспечения. Полковник лично всю ночь над нею работал. Очень уж секретная была. Он даже регистрировал ее сам. Я ему только очередной номер дал.

— А чертежницу-то как же он допустил?

— Очень просто: свернул карту до половины, а внизу велел надпись сделать,— охотно объяснил Яценко.

В штабе между тем продолжало царить оживление. Офицеры тут были молодые, веселые. Они понимали толк в удачной шутке, остром слове. Поболтав с ними о всякой всячине, капитан Астахов попрощался и ушел к себе.

Ершов как раз в это время принес из лаборатории проявленную пленку. Астахов взял ее, подошел к окну и с любопытством принялся рассматривать.

На пленке были фотографии офицеров штаба инженерных войск, мост, недавно построенный армейской саперной бригадой, землянка штаба инженерных войск, Яценко в нескольких позах и еще какие-то сержанты. А в самом конце пленки оказались снимки двух топографических карт.

Астахов взял лупу и внимательно стал рассматривать их. На негативе одной из карт он совершенно отчетливо разобрал надпись: «Карта дорог и мостов в полосе армии». На снимке другой карты надпись трудно было разобрать, но по очертаниям ее, по условным обозначениям было несомненно, что и вторая карта была оперативной.

«Зачем ей это понадобилось?» — взволнованно подумал Астахов, но в это время быстро вошел майор Гришин.

— Одевайтесь, — торопливо сказал он. — Возьмите с собой оружие. Едем на серьезное задание. Выполнять его будут корпусные работники, но генерал приказал нам при этом присутствовать. Машина уже ждет нас. Поторопитесь! Дорогой все объясню.

В ЗЕЛЕНОМ КВАДРАТЕ

Доро́гой майор Гришин рассказал, что связисты армии запеленговали работающую у нас в тылу подозрительную радиостанцию. Был точно установлен квадрат ее местонахождения, и вот теперь корпусная контрразведка должна была прочесать этот район.

В штаб корпуса прибыли поздним вечером. В темноте, среди мокрых колючих елей, долго искали землянку подполковника Соколова. Наконец наткнулись на часо-

вого, который грозно окликнул их. Майор назвал пропуск и спросил, как пройти к Соколову.

— Вот тут. Проходите влево.

Подполковник давно уже их ждал. На нем было кожаное пальто, полевая сумка и сигнальный электрический фонарь на поясе.

— Наконец-то! — с облегчением сказал он. — Последний сигнал рация подала полчаса назад. Местонахождение ее в квадрате восемь тысяч пятьсот девяносто шесть. Вот тут...

Полковник ткнул пальцем в зеленый квадрат карты, развернутой на столе.

— Значит, в лесу, — заметил майор Гришин.

— Да, — подтвердил Соколов, — этот квадрат и все смежные — лес. Мои люди уже оцепили подозрительный район и никого оттуда не выпустят. Сейчас ночь. Боюсь, что темнота помешает нам... Может быть, подождать до рассвета?

— Нет, нет! — возразил Гришин. — Действовать нужно немедленно.

* * *

В лесу было непроглядно темно. Шли не разговаривая, с протянутыми вперед руками, натыкаясь на мокрые стволы деревьев. Часто останавливались, прислушиваясь. Вокруг все было тихо.

Вскоре окружение подозрительного участка настолько сузилось, что автоматчики могли бы взяться за руки и замкнуть круг. Однако в лесу по-прежнему было тихо; только ломкие ветки хвороста чуть слышно похрустывали под ногами солдат подполковника Соколова.

И вдруг где-то в центре оцепления вспыхнул тусклый отблеск света, идущего откуда-то снизу, будто из-под земли.

— Шире шаг! — прошептал подполковник.

И почти тотчас же раздавшийся дробный звук автоматной очереди невольно заставил людей остановиться.

Пули просвистели над их головами, слепо тыкаясь в стволы деревьев. За первой очередью последовала вторая, уже в противоположном направлении. И тут послышался вдруг приглушенный стон раненого чело-

века. Было несомненно, что ранен кто-то из автоматчиков Соколова.

— Я потребую, чтобы они сдались! — раздраженно заявил подполковник.

— Попробуйте, — откуда-то из темноты отозвался майор.

— Послушайте, вы! — крикнул Соколов. — Прекратите бесполезное сопротивление! Вы окружены!

В ответ грянуло еще несколько выстрелов, и Гришин вскрикнул. Астахов, бросившись на звук его голоса, успел подхватить ослабевшее тело майора.

— Я ранен в бедро! — прошептал Гришин.

— Ну, это уж верх наглости, черт бы их побрал! — обозлился подполковник и крикнул: — Вперед!

Из глубины окруженного участка снова кто-то выстрелил. Послышались чей-то приглушенный стон и проклятия и раздался ответный выстрел.

— Не стрелять! — прохрипел Гришин. — Прикажите не стрелять, подполковник!

Но стрельба уже прекратилась сама собой. Снова все стало тихо. Два автоматчика взяли на руки раненого майора. Остальные медленно двинулись вперед.

— Сдавайтесь! — снова крикнул подполковник.

Люди прислушивались затаив дыхание, и им показалось, что неподалеку кто-то хрипит.

— Зажечь свет! — скомандовал Соколов.

Несколько электрических фонарей осветили серые стволы сосен. Желтые конусы света побежали по усыпанной хвоей земле и остановились на темной фигуре человека, лежавшего навзничь. Голова его была в крови.

— Фельдшера! — крикнул подполковник.

Фельдшер подбежал к лежавшему на земле человеку и пощупал его пульс.

— Скверное дело, — сказал он. — Кажется, его песенка спета.

— Осмотреть все вокруг! — приказал подполковник и стал обыскивать раненого.

В кармане его оказались документы на имя Ивана Сидорова и чистая записная книжка.

Разочарованный результатами обыска, Астахов спустился на дно неглубокой ложбины, где уже были лейтенант и два автоматчика. В свете фонарей Астахов

увидел землянку, из открытых дверей которой валил дым.

Капитан подошел ближе, заглянул внутрь.

— Он тут жег что-то, — сказал лейтенант, указывая на закопченный металлический остов рации и небольшую груду пепла, лежавшую на земле.

Астахов опустился на колени и осторожно стал перебирать пепел. Плотная бумага хотя и сгорела, но не вся еще рассыпалась. На некоторых листках ее можно было разобрать следы написанного. Капитан хотел аккуратно сложить их в планшетку и взять с собой, но, побоявшись, что они дорогой рассыплются, решил, что лучше переписать с них все сохранившиеся знаки.

Попросив несколько фонарей, он стал изучать ломкие листки пепла. Бóльшая часть их была повреждена. Определить, были ли на них какие-нибудь знаки, не представлялось никакой возможности. Но и на сохранившихся листках, казалось, ничего не было написано. Только на одном из них была едва заметная группа цифр.

Капитан достал блокнот и аккуратно записал в него обнаруженные цифры. Он не сомневался, что это была шифрограмма.

Дальнейшие поиски не дали никаких результатов, и подполковник Соколов приказал собираться в обратный путь. Майора Гришина еще раньше отправили в корпусную санитарную часть.

Когда подполковник с Астаховым садились в машину, фельдшер доложил, что раненый радист умер, не приходя в сознание.

НЕУЖЕЛИ НАТАША?

Генерал Погодин, когда капитан Астахов доложил ему результаты ночной операции, приказал тщательно разобраться в найденной записной книжке и цифрах, обнаруженных на пепле, и доложить результаты вторично.

Астахов передал переписанные им цифры в шифровальный отдел, а записную книжку принялся изучать

сам. Страницы ее были совершенно чистыми, только на одной было что-то написано и стерто.

Зная, что почти все шпионы прибегают к симпатическим чернилам и что в большинстве случаев чернила эти становятся видимыми под действием тепла, Астахов решил подвергнуть записную книжку нагреванию. Под влиянием тепла текст, написанный симпатическими чернилами из раствора свинцового сахара, становится черным, из азотнокислой меди — красным, из азотнокислого никеля — зеленым, а из сока луковицы — ярко-коричневым. Может быть, и эта записная книжка исписана такими чернилами?

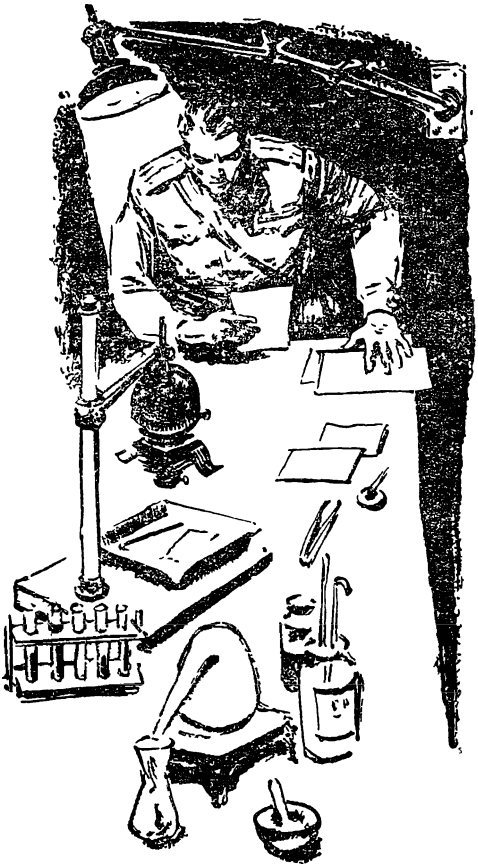
Нагрев утюг, капитан прогладил им каждую страницу, но это не вызвало никакой реакции. После такой неудачи Астахов уже не решился проделать подобный же опыт над найденными между страницами записной книжки плотными кусочками бумаги, непрозрачными на свет. Он решил передать их вместе с записной книжкой в лабораторию.

На благоприятный исход анализа, так же, впрочем, как и на дешифрирование цифр, обнаруженных на бумажном пепле, он почти не надеялся. Вообще положение теперь представлялось ему осложнившимся. И виной всему он считал неудачу ночной операции, в результате которой был убит вражеский радист. Показания его могли бы пролить свет на многое, так как Астахов почти не сомневался, что между таинственным проникновением секретных сведений за пределы штаба инженерных войск и этим подозрительным радистом существовала какая-то связь.

Весь день капитан строил разнообразные догадки, однако все они казались шаткими, неубедительными. Для построения стройной гипотезы были необходимы бесспорные фактические данные, а их пока не имелось.

Приходилось набраться терпения и ждать результатов раскодирования шифра и лабораторного анализа.

Вечером капитан направился наконец к шифровальщикам. По веселому виду подполковника Глебова, руководившего работой шифровальщиков, Астахов догадался, что им удалось добиться успеха. До войны Глебов был профессором математики в Московском университете и теперь блестяще разгадывал самые хитроумные



коды радиограмм противника.

— Шифровку вашу мы раскодировали, — заявил Глебов.—В ней нет полного текста, но из того, что вы дали нам, получилось примерно следующее: «Нет четкости... увеличьте усилие...»

Астахов долго размышлял над этими отрывочными словами, но понять, что они означали, не мог.

В лаборатории его ожидала еще бо́льшая неожиданность. На одном из кусочков желтой бумаги, переданной им для анализа, оказался снимок топографической карты с нанесенной обстановкой.

Астахов завернул отпечаток карты в бумагу и забрал с собой. Дома с помощью лупы, к немалому своему удивлению, он обнаружил, что это был снимок карты инженерного обеспечения последней (фиктивной) армейской операции.

«Что же это такое? — взволнованно подумал капитан. — Как попал к радисту этот снимок?»

И вдруг он вспомнил проявленную по его поручению фотопленку Кедровой с изображением оперативных карт. Вспомнил, что Кедрова имела некоторое отношение и к последней карте инженерного обеспечения, над

которой работал полковник Белов. Правда, она, по словам Яценко, сделала только надпись на карте. Но ведь в штабе тогда никого не было, а полковник мог отлучиться на несколько минут. Разве не имела она возможность щелкнуть в это время затвором фотоаппарата?

Все самым неприятным образом складывалось против чертежницы, и все-таки Астахов не мог допустить измены с ее стороны. Он часто встречался с ней в штабе инженерных войск, на киносеансах и концертах, много беседовал с ней, и, хотя, может быть, не все ему было понятно в ее вкусах, в благонадежности ее он никогда не сомневался.

И все-таки теперь он должен был заподозрить эту девушку...

Явившись с докладом к генералу, он высказал ему свои подозрения.

— Сможете вы окольным путем узнать, отлучался ли полковник Белов, когда Кедрова делала надпись на карте? — спросил генерал. — Мне бы не хотелось до поры до времени вести с ним официальный разговор на эту тему.

— Будет выполнено, товарищ генерал! — отвечал Астахов.

НЕОЖИДАННОЕ ПОСЕЩЕНИЕ

Капитан зашел в штаб инженерных войск в обеденное время. Все офицеры ушли в столовую. За перегородкой секретной части дремал, положив голову на пухлую папку, старший сержант Яценко.

— Здравствуйте, товарищ Яценко! — весело приветствовал его Астахов.

— Здравия желаю, товарищ капитан! — встрепенулся Яценко.

— Где же начальство?

— Обедает.

Астахов прошелся по землянке, рассматривая развешанные по стенам карты и плакаты.

— Похоже, что вы здóрово недосыпаете, товарищ Яценко? — сказал он. — Уж очень вид у вас измученный.

— Так точно, товарищ капитан, нормального сна

давно не имею. Дождаться бы только, когда война кончится, — целый бы год тогда отсыпался!

— Что и говорить, нелегко вам приходится, — посочувствовал Астахов. — Но ведь сейчас всем достается. Надо полагать, что и начальство тоже недосыпает? Вот полковник Белов, к примеру?

— Так точно, полковник Белов определенно недосыпает. Тоже, вроде меня, иногда на ходу спит. Сам видел. Позавчера ночью, например. Сначала еще ничего, пока он сам над картой работал, а когда уже все готово было и Наташа надпись стала делать, так форменным образом клевать стал. Меня тоже здóрово ко сну клонило. Я даже выходил раза два на свежий воздух, чтобы не заснуть. Одна Наташа только бодрствовала. Вот, знаете ли, у кого железная выдержка!

— Выносливая? — спросил капитан.

— Исключительно выносливая. Двое суток свободно может без сна обходиться. Вообще, знаете ли, редкостная девушка...

Он хотел добавить еще что-то, но, заметив ироническую улыбку капитана, смутился и покраснел.

«Похоже, что влюблен в нее парень», — подумал капитан, собираясь уходить.

— Ну, счастливо оставаться, товарищ Яценко. Зайду к вам попозже.

«Что же получается? — думал Астахов, выбравшись из землянки. — Все факты не в пользу Наташи. Неужели я должен заподозрить ее? Но тогда я отказываюсь понимать что-нибудь...»

Расстроенный, шел капитан по деревянному настилу улицы, никого не замечая: генерал, узнав все собранные им факты, пожалуй, может приказать арестовать Кедрову. Факты эти вызывают, конечно, подозрения, но внутренней уверенности в виновности Кедровой у Астахова все еще не было.

Задумчиво подошел капитан к своему дому и вдруг увидел у дверей Наташу. Это было так неожиданно, что он забыл даже поздороваться и смотрел на девушку с явным недоумением.

Наташа, видимо, тоже была чем-то сильно расстроена.

— Здравствуйте, товарищ капитан! — взволнованно

сказала она. — Прошу извинить, что беспокою вас, но у меня серьезное дело. Я уже была у вас час назад, но не застала...

— Если дело серьезное, прошу зайти, — сказал Астахов, стараясь не глядеть на Кедрову, и, открыв дверь, пропустил ее вперед.

Пригласив девушку сесть, капитан холодным, официальным тоном сказал:

— Слушаю вас.

— Видите ли, — смущенно начала Наташа, — позавчера я ошибочно передала вам не ту пленку, на которой сфотографированы вы, а совсем другую... на которой засняты мной две оперативные инженерные карты.

Астахов притворился удивленным:

— Оперативные карты? Для чего понадобилось вам делать такие снимки?

— Я выполняла приказание полковника Белова и сфотографировала их для штабного фотоальбома.

Наташа отвечала теперь совершенно твердо. От недавнего замешательства ее не осталось и следа.

Астахов, теряясь в догадках, спросил строго:

— Почему же вы не сообщили об этом раньше?

— Да ведь я же объяснила вам только что, товарищ капитан, что ошиблась. Я не была уверена, что карты именно на этой пленке. По моим расчетам, они должны были находиться на другой. Но вот только что я проявила вторую кассету и поняла, что ошиблась.

Похоже, что дело было именно так. Кедрова не решилась бы выдумать все это — он ведь мог тотчас же снять телефонную трубку и выяснить все у Белова. Ну да, по всему было видно, что она говорила правду. Капитан стал понемногу успокаиваться. Однако, продолжая разговор с Наташей, все еще хмурился.

— Почему вы носите с собой эти фотопленки? — спросил он.

Тон, которым капитан задавал Наташе вопросы, создавал впечатление официального допроса. Наташа почувствовала это, удивленно посмотрела на него и спросила в свою очередь:

— А вы уже проявили мою пленку, товарищ капитан?

Астахов, решив, что целесообразнее не говорить пока правду, ответил:

— Я был занят все эти дни и не мог выбрать время, чтобы зайти в нашу фотолабораторию.

Капитану показалось, что Кедрова облегченно вздохнула.

— Тогда я объясню вам, в чем дело, — сказала она. — Карты эти, видите ли, фотографировала я на пленку, на которой еще раньше были сделаны другие снимки... В штабе у нас, как вы знаете, нет фотолаборатории, и поэтому я вынуждена была брать их с собой, чтобы проявлять и печатать в лаборатории армейской газеты. Кроме того, сфотографированные мной карты — прошлогодние.

— Зачем же вы, в таком случае, пришли заявить мне о них?

— Я сделала это потому, что на картах стоит гриф «секретно», хотя все нанесенные на них данные перестали быть секретными, — спокойно ответила Наташа.

Астахов задумался. Формально получалось, что за Кедровой не было никакой вины. Но почему же она была так взволнована в начале их разговора? Склонному теперь к подозрительности Астахову то казалось, что это неспроста, то, напротив, представлялось лишним подтверждением ее невиновности. Чтобы несколько разрядить обстановку, он пошутил:

— А я-то думал, что вы пришли ко мне каяться в страшном преступлении. Можете не беспокоиться, ваша пленка у меня, как в несгораемом шкафу. Не сегодня, так завтра я возвращу ее вам.

Пожав Наташе руку, Астахов с облегчением отпустил девушку. Спустя полчаса он отправился на доклад к генералу Погодину.

ПОЛОЖЕНИЕ ОСЛОЖНЯЕТСЯ

Выслушав Астахова, Погодин спокойно заметил:

— Я всегда считаюсь с субъективными ощущениями, однако отдаю предпочтение объективным фактам. Ваша убежденность в невиновности Кедровой ничем, по сути дела, не подтверждена, кроме разве биографических

данных, так что, в общем, я отношу это за счет ваших чисто субъективных впечатлений. Не подозревать Кедрову мы не имеем права. В создавшейся обстановке она, конечно, имела возможность сфотографировать карту инженерного обеспечения нашей фиктивной операции.

Генерал внимательно и, как показалось Астахову, сурово посмотрел на него и заключил:

— Мое решение следующее: вы немедленно связываетесь с полковником Беловым и выясняете, действительно ли он поручал Кедровой фотографировать карты для фотоальбома. Если поручал, дело усложняется, если нет, немедленно арестуйте ее. По некоторым причинам я вынужден торопиться. Все! Действуйте, товарищ капитан.

Астахов вышел от генерала с самыми мрачными мыслями. Ему почему-то показалось, что генерал почувствовал в его словах личную заинтересованность в судьбе Кедровой. Под влиянием этих подозрений Астахов решил исполнить свой долг особенно тщательно и беспристрастно.

Однако это было не так-то просто. Он хорошо понимал, что мог ошибиться, что нельзя доверять голосу чувства, и все-таки не мог заглушить этого голоса, не мог не считаться с ним. Он, конечно, исполнит свой долг, ибо просто не имеет права этого не сделать, но теперь ему будет очень нелегко.

Явившись в штаб инженерных войск и застав полковника Белова в его землянке, капитан хотел сразу же приступить к делу, но полковник опередил его.

— По вашему мрачному и решительному виду, — заявил он, — чувствую, что вы зашли ко мне неспроста. Наверное, не ошибусь, если предположу, что вас интересует пленка с негативами двух оперативных карт, сфотографированных Кедровой. Так?

— Так.

— Удивляетесь?.. Не удивляйтесь — я еще не научился читать чужие мысли. Просто Кедрова была у меня только что и сама обо всем доложила. Страшного ничего нет. Я действительно поручил ей сфотографировать несколько старых карт для штабного фотоальбома.

Внутреннее чувство подсказало Астахову, что это именно так и должно быть, но он понимал, что торжествовать рано. Он все еще не имел права снять подозрение с Наташи...

Но тут неожиданно мелькнувшая догадка сразу изменила весь ход его мыслей. Он торопливо попрощался с полковником и поспешил в свое отделение. Достав из секретного ящика карту, обнаруженную у убитого радиста, капитан принялся тщательно изучать ее через сильную лупу.

— Ну да, так оно и есть! — воскликнул он. — Как же я сразу не сообразил! Это же чертовски важное открытие!

Астахов поспешил к телефону. Вызвав адъютанта Погодина, он попросил его доложить генералу, что имеет донести нечто чрезвычайно важное. Погодин был занят чем-то, и адъютант не сразу смог попасть к нему. Наконец он позвонил капитану и сообщил, что генерал ждет его. Капитан торопливо накинул шинель и поспешил к Погодину.

— Ну, что у вас нового? — спросил генерал Астахова, когда тот явился.

— Я только что тщательно изучил снимок карты... — начал было Астахов.

Но генерал перебил его:

— ...И обнаружил на ней подписи Тихомирова и Белова?

— Так точно, товарищ генерал, — удивленно подтвердил капитан.

— Когда вы отдали желтый клочок бумаги на анализ в лабораторию, — объяснил Погодин, — я велел после проявления его изготовить для вас копию, подлинник же забрал себе. Выслушав ваш доклад о подозрениях, невольно падавших на Кедрову, я снова тщательно изучил этот документ. Наличие подписи на снимке карты ставит Кедрову вне подозрений. Она ведь не могла сфотографировать карту после того, как ее подписали генерал и полковник. По словам полковника Белова, карта после подписания ее генералом Тихомировым пролежала на чертежном столе всего несколько секунд. При этом в штабе никого, кроме Тихомирова и Белова, не было.

Генерал нервным движением достал из коробки папиросу и, сунув ее в рот, зажал зубами, забыв закурить. Встав из-за стола, он медленно принялся прохаживаться по комнате. Астахов никогда еще не видел его таким взволнованным. Видно, на фронте замышлялось что-то серьезное.

— Положение, как вы видите, чрезвычайно затруднительное, — продолжал генерал. — И оно еще более усложняется тем обстоятельством, что с завтрашнего дня начнется подготовка операции фронтового масштаба. Командарм только что вернулся из штаба фронта. Он докладывал там о создавшейся обстановке, но командующий фронтом своего решения отменять не стал. Нам же приказано срочно ликвидировать источник информации противника. Понимаете теперь, каково положение?

КРУГ СУЖИВАЕТСЯ

Астахов испытывал странное, противоречивое чувство. С одной стороны, он не мог не сознавать, что в связи со снятием подозрения с Наташи наметившийся след потерян, что опять придется блуждать в темноте, пробираясь вперед ощупью. Но, с другой стороны, он был рад за Наташу, и в этом ощущении была не только удовлетворенность, но и глубокая заинтересованность в судьбе девушки.

Теперь все приходилось начинать заново, но это не пугало капитана, напротив — он с еще большим рвением готов был взяться за работу. Он никогда еще не чувствовал себя более бодрым и деятельным.

Капитан решил было тотчас же приняться за работу, но вспомнил, что еще не завтракал. Есть не хотелось, но он все же поспешил в столовую, чтобы не нарушать своего обычного распорядка дня.

Возвращаясь к себе, капитан увидел вдалеке женскую фигуру, идущую ему навстречу. Сердце подсказало ему, что это Наташа. Заметив его, она, казалось, хотела было перейти на другую сторону улицы, но Астахов ускорил шаги и окликнул девушку.

Наташа остановилась и холодно поздоровалась.

— Что у вас такой кислый вид? — весело спросил

капитан. — К тому же такие воспаленные глаза, будто вы плакали.

Кедрова усмехнулась:

— Не имею обыкновения плакать, товарищ капитан. Да и отчего плакать? А вы все подшучиваете надо мной.

— Ну что вы, Наташа! Никогда не позволяю себе этого ни над кем, тем более над вами...

Девушка удивленно посмотрела на него и спросила:

— Разве я для вас составляю какое-нибудь исключение?

Астахов смутился.

— Да, — негромко сказал он. — Составляете...

Наташа вдруг заторопилась:

— Я очень спешу, товарищ капитан. Работы сегодня много...

— Ну, у вас вечно много работы! — засмеялся Астахов. — Вот возьмите-ка лучше вашу пленку. Как видите, проявлена она по всем правилам. Все негативы контрастные.

Наташа протянула руку за пленкой и впервые улыбнулась:

— Вот за это спасибо! А то мне за нее уже досталось от полковника. Ну, я пойду, товарищ капитан!

Она крепко пожала руку Астахову и поспешила в штаб.

Астахов с новой энергией взялся за работу. Он снова принялся рассматривать раскодированную шифрограмму, но ее короткий текст, так же как и прежде, не объяснил ему, о чем идет речь. Он не допускал возможности условного смысла этих слов, ибо их тогда незачем было передавать кодом. Но что означает это «усилие»?

Отложив в сторону шифрограмму, капитан попытался подвести итог достигнутому за эти дни, и он оказался не таким уж жалким, как представлялось Астахову вначале. Круг, в котором было порочное звено, все более суживался. Если еще совсем недавно его площадь лежала где-то в пределах штаба армии, то теперь она сократилась до пределов штаба инженерных войск, а сегодня уже ограничилась штабной землянкой. Извест-

но стало и время фотографирования карты: оно было в пределах всего лишь нескольких секунд, в течение которых карта лежала на чертежном столе после ее подписания. Но как и кто мог ее сфотографировать?

На мгновение закралось подозрение: не в землянке ли дело? Ведь штаб инженерных войск размещен в помещении, которое раньше занимал штаб фашистского полка. Но он тут же отверг эту мысль, так как вспомнил, что сам тщательно обследовал эту землянку вместе со старшим помощником Белова еще до размещения в ней штаба инженерных войск. Значит, разгадка в чем-то другом...

Капитан знал, что раскрытием секрета немецкой информации занимается не только он один. Над этим работали все старшие офицеры отдела генерала Погодина. Среди них были люди значительно опытнее его, молодого офицера, однако капитан считал себя главным лицом, от которого зависел успех или неуспех дела.

Эта убежденность побуждала Астахова к самой энергичной деятельности, и он жил теперь только одной мыслью — найти источник немецкой информации.

В его желании не было ничего эгоистичного. Он просто страстно желал помочь командованию сохранить тайну готовящейся операции, помочь выиграть эту операцию.

ЧЕРТЕЖНЫЙ СТОЛИК

Утром следующего дня капитан Астахов пришел в штаб инженерных войск с намерением самым тщательным образом осмотреть чертежный стол Кедровой. В штабе было оживленно. Полковник Белов, обычно работавший в своей землянке, сидел за столом старшего помощника. Остальные офицеры тоже были в сборе и усердно рылись в пухлых делах и справочниках. Кедрова за высоким чертежным столом переписывала какой-то график.

— Что это у вас сегодня с самого утра такое оживление? — поздоровавшись, спросил Астахов полковника. — Ведь вы же привыкли ночами работать.

— На фронте затишье, — отвечал полковник, — велено боевой подготовкой заниматься. Вот составляем

план-программу. Но вы-то, конечно, знаете, в чем дело? — добавил он, понизив голос.

Да, капитан знал, в чем дело. Он знал, что с утра уже началась подготовка к новой крупной операции фронтового масштаба, но штабам было категорически запрещено говорить о ней. С этого дня не разрешалась телефонная, телеграфная и радиосвязь с войсками по оперативным вопросам. Большинство телефонов, связывающих отделы армии с корпусами и дивизиями, также было выключено. Запрещалось пользоваться рациями. Разговаривать с войсками позволялось только по вопросам боевой подготовки. Необходимо было создать у противника впечатление перехода армии к длительной обороне.

— У меня к вам просьба, товарищ полковник, — сказал Астахов, подсаживаясь к столу Белова. — Я хочу попросить схему вашего чертежного столика. Мы собираемся себе такой же соорудить. Мне кажется чрезвычайно удобной его конструкция.

— Пожалуйста, он у нас незасекреченный, — пошутил полковник. — Обратитесь к Наташе, это ее изобретение.

Капитан подошел к Наташе.

— А вы не возражаете, Наташа? Не боитесь, что я присвою ваше изобретение?

— Вряд ли вы на него польститесь, — засмеялась Наташа. — Это ведь далеко не шедевр конструкторской мысли

— А мне и не нужно шедевра. Стол ваш прельщает меня своей портативностью. Он ведь разбирается?

— Да, разбирается. Могу продемонстрировать... Помогите-ка мне, товарищ Яценко.

— Нет, нет, товарищ Яценко, — возразил Астахов. — Занимайтесь своим делом, я сам помогу Наташе.

Вместе с Наташей он быстро разобрал чертежный столик и внимательно осмотрел его детали. Все было естественно, очень просто и удобно.

— Отличный столик! — похвалил Астахов. — Надеюсь, вы дадите мне его чертеж?

— Да, конечно. Сегодня вечером сделаю.

Когда капитан Астахов попрощался, к Наташе подошел старший сержант Яценко и шепнул.

— Что-то уж очень стал интересоваться тобой капитан... Ему этот столик нужен, как мне бальное платье. Не собирается ли он за тобой ухаживать?

— Ну что ты, Остап, чушь какую-то мелешь! — недовольно возразила Наташа и вдруг со страхом почувствовала, что краснеет.

ВОЙСКА ИДУТ К ФРОНТУ

Вечером, когда Астахов по заданию генерала Погодина выехал в штаб фронта, все основные дороги были забиты артиллерией, танками и пехотой. Под прикрытием ночи в район предстоящих крупных операций стягивались войска. Спокойные, почти безлюдные днем дороги ожили.

Мощный шум моторов, лязг металла, человеческие голоса — все слилось теперь в сплошной глухой шум.

Астахов любил наблюдать эти ночные передвижения войск, полные затаенной могучей силы. Люди, моторы, орудия — все тут было подчинено единой непреклонной воле. Ею все соединялось, все цементировалось, все направлялось в одну точку. И даже тогда, когда танкисты шли в пункт А, артиллеристы — в пункт Б, а пехота — в пункт В, — все они шли к одной общей цели.

Машина Астахова лавировала между танковыми громадами, всползала на крутые подъемы, увиливала от гусеничных тягачей и самоходок, осторожно огибала неутомимую, всюду поспевающую пехоту.

Астахов знал, что вся эта кипучая, напряженная ночная жизнь прекратится с первыми лучами рассвета. Неумолимые регулировщики перечеркнут дороги шлагбаумами и без специального пропуска не выпустят за их пределы ни одной машины, ни одной живой души. Все уйдет тогда в лес, обрастет искусственными насаждениями, зароется в землю. Заботливые руки укроют густыми ветвями стволы орудий, составят в козлы винтовки. Остынут в густой тени деревьев горячие тела машин. На траве, на шинелях, на плащ-накидках улягутся уставшие люди.

А где-то там, на других участках, откуда снялись уже многие части, где все перешло к жесткой обороне,

саперы станут имитировать оживление. По ночам будут загораться многочисленные костры, грохотать моторы грузовиков со снятыми глушителями, а днем будут передвигаться на просматриваемых участках фронта макеты танков и артиллерийских орудий.

Астахов хорошо знал всю эту многообразную военную хитрость, неистощимую выдумку и напряженную, никогда не прекращающуюся деятельность. Здесь не было ни дня, ни ночи. Здесь не было скидок на времена года, хотя и тут совершался их неизменный круговорот. Весна с ее паводками и половодьями, лето с жарой и засухой, осень с дождями, зима с морозами и снежными заносами — ничто не могло сломить волю советских воинов.

Астахов знал, что спустя еще несколько дней советские войска придут в район сосредоточения и станут занимать исходные позиции. На них будут падать снаряды и бомбы противника, но вновь прибывшие части ничем не выдадут своего присутствия, не ответят на выстрелы, не обстреляют самолеты: противник до конца, до грозного сигнала атаки, должен считать, что имеет дело только с прежними частями.

Но когда вылезут на передний край саперы и, делая вид, что минируют свои подступы, на самом деле станут проделывать проходы в минных полях для готовящихся ринуться вперед войск, когда в ночь перед наступлением поползут они к минным полям противника и, распластавшись под мигающим оком ракеты, будут затем в непроглядной мгле снимать вражеские мины, — тогда все вылезет из-под земли, застынет в напряженном ожидании.

Зная эту почти титаническую работу по подготовке к наступлению, все сложнейшие этапы ее, Астахов мучительно остро сознавал свою ответственность, ибо не только его начальники, но и он лично должен был обеспечить сохранение тайны оперативных замыслов советского командования, не допустить проникновения сведений об этих замыслах к противнику. Он гордился такой ответственностью и был глубоко убежден, что именно в борьбе за сохранение военной тайны было его настоящее призвание.

Астахов возвратился в штаб армии на следующий день утром. Капитан не сомкнул глаз всю ночь, и, хотя генерал отпустил его отдохнуть до обеда, он и не думал ложиться спать.

Перекусив наскоро, капитан поспешил в штаб инженерных войск за чертежом, который должна была приготовить для него Кедрова.

Астахов застал ее в штабе одну. Офицеры были в это время на совещании у начальника штаба, и даже Яценко вышел куда-то.

— Приветствую вас, Наташа! — улыбнулся ей капитан. — Надеюсь, вы сдержали обещание?

— Да, конечно, товарищ капитан. Чертеж был готов еще вчера вечером.

Кедрова протянула Астахову лист плотной бумаги, на котором был очень тщательно исполненный чертеж.

— Спасибо, спасибо! — Астахов с удовольствием пожал Наташину руку, показавшуюся ему очень холодной.

— Почему вы так подозрительно смотрите на меня, товарищ капитан? — спросила Наташа, смущенная не столько этим пожатием, сколько пристальным взглядом Астахова.

— Меня глаза ваши удивляют. Но не смущайтесь, это не в порядке комплимента — я не специалист по этой части... У вас просто очень усталые глаза.

— Вы, кажется, второй раз уже об этом говорите... У меня в самом деле переутомлены глаза. И это все от лампочки, наверно. — Наташа указала на висящую над чертежным столом лампочку.

— Что же, она очень тусклая или слишком яркая? — спросил Астахов.

— Исключительно яркая. От этого и болят у меня глаза. Я ведь больше ночами работаю...

Поговорив с Наташей еще немного, Астахов попрощался. Неподалеку от своего дома он встретил лейтенанта Ершова и приказал ему поинтересоваться электриком штаба инженерных войск.

Возвратившись к себе, капитан с удивлением увидел за своим столом генерала Погодина. Генерал сидел без шинели и, судя по окуркам в пепельнице, был здесь уже

давно. Перед ним лежала его рабочая папка с документами.

— Вот пришел вас проведать, — пошутил он. — Интересуюсь вашими бытовыми условиями. Что же вы стоите? Раздевайтесь, вы у себя дома, и прошу присаживаться.

Капитан Астахов быстро разделся и сел против Погодина. Генерал бросил в пепельницу окурок и продолжал:

— У меня начальство из штаба фронта, сам Лаврецкий. Работает в моем кабинете, а я до вечера займу вашу избушку... Ну, что у вас нового?

— Кажется, обнаружилось еще одно звено этого таинственного круга, — отвечал Астахов. — Я начинаю догадываться об одном пункте, казавшемся мне неясным...

— О каком же? — нетерпеливо спросил генерал.

— Мне было совершенно непонятно, каким образом ночью, без магния, в столь сложной обстановке можно было производить почти мгновенную съемку в штабе инженерных войск...

— Да, это весьма важный пункт, — согласился генерал. — Я тоже думал над этим. Любопытно, до чего же вы додумались?

— Одним умозаключением я, пожалуй, не пришел бы ни к какому выводу, если бы не обратил внимание на то, что у чертежницы Кедровой по утрам постоянно воспалены глаза. И вот оказалось, что это от слишком яркого света электрической лампочки, висящей над ее столом. Сегодня вечером я постараюсь лично посмотреть на эту лампочку. Мне думается, что именно она является источником освещения при съемке.

— Вы сделали ценное открытие, — одобрительно заметил генерал. — У меня есть дополнительные данные, которые могут подтвердить вашу догадку. Мне удалось установить, что шифрограмма убитого радиста раскодирована не совсем точно. Я установил, что в ней вместо слова «усилие» следует читать «напряжение». Таким образом, у нас получается: «Нет четкости... увеличьте напряжение...» Если допустить, что в данном случае имеется в виду электрическое напряжение, то ваша догадка вполне уместна.

— Это бесспорно так, товарищ генерал! — воскликнул Астахов. — Тогда ведь и весь смысл шифрограммы становится понятным. Читать ее в этом случае нужно так: «Нет четкости линий (или контуров), увеличьте напряжение электрического тока».

Генерал достал из папки какую-то бумажку, разгладил ее ладонью и произнес задумчиво:

— Похоже на то, что этой шифровкой шпионам дается указание делать более четкие снимки. Но при чем тут напряжение тока?

Помолчав, генерал добавил:

— Учтите, товарищ Астахов, и еще одно обстоятельство: нашей лабораторией установлено, что снимок карты, найденный у убитого радиста, сделан под углом в семьдесят пять градусов к плоскости карты.

— Это, пожалуй, пригодится нам, — заметил капитан.

— Я тоже полагаю, — согласился генерал Погодин, — что наклон карты совсем не случаен. Скорее всего, это результат какой-то помехи при съемке. Обратили вы внимание, что верхние и нижние контуры снимка не имеют достаточной четкости? Ведь это свидетельство того, что условия съемки были неблагоприятны и, видимо, наклона в семьдесят пять градусов невозможно было избежать. У нас с вами, товарищ Астахов, считанные часы. Подумайте над этими семьюдесятью пятью градусами и поинтересуйтесь лампочкой... — Генерал подошел к окну, открыл форточку, глубоко вдохнул свежий воздух, ворвавшийся в комнату, и спросил: — Кажется, погода сегодня очень хорошая?

— Так точно, товарищ генерал.

— Воспользуйтесь этим обстоятельством, товарищ капитан, и прогуляйтесь на электростанцию штаба инженерных войск. По моим данным, она расположена в живописном месте.

— Слушаюсь, товарищ генерал, — ответил Астахов, надевая шинель. — Мне ясна ваша мысль. Я уже послал туда лейтенанта Ершова на предварительную разведку. — Взглянув на часы, капитан добавил: — Через двадцать минут мы должны встретиться с ним в роще, неподалеку от электростанции.

КОРОТКАЯ АУДИЕНЦИЯ

В тот же день генерала Погодина вызвал к себе командарм. Он был задумчив и долго не начинал разговора.

Погодин не задавал вопросов. Он молча сидел перед столом командарма, лишь изредка поглядывая на его усталое, озабоченное лицо. Погодин знал, что две последние ночи командарм провел в своем рабочем кабинете, не смыкая глаз. Знал он также, что командарм только что имел разговор с начальником штаба фронта и тот поставил перед ним жесткий срок готовности армии к выполнению боевой задачи.

Положение было исключительно напряженным. Подготовка к операции уже началась. Об этом, правда, знали пока только старшие начальники, и в армейских штабах не разрабатывали еще частных задач. Но работа эта должна была начаться со дня на день.

Совсем недавно противовоздушная оборона штаба армии вела мощный зенитный огонь по вражеским самолетам. От страшного грохота сотрясалось все вокруг, но теперь установилась такая тишина, что слышно было, как тяжело дышал командарм, нервно постукивая кончиками пальцев по стеклу своего огромного письменного стола.

Перед ним лежали стопка телеграмм и клубки телеграфных лент, которые адъютант не успел еще наклеить на бумагу.

Когда певучие стенные часы неторопливо пробили десять, командарм, встрепенувшись от глубокого раздумья, внимательно посмотрел в глаза Погодину и сказал:

— Ну что ж, Михаил Алексеевич, нам, пожалуй, и не о чем говорить... Тебе ведь и так, наверно, все ясно?

— Все, товарищ командующий.

— Завтра в восемь утра ждут моего доклада. Сможешь ты доложить мне что-нибудь к семи?

— Смогу, товарищ командующий.

Разговор был окончен. Командарм встал, протянул руку Погодину:

— За эти годы, Михаил Алексеевич, не однажды

приходилось нам рисковать головой, но никогда еще не было так туго. Ну, иди... Не спрашиваю, как у тебя дела, завтра в семь утра ты сам все скажешь. Желаю успеха!

ПОЗДНО ВЕЧЕРОМ

В роще, неподалеку от сарая, в котором находилась электростанция штаба инженерных войск, Астахов встретил лейтенанта Ершова.

— Узнали что-нибудь? — тихо спросил капитан.

— Так точно, — ответил лейтенант.

Астахов повернулся, и они пошли в сторону поселка.

— Докладывайте, — приказал он Ершову.

— Мне удалось навести кое-какие справки, — сказал лейтенант. — Электрик Нефедов, обслуживающий электростанцию штаба инженерных войск, оказался не военнослужащим, а вольнонаемным. Сегодня он весь день навеселе. С некоторого времени его вообще не покидает веселое расположение духа. Где он достает водку, неизвестно. Лампочкой я тоже интересовался. Беседовал с ним по этому поводу. Уверяет, что выменял ее у электрика артиллерийского управления. Спрашиваю, как фамилия электрика. Отвечает: «Не знаю». А имя сообщил и внешность описал. Ходил специально по этому поводу к артиллеристам. Они тут недалеко, по соседству с инженерами. Оказалось, однако, что у них вообще никогда такого электрика не было.

— А под каким предлогом вы беседовали с Нефедовым? — встревоженно спросил Астахов.

— Сделал вид, что хочу раздобыть хорошую лампочку. Я же понимаю, что это дело тонкое, и действовал осторожно. Предлагал ему деньги и водку. Он обещал раздобыть. Сейчас лучше не заходите к нему: это может показаться подозрительным.

Капитан Астахов и сам понимал, что сейчас не время для этого. Только дождавшись сумерек, направился он к электростанции. Не доходя немного до сарая, в котором была установлена динамо-машина, он крикнул:

— Есть тут кто?

Ему не ответили. Он постоял немного, прислушиваясь, и вошел в сарай. Там над трофейной динамо-

машиной тускло горела электрическая лампочка. На ящике в углу дремал человек. Это был электрик Нефедов.

Капитан внимательно осмотрелся, но все вокруг было обычным. Заглянув под небольшой верстак, под которым находились ящики с проводами и электроарматурой, он отошел к дверям и крикнул:

— Эй, электрик!

Нефедов открыл глаза и зевнул.

— Кого там черти носят? — спросил он сердито, но, заметив офицерские погоны Астахова, нехотя поднялся с ящика и добавил: — Сюда нельзя, товарищ капитан. Не разрешается.

— У меня дело к вам, товарищ электрик, — вкрадчивым голосом произнес Астахов. — Нельзя ли подключиться к вашей электростанции на сегодняшний вечер? В нашей штабной автомашине аккумуляторы сели. Работа срочная, а мы без света.

— Ничего не выйдет, товарищ капитан, — хмуро ответил Нефедов. — Полковник Белов не разрешает мне никого подключать к нашей линии.

— А если я получу разрешение?

— Едва ли, — усомнился электрик.

— Попробую все-таки. Как мне отсюда ближе к нему добраться?

— Окраиной поселка нужно идти, — ответил Нефедов, потирая взлохмаченную голову, видимо болевшую после недавней выпивки.

Астахов посмотрел на небо и покачал головой:

— Темновато. Не заблудиться бы. А что, если по линии электрокабеля попробовать пойти? Куда линия-то эта идет?

— В штаб инженерных войск. Она напрямик проложена, так что вам по кустам да по оврагам придется карабкаться. Шли бы лучше поселком...

— Мне время дорого, — ответил на это Астахов. — Пойду по кабелю. Это ближе и надежнее.

С трудом различая провода над головой, капитан пошел по их направлению. Теперь ему важно было выяснить, по какой местности проходит их трасса.

Идти целиной было неудобно, а возле оврага, поросшего кустарником, Астахов чуть не угодил в топкий ручей. С трудом отыскав мостик из бревен и перейдя на другую сторону ручья, капитан стал взбираться по крутому склону, цепляясь руками за кусты. В одном из них он нащупал запутанные в ветвях провода. Их было два. Они шли откуда-то из оврага и кончались возле куста, в котором стоял шест с подвешенным электрокабелем. Провода имели изоляцию, но оба конца их были оголены.

Хотя тут не было ничего удивительного, так как, по всей вероятности, провода оставили здесь связисты, собираясь использовать попутный шест, Астахов насторожился и заметил это место. Затем он двинулся дальше и вскоре без особых приключений добрался до штаба инженерных войск.

В штабе было пусто. Офицеры ушли ужинать. Наташи тоже не было. За складным походным столом сидел лишь Яценко и лениво подшивал какие-то бумаги в толстую папку. Лицо у него было пасмурное, недовольное.

— Скоро ли придут офицеры? — спросил Астахов.

— Кто их знает, — неопределенно ответил Яценко.

Капитан посмотрел на лампочку над чертежным столом — она горела значительно ярче всех остальных. Астахов прошелся несколько раз по землянке, пристально приглядываясь к чертежному столику, который был залит ярким светом и, казалось, невольно привлекал внимание капитана. Астахов пошатал его, то опуская, то поднимая рабочую плоскость. Неожиданно возникла смутная догадка. Изменив первоначальное намерение дождаться кого-нибудь из офицеров, он решил немедленно возвратиться к себе. Прежде чем уйти, спросил Яценко:

— А где же Наташа? Тоже ужинает?

— Может быть, и ужинает, — неопределенно ответил Яценко. — Полковник ее вызывал, так что с ним, может быть, и ужинает.

— Почему это вдруг именно с ним?

— Как — почему? Очень ее уважает полковник. С братом ее он, оказывается, хорошо знаком. К тому же, видно, нравится она полковнику...

— Не он ли подарил ей эту великолепную лампочку, что над столом висит? — усмехнулся Астахов.

— Совершенно верно, — подтвердил Яценко. — Когда принес эту лампочку в штаб электрик Нефедов, генерал хотел было себе ее забрать, но Наташа убедила полковника, что такая лампочка ей более всего необходима. И вот полковник отвоевал лампочку у генерала для Наташи, а вы понимаете, конечно, каково было ее у генерала нашего отвоевывать?

КАПИТАН АСТАХОВ ДЕЙСТВУЕТ

На мгновение все смешалось в голове Астахова. Он шел спотыкаясь, не выбирая дороги, испытывая легкое головокружение. Уснувшие подозрения с новой силой проснулись в нем: «Неужели ошибся? Неужели не разгадал ее?»

Яценко, однако, явно не в духе сегодня. Мог ведь он поссориться с Наташей и потом по злобе наговорить, будто она специально выпросила эту лампочку у полковника. Не стоит придавать большого значения его словам.

Астахов старался взять себя в руки. Теперь, когда дело шло к развязке, нельзя было терять равновесия...

Залп зенитных орудий нарушил ход его мыслей. Капитан остановился и стал прислушиваться. Над поселком кружил фашистский самолет. Пулеметы цветными пунктирами трассирующих пуль чертили небо. Снаряды зениток яростно рвали непроглядную мглу. А когда замер вдалеке рокот моторов и утих наконец грохот обстрела, капитан различил далекий, но уже явственно слышный шум танков и артиллерии, идущих к местам сосредоточения. Это подействовало на него отрезвляюще. Чувство долга с новой силой поднялось в нем, заслоняя и заглушая все остальное.

Астахов вызвал лейтенанта Ершова и приказал ему срочно выяснить несколько вопросов в штабе на-

чальника связи, а сам принялся изучать чертеж стола Кедровой. Когда лейтенант возвратился и доложил, капитан облегченно воскликнул:

— Я так и думал! Теперь нам не следует терять времени, товарищ Ершов. Срочно вызовите два отделения автоматчиков и будьте наготове.

Нужно было немедленно доложить обо всем генералу. Астахов поспешил к Погодину и, пробыв у него всего десять минут, направился к полковнику Белову. Не задержался он и у Белова. Обстановка требовала решительных действий, и капитан не терял даром времени.

Спустя несколько минут он уже был в штабе инженерных войск. Все офицеры находились теперь в сборе. Наташа тоже была в штабе. Она надевала плащ-накидку, видимо собираясь куда-то.

— Похоже, что вы Кедрову отдыхать отпускаете? — спросил Астахов старшего помощника.

— Да, — ответил майор Рахманов, — я отпускаю ее, так как она работала всю прошлую ночь.

— Жаль, конечно, срывать заслуженный отдых, но ничего не поделаешь, — заметил Астахов, — ей придется изготовить карту вот по этой схеме. — Капитан протянул майору исчерченный лист бумаги и добавил: — Это приказание полковника Белова.

В это время позвонил сам полковник и подтвердил слова Астахова.

Наташа слышала весь разговор и медленно принялась развязывать шнур плащ-накидки.

— Вам не везет, — улыбаясь, обратился Астахов к девушке.

Наташа внимательно посмотрела на него и, резким движением сбросив плащ-накидку, пошла к чертежному столу.

— Вам придется склеить листы участка нашей армии, — продолжал Астахов.

— Какого масштаба? — сухо спросила Наташа.

— Пятидесятитысячного.

— У меня уже есть склеенные.

— В таком случае, нанесите передний край по последним данным, а границы корпусов и обстановку возьмите с этой вот схемы.

Астахов протянул Наташе схему, и она, беря ее, пристально посмотрела ему в глаза. Капитан был несколько смущен, но твердо выдержал этот взгляд.

— Мне почему-то кажется, — задумчиво произнесла Наташа, — что вы сегодня в плохом настроении.

— Напротив, у меня сегодня отличное настроение... — ответил Астахов и, попрощавшись, вышел из штаба.

ПОДОЗРИТЕЛЬНАЯ ЗЕМЛЯНКА

Как и предполагал Астахов, провода, обнаруженные им вечером, были теперь подключены к электрокабелю штаба инженерных войск.

— Будем осторожно двигаться вперед, — прошептал Астахов лейтенанту Ершову. — Держите людей на некотором расстоянии, но чтобы связь была идеальной.

Провода, скрытые кустарником, лежали почти на земле. Капитан, нащупывая их руками, медленно пошел вперед. Ершов следовал за ним. Было настолько темно, что стоило отнять руку от проводов, как терялась всякая ориентировка. Спустя полчаса Астахов и Ершов прошли склоном оврага около километра. Провода теперь круто поворачивали вправо и уходили в лес.

Хотя и раньше вокруг было очень темно, все-таки в лесу оказалось еще темнее. Ершов вынужден был держаться за полу шинели капитана, чтобы не потерять его из виду. Автоматчики цепочкой двигались вслед за ними. Тишина вокруг была настороженной. Даже артиллерийская перестрелка, доносившаяся совсем недавно с левого фланга фронта, смолкла. Дождик, начавший было накрапывать и робко шуршать по листве, тоже прекратился. Слышно было только, как равномерно дышит позади капитана Астахова невозмутимый лейтенант Ершов.

— Вам знаком этот лес? — шепнул капитан.

— Да, я был здесь недавно. Тут стояли когда-то немецкие части, и весь лес изрыт их землянками.

Астахов шел теперь еще медленнее и вскоре совсем остановился. Провода, вдоль которых он двигался, ушли вдруг куда-то в землю. Попытка откопать их оказалась безуспешной. Офицеры присели под деревом, не решаясь

разговаривать. Было очевидно, что цель их поисков находилась где-то неподалеку.

В лесу по-прежнему было тихо. Но вот чуть слышно хрустнула ветка, а затем послышались чьи-то шаги. Кто-то совсем близко прошел мимо. Астахов и Ершов притаились за стволом дерева. Судя по звукам шагов, неизвестный направился к опушке леса. Он шел уверенно — видимо, не раз уже совершал эту прогулку.

Спустя несколько томительных минут снова раздались его шаги. Человек возвращался назад и остановился возле дерева, за которым сидели капитан с лейтенантом. Слышно было, как он рылся в карманах. Затем послышался характерный звук трущегося о камень колесика зажигалки. Вспыхнуло желтое трепещущее пламя, вырвав из темноты несколько сырых, морщинистых стволов.

Астахов и Ершов затаив дыхание замерли за своим деревом. В свете короткой вспышки они увидели рослого человека в длинном плаще с капюшоном, стоявшего спиной к ним. Судя по отведенным в стороны и слегка приподнятым локтям, он, очевидно, прикуривал от зажигалки.

Свет погас, и все снова утонуло в еще более густой и почти осязаемо плотной тьме. Человек двинулся дальше, и путь его теперь был заметен по призрачному огоньку папиросы. Он остановился вскоре метрах в пятнадцати от Астахова и Ершова. В это время зашуршали редкие, не опавшие еще листья деревьев и хвоя на соснах под ударами первых капель снова начавшегося дождя. Огонек папиросы медленно опустился куда-то вниз и, казалось, скрылся под землей.

— Наверно, тут землянка где-то, — чуть слышно шепнул капитан.

— Будем действовать? — тихо спросил лейтенант.

— Нет. Подождем еще.

Дождик кончился так же неожиданно, как и начался. Спустя несколько минут снова показался из-под земли огонек папиросы и медленно стал подниматься вверх.

— Идите к вашим автоматчикам, — шепнул Астахов. — Постарайтесь бесшумно схватить этого человека, если он дойдет до опушки. У вас есть с собой веревка или шпагат?.. Оставьте у меня конец для связи. Двумя

рывками я дам сигнал, что этот тип прошел мимо меня и направился в вашу сторону. Вы же дайте мне знать тремя рывками, когда все будет сделано.

Ершов ушел, а Астахов принялся напряженно следить за огоньком папиросы. Теперь он был хорошо виден, так как человек направлялся в его сторону. Он шел медленно, не выпуская папиросы изо рта. В тусклом свете ее при затяжках можно было заметить продолговатое лицо с массивным подбородком.

Подождав, пока он пройдет мимо, капитан подал условный сигнал и стал прислушиваться. Минут через пять ему послышалось приглушенное хрипение, несколько глухих ударов, и все стихло. Три коротких рывка шпагата известили его о благополучном выполнении замысла. Привязав шпагат к дереву, Астахов направился к своей группе. Когда он добрался до места, лейтенант Ершов доложил ему:

— Все в порядке, товарищ капитан.

— Что вы обнаружили у него? — торопливо спросил Астахов.

— В кармане его плаща были резиновые перчатки. Вот посмотрите.

Астахов, пощупав холодную резину, поднес перчатки к носу:

— Нет сомнений, с помощью этих перчаток он подключался к электрокабелю штаба инженерных войск. Оставьте с ним кого-нибудь, остальные пусть оцепят землянку, из которой он вышел.

Лейтенант отдал приказание автоматчикам и последовал за капитаном. Они прошли несколько шагов и остановились, прислушиваясь.

Вокруг все было тихо.

Постояв немного, капитан стал медленно спускаться в землянку, осторожно нащупывая ступени. Лейтенант Ершов и два сержанта шли за ним следом.

На нижней ступеньке Астахов остановился и нащупал деревянную дверь. Она была плотная, без зазоров.

Капитан приложил к двери ухо и прислушался. За дверью было тихо. Астахов осторожно надавил на нее. Она слегка подалась внутрь, образовалась щель.

В землянке был полумрак. Человек в форме советского офицера сидел за столом и наблюдал за каким-то

Человек в форме советского офицера сидел за столом и наблюдал за каким-то прибором, из которого шел тусклый свет.

прибором, из которого шел тусклый свет. Видимо, свежий воздух, проникший в землянку через образовавшуюся щель, привлек его внимание. Он поднял голову и взглянул на дверь.

— Кто там? — спросил он.

Капитан Астахов распахнул дверь и стремительно вошел в землянку. Свет погас, но Ершов и сержанты, стоявшие уже рядом с капитаном, мгновенно зажгли электрические фонари и направили их на неизвестного.

АСТАХОВ СЧАСТЛИВ

Генерал Погодин не спал всю ночь. Он взволнованно ходил по своей комнате, ожидая возвращения Астахова. Предчувствие подсказывало ему, что капитан напал на верный след.

Когда Погодину доложили о приходе капитана, он бросил в пепельницу недокуренную папиросу и велел немедленно впустить Астахова.

В нескольких словах капитан доложил о своей ночной операции. Генерал выслушал его с нескрываемой радостью и крепко пожал ему руку.

— Ну, а теперь, — сказал он, — ступайте спать и постарайтесь отоспаться за все эти лихорадочные дни.

Астахов вышел, но он не спешил отдыхать, как советовал ему генерал. Он торопливо направился к штабу инженерных войск, где Наташа еще должна была работать над ложной оперативной картой, которой надо было привлечь внимание шпионов. Эту приманку придумал Астахов, когда стал догадываться о способе получения информации немецким командованием.

Никогда еще не волновался так капитан, подходя к штабу инженерных войск. Здесь ли еще Наташа или ушла, окончив работу? Теперь Астахов шел к ней уже без всяких подозрений, так как был совершенно уверен в непричастности ее ко всей этой истории.

Возле землянки штаба инженерных войск его остановил часовой. Капитан назвал пропуск и стал спускаться по лесенке. В землянке было тихо, большинство лампочек выключено. Над чертежным столом склонилась Наташа. Астахов подошел к ней и долго стоял, не окликая

девушку. Наконец он дотронулся до ее плеча, и Наташа, вздрогнув, оглянулась.

— Простите, пожалуйста, — сказал смутившийся Астахов. — Я, наверное, напугал вас?

— Ничуть, — ответила Наташа. — Получайте вашу карту, товарищ капитан, она готова... Не хочу вас ни о чем спрашивать, но у вас такое счастливое лицо, что так и хочется поздравить вас с какой-то удачей.

Капитан весело засмеялся, а Наташа спросила:

— Можно мне теперь идти спать?

— Да, конечно! — воскликнул Астахов и спросил, понизив голос: — Не могу ли я проводить вас?

— Если к человеку пришла большая удача, не стану доставлять ему мелкие огорчения. Идемте.

Они вышли, и Астахов осторожно взял ее под руку. Было свежо и необычно тихо. Легкий ветерок принес откуда-то издалека нежный запах полевых цветов. Небо очистилось от облаков, и тоненький серп месяца робко выглядывал из-за острой крыши какого-то сарая.

— Будто и нет никакой войны... — задумчиво произнесла Наташа.

Капитан шел молча. Он был по-настоящему счастлив и жалел лишь о том, что путь до квартиры Наташи был недалек.

СИСТЕМА УМОЗАКЛЮЧЕНИЯ АСТАХОВА

В семь часов утра Погодин явился к командарму.

— Вижу по твоим глазам, генерал, что ты пришел ко мне с добрыми вестями, — поднимаясь навстречу Погодину, сказал командарм.

— Да, с добрыми. Разрешите докладывать?

— Приказываю докладывать, — усмехнулся командарм.

— Этой ночью, — начал Погодин, — капитан Астахов задержал двух немцев, великолепно говоривших по-русски и имевших безукоризненные документы. В землянке, в которой их захватил капитан, был установлен телевизионный приемник. Шпионы были пойманы с поличным, и у них хватило здравого смысла во всем признаться. Вот в основном и все.

— Так, значит, тут телевидение? — оживился команд-

арм. В раздумье он постучал пальцами по столу и добавил: — Впрочем, здесь нет, пожалуй, ничего удивительного. Применяют же теперь реактивные «летающие бомбы», которые с некоторой дистанции начинают «видеть» впереди лежащую местность и цель. Такие бомбы снабжены телевизионными передатчиками, которые автоматически передают изображение на экран оператора, сопровождающего их на самолете. Интересно, однако, как шпионам удалось осуществить телепередачу из нашего штаба?

Погодин вынул из кармана электрическую лампочку и протянул ее командарму:

— С помощью вот этой штуки. Шпионы рассчитывали через электрика Нефедова поместить ее над столом генерала Тихомирова или полковника Белова, но лампочка оказалась повешенной над столом чертежницы Кедровой, и это если не погубило все предприятие шпионов, то значительно помогло нам разоблачить их.

— Но позволь, — заметил командарм, — ведь одной только лампочки недостаточно для телепередачи?

— Да, но это была не обычная лампочка — в нее были вмонтированы мельчайшие фотоэлементы и все остальные детали телепередатчика. Таким образом, лампочка освещала объект передачи, а фотоэлементы превращали освещенное изображение в электрические сигналы и передавали их по специальной проводке в землянку с приемной телеаппаратурой.

— Откуда же, однако, появилась у них эта проводка? — удивился командарм.

— Она ниоткуда не появилась. Вы же знаете, что штаб инженерных войск разместился в землянке, в которой раньше был штаб фашистского полка. Уходя, немцы оставили эту проводку вмонтированной в электрокабель, и, поскольку кабель этот был вполне исправен, электрик штаба инженерных войск, не задумываясь, использовал его для освещения штаба. Точно так же была использована брошенная гитлеровцами совершенно исправная электростанция. Способствовал ли электрик шпионам невольно или преднамеренно, пока неизвестно. Мы уже арестовали его, но допросить еще не успели.

— Но как же все-таки удалось вам нащупать шпионов?

Генерал Погодин достал из папки фотографию топографической карты с нанесенной на ней обстановкой, положил ее перед командармом и стал объяснять:

— Когда мы проявили этот снимок, найденный у убитого радиста, о котором я вам докладывал, нам удалось установить, что он был сделан под углом в семьдесят пять градусов. И вот капитан Астахов, занимавшийся расследованием этого дела, принялся рассуждать. Он допустил, что угол этот мог получиться при двух положениях: во-первых, если бы карта лежала на горизонтальной плоскости, а фотоаппарат при съемке был наклонен к ней под углом в семьдесят пять градусов; во-вторых, он допустил обратное положение, то есть что аппарат при съемке мог быть строго перпендикулярен к горизонтальной плоскости, а карта наклонена под углом в семьдесят пять градусов. Результат при этом был бы один и тот же.

Погодин перелистал какие-то документы в своей папке, нашел чертеж, подал его командарму и продолжал:

— Установив это, Астахов принялся изучать чертеж стола Кедровой и обнаружил, что рабочая плоскость его наклонена как раз под углом в семьдесят пять градусов. Это и заставило капитана укрепиться в подозрении, что лампочка, висевшая над чертежным столом и служившая сильным источником света, являлась в то же время и телепередатчиком, то есть, по существу, выполняла роль фотоаппарата. Следует отметить также, что наклон чертежного стола Кедровой очень мешал шпионам. Они уверяют даже, что он испортил им многие донесения.

— Молодец капитан! — восхищенно воскликнул командарм. — Вызвать его ко мне немедленно!

Так как Астахов был поблизости, он тотчас же явился на вызов.

Командарм внимательно посмотрел в его глаза и крепко пожал руку.

— Так вот вы какой, капитан Астахов! — сказал он, будто впервые увидел капитана, хотя знал его уже не первый год.

Помолчав немного, все еще пытливо вглядываясь в Астахова, командарм медленно повернулся к генералу Погодину:

— Как хочешь, Михаил Алексеевич, а я совершенно убежден, что глубокая вера в наших генералов, офицеров и солдат помогла капитану Астахову правильно решить задачу. Ведь если бы он стал подозревать каждого из них, кто знает, сколько бы времени это отняло и как долго смогли бы в связи с этим фашистские шпионы пользоваться своей телевизионной установкой!.. — Командарм снова протянул Астахову руку: — Спасибо, товарищ капитан!..

* * *

А жизнь армии между тем шла своим чередом. По-прежнему войсковые разведчики вели наблюдение за передним краем обороны противника, продолжали сосредоточиваться войска, штабы завершали разработку новой операции. И вся эта напряженная, но скрытая деятельность должна была вылиться вскоре в сокрушительный удар по врагу. Но даже и тогда почти никто не должен был знать о другой, молчаливой, невидимой и никогда не прекращающейся войне, в которой было не меньше напряжения и опасностей, чем в той большой войне, которую вела вся Советская Армия и успех которой очень часто зависел от этой маленькой войны, происходящей в тишине.

1946 г.

ВЗРЫВ ПРОИЗОЙДЕТ СЕГОДНЯ

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ХМЕЛЕВА

В дверях появился седой, бородатый мужчина в брезентовом плаще. Высокий, слегка сутуловатый, он будто нес на плечах своих непосильную тяжесть. Широкое, с крупными чертами лицо его казалось усталым.

— Разрешите, товарищ Дружинин? — низким, чуть-чуть глуховатым голосом спросил он.

Секретарь райкома партии молча кивнул. Он хорошо знал старика Хмелева еще в довоенные годы.

Хмелев твердым шагом подошел к столу, попросил разрешения сесть.

— Да, пожалуйста, — с любопытством разглядывая старика, ответил Дружинин.

— Я не оправдываться к вам пришел, Владимир Александрович, — взволнованно произнес Хмелев, — хотя и знаю, что мне теперь не очень-то доверяют.

Большим клетчатым платком он вытер пересеченный глубокими морщинами загорелый лоб, вздохнул и продолжал, чуть понизив голос:

— Я к вам по важному делу... — Помолчав, будто собираясь с мыслями, добавил: — Предупредить вас пришел.

— Предупредить? — резко поднял брови Владимир Александрович.

Хмелев спокойно выдержал пристальный взгляд Дружинина.

— Я знаю, что вы только что из области вернулись. Надо полагать, директивы важные привезли?

— Какое это имеет отношение к вашему предупреждению? — насторожился Дружинин.

— Прямое. Я хочу сообщить вам, что один из красноурудских заводов заминирован. А ведь их, наверно, скоро будут восстанавливать.

— То есть как это заминирован? — не понял Дружинин.

— Немцы поставили на одном из заводов мину замедленного действия, — пояснил Хмелев.

— Откуда вам это известно?

— Длинная история...

— Рассказывайте.

Дружинин достал папиросы, предложил Хмелеву. Тот вежливо отказался.

— По-прежнему, значит, некурящий?

— По-прежнему, Владимир Александрович. А о замысле фашистов узнал я таким образом... Но тут мне придется рассказать, как жил я в те дни. В партизаны, как вы знаете, я не пошел, а остался в городе. Фашисты, видя, что человек я немолодой, беспартийный, к тому же собственный домик имею, решили привлечь меня на свою сторону. Предлагали частную мастерскую открыть или пойти работать в полицию. Хвалиться не буду — в морду за такие предложения я им не плевал, а отвечал очень спокойно, что человек я нейтральный и люблю тишину. На деле-то, впрочем, помогал я кое-чем местным партизанам... Разные сведения полезные им сообщал, кое-какие поручения выполнял. Были бы живы командир с комиссаром партизанского отряда, они бы это засвидетельствовали...

Хмелев бросил смущенный взгляд на Дружинина и невесело усмехнулся:

— Вот видите: обещал не оправдываться, а не сдер-

жался. Уж очень обидно мне, Владимир Александрович!.. Ну да ладно, не будем об этом... А фашисты между тем все обхаживали меня. Особенно обер-лейтенант Гербст старался. На квартире у меня он стоял и добряка передо мной разыгрывал. Похлопал как-то меня по плечу и говорит: «Папаша, Советской власти капут. Надо привыкать к новым порядкам. Местечко тепленькое себе облюбовать, пока не поздно». Вижу я — дело плохо. Надо либо врагам служить, либо в лес подаваться. Но тут Михаил Петрович, комиссар партизанского отряда, которому я обо всем докладывал, вдруг предложил: «Соглашайся на их предложение, Тихон Егорыч. Открывай частную лавочку, она будет нам хорошим прикрытием: мы при ней явочную квартиру организуем».

Помолчав немного, будто переводя дух, Хмелев продолжал с тяжелым вздохом:

— Однако тут беда случилась. В тот же день в тяжелом бою погиб комиссар, не успев сообщить о своем замысле командиру отряда. А мне о смерти его ничего не было известно. Удивлялся я только, почему никто из партизан ко мне не приходит. Это уж позже рассказал мне кто-то, что попал партизанский отряд в засаду и потерял многих своих бойцов. Между тем, выполняя задание комиссара, я дал обер-лейтенанту Гербсту согласие открыть частную кузнечную мастерскую. Гербст был офицером инженерных войск и имел от командования задание организовать механические мастерские. На восстановление заводов у них силенок не хватало...

Хмелев говорил все это задумчиво, низко опустив седую голову. Но вдруг встрепенулся и тихо спросил Дружинина:

— Не длинно я, Владимир Александрович?

— Нет, ничего, продолжайте.

— Ну так вот, прежде чем отпустить мне средства на предприятие, Гербст потребовал, чтобы я присягнул ему письменно. Писарь прочел мне гербовую бумагу, в которой говорилось о сотрудничестве с германским военным командованием, а обер-лейтенант протянул мне свою автоматическую ручку. Я не задумываясь отверг бы это требование Гербста, если бы не приказание комиссара соглашаться на все. И я подписал этот документ... А время шло, и вскоре гитлеровцам стало не до частных

предприятий. Дела у них на фронте с каждым днем ухудшались, а советская артиллерия гремела все ближе. И вот однажды утром узнали мы, что комендант на нагруженной награбленным добром машине выехал из города. Бежали за ним и остальные фашисты. Только несколько небольших воинских частей да саперная рота Гербста остались в городе. Утром того же дня обер-лейтенант вызвал меня к себе.

«Хмелев, вы, кажется, работали мастером на одном из местных заводов?» — спросил он.

«Работал», — ответил я.

«На каком?»

«На заводе имени Лазо».

«Это, кажется, один из самых крупных в районе?»

«Да, самый крупный».

«И его при случае русские будут в первую очередь восстанавливать?»

«Восстанавливать-то будут все заводы, конечно», — заметил я.

Но обер-лейтенант Гербст свирепо посмотрел на меня и закричал:

«Отвечайте только на то, о чем спрашивают, черт бы вас побрал! В первую ли очередь будут восстанавливать этот завод?»

«Полагаю, что в первую», — ответил я, не понимая, к чему он клонит.

Обер-лейтенант не стал меня больше ни о чем спрашивать. Он набросил на плечи плащ и вышел на улицу с одним из своих унтеров. Подождав немного, я направился следом за ними, держась на некотором расстоянии. Фашисты пришли на завод имени Лазо. Я не рискнул последовать за ними и спрятался неподалеку, за развалинами дома. Минут через десять к заводу подъехала немецкая военная машина с солдатами. Среди них я увидел ефрейтора Шретера, часто приходившего к Гербсту, и догадался, что это были саперы обер-лейтенанта. Солдаты сгрузили с машины несколько ящиков, в которых обычно паковались немецкие стандартные заряды взрывчатки. Я сообразил, что фашисты затевают что-то недоброе, и хотел было пробраться к заводу поближе, но в это время чья-то цепкая рука схватила меня за плечо. Я обернулся и увидел Гербста.

«Что это вы разгуливаете по городу в такую скверную погоду, господин Хмелев?.. — ядовито процедил он сквозь зубы. Потом повернулся к одному из своих подчиненных и добавил: — Ефрейтор, проводите господина Хмелева на квартиру и заприте его там на ключ».

Я просидел взаперти до вечера.

Гербст вернулся домой усталый и злой. Мундир его был выпачкан глиной и известью. Вскоре зашел ко мне его денщик Ганс и втолкнул меня в комнату Гербста.

«Хмелев, — строго сказал Гербст, — помните ту бумажку, которую я дал вам подписать?»

«Помню», — ответил я.

«Ну, так вы теперь ею крепко связаны с нами. Мы собираемся оставить русским сюрприз — сотню-другую килограммов тола. Знайте же, что в один из ящиков с толом я положил подписанный вами документ с клятвенным обещанием служить немецкому командованию. Если кто-нибудь найдет нашу мину, он найдет и этот документ. По-моему, вам будет выгоднее, если мина спокойно взорвется и уничтожит компрометирующую вас бумагу. Не так ли?»

«Да, конечно, — пришлось согласиться мне. — Но как же я буду оберегать мину, если не знаю, где она поставлена?»

«Ничего, — успокоил меня Гербст, — вам и незачем это знать. Постарайтесь только отвлечь внимание от этой мины, если ее будут разыскивать. Это в наших общих интересах».

На этом наш разговор окончился. Гербст торопливо принялся писать что-то, и я подумал, что, может быть, это донесение коменданту города...

НЕДОПИСАННОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Хмелев облизнул пересохшие губы и попросил воды. Дружинин молча подал ему стакан. Старик отпил несколько глотков, вытер платком рот и продолжал.

— В городе между тем все чаще раздавались выстрелы. И вдруг где-то недалеко разорвалась граната. В комнату Гербста с диким криком «Русские автоматчики!»

вбежал денщик. Обер-лейтенант выругался, надел шинель и быстро вышел во двор. Денщик, схватив чемодан, поспешил за ним следом. Тут уж и я не стал больше медлить. У меня в сарае был спрятан немецкий парабеллум. Я вытащил его, проверил обойму и выбежал на улицу. Вдалеке мелькали две темные фигуры. В одной из них, высокой и тощей, я узнал Гербста. За ним спешил Ганс с чемоданом. Они направлялись к зданию комендатуры, где их ожидала последняя немецкая машина, уходившая из города. Нагнав гитлеровцев, я, почти не целясь, разрядил пистолет. Гербст упал на землю, а Ганс, бросив чемодан, скрылся за углом. Я не стал его преследовать: сумерки сгустились настолько, что трудно было ориентироваться...

— А Гербста вы убили?

— Он лежал без движения. Я нагнулся над ним и пощупал пульс. Песенка Гербста была спета. Торопливо обыскав карманы обер-лейтенанта, я вынул все, что там находилось. Среди его документов было и донесение коменданту города майору фон Циллиху...

Хмелев умолк, а Дружинин спросил нетерпеливо:

— Что же было в донесении?

— Доклад о произведенном минировании. Но в нем не было самого главного — указания места минирования... Видимо, он не успел этого написать или решил доложить об этом устно.

— Но что же он написал все-таки?

— Вес мины и время, когда она должна взорваться.

— Когда же?

— В нынешнем году.

Дружинин пристально посмотрел в глаза Хмелеву и спросил строго:

— Почему сообщаете вы об этом только сегодня?

— О том, что какой-то из наших заводов заминирован, — спокойно ответил Хмелев, — я доложил, как только в город вошли наши войска. И даже передал командиру саперной части донесение Гербста, полагая, что оно ему пригодится.

Дружинин широко зашагал по комнате, размышляя об услышанном.

— Разве не были тогда предприняты поиски мины? — спросил он, почти вплотную подойдя к Хмелеву.

— Мину искали. Занимался этим капитан инженерных войск Овсянников. Высокий такой, красивый молодой человек. Обшарил он со своими саперами все три завода и нашел мину в канализационных трубах завода Лазо. Я после этого немного успокоился, решив, что опасность устранена. К тому же до сих пор мина, по сути дела, и не угрожала никому: заводов-то фактически не было. А вот сегодня, узнав, что вы вернулись из области и, наверно, привезли директиву о восстановлении заводов — об этом давно в городе поговаривают, — снова встревожился. Немцы могли ведь, кроме канализационных труб, и еще где-нибудь мину поставить.

— А расписку вашу нашли саперы? — поинтересовался Дружинин.

— Не знаю... Овсянников ничего не говорил мне о ней. Не нашли, пожалуй...

Дружинин задумался, прошелся еще несколько раз по комнате и спросил:

— Может быть, вам еще что-нибудь известно?

— Это все, что я знаю, Владимир Александрович, —

ответил Хмелев, вставая. — Если у вас не будет больше вопросов, могу я уйти?

— Да, конечно. Вопросов пока больше не будет.

ОПАСЕНИЯ ШУБИНА

Секретарь Краснорудского райкома партии Владимир Александрович Дружинин давно уже с нетерпением ждал решения центра о восстановлении заводов своего района. А когда дождался наконец этого решения, вот вдруг какая помеха!.. С трудом сдерживая раздражение, долго ходил он по кабинету, не зная, что предпринять. Потом распахнул дверь в приемную и сказал своему секретарю Варе Воеводиной:

— Зайди-ка на минутку, мне нужно с тобой посоветоваться.

Он знал Варю еще девочкой, так как она была дочерью его друга, погибшего на фронте, и по-отечески называл ее на «ты».

— Ты ведь была в городе, когда уходили из него гитлеровцы? — спросил он, когда Воеводина вошла в кабинет.

— Была, Владимир Александрович.

— Не слыхала ли ты в те дни разговоров, будто фашисты заводы заминировали?

— Нет, не слыхала. А что, разве есть такое опасение? — встревожилась Варя.

Дружинин кратко сообщил ей о своем разговоре с Хмелевым и тотчас же строго предупредил:

— Только об этом никому ни слова!

— Понимаю, Владимир Александрович, не маленькая.

Заметив, что Варя слегка побледнела, Владимир Александрович спросил:

— Что же ты разволновалась так?

— Как же не волноваться, Владимир Александрович! — подняла она удивленные глаза на Дружинина. — Ведь дело идет о судьбе краснорудских заводов, значит, и о нашей с вами судьбе. Ну что за жизнь у нас в городе, да и во всем районе, без этих заводов?

Дружинин успокоил ее:

— Не волнуйся, Варюша, страшного тут ничего нет. Если мина и стоит где-нибудь, она не ускользнет от нас. Сегодня же мы начнем искать ее, и это не должно отразиться на восстановительных работах. А у нас с тобой забот теперь прибавится. И вот тебе первое задание: адреса всех бывших инженеров, техников и кадровых рабочих краснорудских заводов завтра же должны быть у меня на столе. Справишься?

— Так точно, Владимир Александрович!

Дружинин улыбнулся.

— Ты у меня молодец, Варя! По-военному отвечаешь. Это хорошо. Мы ведь теперь солдаты восстановительной армии, и все у нас должно быть, как на войне, — быстро и четко. Договорились?

Варе нравился этот большой беспокойный человек. Он был неутомим в работе и от других требовал того же. С ним легко и весело было делать любую, даже самую трудную работу.

— Получай и еще одно задание, — продолжал Дружинин, — срочно пригласи ко мне капитана Шубина.

...Начальник районного отделения государственной безопасности капитан Шубин зашел к Дружинину спустя полчаса. Это был высокий, худощавый человек с резкими чертами лица. Поздоровавшись с Владимиром Александровичем, он пристально посмотрел на него.

— Чувствую, что вы неспроста меня пригласили, Владимир Александрович. Серьезное что-нибудь? — спросил он, закуривая папиросу.

Дружинин сообщил ему все, что узнал от Хмелева. Капитан слушал внимательно, делая глубокие затяжки и нервно покусывая кончик папиросы. Сообщение Хмелева заинтересовало его. Когда Владимир Александрович кончил свой рассказ, Шубин спросил:

— Ну, а что вы сами об этом думаете? Как по-вашему: хитрит или не хитрит старик?

Дружинин ответил не сразу. Помолчав, произнес задумчиво:

— Может быть, и мало оснований доверять Хмелеву, но мне почему-то кажется, что он не обманывает. И в самом деле могло так случиться: старик помогал партизанам, был строго законспирирован, знал об этом всего один человек, и вот человека этого не стало... Комиссар

местного партизанского отряда действительно ведь погиб до освобождения города.

— Все это верно, — подтвердил Шубин, — допускаю и я такую возможность, но есть одно обстоятельство, которое заставляет меня насторожиться.

— Что именно?

— Все, что вам рассказал Хмелев, он сообщил и мне еще в прошлом году, однако почему-то умолчал о том, что, кроме мины, обнаруженной в канализационной трубе, могут быть заминированы и другие участки завода, и это кажется мне подозрительным.

— А мне нет, — возразил Дружинин. — Он не сказал об этом потому, что до сих пор никакой взрыв не мог ничему повредить. Развалины завода не очень пострадали бы от этого. Я допускаю даже, что он, если так можно выразиться, надеялся на взрыв вхолостую: взрыв уничтожил бы неприятный для него документ. После смерти комиссара Хмелеву нелегко ведь было бы оправдаться. Но когда до него дошел слух, что заводы хотят восстанавливать, и взрыв будет угрожать уже не развалинам, а строительству, людям, занятым на стройке, в нем сказался наш, советский человек, и он пренебрег личными интересами.

— А может быть, просто пошел на провокацию?

— На провокацию? — удивился Дружинин.

— Да, на провокацию, — повторил Шубин. — Разве не мог он пустить слух о мине, чтобы взвинтить наши нервы, посеять страх перед возможным взрывом, затормозить восстановление заводов? Если к делу подойти с психологической точки зрения, то миной замедленного действия может ведь оказаться сама выдумка Хмелева о нависшей над нами опасности.

Капитан налил в стакан воды из графина, жадно выпил ее и продолжал возбужденно:

— Все это, может быть, очень тонко задумано. Уличить его в обмане почти невозможно. Он ведь ничего не говорит наверняка, ничего не утверждает. Он только высказывает предположение, но вы уже сомневаетесь, уже не можете быть спокойным. А как будут работать на строительстве инженеры и рабочие, все время чувствуя себя на пороховой бочке, которая вот-вот взорвется?..

— Но для чего же тогда понадобилось ему рассказывать историю о компрометирующем его документе? — спросил Дружинин.

— Для убедительности. Это ведь чисто психологический прием.

Владимир Александрович задумчиво прошелся по комнате, заложив руки за спину.

— Нет, — упрямо тряхнул он головой, остановившись перед Шубиным, — не убедили меня ваши доводы. Кто такой Тихон Хмелев? Старый потомственный рабочий, один из лучших кузнечных мастеров на заводе. В общем, честный советский человек. Но вот он оказался в городе, оккупированном гитлеровцами... Вам кажется, что они сломили его, что поддался Хмелев их уговорам и стал предателем, а по-моему, он не мог пойти на это.

Шубин налил себе еще воды, но, так и не выпив ее, поспешно заметил:

— А вы думаете, Владимир Александрович, меня не огорчает мысль, что он может оказаться провокатором? Однако я должен предусмотреть и эту возможность, тем более что знаю некоторые, видимо, неизвестные вам черты характера Хмелева.

— Что-нибудь порочащее его?

— Нет, всего лишь болезненное самолюбие. Но в условиях оккупации фашисты могли сыграть и на этом.

— Не думаю, чтобы это было так, — с сомнением покачал головой Владимир Александрович. — Повторяю, я знал его как одного из лучших кадровых рабочих завода. Мы ведь не раз премировали его...

— Да, да, все это так, — перебил Дружинина Шубин. — Он на самом деле добросовестно работал и других учил своему мастерству. Это я по собственному опыту знаю. До того, как меня в органы НКВД откомандировали, я ведь кузнецом был и искусству кузнечному у Хмелева учился. Мастер он первоклассный. Это я сразу увидел, но увидел также и кое-что другое. Хмелев был человеком старого закала, делал все больше по старинке, новые приемы осваивал туго. Некоторые молодые рабочие, пришедшие из фабзауча и теоретически лучше подготовленные, часто его позади оставляли. И это крепко задевало Хмелева... Чем дальше, тем больше

скоплялось обиды в сердце старика. Помнится, кто-то из руководителей завода посочувствовал Хмелеву: не трудно ли, мол, работать кузнецом в такие годы? Не пора ли на пенсию? А он понял это так, будто им пренебрегают, что он уже не нужен на заводе, и оскорбился, стал мрачен, замкнулся в себе. Ну, а тут оккупация... всякие похвалы и посулы со стороны гитлеровцев. Разве это не могло его подкупить? «Вот когда оценили меня по достоинству!» — мог подумать старик и попасться на удочку. Я бы рад был ошибиться в таком предположении, но бдительность вынуждает меня быть предельно осторожным.

Дружинин долго ходил по комнате, устало переставляя ноги, наконец заметил:

— Вы правы, конечно. Хладнокровие и беспристрастность тут необходимы. Однако мину мы все-таки начнем искать... и немедленно, сегодня же. Есть ведь у нас в городе саперные части?

— Всего один саперный взвод во главе с полковым инженером. Я знаком с ним. Синицын его фамилия. Совсем еще молодой человек. Боюсь, что невелик у него военно-инженерный опыт, а ведь мины замедленного действия — чертовски замысловатые штуки.

— Конечно, тут опытный человек нужен, — согласился Дружинин. — Но что поделаешь! Пока запросишь специалиста, много времени потеряешь. Придется поручить это дело Синицыну.

ПОИСКИ НАЧАЛИСЬ

После переговоров с командиром полка в распоряжение Дружинина было послано три отделения саперов во главе со старшим лейтенантом Синицыным. Синицын в самом деле был очень молод и почти не имел боевого опыта, так как попал на фронт прямо из военно-инженерного училища незадолго до окончания войны.

Владимир Александрович объяснил ему задачу и отпустил лишь после того, как убедился, что он понял серьезность создавшейся обстановки.

Мину начали искать одновременно на всех трех заводах. Лейтенант и его солдаты работали с большим рве-

нием, однако вечером Синицын доложил Дружинину, что обнаружить пока ничего не удалось.

Опасаясь, что и дальнейшие поиски будут столь же безрезультатны, Владимир Александрович решил посоветоваться с председателем райисполкома о дальнейших действиях. Он уже взялся за телефонную трубку, когда в его кабинет вошла Варя Воеводина.

— Владимир Александрович, — возбужденно сказала она, — могу я сегодня уйти пораньше?

— Случилось что-нибудь? — спросил Дружинин. — Вид у тебя какой-то странный.

Варя засмеялась.

— Не странный, Владимир Александрович, а счастливый! Телеграмму мне только что принесли. Алеша с девятичасовым поездом приезжает.

— Алеша? — задумчиво произнес Дружинин. — Это кто же такой — Алеша?

— А вот вспомните-ка, Владимир Александрович!

Дружинин наморщил лоб.

— Алеша... — повторил он. — Позволь, это не муж ли твой?

— Он самый, Владимир Александрович, — счастливо улыбнулась Варя. — Алексей Воеводин, мой муж.

— Рад за тебя, Варя! — весело отозвался Дружинин. — Поздравляю. Надеюсь, ты познакомишь нас? Я ведь Воеводина только по твоим рассказам знаю. Ну, спеши на вокзал — до прихода поезда полчаса осталось.

А когда Варя была уже у дверей, Дружинин вдруг окликнул ее:

— Постой-ка, Варя!.. Воеводин-то твой, кажется, сапер? Капитан инженерных войск?

— Майор инженерных войск! — с гордостью поправила Варя.

— Тот самый майор Воеводин, о котором в газетах писали, как он разминировал Ольшанские шахты?

— Тот самый, Владимир Александрович.

— И он надолго к тебе?

— Нет, ненадолго. На месяц, не больше, — ответила Варя, сообразив, почему Дружинин спрашивает об этом. Улыбка невольно сбежала с ее счастливого лица. — Не везет мне, Владимир Александрович, — печально

добавила она. — Едва замуж вышла — война началась. И вот с тех пор, как ушел Алексей на фронт, так и не виделись ни разу...

— Ну-ну, — дружески похлопал ее по плечу Владимир Александрович, — не огорчайся, насмотришься еще на своего Алешу. Я на него посягать не собираюсь, хотя, по правде тебе сказать, такой человек очень бы нам пригодился сейчас... Ну, торопись! Времени до поезда в обрез. Можешь машину мою взять — она мне пока не нужна.

МАЙОР ВОЕВОДИН

На следующий день утром, как только Дружинин вошел в свой кабинет, Варя спросила его:

— Владимир Александрович, когда вы Алексея принять сможете?

— Какого Алексея? — не понял Дружинин. — Твоего, что ли?

— Моего.

— А почему ты таким официальным тоном спрашиваешь? В любое время приму. Приходите ко мне в выходной на чашку чая.

— Да нет, Владимир Александрович, я не о том. По делу когда вы его принять сможете?

— Ах, по делу! — оживленно воскликнул Дружинин. — Выходит, не выдержала, рассказала ему обо всем?

— Рассказала, Владимир Александрович.

— И решили, значит, вы... — начал было Дружинин.

Но Варя не дала ему договорить:

— Решили приняться за дело. Лучшего специалиста по минам вам ведь и в военном округе не сыскать.

— А ты Алешу своего опять, значит, целыми днями видеть не будешь?

Варя лишь тяжело вздохнула в ответ и спросила:

— Можно ему сейчас к вам?

— Как, уже сейчас? — удивился Дружинин.

— Ну да, он вас в приемной ждет.

Дружинин весело хлопнул ладонью по столу:

— Молодец ты у меня, Варюша! Приглашай же своего Алексея!

Вошел высокий и, как показалось Дружинину, немного неуклюжий офицер, с большими руками и добродушной улыбкой.

— Разрешите представиться? Гвардии майор Воеводин.

Владимир Александрович протянул ему руку.

— Будем знакомы— Дружинин, — приветливо сказал он и добавил: — Подполковник запаса... Присаживайтесь, пожалуйста.

Воеводин сел. Дружинин посмотрел на его добродушное, с крупными чертами лицо и спросил:

— Где воевали?

— Под Сталинградом, Белгородом, Невелем. Последние годы — в Прибалтике.

— Знакомые края, — заметил Дружинин, — тоже довелось там побывать. Давно в армии?

— Можно сказать, со школьной скамьи. Прямо из средней школы — в военно-инженерное училище. Войну начал командиром взвода. Теперь вот саперный батальон получил.

— Извините, что так экзаменую, — улыбнулся Владимир Александрович. — Серьезная работа предстоит. Знаете, надеюсь, в чем дело?

— Так точно. Варя рассказала.

Длинными, узловатыми пальцами майор взял папиросу, закурил и добавил:

— Я познакомился уже с полковым инженером старшим лейтенантом Синицыным. Не с того конца, по-моему, принялся он за дело. Приборами такую мину трудно обнаружить. Немцы несомненно поставили

химический взрыватель замедленного действия. А они обычно из пластмассы изготовляются, так что миноискатели против них бессильны.

— Чем же тогда обнаруживать их? Ведь не щупами же?

— Собаками-миноискателями, — ответил Воеводин. — Они себя в этом отношении великолепно зарекомендовали. В полку, к счастью, есть несколько таких собак. Если заряд состоит из тола или мелинита и зарыт неглубоко, собаки должны почувствовать его. Но может случиться, что гитлеровцы применили вещество повышенной мощности, например тетрил, не имеющий запаха, или гексоген, не обладающий ни запахом, ни вкусом. Тогда дело усложнится...

Откинув голову на спинку кресла, Воеводин глубоко втянул в себя папиросный дым. А Дружинин все присматривался к нему. Какое-то противоречивое впечатление производил на него этот майор. Когда он улыбался или отвечал на обычные вопросы, то казался простоватым, неловким и даже стеснительным человеком. Когда же речь заходила о вещах, очень хорошо ему знакомых, все в нем преображалось вдруг, менялась даже интонация голоса. Движения больших и по виду не очень ловких рук обретали, казалось, несвойственную им точность, становились выразительными.

Владимир Александрович, всегда немного спешивший делать заключения о людях по первому впечатлению, на этот раз благоразумно воздержался от преждевременных выводов.

— Позвольте и вам задать вопрос? — обратился к нему Воеводин. — Когда вы намерены приступить к восстановлению заводов?

— Немедленно, — ответил Дружинин. — Но вы, конечно, сами понимаете всю сложность положения. Если один из заводов в самом деле заминирован, то взрыва можно ожидать каждый день, каждый час, а я не могу рисковать людьми. Какое ваше мнение о возможном сроке замедления мины?

Майор бросил окурок в пепельницу и не торопясь высказал свою точку зрения:

— У всех известных нам типов мин замедленного действия наибольший срок замедления не превышает

двенадцати месяцев. Вообще же замедление можно продлить и на несколько лет. Немцы ушли из Краснорудска в тысяча девятьсот сорок третьем году; следовательно, мина находится под замедлением почти три года. Срок, конечно, критический.

Дружинин одобрительно кивнул. «Майор, кажется, неплохо разбирается в тонкостях взрывной механики», — подумал он и, вставая, протянул Воеводину руку:

— Не буду вас больше задерживать, Алексей Сергеевич. Я позвоню сейчас начальнику местного гарнизона и попрошу его временно подчинить вам саперный взвод. Ставьте меня в известность о всех ваших мероприятиях. Желаю успеха!

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ВОЕВОДИНА

На другой день вечером Алексей зашел к Дружинину доложить, как идут дела.

— Очень кстати! — оживленно воскликнул Владимир Александрович, направляясь навстречу Воеводину. — Давно вас ожидаю.

— Зайти раньше не имел возможности: весь день работал с собаками на заводах.

— А миноискатели или другие приборы совсем, значит, непригодны?

— Если бы был установлен взрыватель с часовым механизмом, могли бы пригодиться пьезостетоскопы или даже миноискатели. Но, мне думается, нам могут помочь только собаки, если, конечно, заряд находится неглубоко. Они ведь очень чувствительны к запаху тола.

— А может случиться, что и собаки не помогут?

— Может.

— Что же тогда?

— Останется предположить, что заряд или зарыт слишком глубоко, или его нет вовсе.

Дружинин сделал энергичный жест рукой и поднялся с кресла:

— Для меня нет этого «или — или». Все, в конце концов, зависит от точки зрения. Наша точка зрения такова: нужно исходить из худшего, то есть предположить, что минирование произведено.

— Ну, а если предположить, — заметил Воеводин, — что просто пущен слух, будто где-то что-то заминировано и должно взорваться?..

Спокойным голосом Дружинин ответил:

— Мы сделали и это предположение, но худшее все-таки — взрыв. Есть у вас запасный ход на тот случай, если собаки ничего не найдут?

— Да, есть. Мы тогда прибегнем к детонации.

— Объясните.

Воеводин взял со стола лист бумаги и быстро набросал схему:

— Мы заложим несколько небольших зарядов, расположив их вот таким образом в разных местах фундамента, и произведем взрыв. От этого должна детонировать, то есть взорваться от сотрясения, вызванного взрывной волной, запрятанная где-то мина, если только она окажется неподалеку.

Дружинин внимательно слушал майора. Предложение Воеводина показалось ему заслуживающим внимания, хотя и не было пока необходимости им воспользоваться.

— Это избавит нас, — продолжал майор, — от дамоклова меча — постоянной угрозы взрыва, препятствующей восстановительным работам.

— А эти детонирующие взрывы придется производить на всех трех заводах? — спросил Владимир Александрович.

— Может быть, и на всех трех.

Дружинин задумался. Помолчав, заметил:

— Не спорю, возможно, это и не плохое средство, однако сначала нужно еще раз хорошенько обследовать завод имени Лазо.

— Но ведь я же докладывал вам, Владимир Александрович, что мы ничего там не нашли, — удивился Воеводин.

— Где вы искали ее?

— В подвалах и вообще на всей территории завода.

— А в канализационных трубах?

— Мы не обнаружили там никаких канализационных труб.

— Однако такие трубы на этом заводе должны быть.

Непременно поинтересуйтесь ими, — посоветовал Дружинин, умышленно умолчав о том, что именно в этих трубах, по словам Хмелева, была обнаружена немецкая мина.

СТРАННЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

В это утро читальный зал районной библиотеки был почти пуст. За одним из столиков у окна сидел широкоплечий седой старик, перед которым лежала стопка книг. Неподалеку от него молодой человек, похожий на студента, просматривал комплект газет, то и дело с любопытством поглядывая на старика. Старик брал по очереди каждую из книг, лежавших перед ним, торопливо перелистывал и откладывал в сторону, что-то отмечая на листке бумаги. Когда вся стопка оказывалась просмотренной, он относил книги дежурному библиотекарю, заменяя их новыми. Затем повторялось то же самое — книги перелистывались и возвращались.

Старик прекратил свое непонятное занятие только в два часа дня. Попрощавшись с библиотекарем, он ушел, предупредив его, что зайдет после обеда. Поднялся и молодой человек, читавший газеты.

— Странный читатель, — кивнул он в сторону только что ушедшего старика.

— Очень странный, — согласился библиотекарь. — Просит Короленко. Даю ему новенький экземпляр, а он не берет, требует старое издание. И вообще, чем потрепанней книга, тем больше она его привлекает.

— Да ведь он и не читает их вовсе, а лишь перелистывает, — сказал молодой человек.

— Я тоже это заметил. Вообще непонятный какой-то старик. Не вполне нормальный, наверно...

Сдав газеты, молодой человек вышел из библиотеки, походил немного по улицам города и направился в управление государственной безопасности. Остановившись перед кабинетом Шубина, он постучал в дверь.

— Войдите! — раздался голос капитана.

Молодой человек вошел в кабинет и вытянулся по-военному:

— Разрешите доложить, товарищ начальник?

— Докладывайте, товарищ лейтенант.

— Старик был сегодня в районной библиотеке. Так же как и в городской, он брал книги, перелистывал их и возвращал.

— Делал он при этом какие-нибудь выписки?

— Нет. Только всякий раз, прежде чем взять новую стопку книг, сверялся с какой-то запиской.

— Какими же книгами он интересовался?

— Преимущественно художественной литературой старых изданий.

— Дореволюционными или довоенными?

— И теми и другими.

— Любопытно, — задумчиво произнес Шубин. — Ну, а какой же вы делаете вывод из этого? — обратился он к лейтенанту.

— По-моему, он что-то ищет.

— Это бесспорно, — согласился капитан. — Сможете вы достать список тех книг, которые он уже просмотрел?

— Попытаюсь.

— Узнайте также, откуда эти книги поступили. Местные библиотеки были ведь разгромлены фашистами и комплектовались заново совсем недавно.

— Слушаюсь, товарищ начальник, все будет выполнено, — ответил лейтенант.

...В тот же день Шубин встретился с Владимиром Александровичем Дружининым.

— Удалось вам узнать что-нибудь новое о Хмелеве? — спросил его Владимир Александрович.

— Пока нет, — ответил Шубин. — Роль Хмелева в дни оккупации все еще нам неясна. Формально, правда, не к чему придраться, однако многое в поведении Хмелева вызывает подозрение. Вот, к примеру, хотя бы его заявление о том, что он будто бы сообщил воинским частям, освободившим город, о минировании заводов. Части эти, по свидетельству краснорудцев, в самом деле производили разминирование, но они в основном снимали мины-сюрпризы на перекрестках дорог и в городских зданиях. О поисках же мин замедленного действия никому в городе не известно.

— Согласен с вами. Многое тут действительно неясно. Но не бывает ведь такого положения, которое нельзя было бы распутать. Хмелев говорил мне, что

саперы нашли мину в канализационных трубах завода имени Лазо. Завтра проверим, так ли это. Следы разминирования, если оно действительно было произведено, должны остаться.

В КАНАЛИЗАЦИОННОЙ ТРУБЕ

На следующий день утром помощнику Воеводина удалось раздобыть в городском коммунальном отделе схему давно уже бездействующей канализационной системы завода, и полковые саперы тотчас же приступили к раскопкам труб. А когда работа была в полном разгаре, один из сержантов доложил Воеводину, что его хочет видеть какой-то старик.

Майор хотя и удивился этому, но приказал привести посетителя. Старик был рослый, бородатый, держался непринужденно.

— Думается мне, что вы канализационную трубу разыскиваете, в которой немецкая мина была поставлена? — спросил он Воеводина.

— А вам-то какое до этого дело? — нахмурился майор.

— Я, видите ли, Хмелев, — спокойно заявил старик, — и вы обо мне, должно быть, уже слышали. Позвольте мне указать вам канализационную трубу, в которой когда-то нашли мину. Ход в нее, прорытый нашими саперами, обрушился, так что найти его нелегко.

— А откуда вы знаете, что мы ищем именно эту трубу? — подозрительно покосился на Хмелева майор.

— Потому знаю, товарищ майор, — ответил Хмелев, — что я же и сообщил о ней товарищу Дружинину. Зачем же вам перекапывать тут все, когда я вам точно укажу, где находится вход в нее.

— Показывайте, — согласился Воеводин и последовал за Хмелевым мимо разрушенных стен.

Старик шел уверенно: видимо, местность была ему хорошо знакома. Возле неглубокой воронки, поросшей сорной травой, он остановился и произнес:

— Вот, товарищ майор, тут был когда-то ход к центральной трубе заводской канализации.

— Спасибо, — поблагодарил его Воеводин. — Можете теперь быть свободны, дальше мы сами разберемся.

— Вот, товарищ майор, тут был когда-то ход к центральной трубе заводской канализации.

— Счастливо оставаться! — по-военному козырнул майору Хмелев и не спеша стал выбираться из развалин.

Солдаты Воеводина между тем расширили воронку, указанную Хмелевым, и вскоре действительно добрались до канализационной трубы, в которой имелось небольшое овальное отверстие. Майор зажег электрический фонарь, приказал двум самым опытным саперам взять миноискатели и щупы и полез в трубу.

Центральная труба была довольно широка, однако не настолько, чтобы в ней можно было свободно двигаться. Приходилось согнувшись, с трудом преодолевать каждый метр. Видимость тоже была неважная: серая поверхность трубы поглощала свет, а луч фонаря не мог пробить густую мглу. Он освещал лишь ближайшие два-три метра и терялся в темноте. Саперы тщательно просматривали и ощупывали каждую пядь пути.

Во многих местах верхняя часть трубы была повреждена, и в образовавшиеся отверстия просыпалась земля. Она лежала кучками на дороге, мешая движению. Длинные полосы теней возникали на пути луча за каждой такой кучкой.

Сержант Полунин был меньше других ростом. Ему не приходилось так сгибаться, как остальным, поэтому и двигаться было легче.

— Впереди что-то виднеется! — взволнованно воскликнул он.

Майор поднял фонарь повыше и увидел какие-то квадратные предметы. Когда подошли к ним ближе, они оказались стандартными ящиками из-под толовых шашек. Воеводин тщательно осмотрел их, определил размеры и приказал вынести все наружу, а сам начал измерять длину, диаметр и глубину залегания трубы под фундаментом завода. Потом, сделав какие-то расчеты в своем блокноте, ушел в райком партии.

СЛЕДЫ МИНИРОВАНИЯ

Капитан Шубин сидел в кабинете секретаря райкома и нетерпеливо посматривал на часы.

— Вы, значит, надеетесь, что это даст нам что-нибудь? — с сомнением спрашивал он Владимира Александровича,

— Надеюсь, что даст,— отвечал тот. — Если в трубе обнаружат следы разминирования — значит, немцы в самом деле заминировали ее и в словах Хмелева есть, стало быть, доля правды.

Некоторое время они сидели молча, но каждый думал об одном и том же: удалось ли майору Воеводину найти что-нибудь в канализационных трубах?

— Вы, конечно, понимаете, товарищ Шубин, как для нас это важно теперь, — произнес наконец Дружинин. — Из обкома мы получили разрешение отозвать к себе инженеров, техников и других специалистов, работавших раньше на краснорудских предприятиях. Во время войны многие из них перебрались в другие города, но мы уже списались с некоторыми, чьи адреса удалось раздобыть. И вот теперь представьте себе положение: инженеры, техники и мастера увольняются со своей новой работы и едут к нам, а мы заявляем им: «Извините, товарищи, вам придется отдохнуть некоторое время — заводы наши, к сожалению, нельзя еще восстанавливать...»

— Будем надеяться, что этого не случится, — заметил Шубин. — Воеводин производит впечатление опытного специалиста. Если ему не удастся найти следов мины — значит, ее не было вовсе и Хмелев просто провоцировал нас.

— А я все еще не верю в это, — покачал головой Дружинин. — Однако поживем — увидим.

— Вы, конечно, поставили обком в известность об этой мине? — немного помолчав, спросил Шубин.

— А как же иначе? — удивился Дружинин. — Доложил в тот же день, как только самому стало об этом известно.

— Ну, а какое произвело на них впечатление ваше сообщение?

— Их это не очень удивило. Они поинтересовались нашими планами, предлагали помощь, но я заявил, что справимся собственными силами...

В это время отворилась дверь, и Варя доложила:

— Воеводин.

— Наконец-то! — воскликнул Дружинин и торопливо пошел навстречу майору.

Воеводин не сразу начал свой рассказ. Он молча сел

в кресло против Дружинина и достал из планшетки блокнот. Владимир Александрович и Шубин настороженно следили за его неторопливыми движениями и терпеливо ждали.

— Канализационную трубу завода имени Лазо действительно кто-то минировал, — произнес наконец Воеводин.

— Ну, я так и думал! — с облегчением проговорил Дружинин.

— Мы нашли в ней шесть пустых ящиков из-под взрывчатки, — продолжал Воеводин. — Ящики стандартные. Вмещается в них по сто сорок четыре немецких подрывных шашки, весом в двести граммов каждая, или по двести сорок буровых шашек, весом по сто граммов каждая. Всего, стало быть, либо сто семьдесят три килограмма, либо сто сорок четыре. Вот и судите: можно ли таким количеством взрывчатки взорвать завод?

— А что, разве этого мало? — поинтересовался Шубин.

— Мало, — ответил Воеводин. — Взрывчатки потребовалось бы для этого гораздо больше.

— Но, может быть, там были и другие ящики? — предположил Дружинин. — Часть их могли вынести при разминировании.

— Едва ли, — усомнился майор. — На дне трубы непременно остались бы от них следы, а мы обнаружили только отпечатки тех ящиков, которые нашли.

— Какой же вывод из этого?

— Вывод таков: либо фашисты начали минировать трубу, да передумали, найдя другой, более удобный объект, либо произвели это ложное минирование для отвода глаз, чтобы отвлечь внимание от главного объекта.

Наступило короткое молчание; слышен был только скрип сапог Владимира Александровича, ходившего по кабинету. Воеводин задумчиво курил папиросу, Шубин машинально вертел в руке портсигар.

— А что, если это все же трюк Хмелева? — произнес вдруг капитан. — Может быть, для большей убедительности своего рассказа он сам втащил в трубу пустые

ящики из-под взрывчатки? Мог он один проделать все это?

— Дело нехитрое, — сказал майор. — Мог и он начинить трубу пустыми ящиками, но я не думаю, чтобы это было так.

— Почему же?

На вопрос Дружинина майор ответил вопросом:

— По словам Хмелева, минирование производил, кажется, обер-лейтенант Гербст?

— Совершенно верно.

— Мне довелось познакомиться с каким-то Гербстом, вернее, с его работой, в Ольшанских шахтах. Там место установки мин тоже было ложными следами запутано. Так что маневр с фиктивным минированием вполне в его стиле.

— Значит, по-вашему, поиски мины нужно продолжать? — спросил Шубин.

— Непременно.

— Как же вы намерены искать ее теперь?

— До сих пор мы искали в местах, наиболее вероятных для минирования, — ответил майор. — Теперь начнем сплошное обследование.

— А это надолго?

— Да, дело нескорое. Территория заводов очень захламлена, работать на ней нелегко. Боюсь, что времени на это понадобится много.

— А нам дорога каждая минута! — возбужденно воскликнул Дружинин. — Завтра начнут прибывать строительные рабочие. Уже сегодня прибудет бывший главный инженер одного из наших заводов. Вскоре ожидается и начальник восстановительных работ, назначенный министерством. Нам бы очень не хотелось охлаждать их пыл. Нельзя ли как-нибудь ускорить поиски этой проклятой мины?

— Тогда позвольте осуществить мой проект с детонирующими взрывами, — предложил Воеводин.

— Я полагаю, что теперь это дело решенное, — подумав немного, заявил Владимир Александрович. — Ваш проект осложнит восстановление и вызовет дополнительные расходы, но ждать больше невозможно. Сегодня же согласую это с обкомом.

ЕЩЕ ОДНА НЕУДАЧА

У окна в приемной райкома за небольшим письменным столом сидела Варя и разбирала какие-то документы. Вошедший в приемную майор Воеводин с восхищением смотрел на ее золотившиеся на солнце густые волосы. Видя, что Варя не обращает на него внимания, он подошел ближе.

— Ты так увлеклась своей работой, что даже замечать меня перестала?

Варя подняла голову, улыбнулась:

— В этом нет ничего удивительного, Алеша. Мы так редко видимся, к тому же ты ухитряешься так перепачкаться в заводских подвалах, что узнать тебя, право, мудрено.

— Мы же условились не упрекать друг друга, — смущенно проговорил Алексей. — Не делать того, что делаю, я не могу да и не имею права, ты это прекрасно понимаешь...

— Искать мину, конечно, нужно, Алеша, — перебила его Варя. — Но ведь ты обещал мне найти ее быстро.

— Что поделаешь, Варя! — вздохнул Алексей. — Я и так стараюсь изо всех сил. Доложи-ка обо мне Владимиру Александровичу.

Варя застала Дружинина у телефонного аппарата. Он разговаривал с секретарем обкома партии.

— Все в порядке, товарищ Егоров! — говорил Владимир Александрович в трубку. — Нет-нет, никакой помощи не требуется. У вас ведь и своих хлопот достаточно. Справимся своими силами. Сегодня мы должны поднять эту мину на воздух...

Он слушал некоторое время, поддакивая собеседнику, и вдруг оживился:

— Как, уже приехали? Кто?.. Инженер Серов?.. И Демченко тоже? Это здорово! Немедленно направляйте их к нам!.. Квартиры?.. Да, все готово. Можете не беспокоиться. Всего хорошего, товарищ Егоров!

Дружинин положил трубку и весело взглянул на Варю:

— Ну, а как дела с квартирами?

— Все в порядке, Владимир Александрович. Тимо-

феев просил доложить вам, что все готово. Да я и сама их осматривала. Не очень шикарно, конечно, но зато уютно.

Дружинин довольно потер руки.

— Очень хорошо! А где же Тарасенко?

— На совещании в горсовете.

— Вернется — пусть ко мне зайдет. Да, передай еще Ковалевой, что совещание агитаторов проведем завтра утром.

— Разрешите доложить... — вспомнила Варя об Алексее.

Но Дружинин перебил ее:

— Погоди! Позвони в горono и скажи, что я жду Иванова в девятнадцать ноль-ноль. Вызови ко мне еще и Свирского. Ну, что там у тебя?

— Майор Воеводин пришел.

— Воеводин? Да что же ты об этом сразу не сказала? Он мне вот как нужен! — Дружинин провел ладонью по горлу и добавил: — Зови его скорее!

Майор, громко стуча каблуками, вошел в кабинет. Сегодня он шел как-то особенно неуклюже.

Дружинин пристально всматривался в лицо Воеводина, пытаясь по выражению его угадать, с какими новостями он явился.

— Ну-с, чем порадуете?

— Радовать нечем, — мрачно ответил Воеводин. — Неважные дела.

Дружинин заметно изменился в лице:

— Произвели уже, значит, детонирующие взрывы?

— Произвел.

— На всех трех заводах?

— На всех трех.

— И?..

— Никакого эффекта.

Дружинин нахмурился.

— Может быть, в самом деле решил Хмелев поиздеваться над нами? — раздраженно произнес он и бросил в пепельницу давно уже потухшую папиросу. — Но нет, не выйдет у него это!

Вошла Варя.

— Владимир Александрович, — сказала она, — к вам Строгановы — отец и сын.

— Вот это здорово! — Дружинин поспешно повернулся к Воеводину: — Вы знаете, кто такие Строгановы? Это лучшие в области специалисты по монтажу заводского оборудования. Мастера высокого класса. Артисты!.. Зови их, Варя.

Воеводин поднялся, собираясь уйти.

— Нет-нет! — запротестовал Дружинин и, взяв его за плечи, усадил на место. — Я прошу вас остаться. Не мешает и вам послушать наших кадровых рабочих.

СОВЕТ СТРОГАНОВЫХ

Широко распахнулась дверь. Вошли рослые, широкоплечие отец и сын Строгановы.

— Иван Прокофьевич! Илья Иванович! — радостно воскликнул Дружинин. — Спасибо, что не забыли! Откуда вы? Я адреса вашего раздобыть не мог. Ходили даже слухи, будто вы погибли на фронте.

Строганов-старший заметил степенно, с легкой усмешкой:

— Погибать-то погибали, и не раз, да вот, как видите, не погибли. Я партизанил, а Илья в армии был. Гвардии старшина, полный кавалер ордена Славы. Можете поздравить.

Владимир Александрович крепко пожал руку Илье Строганову, и тут взгляд его упал на Воеводина.

— Прошу познакомиться, — обратился он к Строгановым, кивая в сторону Алексея, — гвардии майор Воеводин.

Строгановы пожали майору руку.

— Ну, а теперь присаживайтесь и рассказывайте, — сказал Дружинин, подвигая Строгановым стулья.

— Мы к вам, Владимир Александрович, прямо из областного центра, — начал Иван Прокофьевич. — Только что кончили там монтаж оборудования. Работа, скажу я вам, была мелкая, а мы прямо-таки истосковались по большому делу.

Илья Строганов поддержал отца:

— Что верно, то верно. Уж я не раз вспоминал горячие денечки, когда вы у нас на трансформаторном секретарем парткома работали. Боевое было время!

— Верно говоришь, — подтвердил Строганов-старший. — Вот и теперь, Владимир Александрович, хотим мы так поработать. Узнали, что вы всем районом командуете, и решили к вам податься. Пошли в обком, думали — драться придется за путевку к вам, а нам говорят: «К Дружинину? Пожалуйста!»

Владимир Александрович улыбнулся и спросил с любопытством:

— Ну, а как догадались-то, что у меня дело большое? Говорят, что ли, много об этом в области?

Илья Строганов собрался ответить, но отец опередил его:

— Да что говорить! И без того каждому ясно. Заводы у вас в Краснорудске транспортного машиностроения, а на транспорт в послевоенной пятилетке отпущена одна шестая всех капиталовложений в народное хозяйство. Как же тут не сообразить, что заводы эти будут и в первую очередь, и в широком масштабе восстанавливаться? — Старик подкрутил усы и усмехнулся: — Мы ведь в политике малость разбираемся.

— Все, значит, будем на ноги ставить? — удалось наконец и Илье вставить словечко. — Всю районную промышленность?

— Все и всю, — весело ответил Дружинин. — Но только теперь придется работать еще быстрее, чем до войны.

— Когда прикажете в строй становиться? Мы готовы!

— Успеете еще, — уклончиво ответил Владимир Александрович. — Устраивайтесь пока с квартирами.

— Да что нам устраиваться-то? Мы уже у родичей своих определились.

— Устраивайтесь, устраивайтесь обстоятельнее. С работой все равно придется повременить.

— Как же это так — повременить? — удивился Иван Строганов.

— Не в вашем это характере, Владимир Александрович, — поддержал отца Илья. — Непонятно это...

Иван Прокофьевич нахмурился и сказал строго:

— Вы уж выкладывайте все начистоту. Мы свои люди, скрывать от нас нечего. Поговаривают, будто фашисты с заводами что-то натворили. Мины вроде поставили. Правда это?

— Правда, — угрюмо ответил Дружинин. — Один из заводов враги заминировали. Пока не отыщем мину, работу начинать нельзя. Я не могу рисковать людьми.

— А ее ищут?

— Ищут. Вот майор Воеводин с саперами ищет.

— Очень хорошо, — одобрительно отозвался Строганов-старший. — Искать ее, конечно, нужно, однако зачем же восстановительные работы из-за этого приостанавливать, непонятно. Выходит, нас мина страшит? А разве не ходили мы в годы войны по минным полям? Не таскали эти мины в вещевых мешках, уходя на боевые задания в тыл противника?

Дружинин повернулся к окну, избегая взгляда Ивана Прокофьевича.

— Оно, может быть, и негоже простому рабочему самого секретаря райкома партии учить, — взволнованно продолжал старик, — но я тебе все же как коммунист коммунисту скажу: собери ты, Владимир Александрович, народ, скажи ему прямо, что завод заминирован, и предложи идти работать тем, кто не боится этой мины. Вот увидишь, все пойдут! А майор между тем пусть делает свое дело.

Дружинин порывисто протянул руку Строганову:

— Спасибо, Иван Прокофьевич, спасибо за совет! Поверьте моему слову — недолго осталось ждать. Вопрос всего нескольких дней.

Илья легонько толкнул отца локтем:

— Не пора ли нам?

Иван Прокофьевич решительно поднялся:

— Ну, мы пойдем. Извините, если чего лишнего наговорили, но ведь мы свои люди, на нас нельзя быть в обиде. А совет наш попомните.

Проводив Строгановых до дверей, Дружинин вернулся к Воеводину и сказал восхищенно:

— Какой народ! Разве испугаешь их какой-то фашистской миной!

ПО-ПРЕЖНЕМУ ВСЕ В ТУМАНЕ

Следующий день был спокойным. С утра Дружинин ездил в горсовет по неотложным делам, потом совещался в райисполкоме с прибывшими инженерами, при-

нимал у себя заведующего гороно. А когда наконец немного освободился и взялся за газеты, вошла Варя и доложила, что пришел инженер Орликов.

— Сергей Сергеевич? — удивился Дружинин. — Да ведь он был у меня сегодня! Что там у него такое?

— Говорит, по неотложному делу.

— Ну что ты будешь делать со стариком! — вздохнул Дружинин. — Пригласи его.

Пожилой, седоволосый инженер Орликов вошел, слегка прихрамывая и опираясь на толстую палку с массивным набалдашником.

— Извини, Владимир Александрович, что я к тебе вторично, — густым басом начал он, — но я с жалобой на саперов. Что же это такое! Оцепили все заводы и никого не подпускают. Как же я смету составлять буду?

— Ну, ну, успокойся! — улыбнулся Дружинин. — Раскипятился! Ничего, дорогой Сергей Сергеевич, не поделаешь. Ты же знаешь, что заводы заминированы и могут в любой момент взорваться?

— Ну, так что же из того, что заминированы? — не успокаивался Орликов. — А когда я мост через Дон строил, нас день и ночь бомбили и обстреливали, а я его все-таки построил. И ничего, жив-здоров, как видишь.

— Ну, тогда была война, а теперь другое дело.

— Как «другое дело»? Разве боевой дух из нас уже выветрился?

— Не узнаю тебя, Сергей Сергеевич! Очень ты ершистым стал, — засмеялся Дружинин и серьезно добавил: — Дело тут, конечно, не в боевом духе, а в простом благоразумии, так что ты два-три дня воздержись от посещений заводов. Я тебе просто запрещаю это. И не будем больше трепать нервы друг другу. У тебя все?

— Все, — мрачно отозвался Орликов.

Дружинин подал ему руку:

— Ну, будь здоров!

Когда инженер ушел, Владимир Александрович снова взялся за газеты. Но тут Варя доложила о приходе капитана Шубина.

Хмурое лицо капитана не предвещало ничего хорошего. Это отметил Дружинин еще до того, как Шубин успел открыть рот.

— Ну, что новенького? — спросил его Владимир Александрович. — По-прежнему, значит, плывем в тумане? А как Хмелев ведет себя теперь?

— Очень странно, — ответил Шубин, закуривая папиросу. — Все свободное время проводит в библиотеках, хотя, как мне известно, никогда не увлекался чтением.

— Пристрастился, значит, на старости лет.

— Не похоже что-то. Книги он берет по какому-то списку, перелистывает их и, не читая, возвращает.

— Да... — пожал плечами Дружинин. — Странновато...

ЧТО ЖЕ ИЩЕТ ХМЕЛЕВ?

Владимир Александрович давно уже не имел отдыха. Он терпеть не мог безделья. А теперь, в дни великой восстановительной страды, выходные дни были для него особенно тягостны. Дружинину почти физически больно было смотреть на остановившиеся станки, опустевшие комнаты учреждений. Начинало казаться, что все вокруг замерло, перестало двигаться и совершенствоваться.

А в последние дни Владимир Александрович забыл уже не только об отдыхе, но и о спокойном сне. Днем и ночью думал он теперь о мине, видя в ней коварного врага, который хотя и не наносил пока осязаемого удара, но ежечасно, ежеминутно грозил большой бедой. И уже в одной только этой угрозе таилась немалая опасность.

Дружинин был волевым, темпераментным человеком. Он привык принимать быстрые, смелые решения, но теперь нужна была другая тактика. Он обязан был проявлять особую осторожность, выдержку, тщательно анализировать создавшуюся обстановку. Хорошо понимая необходимость всего этого, Владимир Александрович очень досадовал, однако, что приходится терять драгоценное время.

В газетах уже сообщалось о первых успехах соседних промышленных районов. Во всех уголках страны шла стройка, а в Краснорудске работа застопорилась из-за угрозы взрыва. Дружинин верил в искусство Воеводина и не сомневался, что рано или поздно он найдет мину.

Вопрос только в том — когда?

Шубин шел к той же цели своим путем. Он видел разгадку тайны в самом Хмелеве, который не договаривал чего-то. Дружинин был с ним отчасти согласен в этом, но ему казалось, что Шубин ошибается, исходя из одних только подозрений. И вот Владимир Александрович сам решил сходить к Хмелеву и вызвать его на откровенный разговор.

Небольшой аккуратный домик бывшего кузнечного мастера находился в конце тихой, безлюдной улицы.

Владимир Александрович вышел из машины неподалеку от него и пошел дальше пешком. Подойдя поближе к домику Хмелева, он заглянул в низкое окошко. Его удивил беспорядок, царивший в комнате: подоконник, стол и даже пол были завалены книгами, тетрадями и какими-то бумагами.

«Уж не сошел ли с ума старик?» — мелькнула у Владимира Александровича тревожная мысль. Он хотел уже было отказаться от своего намерения зайти к нему, но в это время Хмелев, сидевший на полу спиной к окну, обернулся и увидел Дружинина. Старый мастер поспешно вскочил на ноги и, крикнув что-то, побежал открывать дверь.

— Здравствуйте, Владимир Александрович! — приветливо сказал он, ничуть не растерявшись. — Заходите, пожалуйста. Вот уж не ожидал вас у себя увидеть! Премного вам за это благодарен.

— Вы ведь не знаете, зачем я пришел. Может быть, зря благодарите-то, — заметил Дружинин.

Хмелев улыбнулся:

— Если бы кто-нибудь другой пришел, я бы не решился, пожалуй, так вдруг благодарить, а вас вот благодарю.

— Почему же?

— Я знаю, мне теперь не доверяют. Однако таким людям, как вы, легче, чем другим, разобраться — сломлен во мне дух советский или не сломлен. Вам полагается знать человека глубже и верить в него крепче, чем другим.

— Любопытно рассуждаете, — задумчиво произнес Дружинин, дивясь неожиданной для него логике Хмелева. — Вот только ведете себя не совсем понятно. Если бы советский дух не был в вас сломлен, вы не примирились бы с недоверием, которое к вам питают, старались бы рассеять его. — Он обвел глазами пол, заваленный книгами, и добавил раздраженно: — Черт знает что у вас тут творится! Прямо-таки погром какой-то...

Хмелев, казалось, не обратил никакого внимания на это замечание и спросил:

— А откуда это видно, что дух советский во мне сломлен? Нет, Владимир Александрович, я еще не отказался от надежды защитить свое достоинство. А ход мыслей у меня такой: перво-наперво нужно было мне решить, что у нас сейчас самое главное. Прикидывал я и так и этак, и выходило, что главное сейчас — это судьба заводов. Значит, если я помогу решить главное, то буду действовать по-советски, а люди потом пусть уж сами решат, что я за человек. Короче говоря, хочу я помочь мину найти, а что при ней, может, документы, порочащие меня, окажутся, так это уж дело второстепенное.

Увидев, что Дружинин все еще стоит посреди комнаты, Хмелев спохватился вдруг и подал ему стул.

— Садитесь, пожалуйста, — смущенно проговорил он. — Простите, что сразу не предложил. Тяжело мне, Владимир Александрович, на старости лет такое недоверие к себе видеть... Об этом день и ночь неотступно думаю, потому, может быть, чудаком стал казаться. Вот эти книги почему разбросаны? Перевод донесения Гербста я ищу. Оно ведь по-немецки было написано, и я не мог разобраться в нем. Попросил племянника, ученика восьмого класса, перевод мне сделать. Он перевел мне

донесение на русский язык, а я для памяти записал его на переплете какой-то книги. У меня ведь большая библиотека сына осталась. После войны я передал ее горсовету на пополнение городских читален, разграбленных фашистами. Вот и хожу теперь по библиотекам, ищу ту книгу, на переплете которой перевод записан. Подлинник-то я капитану Овсянникову передал, когда он стал мину разыскивать. Донесение Гербста хотя и не дописано было, но в нем есть кое-какие цифры, которые, возможно, пригодились бы.

— Что же это за цифры? Вы разве не помните? — спросил Дружинин.

— Нет, не помню. Забыл за три-то года.

Владимир Александрович посмотрел на часы и поднялся со стула.

— Ну, мне пора, Тихон Егорович, — проговорил он. — Если вам посчастливится и вы ту книгу найдете, обязательно покажите ее мне.

— А как же иначе, Владимир Александрович! — возбужденно воскликнул Хмелев. — Для чего же тогда искать ее?

ВЗРЫВ ПРОИЗОЙДЕТ СЕГОДНЯ

Едва Владимир Александрович пришел в райком, как к нему явился капитан Шубин.

— Вы, кажется, от Хмелева только что? — спросил он.

— А вы откуда знаете?

— У секретаря вашего навел справку, — ответил капитан. — Любопытно, что поведал вам старик?

Владимир Александрович рассказал ему о своей встрече с Хмелевым и предложил:

— А не попробовать ли нам разыскать этого капитана Овсянникова, на которого ссылается Хмелев?

— Пробовал уже, — ответил со вздохом Шубин. — Запрашивали мы Министерство обороны, но, по их сведениям, в инженерных войсках оказалось около десятка носящих эту фамилию капитанов и майоров, значительная часть которых уже демобилизовалась из армии. Имени же и отчества нужного нам Овсянникова Хмелев не помнит. Теперь, однако, и нет в этом нужды. Опере-

дили мы Хмелева. Раньше его нашли перевод донесения обер-лейтенанта Гербста.

С этими словами Шубин вынул из своей полевой сумки какую-то потрепанную книгу.

— А как же догадались вы, что он именно перевод донесения разыскивает? — удивился Дружинин.

— Должен вам признаться, я об этом и не догадывался вовсе. Ясно мне было лишь, что Хмелев упорно разыскивает что-то в книгах, которые, как нам удалось выяснить, сам же пожертвовал местным библиотекам. Раздобыв список всей пожертвованной им литературы, мы по абонементным листкам Хмелева установили, какие из своих книг он уже просмотрел, а остальные перелистали сами. И вот на внутренней стороне переплета этой нашли текст перевода донесения Гербста.

— Выходит, что Хмелев не обманывал нас, — с облегчением сказал Дружинин, но так как Шубин ничего не ответил на это, спросил: — Вы разве еще сомневаетесь в чем-то?

— Я просто не тороплюсь с таким выводом. Если перевод донесения Гербста поможет нам отыскать мину, никаких сомнений у меня уже не останется. Не думаю, впрочем, что можно будет извлечь что-нибудь из этих скудных данных. Вот взгляните-ка сами.

Капитан протянул Дружинину найденную книгу. Владимир Александрович подошел к окну и не без труда прочел на ней потускневшую от времени карандашную запись:

«Господину майору фон Циллиху.

В соответствии с вашим распоряжением, минирование произведено 12 мая 1943 года. Поставлено 168 кг взрывчатого вещества (6 зарядов по 28 кг). Замедление взрывателя рассчитано на три года. Исходя из идеи вашего замысла и будучи уполномочен на самостоятельные действия, я решил...»

На этом донесение обрывалось. Дружинин дважды перечитал его и вдруг воскликнул:

— Позвольте, какое же у нас сегодня число? Двенадцатое мая? Черт побери, как раз ровно три года с тех пор, как была установлена мина! Взрыв-то, значит, произойдет сегодня!..

Варя, взволнованная и возбужденная, встретила Воеводина у дверей приемной.

— Как хорошо, что ты пришел, Алеша! Я уже хотела тебя разыскивать.

— Случилось что-нибудь? — тревожно спросил Воеводин.

— Я не знаю подробностей, — ответила Варя, — но то, о чем говорили при мне Владимир Александрович и Шубин, показалось мне очень важным. Тебя они пока не спрашивали, но я не сомневаюсь — ты им очень понадобишься. Подожди минутку, я доложу о тебе.

Оказалось, Воеводин в самом деле был очень нужен Дружинину, и он приказал немедленно пригласить его. Владимир Александрович тотчас же ввел Алексея в курс дела и подал ему книгу с донесением обер-лейтенанта Гербста.

— Может, это пригодится вам? — спросил он.

Майор внимательно прочел донесение. Подумав немного, ответил:

— Пригодится, конечно. Я попытаюсь сделать кое-какие расчеты, хотя должен признаться, и на этот раз общий вес зарядов меня очень смущает.

Дружинин взволнованно ходил по комнате. Шубин почти растворился в клубах дыма. Возле него стояла пепельница, переполненная окурками.

— В конце концов, обстановка, по-моему, разряжается, — произнес наконец Дружинин. — Пусть эта мина, черт бы ее побрал, взрывается сегодня! С этим, видно, ничего не поделаешь, но зато завтра мы сможем спокойно приняться за работу.

— Не думаю, чтобы она взорвалась именно сегодня, — заметил Воеводин.

— Как? Вы разве сомневаетесь в точности работы взрывателя? — удивился Шубин.

— Если бы взрыв должен был произойти ровно через три года, — пояснил Воеводин, — то он уже произошел бы еще одиннадцатого мая, так как из этих трех лет один год был високосным. Но дело в том, что Гербст вообще не мог указать точного срока взрыва. Это ведь совершенно невозможно. Двенадцатое мая может быть

лишь теоретической датой. Практически же совершенно неизбежны отклонения в сторону уменьшения или увеличения этого срока.

— Это ваше предположение или тут существует какая-то закономерность? — спросил Шубин.

— Нет, это не только мои предположения. Даже такие точные взрыватели, как часовые, имеют значительное отклонение в ту или иную сторону. Финский восьмисуточный, например, имеет точность установки плюс — минус один час. У немецкого двадцатисуточного взрывателя с часовым механизмом при установке его на предельный срок точность хода плюс — минус шесть часов. А в электрохимическом взрывателе при установке его на сто двадцать суток возможно отклонение до пятнадцати процентов в сторону увеличения этого срока. Вот и судите, каково может быть отклонение при трехгодичном сроке замедления.

— Давайте все-таки хладнокровно во всем разберемся, — предложил Дружинин. — Выходит, что взрыватель на заминированном заводе должен сработать двенадцатого мая или в промежутке между двенадцатым мая и, допустим, двенадцатым августа. Так?

— Да, пожалуй, — согласился Воеводин.

— Если бы он сработал сегодня или завтра, — продолжал Дружинин, — это еще полбеды. Но ждать три месяца, три месяца жить в неизвестности, в ожидании взрыва — невозможно. Что же делать в таком случае?

— Искать, — твердо произнес Воеводин. — Снова искать!

— Но как же будем мы искать теперь? — спросил Дружинин.

— Теперь искать будет легче, — убежденно заявил Воеводин.

— Почему же легче?

— Потому, Владимир Александрович, что у нас есть сейчас некоторые данные: количество установленных зарядов и их вес. Сложное уравнение со многими неизвестными превращается, таким образом, в уравнение с одним неизвестным. Я тотчас же приступаю к его решению и, если у вас нет ко мне больше вопросов, прошу отпустить меня.

Майор ушел.

Следом за ним поднялся и Шубин. Дружинин остался один. Невесело думал он о сложившейся обстановке. Ну чем, в самом деле, могут помочь Воеводину эти жалкие данные?..

Размышления Дружинина неожиданно прервала Варя. Она вошла со стаканом чая и бутербродами.

— Вы ведь не обедали сегодня, Владимир Александрович, — сказала она, ставя стакан на стол. — Выпейте хоть чаю.

— Спасибо, Варя! С удовольствием выпью. Никакие потрясения не убивают во мне аппетита.

Он отпил несколько глотков горячего чая и, остановив Варю, направившуюся к двери, спросил:

— Знаешь, как дела-то обстоят?

Догадываюсь.

— Выходит, что в самом деле эта проклятая мина стала нам поперек дороги. Но, черт побери, не так-то просто нас остановить!.. Ты раздобыла подробные схемы наших заводов?

— Раздобыла, Владимир Александрович, — ответила Варя. — Пришлось все Архивное управление перевернуть и переругаться со всеми архивариусами, но схемы я все-таки раздобыла. Сейчас принесу их вам.

Спустя несколько минут Варя принесла три больших, сильно помятых свертка и положила перед Дружининым. Владимир Александрович развернул их и с интересом стал рассматривать. Варя, смотревшая на них через плечо Дружинина, заметила:

— А что, если мы дадим эти схемы Алексею? Тут видны все мельчайшие детали заводских территорий.

— Это идея, — согласился Дружинин. — Непременно нужно передать их Алексею. Поезжай к нему немедленно.

У РЫБАКА РОЩИНА

Продолжал напряженно обдумывать создавшееся положение и капитан Шубин, хотя ему казалось, что теперь он мало чем может помочь Воеводину.

Еще вчера он вызвал всех своих оперативных работников и дал им задание: расспросить краснорудцев, про-

живающих в районе заводов, не замечали ли они немецких солдат на заводской территории в день эвакуации фашистов из города.

Помощники Шубина навели необходимые справки. Выяснилось, что никто из краснорудцев не видел в тот день на заводах немецких солдат. Некоторые из опрошенных ежедневно бродили по заводским территориям в поисках топлива и, следовательно, не могли не встретиться с гитлеровцами, если бы они там находились.

Хотя все собранные сведения были малоутешительными, это не обескуражило Шубина. Он вспомнил, что один из его офицеров рассказывал ему историю, приключившуюся с местным рыбаком Рощиным. Вызвав этого офицера, капитан спросил его:

— Помните, товарищ Никитин, вы докладывали мне о Рощине, у которого гитлеровцы отобрали лодку в тот день, когда эвакуировались из города? Как по-вашему, для чего она могла им понадобиться в такой момент?

— Да уж не для увеселительной прогулки, конечно. Старик Рощин, вспоминая об этой лодке, говорил, что фашисты куда-то поспешно на ней поплыли.

— Не удирать же они на ней вздумали? — продолжал размышлять Шубин.

— Река течет на восток, а это им явно не по пути. Грести же против течения просто нелепо.

— Знаете вы, где живет Рощин? — спросил Шубин.

— Так точно, знаю, товарищ капитан. Пригласить его к вам?

— Нет, зачем же старика беспокоить. Мы можем и сами съездить к нему. Вызовите мою машину.

...Рощина Шубин застал за просушкой сетей на берегу реки. Старик приветливо поклонился ему, сняв белый парусиновый картуз.

— Ну, как жизнь, папаша? Как рыбачите?

— Ничего себе. Жаловаться не на что.

Присмотревшись, Шубин заметил старую лодку, до половины вытащенную на берег, и сказал сочувственно:

— Плоховата лодочка-то у вас.

— Верно говорите, — согласился старик. — Хорошую фашисты угнали при отступлении. Офицер ихний вдобавок еще по зубам мне надавал.

— Зачем же им лодка понадобилась?

— А кто их знает! Ящиками они ее какими-то нагрузили. Помнится, очень уж осторожно укладывали, будто хрупкую посуду. Я так и подумал тогда: не иначе как добро награбленное куда-то переправляют.

— Ну, а еще у них было что-нибудь, не помните? Может быть, инструменты какие?

— Было, кажись, и еще что-то, да я уж запамятовал. А вот ящики запомнились, потому как уж больно они церемонились с ними.

Капитан Шубин слушал рыбака, задумчиво прохаживаясь вдоль развешанных на шестах сырых сетей.

— А направились-то они куда: вниз или вверх по течению?

— Вниз, — уверенно ответил рыбак. — Это я точно помню.

— Ну, спасибо, папаша! — Шубин протянул Рощину руку. — Извините за беспокойство.

ТРУДНАЯ ЗАДАЧА

За столом, заваленным справочниками, таблицами и номограммами, сидел майор Воеводин. Перед ним лежала целая стопа исписанной бумаги, но дело не шло на лад. Расчет на подрывание заводов никак не совпадал с цифрами отчета, составленного Гербстом. Вес указанных им зарядов казался ничтожным. Что можно было взорвать таким количеством взрывчатки? К тому же было непонятно, почему поставил он шесть зарядов одинакового веса.

В подрывном деле есть свои жесткие правила, пренебречь которыми может только человек, незнакомый с техникой подрывания. Но Воеводин знал: минирование производил саперный офицер, к тому же немец, следовательно, он должен был с особенной педантичностью соблюдать эти законы. Не мог же он, начинив фугас 168 килограммами взрывчатого вещества, рассчитывать разрушить им мощный заводской корпус? Чтобы подорвать завод, ему потребовались бы многие сотни килограммов. Даже если допустить, что он применил взрывчатые вещества повышенной мощности, как, например, гексоген, то и этого оказалось бы недостаточно.

«Нет, — решительно тряхнул головой майор, — так далеко не уйдешь. Вес взрывчатки нужно пока оставить в покое...»

И он снова принялся размышлять о количестве зарядов. Целесообразно ли было минировать завод шестью одинаковыми по весу зарядами?

Майор развернул схемы заводов и попытался разместить в фундаменте их шесть пакетов взрывчатки, но убедился вскоре в полной неосуществимости этой затеи. Воеводин знал все способы подрывания каменных и железобетонных зданий, однако способ, примененный Гербстом, был беспримерным. Он больше подходил для минирования мостов.

И тут на мгновение мелькнула мысль: «А что, если в самом деле мост?»

Нет, это нелепо... Какой мост? Река огибала город в двух километрах от его восточной окраины, и лишь в трех местах ее стояли деревянные четырехпролетные мосты. И потом, какое отношение имели мосты к заводам? Нет, уж если допустить, что заминирован не завод, а какой-то другой объект, то он непременно должен иметь отношение к заводам. Если тут действовал тот же самый Гербст, со стилем которого он познакомился в Ольшанских шахтах, то обер-лейтенант именно так и запутал бы все. Разными хитрыми ходами отвел бы он внимание от главного. Скольких трудов стоило тогда, в Ольшанских шахтах, нащупать участки минирования! Вначале все казалось очень простым. Были и следы, были и очевидцы, уверявшие, что именно здесь немецкие саперы зарывали что-то. А на деле мины оказались совсем в

другом месте. Надо, значит, и теперь идти не прямым, а окольным путем...

Телефонный звонок нарушил ход мыслей Воеводина. Он снял трубку и услышал голос Шубина:

— Ну, как у вас дела, товарищ Воеводин? Все еще не удалось решить задачу? А у меня догадка одна мелькнула. Не допускаете вы возможности, что минированы не заводы, а что-то другое, имеющее к ним прямое отношение? Я проверю еще кое-что и заеду к вам.

«Выходит, что и Шубин пришел к такому же заключению», — подумал майор, вешая трубку.

Конечно, и здесь Гербст пошел на хитрость. Но что же все-таки он заминировал? Воеводин хотел было позвонить Дружинину и посоветоваться с ним, но тут внимание его привлек шум машины. Воеводин подошел к окну и увидел автомобиль, остановившийся у его дома.

— Варя?! — удивленно воскликнул Алексей, узнав в женщине, вышедшей из машины, свою жену.

— Ну, как у тебя дела? — спросила Варя, входя к нему в комнату.

— Без изменений.

— Перепробовал ли ты все на свете и поставил ли на ноги всю свою военно-инженерную науку?

Варя прислонила голову к его плечу, зябко вздрогнула и закрыла глаза:

— Как таинственно и страшно все это! Ведь где-то там, под землей, спрятана смерть. Я бы даже сказала — консервированная смерть...

— В мине — консервированная смерть! — воскликнул Воеводин. — Чертовски верное сравнение!

Сжав его руку, Варя еще крепче прижалась к нему и прошептала:

— По правде сказать, я очень боюсь за тебя, Алеша. Мина ведь может взорваться совсем неожиданно. Разве могу я не думать об этом?..

Воеводин нежно обнял ее и ласково утешил:

— Ну-ну, Варюша, не будем говорить об этом... Я ведь не первую снимаю.

И, чтобы успокоить ее, он стал рассказывать, как снимал мины на переднем крае обороны и в глубине позиций противника. Его бомбили, обстреливали из минометов, а он лежал на сырой земле и ночью на ощупь

вырывал жало у злых, настороженных мин. Одно неверное движение — и все было бы кончено. Не только собственная жизнь, но и успех готовящейся операции зависел от его умения. Подорвись он на минах — враги тотчас поняли бы, что делается проход в минном поле и, значит, готовится наступление.

И он научился быть безошибочно точным.

Однажды немцы заминировали городской театр. Предполагалось, что они поставили мину замедленного действия. В помещении театра нужно было срочно разместить бойцов, а в батальоне вышли из строя все пьезостетоскопы, которыми такие мины обнаруживаются.

И вот тогда, без приборов, обдирая в кровь уши и щеки, почти целые сутки прослушивал он стены театра и уловил наконец стук часового механизма. Звук этот был так тих, что ощутил он его скорее сердцем, чем ухом...

— Ну, а теперь-то как же? — спросила Варя, взволнованная рассказом мужа. — Теперь-то не поможет разве сердце?..

Она посмотрела Алексею в глаза и, не дождавшись ответа, протянула ему длинный сверток плотной бумаги.

— Вот, привезла тебе подробные схемы заводов. Пригодятся они?

— Если бы ты мне подробный план города и его окрестностей раздобыла, он, пожалуй, больше бы мне пригодился. Я ведь почти не знаком с Краснорудском.

— Зачем же план? — удивилась Варя. — Ведь это мой родной город, я в нем каждую улицу, каждый дом знаю. Девочкой бегала я по этим улицам, училась здесь и никуда отсюда не выезжала. Все заводы и все большие здания на моих глазах строились. Это же совсем молодой город, почти ровесник мне. С чего же начать, Алеша?

— Перечисли сначала все предприятия города. Особенно меня интересует электростанция.

— Хорошо, начнем с электростанции. Дай-ка мне лист бумаги. Я тебе все сейчас наглядно изображу.

Воеводин подал ей лист трофейной топографической карты и предложил писать на оборотной стороне его.

Варя вычертила условные границы города, широкой линией обозначила реку и сказала:

— Электростанция наша находится в пяти километрах от города, вот в этом месте примерно.

— А ты была на ней после войны?

— Конечно, и не раз. Ее ведь восстановили сразу же после освобождения города.

— Плотину ее помнишь?

— Помню. Очень красивая плотина, совсем как...

— А сколько бычков у этой плотины? — нетерпеливо перебил ее Алексей.

— Ну, этого я не знаю точно. Пять или шесть, кажется. Но что же ты так разволновался, Алеша?

Воеводин, не ответив, спросил ее:

— Не могу ли я воспользоваться твоей машиной? Мне срочно нужно побывать на этой электростанции.

— Машина Владимира Александровича, — ничего не понимая, сказала Варя. — Но если она нужна для дела, то я рискну разрешить тебе воспользоваться ею.

ПОДВИГ ВОЕВОДИНА

Спустя пятнадцать минут майор Воеводин был уже за городом. Машина почти на полной скорости неслась по шоссе вдоль реки. Было около шести часов вечера, и Алексей торопился. Конечно, невероятно, чтобы мина взорвалась именно двенадцатого мая, но чем черт не шутит!..

Воеводин всегда ругал шоферов за лихачество, но сегодня ему казалось, что машина идет недостаточно быстро. От волнения стало душно. Он снял фуражку. Ветер, со свистом врываясь в машину, ожесточенно трепал его волосы. Склонившееся к закату солнце, отражаясь в ветровом стекле, слепило глаза. Река сверкала золотой чешуей легкой зыби.

— Эх и денек сегодня, товарищ майор! — восхищался шофер.

— Да, денек... — согласился Воеводин и вытер платком потный лоб.

Наконец показалось белое здание Краснорудской гидроэлектростанции. Майор на ходу сосчитал количество бычков плотины. Их было шесть.

— Стоп! — крикнул он шоферу, когда они поравнялись с электростанцией.

Выскочив из машины, Воеводин поспешил к дежурному инженеру.

— Какова толщина бычков вашей плотины? — без всякого предисловия задал он вопрос.

— Четыре метра, — ответил инженер, с удивлением рассматривая майора. — Но зачем это вам?

— Одну минуточку! — взволнованно произнес Воеводин и поспешно раскрыл блокнот.

Формулу расчета сосредоточенного заряда Алексей знал на память. На чистом листе блокнота он написал: $C=\alpha\beta R^3$. С — это вес заряда. Воеводин обозначил его через икс и начал расшифровывать вторую половину уравнения. Ему был известен радиус бычков плотины: он составлял два метра. Кубическая степень его равнялась, следовательно, числу 8. Коэффициент альфа для бетонной кладки бычка при двухметровом радиусе был равен 3,5.

Каково же значение коэффициента бета? Воеводин задумался. Какой могла быть забивка и как расположены заряды? Несомненно, немецкие саперы должны были избрать самый верный способ: заряд в центре бычка и обязательно с забивкой. Тогда коэффициент бета должен быть равен единице.

Майор быстро заменил в формуле буквы цифрами: $x=3{,}5\times1\times8=28$ кг.

Это и был вес заряда, указанный в донесении обер-лейтенанта Гербста. Теперь не могло быть сомнений: он на верном пути. Воеводин с облегчением вздохнул и тут только заметил, с каким изумлением смотрит на него инженер. Все еще не объясняя ему, в чем дело, он попросил разрешения позвонить и побежал к телефону. В дверях почти столкнулся с капитаном Шубиным.

— Как, и вы здесь! — удивился Воеводин.

— Да, как видите, — ответил капитан. — Я хотя и не сапер, но тоже почувствовал, что тут что-то есть. Кому звонить собираетесь?

— Дружинину. И саперов хочу вызвать.

— Саперов вызывайте, а Дружинину я уже позвонил, — сказал Шубин.

Воеводин торопливо набрал нужный ему номер. Подошедшему к телефону командиру взвода приказал немедленно выслать на машине два отделения саперов..

Саперы прибыли первыми, за ними — Дружинин и Варя. В нескольких словах Воеводин рассказал о своем намерении обследовать бычки плотины.

— Вы полагаете, что заминирована только плотина? — спросил Шубин.

— Судя по указанному в донесении количеству и весу зарядов — да. Им, собственно говоря, и незачем было минировать здание электростанции — все равно оно без плотины никуда не годится. На всякий случай мы проверим, конечно, и всю территорию.

— Мне непонятно одно, — заметил Дружинин, — как же они заминировали плотину, когда она, так же как и электростанция, была взорвана нашими саперами при отступлении?

— А по-моему, тут все ясно, — ответил Воеводин. — Плотину взрывали наши саперы. Они учитывали, что рано или поздно нам же придется все это восстанавливать, поэтому и взорвали только верхнюю часть бычков, а фашисты заложили мины в уцелевшую нижнюю часть.

— Тогда позвольте еще один вопрос, — продолжал Дружинин, — как получилось, что речь все время шла о заводах, а заминированной оказалась электростанция?

— И это объясняется просто. Ведь нам не было известно ничего определенного об объекте минирования. Мы только знали, что заводы находятся под угрозой. Так оно и было в действительности. Судьба заводов, в случае если бы они были восстановлены, зависела бы от состояния питающей их электростанции. Теперь это понятно, конечно, но для этого нам пришлось размотать весьма запутанный клубок.

— Выходит, Гербст неточно выполнил приказание Циллиха?

— От него и не требовалось точного выполнения, — заявил Воеводин. — Ведь Циллих поручил ему произвести минирование по собственному усмотрению.

Когда Дружинин с Шубиным отошли немного в сторону, Варя с тревогой спросила Алексея:

— Что же ты намерен делать теперь?

— Вскрою бычки и обезврежу взрыватели мин.

— Это опасно?

— Как тебе сказать...

Варя нахмурилась и строго прервала его:

— Только говори правду! Я хочу знать, опасно ли это?

— Опасно.

— Мина ведь должна взорваться, кажется, сегодня? Можно ли трогать ее в такой момент?

— Она может взорваться и через три месяца.

— Ты не отвечаешь на мой вопрос, Алексей. Разрешается производить разминирование в такой критический момент?

— Видишь ли...

— Ты же всегда говорил мне правду, — снова перебила его Варя. — Разрешается ли разминирование?

— Не разрешается.

— И ты будешь разминировать ее сам?

— А кто же? — удивился Алексей. — Кому я доверю это дело? И как ты можешь спрашивать меня об этом?..

— Не кричи на меня, — еле сдерживая слезы, прошептала Варя. — Я твоя жена и хочу знать, на что ты идешь.

Между тем саперы обнаружили в нижней части бычков плотины неоднородность кладки. Прослушивание подозрительных участков пьезостетоскопом не дало никаких результатов, и Воеводин приказал осторожно проделать брешь.

Лишь спустя час во всех шести бычках удалось разобрать заделку. Когда все приготовления были закончены, Воеводин пробрался к первому бычку. В углублении его лежала мина замедленного действия. Она была заключена в деревянный ящик. Он протянул к нему руки, но взял не сразу. Одного прикосновения могло оказаться достаточно, чтобы все мгновенно взлетело на воздух.

Конечно, было страшно. Но разве мог Воеводин допустить взрыв плотины, не попытавшись спасти ее? Разве мог он допустить, чтобы город снова погрузился во тьму, как в мрачные дни фашистской оккупации, чтобы остановились уже начавшие действовать предприятия и затормозилось восстановление краснорудских заводов?..

Собрав все свое мужество, с затаенным дыханием Воеводин осторожно приподнял ящик. Руки его дрожали, и он ничего не мог с этим поделать. Челюсти сами собой стиснулись, на скулах вздулись мускулы. Во рту пересохло. Он опирался правым коленом о край выемки, проделанной в кладке бычка, левую ногу держал на вы-

ступе, почти у самой воды. Река, переливаясь через плотину, шумела за спиной, обдавая холодными брызгами.

Мина была теперь у него в руках, груз тянул его вниз, а Алексею нужно было сделать движение на себя, чтобы вытащить мину из ниши. Дорога́ была каждая минута, но он будто окаменел от напряжения... По заранее обдуманному плану нужно было опустить мину на плотик, привязанный у основания бычка, и пустить его вниз по течению, чтобы саперы затем расстреляли мину из винтовок вдали от гидроэлектростанции.

Желтый ящик, который Воеводин держал в руках, был плотно закупорен, но майору казалось, что он отчетливо видит цилиндрический корпус взрывателя с завинченной до отказа крышкой, раздавившей ампулу с кислотой. Едкая жидкость, в течение трех лет разъедавшая металлический стержень, вот-вот должна была завершить свою долгую работу. Боевая пружина взрывателя расправит тогда стальные суставы, готовясь вонзить жало ударника в капсюль-воспламенитель...

Часы или секунды остались до взрыва — узнать невозможно. Ясно одно: время до этого рокового мгновения сокращалось с каждым ударом сердца, бившегося все учащеннее.

Сделав над собой усилие, Воеводин стал медленно поворачиваться всем корпусом. Будто сведенные судорогой, окостеневшие руки его, описав дугу, медленно вынесли мину из ниши. Теперь нужно было осторожно снять колено с упора и, выпрямив ногу, поставить ее на самый нижний выступ бычка.

То, что так легко проделал бы Воеводин без мины, казалось теперь почти неосуществимым. Тяжелая ноша все сильнее тянула вниз, нарушая равновесие. Скользили намокшие подошвы сапог. Рябило в глазах от быстро текущей воды. Хотелось разжать руки и бросить мину в воду, но майор, стиснув зубы, предельным напряжением воли подавил минутную слабость.

Плотно прижавшись боком к стенке бычка, Воеводин медленно сполз вниз. Вскоре он уже сидел на корточках, и мина была теперь у самой воды. Не разжимая рук, майор осторожно опустил ее на плотик и тогда только перевел дыхание и рукавом гимнастерки вытер со лба холодный пот...

Остальные мины Воеводин извлекал уже спокойнее. Движения его стали решительнее, точнее. И хотя, поскользнувшись, он чуть было не упал в воду с третьей миной, уверенность в окончательной победе уже не покидала его. Только после того, как все было сделано, он почувствовал вдруг, что колени его подгибаются, а руки трясутся мелкой, противной дрожью.

После он вспомнил: первой к нему подбежала Варя, но что говорила, что он отвечал ей, не осталось в памяти...

...На другой день Дружинин пригласил к себе Хмелева и сообщил ему, что нашлась наконец злополучная мина. Старый мастер вздохнул облегченно и спросил:

— А как же документ немецкий с моей подписью? Нашли вы его, Владимир Александрович?

— Э, да черт с ним, с этим документом! — небрежно махнул рукой Дружинин. — Не нашли мы документа. Да, видно, и не клали его туда немцы, а хотели только запугать вас. Надеялись, что страх заставит вас оберегать их тайну. Ничего не вышло, однако. Дух советский победил в вас этот страх! — И он крепко пожал руку старому кузнецу.

1948 г.

В ПОГОНЕ ЗА ПРИЗРАКОМ

В КАБИНЕТЕ ПОЛКОВНИКА ОСИПОВА

Время перевалило за полночь. Все сотрудники генерала Саблина давно уже разошлись по домам. Один только полковник Осипов все еще сидел в своем кабинете.

Письменный стол его был освещен настольной лампой. Лучи света, падая из-под низко опущенного колпачка, почти полностью поглощались настольным сукном. Лишь белый лист бумаги отражал и слабо рассеивал их по всему кабинету. Комната была большая, и отраженного света недоставало для ее освещения. Со стороны казалось даже, что пространство за пределами письменного стола Осипова погружено в темноту. Но полковник привык к полумраку и хорошо видел все вокруг. Он любил поздними вечерами, а часто и бессонными ночами бесшумно прохаживаться по мягкому ковру, продумывая

многочисленные варианты возможных действий противника.

Но сегодня день был необычный — полковник Осипов ждал важное донесение, от которого зависело решение уже несколько дней волновавшей его загадки. Чистый лист бумаги, казавшийся на темно-зеленом фоне настольного сукна не только единственным освещенным местом, но и как бы самим источником света, гипнотизировал и привлекал к себе полковника. Осипов уже не раз подходил к нему, готовый запечатлеть на нем так долго продумываемую мысль, но едва он брался за перо, какой-то внутренний голос убеждал его, что мысль эта еще недостаточно созрела, загадка далека от решения и выводы слишком скороспелы.

И снова принимался полковник Осипов — седой, слегка сутуловатый человек, — ходить по своему просторному кабинету, подолгу останавливаясь у окна, за которым все еще не хотела засыпать большая, шумная даже в ночные часы площадь.

«Если бы только Мухтаров выздоровел или хотя бы пришел в сознание, — уже в который раз мысленно повторял Осипов, наблюдая, как внизу, за окном, мелькали огоньки автомобильных фар. — Все могло бы проясниться тогда... Может быть, позвонить в больницу еще раз?.. Нет, не стоит. Было бы что-нибудь новое, сами бы немедленно сообщили. Но почему, однако, бредит Мухтаров стихами? И что это за стихи: «Шелковый тревожный шорох в пурпурных портьерах, шторах»? Или еще вот эта строка: «Шумно оправляя траур оперенья своего». Как угадать по этим строчкам, какие мысли возникают у него в бреду? И почему произносит он только эти стихи? Ни одного другого слова, кроме стихов... А томик американских поэтов, который нашли у него?.. Существует, наверно, какая-то связь между ним и стихотворным бредом Мухтарова. Но какая?

Полковник Осипов сам несколько раз перелистал эту небольшую, типа «покит бук» книжицу. Он не мог похвалиться, что читал всех опубликованных в ней авторов, но такие имена, как Генри Лонгфелло, Эдгар По и Уолт Уитмен, были ему хорошо известны.

Вчера этот томик побывал в химической лаборатории и подвергся там исследованию, но и это не дало никаких

результатов. Подполковник Филин — специалист по шифрам — высказал предположение, что какое-то из напечатанных в нем стихотворений, возможно, является кодом к тайной переписке засланных к нам шпионов. Он допускал даже, что именно этим кодом зашифрована радиограмма, перехваченная несколько дней назад в районе предполагаемого местонахождения знаменитого шпиона, известного под кличкой «Призрак». Подобная догадка, пожалуй, не была лишена оснований, так как Осипов допускал, что агент иностранной разведки Мухтаров, видимо, предназначался в помощники Призраку. Его ведь выследили в поезде, уходившем в Аксакальск, то есть именно в тот район, где находился Призрак.

Все, конечно, могло бы обернуться по-другому, если бы Мухтаров не догадался, что за ним следят. Но он почувствовал это и, пытаясь уйти от преследования, неудачно выпрыгнул из вагона на ходу поезда. Теперь он лежит в бессознательном состоянии в больнице, и врачи не ручаются за его жизнь.

В карманах шпиона обнаружили: паспорт на имя Мухтарова, удостоверение личности и железнодорожный билет до Аксакальска. В чемодане нашли портативную радиостанцию и томик избранных стихотворений американских поэтов. Подполковник Филин вот уж почти сутки сидит теперь над этим томиком, отыскивая стихотворение, строки из которого произносил в бреду Мухтаров.

Был уже второй час ночи, когда в кабинете Осипова зазвонил телефон. Полковник торопливо схватил трубку, полагая, что звонят из больницы.

— Р-разрешите д-доложить, Афанасий Максимович, — услышал он голос Филина. Подполковник был сильно контужен на фронте в годы войны и слегка заикался в минуты волнения.

— Докопались до чего-нибудь? — спросил Осипов.

— Так точно. Выяснилось, что Мухтаров произносит в бреду строки из «Ворона» Эдгара По, но и с помощью этого стихотворения перехваченная нами радиограмма не поддается расшифровке.

— Да... — разочарованно проговорил Осипов. — Не очень-то вы обрадовали меня этим сообщением.

Едва он положил трубку на рычажки телефонного

аппарата, как снова раздался звонок. Теперь полковник уже почти не сомневался, что звонят из больницы.

— Это я, Круглова, — торопливо докладывала дежурная сестра. (По голосу ее Осипов тотчас же догадался: в больнице произошло то, чего он особенно опасался.) — Знаете, что случилось, Афанасий Максимович? Мухтаров умер только что...

— Пришел ли он хоть перед смертью в сознание? — спросил Осипов.

— Нет, Афанасий Максимович, — поспешно ответила Круглова. — Только по-прежнему бредил стихами. Может быть, он поэт какой-нибудь?

— Люди такой профессии не бывают поэтами, — убежденно проговорил Осипов. — Какие же стихи произносил Мухтаров? Все те же? — спросил он Круглову, уже безо всякой надежды услышать что-нибудь новое.

— Я записала. Сейчас прочту... Тут, впрочем, тоже все разрозненные строчки: «Гость какой-то запоздалый у порога моего, гость — и больше ничего...» Знаете, Афанасий Максимович, очень похоже все-таки, что это он сам сочинил. Наверно, под «гостем» смерть свою имел в виду...

— Ну, а еще что?

— Прочел целую строфу, видимо, из какого-то другого стихотворения. Вот, послушайте:

Согнется колено, вихляет ступня,
Осклабится челюсть в гримасе, —
Скелет со скелетом столкнется, звеня,
И снова колышется в плясе.

— Прочтите-ка это еще раз, помедленнее, — попросил Осипов и торопливо стал записывать.

Странным, непонятным казался Осипову этот бред. Может быть, и в самом деле пользовался он стихами для кодирования своих донесений?...

«Интересно, у себя еще Филин или ушел уже?» — подумал Осипов, набирая служебный телефон подполковника.

Филин отозвался тотчас же.

— Это Осипов, — сказал ему полковник. — Запишите-ка еще несколько строк стихотворного бреда, Борис Иванович.

И полковник продиктовал Филину стихи, сообщенные медсестрой.

— Первые две строки — это из «Ворона» Эдгара По, — выслушав Осипова, заметил Филин. — А «Скелеты» из какого-то другого стихотворения. Размер иной. Вы долго еще у себя будете, Афанасий Максимович?

— Ухожу минут через пять, — ответил Осипов, посмотрев на часы. — А вы вот что учтите, товарищ Филин: Мухтаров умер, исходите поэтому теперь только из того, что уже известно.

Домой полковник Осипов пошел пешком. Всю дорогу приходили на память стихи Эдгара По о шорохах, о черных птицах, оправляющих траур оперения своего, о каком-то запоздалом госте... Что значит все это? Какой смысл таится в наборе таинственных слов?

КЛЮЧИ К ШИФРАМ

Хотя Осипов почти не спал, на работу он явился, как обычно, к девяти часам утра. Полковник слишком хорошо знал себя, чтобы надеяться спокойно провести хотя бы одну ночь, пока тайна Мухтарова не окажется разгаданной. Но уж потом, когда загадку эту удастся разрешить, он проспит, наверно, все двадцать четыре часа. С ним уже случалось такое.

Едва Осипов прошел к себе, как в дверь кто-то постучался негромко, но энергично.

В кабинет торопливой походкой вошел подполковник Филин.

«Позавидуешь человеку, — подумал о нем полковник. — Тоже не спал, наверно, всю ночь, а ведь не скажешь... Да он и не напрасно, видимо, бодрствовал».

— Ну-с, чем порадуете? — с деланной небрежностью спросил его Осипов.

— Хорошими стихами, Афанасий Максимович! — весело проговорил Филин и положил на стол Осипова массивный однотомник произведений Иоганна Вольфганга Гёте.

Осипов, полагавший, что разгадать тайну шифра помогла книжица, найденная в чемодане Мухтарова, удивленно поднял глаза на Филина. Подполковник по-

медлил немного, будто наслаждаясь недоумением Осипова, затем с загадочной улыбкой раскрыл семьдесяг вторую страницу и показал пальцем на стихотворение «Пляска мертвецов».

— Вот ведь откуда новая строфа мухтаровского бреда, товарищ полковник! Пришлось для выяснения этого консультироваться у опытного литературоведа. «Пляска мертвецов» Гёте оказалась кодом к шифру... Обратили вы внимание, что цифры шифра разбиты на группы и расположены строками. Показалось мне это не случайным и натолкнуло на мысль, что для кодировки текста могли быть использованы стихи. И я не ошибся. Получается следующая система: каждая новая строка начинается трехзначной цифрой с нолем впереди. Цифра за нолем — порядковый номер строки стихотворения. Третий знак ключевой группы является строкой в строфе, а все последующие цифры — номерами букв в стихотворных строках.

Возьмем теперь для примера первую строку перехваченной нами шифровки: «066 14 15 2 5 16 18 19 21 13 18 21...» Ключевая группа ее — 066 означает начало строки шифра, шестую строфу и шестую строку в ней. В «Пляске мертвецов» строка эта звучит так: «Все выше и выше вползает мертвец...» Четырнадцатой буквой будет здесь «п», пятнадцатой — «о», второй — «с», пятой — «ы», шестнадцатой — «л», восемнадцатой — «а», девятнадцатой — «е», двадцать первой — «м», тринадцатой — «в», восемнадцатой — «а», двадцать первой — «м». Из букв этих складываются слова: «Посылаем вам...»

Подполковник Филин был очень доволен своей сообразительностью и не сомневался, что на этот раз сдержанный в проявлении чувств полковник Осипов непременно его похвалит. Но Афанасий Максимович прежде сам прочел всю шифрограмму, на что ушло довольно много времени. Лишь после этого он встал из-за стола и крепко пожал чуть-чуть вспотевшую от волнения руку Филина.

— Спасибо, Борис Иванович! — сказал он и, помолчав немного, спросил: — Ну, а томик, найденный у Мухтарова, тут при чем же?

— А это пока совершенно непонятно! — развел руками Филин.

— Однако и он, конечно, имеет какое-то отношение к тайной миссии Мухтарова, — убежденно заявил полковник и отпустил Филина.

Генерал Саблин, начальник Осипова, был занят все утро каким-то неотложным делом, а полковнику никогда еще не хотелось так, как сегодня, доложить ему результаты проделанной работы.

«А ведь ловко они придумали — вести тайные переговоры с помощью стихов, — размышлял Осипов, прохаживаясь по своему кабинету. — Это избавляет их от сложных кодовых таблиц или книг и журналов, к помощи которых обычно прибегают тайные агенты при шифровке. Следует только крепко держать в уме какое-нибудь стихотворение, и можно уже не сомневаться, что никто из непосвященных не прочтет ни одной строки, зашифрованной с его помощью. Какую-то роль в их тайных передачах играет, конечно, и томик стихов, обнаруженный в чемодане Мухтарова. Он хотя и не имеет прямого отношения к уже прочитанной шифровке, но им намеревались, видимо, пользоваться в будущем или предназначили для каких-нибудь особых передач».

Полковник взял бумагу, на которой был написан текст раскодированной шифрограммы, и снова прочел его:

«Посылаем вам помощника — Мухтарова Таласа Александровича, специалиста по радиотехнике, и рацию. С августа переходите на новую систему».

Что же это за «новая система»? Может быть, имеется в виду какое-нибудь новое стихотворение? Мухтаров в таком случае вез Призраку томик американских поэтов с тем, чтобы он выучил из него до августа какое-то определенное произведение. Затем, видимо, следовало уничтожить книжку и держать это стихотворение в уме. Скорее всего, таким стихотворением должен явиться «Ворон» Эдгара По, и Мухтаров, уже начавший заучивать его, повторял в бреду затверженные строки.

Полковник довольно потер руки и торопливо стал ходить по кабинету, с нетерпением ожидая, когда же наконец освободится генерал Саблин и вызовет его к себе...

Размышления Осипова прервал звонок Филина.

— Скажите, пожалуйста, Афанасий Максимович, рация Мухтарова у вас еще? — спросил подполковник.

— Да, — удивленно ответил Осипов. — А зачем она вам?

— На внутренней стороне ее футляра карандашом написано несколько цифровых строк. Посмотрите, пожалуйста, точно ли в начале первой и второй строки стоят восьмерки?

— Подождите минутку, сейчас проверю.

Полковник торопливо открыл крышку рации, стоявшей в углу его кабинета, и на матовом фоне ее внутренней поверхности прочел:

«033 2 19 28 25 7 22 39
035 3 2 26 27 6 3 32 30 5...»

Там были и еще какие-то строки, но полковник сосредоточил внимание только на этих двух. Первые цифры после нолей действительно напоминали восьмерки, но, присмотревшись к ним хорошенько с помощью лупы, Осипов убедился, что это были тройки.

— Вы ошиблись, Борис Иванович, — сказал он в телефонную трубку, — там не восьмерки, а тройки.

— Тройки? — обрадованно переспросил Филин. — Ну, тогда совсем другое дело! Разрешите зайти к вам минут через пятнадцать.

— Приказываю зайти! — усмехнулся Осипов.

Подполковник Филин действительно пришел ровно через четверть часа. В руках он держал теперь томик стихов американских поэтов. Глаза его возбужденно блестели, как и в тот раз, когда он впервые сообщил о своем открытии. Видно было, что и теперь ему посчастливилось.

— Вот, пожалуйста, — радостно проговорил он и раскрыл книгу на той странице, на которой начинался «Ворон» Эдгара По. — Читайте строфу третью:

Шелковый тревожный шорох в пурпурных портьерах, шторах
Полонил, наполнил смутным ужасом меня всего.
И, чтоб сердцу легче стало, встав, я повторил устало:
«Это гость лишь запоздалый у порога моего,
Гость какой-то запоздалый у порога моего,
Гость — и больше ничего».

Подполковник Филин был великолепным математиком, влюбленным в логарифмы и интегралы, но он любил и поэзию. Уверял даже, что у нее много общего с математикой. Стихи Эдгара По он прочел с чувством,

отметив при этом удачный перевод первой строки, в которой повторением букв «ш» и «х» усиливалось ощущение шороха.

— Ловко это они шипящие обыграли! — с восхищением заметил он. — «Шелковый тревожный шорох в пурпурных портьерах, шторах...» Здорово, не правда ли? Прошу, однако ж, обратить внимание на третью строку.

Развернув перед Осиповым лист бумаги, Филин торопливо написал на нем текст этой строки и пронумеровал все буквы его следующим образом:

«И, чтоб сердцу легче стало,
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21
встав, я повторил устало».
22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41

— Без труда можно заметить теперь, — продолжал он, — что цифры шифра на крышке футляра рации Мухтарова: 2, 19, 28, 25, 7, 22, 39 — соответствуют буквам, из которых слагается слово «Чапаева».

Аккуратно обведя карандашом эти буквы и цифры, Филин перевернул листок на другую сторону.

— А теперь такую же процедуру проделаем и с пятой строкой той же строфы:

«Гость какой-то запоздалый
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22
у порога моего».
23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34

— К этой строке, — продолжал Филин, — относятся цифры — 3, 2, 26, 27, 6, 3, 32, 30, 5. Расшифровываем их и получаем слова: «сорок семь». Надо полагать, что это адрес: улица Чапаева, дом номер сорок семь. А в двух следующих строчках сообщается фамилия проживающего по этому адресу Жиенбаева Кылыша Жантасовича. Вот вам и разгадка тайны томика американских поэтов. В нем ключ к новой системе, видимо, будущего шифра шпионов, которым так кстати для нас поспешил воспользоваться Мухтаров.

КОГО ПОСЛАТЬ?

Освободившись от срочных дел, генерал Саблин не стал приглашать к себе полковника Осипова, а сам зашел к нему в кабинет.

Генерал был высокий, сухопарый. Черные волосы его изрядно поседели на висках, но выглядел он моложе Осипова, хотя они были ровесниками. Легкой походкой прошел он через кабинет и, поздоровавшись, сел против полковника верхом на стуле. Тонкие, все еще очень черные брови генерала были слегка приподняты.

— Кажется, нам удалось кое-что распутать, Афанасий Максимович? — спросил он спокойным, веселым голосом, хотя Осипов хорошо знал, как волновала генерала возможность напасть на верный след знаменитого Призрака.

— Многое удалось распутать, Илья Ильич!

— Ого! — невольно воскликнул Саблин, не ожидавший от полковника, очень сдержанного в выражениях, такого многообещающего заявления.

Когда-то, лет тридцать назад, совсем еще молодым человеком, познакомился он с Осиповым на курсах ВЧК. С тех пор долгие годы работали они вместе на самых трудных фронтах тайной войны со злейшими и опаснейшими врагами Советского государства. Крепко сдружились они за это время и прониклись друг к другу тем глубоким уважением, которое рождается лишь в минуты самых тяжелых испытаний. Разница в званиях и должностях не мешала и теперь их дружбе.

Осипов никогда не бросал своих слов на ветер и всегда был очень трезв в оценке обстановки. Сегодня, однако, было похоже, что он доложит о какой-то большой победе, а уж Саблин-то хорошо знал, как нелегко давались эти победы на невидимых фронтах тайной войны.

Интересно, что же удалось ему распутать?

Усевшись поудобнее, генерал Саблин приготовился слушать.

— Выкладывай же, Афанасий Максимович, — проговорил он нетерпеливо.

— У меня теперь почти нет сомнений, что Мухтаров направлялся помощником к Призраку, — довольно уверенно начал Осипов свой доклад.— Легальная фамилия этого Призрака, видимо, Жиенбаев, и живет он на улице Чапаева, в доме номер сорок семь. Такая улица есть в городе Аксакальске, то есть именно там, где мы и предполагали присутствие Призрака.

— Так, так, — удовлетворенно проговорил генерал

Саблин. — Давай-ка, однако, вспомним теперь кое-что и о самом Призраке. Он ведь специализировался, кажется, по странам Востока?

— Да, это так, — ответил Осипов. — Средняя Азия, Ближний и Средний Восток ему хорошо знакомы.

— Значит, он вполне мог бы выдать себя, скажем, за историка-востоковеда?

— Полагаю, что да, — согласился Осипов. — Работая в свое время в Интеллидженс сервис, он участвовал в различных археологических экспедициях в Иране и Афганистане. Занимался при этом, конечно, не столько раскопками древностей, сколько военными укреплениями на советско-иранской и советско-афганской границах. Считается он и знатоком многих восточных языков, тюркских и иранских, например. Русским владеет в совершенстве.

— Похоже, что этому Призраку не дают покоя лавры полковника Лоуренса, — усмехнулся генерал Саблин.

— Да не без того, пожалуй. Когда он на англичан работал, они его даже вторым Лоуренсом величали. А он в одно и то же время работал и на них, и на фашистскую Германию, и, видимо, еще на кое-кого.

— Легче, значит, назвать тех, на кого он не работал, чем вспоминать, на кого работал, — засмеялся Саблин. — Известна ли, по крайней мере, его подлинная национальность?

Полковник Осипов пожал плечами:

— Если судить по фамилиям, которые он носил в свое время, то это настоящий космополит. Фамилия Кристоф, под которой он был одно время известен, могла бы свидетельствовать как об английском, так и об американском его происхождении. Но потом он сменил столько всяких немецких, французских и итальянских фамилий, что и сам, наверно, всех не помнит. Только шпионская кличка Призрак удержалась за ним по сей день.

— У нас он был, кажется, в тысяча девятьсот сорок третьем году? — спросил Саблин, перебирая в уме сотрудников, которым можно было бы поручить единоборство с таким опасным противником.

— Да, во время войны, — ответил Осипов, вспоминая, скольких бессонных ночей стоила им охота за Призраком в те годы. — Он тогда работал на гитлеровскую военную

разведку, и ему, к сожалению, удалось улизнуть от нас безнаказанно, хотя мы уже нащупали его.

— Ну, а Мухтаров должен был, значит, передать этому Призраку новую рацию и поступить в его распоряжение?

— Да, если Призрак и Жиенбаев одно и то же лицо, — уклончиво ответил Осипов.

— Полной уверенности, что мы будем иметь дело именно с Призраком, еще нет, значит?

— Абсолютной, конечно, нет, но вероятность значительная, — теперь уже с обычной своей осторожностью ответил Осипов. — Суди вот сам: из показаний недавно уличенного нами международного агента Ральфа Клейтона известно, что Призрак заброшен к нам в Среднюю Азию. Приблизительно назван район Аксакальска. В этом районе мы засекаем к тому же нелегальный передатчик и расшифровываем радиограмму с сообщением о посылке помощника какому-то тайному агенту. Нападаем мы и на след этого помощника, едущего поездом Москва — Аксакальск. Устанавливаем, что он везет рацию своему шефу и новую систему шифра, то есть именно то, о чем сообщалось в перехваченной радиограмме. Узнаем также, что следовал он по адресу, который действительно существует в Аксакальске...

— Но позволь, — нетерпеливым движением руки остановил Осипова Саблин, — разве улица Чапаева существует только в Аксакальске?

— Я специально наводил справки, — спокойно ответил Осипов. — Оказалось, что улица Чапаева из всей Аксакальской области имеется только в самом Аксакальске. Но и это еще не все. В окрестностях Аксакальска работает археологическая экспедиция Алма-атинской академии наук. Весьма возможно, что Призрак под легальной фамилией какого-нибудь востоковеда Жиенбаева находится именно в этой экспедиции. Ты ведь и сам, кажется, допускаешь, что Призрак может выдать себя за историка-востоковеда? Не случайно, видимо, и Мухтаров снабжен был документами, свидетельствующими о его принадлежности к Алма-атинскому историческому музею. Есть и еще одно обстоятельство, о котором я тебе уже говорил: Призрак бывал именно в этих местах во время войны. Полагаю, что Жиенбаев и он —

одно и то же лицо. Допустить же, что в одном и том же районе одновременно работают два крупных международных агента, просто невероятно.

— Ну ладно, — после некоторого раздумья согласился наконец генерал. — Допустим, что все это именно так. Кому же предложил бы ты в таком случае перевоплотиться в Мухтарова с тем, чтобы попробовать под его именем добраться до самого Призрака?

Полковник Осипов молчал, будто не расслышал вопроса. Он заранее знал, что по этому поводу у них не будет единодушия.

— Ты слышишь меня, Афанасий? — подождав немного, уже с нетерпением спросил Саблин.

— Слышу, Илья Ильич, — отозвался наконец Осипов, не поворачиваясь в сторону генерала и сосредоточенно разглядывая ногти на своих пальцах. — Вопрос не из легких. Подумать нужно, кому такое дело поручить. Надо полагать, что Жиенбаеву могут быть известны кое-какие сведения о Мухтарове. Может быть, и о внешнем виде кое-что... Во всяком случае это нужно иметь в виду.

— Что же он может знать о его внешности? — спросил Саблин, беря со стола удостоверение личности Мухтарова. — Вряд ли ему могли доставить его фотографию. Это можно смело исключить. Значит, только краткая характеристика в шифрованной радиограмме. Есть у него какие-либо «особые приметы»?

— Не положено иметь таковых тайным агентам, — усмехнулся полковник и тоже посмотрел на фотографию Мухтарова, приклеенную к удостоверению личности. — Забыл разве, что в шпионские школы отбирают людей с самыми невзрачными физиономиями? О Мухтарове они могли сообщить лишь рост его, цвет лица, глаз, волос.

— Ну, а кого же ты все-таки наметил бы в его двойники? — снова спросил Саблин, вставая и принимаясь ходить по кабинету.

— Алимова можно или капитана Гунибекова, — ответил Осипов, мысленно представляя себе внешний облик каждого из названных им сотрудников своего отделения.

— Ты что же из внешних только данных при этом исходишь? — недовольно поморщился генерал, останавливаясь перед полковником. — Знаю я и того и другого.

Не под силу будет им справиться с таким противником. Тут значительно большая опытность нужна. А что ты скажешь о майоре Ершове?

— О Ершове? — удивился полковник.

— Ну да, да, о Ершове! — слегка повышая тон, повторил генерал. — Знаю я, что ты с ним не очень-то ладишь, но у меня иное мнение на сей счет. У Ершова большой опыт еще со времен войны. Полковник Астахов всегда о нем хорошо отзывался. Это у тебя он немножко закис, но в этом ты сам виноват — не там его используешь, где надо.

— Ну хорошо, — согласился Осипов, но Саблин понимал, что разубедить его не так-то просто. — Хорошо, допустим, что майор Ершов действительно обладает всеми теми качествами, которые необходимы для выполнения этого нелегкого задания, а внешность?.. Мы же только что говорили с тобой, что не следует забывать хотя бы о приблизительном внешнем сходстве.

— Приблизительное сходство, по-моему, тоже имеется, — стоял на своем Саблин. — Рост почти тот же, цвет лица такой же смуглый от загара и глаза черные.

— Да, но выражение лица! — почти вскрикнул Осипов. — У него же выразительное лицо актера характерных ролей или как это там у театральных деятелей называется? Что ты, Илья Ильич! Мы же только что говорили о непримечательной внешности тайных агентов, о невзрачности их. Это же люди-невидимки, они сливаются с толпой, растворяются в ней. А Ершов всем в глаза бросается. К тому же еще усы!

— Ну, усы и сбрить можно, — спокойно заметил Саблин. — А об актерах ты к месту вспомнил. Хороший контрразведчик должен быть актером и уметь перевоплощаться, а Ершова я считаю хорошим контрразведчиком, так что сживется он для пользы дела и с ролью Мухтарова...

Заметив, что Осипов собирается возразить что-то, генерал нахмурился и добавил уже официально:

— Так что, Афанасий Максимович, на это дело назначим мы Ершова. Таково мое решение, и не будем больше возвращаться к этому вопросу.

— Слушаюсь, — сухо отозвался Осипов, видя всю бесполезность дальнейшего спора с генералом, характер которого был ему достаточно хорошо известен.

— Ну, а теперь вот что нужно решить, — продолжал Саблин, снова присаживаясь к столу. — Как быть Ершову при встрече с Призраком? Арестовать его нужно будет лишь в том случае, когда в руках у нас окажутся самые бесспорные доказательства шпионской деятельности этого тайного агента. У нас, кажется, нет пока ничего такого, что мы могли бы ему предъявить в качестве обвинения?

— Все либо не очень весомо, либо слишком устарело, — ответил Осипов, доставая из стола папку, в которой были собраны материалы о Призраке. — А такую международную знаменитость нужно, конечно, с поличным взять, чтобы и возмездие было по его заслугам. Нелегкая будет задача.

— Нелегкая, — согласился Саблин и добавил убежденно: — Потому и предлагаю поручить ее майору Ершову. Верю я в этого человека.

МАЙОР ЕРШОВ В ПЛОХОМ НАСТРОЕНИИ

Сегодня у майора Ершова настроение было скверное, как, впрочем, и все последние дни. Вот уже второй час лежал он на диване, не имея желания ни спать, ни читать. Да и думать как-то не думалось. Мысли были мелкие, случайные, прыгающие, как воробьи, за которыми так внимательно и настороженно наблюдал через окно любимый кот майора Димка.

Не очень нравилась Ершову работа в отделении полковника Осипова. Не привык он к такой работе. Скучно было изучать чужие донесения, вести переписку, давать указания, согласовывая чуть ли не каждое слово с придирчивым и педантичным полковником.

А ведь славные времена были в дни войны, когда он служил с капитаном Астаховым у генерала Погодина! Это была настоящая работа, полная опасности и напряжения всех душевных и физических сил... Особенно когда они распутывали систему шпионажа немецких фашистов с помощью телевизионной установки.

Астахов с тех пор сильно пошел в гору. Говорят, теперь полковником где-то. Вот бы с таким опять поработать! Вспомнились и еще более отдаленные времена, когда Ершов закончил курсы младших лейтенантов. Он тогда еще только осваивал командирский язык и с удовольствием принял под свою команду взвод молодых, необученных солдат.

Приятно было выкрикивать громким голосом в морозное зимнее утро четкие, резкие слова команды, выдерживая длинную паузу между предварительными и исполнительными элементами команды. А как хрустел снег под сапогами его солдат, дружно шагавших по проселочным дорогам прифронтового тыла!

Ершов вздохнул и так энергично повернулся со спины на бок, что в диване даже пружины застонали. Кот Димка оторвался на мгновение от увлекательного зрелища за окном и удивленно посмотрел на своего хозяина. Кот был большой, черный, с лоснящейся шерстью. Только усы и манишка были у него светлые, да кончики лап белели, как перчатки.

Теперь майор лежал так, что ему виден был письменный стол, на котором в простенькой рамке стоял портрет девушки с пышными русыми косами и такими нежными чертами лица, что никто из заходивших в гости к майору не принимал ее за реальное существо. Все думали, что это хорошая репродукция с картины какого-нибудь художника, работающего под Васнецова. В девушке действительно было что-то от старой русской сказки.

Не очень-то складно сложились отношения у Ершова с этой девушкой. В общем, так все получилось, что лучше было бы, пожалуй, перебраться куда-нибудь подальше от Москвы, чтобы в опасной работе забыть и о существовании девушки, и о прочих неприятностях...

Кот Димка, которому надоело бесплодное наблюдение за воробьями, нагло разгуливавшими по карнизу за окном, спрыгнул с подоконника и ленивой походкой подошел к дивану. Посмотрев в печальные глаза хозяина, он бесцеремонно взобрался к нему на бок.

— Ну, чего пожаловали, Димыч? — вяло спросил Андрей своего любимца, к которому всегда в минуты меланхолии обращался на «вы».

Димка хотя и не понимал человеческой речи, прекрасно разбирался в интонациях голоса. По грустному его мурлыканию было похоже, что он вполне разделяет мрачные мысли хозяина.

— А что, если нам, дружище, подать рапорт о переводе на другую работу или, еще лучше, в другой город? — спросил Андрей Димку. Похоже, что Димка ничего не имел против этого. — Хватит нам, черт побери, плесневеть здесь. Как вы на это смотрите, Димыч?..

Но тут хозяин Димки неожиданно сбросил его на пол и, накинув на плечи китель, пошел открывать входную дверь — снаружи кто-то очень решительно нажимал кнопку электрического звонка.

Отворив дверь, Ершов растерялся — перед ним стоял генерал Саблин.

— Товарищ генерал?! — воскликнул удивленный майор, торопливо застегивая китель и распахивая дверь перед Саблиным.

— Как видите, — улыбнулся генерал. — Но что же вы, дорогой мой, к телефону не подходите? Звоню вам, а вы, видно, спите себе? Или телефон испортился?

— Пошаливает что-то... — смущенно проговорил Ершов, пропуская Саблина вперед.

Генерал жил с ним в одном доме, только несколькими этажами ниже. Иногда он приглашал Ершова к себе или сам заходил к нему поговорить о деле или сыграть в шахматы.

— Вы что же, только вдвоем с Димкой дома? — спросил генерал Ершова, входя в его комнату и присаживаясь на диван рядом с Димкой. — Анны Петровны нет разве?

— К сестре уехала, товарищ генерал.

— Ну что ж, тогда нам никто не помешает поговорить об одном очень важном деле. Садитесь, Андрей Николаевич, и слушайте внимательно.

НАКАНУНЕ ОТЪЕЗДА

Дня три ушло у Ершова на тщательную подготовку к выполнению задания генерала Саблина. Он изучал секретные коды Мухтарова и Жиенбаева, тренировался

быстро ими пользоваться. Провел несколько практических занятий по радиотехнике с инженерами и радиомастерами — специалистами по монтажу и ремонту радиоаппаратуры. Досконально изучил рацию Мухтарова.

На четвертые сутки, явившись к генералу Саблину, Ершов доложил ему, что он готов к выполнению задания.

— Не буду вас экзаменовать, Андрей Николаевич, — заметил генерал, с удовольствием разглядывая статную фигуру майора. — Вы человек бывалый, сами знаете, что вам для этого необходимо. Должен вас предупредить, однако, что противник у вас очень осторожный, а следовательно, опытный. Ходит о нем молва как о неуловимом. Дано и прозвище в соответствии с этим — Призрак. Мы уже сделали запрос по адресу, обнаруженному у Мухтарова, и нам ответили, что в Аксакальске действительно временно прописан кандидат исторических наук Кылыш Жиенбаев, хотя его ни разу никому не удалось увидеть. Чтобы они там не спугнули этого Призрака, я дал им указание ничего против него не предпринимать и не проявлять к нему чрезмерного интереса. Приедете — сами во всем разберетесь. Связь с нами будете держать через лейтенанта Малиновкина, которого к вам прикомандируют. Все ясно, Андрей Николаевич?

— Все, товарищ генерал.

Еще раз осмотрев Ершова со всех сторон, Саблин остановил свой взгляд на усах майора и спросил, улыбаясь:

— Не жалко ли будет с усами распрощаться?

— А может быть, и не следует? — серьезно спросил Ершов, привычным движением руки поправляя усы. — Подстригу их только на восточный манер. Что вы на это скажете, товарищ генерал?

Саблин задумался, все еще присматриваясь к Ершову.

— А пожалуй, это даже естественней будет, — проговорил он наконец. — Только фасон непременно измените. С Алимовым по этому поводу посоветуйтесь. Тюбетейку еще можете надеть, но больше ничего восточного, а то слишком уж маскарадно получится. Поедете завтра утром, а пока отдыхайте да привыкайте к новой своей фамилии. С завтрашнего дня вы будете Таласом Мухтаровым.

Майор Ершов давно уже мечтал о настоящем,

трудном и опасном деле. Он шел домой в приподнятом настроении и был по-настоящему счастлив. У Кировских ворот хотел сесть в трамвай или автобус, но передумал — решил перед поездкой в последний раз пройтись пешком по родному городу. Завтра рано утром поезд с Казанского вокзала увезет его далеко на восток, за Урал, за пределы Европы, в советскую Среднюю Азию.

Ему казалось, что люди, встречавшиеся по пути, смотрят на него как-то особенно пристально. И сам он иными глазами смотрел теперь на всех, не без гордости думая, что, кто знает, может быть, и жизнь и безопасность всех этих людей будет зависеть в какой-то мере от того, как он справится с тем большим и трудным заданием, которое поручает ему государство.

Вспомнилась и девушка... Мелькнула на мгновение мысль: «Может быть, зайти попрощаться?» Но тотчас же он подумал: «Ни к чему». О том, что он уезжает, она узнает, наверно, от своего отца, а большего сказать ей все равно никто не имеет права.

Дома Ершов еще раз осмотрел давно уже приготовленные вещи. Тут было только самое необходимое — лишь то, что обнаружили в карманах и чемодане Мухтарова, роль которого ему предстояло играть с завтрашнего утра, с момента посадки в поезд, чтобы сжиться с нею и не сфальшивить в минуту встречи с врагом.

И тут вспомнил Ершов о прикомандированном к нему лейтенанте Малиновкине. На этом настоял полковник Осипов, хотя Ершову казалось, что в помощнике у него не было особой нужды. Может, конечно, понадобится совет по ремонту радиостанции или потребуется запросить о чем-нибудь генерала Саблина по его рации, но он и сам как-нибудь справился бы со всем этим. Все придется ведь делать очень скрытно, и лишний человек в такой обстановке явно ни к чему.

Ершов, правда, слышал о Малиновкине много хорошего, хотя и не был с ним знаком. Ему было известно, что лейтенант отличный радист и радиомастер, виртуоз по скорости передачи радиограмм ключом радиотелеграфа. Был он к тому же отличным стрелком и гимнастом. Нужно теперь познакомиться с ним поближе, пока есть еще время.

С этим намерением майор Ершов подошел к телефону и позвонил начальнику отдела, в котором числился Малиновкин.

— Здравия желаю, товарищ подполковник! Это Ершов вас беспокоит, — сказал он, узнав по голосу начальника отдела связи. — Готов ли Малиновкин к заданию товарища Саблина?.. Ну так я бы хотел повидаться с ним. Может быть, вы ему трубку передадите?

Ершов услышал, как подполковник крикнул кому-то, чтобы позвали Малиновкина. Через несколько секунд трубка снова зашумела, и в ней послышался молодой сильный голос:

— Лейтенант Малиновкин у телефона.

— Здравствуйте, товарищ Малиновкин! Ершов с вами говорит. Ну как, вы готовы? Вот и отлично! Забирайте тогда с собой все, что положено, — и ко мне на квартиру. Адрес вам скажут.

Ершов положил трубку и пошел в соседнюю комнату к матери — пожилой, но еще крепкой женщине, читавшей газету у окна.

— Как у вас с обедом, мама? — спросил он, приветливо кивая коту Димке, блаженствовавшему на коленях у Анны Петровны.

— Удивительно, — весело сказала Анна Петровна, откладывая газету в сторону, — как только ты входишь, Димка тотчас же поднимается и вытягивается, негодник, «во фрунт». Уж хвост-то во всяком случае по команде «смирно».

— Военная дисциплина! — рассмеялся Андрей и стал почесывать Димку за ухом.

— А ты что про обед спрашиваешь, Андрюша?

— Хватит на троих? Придет ко мне еще один товарищ. Учтите это, пожалуйста.

— Учтем, учтем, — озабоченно проговорила Анна Петровна, заглядывая в буфет.

Андрей ушел в свою комнату, а Анна Петровна тяжело вздохнула — она догадывалась, что сын скоро уедет на какое-то задание, а ей скажет беспечным тоном: «Я в командировку на несколько деньков, мама. Вы не беспокойтесь, по пустяковому делу». А она сделает вид, что поверит ему, и ничем не выдаст своего беспокойства, а потом вытрет слезы и подумает горько: доведется ли

увидеться снова? Знает она эти командировки. Из одной такой вернулся он однажды с простреленным боком.

...Малиновкин приехал как раз к обеду. В руках у него был чемодан, через плечо переброшен светлый пыльник. Лейтенант оказался совсем юным, улыбался он нежной, застенчивой улыбкой, но Ершов едва глянул на него, как сразу же решил — хороший парень. О намерении встретить помощника своего холодно и строго он тотчас же забыл, улыбнулся и протянул Малиновкину руку:

— Ну-с, давайте познакомимся, товарищ Малиновкин! Как зовут-то вас?

— Дмитрием... Дмитрием Ивановичем, товарищ майор, — смущенно проговорил Малиновкин, не зная, куда поставить свой чемодан.

— Ну, а меня Андреем Николаевичем. Это запомните, а то, что я майор, забудьте. Имя это тоже, кстати, на сегодняшний день только. Завтра к другому придется привыкать. Вы, однако, с комфортом собираетесь путешествовать, — кивнул майор на чемодан лейтенанта. — Вещичек больше, чем полагается, прихватили.

— Так ведь там... — начал было Малиновкин.

Но Ершов перебил его:

— Ничего, ничего, я вас разгружу, если потребуется. Идемте теперь поговорим о деле.

В комнате майора Малиновкин в первую очередь обратил внимание на книжные шкафы и, когда Ершов предложил ему стул, сел так, чтобы видеть корешки книг за стеклянными дверцами. Пока майор доставал что-то из письменного стола, он уже пробежал глазами названия на некоторых томах. Тут оказались главным образом военные книги, и это не удивило Малиновкина. Но зато в соседнем шкафу были научные и философские. Вот уж какой литературы Малиновкин никак не ожидал найти в библиотеке разведчика.

— Надеюсь, вас уже познакомили с заданием, Дмитрий?.. — Ершов замялся, вспоминая отчество Малиновкина.

— Знаете что, называйте меня просто Митей, — смущенно предложил Малиновкин.

— Согласен, — улыбнулся Ершов, внимательно рассматривая атлетическое телосложение Малиновкина. По

всему видно было, что он действительно незаурядный спортсмен. — Ну, так вот, Митя, знакомы ли вы с нашим заданием?

— Да, в общих чертах, товарищ майор... простите... Андрей Николаевич.

— Так вот: завтра утром мы выезжаем — я на такси, вы автобусом. Встречаемся в поезде, в купированном вагоне. Там мы «случайно» окажемся соседями и «познакомимся». Я представлюсь вам Мухтаровым Таласом Александровичем, работником Алма-атинского исторического музея, направляющимся в научную командировку в Аксакальск. Вы отрекомендуетесь молодым железно-

дорожником, едущим на строительство железной дороги. Фамилию и имя вам нет смысла изменять. А по специальности вы будете телеграфистом. Я позвоню попозже, и вам пришлют соответствующее удостоверение. Ну, а теперь идемте обедать, а потом чемоданом вашим займемся — разгрузим его немного.

— А что же в нем разгружать, Андрей Николаевич? — удивился Малиновкин. — У меня там рация. Это, сами знаете, для дела. А из личных вещей только самое необходимое.

ПОПУТЧИКИ

Всю дорогу от Москвы до Куйбышева Ершов и Малиновкин играли в шахматы. По внешнему виду они ничем не отличались от остальных пассажиров — людей самых разнообразных профессий и национальностей. На майоре была белая шелковая рубашка, подпоясанная тонким кавказским ремешком, и тюбетейка на голове. Лейтенант остался в том, в чем приезжал вчера к Ершову.

Соседями их по купе были пожилые пенсионерки. Хотя на первый взгляд эти женщины были самыми безобидными, для Ершова и Малиновкина они оказались довольно опасными попутчицами, так как были очень любопытны и без конца задавали вопросы. Чтобы хоть частично умерить их любознательность, Малиновкин, представившийся телеграфистом, так виртуозно стал демонстрировать им свою технику, выстукивая с невероятной скоростью тут же сочиненные тексты, что старушки невольно закрывали уши от шума, поднятого этим энтузиастом телеграфного дела.

— Но это еще пустяковая скорость, — небрежным тоном говорил Дмитрий. — Можно передавать и триста знаков в минуту. Возьмем, к примеру, такой текст: «Выезжайте срочно запятая скончалась бабушка точка вынос тела воскресенье точка подробности письмом точка». Вот в каком виде полетит это в эфир.

И Малиновкин с таким ожесточением начинал выстукивать перочинным ножом по гулкой деревянной коробке из-под шахмат, что старушки в ужасе выбегали в коридор.

— Хватит вам, Митя, — укоризненно говорил Малиновкину Ершов, с трудом сдерживая улыбку. — Зачем людям нервы портить?

Дмитрий весело отвечал:

— Во-первых, текст телеграммы очень важный, во-вторых, сами же они меня просили с телеграфной техникой их познакомить и, в-третьих, нужно же как-нибудь унять их любопытство.

У старушек был такой характер, что они и в коридоре кого-нибудь расспрашивали и подолгу задерживались там. Используя их отсутствие, контрразведчики могли разговаривать без помехи. Ершов вообще не считал нужным говорить о своей работе, но Малиновкин не мог удержаться, чтобы не спросить о чем-нибудь майора. Более же всего интересовал его сам Ершов.

— Завидую я вам, Андрей Николаевич, — однажды шепотом сказал он, косясь на дверь купе. — Ловко вы в годы войны в Прибалтике фашистских шпионов накрыли!..

Майор, однако, тут же остановил восторженного лейтенанта.

— Во-первых, запрещаю вам сейчас и в дальнейшем разговаривать на эти темы, — строго заметил он Малиновкину. — А во-вторых, не я дело с телевизионным шпионажем распутал, а полковник Астахов. Он тогда еще только капитаном был. Вот уж кто действительно талант!

— Больше я не буду об этом, Андрей Николаевич, — пообещал Малиновкин, умоляющими глазами глядя на Ершова. — Но только ведь и вы помогали Астахову... Разве это не правда? И о вас лично рассказывают, как вы... Ну ладно, все! Больше об этом ни звука!

В Куйбышеве, к удовольствию Малиновкина, старушки наконец «выгрузились». Они тепло распрощались со своими попутчиками, поблагодарили за компанию и попросили у Ершова-Мухтарова его алма-атинский адрес, чтобы заехать как-нибудь к нему за фруктами, которые он так расхваливал всю дорогу.

Освободившиеся места тут же были заняты двумя молодыми людьми в железнодорожной форме.

— Далеко путь держите, молодые люди? — спросил их Ершов.

— Далеко, аж до самого Перевальска, — ответил парень, выглядевший помоложе.

— До Перевальска? — воскликнул Малиновкин. — И мне туда же, — попутчики, значит!

— А вы зачем туда, если не секрет? — спросил Ершов.

— На работу. Заработки, говорят, там хорошие, на строительстве железной дороги, — усмехаясь, ответил все тот же парень.

Другой сердито посмотрел на него и заметил недовольно:

— Ладно, хватит тебе рвача-то разыгрывать! Паровозники мы, — повернулся он к Ершову. — Я машинист, а это мой помощник. Работали раньше на ветке Куйбышев — Гидрострой. А сейчас на новой стройке уже второй год. Из отпуска возвращаемся.

— Мы вообще всегда там, где всего труднее, — тем же насмешливым тоном заметил помощник машиниста. — Это я не свои, а его слова повторяю, — кивнул он на машиниста. — Меня главным образом заработок прельщает.

— А вы знаете, молодой человек, как это по-научному называется? — вдруг зло проговорил Малиновкин, и лицо его стало непривычно суровым. — Цинизмом это называется!

— Да вы что, всерьез его слова приняли? — смущенно улыбнулся машинист. — Дурака он валяет. Думаете, я его умолял, чтобы со мной в Среднюю Азию поехал? И не думал даже — сам увязался. А насчет заработков — так мы на Гидрострое и побольше зарабатывали.

Ершов разбирался в людях и даже по внешнему виду редко ошибался в их душевных качествах. Машинист сразу же ему понравился, как и Малиновкин, когда он его увидел впервые. Было в них что-то общее, хотя внешне они и не походили друг на друга. Машинист к тому же выглядел старше Малиновкина.

— Ну что же, давайте тогда знакомиться будем, — весело проговорил Ершов и протянул руку: — Мухтаров Талас Александрович, научный работник из Алма-Аты.

— Шатров Константин Ефремович, — представился машинист и кивнул на помощника: — А это Рябов Федор.

Несколько часов спустя, когда поезд уже подходил к Сайге, попутчики сообща поужинали и распили принесенную Рябовым пол-литровку. Беседа пошла живее, откровеннее. Железнодорожники были так увлечены рассказами о своей работе и планах на будущее, что и не помышляли даже расспрашивать о чем-либо своих попутчиков, чему те были чрезвычайно рады. А Малиновкин невольно подумал: «Это не старушки-пенсионерки, им и самим есть что рассказать...»

Железнодорожники между тем, поговорив некоторое время о работе, незаметно перешли на интимные темы. Говорил, впрочем, главным образом Рябов. Шатров сначала разозлился было на него, но потом только рукой махнул.

— Ну конечно, — философствовал Федор, — поехали-то мы в Среднюю Азию из-за главного нашего принципа — только вперед! Это, так сказать, идеологическая основа, но была и еще одна движущая сила — любовь. Да, да! Вы не смейтесь... И нечего меня под бок толкать, дорогой Костя. Тут все люди свои, и не надо стесняться. Да и потом — какой уж это секрет, если о нем чуть ли не вся Куйбышевская железная дорога знала? На новом месте тоже, кажется, секрета из этого не получилось...

Рябов говорил все это серьезным тоном, но Ершову сразу же ясно стало, что он просто разыгрывает своего приятеля.

— Так вот, — продолжал Рябов, — есть тут у нас такая девушка — инженер-путеец Ольга Васильевна Белова. Красавица! Можете в этом на мой вкус положиться. Сначала она вместе с нами на участке Куйбышев — Гидрострой работала, а потом ее на новое строительство в Среднюю Азию перебросили. Понимаете теперь, Талас Александрович, что еще нас на эту новую стройку потянуло?

Он усмехнулся и добавил:

— «Нас» — это я так, к слову сказал. Потянуло в основном Костю.

— Да не слушайте вы его! — горячо воскликнул Шатров, залившись румянцем. — Ерунду какую-то несет! Есть, конечно, такой инженер Белова, это верно. Нравится она мне, этого тоже скрывать не буду. А все осталь-

ное — сплошная фантазия моего друга Федора Рябова, прикидывающегося для чего-то циником.

Андрей Ершов с удовольствием прислушивался к разговору железнодорожников, почти не принимая в нем участия. Он верил всему, что говорили здесь эти молодые люди, и даже завидовал немного Шатрову — видно, и в самом деле его любимая была не только красивой, но и хорошей девушкой. Подумал он и о том, что собирался прямо с момента посадки в поезд играть роль Мухтарова, представлявшегося ему нагловатым, самоуверенным человеком, а не вышло. Не перед кем было играть эту роль. Новые попутчики ему явно нравились.

ЖИЕНБАЕВ МЕНЯЕТ АДРЕС

В Аксакальске у Шатрова и Рябова была пересадка — дальше до Перевальской им нужно было ехать местным поездом.

— Ну, а как вы, товарищ Малиновкин? — спросили они Дмитрия. — Тоже с нами?

— А как же! — горячо воскликнул лейтенант.

Они попрощались с Ершовым-Мухтаровым и пошли к билетным кассам местных поездов. А Ершов не спеша направился к камере хранения ручного багажа, с тревогой думая о том, как удастся Малиновкину отделаться от своих спутников.

В камеру хранения была длинная очередь. Ершов даже обрадовался этому — может быть, Малиновкин успеет вернуться к тому времени. На всякий случай, впрочем, они условились, что Дмитрий будет ждать его на станции в зале транзитных пассажиров.

Более четверти часа пришлось простоять Ершову в очереди, прежде чем он смог сдать свой чемодан. А когда вышел наконец из камеры хранения, у дверей его уже ждал Малиновкин.

— Очень все удачно обернулось, — довольно сообщил он, вытирая платком потный лоб. — Билетов в кассе на меня не хватило. А у них командировки и железнодорожные проездные документы, так что требовалось только компостер поставить. Достал бы билет и я, конечно, если бы уж очень нужно было. Ну, а в

общем-то вполне естественно все получилось. Тут, оказывается, такая перегрузка железной дороги, что билетов частенько не хватает. Приятелей наших проводил я до вагона, попрощался, помахал ручкой с перрона — и к вам. Вот и все. Удачно?

— Будем считать, что удачно, — серьезно ответил Ершов, не глядя на лейтенанта. В душе он был доволен Малиновкиным, но считал, что теперь, когда они прибыли на место, нужно быть с ним построже.

— Ну, а сейчас к Жиенбаеву? — спросил Малиновкин.

— Нет, — все так же серьезно заметил Ершов, внимательно поглядывая по сторонам. — Кстати, мы теперь незнакомы друг с другом. Запомните это. Отправляйтесь-ка в зал для транзитных пассажиров и ждите меня там. Это может продлиться два-три часа, а может быть, и больше.

— Ясно.

— Чемодан не сдавайте пока, пусть будет с вами. Когда я вернусь, пройду мимо вас. Встаньте тогда и идите за мной. Все понятно?

— Все.

Ершов вышел на привокзальную площадь и спросил у какой-то пожилой женщины, как пройти на улицу Чапаева. Женщина подробно объяснила ему, и он зашагал в указанном направлении.

До Чапаевской было далеко, но Ершов шел не спеша, запоминая дорогу и читая названия улиц, которые приходилось пересекать. Солнце поднялось уже довольно высоко и пекло немилосердно. Низкие здания почти не давали тени, деревья, росшие кое-где, были слишком чахлыми, а тюбетейка — плохой защитник от солнечного зноя. Пот струился по лицу майора, но он продолжал идти, не сбавляя шага, делая вид, что южный климат ему привычен.

Но вот наконец и улица Чапаева. Дома здесь еще ниже и неказистее, большей частью одноэтажные, с маленькими двориками, внутри которых через распахнутые калитки можно рассмотреть хилые, низкорослые посадки.

Дом сорок семь ничем не отличался от других, только калитка его была закрыта на крючок или

щеколду изнутри. Ершов подергал несколько раз за ручку, но, заметив железное кольцо сбоку, потянул его на себя. Послышался неприятный скрип ржавого железа и яростный лай.

Чей-то голос прикрикнул на собаку, и майор услышал сначала тяжелые шаги, затем звук отодвигаемой щеколды.

Калитка приоткрылась, однако ровно настолько, чтобы человек, открывший ее, мог просунуть голову в образовавшееся отверстие. Лицо у него было старое, сморщенное, глаза широко расставленные, узкие.

— Вам кого? — спросил он с сильным восточным акцентом, окидывая Ершова подозрительным взглядом.

— Қылыша Жиенбаева, — улыбаясь и кланяясь старику, ответил Ершов.— Я к нему из Алма-Аты, из исторического музея. Мухтаров моя фамилия.

— Мухтаров? — переспросил старик, удивленно поднимая седые, жидкие брови и морщась, будто в рот ему попало что-то очень кислое.

— Ну да, Мухтаров! — торопливо повторил Ершов, с тревогой думая, туда ли он попал. — Талас Александрович Мухтаров.

— Ах, Талас Александрович! — радостно заулыбался вдруг старик и широко распахнул калитку. — Заходи, пожалуйста. Извини, что ждать заставил. Вот тут иди, пожалуйста, а то собака штаны порвет. Замолчи, проклятый! — замахнулся он на рвущегося с цепи пса. — Ух какой злой, шайтан! Вот сюда, дорогой Талас Александрович, голову только нагни, пожалуйста.

Старик ввел Ершова в довольно просторную комнату, обставленную хорошей мебелью. Это удивило майора, так как сам хозяин был одет бедно.

— Садись, пожалуйста, — придвинул он стул Ершову и протянул ему сморщенную желтоватую руку. — Я хозяин квартиры буду, Шандарбеков Габдулла.

— А Қылыш где же? — с тревогой спросил Ершов. Габдулла показался ему очень осторожным, и он опасался, что старик все еще не доверяет ему.

— Извини, пожалуйста, нет Қылыша, — развел руками Габдулла, и маленькие глазки его совсем растворились в притворной улыбке. — Уехал. Вот письмо просил тебе передать. Научной работой Қылыш занимается, материал разный собирает.

Сказав это, старик стал рыться в верхнем ящике комода, не сводя настороженных глаз с майора. Достав наконец запечатанный конверт, протянул его Ершову все с той же притворной улыбкой:

— Вот возьми, пожалуйста.

На конверте крупно было написано: «Мухтарову Таласу Александровичу».

Ершов вскрыл конверт и прочел адресованное Мухтарову письмо:

«Дорогой Талас Александрович! Простите, что не дождался Вас. Пришлось срочно выехать к месту археологических раскопок. Обнаружены новые интересные сведения об истории этих древних мест. Вам, конечно, известно, что город Аксакальск, основанный в 1824 году, был расположен на караванном пути из Средней Азии в Западную Сибирь. Археологические раскопки в окрестностях его дают нам, историкам, много интересного. Особенно то, что относится к концу XIX века. Если хотите повидать меня до того, как я вернусь в Аксакальск, а это будет не раньше 26—28-го, приезжайте к Белому озеру. Оно недалеко, всего в 30—35 километрах от Аксакальска. Разыщите там базу археологов и спросите меня. До скорой встречи, дорогой Талас Александрович!

Ваш *Қылыш Жиенбаев*»

Ершов перечитал письмо еще раз, обратив при этом внимание, что написано оно на страничке, вырванной из учебника арифметики. Одна сторона ее была чистая, а на другой напечатано несколько столбцов с арифме-

тическими примерами. Сообразив, что все это не случайно, Ершов внимательно присмотрелся к цифрам. Вскоре он заметил, что над некоторыми из них бумага была чуть-чуть надорвана нажатием пера на отдельных буквах записки. На свет эти порванные места были хорошо заметны. Майору теперь стало совершенно ясно, что этими, едва заметными прорывами бумаги были помечены цифры шифра.

Для того, однако, чтобы прочесть этот шифр, нужно было иметь перед собой текст «Пляски мертвецов» Гёте. Он был в записной книжке Ершова, но пользоваться им при Габдулле майор не мог. Пришлось спрятать письмо в карман.

— Извините за беспокойство, — учтиво обратился Ершов к старику. — Жиенбаев предлагает мне приехать к нему на Белое озеро. Пожалуй, я так и сделаю.

С этими словами Ершов попрощался с Шандарбековым и направился к выходу. Габдулла проводил его до калитки и попросил передать привет Жиенбаеву.

Выйдя из дома Шандарбекова, Ершов некоторое время шел к станции, но затем, убедившись, что за ним никто не следит, направился к центру города. Отыскав там областное отделение государственной безопасности, представился полковнику Ибрагимову, который был уже поставлен в известность о его миссии.

— Мне дано указание из Москвы содействовать вам, — заявил Ибрагимов. — Чем могу быть полезен?

— Что вам известно о Жиенбаеве, поселившемся у Шандарбекова? — спросил Ершов, не без удивления рассматривая тучную фигуру и добродушное лицо Ибрагимова. Не вязалось это как-то с отзывом о нем как об очень энергичном и волевом начальнике. Ну да, впрочем, ему доводилось ведь встречаться и с людьми, весьма энергичными на вид, но бездеятельными.

— Известно нам пока только то, — ответил Ибрагимов на вопрос Ершова, — что Жиенбаев проживает по временной прописке и числится членом археологической экспедиции Казахской Академии наук, которая работает здесь более месяца. Мы интересовались списками этой экспедиции. В них имеется и фамилия Жиенбаева. Хотели навести о нем более подробные

справки, но получили указание из Москвы оставить его пока в покое.

— Дайте мне, пожалуйста, бумаги и разрешите расшифровать тут у вас одну записку, — попросил Ершов, доставая письмо Жиенбаева.

Усевшись за стол Ибрагимова, он довольно быстро раскодировал зашифрованную запись и получил следующий текст:

«Место явки меняется. Новый адрес: Перевальск, Пржевальского, пятьдесят три. Спросить Аскара Шандарбекова — это сын Габдуллы».

Ершов дал прочесть Ибрагимову полученный текст и спросил:

— А от Перевальска до Белого озера сколько будет?

— Столько же почти, что и из Аксакальска. В Перевальске, кстати, есть какая-то база этой археологической экспедиции.

— Придется, значит, поехать туда, — решил Ершов. — А вы установите тут наблюдение за домом Шандарбекова. Габдулла чертовски осторожен — не спугните его.

Простившись с Ибрагимовым, Ершов поспешил на станцию. В зале для отдыха транзитных пассажиров с нетерпением ждал его Малиновкин. Он сидел на своем чемодане и, делая вид, что сосредоточенно читает газету, внимательно наблюдал за всеми входившими в помещение. Заметив майора Ершова, он зевнул и не спеша стал складывать газету. А когда Ершов прошел мимо, поднялся, потягиваясь, взял чемодан и с равнодушным видом медленно направился к выходу. Майор Ершов задержался немного в дверях и, когда лейтенант Малиновкин поравнялся с ним, шепнул чуть слышно:

— Возьмите два билета до Перевальска на вечерний поезд. Буду ждать вас в вокзальном ресторане.

ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ ЖИЕНБАЕВА

На станцию Перевальскую Ершов и Малиновкин прибыли ранним утром. И станция и примыкающий к ней небольшой районный центр Перевальск показались им какими-то уж очень запыленными, невзрачными.

Зелени тут было немного, к тому же она покрылась таким толстым слоем пыли, что казалась сделанной из старого кровельного железа.

— Смело можно сказать — не Сочи... — со вздохом произнес Малиновкин, оглядываясь по сторонам. — Мне на вокзале вас ждать?

— Нет, — ответил Ершов, отыскивая глазами табличку с надписью «Камера хранения». — Вокзал тут маленький, народу немного, все на виду. Сходите в управление строительства, наведите справку о работе по вашей специальности телеграфиста. А потом возвращайтесь сюда. Полагаю, что часа через полтора-два нам удастся встретиться где-нибудь возле камеры хранения.

Так как Перевальск был невелик, Ершов решил не расспрашивать никого, а самому найти нужный адрес.

Для этого пришлось пересечь весь город и изрядно поплутать по противоположной его окраине, прежде чем он нашел улицу Пржевальского. В отличие от других, на ней росли низкорослые тополя и хилые березы. Во дворах многих домиков виднелись огороды и заросли эбелека — полукустарника с жесткими заостренными листьями. Дом номер пятьдесят три оказался на улице этой почти последним. Чем-то он напоминал домик Габдуллы Шандарбекова в Аксакальске. Только калитка его не была заперта на запор и во дворе не оказалось собаки. Дверь в доме тоже была открытой. Навстречу Ершову вышел средних лет коренастый мужчина с раскосыми глазами, придававшими лицу его хитроватое выражение.

— Вы, верно, Аскаром Шандарбековым будете? — спросил Ершов, заметив некоторое внешнее сходство его с Габдуллой.

— Он самый, — густым басом отозвался мужчина, пристально всматриваясь в Ершова прищуренными глазами. — А вы ко мне лично?

— Я к товарищу Жиенбаеву, — ответил майор, пытаясь представить себе, в каких отношениях с Призраком может быть этот человек. — Командирован к нему из Алма-Аты. Мухтаров моя фамилия.

— А, товарищ Мухтаров! — сразу оживился Аскар Шандарбеков и приветливо протянул руку Ершову. — Ждет вас Қылыш Жантасович. Заходите, пожалуйста! Он просил меня принять вас как родного.

Ершов вошел в просторную комнату, оклеенную газетами «Гудок» и какими-то техническими журналами, тоже железнодорожными. Судя по этим газетам и по тому, что на хозяине дома был железнодорожный китель, майор решил, что либо сам Аскар железнодорожник, либо кто-то из его семьи работает на транспорте.

— Вот оклеиваться собрался, — смущенно кивнул Аскар на стены, — да все времени нет. Загрунтовал, а до обоев руки никак не доходят. Я на железной дороге начальником кондукторского резерва работаю.

По-русски Аскар говорил довольно чисто, с почти неуловимым акцентом. Настороженность, прозвучавшая в первом его вопросе, сменилась радушием, как только он узнал, что Ершов-Мухтаров прибыл к Жиенбаеву из Алма-Аты. Пропустив гостя вперед, он любезно пригласил его во вторую комнату, тоже оклеенную газетами. В ней у одной из стен стоял диван, а у окна — небольшой письменный стол с разложенными на нем книгами по истории и археологии.

— Располагайтесь тут, — приветливо сказал Аскар, подавая стул Ершову. — Это комната товарища Жиенбаева. Он просил поместить вас с ним вместе. Я тут вам второй диван поставлю. Да, — спохватившись вдруг, воскликнул Аскар и ударил себя рукой по лбу, — велел еще извиниться Қылыш Жантасович — дня два-три он будет в отлучке. Какие-то новые исторические материалы обнаружились.

Будто теперь только заметив, что в руках Ершова ничего нет, Аскар спросил:

— А вещи вы на вокзале, верно, оставили?

— Не хотелось, знаете ли, тащиться с ними по незнакомому городу, — ответил Ершов, перебирая книги на столе Жиенбаева. — Да и не был уверен, что застану Қылыша Жантасовича дома.

— Теперь вам дорога знакома, перебирайтесь уже окончательно и располагайтесь тут как дома. Я вам ключ оставлю, а мне на работу пора.

— Вы хоть бы документы проверили, — смущенно улыбнулся Ершов. — Неизвестно ведь, кого в дом-то пустили. Может быть, жулика какого.

— Ну что вы! — махнул рукой Аскар. — Я порядочного человека всегда от жулика отличу. Да и красть у меня нечего.

Ершов хотел было пойти на вокзал вместе с Аскаром, но тот возразил поспешно:

— А чего вам торопиться! Успеете еще. Отдохните, помойтесь. Умывальник во дворе. Ну, а я пошел. Ключ на столе будет. Если перекусить что-нибудь захотите, так тоже, пожалуйста... на кухне кое-что найдется.

Выходя из комнаты Жиенбаева, Аскар прикрыл за собой дверь, выходившую в полутемную прихожую.

А минут через пять, уже окончательно собравшись уходить из дому, он постучал к Ершову и, слегка приоткрыв дверь, просунул в его комнату голову:

— Чуть было не забыл еще об одном предупредить вас. Нагаши тут со мной живет — родственник, значит, со стороны матери. Темирбеком его зовут. Тоже на железной дороге работает, кондуктором. У меня в подчинении. Человек он тихий, мешать вам не будет. Да его и дома почти не бывает — все в поездках. А когда и дома, так отсыпается после поездок. Комната его по соседству с вашей, но с отдельным входом. Сегодня его весь день не будет. Завтра только вернется. Ну, я пошел. Счастливо оставаться!

«Да, — невольно подумал Ершов, — родственничка этого только еще не хватало! Странно, что Жиенбаев решил остановиться в такой квартире. Хотя, может быть, все эти люди работают на него? Нужно будет присмотреться к ним хорошенько...»

Оставшись один, майор тщательно осмотрел весь дом, и на стене комнаты, в которой поместил его Аскар, невольно обратил внимание на таблицу, перечеркнутую карандашом. Это был график движения поездов. Он не представлял бы собой ничего особенного, если бы некоторые цифры его не оказались подчеркнутыми.

Ершову сразу же стало ясно, что это шифр. Еще раз обойдя весь дом и не заметив ничего подозрительного, майор закрыл входную дверь на крючок и,

достав из кармана записную книжку, занялся расшифровкой.

Получилось следующее:

«Меня не будет дома дня два-три. Устраивайтесь тут и живите. Хозяин — человек надежный. Двоюродный брат его Темирбек тоже нам пригодится. Никаких секретов, однако, им не доверяйте. Задание вам следующее. В сарае стоит мотоцикл — нужно вмонтировать в его корпус мою рацию. Рация в погребе. Достаньте ее оттуда, как только Аскар уйдет на работу. Ключ от погреба на стене в кухне. В погребе прощупайте левую стенку. У самого пола отдерите доску. Рация за обшивкой».

Ершов спрятал записную книжку в карман и вышел в сарай. Там, прикрытый какой-то мешковиной, действительно стоял мотоцикл с коляской. По внешнему виду он ничем не отличался от мотоциклов подобного типа. Но, осмотрев коляску внимательнее, Ершов заметил, что под кожухом ее имелись полые места — видимо, специально для рации.

Прежде чем спуститься в погреб за этой рацией, Ершов закрыл на щеколду калитку, выходившую на улицу. Затем разыскал ключи на кухне и одним из них открыл замок на двери погреба. Погреб оказался очень глубоким. В нем было прохладно, остро пахло овечьим сыром и овощами. Свет через дверное отверстие еле проникал сюда. Ершову прошлось немного подождать, пока глаза привыкнут к полумраку.

Стены погреба имели деревянную обшивку, доски которой были довольно плотно пригнаны одна к другой. Ершов ощупал ладонью низ левой стенки, но не сразу обнаружил нужную ему доску.

Лишь после того, как он в нескольких местах продел в едва

заметные щели обшивки лезвие перочинного ножа, одна из досок отделилась от стены, образовав глубокое отверстие. Майор просунул в него руку и нащупал металлический ящик. Вынув его, он убедился, что это рация.

Рация была марки «Эн-Би». С конструкцией ее майор не был знаком. Однако после тщательного осмотра он вскоре разобрался в ней настолько, что мог ею пользоваться. Запрятать же ее под кожух мотоцикла так, чтобы это было незаметно при беглом осмотре машины, казалось ему делом нелегким. Тут требовалась помощь или хотя бы совет Малиновкина.

Сняв размеры рации в собранном и разобранном виде, Ершов записал и все размеры мотоцикла. С этими данными он вышел из дому, закрыв дверь его на замок.

С Малиновкиным они встретились возле камеры хранения. Кроме них, никого поблизости не было. Ершов вошел в помещение камеры за чемоданом. Лейтенант, обождав немного, направился за ним следом. У окна выдачи они обменялись быстрыми взглядами. А когда кладовщик ушел за вещами Ершова, майор передал Малиновкину записку, в которой коротко сообщал о положении дел и просил подумать о возможности размещения рации в кожухе мотоцикла. Поручил он также лейтенанту устроиться на квартире где-нибудь неподалеку от улицы Пржевальского и поинтересоваться кондуктором Темирбеком. Очередное свидание назначалось на завтра в полдень в городской столовой.

НЕОЖИДАННАЯ НАХОДКА

На следующий день, как было условлено, Ершов направился в городскую столовую, которую приметил еще вчера днем. Войдя в нее, он тотчас же увидел Малиновкина, устроившегося за угловым столиком. Позиция эта была очень выгодной. Под прикрытием огромной пальмы в кадке, стоявшей на полу у самого столика, можно было наблюдать почти за всей столовой. К тому же столик был поставлен так, что за ним могли сидеть только двое, тогда как за остальными размещалось по четверо.

В столовой было многолюдно, почти все столы оказались занятыми. Лишь кое-где оставалось по одному свободному месту. Ершов прошелся раза два по залу, будто приглядываясь, где получше устроиться, но проходивший мимо официант невольно помог ему.

— Вон свободное место, гражданин, — кивнул он в сторону Малиновкина. — Как раз мой столик, так что мигом обслужу.

— Спасибо! — поблагодарил его Ершов.

— Свободно? — спросил он лейтенанта, берясь за спинку стула.

— Да, пожалуйста, прошу вас, — радушно отозвался Малиновкин. — Вдвоем веселее будет. Вот меню, пожалуйста. Выбор небогатый, так что раздумывать не над чем. Но, должен заметить, кормят здесь сытно — вчера тут обедал и ужинал.

Так, болтая о разных обычных при таких знакомствах пустяках, они перешли к главному.

— Ну как, устроились? — спросил Ершов, зорко поглядывая по сторонам.

— Устроился, — ответил Малиновкин. — Но не на соседней улице, а на вашей и даже, более того, буквально против вашего дома.

Заметив, что майор слегка нахмурился, лейтенант сделал успокаивающий жест:

— Не ругайтесь только! Все хорошо будет. Хозяйка моя — одинокая женщина, тихая, глуховатая, ей до меня никакого дела нет. Из той комнаты, в которой она меня поселила, видел я вас вчера вечером через окно. Это очень удачно, по-моему. Всегда можно будет подать сигнал друг другу, а то и перемолвиться с помощью условных знаков. В доме моем одно-единственное окно, и оно выходит в вашу сторону. А то, что я поселился здесь, подозрений не вызывает. В связи со строительством железной дороги и разных подсобных предприятий в Перевальск столько народу понаехало, что нет дома, где бы не держали квартирантов.

Ершов немного подумал, взвешивая сказанное лейтенантом, и решил, что в самом деле, может быть, не так уж плохо, что Малиновкин поселился неподалеку от него.

— Ну, а как насчет Темирбека? — спросил он лей-

тенанта, наблюдая за каким-то подозрительным парнем, дважды прошедшим мимо их стола.

— Осторожно навел о нем справку у сторожа кондукторского резерва, — ответил Малиновкин, не глядя на майора и делая вид, что рассматривает картину на стене. — Говорит, Темирбек сначала где-то на станции работал, а теперь кондуктором ездит. Подтвердилось также, что он Аскару Шандарбекову двоюродным братом доводится. Сейчас этот Темирбек действительно в поездке.

Теперь Малиновкин тоже обратил внимание на человека, за которым наблюдал Ершов.

— Вам не кажется этот тип подозрительным, Андрей Николаевич? — спросил он майора, незаметно кивнув на парня, остановившегося неподалеку от их столика.

— Казался, — спокойно ответил Ершов. — Теперь, однако, вижу, что подозрителен он в ином смысле. По всей вероятности, просто жулик, присматривающийся к вашему чемодану. Что это за чемодан у вас, кстати? Зачем он вам понадобился?

— Пришлось специально купить, понимаете ли, — усмехнулся Малиновкин, засовывая чемодан поглубже под стол. — Хозяйке может показаться странным, что у меня слишком мало вещей.

Осмотревшись по сторонам и заметив, что подозрительный парень отошел в другой конец столовой, лейтенант усмехнулся:

— Ретировался воришка-то. Ну, а теперь относительно рации Жиенбаева. С нею, по-моему, тоже все обойдется. Систему ее я хорошо знаю. «Эн-Би» — это «Night-bird», то есть «ночная птица». Разбирается она не на две части, как вы считаете, а на четыре. Я передам вам сейчас схему, по ней вы сможете аккуратнейшим образом разместить все внутри мотоцикла. Пользоваться рацией при этом можно будет, не вытаскивая ее наружу. Я положу схему в папку с меню. Вы возьмите-ка ее да поинтересуйтесь еще раз ценами обедов или кондитерских изделий.

«Отличный у меня помощник», — тепло подумал Ершов.

— А как обстоит дело с вашей рацией? — спросил он лейтенанта, пряча в карман схему.

— Все в порядке. В полной боевой готовности.

— Не опасно будет ею пользоваться? Никто не обратит внимания на это?

— Можете не беспокоиться — все продумано и предусмотрено.

Ершов уже имел возможность убедиться в ловкости Малиновкина и ни о чем больше не стал его расспрашивать. На этого парня можно было положиться.

— Ну, тогда свяжитесь сегодня с нашими, — приказал он, представив себе, с каким нетерпением ждет донесения от них генерал Саблин. — Передайте коротко, как обстоит у нас дело, и сообщите, что я сделал находку в погребе. За обшивкой его, кроме рации, нашел еще и счетчик Гейгера. Знаете, что это такое?

— Дозиметрический прибор? — удивленно поднял брови Малиновкин.

— Да, прибор для регистрации радиоактивных частиц, — подтвердил Ершов.

— Зачем, однако, он ему понадобился?

Показался официант с подносом, на котором стояли тарелки с аппетитно пахнущим супом. Разговор пришлось перевести на другую тему. Малиновкин сделал это так ловко, что Ершов даже позавидовал ему.

— И представьте себе, — возмущенным тоном заговорил лейтенант, повысив голос, — нет, говорит, у нас потребности в телеграфистах. Как вам это нравится? На железной дороге нет потребности в такой специальности! Да быть этого не может! Просто я ему не понравился, видно. Но от меня не так-то просто отделаться. В тот же день добрался я до самого начальника отдела кадров, до товарища Митрошкина... Вот молодец, — обернулся Малиновкин к официанту, будто только теперь его заметил, и ловко подхватил тарелку с подноса. — Проворно работаете.

— Столичная школа, — самодовольно улыбнулся официант. — В Москве два года на Казанском вокзале работал.

— Сразу чувствуется, — польстил ему Малиновкин и снова повернулся к Ершову: — Да, наседаю, значит,

на самого начальника. Прижал к стене — пришлось ему после этого кое-что пообещать. Велел дня через три-четыре зайти.

— Ну ладно, — добродушно улыбнулся Ершов, как только официант отошел от них. — Хватит врать, перейдем к сути дела.

— А я и не вру вовсе, — весело отозвался Малиновкин, с аппетитом принимаясь за еду. — Все в точности рассказываю, как было. Я и в самом деле ходил в отдел кадров.

Подсыпав соли в суп, он добавил уже серьезно:

— Ну, а что касается Жиенбаева — понять не могу, для чего ему счетчик Гейгера понадобился?..

Ершов пока не мог ответить на этот вопрос. Следуя примеру Малиновкина, майор принялся за еду. Суп ему понравился. Он ел его почти с таким же аппетитом, как и Малиновкин.

— Счетчик этот поможет нам разгадать самые сокровенные планы Призрака, — задумчиво проговорил он наконец, отодвигая пустую тарелку.

— Непонятно что-то, — покачал головой Малиновкин.

— Ну ладно, — прервал лейтенанта Ершов, — не будем пока ломать над этим голову. Поживем — увидим. А Саблину вы сообщите все-таки о моей находке.

Когда обед был окончен, Ершов, прежде чем отпустить Малиновкина, еще раз предупредил его:

— Противник у нас чертовски осторожный. Не исключено, что он следит за нами, так что конспирация должна быть постоянной. Ну, а теперь — желаю вам удачного радиосеанса. Подумайте также и о системе нашей личной связи. Выходите из столовой первым. Я посижу тут еще немного.

Майор Ершов вышел на улицу минут через пятнадцать после Малиновкина. Побродил некоторое время по городу, зашел в городскую библиотеку, а затем на почту.

Был уже вечер, когда он вернулся на квартиру Шандарбекова. Дверь ему открыл Аскар.

— А у меня чай скоро будет готов! — весело сказал он. — Заходите, вместе поужинаем.

— Спасибо, Аскар Габдуллович, — поблагодарил его Ершов и прошел в комнату Жиенбаева.

Усевшись за стол и раздумывая, как ему быть — идти к Аскару или нет, вскоре майор услышал, как за дверью кто-то обменялся приветствием с хозяином дома:

— Ассалям алейкум!

— Огалайкум ассалям.

А потом, когда пришлось все-таки пойти в гости к Аскару, у дверей комнаты Темирбека услышал Ершов монотонный голос:

— «Агузо беллахи менаш-шайтан ерражим...»

— Это Темирбек молитву читает, — усмехнулся Аскар, кивнув на дверь комнаты своего двоюродного брата. — Старорежимный он человек. Знаете, что такое это «агузо беллахи...»? «Умоляю бога, чтобы он сохранил меня от искушения шайтана». Смешно, правда?

— Почему же смешно? — серьезно спросил Ершов. — Если человек верующий — ничего в этом смешного нет.

— Да я не в смысле молитвы, — рассмеялся Аскар, и узкие его глазки почти совершенно закрылись при этом. — До каких пор верить в бога можно?

— Ну, это уж в какой-то мере на вашей совести, — улыбнулся Ершов. — Вы человек культурный — перевоспитайте его.

— Кого другого, а его не перевоспитаешь, — убежденно ответил Аскар. — Хотел его тоже к чаю пригласить, чтобы с вами познакомить, так он отказался наотрез. Вечер сегодня какой-то такой, что религиозному человеку ни пить, ни есть ничего нельзя. А сидеть за столом и смотреть на вкусные вещи — соблазн очень большой. Вот и читает специальную молитву против этого соблазна.

У ГЕНЕРАЛА САБЛИНА

Весь день не давало покоя Саблину последнее донесение Ершова. Зачем понадобился Жиенбаеву счетчик Гейгера? Что собирается он разведывать с его помощью?

И чем больше думал Саблин об этом счетчике, тем

яснее становилось для него, что счетчик находился в погребе не случайно.

«А что, если Жиенбаева интересуют наши работы в области атомной энергии? — мелькнула невольно тревожная мысль. — И в прошлом году, и весной этого года задержали же мы несколько шпионов, признавшихся позже, что их интересовали наши работы в области атомной энергии. Почему же не допустить, что с подобной миссией прибыл к нам и Жиенбаев?»

Илье Ильичу казалось теперь совершенно бесспорным, что Жиенбаева интересует, конечно, либо атомная бомба, либо атомная энергия вообще. Но тут же возникла и новая мысль: почему Жиенбаев обосновался в районе Перевальска, где, как Саблину было известно, никаких испытаний атомных бомб не производилось? В чем же дело тогда? Почему он торчит там? Не случайно же такой опытный международный шпион находится в районе Перевальска...

Саблин хорошо знал о том большом интересе, который проявляет международная разведка к тайнам производства атомных бомб и других видов подобного оружия. Не безразлична она и к техническим секретам использования атомной энергии в мирных целях. В связи с этим ему понятно было, как заинтересованы разведывательные органы капиталистических государств в получении информации о всех работах в области атомной энергии. Саблину хорошо было известно, что «атомным шпионажем» занимались теперь не только американские секретные службы, но и английская «Интеллидженс сервис» и даже ватиканский «Чентре информационе про део».

А может быть, вовсе не атомной бомбой интересуется Жиенбаев? Скорее всего, его интересует использование атомной энергии в мирных целях? Всему миру известно ведь, что Советский Союз поставил эту могучую энергию на выполнение великих задач мирного строительства.

Расстегнув крючки воротника — жара в Москве в те дни стояла нестерпимая, генерал задумчиво прошелся по своему кабинету.

«А каково там, в Средней Азии, нашему Ершову?» — невольно подумал он, останавливаясь у откры-

того окна. Легкий, ленивый ветерок пахнул ему в лицо теплым запахом смолы и бензина, а внизу по раскаленному солнцем асфальту огромной площади с глухим рокотом катился нескончаемый поток автомобилей.

Возникло на мгновение томительное желание — вызвать машину, сесть в нее и уехать куда-нибудь за город, полежать на траве у реки, побродить по лесу...

Генерал снова прошелся несколько раз по кабинету и с невольным вздохом уселся за письменный стол. В зеленой папке лежали перед ним вырезки из заграничных газет — подборка, сделанная Осиповым. На некоторых из них были пометки полковника. Он предлагал, например, обратить внимание на шумиху, поднятую иностранной печатью в связи с катастрофой, постигшей океанский пароход «Нептун», оборудованный будто бы атомным двигателем.

Саблин снял телефонную трубку и вызвал к себе Осипова.

— Не вижу пока никакой связи между всем этим и донесением Ершова, — заметил он полковнику, кивнув на папку с вырезками из газет.

— А связь, может быть, и существует, — осторожно ответил Осипов, аккуратно завязывая тесемочки на папке.

Генерал удивленно развел руками и усмехнулся:

— Может быть, но может и не быть. Это, знаешь ли, не ответ.

— А что, если на этом злополучном «Нептуне» действительно был двигатель, работавший на атомной энергии? — прищурясь, спросил Осипов. — И взорвался он оттого, что они чего-то там не учли. А у нас, как ты знаешь, кое-что работает уже на этой самой атомной энергии и не взрывается... Ясна тебе моя мысль?

— Так ты думаешь, что Призрака они к нам прислали за приобретением, или, вернее сказать, присвоением нашего опыта безаварийной работы атомных двигателей?

— А почему бы и нет? Призрак ведь не раз уже похищал немаловажные секреты для своих хозяев.

Генерал Саблин задумался. Может быть, все это и так... Но не слишком ли самонадеян враг, рассчитывающий, что их знаменитому агенту, действительно

похищавшему различные государственные и военные секреты в некоторых буржуазных странах, удастся раздобыть кое-что и у нас?

— Ладно, допустим, что ты прав, — произнес он вслух, поднимаясь из-за стола. — Допустим даже, что все это представляется им чрезвычайно легким делом. Непонятно только, почему же тогда Призрак этот околачивается в районе, в котором, как мне известно, не только не испытывают атомных бомб, но и не применяют атомной энергии для мирных целей?

Помолчав немного, он добавил:

— Нужно, однако, навести более точные справки. Кто сейчас в районе Аксакальска ведет самое крупное строительство?

— Министерство путей сообщения.

— Вот мы и обратимся в это министерство.

НА АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЕ

Майор Ершов условился с Малиновкиным, что в случаях, не требующих срочности, они будут связываться письмами до востребования. Вспомнив теперь об этом, лейтенант с утра направился на почту и спустя несколько минут получил письмо со знакомым почерком на конверте.

Ершов написал ему это письмо вчера вечером, уже после того, как расстался с Малиновкиным в городской столовой. У Ершова неожиданно появилась мысль проверить, известно ли что-нибудь о Жиенбаеве на Перевальской археологической базе.

Под благовидным предлогом лейтенант осведомился, где находится база археологов, и сразу же направился туда.

База помещалась на окраине города, в маленьком домике, окруженном высоким забором. Кроме этого домика, там оказались еще два больших сарая, в которых, как потом узнал Малиновкин, хранились инструмент и кое-какое имущество археологов.

Заведующий базой, сутуловатый щупленький старичок в пенсне, снисходительно объяснил Малиновкину:

— У нас, молодой человек, археологи главным образом землеройный инструмент тут получают. Они ведь, как кроты, в земле роются... Иногда, правда, и продовольствие к нам для них завозят. Вот, кстати, этому самому Жиенбаеву, о котором вы спрашиваете, особым распоряжением велено выдавать продукты сухим пайком. Он у них в отдельности где-то ковыряется. Так сказать, крот-одиночка.

— А вы, дедушка, видели его когда-нибудь?

— Нет, не видел, — равнодушно ответил старичок, поправляя свое старомодное пенсне на черном шелковом шнурке. — И не очень, между прочим, расстраиваюсь из-за этого. Думаю, что ничего не потерял. Я, молодой человек, немало знаменитых людей повидал на своем веку. Личное знакомство имел даже с двумя академиками: с Александром Евгеньевичем Ферсманом и Владимиром Афанасьевичем Обручевым. Я в знакомствах, знаете ли, разборчив. Этот ваш Жиенбаев был тут както без меня, получил продукты да мотоцикл свой бензином заправил. А вы-то кем будете? Тоже небось какой-нибудь геолог-археолог? Или историк, поди?

— Я, дедушка, простой рабочий-землекоп, — скромно ответил Малиновкин. —Хотел к кому-нибудь из археологов наняться. Порекомендовали мне к Жиенбаеву обратиться.

— А-а... — разочарованно произнес старичок и сразу перешел на «ты». — Ничем тебе не могу помочь в этом, друг любезный. Одно только могу сказать — стыдно в твоем возрасте никакой иной квалификации не иметь!

Старичок снова поправил пенсне, внимательно посмотрел на Малиновкина и, укоризненно покачав головой, повернулся к нему спиной.

— Заболтался я тут с тобой, однако... — проворчал он, направляясь к домику, в котором у него было нечто вроде конторы.

В тот же день Малиновкин встретился с Ершовым в городской читальне и незаметно сунул ему записку с отчетом о своем посещении археологической базы.

Следующий день прошел у лейтенанта скучно, без встречи с Ершовым и даже без писем от него. От нечего делать Малиновкин бесцельно бродил по городу, раза два заходил на железнодорожную станцию.

Сначала просто так, чтобы убить время, а потом уже, во второй половине дня, понаблюдать за родственником Аскара Шандарбекова — Темирбеком. Наблюдения, однако, почти ничего не дали ему. Он пришел на станцию как раз перед отправлением хозяйственного поезда на стройучасток.

— Послушайте-ка, — обратился Малиновкин к какому-то железнодорожнику, — не видели ли вы кондуктора Темирбека?

— Да вот он, — кивнул железнодорожник на сутуловатого человека с флажками в кожаных футлярах, висевшими у него на поясе.

Пока Малиновкин раздумывал, подойти ли ему поближе к Темирбеку, кондуктор взобрался на тормозную площадку хвостового вагона и стал укреплять сигнальный фонарь на крючке кронштейна. А минут через пять поезд медленно тронулся в сторону нового строительного участка железной дороги.

Хотя Малиновкин видел Темирбека издалека, внешний вид его показался лейтенанту странным. Было в фигуре кондуктора что-то угрюмое, неприветливое.

«На какого-то восточного фанатика похож...» — с неприязнью подумал о нем Малиновкин.

БЕСПОКОЙНАЯ НОЧЬ

Прошел еще один день, с тех пор как Малиновкин в последний раз встретился с Ершовым, а новых вестей от майора не было. Это начало серьезно беспокоить лейтенанта. Он решил пробыть весь вечер дома и понаблюдать за окном — может быть, Андрей Николаевич подаст какой-нибудь сигнал. Вчера лейтенант написал ему письмо до востребования и предложил, в случае необходимости, бросить ночью записку в окно, которое он сегодня специально оставил открытым.

Давно уже стемнело, но лейтенант, не зажигая света, терпеливо сидел за столом и внимательно смотрел в окно. Просвет его заметно выделялся на почти черном фоне комнатной стены. Изредка мелькали в его сером прямоугольнике темные фигуры прохожих, но Малиновкин не обращал на них внимания. Глаза его, не отры-

ваясь, следили за домом напротив. В нем светилось лишь одно окно, и лейтенант, несмотря на скудное освещение комнаты, различал все же часть стены, обклеенной газетами, стол, придвинутый к окну, и склонившегося над книгой майора Ершова. Он читал, не отрывая глаз, и торопливо перелистывал страницы.

С заметным сожалением захлопнул он наконец книгу, прошелся по комнате и потушил свет. Малиновкин, внимательно следивший за ним, тотчас же, как только потух свет, поднялся из-за стола и, стараясь не шуметь, подошел к окну.

Облокотившись на подоконник, Малиновкин снова стал пристально всматриваться в соседний дом, сосредоточив внимание теперь уже не на окне его, а на калитке. Вскоре она со скрипом открылась и из нее вышел высокий человек в тюбетейке. Малиновкин тотчас же узнал в нем майора Ершова.

Постояв немного, майор медленно стал прохаживаться вдоль дома Шандарбекова сначала по одной стороне улицы, затем по другой. Когда он второй раз прошел мимо открытого окна Малиновкина, лейтенант услышал, как какой-то очень легкий предмет упал на пол комнаты почти возле самых его ног.

Торопливо нагнувшись, Малиновкин пошарил по полу руками и нащупал свернутую в несколько раз бумажку.

Спрятав ее в карман, лейтенант вышел в другую комнату, окно которой выходило во двор, и зажег свет. Старая хозяйка квартиры Малиновкина, бабушка Гульджан, уже спала, и он был тут совершенно один. На всякий случай лейтенант все же прислушался. Из-за двери комнаты хозяйки доносилось равномерное похрапывание.

Задернув занавеску на окне, Малиновкин подошел поближе к свету, достал записку из кармана, поспешно развернул ее и прочел:

«Мой хозяин передал мне письмо от Жиенбаева, расшифровав которое, я прочел распоряжение: сегодня в двенадцать часов ночи выехать на мотоцикле к Черной реке по дороге, ведущей в Адыры. Приказано также обратить внимание в пути на сигналы, которые будут подаваться красным фонарем.

Заметив их, я должен буду заехать в ближайший кустарник и оставить там мотоцикл с вмонтированной в него рацией и новым кодом. Видно, Жиенбаев все еще не очень доверяет мне и не решается встретиться со мной.

Я выеду ровно в двенадцать. Вы оставайтесь на своей квартире и внимательно следите за домом Аскара. Ничего до моего возвращения не предпринимайте. На всякий случай включите после двенадцати рацию — может быть, мне придется связаться с вами по радио на какой-нибудь из трех волн, длина которых вам известна».

Малиновкин прочитал записку еще раз и задумался. Почему Жиенбаев ведет себя так таинственно? Почему не показывается Ершову? Неужели все еще не доверяет ему?

Ясно было пока только одно — Жиенбаев чертовски осторожен. Недаром, значит, дана ему шпионская кличка «Призрак». А Андрею Николаевичу не следовало бы, пожалуй, ехать на это свидание одному. Нужно было бы взять с собой и его, Малиновкина, или послать следом по той же дороге на велосипеде. У хозяйки как раз висит в коридоре чей-то велосипед — можно было бы воспользоваться им.

Но приказ есть приказ. Малиновкин уничтожил записку, потушил свет и вернулся в свою комнату. На улице теперь никого не было видно. Ершов, очевидно, зашел в дом Шандарбекова. Взглянув на светящийся циферблат часов, Малиновкин снова устроился у окна. Через полчаса Ершов должен был выехать из дома на мотоцикле.

Лейтенант Малиновкин еще очень мало работал в органах государственной безопасности, но он достаточно начитался и наслушался всяческих рассказов о героической профессии контрразведчика. На деле, конечно, все это оказалось иначе. Скромной, будничной работы во всяком случае было куда больше, чем героических эпизодов.

Малиновкин, давно уже мечтавший об опасной оперативной работе, полгода провел в одном из отделов управления государственной безопасности. И, пока все было более или менее ново для него, не тяготился

этой работой, но как только показалось ему, что он «все постиг», стал томиться по «настоящему делу».

Получив задание сопровождать майора Ершова, он обрадовался необычайно. Однако в последние дни бездеятельность начала томить лейтенанта. Конспирация, которую он строго соблюдал все это время, сначала нравилась ему, но затем стала казаться излишней, похожей на какую-то игру в таинственное. И вот наконец представляется возможность если не активных действий, то уж во всяком случае встречи с настоящим врагом с глазу на глаз. И что же? Его опять отстраняют от опасного дела!

Малиновкин тяжело вздохнул и закрыл окно. Пора бы уже Ершову выходить на улицу — времени без пяти двенадцать.

Лейтенант снова сосредоточил все свое внимание на калитке дома Аскара Шандарбекова. Хотя ночь стояла темная, но если бы кто-нибудь вышел из этого дома, заметить его все-таки было возможно. А время все шло. Минутная стрелка перевалила через двенадцать. Вот уже пять... семь... десять минут первого. Что же Андрей Николаевич, заснул он, что ли?

Малиновкин начал нервничать. Может быть, подойти незаметно к окну комнаты Ершова и постучать? Или бросить в него горсть песка? Но нет, не мог майор Ершов, прошедший школу у знаменитого Астахова, заснуть в столь напряженный момент!

Тогда, может быть, ему помешал кто-нибудь выехать вовремя? Но и этому тоже не верилось... Скорее всего, он уехал огородами, чтобы не привлекать ничьего внимания.

Было уже четверть первого, когда Малиновкин достал из чемодана рацию. Включив ее на прием, он надел наушники и осторожно стал настраиваться то на одну, то на другую волну коротковолнового диапазона. Тоненький писк морзянки, обрывки музыки, чей-то басистый, раскатистый смех, молящий голос женщины, сухой треск грозовых разрядов и снова морзянка попеременно слышались в телефонах наушников.

Малиновкину нравилась эта «эфирная смесь», как он ее называл. Она казалась ему горячим, напряженным дыханием планеты. Из иностранных языков знал он

только английский и немецкий, но легко узнавал по произношению французскую, итальянскую и испанскую речь. Без особого труда понимал польский и чешский языки, так как хорошо знал украинский и белорусский.

Малиновкин любил строить догадки по обрывкам фраз, «выловленным» из эфира, когда не спеша настраивался на нужную ему волну. Любопытно было представить себе, о чем говорило, пело, а иногда и кричало человечество в эфире.

Многое можно было подслушать в наушниках в томительные часы дежурств у рации в ожидании радиосеанса. И не только голоса людей и звуки музыки говорили радисту, чем живут и волнуются люди. Комариное попискивание морзянок тоже могло поведать о многом: о бедствиях в море, о сводках выполненных заданий, о прогнозах погоды. Были звуки радиотелеграфа и главными носителями тайн. Ими передавались зашифрованные сведения коммерческого характера, служебные распоряжения, донесения тайных агентов и секретные предписания их резидентов.

Малиновкин давно уже привык ко всему этому и довольно легко ориентировался в беспокойном эфире, осторожными движениями пальцев поворачивая рифленую ручку настройки и смещая то вправо, то влево тонкую нить визира по светящейся шкале. Сегодня, однако, интересовался он только морзянками в ограниченных пределах одного из диапазонов коротких волн. Вот уже несколько минут чутко прислушивался он к звукам в наушниках, ловя малейший шорох в эфире, но никто, кажется, не собирался работать на этих волнах.

Был уже второй час ночи, когда Малиновкин решил, что Ершов, видимо, не имеет нужды или возможности связаться с ним по радио. На всякий случай он решил подежурить еще немного, то и дело поглядывая на дом Аскара Шандарбекова.

Прошумела за окном машина, осветив на несколько мгновений стены комнаты Малиновкина. И снова все погрузилось в темноту. В ней даже дом Шандарбекова растворился. Только звезды в черном небе сверкали все так же ярко, медленно меняя свое расположение над крышами домов.

Ершову пора уже было вернуться... Но, может быть, Жиенбаев дал ему новое задание и куда-нибудь послал? Или случилось с ним что-то?..

Малиновкин не мог уже больше спокойно сидеть у рации. Он пододвинул ее поближе к окну и почти лег на подоконник. Затем, когда беспокойство и нетерпение его достигли крайней степени, выключил рацию и осторожно вышел на улицу. Постояв немного против дома Аскара, он прошелся по своей стороне до конца квартала и снова остановился в нерешительности. Что же делать? Что предпринять?

Потом вдруг пришла другая, успокоительная мысль: мог ведь майор вернуться к себе так же незаметно, как и ушел отсюда? Но он как-нибудь дал бы тогда знать о себе. Должен же он понимать, что Малиновкин беспокоится о нем...

Требовалось срочно принимать решение, но лейтенант Малиновкин впервые был в таком положении и не знал, что ему делать. Больше всего хотелось забрать хозяйский велосипед и пуститься по той дороге, по которой несколько часов назад уехал майор Ершов. Верное ли, однако, будет это решение? А что, если он больше всего понадобится именно здесь, где оставил его Ершов? Нет, нужно твердо следовать приказанию майора и не уходить никуда от дома Аскара Шандарбекова.

Сокрушенно вздохнув, лейтенант вернулся в свою комнату и снова уселся у окна. Улица теперь показалась ему светлее, чем раньше. Он посмотрел на часы — часовая стрелка находилась у цифры три — значит, уже начинался рассвет.

ЖИЕНБАЕВ ВСЕ ЕЩЕ НЕ ДОВЕРЯЕТ

Бросив в окно Малиновкина записку с сообщением о задании Жиенбаева, Ершов вернулся в дом. Хозяин его, Аскар Шандарбеков, находился на дежурстве — у него иногда бывали и ночные дежурства. Темирбек не вернулся еще из поездки. Казалось бы, в такой обстановке майор мог действовать совершенно свободно, но он позволял себе делать только то, что сделал бы,

зная, что в доме он не один. Весьма возможно, что за ним и не следил никто, но он по опыту знал, что предосторожность никогда не бывает излишней.

Рация находилась теперь в мотоцикле. По совету Малиновкина, Ершову удалось так ловко вмонтировать ее внутрь коляски, что пользоваться ею можно было, не вынимая из тайника.

Как же теперь лучше выехать со двора Аскара? Выкатить мотоцикл на улицу или незаметно провести его огородами? Пожалуй, лучше огородами.

Ершов выкатил машину во двор. Она была легкой, подвижной. Катить ее не стоило большого труда. Только в огороде пришлось немного повозиться, чтобы не помять грядок. Но вот наконец он в поле. Усевшись в седло, майор завел мотор, включил первую скорость и медленно двинулся вперед.

Желтоватый конус света тускло освещал проселочную дорогу. Иногда он выхватывал из темноты то белые султаны ковыля, росшего по сторонам дороги, то полукустарник кокпека с невзрачными стеблями и листочками. Попал в полосу света и степной хорек, вышедший на охоту за сусликами.

Ершов увеличил скорость, продолжая зорко поглядывать по сторонам, но вокруг все было обычно. Интересно, где же Жиенбаев подаст условный сигнал — у самой Черной реки или раньше?

Вот в конусе света от фонаря мотоцикла вспыхнули впереди кусты терескена. Мелкие седовато-серые листки его поблескивали в лучах прожектора язычками тусклого пламени. Эти невзрачные растения ночью показались Ершову красивее, чем днем. Майор все ближе подъезжал к кустарнику и вдруг увидел, как несколько левее того направления, по которому он ехал, замигал красный огонек: две короткие и одна длинная вспышка.

Ершов остановил мотоцикл и тоже просигналил своим прожектором. Почти тотчас же ему снова ответил красный фонарик обычной азбукой морзе: «Гасите свет. Вкатите мотоцикл в кусты. Сами возвращайтесь на дорогу. Ждите дальнейших приказаний».

За текстом следовала цифра «33». Это был агентурный номер Призрака, известный Ершову по признанию, сделанному шпионом, сообщившим органам гос-

безопасности о заброске Призрака в Среднюю Азию. Значит, Саблин и Осипов не ошиблись, предполагая, что Жиенбаев и Призрак — одно и то же лицо. Открытие это обрадовало Ершова. Значит, он верно нащупал след неуловимого Призрака и рано или поздно возьмет за горло эту международную знаменитость.

Когда Жиенбаев кончил сигналить, Ершов ответил ему своим прожектором, что понял его. Выключив свет, он вынул из кармана томик стихов американских поэтов и раскрыл его на той странице, на которой был напечатан «Ворон» Эдгара По. Положив книгу на сиденье коляски, майор столкнул с места мотоцикл и покатил его в кусты терескена. Когда машина оказалась в середине кустарника, Ершов оставил ее там и вышел на дорогу.

Никогда не питал Ершов большой любви к ночному светилу, но теперь, взглянув на небо, пожалел, что нет луны. А золотистые песчинки большой небесной дороги — Млечного Пути — не в силах были осветить землю. В густой тьме лежали вокруг и казахские степи и кустарник терескена, в зарослях которого таился Призрак.

Уже более пяти минут ходил майор вдоль дороги, но не слышал из кустов ни одного звука. Лишь когда зажег Жиенбаев свой фонарик, стало несомненно, что он осматривает рацию, вмонтированную в кожух мотоцикла. Впрочем, об этом тоже можно было только догадываться, так как за кустами терескена ничего не было видно, лишь кое-где сквозь их густые ветви просачивался тусклый свет.

Майору казалось, что прошло уже очень много времени, прежде чем раздался из кустарника голос Жиенбаева:

— Значит, кодировать будем по «Ворону» старика Эдгара? Верно я понял?

Голос Призрака был высокий, звучный, без малейшего акцента.

— Так точно! — поспешно ответил майор на его вопрос.

— Ваша работа по монтажу рации меня устраивает, — продолжал Жиенбаев, и, судя по тому, что голос его стал слышнее, он вышел, наверное, из гущи

кустарника. — А то, что я не показываюсь вам, пусть вас не смущает, — таков стиль моей работы. Ну, а теперь ступайте назад пешком, дорогой мой коллега, сотрудник Алма-атинского исторического музея Талас Александрович Мухтаров, — добавил он с неприятным смешком. — Так ведь, кажется?

— Точно так.

— Возвращайтесь к Аскару Шандарбекову, — теперь уже резким тоном приказа продолжал Призрак. — Связь со мной будете держать по своей рации. Сеансы назначаю на двенадцать часов ночи. Может быть, я не смогу иногда вести передачу, но вы включайтесь ежедневно и будьте на приеме не менее получаса. Вам все понятно?

— Все.

— Разговор будем вести по новому коду. Мой позывной — «Фрэнд», ваш — «Комрад». Длина волны — десять и тринадцать сотых. Задание вам следующее: узнавайте возможно подробнее, какие грузы идут со станции Перевальской на стройплощадку железной дороги. Сами старайтесь не ходить на станцию. Выпытывайте эти сведения у Аскара или его двоюродного брата Темирбека. Не пытайтесь только подкупить их. Это опасно — можете погубить все дело. Вам все ясно, Мухтаров?

— Так точно.

— Ну, тогда до свидания.

Слышно стало, как зашуршали ветки — наверно, Жиенбаев выкатывал из кустов свой мотоцикл. Потом раздался стрекот мотора. Мотоцикл поработал немного на холостом ходу, затем Жиенбаев включил скорость и уехал куда-то в поле, не зажигая света.

Взвешивая все только что происшедшее, Ершов подумал невольно: «А я по-прежнему знаю о нем ровно столько же, сколько знал до этого. Даже лица его не видел...» Но тут же утешился: «Однако хорошо уже и то, что это тот самый Призрак, за которым мы так давно охотимся. Он, конечно, проверял меня все эти дни, наблюдая за мною, и нашел теперь возможным доверить кое-что. Можно, пожалуй, надеяться, что со временем он станет откровеннее...»

Ершов столкнул с места мотоцикл и покатил его в кусты терескена.

Шагая в Перевальск по пыльной дороге, Ершов уже в который раз задавал себе все один и тот же вопрос: что же все-таки привлекает Жиенбаева на строительстве железной дороги? Даже приблизительного ответа на это у него пока не было.

Только к рассвету добрался майор до города и так же, как и ночью, огородами прошел в дом Аскара. На востоке уже занималась заря, когда он вошел в свою комнату. Подойдя к окну, он раздвинул занавески и посмотрел на домик напротив. Тотчас же открылось в нем окно, и взлохмаченная голова Малиновкина высунулась на улицу. Лейтенант сделал вид, что выплескивает что-то из стакана на тротуар, а Ершов зажег спичку и закурил — это было условным знаком, означавшим, что у него все в порядке.

Окно напротив снова захлопнулось.

«Поволновался за меня Дмитрий», — тепло подумал Ершов о Малиновкине и, с наслаждением опустившись на диван, стал снимать пыльные сапоги.

За стеной комнаты Темирбека с присвистом храпел кто-то. «Значит, кондуктор вернулся уже из поездки», — решил Ершов, вспомнив, что, проходя через кухню, наткнулся на окованный железом сундучок, который Темирбек обычно брал с собой в поездку.

В МИНИСТЕРСТВЕ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

Генерал-директор пути и строительства Вознесенский очень устал после длительного совещания у министра путей сообщения и более всего мечтал об отдыхе. Он уже собрался было домой, как вдруг вспомнил, что в пять тридцать должен заехать к нему Саблин. Об этом они договорились утром по телефону.

Когда-то Вознесенский был в дружеских отношениях с Саблиным, но с тех пор много воды утекло. Последние годы они общались все реже, и Вознесенский даже вспомнить теперь не мог, когда они встречались в последний раз: пять лет назад или все десять?

Генерал-директор знал, правда, что Саблин служит в Комитете государственной безопасности, и, когда Илья Ильич заявил, что дело у него служебное, отка-

зать ему в приеме или перенести встречу на другой день счел неудобным.

Вспомнив теперь о скором приходе Саблина, Вознесенский недовольно поморщился и закурил папиросу.

«Зачем, однако, я ему понадобился? — рассеянно думал он. — Надеюсь, это не связано с каким-нибудь неприятным делом?..»

Саблин приехал ровно в пять тридцать. Он был на этот раз не в генеральской форме, а в скромном штатском костюме и произвел на Вознесенского впечатление человека не очень преуспевающего в жизни. Это почему-то успокоило его, и он сразу же взял свой обычный в подобных обстоятельствах покровительственный тон.

— А, дорогой Илья! — весело воскликнул он, поднимаясь навстречу Саблину. — Входи, входи! Дай-ка я на тебя посмотрю, старина. Э, да ты поседел, дружище! А ведь мы с тобой, как говорится, годки.

— Ну, а ты не изменился почти, разве потолстел только, — тоже улыбаясь и пожимая руку генерал-директору, проговорил Саблин. Ему еще утром, когда они разговаривали по телефону, не понравился тон Вознесенского, теперь же он окончательно решил, что друг его молодости чувствует себя большим человеком.

— Что же ты вестей о себе не подавал? — продолжал Вознесенский, угощая Саблина дорогими папиросами. — Ты ведь по-прежнему в госбезопасности? О ваших подвигах, к сожалению, не очень-то пишут в газетах.

— Это верно, — усмехнулся Саблин. — У нас работа скромная. Зато о тебе именно из газет мне все известно.

— А мне о тебе — ничего, — развел руками Вознесенский. — И расспрашивать не решаюсь, у вас ведь все тайна.

— Ну, не такая уж тайна моя-то личная биография, — рассмеялся Саблин, невольно подумав: «Боится, видно, что на судьбу жаловаться буду, протекции просить...» — Хвалиться, впрочем, нечем, — добавил он вслух.

Генерал-директор бросил нетерпеливый взгляд на часы, давая тем понять, что он не располагает временем и куда-то спешит.

— Я тебя ненадолго задержу, — заметив его нетерпение, проговорил Саблин. — У меня, собственно, всего один вопрос. По телефону, однако, нельзя было его задавать — вот и пришлось приехать лично. Ты ведь, конечно, хорошо осведомлен о строительстве железной дороги Перевальская — Қызылтау?

— Кому же тогда быть осведомленным, как не мне? — удивился Вознесенский, и мохнатые его брови поднялись вверх, наморщив высокий лоб.

— Ты не обижайся, пожалуйста, — улыбнулся Саблин. — Я не усомнился, а всего лишь принял во внимание расстояние. За несколько тысяч километров можно ведь и не быть достаточно осведомленным.

— Хороший начальник и за десятки тысяч километров должен знать, что у него там делается, — все еще ворчливо проговорил генерал-директор. — Долго ты, однако, подбираешься к своему вопросу.

— А вопрос вот какой: применяете ли вы на этом строительстве атомную энергию? Не установлено ли там нечто вроде ядерного реактора?

Снова удивленно поползли вверх пушистые брови генерал-директора:

— Откуда ты взял это?

— Ниоткуда, просто спрашиваю, — спокойно ответил Саблин. — Мне это очень важно знать...

Саблин не договорил, для чего ему понадобились эти сведения, но Вознесенский понял, что расспрашивать посетителя он не имеет права.

— Нет, мы там не используем атомную энергию, — ответил он Саблину. — Просто нет в ней нужды. Мы удаляем породу взрывным способом с помощью аммонита. Взрывные работы ведет у нас специальная организация «Желдорвзрывпром». У нее солидный опыт в этом деле. Еще совсем недавно американские специалисты утверждали, будто по взрывному делу впереди идет Аргентина, расходующая в год до полутора тысяч тонн взрывчатых веществ. А мы еще в тысяча девятьсот тридцать шестом году одним только массовым взрывом на Урале подняли на воздух тысячу восемьсот тонн взрывчатки. Как тебе это нравится?

Вознесенский довольно рассмеялся. С лица его исчезло выражение самодовольства. Чувствовалось, что

он говорит о хорошо знакомом и близком ему деле. Саблину вспомнилось, что в гражданскую войну служил Вознесенский сапером и всегда был неравнодушен к взрывчатке.

— Не хвалясь, тебе скажу, Илья, — продолжал генерал-директор, — не без моего участия создавался этот «Желдорвзрывпром». Слыхал ты что-нибудь о направленных взрывах и взрывах на выброс? Интереснейшее дело, дорогой! Закладывается для этого в землю по тысяче двести — тысяче триста тонн взрывчатых веществ, поворачивается ключ взрывной машинки, проносится электрический заряд по электровзрывной сети, срабатывают электродетонаторы, взлетают на воздух тысячи кубометров породы — и километровая железнодорожная выемка глубиною до двадцати метров готова! Точно таким же направленным взрывом создаем мы и насыпи. И учти, Илья, что все это в одно мгновение, не считая, конечно, подготовительных работ. А сколько на это ушло бы времени при разработке выемок экскаватором, даже самым мощным?

— Ну, спасибо за справку, Емельян Петрович! — протянул Саблин руку генерал-директору. — Извини, что отнял у тебя столько времени.

— Э, да что там! — Вознесенский дружески хлопнул Саблина по плечу, и к нему снова вернулся его покровительственный тон. — Я очень рад, что мы встретились наконец. Ну, как у тебя дела-то по службе? В каких чинах ходишь? Помнится, в последний раз, когда встретились, майором был?

— Майором был, майором и остался, — усмехнулся Саблин. — Правда, теперь пишется еще одно слово перед этим званием.

— Ах, так ты генерал-майор?! — уже каким-то другим тоном воскликнул Вознесенский. — Ну, брат, от всей души поздравляю!

ДЛЯ ЧЕГО МОТОЦИКЛ ЖИЕНБАЕВУ

Вернувшись в свое управление, генерал Саблин тотчас же зашел к полковнику Осипову и сообщил ему о результате разговора с Вознесенским. Полковник не

сразу высказал свое мнение по этому поводу. Он никогда не торопился с выводами, хорошо зная, как нелегко приходят верные решения.

— Что же это получается, Афанасий Максимович? — нетерпеливо спросил Саблин, не дождавшись ответа Осипова и начиная уже досадовать на него. — За чем же тогда охотится Жиенбаев? Не могли ведь ввести его в заблуждение взрывные работы и не принял же он их за взрывы атомных бомб?

— Да-а, — задумчиво покачал головой полковник Осипов. — Тут все полно противоречий. В твое отсутствие мне принесли еще несколько вырезок из иностранных газет. В них сообщается, что Советский Союз ведет в Средней Азии крупные строительные работы с помощью атомной энергии. И совершенно точно указываются именно те районы, где идет строительство нашей новой железной дороги.

— Какой давности эти сведения? — настороженно спросил Саблин.

— Двухнедельной.

Генерал задумался. Прошелся несколько раз по кабинету, постоял у окна, глядя вниз на шумную площадь.

— Ну что ж, — произнес он наконец, не замечая, что папироса его давно уже потухла. — Могло быть и так: Жиенбаев принял массовые взрывы аммонита за атомные и сообщил своим хозяевам. Кто-то из них мог обмолвиться об этом в присутствии журналистов, жадных до сенсации, а уж они постарались соответствующим образом раздуть ошибку Призрака.

— Не хочешь ли ты этим сказать, что Жиенбаев все еще находится в заблуждении относительно характера взрывов на нашем железнодорожном строительстве? — спросил Осипов, не совсем еще понимая, к чему клонит Саблин.

— Нет, не хочу. Он мог заблуждаться только вначале, но с тех пор у него было достаточно времени с помощью счетчика Гейгера убедиться в своей ошибке.

— М-да... — с сомнением покачал головой Осипов, — а может быть, он все-таки еще заблуждается?

— Почему же? — удивился генерал.

— Да потому, что Ершов доставил ему мотоцикл для того, вероятно, чтобы он лично съездил на строи-

тельство и собственными глазами посмотрел, что там делается.

— Он мог съездить на строительство и на поезде.

— Но зачем ему тогда мотоцикл?

— Скорее всего, для перевозки рации. Ершов ведь надежно замаскировал ее в коляске мотоцикла.

— Меня такой ответ не удовлетворяет, Илья Ильич. Жиенбаев нашел бы более надежный способ запрятать куда-нибудь свою рацию. Это не проблема.

— А ты считаешь, значит, что мотоцикл ему нужен только для поездки на стройку? — спросил Саблин, подумав с досадой, что упрямство Осипова выведет его когда-нибудь из терпения.

— Нужно ведь как-то объяснить, зачем ему понадобился мотоцикл, — уклончиво ответил полковник, не собираясь сдаваться.

— А для меня ясно одно, — слегка хмурясь, заметил Саблин, — на стройку он на мотоцикле не поедет, — это рискованно, а Жиенбаев всячески избегает риска. Я думаю, что мотоцикл ему нужен, пожалуй, для того, чтобы свободнее перемещаться и не дать возможности запеленговать свою рацию во время радиопередач.

— Но Ершова-Мухтарова, которого он считает своим помощником, тоже ведь могут запеленговать? Выходит, что, спасая себя, он ставит под удар своего помощника?

Саблин ждал этого вопроса и, не задумываясь, ответил:

— Ершов-Мухтаров будет, очевидно, вести с Жиенбаевым очень короткую радиосвязь, главным образом прием его приказаний. Сам же Жиенбаев, кроме связи с Ершовым-Мухтаровым, должен еще обмениваться регулярными радиограммами со своим резидентом, что связано, конечно, с немалым риском. Вот ему и потребовалось вмонтировать рацию в мотоцикл, чтобы вести передачи из разных точек, значительно отстоящих друг от друга. Мотоцикл же может быть у него совершенно легально. Донес ведь нам Малиновкин, что, как член археологической экспедиции, работающей где-то на отшибе от основной группы, Жиенбаев имеет возможность заправляться бензином на Перевальской археологической базе.

Говоря это, Саблин все более проникался убежде-

нием в правильности своей догадки. Встав из-за стола, он прошелся несколько раз по кабинету, продолжая обдумывать эту мысль, и, окончательно уверившись в правильности ее, остановился перед Осиповым.

— А в том, что Жиенбаев не собирается на строительство, есть и еще одно доказательство: он ведь приказал Ершову сообщать ему о грузах, идущих на стройку. Зачем ему это, если бы он сам туда собирался?

— Да-а, — задумчиво проговорил Осипов, — замысловато, замысловато получается... Будем, однако, ждать новых сообщений Ершова. Может быть, и прояснится кое-что.

НЕ ДОПУЩЕНА ЛИ ОШИБКА?

Майор Ершов так устал в этот день первой встречи с Жиенбаевым, что, казалось, готов был тотчас же заснуть мертвым сном. Но этого не случилось. Беспокойные мысли долго еще тревожили его, и он вертелся с боку на бок, комкая подушку и тяжело вздыхая.

Зачем понадобился Жиенбаеву мотоцикл? Куда он собирается поехать на нем? Что думает о нем, Ершове? По-прежнему будет относиться с подозрением или станет доверять теперь? Почему интересуется железнодорожными грузами?

Все это было пока неясно Ершову, все требовало скорейшего ответа, верного решения. Без этого нельзя действовать дальше и надеяться на успех. Более того, необдуманным ходом можно провалить все дело, упустить опасного врага, хуже того — дать возможность врагу осуществить его планы.

Около шести часов утра вернулся с дежурства Аскар. Слышно было, как он умывался, а потом гремел тарелками на кухне — решил, наверно, перекусить перед сном. Спустя несколько минут скрипнула дверь его комнаты. Теперь он ляжет спать и проспит, пожалуй, часов до двенадцати.

В каких отношениях этот человек с Жиенбаевым? Только ли хозяин его квартиры, или еще и сообщник? Это тоже необходимо было решить как можно скорее. В том, что какая-то связь между ними существует, у Ершова почти не было сомнений.

Но не это было сейчас главным для Ершова. Более всего волновал его вопрос: как будет вести себя Жиенбаев в дальнейшем с ним, с Ершовым? Ведь задание, которое он дал ему, в сущности пустячное. Сведения эти и Аскар сумел бы раздобыть. Вот разве только сообщать их без рации не мог...

Ершов прикидывал все это и так и эдак и решил наконец, что если Жиенбаев свяжется с ним вскоре по радио, значит, доверяет, не свяжется — нужно будет признать, что он, Ершов, раскрыл, обнаружил себя чем-то, спугнул опасного врага.

Была и еще одна забота: проснуться не позднее девяти часов, чтобы ни Аскару, ни Темирбеку не дать повода подумать, будто Ершов ведет себя не очень осторожно, — ведь это значило бы для Жиенбаева, что у него плохой помощник.

Ершов приучил себя вставать в любое время, когда это было нужно, а беспокойная работа научила его каждую минуту быть настороже.

В этот день Ершов проснулся без пяти девять. В доме было тихо. Только в соседней комнате осторожно ходил кто-то — наверно, Темирбек поднялся уже и старается не шуметь, чтобы не разбудить своего двоюродного брата, которого он, как казалось майору, немного побаивался.

Ершов перевел взгляд на окно. Солнце ярко освещало противоположную сторону улицы и дом старухи Гульджан, в котором квартировал Малиновкин. Окно его комнаты было распахнуто. Значит, лейтенант уже встал. Они условились: по утрам открытое окно будет означать, что Малиновкин бодрствует, а днем и вечером — что он дома. Означало это также, что Дмитрий хочет узнать поскорее подробности вчерашней встречи Ершова с Жиенбаевым и ждет новых указаний майора.

Но что же можно приказать ему? Что вообще можно предпринять? Нужно бы встретиться с ним как-то и поговорить, объяснить сложность создавшейся обстановки. Но и это тоже было не так-то просто. Черт ведь его знает, этого Жиенбаева, может быть, он не считает испытательный срок оконченным. Нет, тут уж лучше соблюдать строжайшую конспирацию до конца. А пока Ершов открыл окно и, высунув в него голову, посмо-

трел вдоль улицы направо и налево. Это означало, что у него все в порядке и что лейтенант может быть свободен и заниматься своими делами до полудня.

Аскар поднялся только в двенадцать часов дня, Ершов к этому времени вернулся из столовой, где он позавтракал и захватил кое-что с собой из буфета. Темирбека, который перед его уходом ел что-то у себя в комнате, в доме теперь не было.

— Ну как, не соскучились еще у нас, товарищ Мухтаров? — спросил Ершова Аскар, направлявшийся с полотенцем на шее умываться во двор.

— Нет пока, — бодро ответил Ершов. — Я много интересного в библиотеке вашей обнаружил. Вчера почти весь день там провел. Просматривал архивные материалы и на любопытные исторические документы натолкнулся. Ну, а у вас как идут дела, Аскар Габдуллович? Служба-то ваша не очень спокойная? Ночами приходится дежурить?

— Да нет, не всегда это. В основном все-таки днем. Да и работа, откровенно говоря, пока не очень интересная. Вот закончат строительство магистрали, пойдут регулярные поезда — тогда поинтереснее будет. А сейчас у нас ни графика, ни расписания.

— Грузы тоже, наверное, пустяковые? — будто невзначай спросил Ершов, наблюдая, как энергично растирает Аскар вафельным полотенцем свою хорошо развитую грудь.

— Известное дело! В основном стройматериалы идут. А это главным образом шпалы да рельсы, иногда цемент. Вот скоро вступят в строй новые заводы сборных конструкций — пойдут грузы поинтересней. И сейчас, правда, перевозят солидную технику, иногда даже на специальных многоосных платформах-транспортерах. Вот, к примеру сегодняшней ночью сборный цельноперевозной мост отправили и несколько железобетонных строений. А вчера — элементы сборной металлической водонапорной башни системы Рожнова. Ну, а в общем все это не то, что на центральных магистралях. Там сейчас такая техника идет в адрес новых гидростроек, что диву даешься: как только ее грузят на железнодорожные платформы?

Аскар кончил обтираться и повесил полотенце на веревку, протянутую через весь двор. Снял с этой же веревки белую майку и с трудом продел в нее свою большую голову с жесткими волосами.

— А я все-таки вам, железнодорожникам, завидую, — заметил Ершов, поднимаясь со ступенек крылечка, на которые присел во время разговора. — Интересная у вас работа. По железным дорогам вашим, как по рекам, плывут и плывут, как плоты, разные составы и грузы. Вы, наверно, по ним лучше, чем по газетам, читаете все, чем страна живет?

— Да, это вы верно заметили, — согласился Аскар, и голос его прозвучал так искренне и просто, что Ершов подумал невольно: «А может быть, он и не связан ничем с Жиенбаевым? Может быть, честный человек?..»

Но тотчас же другой, более трезвый голос заключил: «Просто чертовски хитрый. Знает Жиенбаев, кого в помощники подбирать. Он и о грузах этих потому, наверно, так подробно мне говорит, чтобы я смог это Жиенбаеву по рации передать».

— Ну, я пойду позанимаюсь немножко, — проговорил Ершов вслух. — Раздобыл тут у вас в книжном киоске несколько брошюрок, хочу посмотреть.

Войдя в свою комнату, Ершов первым делом посмотрел на окно домика, в котором поселился Малиновкин. Оно теперь было открыто — значит, лейтенант уже вернулся. Что он делает там у себя? О чем думает? Волнуется, наверно? Ершов и сам находился в тревожном состоянии, но он хоть знал сложившуюся обстановку, а Малиновкин все еще пребывал в полном

неведении и строил, наверно, различные догадки, одну тревожнее другой. Необходимо было придумать какую-то простую систему связи, чтобы в любое время информировать Дмитрия и давать ему задания, не ожидая удобного случая.

НОЧНОЙ РАДИОСЕАНС

Лейтенант Малиновкин перебрал в уме множество способов конспиративной связи, но все они были слишком сложны, а нужно было придумать что-то совсем простое. Майор ведь просил его об этом и надеялся на него. Как же было не оправдать его надежд?

«А почему бы нам своими рациями не воспользоваться? — мелькнула вдруг до того простая мысль, что Малиновкин удивился даже, как он раньше не додумался до этого. — И у меня и у Андрея Николаевича есть ведь радиостанции, мы и используем их для нашей связи».

Придя к такому заключению, Малиновкин принялся раздумывать, как бы сообщить поскорее об этом майору. Бросить в окно записку можно будет только поздно вечером, а то и ночью, так как Аскар Шандарбеков сегодня дома — Дмитрий видел его недавно. Неужели ждать до вечера?..

Лейтенант ломал голову до тех пор, пока не пришло время обедать.

После обеда Малиновкин долго ходил по городу. А вечером, когда Ершов вышел из дому, осторожно пошел следом за ним. У небольшого кафе на соседней улице, где обычно майор ужинал, Малиновкин прибавил шагу и, нарочно столкнувшись с Ершовым у самых дверей, незаметно передал записку с предложением нового способа связи.

В кафе Ершов прочел ее и снова мысленно похвалил Дмитрия. «Почему бы действительно не воспользоваться рациями? Разговор с Призраком у меня сегодня в двенадцать, а Дмитрий будет на приеме с половины первого до часа. Ну что ж, очень хорошо. Попробую связаться с ним сегодня же...»

Несколько повеселев, Ершов выпил стакан кофе с булочкой и не спеша возвратился домой. Аскар без-

мятежно храпел — завтра рано утром ему нужно идти на работу. Темирбек, которого целый день не было дома, тоже укладывался спать в своей комнате.

Из дома Ершов вышел только после того, как убедился, что все заснули. Переложив рацию из чемодана в вещевой мешок, майор направился с нею в огород. Осмотревшись по сторонам, он медленно пошел между грядок к кустам боярышника. Кусты были колючие, цепкие. Майор поцарапал себе руки и лицо, прежде чем устроился как следует. Ровно в двенадцать рация его была на приеме.

Вокруг стояла тишина, только кузнечики трещали в степи, начинавшейся сразу же за огородом. Прилетели откуда-то мошки с длинными лапками и судорожно заметались по светящейся шкале рации. Нежный теплый ветерок приносил смешанные запахи цветов, овощей и каких-то остропахнувших трав.

...Шло время, а рация Ершова все еще молчала. От напряжения майор почувствовал непривычную усталость. Легкая пластинка, скреплявшая телефоны, будто стальной обруч, стискивала его голову, в ушах назойливо гудело что-то, и все время казалось, что далеко-далеко чуть слышно попискивает морзянка. Майор увеличивал громкость приема, смещая визир по шкале настройки то вправо, то влево, но морзянка от этого лишь бесследно исчезала...

Ершов охотился за неуловимой морзянкой до тех пор, пока не понял, что она ему только мерещится от перенапряжения и усталости. Тогда он выключил рацию. Сегодня его сеанс с Призраком не состоялся. Состоится ли он вообще? Что, если Жиенбаев разгадал его и скрылся? То, что он назначил ему ночные радиосеансы и дал позывные, могло ведь быть только для отвода глаз, чтобы выиграть время и удрать подальше от преследования.

Погруженный в эти невеселые мысли, Ершов чуть не забыл, что собирался связаться с Малиновкиным. Торопливо взглянув на часы, он снова включил рацию и тотчас же поймал позывные Малиновкина. Прежде чем отозваться ему, майор осторожно вышел из кустов и обошел их вокруг. Лишь после этого послал в эфир свои позывные. Сообщение свое и задание лейтенанту

он зашифровал заранее и, как только Малиновкин отозвался, тотчас же отстучал ему все ключом радиотелеграфа.

Коротко сообщив Дмитрию о своей встрече с Жиенбаевым, Андрей Николаевич приказал лейтенанту навести возможно более точные справки о ходе строительства железной дороги и грузах, идущих в адрес управления дороги. Необходима ли поездка на участок строительных работ, Малиновкин должен был решить самостоятельно. В этом случае ему предписывалось обратить внимание на местность: проходима ли она для мотоцикла?

ПОЕЗДКА НА СТРОЙУЧАСТОК

На следующий день Ершов проснулся в шесть утра, как только Аскар начал громыхать на кухне посудой. Значит, скоро уйдет на работу. Вместе с ним собирался куда-то и Темирбек.

Дождавшись их ухода, майор встал с дивана и выглянул на улицу. Окно Малиновкина было открыто. Сквозь слегка раздвинутые занавески Андрей Николаевич, присмотревшись, увидел Дмитрия. Он сидел за маленьким столиком и пил что-то похожее на кефир прямо из горлышка бутылки.

Позавтракав, лейтенант набросил на плечи пиджак, висевший на спинке стула, и не торопясь вышел на улицу. Согласно плану, выработанному еще ночью, он решил сразу же направиться на станцию. Она находилась недалеко от улицы Пржевальского, и Малиновкин быстро добрался до нее.

Лейтенант не раз бывал здесь и прежде, но теперь, ранним солнечным утром, станция предстала перед ним в каком-то ином свете. Показалось даже, что и зелени тут больше, чем было, и что не такая уж она пыльная. Рельсы же так сверкали в солнечных лучах, будто были отлиты из драгоценного металла. Даже водонапорная башня, побеленная обыкновенной известью, поражала своей белизной. А паровоз, только что поданный под тяжеловесный состав, попыхивал таким густо клубившимся паром, с такими живописными переливами белых,

синеватых и сизоватых тонов, какие бывают только на полотнах художников.

«Вот что значит хорошее солнечное утро и хорошее настроение, — невольно подумал Малиновкин. — Совсем другими глазами все вокруг видишь».

И ему захотелось поскорее поехать на главный участок строительства дороги, в район предгорья, где предстояли самые трудные работы. Тут, на станции, нечего и расспрашивать об этом, нужно непременно посмотреть все своими глазами.

Приняв такое решение, лейтенант торопливо пошел вдоль состава, к которому только что прицепили паровоз. По грузам на открытых платформах видно было, что он направляется на стройучасток. Тут размещались в основном скреперы, бульдозеры и другие землеройные машины. А крытые четырехосные вагоны, судя по светло-серой пыли, покрывавшей их двери, люки и даже колеса, были загружены строительными материалами — известью и цементом.

Лейтенант подошел уже к самому паровозу, когда услышал вдруг знакомый голос:

— Смотри, Костя, кто к нам шагает!

Малиновкин присмотрелся к широкоплечему парню в выгоревшей на солнце синей спецовке, стоявшему возле паровоза, и сразу же узнал в нем помощника машиниста Федора Рябова. Пока Малиновкин подходил к нему поближе, из окна паровозной будки высунулся и машинист Константин Шатров.

— Так ведь это же наш попутчик! — весело крикнул он, приветливо кивнув Дмитрию. — Ну, как дела, товарищ Малиновкин? Устроились уже на работу?

Спустившись по лесенке на пропитанную нефтью и маслом землю, Шатров крепко пожал руку Малиновкину.

А Малиновкин вдвойне был рад этой встрече: приятно вновь увидеть понравившихся ему людей, к тому же можно было не только расспросить их кое о чем, но, видимо, и проехать с ними на стройучасток, в район основных работ.

— Да нет, не устроился пока, товарищ Шатров, — угрюмо проговорил Дмитрий, отвечая на вопрос машиниста. — Обещают все, а пока болтаюсь без дела.

— А ты где устроиться хотел? — спросил Малиновкина Рябов, принимаясь крепить какую-то гайку в головке ведущего дышла. — Небось тут, в Перевальске?

— Тут... — смущенно признался Малиновкин.

— Вот и зря. На какую-нибудь новую станцию следовало проситься, — посоветовал Рябов и, хитро подмигнув Шатрову, добавил: — Или испугался от цивилизации оторваться? Тут как-никак городишко, а там два-три домика возле станции — и вокруг пустыня. Учти это...

— Да что ему учитывать! — горячо перебил своего помощника Шатров. — Уж если человек сознательно сюда приехал, так ему никакая пустыня не должна быть страшна. Ты брось, Федор, его запугивать. Поедемте-ка с нами, Малиновкин... Забыл, как звать вас.

— Дмитрием.

— Так вот, Митя, поедемте-ка с нами. Поглядите своими глазами, как люди живут и работают. Где больше понравится, там и устраивайтесь.

— А что ему там понравиться может? — удивился Рябов, кончив крепить гайку и вытирая руки паклей. — Это тебе все нравится, да и то потому, что тут Оля.

Заметив, что Шатров нахмурился при упоминании имени Ольги, Рябов торопливо добавил:

— Не злись, шучу я. Кто же не знает, что ты у нас чистокровный романтик?

— Ну да что с ним говорить!.. — сердито махнул рукой Шатров. — Дурачится парень. А вот посмотрели бы вы, как он паровоз топит!

— Да, что и говорить, топить я мастер! — не без самодовольства подтвердил Рябов. — И ты не думай, Дмитрий, что это только физической силой достигается. Одним горбом не очень-то возьмешь, тут, милый мой, талант требуется...

— Ну ладно, хватит тебе хвастаться-то! — прервал Федора Шатров. — Вон главный кондуктор идет. Скоро поедем. А вы что же, Митя, поедете с нами или как?

— Отчего же не поехать? — ответил Малиновкин. — Охотно поеду.

— Тогда я главного попрошу устроить вас где-нибудь. А на паровоз не могу пригласить, не положено.

Минут через десять поезд тронулся. Малиновкин устроился на тормозной площадке рядом с главным кондуктором — довольно высоким смуглым мужчиной средних лет.

Голова у него была сильно вытянута, стриженая, с острой макушкой, руки длинные, костистые. Фамилия его была Бейсамбаев. Сначала он был неразговорчив, но после того как Малиновкин сообщил ему, что собирается в этих краях работать, стал и сам кое-что рассказывать и расхваливать Шатрова с Рябовым.

— Очень хорошие люди, понимаешь, — восхищенно говорил главный кондуктор. — От самой Волги в наше пекло приехали. Это же понимать надо! Я человек привычный, и то мне жарко, а с них сколько потов сходит? И потом — как работают! Не видел я, чтобы тут у нас кто-нибудь еще так работал. Нравится мне, понимаешь, такой народ — настоящие люди! Побольше бы таких приезжало. Очень нам такой народ нужен.

Прислушиваясь к голосу Бейсамбаева, Дмитрий посматривал по сторонам, изучая местность. Пройдет ли тут мотоцикл?

Будто невзначай спросил об этом Бейсамбаева.

— Местность вполне проходимая, — ответил главный кондуктор. — У брата моего мотоцикл, так он все тут изъездил. Если есть у тебя машина — привози, большое удовольствие получишь. Хорошая тут природа у нас, красивая.

А Дмитрий смотрел на эту природу и думал невольно, что каждый, наверно, по-своему свою землю видит и замечает в ней такое, что чужой глаз не сразу подметит. Ему, например, степь вокруг показалась обожженной солнцем, лишенной ярких красок, малопривлекательной. Бросались в глаза лишь белые султаны ковыля да невзрачный типец с узкими, наподобие щетины, листьями и жидкими, будто обтрепанными, метелками.

— Сейчас тут нет полной красоты, — заметив, что Малиновкин всматривается в степь, проговорил Бейсамбаев. — А ты посмотри, что тут весной будет делаться! Ранней особенно. Что такое палитра у художника, знаешь? Можно смело сказать — вся степь наша как огромная палитра бывает. Всех цветов на ней краски, всех оттенков. Маслом я немного рисую, понимаю толк

в красках. Весной красуются у нас синие и желтые ирисы, пестрые тюльпаны, пионы, золотистые лютики, белые ветреницы. А сейчас всю красоту солнце выжгло. Только одному ковылю все нипочем.

Бейсамбаев, действительно любивший природу, даже вздохнул. Поезд между тем миновал две небольшие станции, останавливаясь на каждой лишь на несколько минут. Шел он довольно быстро для тяжелого состава, но ровные участки пути стали сменяться вскоре то подъемами, то уклонами. По сторонам дороги возвышались пологие холмы, поросшие рыжевато-желтой травой, похожей на ворс старого, выгоревшего на солнце ковра.

Менялась местность, заметно менялось и дыхание паровоза. На подъемах оно становилось тяжелым, натужным, с каким-то бронхиальным присвистом. Темнел дым, все с большим шумом вырывавшийся из трубы. Мрачнело лицо главного кондуктора.

— Достается ребятам, — сочувственно говорил он, кивая на паровоз. — Очень рискованный вес взяли сегодня, надорваться могут...

На одном из подъемов поезд и в самом деле так сбавил ход, что и Малиновкин стал волноваться за своих новых знакомых. А когда прибыли наконец на последнюю станцию стройучастка, с паровоза спрыгнул черный, как негр, и совершенно мокрый от пота Рябов.

— Ну что, Малиновкин, — весело крикнул он лейтенанту, — плохо разве мы поработали?

А Костя Шатров, такой же уставший, но еще более счастливый, чем его помощник, никого не замечая, направился к платформе вокзала, на которой, улыбаясь, махала ему рукой высокая, стройная девушка в белом платье.

— Поздравляю вас, Костя! — приветливо проговорила она, протягивая Шатрову загорелую руку. — Такой составчик привели!

Она кивнула на поезд и продолжала:

— А я, знаете, специально пришла на станцию повидаться с вами. Что же вы это — из отпуска вернулись и не зашли даже?

— Как вы могли подумать обо мне такое?! — удивленно воскликнул Шатров. — Повсюду искал вас, Ольга Васильевна! Но теперь не то, что прежде, — разве най-

дешь вас так скоро?.. Говорят, вы главной помощницей стали у инженера Вронского? Работой, значит, перегружены...

— Да, работы хватает, — вздохнула Ольга. — Но ведь я люблю эту работу. Скоро мы около миллиона кубических метров породы поднимем на воздух. Целую гору! Ну, а вы что же не рассказываете, как время провели? На Волге, значит, снова побывали. Завидую я вам!

— Ольга Васильевна! — крикнул вдруг кто-то, и девушка поспешно подала руку Шатрову:

— Ну ладно, Костя, увидимся еще попозже.

Снова встретились они только через полтора часа, когда паровоз Шатрова был уже приготовлен к обратному рейсу. Ольга, казалось, все так же была рада Константину, но теперь она была озабочена чем-то и на вопросы Шатрова отвечала рассеянно. А Костя хотел спросить ее о чем-то и все никак не мог решиться.

Они прошлись раза два вдоль состава с землеройными машинами, и, когда раздался короткий, хорошо знакомый Константину свисток его локомотива — это Рябов подавал сигнал, чтобы Костя поторапливался, — он порывисто протянул руку девушке:

— Ну, прощайте, Оля! Не знаю даже, когда увидимся снова... И вот еще что хотелось спросить: говорят, этот инженер Вронский ухаживает тут за вами. Правда это?

Девушка смущенно улыбнулась, но не отвела взгляда от его печальных глаз.

— Не надо, не отвечайте, — заторопился вдруг Шатров, первым отводя глаза. — Так оно и есть, наверно... Пусть ухаживает... Пусть хоть все тут за вами ухаживают. Вы ведь... — Голос его сорвался вдруг, и он перешел почти на шепот: — Только бы вы не вышли замуж за него. Не спешите. А я вас всегда буду любить, как бы вы ни относились к этому... Куда бы вы ни проложили новую железную дорогу, я первым поведу по ней мой паровоз.

— Ну, а если возьму вдруг и выйду замуж? — засмеялась Ольга, озорно блеснув глазами.

Константин опустил голову и проговорил тихо:

— Все равно буду там, где вы, если только ваш муж разрешит вам новые дороги строить.

Снова раздался паровозный свисток, на этот раз уже громче, настойчивее. Ольга крепко пожала руку Константину и проговорила растроганно:

— Лучших друзей, чем вы, Костя, и не бывает...

ЕРШОВ ТЕРЯЕТСЯ В ДОГАДКАХ

Когда лейтенант Малиновкин вернулся из Перевальска, было совсем темно. Старушка его уже спала, но в доме напротив, в комнате Ершова, еще горел свет и окно было открыто. Проходя мимо, Дмитрий заглянул поверх занавески и, увидев майора, сидевшего за книгой, незаметно бросил ему на стол заранее заготовленную записку. Сделал он это потому, что знал: раз окно открыто, значит, в комнате никого, кроме майора, нет. Об этом они договорились заранее.

Ершов давно уже начал беспокоиться. Еле сдерживая нетерпение, он развернул скомканную бумажку. Очень кратко лейтенант сообщал ему о стройучастке: что видел там и с кем разговаривал. К записке прилагалась официальная справка о грузах, шедших в адрес строительства.

Дважды перечитав донесение Малиновкина, Ершов задумался. Что же получалось? Хотя об атомной энергии лейтенант и не задавал никому вопроса — и без того ясно было, что ее здесь не применяли.

Мог ли не знать об этом Жиенбаев? Едва ли. По словам Малиновкина, он имел возможность проникнуть на строительство с группами многочисленных рабочих или даже на своем мотоцикле. Что же тогда интересует его здесь? Грузы? Судя по справке, выданной Малиновкину заместителем начальника строительства, они самые обыкновенные. Но тогда непонятно, зачем Жиенбаев дал задание Ершову сообщать ему об этих грузах? Нет, положительно тут ничего нельзя понять. Оставалась одна надежда — может быть, сегодня Жиенбаев свяжется все-таки с ним по радио, даст новое задание, и это внесет какую-то ясность...

Ершов посмотрел на часы — пора было готовиться к ночному радиосеансу. Он закрыл окно, потушил свет и вышел во двор. Готовя рацию к приему, майор вспо-

мнил, что и у Малиновкина сегодня радиосеанс с Москвой. Может быть, Саблин сообщит что-нибудь такое, что поможет разгадать замыслы Жиенбаева?

Так же как и в прошлую ночь, Ершов просидел более часа в колючих кустах боярышника и не принял от Жиенбаева ни единого звука. Что же это могло значить? Рация была исправна, она принимала все, что передавалось на других волнах. В телефоны ее наушников врывались то музыка, то голоса людей, то писк морзянок, как только майор смещал визир по шкале, сходя с волны, на которой должен был вести передачу Жиенбаев.

Теряясь в догадках, Ершов решил уже было выключить рацию, как вдруг снова вспомнил: «А ведь как раз сейчас Малиновкин разговаривает с Москвой. Подключусь-ка я к их разговору...»

Он быстро настроился на волну, на которой лейтенант держал связь с Саблиным, и вскоре уловил четкий стук радиотелеграфного ключа. Сначала трудно было догадаться, кто передавал — Саблин или Малиновкин, так как он пропустил начало их разговора и не принял ключевой группы радиотелеграфных знаков. Однако, судя по слышимости, передавал Малиновкин.

Но вот последовала небольшая пауза — и снова запела морзянка, теперь уже глуше, с частыми периодами замирания звука. Значит, передача велась издалека, и радиоволны, преломляясь где-то очень высоко над землей, в зоне ионосферы, ослабевали на несколько мгновений. Теперь Ершову удалось принять и ключевую группу знаков. Код этот был ему знаком. Приняв всю радиограмму, он расшифровал ее у себя в комнате.

Вот что передавал генерал Саблин:

«Атомная энергия на строительстве Перевальск — Кызылтау не применяется. Жиенбаева интересует, видимо, что-то другое. Удалось перехватить шифровку его резидента. В ней не все ясно, но, может быть, она пригодится вам. Передаем ее текст: «Чтобы мы смогли исправить допущенную вами ошибку, используйте сюрприз номер три».

Майор Ершов всю ночь думал над тем, что могла означать эта таинственная шифровка, адресованная

Жиенбаеву. В ней многое было неясно. Во-первых, что за ошибку он допустил? Может быть, им известно уже, что к Жиенбаеву приехал не Мухтаров, а Ершов, и они обвиняют теперь Жиенбаева в том, что он не сразу догадался об этом? Да, это было возможно. Тогда становится понятным, почему он скрылся куда-то и не связался с Ершовым по радио.

Во-вторых, что означает «сюрприз номер три»? Как этим сюрпризом можно исправить допущенную Жиенбаевым ошибку? Может быть, и это имеет прямое отношение к нему, Ершову?

Майор поднялся с дивана и закурил. В комнате было душно. Он подошел к окну и открыл форточку. Дом напротив выступал из мрака мутным силуэтом. Где-то, захлебываясь от ярости, залаяла собака. Протяжно прогудел паровоз на станции. И снова все стихло...

Постояв немного у окна, Ершов неслышно стал прохаживаться по комнате.

Что же они могли иметь в виду под «сюрпризом»? А может быть, тут все очень просто? Может быть, под «сюрпризом» имеется в виду обычный их прием ликвидации опасного человека? То есть его, Ершова... Это тоже вполне правдоподобно. Майор Ершов и без того ведь каждый час ожидал, что его попытаются «убрать с пути», и к этому был готов постоянно. Пугало майора другое. Если враги собирались «убрать» его, значит, он выдал себя чем-то и не сможет теперь выполнить задания.

А не имеется ли в виду под «сюрпризом» что-нибудь более значительное, чем покушение на контрразведчика Ершова? Непонятно ведь, почему в шифровке сказано: «Чтобы мы могли исправить допущенную вами ошибку...» Значит, Жиенбаев, используя сюрприз, не сам исправит ошибку, а даст кому-то возможность исправить ее? Это уж что-то совсем непонятное...

Нужно было направить свои мысли по другому пути, отрешившись от прежней догадки. Ошибка Жиенбаева была, видимо, в чем-то другом. Может быть, он послал неверную информацию своему резиденту? Мог ведь он принять взрывы аммонита за взрыв атомной бомбы? Когда взрывают тысячи тонн обычной взрывчатки, нетрудно принять ее и за атомную.

Пробираясь сквозь кусты боярышника, Ершов решил, что если и на этот раз не удастся связаться с Жиенбаевым, значит, он определенно ему не доверяет.

Томительно тянулось время. До начала сеанса оставалось десять минут, но Ершов уже включил рацию. Настраиваясь на нужную ему волну, он прослушал кусочек какой-то музыкальной передачи, отрывок из доклада о международном положении, заграничный джаз и без трех минут двенадцать поставил визир на прием Жиенбаева. Часы его были выверены по радиосигналам и шли безукоризненно точно. Сегодня он меньше чем когда-либо рассчитывал на разговор с Призраком, и вдруг в наушниках его четко застучал радиотелеграфный ключ: «ту... ту-ту... ту...» — это был позывной Жиенбаева.

Ершов даже вздрогнул от неожиданности и затаив дыхание торопливо стал записывать. Отстучав весь текст, Жиенбаев повторил его, но Ершов и в первый раз успел записать все без ошибок. Теперь нужно было срочно расшифровать радиограмму. Майор за это время так освоил код, что даже при тусклом свечении шкалы рации смог заменить цифры буквами.

«Срочно выезжайте Аксакальск, — приказывал Жиенбаев. — Зайдите камеру хранения ручного багажа. Получите мой чемодан. Квитанция и необходимые документы в справочнике по археологии на столе вашей комнаты. С чемоданом немедленно возвращайтесь назад. Ждите дальнейших указаний...»

После небольшой паузы Жиенбаев продолжал:

«За нами следит какой-то парень. Он наводил справки обо мне в археологической базе. Будьте осторожны».

На этом радиосеанс был окончен.

«Выследил кто-то Малиновкина или Жиенбаев заподозрил его со слов старика заведующего археологической базой? — тревожно подумал Ершов. — А может быть, это Темирбек находится на службе у Жиенбаева и следит за Малиновкиным? Очень возможно. Нужно, значит, быть еще осторожнее...»

Затем мысли майора вернулись к заданию Жиенбаева: «Не ловушка ли это? Да, может быть, и ловушка,—

отвечал он сам себе,— но за чемоданом придется все-таки поехать...»

В двенадцать сорок пять Андрей Николаевич связался с Малиновкиным. Сообщив Дмитрию, что радиограмма Саблина ему уже известна, он приказал лейтенанту донести генералу о новом задании Жиенбаева. Затем велел Малиновкину срочно перебираться на другую квартиру и сообщить о новом адресе письмом до востребования.

Выключив рацию и все еще продолжая думать о приказании Жиенбаева, Ершов вернулся в дом. Аскар давно уже спал или делал вид, что спит, — из комнаты его раздавался громкий храп. Темирбек еще с утра уехал на стройучасток.

Майор прошел к себе в комнату и сразу же сел писать записку Аскару, в которой сообщал, что ему срочно нужно выехать по делам музея. Записку он оставил на столе в комнате хозяина.

В Аксакальск Ершов прибыл ранним утром и без особых происшествий получил в камере хранения ручного багажа чемодан по квитанции, выписанной на имя какого-то железнодорожного кондуктора Рахимова.

Чемодан был среднего размера, кожаный, по внешнему виду ничем не примечательный. Два внутренних замка его были закрыты, ключа к ним не было. Ершов подумал сначала, не зайти ли ему в районное отделение госбезопасности и не попытаться ли там открыть чемодан. Но он тут же отказался от этой мысли. За ним могли следить, и это погубило бы все дело.

Сев в поезд, Ершов все время думал о таинственном чемодане, осматривая его со всех сторон. Выбрав момент, когда в купе никого не было, он попытался даже открыть его замки стальной проволочкой. Майор допускал при этом и такую возможность — чемодан мог открыться и взлететь на воздух! Это как раз и могло быть тем сюрпризом, о котором говорилось в перехваченной шифровке, адресованной Жиенбаеву. Чемодан, однако, не открывался, несмотря на все усилия Ершова, имевшего некоторый опыт в слесарном деле. Он, впрочем, решил, что вдвоем с Малиновкиным они попытаются все же открыть его в Перевальске.

Ершов торопливо развернул вчетверо сложенный листок бумаги...

Родилась и еще одна смутная мысль: «А что, если вся эта история с чемоданом всего лишь проверка его, Ершова?»

В Перевальск Ершов прибыл в три часа дня. Едва он вышел из вагона, как к нему тотчас подошел Аскар Шандарбеков.

— Очень удачно приехали, — обрадованно сказал он. — Тут как раз записку от товарища Жиенбаева привез один его знакомый. Приказано немедленно вам ее передать. Вот, пожалуйста.

Ершов торопливо развернул вчетверо сложенный листок бумаги и прочел:

«Дорогой Талас Александрович!

Простите, что так долго заставил Вас ждать. Зато привезу вам такую историческую вещицу, что Вы только ахнете! Да еще и документики кое-какие, относящиеся к древнейшим временам. Наберитесь терпения еще денька на два. Посмотрите тем временем в местной библиотеке дореволюционные архивы, особенно том тринадцатый, на странице 6, 11, 20, 30 и 34 обратите внимание на пометки царского чиновника Аксенова.

А теперь к Вам просьба. Чемоданчик, который я просил Вас привезти из Аксакальска, передайте Аскару, а он переправит его мне. Извините, что пришлось затруднить Вас таким поручением, но у меня не было другого выхода.

До скорой встречи!

Кылыш Жиенбаев».

Цифры текста были, конечно, шифром пароля. Нужно было, однако, проверить это.

— Подождите минутку, — сказал Ершов Аскару, отходя в сторону. — Я напишу несколько слов Жиенбаеву.

— Пожалуйста, — равнодушно отозвался Аскар. — Только побыстрее. Поезд, с которым я должен буду отправить чемодан, отходит скоро.

Ершов достал блокнот и, прислонясь к стене вокзального здания, стал расшифровывать тайнопись Жиенбаева, а Аскар Шандарбеков, чтобы не мешать ему, направился к киоску с газированной водой.

Да, это действительно был пароль Призрака. Он имел обыкновение передавать его каждый раз новыми цифрами шифра.

Что же делать теперь? Не отдавать чемодан? Но это значит открыть себя и дать Жиенбаеву возможность улизнуть. Арестовать немедленно Аскара? Но ведь он может оказаться и не сообщником и даже, будучи сообщником, может не знать, где сейчас Жиенбаев. Недаром у Жиенбаева кличка Призрак: он, конечно, никому не доверяет ничего серьезного, и Аскар едва ли знает о нем что-нибудь определенное.

А время шло, и нужно было что-то предпринимать. Шандарбеков уже напился воды и, посматривая на часы, косился в его сторону. Ничего не поделаешь — придется идти на риск!..

Ершов торопливо написал записку с ничего не значащими словами и несколькими цифрами. Ими он зашифровал свой позывной.

— Пожалуйста, Аскар Габдуллович, — обратился он к Шандарбекову, — вот вам чемодан и записка для Жиенбаева.

А потом, по дороге к дому Аскара, Ершов мучился сомнениями: правильно ли он поступил? Не помог ли осуществлению какого-то замысла Жиенбаева? Нельзя ли было поступить как-нибудь иначе?..

По пути он зашел на почту и получил письмо от Малиновкина. Лейтенант сообщил ему новый адрес. В соответствии с распоряжением Ершова он ни на станции, ни даже в городе сегодня не был. Будет и теперь сидеть дома до темноты, а вечером включит рацию и станет ждать новых приказаний майора.

В половине первого Андрей Николаевич связался с ним по радио и, рассказав о происшествии с чемоданом Жиенбаева, приказал сообщить об этом генералу Саблину.

ВОЗМОЖНА ДИВЕРСИЯ...

Ольга Белова заканчивала составление проекта дополнительных земляных работ в километровой выемке, когда в палатку к ней вошел инженер Вронский.

— А вас комендант разыскивает, Анатолий Але-

ксеевич, — сказала она Вронскому, не отрываясь от бумаг. — Вы разве не встретились с ним? Он только что заходил сюда.

— Зачем я ему понадобился? — устало проговорил Вронский, опускаясь на складной стул.

— Пришло какое-то секретное указание от местного отделения госбезопасности.

— А он не сказал вам, какое именно? — насторожился Вронский.

— Что-то связанное с усилением бдительности.

— Да? — Вронский удивленно поднял брови и положил на место книгу, которую взял было со стола. — Это любопытно. Нужно будет разыскать его. Я зайду к вам минут через пять, если вы разрешите.

— Вы же знаете, Анатолий Алексеевич, я вам всегда рада.

Благодарно улыбнувшись, Вронский торопливо вышел из палатки. Спускаясь под откос косогора, он ловко прыгал с уступа на уступ. Ольга невольно залюбовалась его стройной фигурой спортсмена.

Вронский вернулся минут через десять. Он был чем-то очень расстроен и не сразу заговорил. Усевшись на складной стул, он закурил папиросу, не спросив разрешения Ольги и все еще продолжая озабоченно думать о чем-то.

— Да, неприятно все это, черт побери!.. — проговорил он наконец.

— А что такое, Анатолий Алексеевич? — забеспокоилась и Ольга.

— Есть, оказывается, опасение, что к нам на стройку попытаются проникнуть подозрительные лица.

— Кто же именно?

— Точно ничего пока не известно. Предполагают, что агенты иностранной разведки, а может быть, и диверсанты. Я лично склонен думать, что диверсанты. Условия для диверсии тут подходящие — сотни, а то и тысячи тонн взрывчатых веществ могут взлететь на воздух от одной только короткой вспышки капсюля-детонатора, от малейшей искры электрического разряда.

Ольге показалось, что Вронский как-то уж слишком взволнован всем этим. Конечно, он не мог оставаться равнодушным к такому известию, но Ольга знала его,

вернее, он казался ей очень смелым, мужественным человеком, всегда находившимся, как он сам любил говорить, рядом со смертью. Мог бы он и поспокойнее отнестись к предостережению работников госбезопасности...

— Конечно, враги не хотят оставить нас в покое, — не глядя на Вронского, произнесла Ольга. — Но ведь и мы все время начеку. Да и охрана у нас надежная. Не понимаю, чем вы так обеспокоены, Анатолий Алексеевич?

Вронский, казалось, не расслышал ее слов, задумавшись о чем-то. Потом он встал и проговорил со вздохом:

— Очень хотелось мне, Ольга Васильевна, посидеть тут с вами, но я, к сожалению, должен немедленно пойти и отдать кое-какие распоряжения.

Когда Вронский ушел, Ольга стала припоминать, что он всегда бывал очень возбужден не только в дни взрывных работ, но и накануне. Суетился, кричал на сменных инженеров, придирался к маркшейдерам, подозревая, что они неточно нанесли на местность границы опасной зоны. Сам проверял чуть ли не каждый сросток электровзрывной сети.

Раньше Ольге казалось, что это всего лишь высокая требовательность к людям и к самому себе, тщательное уточнение всех мельчайших деталей сложной системы взрывной техники, но теперь она подумала: «А что, если это трусость?..»

ТРЕВОЖНАЯ ОБСТАНОВКА

На следующий день после того, как Ершов вернулся из Аксакальска, ему снова удалось связаться с Жиенбаевым, который, коротко сообщив о получении чемодана, сделал Ершову новое распоряжение:

«Если завтра Аскар не будет ночевать дома и не вернется к утру, немедленно забирайте рацию, садитесь в поезд и уезжайте в Аксакальск. К Габдулле Шандарбекову не заходите. Остановитесь на Джамбульской, двадцать один, у Арбузова. Передайте ему привет от меня и в двадцать четыре ноль-ноль будьте на приеме».

«Что бы это могло значить?» — удивленно подумал Ершов, выключая рацию. Похоже, что Жиенбаев собирается смотать удочки. Но какое отношение имеет

к этому Аскар? С ним случится что-нибудь или ему поручается какое-то рискованное дело? И почему следует избегать квартиры Габдуллы Шандарбекова?»

Ясно было пока только одно: Жиенбаев намеревается что-то предпринять. Нужны, значит, какие-то срочные меры, которые помешали бы осуществить его замысел...

Не заходя домой, огородом Ершов вышел на улицу. Дом, в котором поселился теперь Малиновкин, был ему известен. Он специально проходил мимо него днем, чтобы на всякий случай знать, как попасть туда в ночное время. Без труда нашел он его и теперь и, осмотревшись по сторонам, негромко постучал в угловое окно.

Лейтенант, видимо, еще не спал — голова его тотчас появилась в открытой форточке.

— Что случилось, Андрей Николаевич?

— Можете вы незаметно выйти ко мне на улицу? — спросил Ершов.

— Лучше, пожалуй, если я через окно вылезу, чтобы хозяев не тревожить, — ответил Малиновкин.

Торопливо одевшись, он перекинул ноги через подоконник и спрыгнул на землю.

Было темно, и Ершов не боялся, что их может кто-нибудь узнать. Он взял Малиновкина под руку и, медленно направившись с ним вдоль глухой, темной улицы, сообщил о новой шифрограмме Жиенбаева.

— Определенно этот негодяй задумал какую-то пакость! — возбужденно воскликнул Малиновкин, стискивая кулаки.

— Спокойнее, Дмитрий! — строго остановил его Ершов. — Постарайтесь в подобных обстоятельствах обходиться без восклицаний. Отправляйтесь немедленно к начальнику отделения госбезопасности и сообщите ему о возможной диверсии в ближайшие сутки. Попросите установить наблюдение за Аскаром Шандарбековым. Предупредите об опасности и железнодорожников. Без их помощи нам вряд ли удастся что-нибудь сделать. А мне нужно возвратиться в дом Шандарбекова, чтобы не вызвать подозрений Аскара. Встретимся в десять утра в молочной на углу Первомайской.

Майор Ершов почти не спал остаток этой ночи, а как только рассвело, напряженно стал прислушиваться к звукам в доме Шандарбекова. Темирбек дома не ноче-

вал, но Аскар еще вчера вечером будто невзначай сообщил Ершову, что он ушел в гости к какому-то родственнику и, наверно, там заночует.

Сам Аскар проснулся, как обычно, в семь часов. Не спеша умылся на кухне, позавтракал и направился на работу. Ершов наблюдал за ним через окно. Он шел своей развалистой, неторопливой походкой, слегка сутулясь и неуклюже размахивая руками.

Без четверти девять майор вышел из дому и, хотя с трудом сдерживал нетерпение, не спеша направился к Первомайской улице. Молочная только что открылась, когда он вошел в нее, но Малиновкин уже ухитрился заказать себе простоквашу и стакан кофе.

Ершов сел за соседний столик и попросил у Малиновкина меню. Лейтенант протянул ему продолговатую твердую папку, в которой, кроме листочка с указанием стоимости молочных и кондитерских изделий, как и предполагал майор, оказалась записка Дмитрия.

«Сообщил все, кому следует, — писал лейтенант. — Обсудили все варианты действий Жиенбаева. Есть опасение, что он замышляет что-то в связи с отправлением на стройучасток эшелона со взрывчатыми веществами».

«Ну да, конечно, он постарается использовать это обстоятельство, — сразу же решил Ершов, чувствуя, как на лбу его выступает испарина. — А я, значит, привез ему чемодан с подрывными средствами!..»

ГАЗЕТНЫЕ ВЫРЕЗКИ

В тот же день в кабинет генерала Саблина пришел с докладом полковник Осипов. В руках его была довольно пухлая папка с вырезками из иностранных газет. Он положил ее на стол перед генералом и молча сел в кресло, ожидая, когда Саблин закончит просмотр документов, представленных ему на подпись.

Подписав последнюю бумагу и отложив ее в сторону, генерал раскрыл наконец папку, принесенную Осиповым. Прочитав несколько газетных вырезок, он стал быстро перелистывать остальные, читая в них только заголовки статей и подчеркнутые Осиповым строки. По мере знакомства с этими материалами лицо

его принимало выражение недоумения, и он все чаще бросал вопросительные взгляды на полковника. Осипов же сидел неподвижно, задумавшись над чем-то и рассеянно перелистывая иллюстрированный журнал, который взял со стола Саблина.

Ознакомившись с газетными вырезками, генерал обратил внимание на то, что буржуазные журналисты, шумевшие в последнее время о могуществе атомного и термоядерного оружия, стали вдруг обсуждать проблемы мирного использования атомной энергии. Тон этих статей был унылый, пессимистический. Лишь говоря о работах по созданию судовых и авиационных атомных двигателей, журналисты заметно оживлялись и в бодрых выражениях сообщали о заключенных военными ведомствами новых контрактах на исследовательские работы в этой области.

Все остальные виды использования атомной энергии, не имевшие отношения к военной технике, изображались ими как недостаточно эффективные. Мало того, некоторые иностранные общественные деятели и даже ученые выступали с предостережениями против применения атомной энергии в мирных целях. Описывались даже случаи страшных взрывов атомных установок.

— То, что буржуазные газеты заговорили сейчас о проблемах использования ядерной энергии в мирных целях, меня ничуть не удивляет, — задумчиво проговорил генерал Саблин, слегка отодвигая в сторону папку с вырезками. — Протесты против продолжения испытаний водородных и атомных бомб вынудили их к этому разговору. Зачем, однако, принес ты мне все это, не пойму что-то.

— А ты не обратил разве внимания на то, что некоторые газеты ссылаются и на наш будто бы плачевный опыт использования атомной энергии в мирных целях? — спросил Осипов, придвигая к себе папку с вырезками.

— Подобные газетные «утки» не впервые ведь появляются в их печати, — пожал плечами Саблин.

— Ну, а вот это, например. — Осипов вынул из папки и протянул генералу небольшую вырезку. — Они пишут тут об «ужасном взрыве с огромными жертвами», происшедшем будто бы на строительстве нашей

среднеазиатской железнодорожной магистрали. Что ты об этом скажешь? Не кажется ли тебе, что статейка эта имеет какое-то отношение к миссии Жиенбаева?

— Но тут ведь не указывается точного адреса подобного «происшествия», — заметил Саблин, пробегая глазами небольшую газетную заметку, на которую он сперва, при беглом просмотре вырезок, не обратил внимания.

— Точного адреса нет, конечно, — ответил на это Осипов, нервно постукивая пальцами по краю стола, — да и быть не может, но боюсь, как бы они не попытались подкрепить эту газетную «утку» подлинными фактами.

— Какими фактами?

— Взрывом с большим количеством жертв, — ответил полковник и настороженно посмотрел в глаза Саблину. — Не об этом ли «сюрпризе» говорилось в шифрограмме, адресованной Жиенбаеву?

Илья Ильич тоже подумал об этом «сюрпризе» и о майоре Ершове. Проник ли он уже в замыслы Жиенбаева или все еще теряется в догадках? Нужно будет предупредить его, пусть имеет в виду возможность подобного «сюрприза».

— Когда у вас сегодня сеанс с Малиновкиным? — спросил генерал Саблин.

— В час ночи.

— Предупредите Ершова, — коротко распорядился Илья Ильич.

— Слушаюсь.

В час ночи полковник Осипов сидел возле радиостанции и спокойно следил за уверенными движениями рук дежурного радиста. Однако, когда большая стрелка часов стала отсчитывать шестую минуту второго часа, на лице полковника появились первые признаки нетерпения. А из динамика радиостанции по-прежнему слышался лишь громкий шорох атмосферного электричества.

Подождав немного, радист снова застучал ключом, посылая в эфир свои позывные. Но и на этот раз никто не отозвался. А спустя полчаса полковник Осипов докладывал генералу Саблину:

— Малиновкин сегодня впервые не ответил на наш вызов. Что бы это могло значить?

.. Илья Ильич думал об этом всю ночь. Он не страдал бессонницей, подобно полковнику Осипову, и, несмотря на все волнения своего нелегкого трудового дня, хорошо спал ночами, если только срочные дела не были помехой этому. Сегодня, однако, было не до сна.

Генерал Саблин прошел большую, суровую школу жизни. Были и победы, были и поражения на его пути. Он врывался в конспиративные квартиры белогвардейских офицеров в годы гражданской войны, выслеживал тайных агентов иностранных разведок в годы первых пятилеток, служил в армейской контрразведке в годы Великой Отечественной войны. В него стреляли враги явные, строили козни против него враги тайные, пробравшиеся в органы государственной безопасности. Но он любил борьбу во всех ее формах и видах и не страшился опасности.

Шло время, и чем ответственнее были должности, которые он занимал, тем сложнее становилась эта борьба, тем больших знаний требовала она от Саблина. В молодости он полагался главным образом на свою физическую силу, на верность глаза и на искусство владения оружием, но очень скоро потребовалось и острое политическое чутье и знание международной обстановки. А теперь ко всему этому прибавилась необходимость в таких познаниях, о которых в те далекие годы он не имел даже элементарного представления. Пришлось, например, изучать фототехнику, микросъемку, радиотехнику и даже телевидение. Не требовалось, конечно, быть специалистом в этих областях техники, но знать принципы и возможности использования ее для целей разведки и контрразведки было совершенно необходимо.

Мало того, теперь стало необходимо глубокое знание не только экономики своей страны, но и экономики других стран, не говоря уже о военной технике и военной промышленности.

А как только человечество подошло к преддверию атомного века, Саблину пришлось взяться за литературу и по этому вопросу, слушать лекции, советоваться и консультироваться со специалистами в области атомной и термоядерной энергии, чтобы строже и успешнее охранять военную и государственную тайну производства этой энергии.

Генерал Саблин лежал с закрытыми глазами, пытаясь предвидеть путь дальнейшего развития событий, возможные поступки врагов и действия своих подчиненных. Положение майора Ершова казалось особенно сложным, и помочь ему требовалось больше, чем кому-либо другому. Но генерал сам не знал, как это сделать. Ему не вполне ясен был ход противника Ершова. Зато все яснее становилась сама цель готовящейся диверсии. Кое-кто на Западе нуждался еще в том, чтобы внушить народам мысль об опасности применения атомной энергии для мирных целей.

Хорошо зная, что Советский Союз поставил эту энергию на службу мирному строительству, они решили, видимо, путем диверсий достичь сразу двух целей: во-первых, принести нам значительный ущерб; во-вторых, искусственной катастрофой подтвердить их заявление о будто бы неизбежном риске при пользовании атомной энергией для нужд народного хозяйства. Они уже и сейчас пишут о взрыве, якобы произошедшем на нашем дорожном строительстве, что же завопят, если подобный взрыв произойдет на самом деле?

Придет время, когда подобные сенсации покажутся абсурдными даже буржуазному читателю, но в первой половине пятидесятых годов нашего столетия этому еще верят. И как не верить, если почти вся атомная промышленность Америки поставлена на производство главным образом вооружения, а вся западная печать изо дня в день повторяет одно и то же: разрушительная сила атома не способна созидать, она лишь разрушает.

Видимо, от слов они хотят теперь перейти к делу — диверсией крупного масштаба попытаться скомпрометировать использование в Советском Союзе атомной энергии в мирных целях.

НОЧНОЙ РЕЙС

Ночь была на редкость темной. В двух шагах ничего не было видно.

— Нужно же затянуть отправку такого эшелона дотемна! — ворчал Шатров, поглядывая в окно паровозной будки на мрачное, беззвездное небо.

— Дежурный говорит, будто перегон занят, — заметил на это Рябов, подкачивавший инжектором воду в котел. — С Абдулаевым там что-то случилось. Застрял он на перегоне Голубой Арык — Верблюжий горб. Только с помощью толкача втащили его на подъем.

В окно Шатров видел разноцветные огоньки станционных сигналов и желтые пятна фонарей в руках осмотрщиков вагонов, проверявших только что прибывший на станцию товарный состав. Блеснул вдалеке луч прожектора поездного локомотива, отходившего от пассажирской станции в сторону Аксакальска.

Шатров знал уже об угрозе, нависшей над его поездом, и хотя внешне ничем не выражал своей тревоги — на душе у него было неспокойно. Придирчивей, чем обычно, наблюдал он сегодня за работой помощников, требуя от них безукоризненной точности выполнения всех своих распоряжений.

— Держи по всей колосниковой решетке огонь ровным слоем, Федор, — приказывал он Рябову, заглядывая в топку. — Тимченко! — кричал он кочегару, сортировавшему уголь в тендере. — Покрупней подавай сегодня уголь. Мелочь искрить будет, а это опасно для нашего груза.

Когда наконец паровоз подали к составу, главный кондуктор Бейсамбаев подошел к Шатрову и сказал шепотом, озираясь по сторонам:

— Сегодня, Константин Ефремович, особенно бдительными нужно быть, очень ответственная поездка!

Так как поезд отправляли ночью, принимались особые меры предосторожности. Шатров заметил даже двух работников госбезопасности, несколько раз проходивших мимо состава. К нему тоже подошел коренастый военный и, приложив руку к козырьку фуражки, представился:

— Капитан Бегельдинов. Надеюсь, вас не нужно предупреждать, товарищ Шатров, о необходимости быть бдительным? У нас сегодня есть основания беспокоиться за ваш поезд.

— Что эти военные панику поднимают? — недовольно заметил Рябов, когда капитан отошел от их паровоза. — Настроение только портят.

— Они важное задание выполняют, Федор, — строго

прервал его Шатров, — и ты оставь, пожалуйста, эти разговоры.

По техническим причинам поезд задержался на станции еще полчаса. Вокруг по-прежнему было темно и безлюдно. Дул ветер, уныло завывая в щелях паровозной будки. Рябов начал уже терять терпение, ожидая, когда же наконец отправят их в путь. Все чаще посматривал он теперь в окно будки на растворившийся где-то во тьме ночи хвост состава и призрачные огоньки сигнальных фонарей, мерцавших в разных местах станции.

Но вот Бейсамбаев дал свисток — и поезд тронулся. Замелькали по сторонам привычные силуэты станционных строений, пестрые огоньки ночной сигнализации, тускло освещенный пригород; и поезд, набирая скорость, вышел наконец в открытое поле. Казалось, в непроглядной мгле уже ничего нельзя было разглядеть по сторонам, но Константин по выхваченным лучом прожектора из темноты кустикам, пикетным столбикам, уклоноуказателям, похожим на мрачные кресты, и по другим предупредительным знакам и знакомым предметам свободно читал местность и уверенно вел свой локомотив.

С поездом Шатрова на тормозных площадках вагонов, переодетые стрелками военизированной охраны, ехали в эту ночь Ершов и Малиновкин: майор вместе с главным кондуктором в голове поезда, лейтенант с хвостовым кондуктором на последнем вагоне. Еще три стрелка размещались на остальных тормозных площадках.

Лейтенант Малиновкин был в приподнятом настроении — наконец-то он участвует в настоящем деле!

«Чертовски нужная наша профессия контрразведчиков, — с гордостью думал он, всматриваясь в темноту. — Где-то в ночи неслышно ползут сейчас гады — шпионы и диверсанты. Они могут отравить колодцы, выкрасть важные документы, убить крупного государственного деятеля, взорвать поезд со взрывчатыми веществами... Значит, кто-то должен упорно идти, ползти по их следам, чтобы помешать им в этом. Долгие, томительные дни терпеливо нужно выжидать и выслеживать их, рассчитывая каждый свой шаг, угадывая малейшее движение противника и не имея права ошибиться. А когда

настигнешь наконец врага, когда схватишь его за горло и прижмешь к стене, тебя представят к награде, к ордену, но ты никому не сможешь рассказать, за что тебе дали его, хотя, наверно, очень будет хотеться рассказать, потому что ты совершил настоящий подвиг, которым могли бы гордиться твои друзья...»

Лишь изредка сигналы паровоза и скрежет тормозов отвлекали Малиновкина от его романтических мыслей, но он тотчас же возвращался к ним, как только восстанавливался прежний ритм движения поезда.

«Да, чекисту нельзя болтать о своей работе, иначе он может погубить и себя и дело, которое ему поручено. Если же он не умеет владеть собой и тщеславие оказывается сильнее его воли, он уже не контрразведчик, не чекист. Случайно, значит, совершил подвиг, и зря его наградили. В другой раз может и провалить все дело, сам погибнуть и погубить других. А слава?.. Слава и без того пойдет за ним следом, если только он заслужит ее честно...»

Малиновкин вспомнил, как он в первый раз смотрел кинокартину «Подвиг разведчика», каким уважением проникся к майору Федотову, как после этого сам по-другому стал смотреть на себя, хотя тогда только еще учился в военном училище. «Надо быть таким, как майор Федотов, — говорил он себе. — И я буду таким. Другим просто нельзя быть, незачем идти тогда в разведчики...»

Так думал всю дорогу молодой лейтенант, хотя он и не представлял себе, как сможет ночью на мчащемся поезде схватить врага, которого даже не видел ни разу, не знал, где он сейчас и что делает. Но он верил в майора Ершова, образ которого слился теперь для него с образом Федотова. Ершов-то знает, где Жиенбаев, он схватит его, когда будет нужно, а Малиновкин поможет ему в этом, не щадя своей жизни...

А Ершов в это время смотрел в непроглядно темную степь за тормозной площадкой вагона и тоже ничего не знал о Жиенбаеве. Но он не предавался мечтаниям, как его молодой помощник. Голова майора была занята другими мыслями. «Пробрались ли уже враги на поезд или проникнут на него где-то в пути? — напряженно ду-

мал он. — И кто они, эти враги: сам ли это Жиенбаев, Темирбек или Аскар Шандарбеков?..»

Мог бы, конечно, и Аскар по приказанию Жиенбаева подложить что-нибудь в один из вагонов, но за ним теперь тщательно следили, и Ершову было известно, что до отхода поезда он не выходил из помещения кондукторского резерва.

Того, что Призраком подкуплен кто-нибудь из кондукторской бригады, Ершов не опасался. Ему еще днем сообщили, кто будет сопровождать поезд. Все люди были надежные. Подойти незаметно к поезду в Перевальске тоже было невозможно, так как он охранялся усиленным нарядом. У Жиенбаева оставался лишь один ход: подобраться к поезду на одной из промежуточных станций. Это давало ему возможность подложить мину, взрыв которой был рассчитан к моменту прибытия эшелона в Большой Курган. А если это так, то беспокоиться пока нет оснований — поезд вот уже третий перегон идет без остановок.

Когда эшелон пришел на станцию Курганча, небо на востоке начало светлеть. Оно было теперь почти безоблачно. Ветер, всю ночь усердно разгонявший тучи, тоже понемногу успокаивался. Контуры большегрузных крытых вагонов поезда постепенно становились все отчетливее. Можно было разглядеть уже и составы, стоявшие на соседних путях, и станционные строения чуть в стороне.

Несколько местных железнодорожников, вышедших встречать поезд Шатрова, медленно шли вдоль состава. Мерно покачивались в их руках фонари, бросая тусклые пятна света на серый песок балласта. Бейсамбаев поздоровался с одним из них, очевидно, с дежурным по станции, и пошел с ним рядом.

Майор тоже соскочил со ступенек тормозной площадки и прошелся вдоль вагонов, посматривая по сторонам. С паровоза спрыгнул помощник Шатрова Рябов. Прошли мимо осмотрщики вагонов, приподнимая длинными крючками крышки вагонных букс.

Стрелки военизированной охраны тоже ходили теперь вдоль состава, держа винтовки наперевес. К майору подошел сержант железнодорожной милиции, дежуривший

на станции. Приложив руку к козырьку фуражки, он доложил:

— У нас тут все в порядке, товарищ начальник. А у вас как дела?

— Да тоже как будто все благополучно, — ответил Ершов. — Вы покараульте здесь за меня, а я пройдусь немного.

— Слушаюсь, — отозвался сержант.

Поинтересовавшись у Рябова, как идут дела на паровозе, Ершов повернулся назад и медленно пошел к хвосту поезда, останавливаясь у тормозных площадок и разговаривая со стрелками охраны. Когда он подходил уже к концу поезда, с хвостового вагона спрыгнул Малиновкин и торопливо пошел к нему навстречу.

— Ну, как тут у вас дела, Митя?

— Все в порядке, Андрей Николаевич, — ответил лейтенант и добавил, понижая голос: — Но вы знаете, кто едет со мной хвостовым кондуктором? Темирбек! Я его теперь только узнал, когда рассветать стало. Оказывается, прежний хвостовой кондуктор заболел внезапно перед самым отходом поезда, и его заменили Темирбеком. Так, по крайней мере, объяснил мне сам Темирбек.

— Это очень важное обстоятельство, — взволнованно проговорил Ершов. — А как он ведет себя?

— Флегматично, как всегда. За всю дорогу ни слова не вымолвил.

— Мне нельзя ему показываться, но вы ни на минуту не упускайте его из виду! — торопливо распорядился Ершов. — Кто его знает, может быть, именно ему поручил Жиенбаев диверсию, хотя и не верится мне, чтобы он доверил этому человеку такое дело.

Когда Ершов вернулся к своей тормозной площадке, Бейсамбаев сообщил ему:

— Скоро двинемся дальше. Поездной диспетчер обещает зеленую улицу до самого Большого Кургана.

— Снова, значит, без остановок на промежуточных станциях?

— Снова. Люблю такую езду!

— А то, что у нас на хвостовом вагоне вместо Дослаева едет Темирбек, вам известно?

— Известно, конечно. Дослаев заболел ведь. Но за-

мену ему надежную дали. Много раз приходилось мне ездить с Темирбеком. И потом, он родственник начальника нашего, Аскара Шандарбекова.

«Случайно так все получилось или Темирбек тут по заданию Жиенбаева? Аскар мог ведь специально так все подстроить, чтобы он попал на этот поезд...» — тревожно думал Ершов.

— А Темирбек знает, где и какие будут у нас остановки? — спросил он Бейсамбаева.

— Откуда ему знать? — удивился главный кондуктор. — Я и сам узнал об этом только перед самым отходом из Перевальска.

Это немного успокоило Ершова. Он подумал: «Раз Темирбек не знает расписания, ему трудно будет предпринять что-нибудь. К тому же Малиновкин не будет теперь сводить с него глаз».

Мысли Ершова оборвал свисток Бейсамбаева. Ему тотчас же отозвался паровоз Шатрова.

— Поехали, — сказал главный кондуктор, осторожно подталкивая майора к тормозной площадке.

Поезд медленно тронулся с места. Колеса вагонов, мягко спружинив на первом стыке рельсов, с каждой секундой ускоряли свой бег и все чаще и громче постукивали на стрелках и крестовинах станционных путей.

...А в это время лейтенант Малиновкин, с тревогой оглядываясь по сторонам, искал хвостового кондуктора Темирбека. Он только что сошел с тормозной площадки, и как раз в это время поезд тронулся. Куда же он исчез, черт его побери?..

Поезд между тем все увеличивал скорость. Все чаще замелькали стоящие на соседних путях вагоны. Темирбека необходимо схватить немедленно! Замешан он в замысле Жиенбаева или нет, это выявится позже, а сейчас его нужно поймать во что бы то ни стало. Здесь, на станции, нетрудно будет сделать это. На ней стоят лишь два состава-порожняка, а сама станция, насколько было известно Малиновкину, состоит всего из трех служебных построек, за которыми простирается голая степь. Темирбек не уйдет отсюда незамеченным.

Поезд теперь развил такую скорость, что прыгать с него было рискованно, но Малиновкин был хорошим спортсменом и спрыгнул благополучно.

ВРОНСКИЙ НЕРВНИЧАЕТ

О том, что в Большой Курган отправляется эшелон со взрывчатыми веществами, Вронский узнал еще вечером. Он тотчас же вызвал к себе инженера Ивашкина, отвечавшего за безопасность взрывных работ, и спросил, в каком состоянии находится аммонит, привезенный на прошлой неделе.

— Все как полагается, — не очень уверенно ответил Ивашкин, так как по тону Вронского чувствовал, что тот уже заметил какой-то непорядок. — У меня, сами знаете, Анатолий Алексеевич, всегда все точно по инструкции.

Ивашкин был рыхлым мужчиной, с трудом переносившим местную жару. Пухлое лицо его постоянно лоснилось от пота, соломенная шляпа, надвинутая на глаза, была обезображена какими-то грязно-желтыми пятнами, а огромный носовой платок, которым он беспрерывно вытирал лицо и шею, никогда не был сухим. Вронский, не любивший Ивашкина за эту удивительную потливость, разговаривал с ним, еле сдерживая брезгливость. Здороваясь, он никогда не подавал ему руки. Не имея оснований упрекнуть Ивашкина в плохом исполнении служебных обязанностей, он все же придирался к нему по всяким пустякам.

Вот и сейчас Вронский смотрел на него строгим, начальническим взглядом, не предвещавшим ничего хорошего.

— А почему у вас, Евсей Фомич, часть взрывчатки до сих пор еще находится на станции? — сухо спросил Вронский, наморщив нос при виде платка, которым Ивашкин торопливо вытер потную шею.

— Но, помилуйте, Анатолий Алексеевич! — взмолился Ивашкин. — С вашего же разрешения временно ее там держим. Но завтра же...

— Как завтра? — закричал Вронский, прерывая Ивашкина. — Сегодня же чтобы все было убрано! Ночью к нам целый эшелон аммонита пришлют, а тут еще этот не убран. Вы что, в сплошной пороховой погреб хотите превратить станцию? Немедленно убирайте взрывчатку куда хотите!

— Но позвольте, куда же я ее ночью дену?.. — всплеснул пухлыми руками Ивашкин. — Ничего с нею не случится до завтра. Она у нас в специальных вагонах-складах, оборудованных в соответствии с «Едиными правилами безопасности» — раздел пятый, глава одиннадцатая. Все вагоны без тормозов и тормозных площадок. Прежние двери забиты. Новые сделаны точно по «Правилам»: один восемь, на ноль девять. Открывается внутрь. Я ведь все это назубок знаю. Параграфы двести двадцать семь, двести двадцать восемь...

— Да что вы мне тут инструкции цитируете! — разозлился Вронский. — Сам знаю, что разрешается временно держать взрывчатку в вагонах-складах, но нельзя же скапливать столько взрывчатых веществ на одной станции, — сюда целый эшелон аммонита придет сегодня ночью или к утру.

— Так его на других путях поставят, — не сдавался Ивашкин, потея от волнения больше обыкновенного. — А у нас приняты все меры предосторожности. Вагоны-склады имеют опознавательные знаки в соответствии с параграфами пятьдесят три, пятьдесят четыре — красные диски днем, красные фонари ночью. На дверях белые плакаты с черными буквами — «Опасно!». Все как полагается...

Но Вронский уже не слушал его. Он поднялся из-за стола и торопливо вышел из кабинета. По дороге на станцию он тревожно думал, что очень некстати везут ему сейчас эту взрывчатку. Заметив на станционных путях несколько цистерн с бензином, начальник взрывных работ забеспокоился еще более.

«Этого еще не хватало, — раздраженно подумал он, переводя взгляд с цистерн на составы с лесом. — Как нарочно, забили всю станцию горючим материалом...»

Дежурный по станции Большой Курган инженер-лейтенант Грачев, выслушав его, только руками развел:

— Что поделаешь, товарищ Вронский! Станционные пути у нас недостаточно развиты, а грузы все прибывают.

— Так ведь взрывчатку же ночью пришлют, — возбужденно проговорил Вронский.

— Ну так что же? — невозмутимо отозвался дежурный. — Обычное явление. Не впервые такие грузы принимаем. Непонятно даже, чего вы нервничаете?

Вронский, более всего боявшийся обвинения в нервозности, так и вспыхнул весь:

— Кто нервничает? Что вы, в самом деле!.. Не знаете разве, какова обстановка? В любой момент возможна диверсия, особенно в такой благоприятный, когда к нам прибывает чуть ли не две тысячи тонн взрывчатых веществ, а станция вся забита цистернами с бензином и строительными материалами...

— Знаем, все знаем, — спокойно прервал его дежурный. — Не нужно только сгущать краски и преувеличивать опасность.

Дежурный по станции был уже не молодым человеком. На транспорте он работал не первый год и дело свое знал в совершенстве. Спокойно, без суеты привык он принимать решения. Грачев понимал, конечно, что возможность диверсии, о которой все работники станции были предупреждены, делала обстановку серьезной, даже напряженной, но нервничать так и горячиться, как молодой инженер, он положительно не видел оснований.

Вронского же, напротив, возмущало спокойствие этого человека. Лицо Грачева показалось ему почему-то глупым. «Удивительно тупой народ эти эксплуатационники...» — с раздражением подумал он о дежурном по станции и спросил:

— Что же вы, однако, хотите предпринять?

— Ничего не думаю предпринимать, — равнодушно проговорил дежурный.

— Ну так вы просто флегматик какой-то! — возмутился Вронский и направился к выходу. — Я начальнику станции буду жаловаться.

— Хоть самому министру путей сообщения, — все тем же невозмутимым тоном ответил дежурный.

После этого обмена любезностями Вронский сердито хлопнул дверью и вышел из конторы дежурного по станции. Однако он не пошел к начальнику жаловаться на Грачева, решив, что «все они, эксплуатационники, на один лад и ничем их не прошибешь...».

ПОЕЗД ПРИХОДИТ В БОЛЬШОЙ КУРГАН

Рассветало, когда Анатолий Вронский со своей помощницей Ольгой Беловой пришли встретить поезд Шатрова. Инженер Ивашкин, раньше их явившийся на станцию, давно уже нетерпеливо прохаживался по перрону. Было свежо, и Ольга зябко куталась в свой просторный, выгоревший на солнце плащ.

Вронский всегда сам встречал такие поезда, и присутствие Ольги не было необходимым. Однако, сколько он ни уговаривал ее не ходить сегодня на станцию, она и слушать ничего не хотела. А когда узнала, что сегодня опасно быть на станции, категорически заявила:

— Тем более я хочу быть там. Долгом своим считаю! А потом — Шатров мой друг, и мне будет приятно встретить его и поздравить с благополучной доставкой опасного груза. А уж он доставит его благополучно, можете не сомневаться.

Вронский не нашелся что ответить ей на это. Ему вообще не нравилось, что в последнее время Ольга так часто стала вспоминать Шатрова, и он хотел было поиронизировать над этим, но его позвали и попросили срочно зайти к дежурному по станции.

Грачев, все еще продолжавший нести дежурство, удивил его бледным цветом лица и беспокойным блеском глаз. Вронский сразу же подумал, что случилось что-то необычное.

— Что слышно о поезде Шатрова, товарищ Грачев? — торопливо спросил он.

— Поезд Шатрова близко уже, — ответил дежурный. — Прибудет с минуты на минуту, но...

Грачев замолчал, будто не решаясь произнести какое-то страшное слово, но, сделав над собой усилие и осмотревшись по сторонам, проговорил, понижая голос почти до шепота:

— Он заминирован.

— Как?! — испуганно воскликнул Вронский, сразу же почувствовав, что ладони его рук стали мокрыми.

— Лейтенант госбезопасности Малиновкин сообщил мне только что, что диверсанты поставили на нем мину замедленного действия. Она может взорваться каждое мгновение, — пояснил дежурный, взяв себя в руки, —

Надо действовать немедленно! Я прошу вас помочь мне. Необходимо предупредить всех об опасности. Я закрою семафор и не пущу поезд на станцию. Но если он взорвется даже там — все равно беда будет немалая.

— А что делать мне? — еле сдерживая охватившую его нервную дрожь, спросил Вронский.

— Поднимите рабочих в бараках и уведите их за холмы. Бараки ведь в конце станции, как раз за входным семафором.

— Значит, если поезд взорвется там...

— Да, да, — нетерпеливо прервал его дежурный. — Именно поэтому их нужно выводить из бараков как можно скорее!

— Хорошо, я сделаю это, — глухо проговорил Вронский, чувствуя, как у него все пересохло во рту.

Во время войны он лежал однажды между рельсами, когда рвался на станции эшелон с боеприпасами, в который попала фашистская авиационная бомба. Долгое время не мог он без содрогания вспомнить об этом. Однако постепенно острота потрясения сгладилась, и он даже начал рассказывать об этом происшествии в юмористическом тоне. Теперь же Вронский снова с необычайной отчетливостью представил себе беспрерывные глухие взрывы рвущихся снарядов, свист осколков, вспышки пламени, судорожное сотрясение земли и стоны раненых. Он ничем не мог уже подавить овладевшее им чувство страха и с ужасом думал, как в таком виде появится перед Ольгой.

— Я сейчас же побегу к баракам, — повторил Вронский, — отправлю только со станции Белову...

Но тут вдруг он услышал ее спокойный голос:

— Не нужно меня никуда отправлять, Анатолий Алексеевич. Я тоже пойду к баракам и помогу вам.

— Но, Ольга Васильевна... — начал было совсем растерявшийся Вронский.

— Нам дорога каждая секунда. Идемте! — решительно проговорила Ольга и, уже направляясь к выходу, спросила дежурного: — А Шатров знает, что его поезд заминирован?

— Нет, не знает, — ответил дежурный, делая какие-то знаки молодому железнодорожнику, заглянувшему в помещение.

Ольга первой вышла на перрон и торопливо, почти бегом, направилась к баракам. Вронский едва поспевал за нею, со страхом думая, заметила она или не заметила, как дрожал его голос. Только бы она не спрашивала его ни о чем, а он постепенно возьмет себя в руки...

Они пробежали уже значительную часть расстояния и приближались к семафору, крыло которого как раз в это время тяжело опустилось в горизонтальное положение. Ольге показалось даже, что оно рухнуло вдруг, как подстреленное, и судорожно подрагивало в предсмертных конвульсиях, будто живое крыло смертельно раненной птицы. И как раз в это время из-за холмов вынырнул поезд Шатрова с еще не потушенным прожектором и каким-то лихорадочным блеском буферных сигнальных огней. Постепенно он начал сбавлять скорость и вскоре совсем остановился у закрытого семафора.

— Нужно предупредить Константина, — торопливо проговорила Ольга, нервно хватая Вронского за руку.

— Что вы, Оля! — почти закричал Вронский. — Поезд может каждую секунду взорваться... Нам людей нужно спасать!

— А с бригадой Шатрова как же? Разве они не люди?..

Вронский едва мог стоять на одном месте. Ноги, казалось, так и несли его в сторону, подальше от поезда с его страшным грузом.

— Но, Оля, не будьте безрассудны... Там ведь сотни людей в бараках...

— Хорошо, — почти спокойно проговорила Ольга, — идите спасать сотни, а я спасу этих трех.

— Это безумие, Ольга Васильевна! — уже начиная злиться, воскликнул Вронский.

— Не теряйте же время, Анатолий Алексеевич! Выполняйте свой долг!

В эту минуту Вронский глубоко презирал себя за чувство страха, всецело овладевшее им, но справиться с ним не мог. Тяжело вздохнув, он поспешил к баракам.

Ольга между тем изо всех сил бежала к локомотиву, увязая в сыпучем песке. Но ее уже заметили с паровоза, и Константин торопливо спускался из будки машиниста ей навстречу. А когда она подбежала совсем близко к паровозу, то чуть не столкнулась с железно-

дорожником, посланным дежурным по станции предупредить Шатрова.

— Константин, Костя! — задыхаясь, прокричала она. — Ваш поезд заминирован!..

— Верно, товарищ Шатров! На вашем поезде диверсанты мину поставили, — торопливо подтвердил и железнодорожник, смахивая ладонью пот с разгоряченного лица. — Она должна скоро взорваться! Уходите немедленно с паровоза!..

— Как уходить?! — закричал Константин, снова поднимаясь на паровоз. — Бараки же вокруг... Как же можно? Ты слышишь, Федор?

Побледневший Рябов порывисто высунулся из окна паровозной будки.

— Кто такое приказание дал — паровоз бросить? — сверкнул он глазами и зло посмотрел на железнодорожника. — Ты, видно, что-то перепутал со страху...

— Ну, тогда вот что, — перебивая Рябова, решительно проговорил Шатров, осененный какой-то мыслью. — Пока перегон считается занятым нами, мы задним ходом уведем поезд подальше от станции. Бегите быстрее и доложите об этом дежурному. А вы, Ольга Васильевна, что же стоите тут? Уходите и вы поскорее!..

Но у Ольги уже не было сил двинуться с места. Она вдруг почувствовала, что у нее подгибаются ноги...

— Эй, послушайте! — каким-то чужим голосом закричал Шатров железнодорожнику, уже бросившемуся было к станции. — Помогите женщине!

Железнодорожник вернулся и подхватил Ольгу под руки.

— Тимченко! — крикнул Шатров кочегару. — Живо беги предупредить охрану и поездную бригаду! Пусть они поскорее соскакивают с поезда. Ты тоже оставайся там с ними!

Перепуганный кочегар почти скатился с паровоза. Видя, с какой поспешностью убегает Тимченко, Шатров повернулся к Рябову:

— Иди и ты, Федор...

— Да ты что!.. — Не находя нужных слов от возмущения, Рябов зло выругался.

И Константин понял, что он ни за что не уйдет с паровоза.

В это время к ним подошли майор Ершов и главный кондуктор Бейсамбаев.

— Что случилось? — спросил майор.

— Поезд заминирован, — спокойно ответил ему Шатров и добавил очень строго: — Уходите отсюда поскорее!.. И вы, Бейсамбаев, тоже.

— Ну, а вы... Вы что собираетесь делать?

— Попробуем хотя бы оттащить поезд подальше от станции — бараки ведь тут вокруг. А вы уходите поскорее, нечего нам всем рисковать!

И, поспешно схватившись за рукоятку переводного механизма, Шатров установил ее для пуска паровоза задним ходом. Отпустив затем тормоза, Константин приоткрыл слегка регулятор, впустил пар в цилиндры и медленно сдвинул состав с места. Бледный, дрожащий от волнения, Рябов судорожно вцепился потными руками в подоконник паровозной будки, будто опасаясь, что кто-то может стащить его с локомотива. Он машинально следил за быстрыми действиями Шатрова, но, казалось, не понимал, что тот делает. Заметил он также, что майор Ершов побежал не на станцию, как советовал ему Шатров, а к хвосту состава.

Поезд постепенно стал набирать скорость и все дальше уходил от станции. Местность по сторонам железнодорожного пути становилась пустыннее. Лишь жесткий, пыльный кустарник, росший по склонам пологих холмов, слегка оживлял унылый пейзаж, да первые лучи показавшегося из-за горизонта солнца прибавили несколько ярких бликов к тусклым в эту пору года краскам местной природы.

Все еще находясь в состоянии смятения, Рябов высунулся в окно и почти с ужасом посмотрел на бежавшие впереди паровоза вагоны. В красноватых лучах восходящего солнца они казались ему залитыми кровью.

— Так, значит, и погибнем мы тут, Костя?.. — проговорил он дрогнувшим голосом, торопливо обернувшись к Шатрову.

Константин, не ответив, отстранил его от окна и, высунувшись из будки, проговорил удовлетворенно:

— Ну хватит, кажется... Теперь уже не опасно.

Тотчас же прикрыв регулятор, он осторожно стал

притормаживать. Федор, все еще ничего не понимая, удивленно смотрел на него. А когда состав уже почти остановился, Шатров резко крикнул:

— Чего стоишь? Быстро отцепляй паровоз!

Тут только понял Федор замысел Шатрова и стремительно бросился вниз по лесенке. Достигнув земли, он едва устоял на ногах и побежал по обочине железнодорожного полотна вдоль тендера. Песок под ногами казался необычно зыбким, ноги тонули в нем, бежать было трудно. Пот заливал разгоряченное лицо Федора, а сердце билось так, словно он без передышки преодолел огромное расстояние.

Добежав наконец до конца тендера, Рябов ухватился за буферный брус. Торопливо поймав затем торчащий сбоку рычаг расцепного привода, с силой приподнял его вверх, вывел из паза кронштейн, повернул на себя и опустил в прежнее положение. Звякнула цепь, скрипнул валик подъемника, и с грохотом разомкнулись стальные челюсти автосцепки.

Федор уже хотел было броситься назад, к паровозу, но вспомнил, что не разъединил еще воздушную магистраль автоматических тормозов.

Нагнувшись, он поспешно перекрыл концевые краны магистральной трубы и, схватившись за резиновые рукава, легко расчленил их половинки.

— Что ты там копаешься, Федор? — сердито крикнул Шатров, высовываясь из паровозной будки.

Рябов проворно вылез из-под вагонных соединений и опрометью бросился к паровозу. Когда он схватился наконец за поручни лесенки, локомотив стал медленно отделяться от состава. Федор уже почти взобрался на паровоз, как вдруг услышал чей-то громкий крик:

— Рябов! Шатров!..

Рябов поспешно обернулся и увидел, что вдоль состава, энергично размахивая руками, бежит человек в военной форме.

— Товарищ майор?! — удивился Рябов. — Влезайте скорее на паровоз!..

— Ладно, ладно! Не кричите так громко, товарищ Рябов, — весело отозвался Ершов. — Отбой! Уже не взорвемся больше. Можете снова прицепить свой паровоз к составу.

НА ТОРМОЗНОЙ ПЛОЩАДКЕ ХВОСТОВОГО ВАГОНА

Как только майор Ершов узнал от Шатрова, что поезд заминирован, он тотчас же подумал о Темирбеке и, не теряя времени, побежал к хвостовому вагону. Тревожила его и судьба Малиновкина.

Темирбеку ведь не стоило большого труда перехитрить молодого, неопытного лейтенанта, и кто знает, жив ли он теперь!

Поезд уже тронулся в обратный путь, когда Ершов добежал лишь до середины состава. У одной из тормозных площадок он почти столкнулся с недоумевающим стрелком охраны. Спросив у него, не видел ли он Малиновкина, майор приказал ему и другим стрелкам покинуть поезд.

Но вот и хвостовой вагон, катившийся теперь в голове поезда. Схватившись за его поручни, уже из последних сил вспрыгнул Ершов на тормозную площадку. Как он и предполагал, ни Малиновкина, ни Темирбека здесь не было.

Но он не обнаружил здесь и никаких следов борьбы или поспешного бегства. Площадка была совершенно пустой и неповрежденной. Лишь под маленькой скамеечкой ее стоял небольшой, окованный железом сундучок, какие обычно берут с собой в дорогу поездные бригады.

Но что же случилось с Малиновкиным? Куда исчез Темирбек? Спрыгнули они с поезда в пути или остались в Курганче? Связано их исчезновение с угрозой, нависшей над поездом, или вызвано иными причинами? Все это было пока неясно, но какая-то связь между всеми этими событиями казалась ему несомненной. Темирбек не случайно ведь оказался на этом поезде. Разве не мог он, выполняя задание Жиенбаева, заминировать какой-нибудь из вагонов? Малиновкин, видимо, мешал ему осуществить этот план, и Темирбек постарался, конечно, избавиться от него...

Но как и чем заминирован поезд? Скорее всего, установлена где-то мина замедленного действия. Ее ведь можно незаметно подсунуть под любой из вагонов и установить момент взрыва на любое время.

Какой же момент могли избрать для этого диверсанты? Их не устраивал, конечно, взрыв в пути. Скорее всего, они рассчитывали на взрыв эшелона в Большом Кургане. Ершову было известно, что станция эта забита составами с лесом, бензином, а может быть, даже и с взрывчатыми веществами, широко применявшимися на строительстве дороги. А главное — люди. Бараки рабочих размещены у самой станции и при взрыве должны будут неминуемо пострадать. Конечно, взрыв поезда на самой станции Большой Курган является главной целью Жиенбаева.

Но как же он мог рассчитать время! Ни ему, ни Темирбеку не было ведь известно, когда прибудет поезд в Большой Курган, и они, значит, ориентировались на какое-то среднее время.

Сделать такой расчет помог Жиенбаеву, наверно, Аскар Шандарбеков, которому, как начальнику кондукторских бригад, хорошо было известно движение служебных поездов.

Шатров привел сегодня свой поезд в Большой Курган почти без остановок, но такие рейсы были исключением, и Жиенбаев, следовательно, не мог на это ориентироваться. Значит, и взрыватель установил он на время несколько большее, чем то, которое фактически затратил Шатров. Вот почему поезд все еще не взорвался, но может взорваться с минуты на минуту!

Где же, однако, эта проклятая мина? Куда они могли запрятать ее?

Ершов еще раз осмотрел тормозную площадку, и тут снова внимание его привлек сундучок Темирбека. Осторожно выдвинув его из-под скамейки, майор заметил очень сложный замок в петлях крышки.

«А что, если мина замедленного действия в этом сундучке?»

Прижав ухо к его крышке, Ершов прислушался, но ничего не услышал, так как шум колес поезда заглушал все звуки.

Нужно было немедленно открыть замок, но чем? Ершов ощупал карманы — в них не было ничего подходящего, кроме перочинного ножа. Открыв нож, Ершов просунул лезвие в дужку одной из петель. Упругая сталь ножа слегка прогнулась, но и дужка начала мед-

ленно сворачиваться в сторону. Нужно было посильнее нажать на нее, однако Ершов боялся шевелить сундучок.

Наконец перекрученная несколько раз железная петля отскочила от сундучка. Майор, затаив дыхание, осторожно открыл крышку и тотчас увидел коричневый грибообразный предмет, торчащий из деревянной коробки.

Не могло быть никаких сомнений, что это взрыватель мины замедленного действия.

Ершов торопливым движением вытер выступивший на лбу холодный пот и опустился перед сундучком на корточки. За время работы в разведке и контрразведке он изучил множество систем различных мин замедленного действия — и своих, отечественных, и иностранных. Коричневый гриб показался ему похожим на немецкий часовой взрыватель «Feder-504» с заводом на двадцать одни сутки. Но, присмотревшись, Ершов убедился, что механизм его был иным. С таким ему никогда еще не приходилось иметь дело.

В верхней, расширенной части корпуса мины майор обнаружил вскоре несколько подвижных ободков с рубчиками накатки. В нижнюю цилиндрическую часть, имевшую меньший диаметр, была, видимо, ввинчена запальная шашка с взрывчаткой.

Первой мыслью Ершова было схватить сундучок с миной и сбросить его с поезда... Но он тут же сообразил, что вряд ли удастся отбросить его так далеко, чтобы не возникло опасности детонации. Мину даже трогать было опасно, так как она могла взорваться от самого легкого сотрясения.

Поезд между тем развил такую скорость, что остановить его стоп-краном, находившимся на тормозной площадке, нечего было и думать. Это вызвало бы такое сотрясение состава, от которого неминуемо произошел бы взрыв. Оставалось одно — разминировать мину! Продолжая изучать ее, майор заметил на верхней части корпуса смотровое окошко. Через его застекленное отверстие были видны колесико балансирного маятника и установочный диск с красными делениями и цифрами. Нетрудно было сообразить, что цифры на дуге диска обозначали часы, а деления между ними — минуты.

Не дотрагиваясь до мины, майор торопливо принялся осматривать взрыватель со всех сторон. В самой верхней части его, в центре широкого ободка с рубчиками накатки, он заметил головку с красными черточками делений и цифрами — от единицы до двадцати четырех. Как и в смотровом окошке, находился здесь красный треугольник. Угол его совмещался с цифрой «четыре». Видимо, это и было заданное время замедления механизма взрывателя. До взрыва оставалось, значит, четверть часа.

Ершов вздохнул с некоторым облегчением. Вынув платок из кармана, он вытер им лицо, мокрое от пота, и впервые осмотрелся по сторонам. С тормозной площадки хвостового вагона ему была видна холмистая местность с низкорослым кустарником, подступавшим почти к самому полотну железной дороги.

Выжженный солнцем и припудренный пылью балластного песка, кустарник казался окаменевшим. Зато многочисленные холмы, тесно примыкавшие друг к другу, в легком мареве утреннего тумана представлялись ему свернувшимися в клубок гигантскими животными. А вверху, над холмами и над крышами вагонов, розовело небо раннего утра.

Нужно было торопиться. С каждой минутой механизм взрывателя становился все более чувствительным к сотрясению. Боевая пружина его вот-вот готова была послать ударник в чувствительную сердцевину капсюля-детонатора.

Но где же тут предохранитель взрывателя? Ершов знал, что при обезвреживании мин замедленного действия необходимо прежде всего остановить часовой ме-

ханизм. В немецком взрывателе «Feder-504» это делалось просто: нижнее подвижное кольцо на уширенной части его корпуса нужно было только переместить несколько правее.

Есть ли тут такое кольцо?

Ершов еще раз осмотрел корпус взрывателя. Вот чуть пониже верхнего заводного ободка видны рубчики второго, поменьше размером. Может быть, поворот именно этого кольца остановит часовой механизм?

Ершов осторожно дотронулся до корпуса взрывателя, но тотчас же отдернул руку. А что, если это не то кольцо и поворот его только ускорит взрыв?..

Поглощенный тревожными мыслями, майор не почувствовал, что поезд стал постепенно уменьшать скорость. Он заметил это лишь тогда, когда эшелон совсем остановился. Рисковать теперь не к чему. Майор мгновенно выпрямился. От неудобного сидения на корточках ноги закололо тысячью иголок.

Сундучок Темирбека был теперь у него в руках. Нужно спуститься поскорее с тормозной площадки на железнодорожное полотно, а ноги словно чужие. Он двигался, как на протезах, с трудом преодолевая каждый сантиметр. Но вот он ступил наконец на зыбкий песок дорожного балласта... А еще несколько секунд спустя сундучок Темирбека находился уже за кюветом, и взрыв мины не мог угрожать даже полотну железной дороги.

Вот тут-то и увидел майор Ершов, как, отцепив паровоз от состава, устремился к паровозной будке помощник Шатрова Федор Рябов. И майор легко, почти как в детстве, побежал к нему по обочине дорожного полотна, оглашая воздух радостным криком:

— Рябов! Шатров!..

СПАСИБО ВАМ, ТОВАРИЩИ!

Когда силы оставили Ольгу и она чуть не упала на землю, ее осторожно поддержал молодой железнодорожник, в котором она узнала оператора Ерохина. Но эта слабость Ольги была минутной. Она тотчас же взяла себя в руки и довольно твердо произнесла:

— Большое вам спасибо, товарищ Ерохин! Я теперь и сама доберусь. А вы не задерживайтесь, пожалуйста, из-за меня.

— Да что вы, Ольга Васильевна! — запротестовал Ерохин, все еще продолжая поддерживать Белову. — Как же я могу оставить вас здесь одну?

— Нет, уж вы не беспокойтесь, пожалуйста, — осторожно отстранила его руку Ольга, и в голосе ее послышалось легкое раздражение. — Теперь ведь мне ничто не угрожает.

Поезд с опасным грузом действительно был уже довольно далеко, и Ерохин, несколько растерявшийся в напряженной обстановке, успокоился.

— Ну, как хотите, товарищ Белова, — смущенно проговорил он, оставляя Ольгу.

Когда оператор ушел, Ольга снова почувствовала неприятную, томящую слабость во всем теле и, отойдя немного в сторону, медленно опустилась на обочину полотна железной дороги.

Вглядываясь в даль, она видела, как, огибая холмы, исчезали за ними рельсы, сверкавшие ослепительным блеском в лучах все ярче разгоравшегося солнца.

А где-то там, за этими холмами, похожими на верблюжьи горбы, человек, ставший ей теперь самым дорогим на свете, угонял прочь от стройки и от нее, Ольги, смертоносный груз взрывчатки, каждое мгновение готовой взлететь на воздух и уничтожить поезд, полотно железной дороги, людей и все живое вокруг на десятки метров.

Ольга сидела несколько минут с закрытыми глазами, а когда открыла их, все расплылось вокруг от слез. Никогда еще не было ей так тяжело и страшно... Лишь на мгновение возник перед ней образ Вронского таким, каким он представлялся ей когда-то, но тотчас же потускнел, померк. Сползла с него романтическая оболочка, и Ольга увидела его жалким трусом, с трясущимися руками и дрожащим голосом...

Солнце теперь совсем выбралось из-за холмов. Лучи его падали уже не так откосо, как в первые минуты, и местность от этого изменила свою тональность. Краски ее стали спокойнее.

Тихо было вокруг. Шум и суета на станции и в ба-

раках утихли, как только Шатров увел заминированный поезд. Постепенно все входило в свою нормальную колею. Поднялась с насыпи и Ольга. Но вдруг за холмом, на который она так упорно смотрела, раздался сначала чуть слышный, а затем все более крепнущий, почти торжественный звук паровозного свистка.

Ольга даже вздрогнула от неожиданности: «Неужели это поезд Кости?..»

Приложив руку к глазам, Ольга попыталась разглядеть вдалеке очертания паровоза Шатрова. Она не задумывалась в это мгновение, каким образом возвращался назад заминированный поезд, почему не взорвался до сих пор. Ей было ясно лишь одно — это поезд Константина, никакой другой поезд не мог быть сейчас на этом перегоне.

А когда поезд показался из-за холмов, Ольга бросилась ему навстречу, хотя он был еще очень далеко.

«А почему он не взорвался? — тут только мелькнула тревожная мысль. — Почему они снова ведут свой страшный груз на станцию?..»

Девушка остановилась в замешательстве, не понимая, в чем дело.

«Может быть, нас неверно информировали? Может быть, поезд и не заминирован вовсе? Или паровозная бригада совсем потеряла голову от страха, и обреченный поезд панически мечется теперь по перегону?..»

Но нет, этому она не могла поверить. Это могло случиться с кем угодно, но только не с Константином. Никогда еще, кажется, она так не верила в него, как теперь.

Ольга совершенно отчетливо представила себе его побледневшее от напряжения лицо с круто сведенными бровями, крепко стиснутые зубы, руку, сжавшую кран машиниста, напружинившееся мускулистое тело, готовое к любому стремительному движению, и ей нестерпимо захотелось вдруг быть с ним рядом, вместе встретить опасность, вместе одержать победу.

Она не заметила, как снова быстро пошла навстречу поезду, который прошел уже значительное расстояние и, сбавляя скорость, приближался к закрытому семафору.

Константин, высунувшись из окна, первым заметил Ольгу. Он протер глаза, не решаясь этому поверить. Но тут и Федор увидел ее.

— Смотри-ка, Костя!.. — удивленно крикнул он. — Снова наша Ольга!

Поезд теперь шел совсем медленно, вот-вот готовый остановиться. Но прежде чем он остановился, Ольга крепко схватилась за поручни лесенки будки машиниста и стала быстро взбираться на паровоз. Федор поспешно протянул ей руку, чтобы помочь, но она, не замечая его, шагнула к Константину и, не сдерживая неожиданно хлынувших слез, бросилась к нему, порывисто обняла и поцеловала, ощутив на губах крупинки угля и солоноватый вкус пота, покрывавшего его лицо.

Константин не успел еще прийти в себя и понять происшедшее, как Ольга повернулась уже к Федору и протянула ему руку:

— Спасибо, спасибо вам, товарищи!..

Может быть, нужно было сказать что-нибудь другое, назвать их победителями, героями, но она почувствовала в них в эту минуту настоящих товарищей, с которыми ничто не страшно, с которыми можно пойти на любой подвиг, и она назвала их товарищами, ибо не знала другого слова выше этого.

— Еще одного человека нужно поблагодарить! — взволнованно проговорил Федор, повернувшись к смущенно улыбающемуся майору Ершову. — Это он обезвредил мину и спас поезд.

Федор уже знал, что Ершов не работник какого-то Алма-атинского исторического музея, и догадывался, кем он мог быть на самом деле.

Ольга крепко пожала руку Ершову и снова повернулась к Шатрову. А Константин все смотрел на ее сияющее лицо, на растрепавшиеся волосы, на большие ясные глаза, лучившиеся веселыми искорками счастья, и думал: «Если она даже не любит меня, то все равно она самый лучший, самый замечательный человек на свете!..»

Выглянув в окно, он увидел все еще опущенное крыло семафора и крикнул Рябову:

— Придется сообщить им, Федор, что беда миновала, а то они, пожалуй, не решатся впустить нас на станцию.

— Да, они, видать, изрядно там струхнули... — засмеялся Федор, радуясь, что все наконец кончилось так благополучно.

— Кажется, спешит к нам кто-то со станции, — заметил Ершов, смотревший в окно с другой стороны паровозной будки.

— Это сам начальник, — сказала Ольга, выглядывая из окна паровозной будки.

Спустя несколько минут начальник станции и сопровождавшие его железнодорожники были уже на паровозе и с удивлением слушали краткий рассказ Шатрова, перебиваемый репликами Федора. Начальник станции был еще совсем молодым человеком и не умел сдерживать своих чувств. Он порывисто обнял всех по очереди и воскликнул простодушно:

— Ну и молодцы! Настоящие молодцы, честное слово!..

Соскочив с паровоза, он по-мальчишески быстро побежал к станции, и вскоре красное крыло семафора взвилось вверх, открывая дорогу поезду, возвратившемуся чуть ли не с того света.

Константин потянул за тягу. Долгий, могучий торжественный голос вибрирующей меди паровозного свистка до боли в ушах потряс воздух.

— Я сойду здесь. У меня ведь нет разрешения на право проезда на паровозе, — сказала Ольга, собираясь спуститься по лесенке из будки машиниста.

— Останьтесь, Оля, — удержал ее Константин.

И Ольга осталась. Она стала позади Константина, так, чтобы не мешать ему и видеть неторопливые, уверенные движения его рук, управляющих механизмом локомотива. И Константин, не оборачиваясь, всем своим существом ощущал ее позади себя и готов был теперь вести свой поезд с любым грузом, на любые подъемы, через любые испытания. Он всегда знал, что выполнит свой долг в любой обстановке, но никогда еще не чувствовал себя таким сильным, таким бесстрашным и таким нужным своему народу, своим товарищам и своей Ольге.

А майор Ершов стоял в это время в дверях паровозной будки, крепко схватившись за поручни. Он был

взволнован, но не умилялся своим поступком, ибо вовсе не считал его подвигом. Он сделал лишь то, чего не имел права не сделать.

НА АВТОДРЕЗИНЕ

Спрыгнув с поезда, лейтенант Малиновкин осмотрелся по сторонам. Неподалеку от него виднелся последний вагон стоящего на станции состава. Людей поблизости не было видно. Решив никому пока не выдавать своего присутствия, лейтенант поспешно взобрался в вагон, дверь которого была слегка отодвинута.

Вагон был пуст. Вторая его дверь тоже оказалась приоткрытой. Через ее просвет Малиновкин стал осматривать станцию. На асфальтированной платформе, примыкавшей к станционным строениям — трем небольшим стандартным домикам, он увидел сержанта железнодорожной милиции. Чуть подальше шагал по шпалам какой-то железнодорожник с зажженным фонарем в руках.

Сразу же за станцией начиналась степь, голая, пустынная, просматривающаяся на большом пространстве.

С другой стороны вагона, в котором сидел Малиновкин, на третьем станционном пути стоял еще один состав с порожними вагонами и платформами, за ним простиралась такая же степь, поросшая низкорослыми травами да видневшимися кое-где белыми пятнами ковыля.

«В степь этот мерзавец не пойдет, конечно, — твердо решил Малиновкин. — Но что он предпримет?»

Лейтенант попробовал представить себе, что стал бы делать он сам на месте Темирбека. Уйти в степь — опасно, попробовать добраться до той станции, где, может быть, приготовлен для него Жиенбаевым мотоцикл, тоже рискованно. Оставалось только одно — притаиться в каком-нибудь из вагонов и ждать, когда его отправят в Перевальск. Но неизвестно, когда еще это могло произойти, а бегство Темирбека с поезда Шатрова не могло долго оставаться незамеченным. И Темирбек должен был это предвидеть.

Размышляя так, Малиновкин снова стал осматривать станцию и вдруг заметил, что двое железнодорожников устанавливают на рельсы легкую автодрезину. Тотчас же у него возникла мысль: а почему бы Темирбеку не попытаться воспользоваться этой дрезиной? В его положении такое решение было бы, пожалуй, единственным шансом на спасение...

Быстро выбравшись из вагона, Малиновкин расстегнул кобуру пистолета и, переложив оружие в карман брюк, осторожно двинулся к железнодорожникам, держась в тени вагонов. Установив дрезину на рельсы, они заводили мотор. Со станционной платформы кто-то, дежурный или сам начальник станции, подал им сигнал — очевидно, разрешение на выезд.

Малиновкин подошел теперь к дрезине так близко, что мог слышать разговор железнодорожников.

— Ну что, двинемся, пожалуй? — проговорил один из них.

— Двинемся, — ответил другой, голос которого показался Малиновкину знакомым.

Лейтенант вылез из-под вагона, решив подойти еще поближе, но в это мгновение громко и торопливо застрекотал мотор. Через мгновение дрезина дрогнула и покатилась в сторону Большого Кургана. Один из железнодорожников, лица которого Малиновкин не видел до сих пор, обернулся, чтобы поправить свисавший плащ, и лейтенант тотчас же узнал в нем Темирбека.

— Стой, стой! — срывающимся голосом закричал Малиновкин и, выхватив пистолет, побежал за дрезиной.

Теперь обернулся и второй железнодорожник. Увидев оружие в руках лейтенанта, он с удивленным видом остановил дрезину. На шум, поднятый Малиновкиным, из станционного здания выглянул сержант железнодорожной милиции. Придерживая рукой шашку, он поспешил к месту происшествия.

Лейтенант подбежал тем временем к дрезине и схватил Темирбека за шиворот.

— Ага, мерзавец, попался! — торжествующе воскликнул он, хотя спокойствие Темирбека его несколько обескуражило.

Хвостовой кондуктор смотрел на Малиновкина недо-

умевающими глазами и не делал ни малейшей попытки вырваться.

— Ты зачем меня хватаешь? — изумился он. — От поезда я отстал — это верно. Живот, понимаешь, схватило вдруг... А поезд ушел. Догонять теперь надо.

— Ладно, хватит сказки сочинять! — все еще не отпуская Темирбека, проговорил Малиновкин, хотя в голосе его уже не было прежней уверенности.

— Верно говорит человек, — вступился за Темирбека второй железнодорожник. — Я помощник дорожного мастера Рахманов. Темирбека хорошо знаю. Он действительно поездным кондуктором работает. А то, что от поезда отстал, так за это ему и без вас всыплют. Попросился он в Большой Курган подвезти, я и взял его, потому как человек знакомый.

Сержант, подошедший теперь к дрезине, строго спросил Малиновкина:

— А вы сами кто же такой будете?

Малиновкин молча протянул свое удостоверение. Сержант, прочитав документ, козырнул лейтенанту.

— А это действительно помощник дорожного мастера товарищ Рахманов, — кивнул он на железнодорожника, стоявшего рядом с Темирбеком.

Подошел к дрезине и начальник станции.

— В чем тут дело? — спросил он, хмурясь и строго посматривая на сержанта.

— Видите ли, — повернулся к нему Малиновкин, выпустив наконец Темирбека из рук, — этот человек сбежал с поезда при очень подозрительных обстоятельствах.

— Как сбежал?! — закричал Темирбек, возмущенно выпучив глаза. — Что он сочиняет такое, товарищ начальник? Говорю же я — отстал. Пусть меня к главному кондуктору отправят, к товарищу Бейсамбаеву, все ему объясню.

— Ну хорошо, — решил вдруг Малиновкин. — Садитесь — поедем! Разберемся там во всем. Можем мы поехать сейчас в Большой Курган, товарищ начальник станции?

— Доедете сначала до Абайской, а потом, когда поезд Шатрова прибудет в Большой Курган, вас тоже туда пропустят.

— Включайте мотор, товарищ Рахманов, — кивнул Малиновкин помошнику дорожного мастера и уселся на скамеечку дрезины рядом с Темирбеком.

«Черт его знает, этого Темирбека, — думал он, когда дрезина выкатилась за пределы станции, — может быть, этот остолоп и в самом деле по нерасторопности своей отстал от поезда?..»

Темирбек между тем совершенно успокоился и даже начал подремывать.

А дрезина довольно быстро развила такую скорость, что не уступила б теперь, пожалуй, и пассажирскому поезду. Она шла по крутой насыпи, у подножия которой рос густой, сизоватый кустарник.

Малиновкин, то и дело поглядывавший в сторону Темирбека, заметил вскоре, что он не только блаженно закрыл глаза, но и начал похрапывать, ритмично подергивая носом, — шум моторчика автодрезины, видимо, действовал на него усыпляюще.

И вдруг легкая, малоустойчивая дрезина неожиданно подпрыгнула на неровности пути в месте стыка рельсов, и заснувший Темирбек свалился с нее сначала на обочину, а затем кубарем покатился вниз по крутому откосу насыпи. Не раздумывая ни секунды, Малиновкин прыгнул за ним следом.

Рахманов тотчас же выключил мотор, но разогнавшаяся дрезина по инерции прокатилась вперед. Темирбек и Малиновкин тем временем скатились к основанию откоса, и их не было видно среди густо разросшегося кустарника.

Осторожно спускаясь с крутой насыпи, Рахманов увидел вскоре длинные ноги Малиновкина, неуклюже торчащие из ближайших кустов. Встревоженный неподвижностью этих ног, он не стал искать Темирбека, а поспешил к Малиновкину. Раздвинув пыльный, цепкий кустарник, он увидел навзничь лежащего лейтенанта. Лицо его было бледно, левый висок в крови, глаза закрыты.

— Ах ты беда какая! — растерянно проговорил Рахманов, торопливо доставая из кармана платок.

Приложив его к виску Малиновкина, он осторожно стал вытирать кровь, выступавшую теперь и на содранной щеке.

Раздвинув пыльный цепкий кустарник, Рахманов увидел лежащего навзничь лейтенанта.

Лейтенант застонал и с усилием открыл глаза.

— Рахманов... — чуть слышно произнес он и сделал попытку приподняться, но снова со стоном опустился на землю.

— Что с вами?.. Обо что вы так ударились? — спросил Рахманов, не зная, чем помочь Малиновкину.

— Об камень какой-то. Страшная боль в голове... — снова закрыв глаза и прижав руку ко лбу, ответил лейтенант. — Но вы оставьте меня пока тут. Я полежу немного... Может быть, пройдет. А Темирбека вы не видели? Поищите его хорошенько...

Рахманов торопливо стал обшаривать кусты, но Темирбека нигде не оказалось.

— Прямо как сквозь землю провалился! — растерянно проговорил помощник дорожного мастера.

— Ладно, не ищите больше, — остановил его Малиновкин. — Сбежал значит, мерзавец!.. Дрезина у вас в порядке? Ну, тогда поспешите на станцию. Этот Темирбек натворил что-то... Ухитрился, наверное, мину подложить. Зачем ему было скрываться от меня, если он ни в чем не виновен? Скажите начальнику станции, чтобы он в Большой Курган немедленно сообщил от моего имени, что к ним идет заминированный поезд. А я лейтенант государственной безопасности Малиновкин.

— Но ведь и вас нужно срочно на станцию...

— Со мной некогда сейчас возиться... После приедете. Каждая минута дорога.

НЕУЖЕЛИ ВСЕ НАЧИНАТЬ СНАЧАЛА?..

На станцию Абайскую майор Ершов прибыл с резервным паровозом, возвращавшимся с Большого Кургана в Перевальск. Лейтенант Малиновкин, несколько оправившись к тому времени, встретил Ершова на станционной платформе. Голова его была забинтована, а фуражку он держал в руках. На бледном лице лейтенанта проступил легкий румянец, когда он поздоровался с Ершовым.

— Ловко меня обставил этот мерзавец! — смущенно проговорил Малиновкин, пожимая протянутую руку майора.

— Ничего, ничего, Митя, — дружески похлопал его по плечу Ершов. — Всякое бывает. Расскажите лучше поподробнее, как все это приключилось с вами.

— Давайте только зайдем к начальнику станции — там нам удобнее будет, — предложил Малиновкин.

Показывая дорогу, лейтенант пошел вперед, слегка прихрамывая на левую ногу.

— Ну, а что же вы предприняли для поимки Темирбека? — спросил Малиновкина Ершов, как только тот рассказал ему о своих злоключениях.

— Да, собственно говоря, почти ничего... — смутился Малиновкин. — Добрых полчаса пришлось ведь пролежать под откосом железной дороги, пока вернулась способность двигаться. Железнодорожники тем временем обшарили все окрестности вокруг Абайской. В кустарнике они слышали стрекот какого-то мотоцикла. Кричали, чтобы водитель остановился, но он лишь увеличил скорость. Кустарник тут не сплошной, проехать сквозь него на мотоцикле можно. Стрелок военизированной охраны из винтовки, а начальник станции из своего охотничьего ружья выстрелили несколько раз наугад, но, видимо, промахнулись.

— А не заметили они, сколько на мотоцикле было человек? — спросил Ершов.

— Не заметили, Андрей Николаевич.

Майор помолчал, обдумывая создавшееся положение. Картина была малоутешительная.

— Похоже, что все придется начинать сначала, — задумчиво проговорил он.

— Почему же, Андрей Николаевич? — удивился Малиновкин. — Жиенбаев дал ведь вам новую явку. Он туда и явится. Больше некуда — Аскар Шандарбеков арестован уже, папаша его Габдулла — тоже. Один ход ему остается — к Арбузову в Аксакальск.

— Интересную вы картину нарисовали, — рассмеялся Ершов. — Вроде шахматной задачи: ходят белые и на пятом ходу делают мат. Недурно было бы, конечно... Только вы опять, дорогой мой, забыли, что противник наш не такой уж простачок. Сам в капкан не полезет.

— А что же еще остается ему делать? — пожал пле-

чами Малиновкин. — Куда податься? Где переждать тревожное время?

— Пока у него есть мотоцикл и рация, он еще может маневрировать, — ответил Ершов.

— Вы, значит, думаете, что это именно он со своим мотоциклом поджидал Темирбека в Абайской?

— Вне всяких сомнений. Они, видимо, заранее условились, что именно там, на предпоследней станции, Темирбек сбежит с заминированного поезда. А Темирбеку пришлось сбежать раньше, так как он, видимо, узнал в Большом Кургане, что поезд пойдет дальше без остановок.

— Но на кой черт ему вообще теперь этот Темирбек?

— А от кого же он узнал бы, поставлена ли мина на поезд? К тому же и сам Темирбек, видимо, еще нужен ему для чего-то.

— Да, пожалуй, — задумчиво проговорил Малиновкин, поправляя бинт на голове. — Однако одной уверенности, что поезд заминирован, ему, конечно, мало. Нужно также знать, взорвался он или нет.

— Ну, об этом-то он и без специального донесения узнал бы. Взрыв целого состава аммонита — это, дорогой мой, явление, подобное настоящему землетрясению.

— Выходит, что Жиенбаеву известно теперь, что такого землетрясения не произошло! — оживился Малиновкин. — Тогда не нам, следовательно, а знаменитому Призраку нужно все начинать сначала. И уж хочет он или не хочет, а связь со своим «помощником» Мухтаровым ему придется, значит, поддерживать.

«НИКУДА ВЫ НЕ УЙДЕТЕ, ГОСПОДИН ПРИЗРАК!»

До Аксакальска Ершов добрался только к четырем часам дня. Разыскав Джамбульскую улицу, постучал в дом номер двадцать один и спросил Арбузова.

— Я буду Арбузов, — ответил ему рыжеволосый мужчина средних лет в гимнастерке военного образца.

— А я Мухтаров Талас Александрович. Привет вам от Жиенбаева.

Ничто не изменилось на сухощавом, невыразитель-

ном лице Арбузова. Слегка припухшие, будто заспанные глаза его смотрели по-прежнему равнодушно. Ершов даже подумал было, что, может быть, он не туда попал, но хозяин, так и не изменив выражения лица, проговорил:

— Прошу вас, Талас Александрович, заходите, пожалуйста!

Распахнув перед Ершовым двери, он провел его в небольшую комнату с единственным окном, выходящим во двор. В комнате у окна стоял маленький столик, у стены — диван и два стула.

— Устраивайтесь тут, — все тем же равнодушным голосом проговорил Арбузов. — Я выходной сегодня, весь день буду дома. Если что понадобится, позовите.

Ершов поставил на стол чемодан с рацией и посмотрел на часы. Было половина пятого, а в пять у него разговор с Малиновкиным. Лейтенанта он оставил в Перевальске, условившись связываться с ним по рации через каждый час. Без пяти минут пять Ершов закрыл дверь своей комнаты на крючок и развернул рацию. Арбузова все это время не было слышно, словно он ушел из дому. Ровно в пять Малиновкин подал свои позывные. Ершов отозвался и принял от него следующее шифрованное донесение.

«Шофер грузовой колхозной машины Шарипов сообщил начальнику Абайского отделения госбезопасности, что в восемь часов утра машину его остановил на дороге подозрительный мужчина со следами крови на одежде и стал просить бензин. Шарипов отказал ему. Тогда неизвестный выхватил пистолет и выстрелил в шофера. Раненому Шарипову удалось включить скорость и удрать. Начальник Абайского отделения госбезопасности тотчас же выслал на место происшествия трех мотоциклистов. Они прочесали весь район, но ничего подозрительного не обнаружили. В районе происшествия дежурят теперь два мотоциклиста. Случай этот произошел в двадцати пяти километрах от

станции Абайской. Полагаю, что нападение на Шарипова совершил либо Темирбек, либо Жиенбаев».

«Да, может быть, это и в самом деле кто-нибудь из них... — размышлял майор Ершов, задумчиво прохаживаясь по комнате. — Но зачем им бензин понадобился? Не могло же случиться, чтобы бак их машины случайно оказался незаправленным. Разве мог допустить подобную небрежность такой осторожный и опытный человек, как Жиенбаев. В чем же дело тогда?..»

В шесть Малиновкин снова связался с Ершовым, но ничего нового не сообщил.

Новые известия поступили только в восемь вечера. Малиновкин докладывал, что радистам Перевальского отделения госбезопасности удалось перехватить радиопередачу, зашифрованную текстом стихотворения Эдгара По. Из-за сильных атмосферных помех удалось, однако, принять и расшифровать лишь часть ее:

«В Абайске обстреляли... Легко ранили в руку. Поврежден бак с горючим... Достать бензин не удалось. Мотоцикл бесполезен. Придется бросить из-за этого и рацию... Оставаться на участке железной дороги Перевальск — Большой Курган рискованно...»

Что ответил Жиенбаеву резидент, принять не удалось — помешали раскаты начавшейся грозы. Однако начальник Перевальского отделения госбезопасности тотчас же отдал распоряжение — тщательно прочесать лесистую местность в районе Абайской. В результате удалось обнаружить поврежденный мотоцикл и, видимо, умышленно выведенную из строя рацию.

Вот и все, что было известно о Призраке в восемь часов вечера. По-прежнему оставалось неизвестным — совсем он скрылся или свяжется еще с Ершовым-Мухтаровым. Один он теперь или все еще с Темирбеком.

Эти вопросы очень тревожили Ершова. Он понимал, что нужно было немедленно что-то предпринять. Но что? От его находчивости и решительных действий зависело сейчас многое. Жиенбаев может ведь исчезнуть теперь бесследно...

Вот уж четверть часа ходил Ершов по комнате, не зная, что предпринять. Встреча с начальником Аксакальского отделения госбезопасности подполковником Ибрагимовым могла привлечь внимание Арбузова,

а Ершов не хотел до поры до времени настораживать его. О том, что Арбузов сможет улизнуть, он не беспокоился: подполковник Ибрагимов поручил своим сотрудникам тщательно следить за его домом.

В десять часов вечера Малиновкин сообщил новые сведения. Оказалось, что перевальский радиолюбитель-коротковолновик Касымов принял своим радиоаппаратом весь секретный разговор Жиенбаева с его резидентом. Касымов долгие годы работал над усовершенствованием коротковолновых радиостанций и добился такой конструкции, которая могла вести прием и передачу в любую погоду. Придя к выводу, что принятая им передача носит секретный характер, он тотчас же сообщил все записанные им радиотелеграфные сигналы органам госбезопасности.

Эти сведения, во-первых, подтвердили и дополнили текст, расшифрованный Малиновкиным, во-вторых, содержали ответ резидента Жиенбаеву. Ответ этот был таков: «Плохо слышу вас. Повторите донесение».

Но и Жиенбаев, видимо, ничего не мог разобрать из ответа резидента. «Гроза мешает передаче...» — радировал он.

Разговор этот шел уже открытым текстом. Кончился он тем, что резидент приказал Жиенбаеву быть на приеме в час ночи, как обычно. Понял это распоряжение Жиенбаев или нет, осталось неизвестным. Однако на этом радиосеанс тайных агентов окончился. Последние слова резидента — «как обычно» — свидетельствовали о том, что радиосеанс в час ночи происходил у них ежедневно. Жиенбаев, следовательно, знает об этом и постарается, конечно, во что бы то ни стало связаться ночью со своим резидентом. А поскольку он вынужден был бросить рацию, значит, явится сюда, к Арбузову, чтобы воспользоваться радиостанцией Мухтарова-Ершова.

Придя к такому заключению, майор Ершов приказал Малиновкину срочно прибыть в Аксакальск и, связавшись с местными органами госбезопасности, усилить засаду вокруг дома Арбузова.

Прибытия Малиновкина следовало ожидать примерно через час. Его должны были доставить в Аксакальск самолетом. За это время нужно было избавиться от Арбузова.

На улице было уже совсем темно, но Ершов все еще не зажигал света в своей комнате. Впотьмах он нащупал рацию и, включив ее, связался с подполковником Ибрагимовым, радист которого по просьбе Ершова находился теперь на пятиминутном приеме каждые четверть часа.

«Как только Арбузов выйдет из дому, возьмите его», — радировал Ершов Ибрагимову.

Выключив рацию, майор вышел из своей комнаты и позвал Арбузова.

— Я только что связался по радио с Жиенбаевым, — сказал ему Ершов. — Вам нужно будет встретить его на вокзале. Знаете вы его в лицо?

— Не знаю, — равнодушно отозвался Арбузов.

— Это, впрочем, не имеет значения. Вы возьмите такси и ровно в одиннадцать ждите его на углу Железнодорожной и Советской. Он подойдет к машине и спросит: «Вы, случайно, не из промартели «Заря Востока»?» Ответьте на это: «А вы, случайно, не товарищ Кылыш?» И везите его сюда.

— Слушаюсь, — коротко ответил Арбузов и не спеша стал одеваться.

Когда он вышел, Ершов зажег свет в своей комнате. Это было сигналом местным оперативным работникам госбезопасности. Они должны были дать возможность Арбузову отойти подальше от дома и там арестовать, не привлекая ничьего внимания.

Томительно тянулось время. Наверно, Малиновкин прибыл уже в Аксакальск и находился теперь где-нибудь возле дома Арбузова. Входить в дом Ершов ему не разрешил — Жиенбаев тоже ведь мог бродить где-нибудь поблизости, выжидая подходящий момент, чтобы зайти к своему сообщнику.

Ровно в полночь Ершов включил рацию и настроился на волну, на которой обычно поддерживал связь с Жиенбаевым. Хотя было очевидно, что Жиенбаев сегодня не свяжется с ним, он все же пробыл на приеме около пятнадцати минут. А стрелка часов все двигалась вперед и до условленного часа разговора Жиенбаева с его резидентом оставались считанные минуты.

Когда часы показали без десяти минут час, Ершов подумал было, что либо Жиенбаев не решился сегодня

войти в дом Арбузова, либо ему не удалось добраться до Аксакальска. И вдруг кто-то негромко, но довольно решительно постучал в окно.

Ершов подошел к двери и, не открывая ее, спросил:

— Кто там?

— Товарищ Арбузов тут живет? — услышал он приглушенный голос.

— Тут, — ответил Ершов, инстинктивным движением нащупывая пистолет в кармане брюк.

— Я от Жиенбаева, — продолжал тот же голос. — Поручено мне передать вам письмо и привет от него.

— Входите, пожалуйста, — проговорил тогда Ершов и торопливо открыл дверь.

На улице и в коридоре было так темно, что майор не мог разглядеть, кто стоял перед ним. А посланец от Жиенбаева — или, может быть, сам Жиенбаев — поспешно вошел в коридор и спросил:

— Вы Мухтаров?

— Так точно, — ответил Ершов, чувствуя, как учащенно стало биться сердце.

— Погасите свет во всем доме и проводите меня к радиостанции.

Ершов вошел в дом первым и потушил свет. Затем он провел ночного гостя в комнату, в которой стояла рация, и прикрыл за ним дверь. Спустя некоторое время за дверью послышался глухой торопливый стук ключа радиотелеграфа.

Ершов тотчас же поспешил к входным дверям, которые он оставил открытыми. Осветив карманным фонарем коридор, майор увидел Малиновкина.

— Весь дом надежно окружен, Андрей Николаевич... — срывающимся от волнения шепотом доложил лейтенант.

— Поставьте людей у всех окон, — приказал Ершов. — Сами идите во двор и станьте у среднего окна. Два человека пусть осторожно войдут в дом.

Когда Ершов вернулся в комнату, за закрытой дверью все еще раздавался стук радиотелеграфного ключа. Лишь спустя десять минут стало слышно, как выключили рацию.

— Мухтаров! — раздался повелительный голос.

Майор торопливо вошел в комнату и стал возле выключателя.

— Я сейчас должен уйти, Мухтаров... — продолжал все тот же голос.

Но Ершов, не дав ему договорить, быстро повернул выключатель.

— Нет, никуда вы не уйдете, господин Призрак! — проговорил он громко.

В ярком свете электричества Ершов увидел перед собой средних лет мужчину, одетого в казахский национальный костюм, и тотчас же узнал в нем Темирбека, хотя внешне он был уже совсем другим человеком: исчезло прежнее угрюмое выражение лица, выпрямилась сутулая спина, расправились плечи. Неузнаваемо изменился и голос, но для Ершова не осталось теперь никаких сомнений, что Темирбек и Жиенбаев — одно и то же лицо. Да он и не очень удивился этому. С тех пор как стало известно, что Темирбек поставил мину на тормозной площадке поезда с аммонитом, он допускал такую возможность.

Жиенбаев же, казалось, растерялся на какое-то мгновение и от слов своего «помощника», а еще больше оттого, что увидел стоявших рядом с ним автоматчиков. Но в следующее мгновение неуловимо быстрым движением он вскочил на подоконник и, прикрыв лицо полой широкого халата, высадил плечом оконную раму. Со звоном посыпались во двор осколки стекла, и тотчас же раздался звонкий голос Малиновкина:

— Стой, мерзавец! Теперь-то ты никуда не ускользнешь от нас, хоть ты и Призрак!

1955 г.

«Made in...»

1

— Вы понимаете, что вы говорите? — сердито смотрит на старшину Костенко майор Васин. — Как мог Чукреев подорваться? На чем?

— На чем он подорвался — этого я не знаю, товарищ майор, — хмуро отвечает старшина. — Но факт остается фактом — ефрейтор Чукреев действительно подорвался. Взрыв все слышали, а я собственными глазами видел воронку и... тело...

— Но на чем же все-таки, черт побери? — уже ни к кому не обращаясь, повторяет майор Васин.

А спустя полчаса тот же вопрос задает ему начальник полигона подполковник Загорский.

— Может быть, ваши саперы проводили там занятия и случайно оставили какую-нибудь мину? — строго спрашивает он.

— Ну, как это — мину забыть, товарищ подполковник? Да ведь за это... И потом, кто же проводит занятия с боевыми минами? А взрыв этот вы слышали? Разве рвутся так мины? Я в армии не первый год, не го что по звуку — по запаху вам определю, что взорвалось: гремучая ртуть, азид свинца, тротил, мелинит или даже динитронафталин...

— Что вы мне читаете лекцию по подрывному делу! — раздраженно прерывает майора подполковник. — Вы мне лучше скажите, как это могло произойти? Ваш ефрейтор взорвался ведь на пустом месте, в километре от пусковых установок и стендов, почти в трех километрах от лаборатории и складов. Там не могло быть ничего такого... А не мог он сам притащить туда что-нибудь?

— Об этом не может быть и речи! — решительно возражает майор Васин. — У меня военное подразделение, а не детский сад. И потом, я же докладываю вам: звук взрыва совершенно незнакомый. А ефрейтор Чукреев был дисциплинированным, серьезным сапером.

Подполковник Загорский знает майора Васина давно. Он уважает его, как хорошего специалиста по многим вопросам саперной техники, и ему досадно, что майор не может определить причины взрыва. Мало того, майор почему-то считает, что взорвалось что-то незнакомое, необычное. Этого только не хватало! Может быть, таинственная мина свалилась с неба? Оттуда теперь может упасть все что угодно...

Майор Васин тоже очень расстроен. Это хорошо видно по его помрачневшему лицу. Пожалуй, не нужно было говорить с ним так резко.

Тяжело вздохнув, подполковник Загорский садится за стол, заваленный какими-то схемами и чертежами, устало произносит:

— Бросьте все свои дела и немедленно займитесь этим взрывом. Привлеките всех, кого найдете нужным. Завтра, не позже двенадцати ноль-ноль, я жду вашего заключения.

С шести часов утра и почти до полудня лучшие специалисты по минно-подрывному делу исследуют каждый

квадратный метр участка полигона, где подорвался ефрейтор Чукреев. Прощупывается каждая былинка, просеивается каждая горсточка почвы, подбираются и исследуются все осколки стекла и обломки металла.

А в час дня начальник полигона уже держит в руках акт расследования вчерашнего ЧП. Он перечитывает его дважды. Затем опускает на стол исписанные аккуратным почерком майора Васина листки и задумывается. Он знает, что Васин и его помощники сделали все возможное. Ими подтверждается факт взрыва, но об этом было известно и раньше. Определена и приблизительная температура взрыва по состоянию обгоревшей растительности и оплавленным песчинкам грунта, но ведь это ничего практически не дает. Найдены даже осколки металла, стекла и пластмассы, входившие в состав взорвавшейся «мины», но они настолько мелки, что установить по ним ее конструкцию не представляется никакой возможности. Одним словом, что именно и каким образом взорвалось — по-прежнему остается тайной.

— Значит, все сплошной туман и никаких догадок? — мрачно произносит подполковник Загорский, нервно разглаживая складки на бумаге акта.

— Одно предположение можно сделать все-таки, — не очень уверенно заявляет Васин. — Оно, правда, настолько зыбкое, что я даже не решился внести его в акт...

— Выкладывайте! — мгновенно оживляется Загорский. — А уж я решу — включать его или не включать...

Майор не спеша расстегивает левый карманчик своей гимнастерки, достает аккуратно сложенную бумажку и осторожно разворачивает ее. Загорский видит в складках бумаги какие-то коричневые кристаллики и поднимает на майора удивленные глаза.

— Вы знаете, что это такое? — спрашивает Васин.

Загорский смущенно пожимает плечами.

— Кремний, — почему-то шепотом произносит майор.

— Полупроводник?

— Да. Его кристаллы высокой химической чистоты.

— А не мог он оказаться там случайно?

— Весьма возможно. Мы ведь широко применяем полупроводниковые приборы.

Подполковник Загорский долго ходит по канцелярии, тяжело вздыхает несколько раз и наконец решает:

— Давайте все-таки включим в ваш акт и эту находку.

2

Никогда еще лицо генерала не казалось полковнику Астахову таким суровым, как сегодня. Вот уже несколько минут неподвижно сидит он за своим письменным столом и, не произнося ни слова, внимательно рассматривает какую-то иллюстрированную немецкую газету. Судя по выражению глаз генерала, он не читает текста. Значит, интересуется только фотографиями. Несомненно также, что они тревожат его — он почти не скрывает своего волнения. Такое случается с ним не часто.

Тот, кто плохо знает генерала, может подумать, что он смотрит на эти фотографии впервые. Но Астахов хорошо знает генерала и не сомневается, что он давно уже изучил эти снимки досконально. Астахову неизвестно пока, что на них изображено, но он уже предчувствует неприятности.

— Вот, полюбуйтесь, — произносит наконец генерал, протягивая Астахову газету.

Это западноберлинский «Шварц адлер». Полковник внимательно всматривается в крупный снимок полигона, недоумевая, что тут могло привлечь внимание генерала.

— Обыкновенный полигон ракетного оружия... — медленно произносит он, не отрывая глаз от снимка и все еще надеясь заметить на нем хоть какую-нибудь деталь, ускользнувшую от его внимания.

— Вот именно, — недовольно перебивает его генерал, — самый обыкновенный полигон. Но ведь это же наш советский испытательный полигон «тринадцать дробь три»! Не скажете ли вы, полковник Астахов, каким образом снимок его попал в «Шварц адлер»?

Да, это действительно полигон «тринадцать дробь три». Астахов даже краснеет от досады. Как же он сразу не обратил внимания на хорошо знакомый ему следящий телескоп, смонтированный на поворотном лафете зенитного орудия? Вспоминает он и расположение пусковых установок, испытательных стендов, смотровых вышек.

— Разве не на этом полигоне были вы всего три дня назад? — вскидывает генерал строгие глаза на Астахова.

— Так точно, товарищ генерал. На этом...

— Мало того, — снова перебивает его генерал, — полигон этот сфотографирован именно в тот день, когда вы на нем находились. Ведь на пусковой установке тут изображена ракета «Тау — двадцать один», испытание которой началось тридцать первого июля. Полюбуйтесь-ка на это сами!

Генерал, не глядя на Астахова, достает из стола лупу и протягивает ее полковнику. Астахов отчетливо видит теперь характерные очертания действительно запускавшейся в тот день ракеты «Тау — двадцать один».

— Да-с, — мрачно продолжает генерал, все еще не глядя на Астахова, — пикантная получается ситуация: прославленный контрразведчик, ответственный работник Комитета государственной безопасности, едет проверять состояние секретности испытаний, производимых на полигоне ракетного оружия. Возвратясь, докладывает, что все вполне благополучно, что вражеской разведке не подобраться к полигону и на пушечный выстрел. А тем временем полигон этот кто-то фотографирует как раз в момент запуска новой ракеты.

Астахов лишь сокрушенно разводит руками...

Генерал барабанит по столу кончиками пальцев. Астахов никогда еще не видел его таким взволнованным. Надо бы сказать хоть что-нибудь в свое оправдание, но что? Как могло произойти такое?

— Я пока не требую от вас объяснений, — сухо заключает генерал, — но приказываю немедленно заняться этим делом и не позже понедельника доложить, как это могло произойти.

— Ясно, товарищ генерал...

3

У капитана Уралова еще не иссяк юношеский задор, студенческая ершистость, но полковнику Астахову именно это и нравится в нем. К тому же он очень эрудиро-

ван, этот капитан. В области физики и математики никто из отдела Астахова не может с ним тягаться. Даже инженер-полковник Шахов. Для Астахова просто непостижимо, когда только успевает этот мальчишка читать всю новую литературу. Главное же увлечение капитана — кибернетика. Он ведь защитил недавно кандидатскую диссертацию по теории информации.

— А вот посмотрим, как ты с криптограммами будешь справляться, — задирают Уралова товарищи.

— Времена корпения над криптограммами вообще уже миновали, — немедленно парирует капитан. — Этим с гораздо большим успехом занимаются теперь вычислительные машины.

Не задумывается он и над вопросом: все ли посильно электронным устройствам?

— Почти все! С простыми кодами вообще не может быть никаких затруднений. Подобные задачи электронные машины решают, опираясь на статистические свойства текстов. В случае же сложных кодов, в которых для изменения статистической структуры используются таблицы случайного набора символов, расшифровка ведется пробами на разных кодах. При колоссальных скоростях современных счетных машин это не занимает много времени.

Говорить о вычислительных машинах, о теории информации и о математической логике капитан может в любое время дня и ночи. Но сегодня, к удивлению Астахова, он молчалив. Вот уже второй час едут они в отдельном купе скорого поезда, а Уралов не обмолвился еще ни единым словом, если не считать кратких ответов на вопросы полковника.

— Что это вы такой мрачный сегодня? — с любопытством спрашивает Астахов, хотя и у самого настроение неважное. — Рассказали бы что-нибудь новенькое... Выяснилось наконец, могут ли «электронные мозги» быть совершеннее человеческих?

Капитан вздыхает.

— Не ожидал я, Анатолий Сергеевич, что и вы будете надо мной подшучивать...

— А я и не шучу вовсе. С чего это вы взяли? Я ведь тоже физиком себя считаю. Во всяком случае — учился когда-то на физико математическом.

— Знаю я это, — недовольно бурчит Уралов. — Потому и удивляюсь, что вы мне такие банальные вопросы задаете...

— Ну ладно, ладно, — смеется Астахов. — Мне не нравится только, что вы такой хмурый сегодня.

— Почему же хмурый? — пожимает плечами Уралов. — Просто не хочется надоедать. Знаю — вам теперь не до меня.

— Слыхали, значит, о наших неприятностях?

Капитан молча кивает.

Полковник высовывается в окно, подставляя голову встречному ветру. За окном непроглядная ночь, лишь цепочки электрических фонарей четким пунктиром прочерчивают улицы невидимого поселка.

Вспоминая недавний разговор с генералом, полковник молча стоит некоторое время у окна, потом, повернувшись к капитану, спрашивает:

— А вы не очень довольны, кажется, что я вас от лаборатории вашей оторвал?

— Можно мне тоже задать вопрос?

— Пожалуйста.

— Могу я узнать, с какой целью вы сделали это?

— Просто так. Решил, что вам не мешает проветриться.

Капитан смотрит на Астахова долгим, недоверчивым взглядом. Говорит задумчиво:

— А Шахов сказал, что вы хотите на оперативную работу меня перевести...

— А если бы и так?

Теперь высовывается в окно капитан и, не отвечая Астахову, долго всматривается в ночную тьму. Она беспросветна — ни огонька на земле, ни звездочки в небе. Поселок с бусинками электрических лампочек остался где-то позади, и не понять уже, что там во тьме — поля или леса. А поезд все мчит вперед, не сбавляя хода даже на станциях. Сильно бьет в лицо встречный ветер, принося с собой запах паровозного дыма.

Астахов терпеливо ждет. Он догадывается, почему капитан так медлит с ответом.

— Неспособен я к оперативной службе, товарищ полковник, — скучным голосом произносит наконец Уралов.

— Неспособны или не имеете желания?

— Могу я быть с вами откровенным, Анатолий Сергеевич? — резко поворачивается к нему Уралов и, не ожидая ответа, взволнованно продолжает: — Не в оперативной работе дело — вообще все нужно по-другому... Не то время! И не улыбайтесь, пожалуйста, я знаю, что вы мне возразите. Я ведь не против той работы, которую вы называете оперативной. Нужна и она... Но нужно быть готовыми и к новым формам разведки и контрразведки. Время подвигов Вильгельма Штибера и Мата Хари — далекое прошлое. Мы живем в век термоядерного оружия, космических полетов, электронных машин. Все теперь иного масштаба, иного качества, иных возможностей...

Полковник слушает, не перебивая и не удивляясь, — ему ясно, куда клонит капитан. А Уралов, опасаясь, что его могут прервать, не дослушав, сыплет торопливые и не очень складные слова:

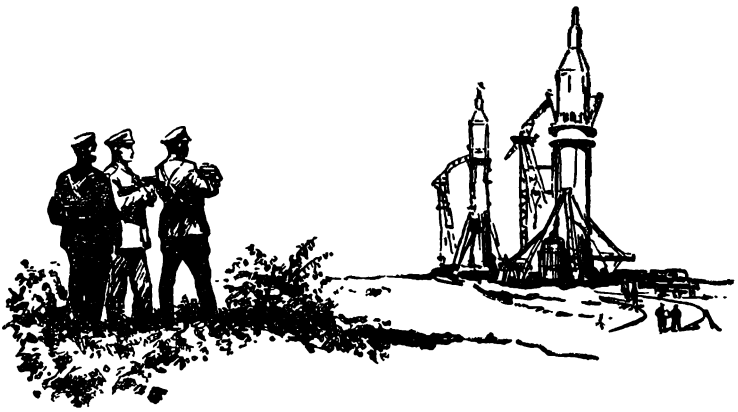
— Повторяю — пока нужны все формы. И те, у кого есть способности, а может быть, даже талант контрразведчика старой школы, пусть продолжают... Но ведь меня учили на физико-математическом, а потом в аспирантуре, я кандидат наук, — зачем же и меня на это?..

— Теперь только вижу, как мудро я поступил, взяв вас с собой, — добродушно смеется Астахов. — Засиделись вы в лабораториях и современную оперативную работу представляете себе, видимо, по библиотечке военных приключений. Надеюсь, что поездка наша поможет вам кое в чем разобраться. Ну, а теперь спать!

4

Больше всего беспокоит подполковника Загорского то обстоятельство, что полковник Астахов ничего ему не объясняет, хотя совершенно очевидно — приехал он неспроста. Неужели в прошлый раз не понравилось ему что-то на полигоне?

Действует ему на нервы и этот долговязый капитан Уралов. Скептически смотрит он на все прищуренными глазами и хотя бы слово вымолвил.



Они обходят те же самые объекты, которыми интересовался Астахов в свой первый приезд. А когда полковник спрашивает у капитана время, Загорский вспоминает, что именно в этот час Астахов осматривал полигон неделю назад. Случайно ли такое совпадение? У Загорского и так много неприятностей сегодня, а тут еще эта головоломка...

Удивляет Загорского и то обстоятельство, что полковник вдруг останавливается именно на том месте, на котором они неожиданно заспорили в прошлый раз. Загорскому хорошо запомнилось, что разговаривали они тогда о книге летчика Уильяма Бриджмэна «Один в бескрайнем небе». Полковнику она нравилась, а Загорского оставила равнодушным. Неужели и теперь Астахов будет расхваливать эту книгу?

Но нет, не похоже что-то, чтобы полковник собирался продолжить прежний спор. Осмотревшись по сторонам, он достает из своей полевой сумки иностранную газету. Развернув ее, пристально всматривается в какую-то фотографию. Похоже, что и капитан Уралов не понимает, в чем дело, — он смотрит на Астахова с явным недоумением.

— Как по-вашему, — обращается к нему полковник, протягивая газету, — откуда мог быть сделан этот снимок?

Загорский, заглядывая через плечо капитана, видит на снимке свой полигон в момент запуска ракеты «Тау-21». Ничего не понимая, он почти вырывает газету из рук капитана, но полковник решительным движением отбирает ее и возвращает Уралову.

— Потом посмотрите, товарищ Загорский. Пусть капитан ответит сначала на мой вопрос.

Уралов внимательно рассматривает снимок. Конечно, сделать его можно было только на виду у всех со стороны поля, совершенно голого до самого горизонта.

— Итак?..

— Фотографировали метров со ста — ста пятидесяти... Вон примерно с той точки, — кивает капитан в сторону ромашек, украшающих макушку небольшого холмика.

— Ну, а если с помощью телеобъектива?

— В этом случае съемку можно было бы вести с расстояния трехсот и даже четырехсот метров. Но опять-таки на виду.

— Да, тут действительно все как на ладони, — подтверждает подполковник Загорский. На продолговатом, сухощавом лице его не только удивление, но и явный испуг. — Я хорошо помню тот день. Было тут тогда то же, что и сейчас, — ни единой души и ни единого предмета в поле. Ума не приложу, как в таких условиях смогли сфотографировать мой полигон...

А капитан уже мерит поле своими длинными ногами. Ходит взад и вперед возле холмика, на котором растут ромашки. Опускается даже на колени, ощупывает траву вокруг.

— Вы, конечно, понимаете мое положение, товарищ полковник, — оправдывается Загорский. — Я ведь...

— Да, я понимаю, — перебивает его Астахов, — потому и не спрашиваю вас ни о чем. Этого никто пока не может объяснить. Или, может быть, вы рассеете наше недоумение? — обращается он к подошедшему капитану.

— Нет, я тоже ничего пока не понимаю, — признается Уралов.

— Тогда сфотографируйте, пожалуйста, общий вид полигона, — просит полковник Астахов, передавая капитану немецкую газету. — Постарайтесь, чтобы снимки

были в таком же ракурсе, как и на фотографии, помещенной в этой газете.

— Есть, товарищ полковник! — прикладывает руку к козырьку фуражки капитан Уралов. — Позвольте мне также обследовать некоторые участки полигона.

— Делайте все, что найдете необходимым, — разрешает Астахов и поворачивается к подполковнику: — А вы, товарищ Загорский, учтите, что вашу технику и все ваши действия на полигоне кто-то тайно фотографирует в любое время дня, а может быть, и ночи.

5

Инженер-полковник Шахов несколько лет подряд давал себе слово заняться «приведением в порядок своего фюзеляжа». Он имел в виду ежедневную физзарядку и регулярные занятия спортом. Конкретно — теннисом. Составлялись программы максимум и минимум, ни одна из коих не была осуществлена. Мешали этому и чрезмерная занятость, и некоторые другие обстоятельства, главным же образом — элементарная леность. А когда перевалило за пятьдесят, Шахов вообще махнул на все рукой, стал только китель заказывать попросторнее.

Лишний вес между тем все чаще давал себя знать. Сказывалось это не только на работе сердца, но и на нервах.

Поэтому-то скверное настроение, не покидавшее его в последние дни, Шахов был склонен приписывать своей тучности.

Скверно у него на душе и сейчас. Изнемогающий от жары и усталости, вот уже более получаса лежит он на диване и хмуро смотрит в потолок. Весь день сегодня пришлось нервничать, доказывая свою точку зрения, а зачем? Если полковник Астахов намерен больше считаться с фантастическими теориями капитана Уралова, а не с его, Шахова, опытом, то какой смысл во всех этих спорах? Нужно, пожалуй, пойти к самому генералу и доложить ему свою точку зрения...

Уралов, конечно, толковый малый. Начитанный, знающий. Но зачем же быть еще и фантазером? Он

воображает, что вражеская агентура оснащена чуть ли не карманными электронными машинами, и не сомневается, что испытательный полигон ракетного оружия фотографировался какими-то кибернетическими средствами. Практика показывает, однако, что вражеские агенты великолепно обходятся и обыкновенным фотоаппаратом. А то, что им удалось сфотографировать не только полигон, но и самого полковника контрразведки Астахова, это уж результат сноровки агента, производившего съемку. Вот послушаем завтра, что скажут эксперты, изучавшие эти снимки, тогда и будем делать выводы...

Но ждать до завтра не приходится. Раздается звонок, и Шахов слышит веселый голос полковника Астахова:

— Извините, что беспокою вас так поздно, Семен Ильич, но экспертиза уже готова, эксперты у меня, а за вами послана машина.

Приходится вставать с уютного дивана, и весьма вероятна перспектива снова провести всю ночь без сна. А ведь вчера и позавчера было то же самое. Другой бы похудел от такой жизни и безо всякой физкультуры...

Машина приходит через десять минут. Шахов, ждавший ее на улице, молча распахивает дверцу и тяжело плюхается на заднее сиденье.

Конечно, эксперты доложат что-нибудь такое, что подтвердит точку зрения Уралова, в противном случае Астахов не стал бы так торопиться. Будет, видимо, допущено, что вражеская разведка использует какую-то новую аппаратуру. А как они завезли ее к нам? Разве над этим кто-нибудь из наших «поборников нового» задумывается? Все буквально загипнотизированы этими самонастраивающимися, самообучающимися и, кажется, даже самомонтирующимися кибернетическими машинами, для коих будто бы все возможно...

«Физики и лирики», — невольно вспоминает Шахов заголовки недавних дискуссионных статей и задает себе вопрос: «А я-то кто же: физик или лирик?» — И усмехается: «Лирик, наверно. Лирик испытанных старинных методов разведки и контрразведки. Ну что ж, послушаем теперь физиков и не станем без особой

нужды омрачать их нашим скептицизмом. Любопытно, однако, чем, кроме смутных догадок, подтвердят они свою точку зрения?..»

6

У Астахова действительно все уже в сборе. Спокойно сидят в его кабинете и пьют чай. Полковник умеет проводить свои совещания в почти домашней обстановке.

— Угощайтесь, Семен Ильич, — протягивает он чашку инженер-полковнику. — И начнем, пожалуй. Прошу вас, товарищ Павлов.

Майор Павлов, худощавый, подтянутый, — типичный штабной офицер. В компетентности его у Шахова нет ни малейших сомнений. В вопросах фототехники он непререкаемый авторитет. Не торопясь, монотонно читает майор машинописный текст заключения экспертов, из которого следует, что все снимки полигона ракетного оружия сделаны... не фотоаппаратом! Далее следует длинное объяснение причин такого заключения.

Все действительно может быть и так, но кое-что можно толковать по-иному. И Шахов столь же неторопливо, как и Павлов, принимается излагать свои возражения. А капитан Уралов со скучающим видом пьет чай. Астахов краем глаза наблюдает за ним. Бесстрастие капитана кажется ему напускным. Не может он оставаться равнодушным к тому, что говорит Шахов. Окажись прав инженер-полковник — гипотеза Уралова потеряет весь смысл...

— Ну хорошо, — спокойным голосом замечает наконец капитан, как только умолкает Шахов, — допустим, что вы правы и снимки нашего полигона действительно сделаны обычным аппаратом. Когда они в таком случае могли попасть в редакцию западноберлинской газеты «Шварц адлер»?

Шахов молчит, прикидывая что-то в уме, а Уралов продолжает после небольшой паузы:

— Нам ведь известно, когда они были сделаны. Было это тридцать первого июля примерно в четыре часа дня. Известно нам и время выхода из печати западноберлинской газеты.

— Мы действительно можем точно все подсчитать, — оживляется и Астахов, поняв мысль Уралова. — Вот газета «Шварц адлер». На ней стоит дата первого августа.

— Значит, с момента съемки до выхода этой газеты из печати времени было не более суток, — все тем же спокойным голосом заключает Уралов. — Мог ли тот, кто производил эту съемку, преодолеть расстояние более чем в три тысячи километров в течение двадцати четырех часов?

Для Шахова уже ясно, что его точка зрения неверна, но он все еще не хочет сдаваться.

— А почему бы не допустить, что агент, производивший съемку, покрыл это пространство самолетом? — спрашивает он, поворачиваясь к Астахову и избегая пристального взгляда Уралова.

— На каком самолете? — пожимает плечами полковник Астахов. — Не на собственном же?

— Я имею в виду обычный самолет ближайшего аэродрома.

— Ну что ж, — одобрительно кивает Уралов, — нужно обсудить и такую возможность. Так как военным самолетом тайный агент явно не мог воспользоваться, ему, следовательно, нужно было преодолеть расстояние до ближайшего гражданского аэродрома, равное примерно двумстам километрам. Создадим ему для этого наиболее благоприятные условия и посадим его на попутную машину. На такую поездку по местным дорогам ушло бы не менее трех часов. На аэродром он прибыл бы, значит, не раньше семи вечера. На запад в это время не летит ни один самолет — последний отправился в три часа дня, ближайший уходит только в четыре утра. А в четыре утра — это уже первое августа. Мог ли он в оставшееся время...

— Нет, не мог, — перебивая Уралова, заключает Шахов и поднимает руки. — Я капитулирую и готов принять версию капитана Уралова. Однако теперь мне хотелось бы услышать, как он ее аргументирует.

Заметив, что победитель не злорадствует и не торжествует, Шахов смотрит на него уже без предубеждения. Сам бы он не упустил случая поддеть капитана.

Все теперь поворачиваются к Уралову, который мелкими глоточками не спеша пьет чай.

— Аргументы? — спрашивает он, ставя свою чашку на блюдце. — Разве и без того не очевидно, что мы имеем дело с каким-то электронным устройством?

— Это догадки или есть конкретные доказательства? — щурится инженер-полковник Шахов.

— А помните таинственный взрыв на полигоне у Загорского?

— Это когда погиб ефрейтор?

— Да, ефрейтор Чукреев.

— Но ведь когда это было! — пренебрежительно машет рукой Шахов. — Почти полгода назад.

— Зачем же полгода — всего три месяца. Но то, что тогда было непонятно, теперь предстает совсем в другом свете. Помните кристаллики кремния, найденные майором Васиным на месте взрыва таинственной мины?

— Вы полагаете, следовательно...

— Вот именно. У меня нет никаких сомнений в том, что тогда взорвалось устройство, которое вело передачи с нашего полигона. И это устройство было электронным, на полупроводниках, о чем свидетельствуют крупинки чистейшего кремния.

— Допустим, что это действительно так, — не очень охотно соглашается инженер-полковник. — А каков, по-вашему, его внешний вид?

Капитан задумчиво смотрит некоторое время в темный прямоугольник окна, потом берет синий карандаш из деревянного стакана, стоящего на письменном столе Астахова, и торопливо набрасывает на листе бумаги какие-то эскизы.

— Внешний вид его может быть какой угодно. Такая вот танкетка, например. Или подобие приплюснутого шара-сфероида. Весьма возможно даже, что эта штука сама, автоматически, так сказать, окрашивается под цвет окружающей местности.

— Обладает своеобразной мимикрией?

— Да, нечто в этом роде, — утвердительно кивает капитан.

«Принципиально это, конечно, возможно», — мысленно соглашается с ним Шахов. Вслух он спрашивает:

— Ну хорошо, допустим, что такая управляемая на расстоянии замаскированная танкетка действительно вкатилась на один из наших полигонов. А как же она передает изображение? Вы, конечно, ответите: с помощью телевидения. Допускаю и это, но как? Размеры ее не могут быть велики. Где же она берет энергию для передач? Ведь телепередачи требуют огромных затрат энергии...

Шахов задал Уралову вопрос, который интересует всех. И эксперты, давно уже забывшие о своем чае, и полковник Астахов — все выжидательно смотрят на капитана. Этот пункт его гипотезы кажется им особенно уязвимым.

— Я не думаю, что «электронный шпион» ведет обычную телепередачу, — задумчиво произносит капитан. — На это действительно потребовалось бы слишком много энергии. Видимо, тут найдено какое-то иное решение. Современная теория информации дает возможность выработать очень простые, экономные коды. С помощью таких кодов любую информацию, в том числе телевизионную, можно передать в сжатом виде в течение нескольких секунд. А телевизионные приемники, расшифровав ее, воспроизведут затем на своих электронно-лучевых трубках в натуральных масштабах времени.

— Дело тут, значит, в статистическом составе информации? — спрашивает Астахов, имеющий некоторое представление о теории связи.

— Да, конечно, — кивает Уралов и наливает себе еще чашку чая. — Несмотря на необычайную сложность статистического состава телевизионной информации, она все же поддается исследованию методами общей теории связи. Информацию эту можно измерить, установить наименьшее количество единиц для ее передачи и подыскать для них наиболее экономные коды.

— М-да, — задумчиво произносит Шахов, отодвигая пустую чашку. — Не очень конкретно, конечно, но вполне вероятно.

— Значит, можно начать поиски «электронного шпиона»? — спрашивает Астахов.

— Полагаю, что можно, — отвечает Шахов.

7

Казалось бы, кроме капитана Уралова, некого было послать на такое задание, и все-таки полковник Астахов не очень уверен — правильно ли он поступил, послав именно его. Капитану придется ведь иметь дело не только с техникой. За этой техникой — люди, опытные разведчики врага. Как-то он справится с этим? А тут еще Шахов смотрит весь день укоризненным взглядом. Надо поговорить с ним об этом...

— А вы бы кого послали? — безо всяких предисловий спрашивает Астахов инженер-полковника.

Шахов молчит, раздумывая. Кроме Уралова, послать на такое дело действительно некого...

— Я, собственно, не против Уралова, — говорит он наконец. — Но надо бы не одного. Я бы вместе с ним обязательно кого-нибудь из опытных оперативных работников послал. Одному ему трудно будет. Он ведь неопытен в делах оперативного характера. Да и точка зрения у него слишком уж...

Не закончив мысли, Шахов широко разводит руками и замолкает.

— А вы, значит, не разделяете этой точки зрения?

— Не вполне, — признается Шахов. — Она отрывает его от сегодняшнего дня, от повседневной практики нашей работы, хотя и выглядит весьма прогрессивной. Но вы не думайте, что я совсем уж погряз в будничной работе. Я слежу и за всем новым. Допускаю даже теоретическую возможность телеграфной передачи человеческого тела, высказанную Норбертом Винером.

Он произносит это без улыбки, и не легко понять, шутит он или говорит серьезно.

— Представляю себе, как усложнится работа контрразведок, — усмехается Астахов, — если тайных агентов начнут забрасывать таким способом. К счастью, сам же Винер опровергает такую возможность. Любое «развертывание» организма должно ведь представлять собой процесс прохождения электронного луча через все его клетки. А это неизбежно разрушит живые ткани, и если кому-нибудь удастся «протелеграфировать» в наш адрес тайного агента, мы получим лишь его труп. А мертвый агент не так уж страшен.

Оба смеются. Потом Шахов замечает задумчиво:

— Может быть, и к лучшему, что Уралов поехал один. Это приучит его к самостоятельности.

— А в существование «электронного шпиона» вы верите?

— Весьма возможно, что он и существует, — уклончиво отвечает инженер-полковник. — Во всяком случае, современная техника дает возможность осуществить разведку подобным образом. Но даже если это и так, не сомневаюсь, что это всего лишь эксперимент. Основные методы разведки, конечно, все те же. Они себя еще не изжили.

— Согласен с вами. Но согласитесь и вы, что прежними методами агентурной разведки работать становится все труднее и труднее. Секреты современных лабораторий и испытательных полигонов уже не получишь так просто, как получала их в свое время «Филд информейшн эдженси текникал».

— О, эту офис я хорошо помню! — смеется Шахов. — Ее руководитель полковник Путт еще в сорок шестом хвастался, что ему было доставлено из Германии двести тридцать тонн документов и около трех тысяч тонн оборудования.

Мог бы и Астахов рассказать кое о чем, с чем сталкивался за время своей долгой работы в контрразведке. О том, например, что директор Американского Национального фонда Уотерман проговорился как-то, что усовершенствование радара, атомной бомбы, реактивных самолетов и пенициллина осуществлялось в Соединенных Штатах на основе иностранных открытий и исследований, к которым американцы имели легкий доступ. Но не Шахову же сообщать об этом! Его такими фактами не удивишь. Он знает их побольше, пожалуй, чем сам Астахов.

— Научно-технической разведке, — продолжал между тем инженер-полковник, медленно прохаживаясь перед Астаховым, — и сейчас предписывается уделять наибольшее внимание сбору информации в области ядерной физики, электроники, аэродинамики сверхзвуковых скоростей и ракетной техники. Добывать эти сведения будут они, конечно, всеми методами — и новыми, и старыми, так что работы хватит даже таким консерваторам, как я, — заключает он с усмешкой.

8

Загорский беседует с Ураловым уже около часа и не перестает удивляться странным вопросам капитана. Уралов спрашивает о вещах, не имеющих, казалось бы, ничего общего с фотографированием полигона. Заинтересовался вдруг происшествиями. Просит перечислить все, что произошло на полигоне за последние три месяца.

Можно было бы посмотреть рапорты дежурных по полигону, но Загорский и без них отлично помнит все мало-мальски значительные события за весь год. А так как угадать, что именно нужно капитану Уралову, почти невозможно, начинает перечислять все подряд.

Некоторое время капитан сосредоточенно слушает и вдруг задает вопрос:

— А почему вы не говорите о происшествии с ефрейтором Чукреевым?

— Так ведь мы же донесли вам об этом.

— Меня интересуют подробности.

— Какие же подробности? — удивляется Загорский. — В донесении я достаточно подробно изложил, как было дело.

— Да, вы действительно подробно изложили, но лишь техническую сторону дела, — уточняет Уралов. — А меня интересует ефрейтор Чукреев. Можете вы сообщить что-нибудь о нем?

Загорский задумывается, вспоминая погибшего ефрейтора, потом решает:

— Пригласим лучше старшину Костенко.

Старшина является через несколько минут. Узнав, чем интересуется капитан, принимается рассказывать биографию Чукреева.

— Этого сейчас не требуется, товарищ старшина, — останавливает его Уралов. — Меня интересует пока лишь последний день его жизни. Видели вы его в тот день? Что он делал, где был? Нес службу или отдыхал? Как оказался в том месте, где произошел взрыв?

— Под вечер это было, товарищ капитан, уже после занятий. Я его тогда по делу одному к связистам посылал. Потом отпустил отдыхать. Ушел он от меня, а минут через десять грохнул взрыв...

— А куда ушел и, главное, зачем?

— Ну, куда — это ясно теперь. Туда, где подорвался. А вот зачем, этого он прямо мне не сказал. Только так, в шутку, наверно, обронил: «Ежа побегу ловить, товарищ старшина».

— И все?

— Да, все. А уже потом от младшего сержанта Егорова я узнал, что он и ему пообещал ежа поймать. И это все. Больше никто его не видел и не слышал.

— Ну, а как вы поняли эти его слова о еже?

Старшина пожимает плечами.

— Может, он действительно ежа в поле заметил, когда от связистов возвращался, товарищ капитан, да вот... так и не поймал...

...В полночь капитана Уралова вызывает к телефону полковник Астахов.

— Какие у вас успехи? — спрашивает он капитана.

— Кое-что проясняется, — неопределенно отвечает Уралов.—Похоже на то, что «штука», которой мы интересовались, действительно кончает жизнь «самоубийством», как я и предполагал.

Некоторое время в трубке слышится лишь сухое потрескивание электрических разрядов, а когда капитану начинает казаться, что Астахов его не понял, снова раздается голос полковника.

— Чем подтверждается подобное предположение?

— Подробностями гибели ефрейтора Чукреева.

— Значит, «общение» с этой «штукой» небезопасно?

— Да, в какой-то мере.

Снова молчание, на этот раз более короткое. Затем строго, почти в форме приказа:

— Будьте в таком случае предельно осторожны. Зря не рискуйте.

9

Командир подразделения связистов старший лейтенант Джансаев, к которому заходит капитан Уралов, очень молод. Он внимательно слушает капитана, не сводя с него пристального взгляда. Скуластое, смуглое

лицо его сосредоточенно, черные, слегка раскосые глаза прищурены.

— Нет, не было за это время ничего такого, — уверенно говорит он. — Ни одной подозрительной передачи. У нас хорошая аппаратура, непременно бы засекли.

— Ну, а если не передачи? Сигналы какие-нибудь? Или просто помехи? Что-то мешающее вашим передачам?

— Такие помехи были, конечно, — почему-то смущенно признается Джансаев. — На ультракоротких принимались одно время подозрительные импульсы.

— Так что же вы не донесли нам об этом? — удивляется Уралов. — Разве вы не знаете инструкцию?

— Знаю. И донести собирался. Но ведь все это через начальство идет. Через подполковника Загорского. А он прочитал мое донесение и говорит: «Зачем панику поднимать? Еще раз проверить надо». Стали проверять, а импульсы больше не повторились. Получилось, вроде я придумал все это. Распекал меня потом подполковник. «Хотите, говорит, чтобы опять у нас ЧП было?..»

— А долго эти импульсы длились?

— Секунд десять примерно.

— Вы их один раз засекли?

— Нет, два раза, и все в одно и то же время.

Капитан задумывается, прикидывая что-то в уме, а Джансаев, помолчав немного, добавляет:

— Как хотите, а я все-таки убежден, что это не случайность.

— Интуиция или есть еще какие-нибудь факты? — серьезно спрашивает капитан, хотя Джансаеву почему-то кажется, что он шутит.

— Есть и факты. Примерно в то же время на экранах местных телевизоров появлялись помехи. В течение нескольких секунд два или три дня подряд корежилось на них изображение, хотя никаких естественных причин к тому не было.

— Во всех телевизорах?

— Нет, не во всех, а лишь в определенном секторе. Я специально опрашивал владельцев телевизоров не только нашего военного городка, но и рабочего поселка в тридцати пяти километрах от нас.

Сообщение это еще более настораживает Уралова. Он

достает свой блокнот и, торопливо набросав на нем расположение полигона, военного городка и рабочего поселка, протягивает старшему лейтенанту авторучку:

— Изобразите на этой схеме хотя бы приблизительные очертания сектора, в котором обнаруживались телевизионные помехи. Из какой примерно точки исходили его радиусы?

— Точно я не укажу, но приблизительно точка эта могла быть где-то вот тут. — И он не очень уверенно чертит на блокноте капитана две линии, исходящие из точки, находящейся в районе стартовой площадки полигона. — Я догадываюсь, товарищ капитан, почему вас это интересует, — замечает он, возвращая Уралову авторучку. — Едва ли, однако, стал бы кто-то вести свои передачи на диапазоне волн нашего телевидения. Да и никакого изображения, кроме помех, в те дни никем замечено не было.

«И не могло быть, — думает Уралов. — Там ведь иной принцип передачи. Она шифрованная, потому и не страшно вести ее на любых ультракоротких волнах».

— То, что вы рассказали, — говорит он вслух, — чрезвычайно важно для нас. Кстати, когда это было?

— Примерно четыре месяца назад. После вообще не замечалось ничего подозрительного.

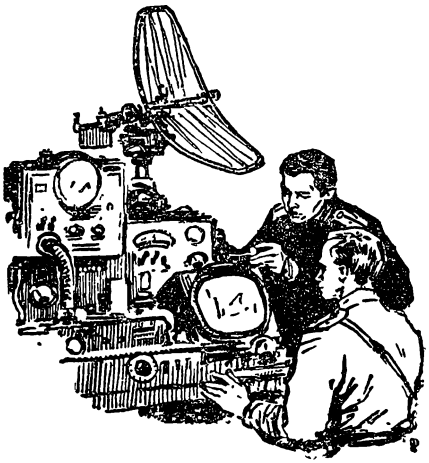
10

На другой день, запросив телеграммой у инженер-полковника Шахова пеленгатор ультракоротких волн, Уралов направляется в радиомастерскую старшего лейтенанта Джансаева. Внимательно осмотрев ее оборудование, особенно установки для обнаружения ультракоротковолновых передач, он с трудом скрывает свое разочарование. Старший лейтенант, ревниво наблюдающий за выражением его лица, обиженно замечает:

— Это вы зря, товарищ капитан. Такую радиомастерскую, как у нас, разве только в штабе округа найдете...

— А я разве сказал о ней что-нибудь плохое?

— Зачем же говорить, и так видно...



— Ишь какой обидчивый! — смеется капитан. — Мастерская у вас хорошая, а вот пеленгаторы УКВ неважные. Такими трудновато кого-нибудь обнаружить.

— Но ведь обнаружили же! Я, правда, и сам в этом немного сомневался — аппаратура у нас действительно не очень совершенная. Но теперь, после этих снимков нашего полигона, попавших в иностранную газету, ручаюсь, что засекли мы тогда какую-то шпионскую передачу. Может быть, попробуем еще раз поохотиться?

Хотя капитан Уралов ненамного старше Джансаева, старший лейтенант заметно робеет перед ним. Он знает, что Уралов кандидат наук, и это кажется Джансаеву недосягаемой степенью учености. Он почти не сомневается, что капитан непременно высмеет его. Но Уралов, видя, что Джансаеву очень хочется хоть чем-нибудь ему помочь, неожиданно соглашается:

— Ну что же, давайте попробуем. Думается мне только, что тот аппарат, с помощью которого велась засеченная вами передача, погиб, как только его обнаружил ваш ефрейтор.

— А разве ефрейтор его обнаружил? — удивляется Джансаев, и черные глаза его становятся совсем круглыми. — Это ведь Чукреева имеете вы в виду? Прямотаки не верится! Думали же, что мина... А это, значит, передающий аппарат какой-то?

— Да, кибернетическое существо, — улыбаясь, поясняет Уралов. — Электронное устройство с элементами функций, имитирующих нервную систему. Оно заключено, видимо, в маленькую танкетку или в шар, свободно перекатывающийся с места на место...

— Похожий на ежа? — не сдержавшись, перебивает

Уралова Джансаев. Теперь только понял он наконец связь между гибелью ефрейтора и «электронным шпионом».

— Да, весьма возможно, что оболочке заброшенного к нам электронного устройства придана форма ежа — типичного обитателя степной полосы. Отличная маскировка!

— А почему же этот «еж» взорвался при встрече с Чукреевым?

— Похоже, что он покончил «самоубийством». Взорвался, чтобы скрыть тайну своего устройства. В связи с этим новый «еж», наверно, не ведет больше передач ни на одной из прежних волн коротковолнового диапазона.

— Вы думаете, что гибель ефрейтора их насторожила?

— Гибель не ефрейтора, а «ежа». О ефрейторе они, пожалуй, и не подозревают даже.

Чувствуя, что Джансаев его не понял, Уралов объясняет подробнее:

— Приемная телевизионная камера «ежа» работает, видимо, не все время, а периодами, в целях конспирации и экономии энергии.

— А все заснятые ею кадры тотчас же передаются?

— Едва ли. Скорее всего, они хранятся в запоминающем устройстве «ежа» до тех пор, пока он не получит радиокоманду о посылке их в эфир остронаправленной антенной.

— Почти так же, значит, как при приеме информации с наших искусственных спутников? Там она тоже хранится либо в кратковременной, либо в долговременной «памяти», — пользуется случаем Джансаев продемонстрировать свою осведомленность в вопросах современной техники связи.

— Да, принцип, видимо, один и тот же, — соглашается Уралов.

— Ну, а если информация с «ежа» передается какое-то время спустя после происшедшего события, кто же подал «ежу» сигнал, что ему грозит опасность? — любопытствует Джансаев, щуря свои раскосые глаза.

— А никто. В такой ситуации некогда ждать команды. Тут необходимо немедленное действие. Это, конечно,

учли конструкторы «ежа». Решить же такую проблему нетрудно. Достаточно для этого снабдить «ежа» фотоэлементом, а уж он мгновенно включит взрывное устройство, как только «ежу» будет угрожать опасность. По такому принципу действовали многие минные устройства еще в ту войну.

— А те, кто послал к нам «ежа», так и не знают, что с ним произошло?

— Если бы он не покончил «самоубийством», блок его «памяти» проинформировал бы их потом, как за ним наш ефрейтор охотился. Не зная же этого, они могли предположить, что «еж» был обнаружен, скорее всего, с помощью пеленгаторов. В связи с этим их новый «электронный шпион», наверно, ведет теперь передачи на каких-то других волнах и в иное время.

— Но на метровых все-таки?

— Почему же? Может быть, и на дециметровых или даже на сантиметровых.

В тот же день Уралов с Джансаевым пытаются запеленговать «ежа» на дециметровых и сантиметровых волнах. На это уходит весь вечер и значительная часть ночи. Все, однако, оказывается безрезультатным.

— Видно, действительно слишком маломощна моя техника, — вздыхает Джансаев, печально глядя на свои пеленгаторы.

11

Утром неожиданно приезжает Шахов с несколькими сотрудниками своей лаборатории. Не ожидая вопросов Уралова, кратко объясняет причину приезда:

— Дана команда — разобраться во всем в самый кратчайший срок. Что тут у вас нового?

Уралов лаконично докладывает обстановку.

— Все, значит, на том же месте, — разочарованно вздыхает Шахов, пухлыми пальцами набивая трубку душистым табаком. — Ничего конкретного, одни догадки...

Заметив удивленный взгляд капитана, обращенный на трубку, инженер-полковник смущенно улыбается:

— Пятнадцать лет не курил и вот снова... Может быть, поможет от излишеств избавиться.

Он похлопывает себя по животу и добавляет со вздохом:

— А ведь когда-то и я таким же стройным был, как вы... Ну-с, а теперь за дело!

С помощью приехавших с Шаховым техников капитан Уралов к полудню налаживает привезенные пеленгаторы. К работе приступают тотчас же. Разбившись на три группы, все рассаживаются по машинам, предоставленным подполковником Загорским в распоряжение Уралова, и разъезжаются по полигону.

Капитан работает со старшим лейтенантом Джансаевым. Этот любознательный смышленый офицер нравится капитану. Льстит ему и то, что Джансаев прочел почти все его статьи о применении кибернетики в военном деле. Он о многом спрашивает Уралова, задавая то наивные, то неожиданно серьезные вопросы, свидетельствующие о живом уме. А капитан рад случаю поговорить о своем любимом предмете.

Они разговаривают весь день, не спуская глаз с экрана осциллографа. Но экран не регистрирует ни единого импульса. К вечеру капитан мрачнеет.

— Это ничего, — успокаивает его Джансаев. — Вы же сами говорили, что «он» передает не непрерывно, а по чьей-то команде. Я даже думаю, что в целях наибольшей скрытности передачи эти ведутся не более одного-двух раз в сутки. Так что придется набраться терпения.

Капитан Уралов связывается по радио с инженер-полковником Шаховым и инженер-капитаном Серегиным. У них тоже никаких успехов.

— Вы полагаете, что нужно подежурить еще и ночью? — спрашивает Шахов.

— Непременно, —убежденно заявляет Уралов. — Ночью-то и может все произойти...

— Ну если вы в этом так уверены, попробуем, — без особого энтузиазма соглашается инженер-полковник. — Хотя, сказать вам по правде, я бы с гораздо большим удовольствием провел ночь в постели.

— Тогда вместо вас можно кому-нибудь из ваших техников это поручить.

— Нет, нет, зачем же! Я ведь похудеть собираюсь, — смеется Шахов.

Но и ночь не приносит успеха. На рассвете все собираются в штабе Загорского. Капитан все еще бодрится, а инженер-полковник совсем приуныл. Вид у него какой-то помятый.

— Поручим это дело связистам, — устало говорит он. — Вы только хорошенько проинструктируйте их. А нам пора и отдохнуть.

...Никаких результатов не приносит и следующий день. Теперь уже и Уралова начинают одолевать сомнения. Один Джансаев по-прежнему непоколебимо верит в удачу.

Вечером Уралову передают телефонограмму от полковника Астахова. Полковник сообщает, что завтра лично прибудет в хозяйство Загорского.

12

Астахов прилетает на специальном самолете в девять утра. За ночь на полигоне не происходит никаких перемен. Зато Астахов привозит еще один номер «Шварц адлера» со снимком полигона Загорского, добытый им в Министерстве иностранных дел. На газете стоит дата: двадцатое мая.

— Это, конечно, старый снимок, — замечает Уралов. — Об этом свидетельствуют не только дата на газете, но и качество изображения. Наверно, они тогда еще только осваивали технику своего первого «ежа».

С любопытством и огорчением рассматривает снимок и подполковник Загорский.

— И чего они в меня вцепились? — недоуменно разводит он руками. — Непонятно! Что тут можно выведать? Ракеты делаются ведь не у меня. Секрета их изготовления тут, следовательно, не подсмотришь. Ну, а с теми ракетами, которые монтируются у нас, все необходимые операции производятся в далеко отстоящих друг от друга зонах. С одной позиции их не обозришь. Полета их тоже не увидишь. Мы и сами фиксируем его лишь с помощью киноаппаратов, телескопических установок да спаренных радиолокаторов.

— А за ракетой особенно важно ведь проследить в течение всего ее полета, — замечает инженер-полковник

Шахов. — Только это дает возможность определить ее траекторию и скорость.

— Вот именно! — оживленно кивает обрадованный поддержкой Загорский. — Мы применяем для этого не только радиолокаторы, но и специальный следящий телескоп, смонтированный на поворотном лафете. Так что не знаю, что они тут могут высмотреть, кроме разве только вспышек при запуске ракет.

— А вы не успокаивайте себя этим, — строго замечает полковник Астахов. — Если им и не удается с помощью «ежа» выведать что-либо существенное, то для пропагандистских целей он себя вполне оправдывает.

— А почему все вы с такой уверенностью говорите об этом гипотетическом «еже»? — удивляется подполковник Загорский. — Его ведь никто не видел.

— Его видел ефрейтор Чукреев, — убежденно говорит Уралов.

Полковник Астахов достает из своей полевой сумки отпечатанные на машинке листки и медленно читает:

«В наш век кибернетики и абсолютного оружия возникает вопрос о необходимости абсолютной разведки. Такой разведки, от беспристрастного и всевидящего ока которой не укроется ни один секрет. Мы успешно решаем сейчас эту задачу. Свидетельством тому получаемые нами изображения секретного советского полигона ракетного оружия. До недавнего времени ни один из наших агентов не мог и мечтать достаточно близко подобраться к подобным объектам...»

— Это перевод статьи одного из руководителей НАТОвской разведки, — поясняет Астахов. — Ясно вам теперь, что мы на верном пути?

— Да уж яснее ясного, — мрачно произносит подполковник Загорский. — В последнее время проваливались они много раз со своей разведкой, а теперь, видно, норовят взять реванш...

— Ну-с, а что же мы предпримем в связи с этим? — нетерпеливо спрашивает Шахов.

— А нам нужно будет не только обезвредить, но и взять, так сказать, живьем этого «электронного Пауэрса», — усмехается Астахов. — Таков, во всяком случае, приказ. Я не знаю, как мы это сделаем, но приказ этот должен быть выполнен. Мы сможем тогда продемонст-

рировать «ежа» иностранным журналистам на пресс-конференции, как когда-то демонстрировали им обломки пауэрсовского «У-2». Думаю, что это произведет на них впечатление, ибо НАТОвский бюллетень расписывает их «электронного шпиона» как абсолютно неуязвимого. Считают они также, что никому не удастся раскрыть секрет его конструкции. Тут, конечно, имеется в виду его способность к «самоубийству». Но они в свое время и «У-2» считали неуязвимым, а Пауэрса тоже ведь снабдили всем необходимым для самоубийства.

— А не попытаются они перевести «ежа» в другое место? — с тревогой спрашивает Уралов.

— Не думаю. Это ведь не так просто. На всякий случай, однако, все наши полигоны и соответствующие организации уже оповещены и находятся настороже. А чтобы подольше удержать этого «ежа» здесь, мы попробуем заинтересовать его хозяев возможностью обнаружить на полигоне Загорского кое-какие новинки.

Все с недоумением смотрят на Астахова. Особенно встревожен подполковник Загорский.

— Почему бы, например, не инсценировать нам подготовку к испытанию совершенно нового типа ракет? — поясняя свою мысль, хитро улыбается Астахов.

Ночевать полковник устраивается в той же комнате, в которой уже обосновался капитан Уралов. Они решают лечь пораньше, с тем чтобы завтра подняться на рассвете. Заснуть, однако, долго не удается ни капитану, ни полковнику. Астахов часто переворачивается с боку на бок, проклиная шумные пружины своего дивана.

— Вы все еще не спите? — негромко окликает его Уралов.

— Не спится, няня... — кряхтит полковник.

— Может быть, поговорим тогда?

— Давайте попробуем.

Под Ураловым резко скрипят пружины, и Астахов видит, как стремительно возникает на фоне оконного переплета силуэт его головы с всклокоченными волосами.

— А не могли мы прозевать все это?.. — безо всяких предисловий спрашивает он полковника.— Не заметить, что нам «ежа» подбросили?

— Вначале и мне казалось, — признается Астахов. — Я тогда думал ведь, что генерал случайно послал меня проверить состояние секретности на полигоне Загорского.

— А разве не так?

— В том-то и дело, что это не было случайностью. Конечно, генерал и сам тогда ничего еще не знал конкретно, но у него уже были основания насторожиться. Ему, оказывается, было известно, что наша станция «Дельта-семнадцать», контролирующая эфир западнее полигона Загорского, трижды засекла какие-то подозрительные импульсы. Разгадать их назначение не удалось, но было все же установлено, что излучались они остронаправленной антенной. Удалось также совершенно точно определить их «трассу», так сказать. Тут-то и выяснилось, что начинается она на полигоне Загорского, так как станция «Дельта-шестнадцать», расположенная несколько восточнее, приняла только случайные отражения, «зайчики» от этих импульсов. Следовательно, еще до снимков полигона Загорского, появившихся в печати, мы заподозрили неладное и начали искать «электронного шпиона», хотя и не знали тогда, что он электронный.

— Да, теперь мне это ясно, — с облегчением произносит Уралов, и силуэт головы его так же стремительно опускается вниз — видимо, капитан снова ложится. — И знаете, что еще меня убеждает в том, что мы все равно этого бы не прозевали? — уже спокойным голосом продолжает он. — Не только совершенство аппаратуры наших станций «Дельта», но и бдительность наших войсковых связистов. Старшего лейтенанта Джансаева, например...

— А ефрейтора Чукреева вы не считаете разве?

— Да, и ефрейтора Чукреева тоже, конечно, — поспешно подтверждает капитан Уралов. — Вряд ли стал бы он охотиться за подобной кибернетической штукой, если бы думал, что это обычный еж. Я спрашивал солдат — ежей здесь сколько угодно, никого этим не удивишь...

— Ну, а теперь спать! — тоном приказа произносит полковник и решительно натягивает на голову простыню.

13

Весь следующий день капитан Уралов усердно изучает фотографию полигона, сделанную почти три месяца назад. С помощью подполковника Загорского ему удается установить, что снимок этот был произведен в период между первым и пятым мая, так как на нем обнаруживаются первомайские плакаты и лозунги, висевшие в эти дни на стенах одного из зданий.

— Похоже, что время съемки определено вами правильно, — соглашается полковник Астахов. — Ну, а каковы выводы?

— А выводы таковы, товарищ полковник, — с необычной для него торжественностью произносит Уралов, — теперь не остается уже никаких сомнений, что майские и июльские снимки нашего полигона были сделаны конструктивно разными «ежами».

— Объясните.

— Такой вывод напрашивается не только в связи с различной четкостью изображения, но и вследствие разности между временем фотографирования и опубликованием их в «Шварц адлере».

— Тоже не очень понятно.

Довольно улыбаясь, капитан поясняет:

— Снимок нашего полигона, на который мы впервые обратили внимание, появился в газете примерно через сутки. А тот, что был сделан три месяца назад, только через две недели.

— Ну, знаете ли, это еще не доказательство, — качает головой полковник. — Могло быть множество причин, по которым майский снимок оказался опубликованным так поздно.

— А вы выслушайте меня до конца... Да, конечно, причин к тому могло быть немало. Но дело-то как раз в том, что тогда они и не могли доставить этот снимок в редакцию западноберлинской газеты так же быстро, как июльский.

Уралов умышленно делает паузу, ожидая удивленного вопроса Астахова, но полковник лишь поднимает брови.

— Да, тогда они не имели такой возможности, — убежденно повторяет капитан, — ибо тогдашний «еж»

вел передачи на ультракоротких волнах, устойчивый прием которых ограничен радиусом в сто — сто пятьдесят километров. Сверхдальние передачи на этих волнах случайны, спорадичны. Устойчивый прием их возможен лишь в периоды наибольшей солнечной активности, увеличивающей концентрацию ионов и свободных электронов в ионосфере.

— Это вы мне не объясняйте. Это я и сам знаю, — нетерпеливо говорит полковник. — А не могли они разве вести передачу диффузно-рассеянными ультракороткими волнами?

— Едва ли. Для этого потребовался бы передатчик огромной мощности, а энергетические ресурсы «ежа», конечно, ограничены. По этой же причине не могли они использовать и «метеорные следы» — облака ионизированных частиц, остающихся от сгоревших в атмосфере метеоров. Облака эти, как известно, являются идеальными зеркалами для радиоволн. В общем, все здесь упирается в мощность передатчика и в его габариты.

— Ну хорошо, — сдается Астахов. — Допустим, что они действительно не могли тогда осуществить дальнюю передачу. А теперь?

— Теперь они используют более «дальнобойные» короткие волны.

Брови полковника опять вздымаются. Ему еще неизвестно ни одного случая телепередач на коротких волнах.

— Да как же удалось им втиснуть в коротковолновый диапазон частоту телевизионной передачи, составляющую сотни миллионов герц? — удивленно спрашивает он.

У капитана Уралова необычайно важный вид. Видимо, он очень доволен своей догадкой. Полковнику Астахову стоит большого труда сдержать улыбку, хотя он хорошо понимает чувства Уралова.

— Если передавать по телевидению все точки изображения, для этого действительно потребуются большие частоты, — солидно объясняет Уралов. — Но в этом и нет необходимости, так как не все точки телевизионного изображения движутся. Гораздо проще передать полным только первый кадр, а из каждого последующего «вычитать» все, что уже было передано, и посы-

лать в эфир лишь «остаток». Это дает возможность вести передачу специальным кодом, сообщая только о том, как и что меняется в кадрах.

— Так, так, — оживляется Астахов, начиная понимать идею Уралова. — Возможно ведь, что они вообще передают только отдельные неподвижные кадры. Тогда им и вычитать ничего не нужно.

— Ну конечно же, товарищ полковник! Таким образом резко сокращается частота сигналов, что дает возможность осуществлять телепередачи на коротких волнах. Вот почему последние снимки, сделанные «ежом», попадают прямо в Западный Берлин, а не через резидента их разведки на нашей территории...

— Считайте, что вы меня окончательно убедили! — весело восклицает полковник Астахов. — Попробуем в таком случае запеленговать «ежа» на коротких волнах. Узнайте, кстати, все ли готово у подполковника Загорского. Думаю, наше «представление» должно привлечь внимание хозяев «ежа» и вынудить их вести более частые передачи.

14

Но и на коротких волнах запеленговать «ежа» оказывается не просто, хотя «приманка» для него уже пущена в ход: на полигоне идет энергичная подготовка к запуску «новой» ракеты. Роль «новой» играет прошлогодняя, не оправдавшая себя, но внешне очень эффектная конструкция. Ее привозят из зоны заправки на гигантских транспортерах и не торопясь устанавливают на стартовой площадке.

На центральном контрольном пункте весь день демонстративно суетятся кинооператоры, устанавливая свою аппаратуру. Радиотехники приводят в боевую готовность ажурные антенны спаренных локаторов. Вся эта напряженная деятельность умышленно затягивается до позднего вечера, чтобы создать впечатление, что запуск ракеты будет осуществлен ранним утром.

— Ну, удалось вам что-нибудь засечь? — без особой надежды спрашивает Уралова Астахов, как только утихает суета на полигоне.

— Пока все по-прежнему, — спокойно отвечает ка-

питан. Теперь он уже не теряет надежды на успех, и это радует полковника. — Я не сомневаюсь, что «еж» все уже отснял, а передачу будет вести ночью, когда лучше распространяются короткие волны.

— Вы связывались с «Дельтой-семнадцать»?

— Связывался, но они засекли пока только один очень короткий импульс, пришедший с запада. Видимо, это какая-то команда «ежу».

— На какой волне?

— На короткой, как я и предполагал.

— Частота известна?

— Известна, но едва ли это нам пригодится. Не думаю, чтобы «еж» вел передачи на такой же волне.

— Ну что же, наберемся терпения и посмотрим, что принесет нам ночь, — с напускным спокойствием произносит Астахов, хотя Уралову известно, что утром ему предстоит не очень приятный разговор с генералом.

После жаркого дня ночь оказывается неожиданно холодной. Астахову, страдающему хроническим бронхитом, полученным еще на фронте, приходится надеть шинель. Уралов набрасывает плащ-накидку. Медленно разъезжают они по степи от одной пеленгаторной установки к другой, различая их в темноте лишь по цветным точечкам сигнальных фонарей.

Резко пахнет травами и полевыми цветами. Звонко стрекочут кузнечики. Трепетно блещут крупные южные звезды в темном небе. Клонит ко сну. Чтобы не заснуть, Астахов спрашивает Уралова, запрокинув голову:

— А как вы по части астрономии, Василий Иванович?

— Кое-что смыслю, — улыбается Уралов. — Физика и астрономия в наши дни продвинули свой фронт дальше всех других наук — как же этим не интересоваться?

— Читал я где-то, что американская радиообсерватория «Грин Бэнк» уже второй год ведет наблюдение за какими-то звездами в надежде принять оттуда сигналы разумных существ.

— Такие наблюдения действительно ведутся, — подтверждает Уралов. — Звезды эти — «тау» Кита и «эпсилон» Эридана. Это соседи нашего Солнца. Однако искусственных сигналов принять от них пока не удалось.

Облокотившись на руль медленно двигающейся автомашины, капитан пристально всматривается в сигнальные огоньки пеленгаторных станций, разъезжающих по полигону. Потом замечает с глубоким вздохом:

— Вот бы на что направить все усилия ученых! А мы чем занимаемся из-за этих негодяев?..

Слышно, как он плюет в темноте и даже скрипит зубами.

— Радиозвезды и радиогалактики, вспышки «сверхновых», излучение межзвездного водорода — ведь это же черт знает как интересно! А этот межзвездный водород знаете чем любопытен? Каждый атом его, оказывается, подает свой «радиоголос» в среднем лишь один раз в одиннадцать миллионов лет. И только потому, что этого водорода в космическом пространстве невероятно много, мы принимаем его сигналы беспрерывно. А тайны границ метагалактик и возможность аннигиляции материи на их стыках? Представляете себе, что это такое? А мы выслеживаем тут каких-то паршивых шпиков, пусть даже электронных...

Уралов снова умолкает, а Астахов напряженно ждет, что он скажет дальше. Что это с ним такое — результат усталости, перенапряжение или в самом деле ему все надоело, стало казаться ничтожным?..

— Вы не подумайте только, что я разочаровался в нашей работе, — словно угадав мысли Астахова, продолжает капитан. — Я знаю, что это очень нужно. Это нужно потому, чтобы позже, может быть, уже после нас, люди могли спокойно смотреть на небо, изучать звезды, покорять космос...

«Значит, я не ошибся в нем», — тепло думает Астахов и хочет сказать Уралову что-нибудь ободряющее, но замечает вдруг частое мигание сигнального огонька одной из самых дальних пеленгаторных установок.

— Смотрите-ка! — толкает он в плечо капитана, но Уралов уже и сам выруливает машину и прибавляет газу.

— Ну что?! — почти выкрикивает полковник, как только они останавливаются возле «газика» Джансаева.

Старший лейтенант, поднявшись во весь рост, официально докладывает:

— Товарищ полковник, координаты «ежа» засечены.

В течение пятнадцати секунд он излучал импульсы на частоте девять и двадцать пять сотых мегагерца.

— Это где примерно? — взволнованно спрашивает Астахов, пристально вглядываясь в темную степь.

— Вон в том направлении, только сейчас не разглядишь ведь ничего. Но у меня есть точный план территории полигона. Вот взгляните, пожалуйста.

Полковник некоторое время сосредоточенно рассматривает ватман, который развернул перед ним Джансаев. Рослый лейтенант-связист подсвечивает им электрическим фонариком.

— Сейчас, конечно, идти туда нет смысла, — задумчиво, будто размышляя вслух, замечает Астахов. — Можем только все дело испортить. Впотьмах ничего не заметишь, а освещать опасно. Но и ждать до утра рискованно — «еж» может переменить позицию... А вы как считаете, товарищ капитан?

— Я не разделяю ваших опасений, товарищ полковник, — спокойно произносит Уралов. В последние дни он очень нервничал, всячески скрывая это от других. Теперь же, когда его гипотеза почти подтвердилась, прежнее хладнокровие вернулось к нему. — Найти позицию с хорошим обзором местности в степи, да еще при ограниченных размерах «ежа», не так-то просто. Думаю, что без крайней надобности он не двинется с места, ибо, надо полагать, никто не подаст ему команды сменить позицию, чтобы не прозевать завтра запуск «новой» ракеты.

— А тот импульс, который засекла «Дельта-семнадцать»?..

— Он, скорее всего, означает команду «внимание», предписывая этим стабильность позиции «ежа». Весьма возможно, правда, что импульсом этим изменяется режим его работы.

— Вы полагаете, что от него теперь потребуется более частая информация?

— Да, весьма возможно.

— Ну что ж, — заключает Астахов, — будем в таком случае считать, что мы достигли первого существенного успеха. А теперь — спать! Пусть только ваши радисты, товарищ старший лейтенант, дежурят у пеленгаторов всю ночь.

15

На рассвете в помещение, в котором спит Уралов, осторожно входит старший лейтенант Джансаев. Опасаясь потревожить полковника Астахова, он идет очень тихо, на цыпочках. Ему не приходится долго будить капитана — тот мгновенно просыпается, едва старший лейтенант приоткрывает дверь.

Повинуясь жесту Уралова, Джансаев осторожно садится возле него на диван и прерывающимся от волнения шепотом докладывает:

— Обнаружил я его, товарищ капитан... Зеленый весь, как жаба. А по форме на дыню похож, шар такой приплюснутый...

Но тут вдруг грохочут пружины дивана, на котором лежит Астахов. Хрипловатым со сна голосом полковник спрашивает:

— Вы что это там шепчетесь? Вместо того чтобы разбудить меня, улизнуть незаметно собираетесь?

Он проворно вскакивает с дивана и начинает торопливо одеваться.

— У Джансаева новость, — очень веселым голосом объявляет капитан. — Он уже «ежом» любовался!

— Как любовался?!—круто поворачивается к Джансаеву Астахов. — Кто позволил? Вы ведь могли спугнуть его!

— Не спугнул, товарищ полковник, — успокаивает Астахова счастливый Джансаев. Широкоскулое мальчишеское лицо его сияет, раскосых глаз почти совсем не видно — одни только черные щелочки. — Я его в бинокль наблюдал. Только он совсем на ежа не похож...

— Ведите нас туда поскорее! — приказывает Астахов и первым выбегает из комнаты.

— А инженер-полковника не надо будить? — озабоченно спрашивает Уралов.

— Не надо, — досадливо машет рукой полковник. — Это не так-то просто сделать, а нам время дорого. У вас что, один только бинокль?

— Два, товарищ полковник, — отвечает Джансаев.— Один вам, другой товарищу капитану.

Джансаев идет так быстро, что полковник с капитаном едва поспевают за ним. А когда он наконец оста-

навливается, они с удивлением видят, что в траве рядом с младшим лейтенантом связи расположился Шахов.

— Думали, наверно, что я безмятежно храплю? — смеется инженер-полковник. — А я всю ночь глаз не мог сомкнуть и, как только стало рассветать, поспешил к связистам. Они и проводили меня сюда. Нате вот, берите мой бинокль — я уже насмотрелся на этого зверя.

Солнце еще не взошло, а в степи уже совсем светло. Уралов не без трепета подносит к глазам бинокль и наводит его на ориентиры, которые указывает ему Джансаев. Там, на небольшом холмике, поросшем зеленым ежиком травки, видит он что-то похожее не то на продолговатый зеленый камень, не то на дыню.

«Да, вряд ли бедный Чукреев мог принять это за настоящего ежа», — думает Уралов.

На гладкой издали поверхности зеленого сфероида в бинокль видны темные впадины — видимо, отверстия для объективов. И словно крошечный растрепанный кустик неподвижно торчит сложная фигурная антенна, тоже выкрашенная под цвет травы. Да, действительно заметить такой предмет случайным взглядом трудно. Пожалуй, невозможно...

— Ну-с, что же мы теперь будем с ним делать? — нарушает размышления Уралова инженер-полковник

Шахов, зябко поеживаясь на влажной от росы траве. — Каким образом подступимся к нему?

— Может быть, осторожно сетку набросим? — предлагает Джансаев.

— Нет, это не годится, — отрицательно мотает головой Уралов. — Даже если при этом не сработают его фотоэлементы, ему все равно сразу же подадут команду к «самоубийству», как только он передаст хоть один кадр сквозь эту сетку.

— Разве он передаст это тотчас, а не будет ждать ночи?

— Сегодня он может вести передачи и днем,— убежденно заявляет Уралов. — Его хозяева непременно захотят знать возможно раньше все, что тут будет происходить.

— Значит, нужно получше присмотреться к нему, может быть, и обнаружится где-то слабое звено.

Приняв решение оставить тут старшего лейтенанта Джансаева, Астахов приказывает всем остальным идти завтракать, чтобы с семи часов продолжать инсценировку запуска «новой» ракеты.

16

Старший лейтенант Джансаев смотрит на «ежа» с таким вниманием, что боится даже глазом мигнуть, чтобы не прозевать какое-нибудь его движение. И хотя «еж» по-прежнему неподвижен, Джансаеву все время кажется почему-то, что он лишь притаился до поры до времени, чувствуя себя под надзором людей. Стоит, однако, отвести от него глаза, как он тотчас же что-то предпримет.

Так ли это было на самом деле, или произошло все дальнейшее совершенно случайно, только «еж» действительно пришел вдруг в едва заметное движение, едва Джансаев отвел глаза от бинокля, чтобы взглянуть на часы. Может быть, правда, «еж» и раньше совершал это движение, но так медленно и осторожно, что глаз старшего лейтенанта не улавливал его. Однако, прервав на какое-то мгновение наблюдение за ним, Джансаев замечает теперь, что ноздреватое тело его сместилось немного вправо.

«А что делать, если он вдруг покатится? — тревожно думает старший лейтенант. — Неизвестно ведь, какая у него скорость?.. К тому же вон там, правее, густая трава. Ищи его потом!..»

Положение усложняется еще и тем, что к «ежу» нельзя подойти близко, чтобы не попасть в поле его зрения. Мало ли что может он предпринять, увидев возле себя человека... Но вот он, кажется, снова замер. Надолго ли? Готовится, может быть, предпринять что-то более решительное?

Летят секунды, минуты, а он по-прежнему неподвижен. Не померещилось ли Джансаеву, что «еж» двигался? Ведь движение было таким незначительным. Он сместился, видимо, всего на несколько сантиметров. Но что это происходит с его антенной?.. Она, кажется, поворачивается вокруг своей оси? Ну да, конечно! Очень медленно, но определенно поворачивается. И еще какая-то былинка вырастает из центра его корпуса... Очень тоненькая, зеленая, с небольшим утолщением на вершине.

Джансаев торопливо отстраивает окуляры своего бинокля на еще большую резкость. Утолщенная головка стерженька видна теперь совершенно отчетливо. Похоже, что она, так же как и антенна, медленно вращается.

«Уж не перископ ли это? — думает Джансаев. — Он выдвинулся на целых полметра. Наверно, осматривает местность...»

Предположив такое, старший лейтенант невольно прижимается к земле, опасаясь попасть в поле зрения «ежа». А «еж» снова приходит в движение, но не катится, а разворачивается примерно на сорок пять градусов то вправо, то влево. Перемещаясь зигзагами, он взбирается вскоре на холмик, покрытый выгоревшей на солнце желтой травой.

«Наверно, может он и перекатываться, — размышляет Джансаев, не отрывая глаз от окуляров бинокля. — Сейчас ему антенна и перископ мешают. Но они, конечно, убираются, когда ему нужно преодолевать большие расстояния».

А «еж» вполз уже на вершину холмика и, повертевшись в разные стороны, занял, видимо, более выгодную, чем раньше, позицию для наблюдения за стартовой площадкой полигона.

«Начинает он, кажется, и желтеть, — замечает вдруг Джансаев. — Прав, значит, Уралов — он обладает мимикрией, раз окрашивается под цвет местности. Совсем как хамелеон!»

«Еж» действительно становится постепенно почти таким же желтым, как и выжженная солнцем трава на холмике. Его уже нелегко отличить от нее.

Увлеченный наблюдением за «ежом», Джансаев не замечает, как подползают к нему Астахов с Ураловым.

— Ну-с, что у вас нового, товарищ старший лейтенант? — спрашивает его Астахов.

Джансаев даже вздрагивает от неожиданности. Пытается вскочить, чтобы доложить полковнику обстановку, но вовремя вспоминает о перископе «ежа» и лишь поворачивается с живота на бок. Да и Астахов прикосновением руки к его спине приказывает ему оставаться на месте. От волнения сбивчиво сообщает он полковнику о поведении «ежа».

— А не в связи ли с только что засеченными нами импульсами проделывал «еж» все эти эволюции? — спрашивает Астахов Уралова. — Когда это было, товарищ старший лейтенант?

— В шесть тридцать пять, товарищ полковник, — отвечает Джансаев. — Я как раз в это время на часы посмотрел.

— Время совпадает, — подтверждает Уралов. — Неужели «ежа» корректирует кто-то, находясь неподалеку от нашего полигона?

— Почти не сомневаюсь в этом, — убежденно произносит Астахов. — Импульсы были ведь на ультракоротких волнах. При столь малых размерах антенны «ежа» она могла принять их лишь с расстояния двадцати пяти — тридцати километров. А то, что кто-то должен был корректировать перемещение и позицию «ежа», — для меня всегда было несомненно.

Некоторое время он смотрит в бинокль, потом спрашивает:

— А инженер-капитану Серегину, обнаружившему эти импульсы, не удалось запеленговать район их излучения?

— Они были слишком краткими, — отвечает полков-

нику капитан Уралов. — Первый длился всего полторы секунды, второй — полсекунды.

— Это очень осложнит нашу работу, — задумчиво произносит полковник Астахов. — Хорошо, однако, что мы теперь хоть знаем об этом.

— А разве этих корректировщиков нельзя обнаружить без пеленга? — спрашивает Джансаев. — Если они подавали сигналы с расстояния тридцати километров, то это ведь в зоне нашего полигона. А если это так, то их легко будет обнаружить и ликвидировать. Полигон ведь хорошо просматривается и охраняется.

— А нужно ли, вернее, разумно ли их ликвидировать? — спрашивает Уралов.

И Астахов понимает его.

— Да, я тоже об этом подумал, — говорит он. — Нельзя, нецелесообразно их сейчас ликвидировать. Это сразу же насторожит тех, кто ведет прием информации «ежа». Они ведь связаны, наверно, с корректировщиками какой-нибудь сигнализацией. А вот обнаружить, где именно могут находиться корректировщики «ежа», необходимо! Подумайте, как это можно сделать, товарищ Уралов. Посоветуйтесь с начальником охраны полигона.

17

Начальник охраны полигона «тринадцать дробь три» капитан Хасанов, разостлав на столе большую крупномасштабную карту территории полигона, водит по ней карандашом, знакомя Уралова с рельефом:

— Топография здешней местности, как вы сами видите, степная, равнинная, хорошо просматриваемая во всех направлениях. Тут все как на ладони. А в радиусе тридцати километров она вообще переходит в голую пустыню.

— Да, маскироваться тут, конечно, нелегко, — соглашается Уралов.

— А вы не знаете, удалось ли установить направление импульсов, поданных «ежу» на ультракоротких волнах? — спрашивает Хасанов.

— Инженер-капитан Серегин установил это совершенно точно. Они шли с юго-востока.

— А что же у нас тут на карте? — оживляется капитан Хасанов. — Ага, вот какая картина! Видите направление бергштрихов на горизонталях? Они показывают понижение местности. Да это видно и по отметкам высот. Весь этот район лежит, значит, значительно ниже, чем стартовая зона полигона. Не думаю, чтобы отсюда без высокой антенны можно было бы вести передачу ультракороткими волнами на расстояние не только в тридцать, но и в двадцать километров.

— А откуда, по-вашему, можно было бы с помощью УКВ подать какой-нибудь сигнал «ежу»? — спрашивает Уралов, проникаясь уважением к рассудительности Хасанова.

Начальник охраны полигона еще ниже склоняется над картой, вглядываясь в ее юго-восточный участок.

— Полагаю, что это может быть где-то за пределами территории полигона, — произносит он наконец и, усмехнувшись, добавляет: — Не думайте только, что я это утверждаю потому...

— Ну, что вы, товарищ Хасанов! — смеясь, перебивает его Уралов. — Я и не думаю подозревать вас в защите чести своего мундира. Приглядевшись к вашей карте, я и сам теперь вижу, что, скорее всего, подошел бы для передачи сигнала «ежу» ультракороткими волнами вот этот район. Тут местность идет на подъем, много холмов и даже растут, кажется, деревья.

— Да, тут есть рощи, — подтверждает Хасанов.

— Значит, можно вести передачу не только с вершины одного из этих холмов, но и с вершины какого-нибудь дерева?

— Можно ведь все это точно высчитать, — предлагает Хасанов, беря лист чистой бумаги. — Определим сначала взаимное превышение точек в этих районах. Тут есть абсолютные отметки высот, так что подсчитать нетрудно. Расстояние между стартовой площадкой и этими холмами нам тоже известно. Прикинем приблизительно и высоту дерева. Ну вот, пожалуйста. Я вам все тут записал, — протягивает Хасанов бумагу Уралову. — Вы ведь знаете радиус распространения ультракоротких волн в зависимости от высоты места их передачи, вот и прикиньте теперь, как далеко они смогут проникнуть.

Капитан Уралов раздумывает некоторое время, подсчитывая что-то в уме. Потом чертит на карте прямую линию, соединяющую стартовую зону полигона с самым высоким холмом в юго-восточном углу карты.

— А тут нет никаких возвышенностей, которые могли бы помешать прямолинейному распространению этого луча? — спрашивает он Хасанова. — Ну, в таком случае передача могла, конечно, вестись и с расстояния до пятидесяти километров.

— Нужно, значит, принять какие-то меры для обнаружения лиц, ведущих эти передачи? — спрашивает Хасанов.

— Этим займется сам полковник Астахов. Я сейчас доложу ему обо всем.

...Выслушав капитана Уралова, полковник Астахов замечает:

— А я уже связался с республиканскими работниками государственной безопасности. Нужно будет только дать им теперь более точные координаты. Ну, а у нас все готово для продолжения «спектакля», который, видимо, уже заинтересовал «ежа».

18

Полдень. Немилосердно печет солнце. Капитан Уралов и старший лейтенант Джансаев, мокрые от пота, лежат в густой траве с биноклями в руках. Русую голову капитана стискивает стальной обруч телефона полевой радиостанции.

Уралов только что доложил полковнику Астахову обстановку и теперь, переключившись на прием, слушает его указания.

— Ну, что там у них? — спрашивает Джансаев, как только капитан выключает рацию. — Собираются они запускать эту бутафорию? — Он кивает в сторону стартовой площадки, на которой, окруженное ажурными фермами направляющих, возвышается грозное тело ракеты. Вокруг нее давно уже кипит энергичная деятельность. Пожалуй, еще ни одна из ее предшественниц не привлекала к себе такого внимания механиков. Одни из них внизу, у стабилизаторов, возятся с воздушными

и газовыми рулями, другие на подъемных кранах причудливой конструкции осматривают что-то в ее носовой части. Суетятся вокруг и электрики с радистами. Впечатление такое, будто и в самом деле на стартовой площадке происходит что-то очень значительное.

— Да, — улыбаясь, произносит капитан Уралов, вытирая рукавом пот со лба, — зрелище внушительное. Из подполковника Загорского вышел бы неплохой режиссер. Думаю, они на это клюнут. Для них ведь важен не столько сам запуск, сколько подготовка к нему, позволяющая строить догадки о конструкции. Запускать ее мы, конечно, не будем, а примерно через часок можно сделать вид, будто у нас что-то не ладится, и начать опускать ракету на землю.

— А они не догадаются, что мы хитрим?

— Не думаю. Со стороны ведь все выглядит очень правдоподобным. А что касается неполадок, то на полигонах Вумера в Австралии и на Атлантическом побережье Америки это самое обычное явление...

Джансаев приглушенно смеется, прильнув глазами к окулярам бинокля. А солнце будто рассвирепело — печет все ожесточеннее. Лишь легкий ветерок, приносящий многообразные запахи степи, слегка освежает потные спины офицеров.

Уралов не выспался, его клонит ко сну, но он героически сопротивляется, бесплодно размышляя о том, как обезвредить «электронного Пауэрса», не дав ему взорваться...

А «еж» лежит совершенно неподвижно, будто пожелтевший от времени булыжник. Лишь кустик замысловатой антенны его шевелится иногда не то от ветра, не то под воздействием каких-то скрытых внутри «ежа» механизмов. Уралов хочет обратить на это внимание Джансаева, но тут в рации, все время включенной на прием, раздается щелчок. Капитан плотнее прижимает наушники и слышит напряженный от волнения голос радиотехника:

— «Ежик» (за «электронным шпионом» осталось прежнее прозвище) ведет передачу!.. «Ежик» ведет передачу!.. Включаю метроном. Выключу его, как только передача прекратится.

Уралов слышит теперь дробный монотонный звук

маятника метронома, аккуратно отмеряющего полусекунды.

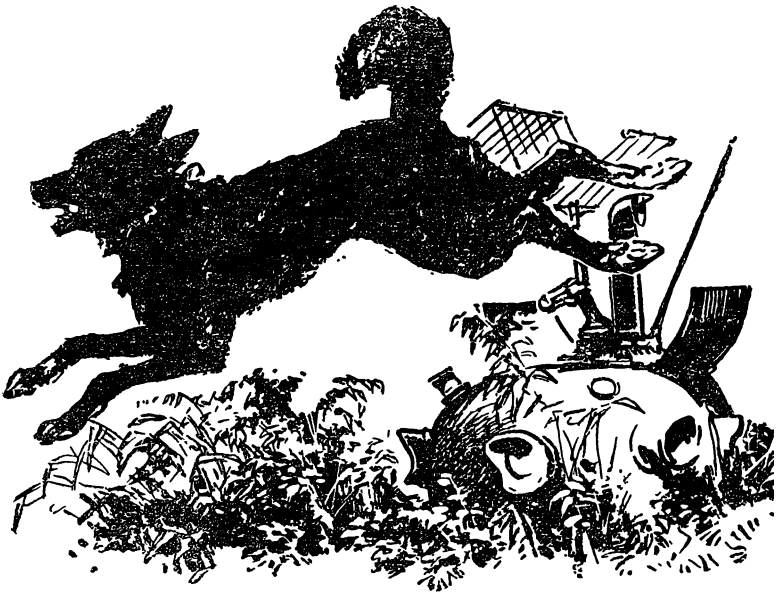
— Следите за ним внимательнее, Ахмет, — торопливо шепчет капитан Джансаеву. — «Еж» ведет передачу ..

Уралов и сам поспешно хватает бинокль, но в это время раздается испуганный крик старшего лейтенанта:

— Куда же ты, мерзавец! Назад, Шайтан, назад!..

Теперь и Уралов видит, как через поле к ним стремглав несется черная лохматая собачонка. Он узнает в ней пса Джансаева, по кличке Шайтан. Утром Шайтана закрыли в сарае, но он каким-то образом вырвался на волю и вот несется к своему хозяину прямо через холмик, на вершине которого лежит «еж».

— Ложитесь, капитан!.. — хриплым от волнения голосом кричит Джансаев, видя, что собаку не остановить. А Шайтан уже возле «ежа». Еще мгновение — сработает фотоэлемент, и «электронный шпион» вместе с Шайтаном взлетят на воздух!..



Джансаев плотнее прижимается к земле, а Уралов лишь втягивает голову в плечи, не отрывая глаз от бинокля. Но вот Шайтан перемахивает через «ежа», слегка задев его мохнатым хвостом, и... ничего не происходит. Еще несколько прыжков, и Шайтан уже радостно повизгивает возле хозяина, норовя лизнуть его в щеку.

— Ну просто форменный шайтан! — недоуменно восклицает Джансаев. — Не взорвался!..

И как раз в это время умолкает метроном. Передача с «ежа» кончилась. Капитан жестом просит старшего лейтенанта замолчать и настороженно прислушивается. Но телефоны наушников молчат.

Лишь через несколько томительных секунд раздается голос радиотехника:

— Все. Кончилась передача. Длилась она дольше обычного — целых двадцать пять секунд. А как там у вас? Есть что-нибудь новое?

— Все по-прежнему, — вяло отвечает капитан и приказывает радиотехнику: — А вы не выключайтесь. Дежурьте непрерывно и держите со мной связь.

— Как же это так могло произойти, товарищ капитан? — растерянно произносит Джансаев, едва Уралов прекращает разговор с радиотехником. — Почему «еж» не взорвался? Или он не реагирует на собак?

— А какая разница — собака или человеческая рука? — пожимает плечами Уралов. — Фотореле «ежа» и в том и в другом случае должно было сработать, ибо ваш Шайтан на какое-то мгновение перекрыл доступ света к фотоэлементам.

— А может быть, этот «еж» и не взрывается вовсе?..

— Не думаю.

— Тогда выходит, что этот чертов пес чуть все дело нам не испортил, — грозно смотрит Джансаев на Шайтана, поджавшего хвост и виновато опустившего морду.

А капитан Уралов, задумавшийся о чем-то, восклицает вдруг:

— А может быть, наоборот, дорогой Ахмет! Может оказаться, что ваш Шайтан хорошую службу нам сослужил.

Джансаев удивленно мигает черными глазами.

— Непонятно, товарищ капитан...

Уралов некоторое время молчит, обдумывая неожиданно родившуюся догадку и сам еще не веря в ее достоверность. Потом произносит уже более спокойно:

— Мне думается, Шайтан остался жив только потому, что ему очень повезло.

— Как всякому шайтану, — смеется Джансаев.

А опальный пес, почувствовав, что гроза миновала, подползает поближе к своему хозяину, кладет морду ему на спину и тяжело вздыхает.

— Насчет прочих шайтанов не знаю, а этому определенно повезло, — совершенно серьезно повторяет Уралов. — Ваш Шайтан перемахнул через «электронного шпиона» как раз в то время, когда он вел передачу. На это, видимо, уходила вся энергия «ежа», и остальные его механизмы, в том числе и фотореле, бездействовали. Вот почему не сработал его взрывной механизм и уцелел Шайтан. Как по-вашему, естественно такое допущение?

— Еще как естественно! — восторженно восклицает Джансаев. — Ничего другого и придумать невозможно! Ай, молодец Шайтан! Будет тебе за это королевский обед. Весь мой шашлык получишь до последнего кусочка! При свидетелях говорю.

19

Выслушав Уралова, полковник Астахов задумчиво качает головой. Он не очень верит в догадку капитана. Уж слишком все просто получается. Зато инженер-полковник Шахов, который еще совсем недавно больше всех во всем сомневался, сразу же всему поверил.

— А меня убеждает именно эта простота объяснения происшествия с Шайтаном, — твердо заявляет он. — В связи с этим я хотел бы предложить следующий план дальнейших действий.

Торопливо расстегнув гимнастерку, он вытирает потную шею и продолжает:

— Поскольку нам теперь известно, что во время передачи «еж» безопасен, в это-то время, следовательно, его и можно взять... Подождите улыбаться, я ведь не

все еще сказал. Как, однако, это сделать в короткие двадцать пять секунд, не зная его устройства?

Он снова делает паузу.

— Да не выматывайте вы наши нервы, — полушутя-полусерьезно просит Астахов. — Драматизма тут и без того хватает.

— Ничего, ничего, — усмехается Шахов, — для наших нервов это хорошая закалка, ибо то, что я предложу, потребует от нас большого хладнокровия. А теперь хотелось бы, чтобы вы вспомнили, что когда-то я работал экспертом в отделе научно-технической экспертизы военной прокуратуры.

Все смотрят на него с удивлением. Старший лейтенант Джансаев даже рот открывает в ожидании чего-то сверхъестественного. А изнемогающий от жары тучный Шахов снова расстегивает гимнастерку.

— Вот мы и воспользуемся моим опытом в этой области и произведем техническую экспертизу «ежа», — очень просто заключает он, будто речь идет не о рискованном эксперименте, а об исследовании вещественных доказательств какого-то заурядного уголовного дела.

Полковник Астахов, начиная злиться, собирается заметить Шахову, что сейчас не до шуток, а инженер-полковник, покопавшись в своем чемодане, торжественно кладет на стол небольшой свинцовый контейнер цилиндрической формы, металлический штатив и несколько рентгеновских кассет.

— Знаете, что это такое? — спрашивает он. — Гаммаграфическая установка. Я захватил ее, полагая, что нам придется кое-что просвечивать. Капитан Уралов, конечно, знает, что это за штука, остальным я коротко объясню. В общем, это почти то же самое, что и рентген, только гораздо проще и удобнее. Заряжается она различными радиоактивными изотопами, в зависимости от того, какие предметы нужно просвечивать.

— Тут что — кобальт-шестьдесят? — спрашивает Уралов.

— Нет, тулий-сто семьдесят. Из всех известных в настоящее время радиоактивных изотопов с мягким гамма-излучением он наиболее приемлем для просвечивания не очень толстых стальных пластинок, алюминия и

пластмасс. «Еж», видимо, сооружен именно из этих материалов. Снимки, произведенные гаммаграфической установкой, обладают хорошей контрастностью и дают возможность отчетливо различить все детали внутреннего устройства просвечиваемого объекта.

— А какая экспозиция необходима для этого?

— Я зарядил установку тулием самой высокой активности, — заверяет Шахов. — Кассеты тоже заряжены очень чувствительной пленкой, так что величина экспозиции будет незначительной. Думаю, что за двадцать пять секунд мы вполне успеем сделать несколько снимков.

— А я бы не стал рассчитывать на двадцать пять секунд. Нужно уложиться в пятнадцать, — советует полковник Астахов.

— Да, это резонно, — соглашается Шахов. — Нужно к тому же отработать все необходимые действия с гаммаграфической установкой на макете «ежа». Это позволит приобрести необходимую сноровку. Ну так как же, Анатолий Сергеевич, благословляете вы мою идею?

Прежде чем окончательно решиться на эксперимент, предлагаемый Шаховым, полковник Астахов, на котором лежит ответственность за всю операцию, долго раздумывает. Другого выхода, однако, нет, и он соглашается, наконец, на план инженер-полковника.

Но тут возникает новая трудность: кому поручить? Уралов молод и отважен, но ведь он никогда не работал с таким аппаратом.

Шахов же хотя и опытен в подобных делах, но немолод, тучен и неповоротлив... «Репетиция», которую он собирается провести, мало что даст, да и времени для этого почти не остается...

— А над тем, кого благословить на это, вы голову не ломайте, Анатолий Сергеевич, — будто прочитав мысли Астахова, спокойно произносит инженер-полковник. — Доверьте это мне, как бывшему эксперту, имеющему необходимый навык в обращении с гаммаграфическими установками. Живот мой этому не помешает. Придется ведь не художественной гимнастикой заниматься. А руки у меня еще достаточно крепки и проворны. Дайте мне только старшего лейтенанта Джанса-

ева в помощники, он парень толковый. А за Ураловым останется потом, может быть, самое трудное — обезвреживание «ежа».

Разве можно что-нибудь возразить против этого? И Астахов молча кивает в знак согласия.

А когда Шахов с Джансаевым уходят отрабатывать технику гаммаграфирования «ежа», полковник решает посоветоваться с Загорским, какой «спектакль» организовать на стартовой площадке, чтобы привлечь еще большее внимание «электронного шпиона» и вынудить его вести более частые передачи.

— Инсценируем неудачу, — предлагает Загорский. — Сделаем вид, будто обнаружились неполадки в системе управления нашей ракетой. Я лично стану распекать за это своих инженеров и техников. И можете не сомневаться — разыграем все, как по нотам.

— Ну что ж, давайте попробуем сыграть такую сценку, — соглашается Астахов. — Только не переигрывайте.

20

Может быть, и не так уж много времени уходит на осуществление рискованной операции, предложенной Шаховым, полковнику Астахову кажется, однако, что длится она целую вечность.

Но вот наконец инженер-полковник и старший лейтенант стоят перед ним, живые и невредимые, и он крепко жмет им руки.

— Ну, герои, рассказывайте, как вам это удалось, — радостно говорит он, похлопывая по плечу старшего лейтенанта Джансаева. — Можете мне на слово поверить, до чего я тут за вас переволновался.

— А рассказывать особенно нечего, — каким-то усталым голосом неохотно отвечает инженер-полковник, с ожесточением выжимая мокрый носовой платок. — Пришлось, конечно, слегка струхнуть, — сами понимаете, работали не в фотоателье. Да и «еж» тоже ведь не девица, готовая сидеть перед аппаратом сколько угодно, лишь бы хорошо получилось... В общем, пришлось поторапливаться. Никогда еще, пожалуй, не ощущали мы так остро, что такое время... Задержись мы еще

хоть на одну секунду, снимать было бы нечего... и некому.

Он махнул рукой и, тяжело ступая, пошел прочь. Лишь от старшего лейтенанта Джансаева удается узнать подробности.

— Вначале все шло хорошо, — возбужденно размахивая руками, рассказывает Джансаев. — Инженер-полковник дежурил у рации, а я, облачившись в маскхалат, пополз к «ежу» и в полутора метрах от него осторожно выкопал окопчик. А как только передали по радио, что «еж» начал передачу, мы тотчас же бросились к нему — дорога́ была каждая секунда. Так как нами заранее было все отрепетировано, я действовал довольно четко. И у инженер-полковника тоже все ладилось сначала. Расчеты свои мы хотя и основывали на том, что передача будет вестись около двадцати пяти секунд, решили сделать, однако, всего две гаммаграфии с разной выдержкой. На это у нас уходило на репетиции пятнадцать секунд.

Джансаев очень волнуется и то и дело вытирает ладонью мокрый лоб.

— Может быть, хотите газированной воды, Ахмет? — предлагает Уралов.

— Нет, спасибо. От воды только больше пить хочется. Лучше перетерпеть... Ну так вот — первый снимок сделали мы, значит, довольно быстро. Я держал штатив с контейнером, инженер-полковник занимался экраном. А когда понадобилось сменить кассеты, он вдруг уронил их... Обе сразу... Ну, думаю, сдали, значит, нервы... Хотел подхватить его под мышки, чтобы оттащить от этого чертова «ежа», но он схватил вдруг кассеты и какими-то судорожными движениями стал их ощупывать. А на исходе уже пятнадцатая секунда... Как он второй снимок сделал, я и не заметил даже. Помню только, как он сказал: «Ну, теперь все!..» — и подтолкнул меня к окопчику. Долго мы потом лежали совершенно без сил. На инженер-полковника просто смотреть было страшно. Да и я, наверно, был хорош...

Разволновавшийся Джансаев все-таки протягивает руку к сифону с газированной водой и жадно выпивает целый стакан, не переводя дыхания.

— Потом, когда мы отлежались немного, — продол-

жает он, — инженер-полковник объяснил мне, что с ним произошло: «Чуть было не испортил я все дело, Ахмет. И не потому, что уронил кассеты, — от волнения никак не мог найти сделанных на них пометок. А сунуть вторично отснятую кассету значило погубить оба снимка. Потом все-таки нащупал нужную пометку»... Вот ведь какая история приключилась. Я бы, правда, на его месте и не стал бы второго снимка делать, но он упрямым оказался...

«А может быть, это он из-за меня так рисковал? — взволнованно думает Уралов о Шахове. — Знает ведь, что моя работа по обезвреживанию «ежа» зависит от этих снимков. Чем больше снимков, тем больше шансов на успех. Может быть, даже и на то, чтобы в живых остаться...»

Изучать гаммаграфии собирается целый «консилиум», состоящий из Астахова, Шахова, Уралова, Джансаева, нескольких радиотехников и командира саперного подразделения майора Васина. Изображение «нутра» «ежа» на гаммаграфиях оказывается достаточно четким. Во всяком случае, верхний ряд его механизмов вполне различим. Радиотехники сразу же распознают электронно-лучевую трубку и отдельные элементы программного устройства.

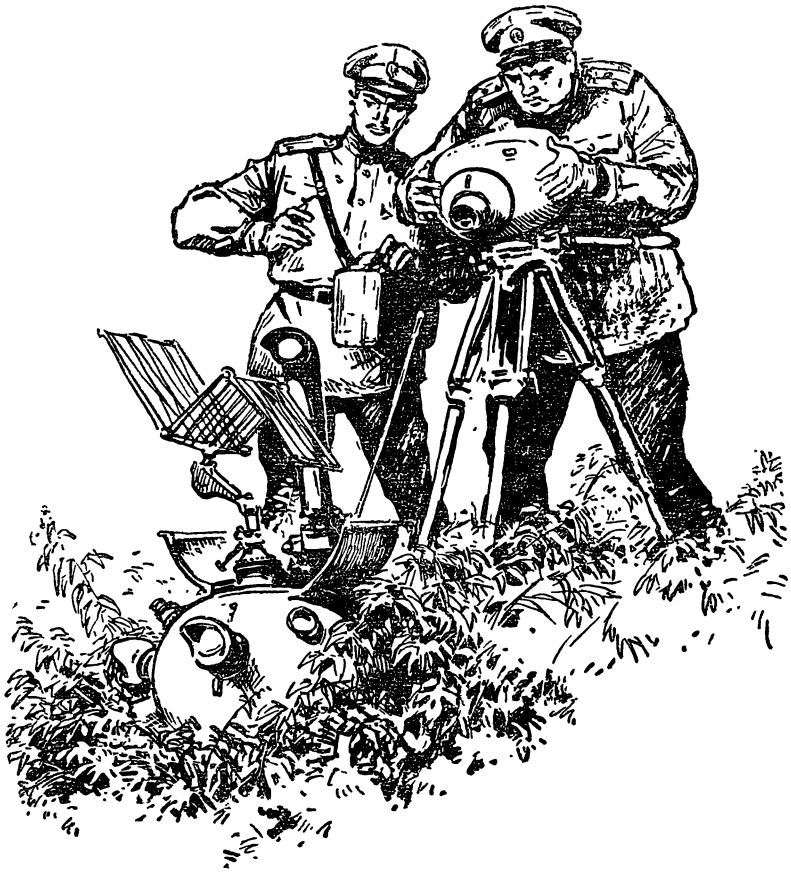
— А вот это, видимо, кремниевые батареи, преобразующие солнечную энергию в электрическую, — замечает старший лейтенант Джансаев. — Надо полагать, имеются тут и химические источники питания.

— Не это сейчас главное, — повышает голос инженер-полковник Шахов. — Важнее всего — раскрыть взрывную систему. Вы ничего тут по своей части не заметили, товарищ майор? — обращается он к Васину.

— Пока не замечаю, — смущенно признается майор. — Видимо, взрывчатка либо не получилась при просвечивании, либо находится где-то в самом центре «ежа»...

— Весьма возможно, что ее вообще нет, — замечает кто-то.

— А мы должны исходить из худшего — полагать, что «еж» все-таки заминирован, — убежденно заявляет Астахов.



— Абсолютно согласен с вами, — одобрительно кивает головой инженер-полковник. — Исходить будем только из этого. Нужно и искать, следовательно, если не взрывчатку, то механизм, подающий сигнал к взрыву. Это даже важнее, чем сама взрывчатка.

— А таким механизмом может быть только фотореле, — замечает молчавший до того капитан Уралов. — И вот один из его фотоэлементов.

— Один? — усмехается Шахов. — А я думаю, что не

один. «Ежу» для полной безопасности необходим круговой обзор, так сказать. И мне думается, что вот это пятнышко — тоже фотоэлемент.

— Да, пожалуй, — соглашается полковник Астахов. — Где-то, значит, должен быть выключатель этих фотоэлементов. В противном случае «еж» может ведь подорвать и своих хозяев... Но я не вижу тут никаких признаков такого выключателя. Может быть, он под кожухом?

— А я не думаю, что выключатель фотоэлементов находится под кожухом, — упрямо качает головой Шахов. — Он должен быть где-то на поверхности «ежа». Я даже догадываюсь, где именно. «Еж», видимо, сконструирован таким образом, что центр его тяжести смещен к одной из стенок. Тогда всякий раз, как только «еж» прекращает движение, эта стенка оказывается внизу и становится донной частью. Вот там-то, в каком-нибудь углублении, и нужно искать выключатель. Логично?

— Логично, — соглашается Астахов.

Посовещавшись еще некоторое время, все, кроме дежурных радистов, отправляются отдыхать. Операция по обезвреживанию «ежа» назначается на следующий день, когда возобновится инсценировка запуска «новой» ракеты.

21

В тот же день решается и вопрос: кто будет разминировать «ежа». Кандидатура Уралова бесспорна.

В помощь ему предполагается дать одного из техник-лейтенантов, но тут к полковнику Астахову является старший лейтенант Джансаев и почти слезно просит назначить помощником Уралова его.

— Вы были уже помощником у инженер-полковника Шахова, — строго замечает ему полковник. — Зачем же вам рисковать вторично?

— Потому и прошусь, что уже был, — с обезоруживающей улыбкой отвечает Джансаев. — Я вроде обстрелянный уже.

— Ну, а как вы на это смотрите, товарищ капитан? — обращается полковник к Уралову.

Капитану очень хочется, чтобы помощником у него был именно Джансаев, но ему жаль Ахмета — неизвестно ведь, чем еще может все это кончиться...

— Я тоже думаю, товарищ полковник, что вторично рисковать ему не следует.

— Ну, вот видите, товарищ Джансаев...

И все-таки Ахмет ухитряется уговорить их обоих.

— Ай-ай-ай... — укоризненно качает он головой. — Совсем, значит, нет в меня веры у товарища капитана? А ведь если бы не я в тот раз и не мой Шайтан, знали бы вы разве ахиллесову пяту «ежа»? Нельзя так, товарищ капитан... Несправедливо это. Прикажите ему, товарищ полковник, взять меня с собой...

От волнения Джансаев, безукоризненно владеющий русским языком, начинает вдруг говорить с акцентом.

— Ну что с ним поделаешь! — сдаваясь, восклицает Уралов. — Придется, видно, взять. Идемте, дружище Ахмет!

И Уралов крепко обнимает старшего лейтенанта за плечи.

— Ну, а теперь идите отдыхать, — советует им Астахов. — Завтра у вас будет нелегкий день.

Они ложатся спать в одиннадцать часов вечера и долго не могут заснуть. Около двенадцати Уралов осторожно поднимается с дивана и, стараясь не разбудить Астахова, выходит в небольшой дворик, за которым начинается степь. Долго стоит, запрокинув голову в звездное небо.

Темно и тихо вокруг, только лучи прожекторов изредка прощупывают территорию полигона, помогая солдатам капитана Хасанова нести их службу. Знает Уралов, что, кроме них, не спит сейчас и еще кто-то, дежуря у аппаратуры, засекающей импульсы, принимаемые и излучаемые «ежом».

Пора, однако, возвращаться — может быть, удастся все-таки заснуть.

...На рассвете Астахова и Уралова бесцеремонно будит Шахов:

— Вставайте! «Еж» исчез!

Полковник и капитан вскакивают почти одновременно.

— Как?.. Когда?.. — охрипшим голосом спрашивает Астахов.

— Неизвестно.

— Но как же так? — недоумевает полковник. — Без сигнала он ведь не мог ничего предпринять. Неужели прозевали сигнал?

— В том-то и дело, что не прозевали. Не было никакого сигнала. Я сам дежурил всю ночь вместе с инженер-капитаном Серегиным и двумя техниками. За всю ночь вообще не было зарегистрировано ни одного импульса ни на коротких, ни на ультракоротких.

— Так в чем же тогда дело? Чем объяснить его исчезновение?

— Я бы сам хотел это знать, — растерянно развел руками Шахов.

— А что, если ему это было заранее задано? — неожиданно произносит молчавший до сих пор Уралов.

— То есть как это задано?

— Когда наблюдал за ним вчера вечером Джансаев, он заметил, как «еж» с помощью перископчика изучал местность, — высказывает свое предположение Уралов. — Может быть, он присмотрел тогда более удобную позицию для наблюдения за стартовой площадкой полигона. Сообщил об этом во время передачи и получил задание перебраться туда ночью.

— Но почему ночью? Перекатывался же он и днем.

— А на какое расстояние? Всего пять-шесть метров. Да и то фактически не перекатывался, а переползал. А тут пришлось, видимо, преодолеть значительно большее расстояние, и, чтобы не привлечь случайно чьего-нибудь внимания, ему было предписано сделать это ночью.

— Не очень это убедительно, — качает головой Шахов. — Я скорее поверил бы, что мы чем-то насторожили хозяев «ежа» и они временно вывели его из игры.

— Но нужно ведь срочно что-то предпринять, — не очень уверенно произносит Астахов.

— А что? — пожимает плечами инженер-полковник. — Ходить искать его по полю, чтобы этим еще более насторожить его корректировщиков?

— А может быть, пришла пора ликвидировать этих

корректировщиков? — спрашивает Уралов. — Их ведь, наверно, уже обнаружили?

— В том-то и дело, что еще не обнаружили, — вздыхает Астахов.

— Тогда нужно набраться терпения, — предлагает Уралов, — и продолжать инсценировку запуска новой ракеты. Возможно, «еж» передаст об этом какую-нибудь информацию в течение дня.

Уралов, однако, не совсем уверен, что «еж» исчез бесследно. Перекатился, наверно, как и раньше, на несколько метров и лежит себе где-нибудь в траве. Вот взойдет солнце, посветлеет степь и беглец обнаружится.

И он не спешит к Джансаеву, который, конечно же, все глаза уже просмотрел, всматриваясь в чахлую растительность степи и подозревая в каждой кочке притаившегося «ежа». Умывшись, он собирается позавтракать, хотя и не чувствует никакого аппетита. А когда выходит на свежий воздух, направляясь в столовую, неожиданно решает:

«Надо немедленно идти к Джансаеву. Все равно ведь ничего не удастся проглотить в таком состоянии...»

Еще издали замечает он непривычно ссутулившуюся фигуру старшего лейтенанта.

— Что приуныли так, Ахмет? — деланно бодрым голосом спрашивает он.

Джансаев пытается объяснить ему что-то, но капитан перебивает его:

— Я уже в курсе дела. Не думаю, однако, что «еж» от нас удрал. Вот взойдет солнце...

— Э, какое там солнце! — сокрушенно машет рукой Джансаев. — И без него совсем уже светло. Вон там он вчера лежал, а теперь и след его простыл. Сами видите, на какое расстояние степь просматривается. Не заметили бы мы разве, если бы он поблизости был? Я ведь все тут просмотрел...

Укрыться от взора внимательного наблюдателя «ежу» действительно негде. Это ясно и Уралову, но он все еще не теряет надежды.

— Подождем все-таки солнышка, — говорит он. — В его лучах прорисуются тут все детали и обнаружится наш беглец.

— Ох, едва ли!.. — вздыхает Джансаев. — «Еж»

мастак маскироваться. До самой ночи, наверно, притаится теперь в каком-нибудь тайничке.

— А перископчик? Он непременно будет им манипулировать.

— Это пожалуй. Однако заметишь его разве? Он ведь как былинка, а их вон сколько вокруг. Нет, товарищ капитан, наш слишком несовершенный глаз этого не уловит. Тут необходимо специальное устройство, но нет еще, наверно, такого...

— Почему же? Специалисты по бионике уже сконструировали такое устройство, имитирующее лягушачий глаз.

— Лягушачий?

— Именно. И по той причине, что он способен поразному реагировать на движущиеся и неподвижные предметы. Эта способность дает лягушке возможность сосредоточивать внимание только на своей добыче. На летящей мошке, например. А информация о неподвижных предметах даже не поступает в ее мозг. Она отсеивается и не мешает мозгу производить расчеты для прыжка.

— Конечно, мозг лягушки не так сложен, как наш,— усмехается Джансаев, — однако это все-таки мозг.

— А что такое мозг? Система нервных клеток — нейронов. Ученые давно уже научились имитировать их работу. Живой нейрон может ведь находиться всего в двух состояниях: возбужденном и спокойном, точно так же, как и электрическая лампочка может лишь гореть или не гореть.

— Это-то я знаю. По этому принципу работают и электронные счетные машины.

— Ну так вам тогда легко себе представить, что путем соединения искусственных нейронов друг с другом или с какими-либо электронными приборами, как, например, с фотоэлементами, можно создать и такое устройство, которое будет имитировать работу глаза лягушки.

— Ну да, конечно, я представляю себе это. Но ведь у нас с вами нет такого устройства, — снова вздыхает Джансаев. — Надежда, значит, только на то, что «еж» начнет передавать какую-нибудь информацию и мы тогда запеленгуем его.

— Да, к сожалению, главная надежда действительно только на это, — соглашается капитан Уралов.

Теперь у пеленгаторов дежурят почти все сотрудники полковника Астахова. Лишь инженер-полковника удается отправить спать, но и он, отдохнув после бессонной ночи всего три часа, возвращается в штабную машину с пеленгационной аппаратурой.

Заметив хмурый вид Астахова, он оправдывается:

— Все равно почти не спал, а только нервную систему выматывал...

Время переваливает уже за полдень, а «еж» все помалкивает, хотя на стартовой площадке теперь оживленнее, пожалуй, чем вчера. Подполковник Загорский мастерски разыгрывает необычайную суету вокруг ракеты в связи с «неполадками» в ее системе управления.

— Прямо-таки настоящий МХАТ! — усмехается инженер-полковник Шахов.

Ничто, однако, не помогает — «еж» безмолвствует весь день. А вечером Астахову сообщают наконец, что республиканская оперативная группа государственной безопасности напала на след какой-то подозрительной личности именно в том районе, из которого предполагалась корректировка «ежа».

— А опытные ли люди в этой опергруппе? — с тревогой спрашивает Шахов.

— Вполне, — успокаивает его Астахов. — Ее возглавляет подполковник Бекбулатов, которого я лично знаю. Думается мне также, что корректировщик «ежа» давно покинул бы свой пост, если бы «еж» был выведен с полигона. Нужно, значит, в самом деле набраться терпения и ждать. Не сомневаюсь, что рано или поздно, но он еще подаст свой голос.

А ночью действительно удается засечь передачу «ежа». Она длится на сей раз целую минуту.

— Выговорился, значит, за весь день, — усмехается Шахов.

— Поверьте моему слову, — убежденно заявляет подполковник Загорский, — завтра они «обяжут» его информировать их и днем.

— Это почему же? — удивляется Шахов.

— А потому что наша ракета снова на стартовом столе. Это значит, что завтра мы должны будем ее запустить. Думаю, что хозяевам «ежа» интересно будет узнать об этом не ночью, а возможно скорее. Им ведь известно уже, что первый старт ее «сорвался».

— Да, пожалуй, это действительно должно их заинтересовать, — соглашается Астахов. — Значит, нам нужно с утра быть наготове. «Ежа» ведь запеленговали уже?

— Так точно, товарищ полковник! — докладывает Джансаев. — Мы теперь оборудуем возле него хорошо замаскированный окопчик, удобный для наблюдения.

— Нужен не один, а два таких окопчика, — приказывает Астахов.— Один будет для наблюдения, а второй, поближе к «ежу», для укрытия в случае возможного взрыва.

— Есть, товарищ полковник! Все будет сделано!

22

И вот капитан Уралов со старшим лейтенантом Джансаевым снова настороженно прислушиваются к шорохам электрических разрядов в наушниках радиотелефонов.

Внешне Уралов очень спокоен, но мысли его тревожны. Надо было бы написать письмо матери, мало ли что... Все ведь очень туманно. Выключателя фотоэлементов у «ежа», скорее всего, вообще нет. Да и зачем он нужен? Управляют ведь им издалека, а выкатывать его с полигона и разряжать никто, наверно, не собирается. Скорее всего, как только он сослужит свою службу, его подорвут специальным импульсом.

Беспокойные мысли Уралова нарушает Джансаев:

— А известно вам, товарищ капитан, как они этого «ежа» сюда закатили?

— Ну, это дело нехитрое.

— А все-таки?

— Через государственную границу его перевезли, конечно, в разобранном виде, по частям. Каждая отдельная деталь «ежа» была при этом, наверно, так рас-

членена, что догадаться о ее назначении не представлялось возможным. А осуществить перевозку всех этих деталей могли какие-нибудь иностранные «туристы». Весьма возможно даже, что «еж» прибыл в Советский Союз с дипломатической почтой какого-нибудь иностранного посольства.

— А потом кто-то из этих «дипломатов», наверно, подбросил его к развилке шоссе у юго-восточного участка нашего полигона, — хмуро замечает Джансаев. — Теперь я почти не сомневаюсь, что это именно так и было. Примерно месяц назад мои связисты линию там прокладывали и видели, как какая-то подозрительная машина слишком уж долго у той развилки «ремонтировалась». Я, правда, думал тогда, что это случайность, но доложил все-таки кому следует. Ваше начальство должно было бы знать об этом.

— О том, что к данному полигону проявляет интерес иностранная разведка, нашему начальству действительно давно уже известно, — подтверждает Уралов. — Кроме нас с полковником Астаховым, этим и другие ведь занимаются. Примерно полгода назад в вашем районе задержали какую-то подозрительную личность. Но тогда они и мечтать не могли проникнуть так близко к пусковым установкам полигона. А теперь вот «еж» дал им такую возможность. Наверно, они действительно сгрузили его у развилки шоссе. А потом уж, корректируемый специальными импульсами, покатился он в заданном направлении.

— А ведь такого «ежа» можно было бы на Луну или на какую-нибудь другую планету забросить, — задумчиво произносит Джансаев. — Сколько бы он интересных сведений передал на землю о наших космических соседях!

Потом они умолкают на некоторое время, пристально всматриваясь в ноздреватое тело «ежа». Уралов задумчив сегодня, да и у Джансаева что-то пропала охота разговаривать. В голову лезут назойливые мысли: «А что, если корректировщик нас все-таки засек?.. Не мог он разве догадаться, что нам известна ахиллесова пята «ежа»? Тогда ему ничего не стоит прервать его передачу на первой же секунде и предоставить все остальное фотоэлементам. А они сразу же сработают,

как только станет к ним поступать достаточное количество энергии, чтобы привести в действие фотореле, подключенное к взрывателю заряда «электронного шпиона».

У Джансаева даже дрожь пробегает по спине от таких мыслей...

Но вот наконец в наушниках радиотелефонов раздается условный сигнал. Капитан и старший лейтенант мгновенно выскакивают из окопчика и, пригнувшись, словно под огнем противника, стремительным броском преодолевают расстояние, отделяющее их от «ежа». И сразу же падают перед ним на траву. Какую-то долю секунды нервная спазма сковывает мышцы Уралова, но он тотчас же овладевает собой и протягивает руку к «ежу» с таким ощущением, будто кладет ее в пасть льву.

Ничего, однако, не происходит. Рука ощущает лишь твердую шершавую поверхность. «Еж» невелик, не больше футбольного мяча. Офицеры заранее договариваются, что капитан попробует перевернуть его, а старший лейтенант постарается хорошенько разглядеть со всех сторон. И вот Уралов без особых усилий переворачивает «ежа» набок, а Джансаев осматривает его нижнюю поверхность.

Она ничем не отличается от верхней. На ней не видно никаких углублений и кнопок. И вообще ни малейших признаков каких-либо креплений, резьбы или швов. Все тут монолитно. Единственная деталь, торчащая над корпусом «ежа», — это замысловатая антеннка.

Как ни мало уходит времени на осмотр всего этого, оно все же идет. В распоряжении офицеров остаются теперь всего десять секунд. И тогда, не спрашивая разрешения Уралова, Джансаев выхватывает из кармана кусачки и резким движением стискивает ими тонкий стерженек антеннки у самого ее основания.

Капитан пытается остановить его, но антенна уже у старшего лейтенанта, а времени в запасе — всего три секунды.

Раздосадованный самовольством Джансаева, Уралов делает ему знак немедленно уходить. И они мгновенно откатываются в сторону второго, ближнего к «ежу»

окопчика. Некоторое время лежат молча, переводя дух и осмысливая происшедшее...

— Не ругайте меня, товарищ капитан, — робко произносит наконец старший лейтенант. — Что же было делать?.. Не уходить же с пустыми руками?

Уралов не удостаивает его ответом.

— Зато теперь они над ним больше не властны, — убежденно заявляет Джансаев.

А капитан даже не понимает, о чем это он говорит. Кто над кем не властен? Это он о «еже», конечно... А ведь и в самом деле связь с ним теперь нарушена. Никуда он больше не пошлет информации, и ему никто ничего не прикажет. Это ведь совсем новая ситуация, и в ней нужно спокойно разобраться.

— Вы, значит, считаете, Ахмет, что он теперь неуправляем?

— Он же без связи, товарищ капитан! — горячо восклицает Джансаев. — А мы гарантированы от сюрпризов — кроме нас, никто уже его не взорвет.

— Но ведь и мы теперь не сможем к нему приблизиться, так как не будем знать, когда он начнет вести передачу...

А Джансаев так и сияет весь, хотя и сам он только сейчас окончательно осознает все значение своего поступка.

— Наоборот, товарищ капитан, именно теперь мы сможем подойти к нему безо всякого риска. Он если и заметит нас, то все равно никому уже не сообщит!

— Конечно же, черт побери! — радостно восклицает Уралов. — Спасибо, Ахмет! Ну, пошли же к нему...

— Не очень, однако! — предостерегающим жестом останавливает его Джансаев. — Фотореле у него ведь осталось...

— Конечно, Ахмет, — смеется капитан. — Но мы подойдем не ближе чем на полметра.

— Лучше на метр.

— Ладно, не возражаю, хотя уверен, что его фотоэлементы срабатывают не дальше чем за полметра.

Они снова лежат у «ежа» и спокойно рассматривают его.

Теперь он уже не кажется им коварным существом,

готовым к убийству. Просто слегка приплюснутый зеленый шар. Он, правда, может еще обороняться и причинить вред, может быть, даже убить кого-нибудь, но это уже не активная оборона. Теперь это будет лишь актом отчаяния...

— Надо, наверно, сообщить что-нибудь полковнику Астахову, — вспоминает наконец о начальстве старший лейтенант Джансаев, вопросительно глядя на капитана.

— Да, обязательно надо доложить ему обо всем, — спохватывается Уралов.

Он встает и почти бегом устремляется к рации. А радист командного пункта уже надорвал голос, выкрикивая его позывные.

— Наконец-то! — облегченно вздыхает он. — Живы вы, товарищ капитан? И старший лейтенант тоже? А мы тут за вас... Передаю микрофон товарищу полковнику.

— Товарищ Уралов?! — слышит капитан голос Астахова. — Ну как там у вас? В бинокль мы видали, что вы держали в руках этого «ежа»... Что? Обезвредили? Ну ладно, не рассказывайте, мы к вам сейчас приедем. Поздравляю вас, герои!

Астахов с Шаховым приезжают через десять минут. Спрыгнув с машины, полковник молча целует сначала Уралова, затем Джансаева. Его примеру следует инженер-полковник.

— Ну, докладывайте, как удалось с этим коварным существом справиться? — кивает Астахов на «ежа».

— А докладывать, собственно, и нечего, товарищ полковник Откусили мы у него антенну, и теперь он у нас во власти.

— И уже не взорвется?

— От этого мы не гарантированы. Неосторожным действием можно, конечно, вызвать его взрыв. Но теперь мы не торопясь подумаем, как предотвратить и это. А может быть, и предпринимать ничего не придется. Может быть, он тихо скончается естественной, так сказать, смертью — от истощения.

Полковнику это непонятно, но он не торопит капитана, ждет, когда тот сам все объяснит.

— А ведь это идея! — восклицает вдруг инженер-

полковник Шахов. — Нужно только заставить его работать непрерывно!

— Это уже сделали за нас его хозяева, — смеется счастливый Уралов. — Намереваясь получить как можно больше сведений об испытании нашей «новой» ракеты, они, конечно, перевели работу «ежа» на повышенный режим и переключить уже не смогут. Ни одной из их команд он теперь не примет. А мы постараемся, чтобы он не имел больше возможности заряжать свои батареи солнечной энергией и работал бы до полного истощения, передавая информацию, которая ни к кому уже больше не попадет.

— А корректировщики «ежа» еще существуют? — спрашивает Шахов. — Их не ликвидировали разве?

— Того, который обосновался тут у нас в квадрате двадцать ноль пять, подполковник Бекбулатов возьмет теперь, — сообщает Астахов. — Высота сто три, находящаяся в этом квадрате, уже окружена его оперативной группой. Взять корректировщика «ежа» они имели возможность еще утром, но я попросил их пока не делать этого. Опасался, что корректировщик успеет подать «ежу» сигнал к «самоубийству». Теперь эта опасность миновала, и я сообщу им сейчас, что они могут действовать.

...А спустя несколько дней полковник Астахов докладывает генералу:

— Я уже договорился с Министерством иностранных дел, товарищ генерал. Они назначили на завтра пресс-конференцию, на которую приглашены все аккредитованные у нас иностранные журналисты.

— А «экспонаты» у вас готовы?

— Да, товарищ генерал. «Еж» разобран на составные части, на каждой из которых стоит марка: «Made in...». Они ведь были совершенно уверены, что их «электронный Пауэрс», попав к нам в руки, непременно «покончит с собой» и скроет тайну своего происхождения. Объяснение его «анатомии» будет давать капитан Уралов.

— Пригласите ко мне этого капитана, — приказывает генерал.

И почти то же, что много лет назад на одном из фронтов Великой Отечественной войны сказал Астахову

командующий одной из наших армий, говорит теперь один из генералов Комитета государственной безопасности капитану Уралову:

— Так вот вы какой, Уралов!.. Ну, спасибо вам, товарищ капитан!

1962 г.

НИКОЛАЙ ТОМАН

Когда читаешь приключенческие повести Николая Владимировича Томана, все время думаешь: откуда автор столько знает?

Он свободно ориентируется во многих, совершенно различных областях знаний: в саперном деле, в криминалистике, в электронике и физике элементарных частиц. В повести «Что происходит в тишине» вместе с придуманными им героями он умело раскрывает в штабе армии противника телевизионное устройство, по которому просачивались к гитлеровцам сведения о перегруппировках наших войск. А в повести «Именем закона», действие которой разворачивается уже в мирное время, рассказывает о том, как сотрудники московской милиции с помощью меченых атомов разоблачают крупные злоупотребления в торговле и промышленности.

Для того чтобы проникнуть в творческую лабораторию писателя, нужно прежде всего познакомиться с его биографией.

Николай Владимирович Томан родился в 1911 году в Орле и детство провел на берегу Азовского моря, в уютном рыбацком городке Геническе. Морской горизонт перед Геническом обычно почти до самой зимы застилается парусами рыбачьих шхун и баркасов. Улицы городка, особенно вблизи порта, пахнут рыбой, и ветер приносит сюда соленое дыхание Сиваша. В таких городках живут скромные, мужественные люди с душою романтиков.

Будущий писатель учился и воспитывался в семье латышского коммуниста, участника Октябрьской революции и боев за Советскую власть. Фамилию отчима в знак благодарности за воспитание и первую жизненную закалку и стал носить Николай Владимирович, сын русского солдата Анисимова, участника первой мировой войны.

А дальше следуют этапы пути, очень характерные для людей поколения Николая Анисимова-Томана. Они проходили свои «университеты» в замасленных спецовках у слесарных верстаков, возле фрезерных и токарных станков, ухитряясь жить на скудную стипендию и отлично зная цену куска самостоятельно заработанного хлеба.

Возвратившись из Приазовья в родной Орел, Томан учится там в железнодорожном училище, а после его окончания работает помощником паровозного машиниста, заведует инструментальной мастерской, становится техником. Потом его выдвигают на должность инженера железнодорожного депо станции Москва-Пассажирская.

Работа на транспорте научила Томана знанию жизни. Он полюбил свою нелегкую профессию, и не случайно героями многих его книг стали железнодорожники. На страницах «Орловской правды» появляются его первые литературные произведения.

Два года — 1933 и 1934 — Николай Томан служит по призыву в Красной Армии, где овладевает специальностью сапера, который, как принято говорить, если уж ошибается, то только один раз в жизни.

Демобилизовавшись в звании командира саперного взвода, Томан работает в редакции знаменитой железнодорожной газеты «Гудок», где работали такие известные писатели, как Валентин Катаев, Илья Ильф, Евгений Петров и Юрий Олеша.

А осенью 1938 года молодого литератора, автора двух книг, снова призывают в армию. Офицером-сапером он участвует в освобождении Западной Белоруссии. Когда же на освобожденной белорусской земле провозглашается Советская власть, военный эшелон увозит Томана с севера на запад, на Карельский перешеек.

После заключения мира с Финляндией, Томан продолжает военную службу в Закавказье и знакомится там с новым для себя краем. Демобилизуют его в конце 1940 года. К этому времени уже много увидено, немало пережито. Кажется, можно спокойно сесть за письменный стол и продолжать литературную работу, начатую еще в 1930 году. Но военная шинель Томана, пропахшая травами полесских болот, запахами карельских лесов и выцветшая под жарким солнцем Закавказья, недолго висит рядом с его штатской одеждой. Он уходит на фронт в первые дни Великой Отечественной войны. Участвует в обороне Сталинграда, в битве на Орловско-Курской дуге, в сражениях за Прибалтику. Всю вторую половину войны служит он в штабе инженерных войск гвардейской армии, в котором наряду с другими обязанностями ведает инженерной разведкой.

В 1942 году, когда гитлеровцы доходят до Волги и угрожают Сталинграду, Томан подает заявление с просьбой принять его в ряды Коммунистической партии.

После этой краткой биографической справки читателю нетрудно сопоставить реальную жизнь, которая окружала писателя, с правдоподобием творческого домысла в его книгах.

Сперва рабочая, а затем большая военная школа повлияли на все творчество Томана. Круг его интересов широк и многообразен. Он занимался почти всеми видами спорта и даже акробатикой. Любовь к цирку и акробатике вызвали впоследствии к жизни его книгу «В созвездии Трапеции». В ней Николай Владимирович выступает уже не только как писатель-приключенец, но и в жанре научной фантастики.

Первая книга Томана была опубликована в 1933 году. С тех пор вышло отдельными изданиями около двадцати его книг,

общий тираж которых составляет два с половиной миллиона экземпляров.

Основная тема приключенческих произведений Николая Владимировича — умная, полная опасностей, самоотверженная борьба советской разведки с врагами родины. В повести «На прифронтовой станции» (1951 г.) автор ставит перед своими героями трудную психологическую задачу. Майор Булавин путем долгих и сложных поисков обнаруживает на прифронтовой станции гитлеровского агента Гаевого. Хорошо зная жизненные силы советского народа, Булавин и его командование включают в свои расчеты именно эти моральные факторы и потому побеждают врага.

Повесть «В погоне за Призраком» (1955 г.) тоже посвящена поиску замаскированного врага, но международный шпион, по кличке «Призрак», значительно сложнее Гаевого Идущим по его следу чекистам — майору Ершову и его помощнику лейтенанту Малиновкину приходится применять куда более тонкие уловки, чтобы обезвредить врага, работающего, как принято выражаться в контрразведке, «под крышей» кандидата наук, археолога Мухтарова. Томан не боится показывать врага умным, хитрым и изворотливым. И от этого напряженность повествования, развитие его сюжета только выигрывают, а внутренние качества чекистов раскрываются глубже и полнее.

В повести «Взрыв произойдет сегодня», вышедшей в 1948 году, Николай Томан смело поставил вопрос о доверии к человеку. Секретарь районного комитета партии Дружинин верит старому кузнецу Хмелеву, хотя у человека недалекого были бы основания подозревать Хмелева в измене. Эта моральная поддержка Дружинина вдохновляет Хмелева на поиски секрета заминированной гитлеровцами плотины, и тем самым Хмелев окончательно себя реабилитирует.

Книги Томана повышают чувство бдительности и вызывают уважение к трудной и многогранной профессии чекистов. Писатель показывает, как новейшие достижения науки и техники, используемые врагами нашей страны для разведывательных целей, заставляют советских контрразведчиков неустанно повышать свои знания, быть на уровне века.

В повести «Made in...» сотрудники нашей контрразведки находят и ликвидируют электронного шпиона. Он заброшен на секретный советский ракетодром и передает оттуда иностранной разведке сведения об испытаниях новых видов наших ракет. В начале читатель, приученный многими приключенческими книгами к тому, что шпионские задания выполняют живые тайные агенты, настораживается: «Уж не переборщил ли автор?» Но, оказывается, и такое может быть!

Умная повесть «Made in. .» тематически как бы продолжает повесть «Что происходит в тишине», только ее героям приходится решать теперь гораздо более сложные задачи, связанные с техническим прогрессом в области военной техники.

Как и все другие книги Николая Томана, повесть «Made in.. » говорит читателю: «Враг коварен и хитер. Он идет на все, чтобы разведать наши сокровенные тайны». Чтобы противостоять такому врагу, надо постоянно совершенствовать свой опыт и знания, объ-

явить войну консервативным представлениям о шпионаже. Мы иногда жестоко расплачивались за то, что успокаивали себя мнимой тишиной. В наш век кибернетики, глобальных ракет и водородных бомб ей нельзя доверять ни на минуту.

Достоинство книг Николая Томана, их благородное назначение заключается в том, что они не просто развлекают хитросплетениями сюжетных ходов, но прежде всего обостряют внимание читателя, воспитывают уважение и любовь к работникам государственной безопасности, приучают логически мыслить.

Владимир БЕЛЯЕВ

СОДЕРЖАНИЕ

В. АРДАМАТСКИЙ

«Я 11-17» 7
Ответная операция 111
Сергей Баруздин. Василий Ардаматский 300

Н. ТОМАН

Что происходит в тишине 305
Взрыв произойдет сегодня 365
В погоне за Призраком 416
«Made in...» 544
Владимир Беляев. Николай Томан 610

Ардаматский Василий Иванович

ОТВЕТНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Томан Николай Владимирович

В ПОГОНЕ ЗА ПРИЗРАКОМ

Ответственные редакторы
М. С. Брусиловская и *И. В Пахомова*
Художественный редактор
М. Д. Суховцева
Технический редактор
М А Кутузова
Корректоры *Л. М Короткина* и
Г. В Русакова
Сдано в набор 29/XII 1966 г Подписано к печати 13/XI 1967 г. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Печ. л. 19,25. Усл. печ. л. 32,34. (Уч.-изд. л. 32,13). Тираж 300 000 экз (2-й завод 100 001—300 000). А03896. Цена 1 р. 22 к. на бум. № 1.
Издательство «Детская литература»
Москва, М. Черкасский пер , 1.
Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Ленинград, Гатчинская ул., 26. Заказ № 1396.

Пр. 2236